

Дх
4906
н1

Дх

А. Сорель.

Европа и Французская
революция.

Том первый

Политические нравы и традиции.

148 + 9(4)4
C65

А. СОРЕЛЬ

Лыняев
С. Петерб.
30/IX 19

ЕВРОПА И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(L'EUROPE ET LA RÉVOLUTION FRANÇAISE)

СОЧИНЕНІЕ, УДОСТОВЕРЕННОЕ ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІЕЙ БОЛЬШОЙ ПРЕМІИ GOBERT'A.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ПРОФЕССОРА СПБ. УНИВЕРСИТЕТА

Н. И. КАРЪЕВА.

~~2997~~

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРАВЫ И ТРАДИЦІИ

44 51 52
Исторический кабинет
Изд. № 3177

3ab

275193
Фотодупликация
библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1892.

41

DX
4906
N1

Сверено
1991 г.

289 7/90

ГНУБ СО АН ССР
Гос. ун-та. Науч.-исл.
библиотека

ОГЛАВЛЕНИЕ I ТОМА

	СТР
Введение	1

КНИГА I.

Политическіе нравы и реформы.

Глава I. Политическіе нравы	7
" II. Правительства и реформы	73
" III. Вліяніе французскаго духа	116

КНИГА II.

Политическія традиціи Франціи.

Глава I. Нація и правительство	147
" II. Внѣшняя политика	194

КНИГА III.

Политическія традиціи въ Европѣ.

Глава I. Англія	269
" II. Голландія	286
" III. Испанія	293
" IV. Италія	303
" V. Германія	318
" VI. Австрія	349
" VII. Пруссія	367
" VIII. Россія, Швеція, Польша и восточныя дѣла	397
Заключеніе	420

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Сочиненіе Сореля «L'Europe et la révolution française», появляющееся въ настоящемъ переводѣ на русскомъ языкѣ, — одно изъ наиболѣе крупныхъ и выдающихся по своимъ достоинствамъ сочиненій, посвященныхъ такой важной эпохѣ въ исторіи не одной Франціи, но и всей Европы, какъ переворотъ конца XVIII вѣка, унесшій «старый порядокъ» и положившій начало новымъ отношеніямъ. Первый томъ этого труда вышелъ въ свѣтъ въ 1885 г. и тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе, какъ серьезная историческая работа; но послѣ того планъ автора значительно еще расширился. Издавая первый томъ, Сорель думалъ ограничиться эпохой, которая заключается прекращеніемъ дѣятельности Конвента, но уже самое начало введенія указывало на другой предѣлъ взятой авторомъ исторической эпохи; и въ самомъ дѣлѣ сочиненіе, рассчитанное первоначально на три тома (I. Les mœurs politiques et les traditions. II. La chute de la royauté. III. La Convention), вышло изъ этихъ рамокъ. То, что должно было составить третій томъ, разрослось до двухъ томовъ, и когда въ прошломъ 1891 г. появилась третья часть, охватывающая 1792—93 гг. (La guerre aux rois), читатели узнали о томъ, что готовится и четвертая часть, съ недавнимъ (1892 г.) выходомъ которой подъ заглавіемъ «Les limites naturelles» первоначальный планъ Сореля былъ окончательно выполненъ. Теперь авторъ обѣщаетъ идти далѣе 1795 г., на которомъ предполагалъ остановиться; и имъ уже объявлено о томъ, что готовятся къ печати пятый и шестой томы, которые будутъ заключать въ себѣ исторію двадцатилѣтія между 1796 и 1815 годами.

Альбертъ Сорель (род. въ 1842 г.), secrétaire général de la Présidence du sénat, состоящій въ то же время профессоромъ въ Свободной школѣ политическихъ наукъ (École libre des sciences po-

litiques), началъ свою учено-литературную дѣятельность на поприщѣ науки международного права. Ему принадлежатъ: *Le traité de Paris du 20 novembre 1815*, двухтомная «*Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande*» (1875), учебникъ международного права (1876, второе изданіе 1887), *La question d'Orient au XVIII siècle* (1878 и 1889), редакция одной изъ частей *Recueil des instructions données aux ambassadeurs de France* (1884). Кромѣ того, онъ издалъ *Essais d'histoire et de critique* (1883) и маленькую книжку о Монтескьё (1887) въ извѣстной серіи *Les grands écrivains français*. Сочиненіе по французской революціи прямо примыкаетъ къ занятіямъ автора исторіей международныхъ отношеній, такъ какъ Сорель задумалъ въ немъ изобразить не одни внутреннія отношенія Франціи, но главнымъ образомъ значеніе революціи для всей Европы, что прямо ставило передъ нимъ задачу исторіи и международной политики въ эту эпоху, хотя въ то же время онъ обращаетъ вниманіе и на внутреннюю исторію европейскихъ государствъ, не говоря уже объ изображеніи событій, совершавшихся въ самой Франціи. Подобную цѣль уже ставилъ себѣ раньше нѣмецкій историкъ Зибель въ своей *Geschichte der Revolutionszeit* (переведенной и по-русски), но кто только будетъ сравнивать труды Зибеля и Сореля, самъ увидитъ, насколько выше французскій трудъ и по постановкѣ вопроса, и по общему построенію, и по широтѣ взгляда, и по научному безпристрастію. Пишущій эти строки намѣревается по выходѣ въ свѣтъ всего труда сдѣлать ему подробную оцѣнку, въ которой сравненіе Сореля, какъ историка, съ Зибелемъ должно будетъ особеннымъ образомъ выяснить выдающіяся достоинства книги Сореля.

Во французской исторіографіи трудъ Сореля примыкаетъ къ извѣстному сочиненію Токвиля «*L'ancien régime et la révolution*» (есть и по-русски). То, что Токвиль сдѣлалъ для Франціи, Сорель примѣняетъ ко всей Европѣ, доказывая, что французская революція, которая представляется для однихъ ниспроверженіемъ, для другихъ—возрожденіемъ стараго европейскаго міра, есть не что иное, какъ естественное и необходимое продолженіе (*suite*) исторіи Европы, и что у революціи не было ни одного слѣдствія, даже самаго необычайнаго, которое не вытекало бы изъ этой исторіи и не объяснялось бы прецедентами стараго порядка. Въ этомъ отношеніи особое значеніе имѣетъ первый томъ труда Сореля, который можно было бы назвать обзоромъ внутренней исторіи европейскихъ государствъ въ XVIII вѣкѣ, составленномъ подъ однимъ, опредѣ-

леннымъ угломъ зрѣнія. Притомъ онъ существеннымъ образомъ дополняетъ даже для Франціи ту ея картину въ XVIII вѣкѣ, какую начертываетъ Тэнъ въ первомъ томѣ своихъ «*Origines de la France contemporaine*» (переведенномъ и на русскій языкъ). Тэнъ—психологъ въ исторіи: соціологическая сторона послѣдней ему мало понятна; Сорель—именно политикъ, распутывающій тѣ отношенія, въ коихъ Тэнъ часто какъ бы теряется. Этого мало: Тэнъ обѣщалъ въ началѣ перваго тома своего труда, пятый томъ коего (*Le régime moderne*, часть первая) вышелъ недавно, отнестись къ «старому порядку», революціи и новой Франціи какъ натуралистъ, изучающій превращенія насѣкомаго, но онъ даже не сохранилъ безпристрастія судьи, не говоря уже о безстрастнѣ естествоиспытателя, на которое онъ претендуетъ. Поразительный контрастъ ему въ этомъ отношеніи составляетъ авторъ неоконченнаго (вышло два съ половиною тома) сочиненія, подъ заглавіемъ «*La chute de l'ancien régime*», Chérest, который, будучи консерваторомъ, приступилъ, какъ самъ онъ заявляетъ, къ изученію эпохи (1787—89 гг.) съ предвзятою мыслью, отъ которой отказался, послѣ того, какъ познакомился съ источниками: хотѣлъ выступить въ роли обвинителя и превратился въ безпристрастнаго судью. Иное дѣло—Тэнъ: его исторія революціи, начатая съ намѣреніемъ автора сдѣлать изъ нея чисто объективное изслѣдованіе, превратилась въ памфлетъ, хотя памфлетъ въ трехъ томахъ, съ массою новаго матеріала, съ блестящими страницами и интересными выводами, съ коими наука будетъ считаться. Сорель тѣмъ и важенъ, что онъ подходит къ своему предмету безъ quasi-натуралистическихъ претензій Тэна и безъ предвзятыхъ мыслей въ ту или другую сторону, подходит, какъ ученый историкъ, имѣющій передъ собою опредѣленную научную задачу и, нужно замѣтить, основательную подготовку.

Когда пишутся эти строки, въ подлинникѣ существуютъ лишь двѣ трети всего труда, но этой его части совершенно достаточно для того, чтобы съ нетерпѣніемъ ожидать его завершения. Нужно надѣяться, что и среди русскихъ читателей сочиненіе Сореля будетъ пользоваться такимъ же почетомъ, какимъ оно пользуется у соотечественниковъ талантливаго историка и вездѣ, гдѣ умѣютъ цѣнить серьезныя произведенія исторической литературы.

Н. Карѣвъ.

С.-Петербургъ,
18 апрѣля 1892 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Война между Европой и французской революціей длилась около четверти столѣтія. Она началась при Вальми и закончилась только при Ватерлоо. Соединенная Европа восторжествовала надъ французскими арміями, но нельзя сказать, чтобы Франція вышла изъ борьбы побѣжденной. Она предприняла ее, чтобы отстоять свою національную независимость, неприкосновенность своей территоріи, реформы, проведенныя ею въ своихъ законахъ и политическомъ строѣ. За миръ она уплатила лишь возвращеніемъ завоеванныхъ ею территорій; она вернулась въ свои старые предѣлы: цѣлость націи не была нарушена. Существенные результаты, данныя революціей, уцѣлѣли. Франція сохранила гражданскій кодексъ и представительный образъ правленія. Этого было достаточно, чтобы увѣковѣчить дѣло 1789 года и дать ему возможность принести всѣ свои плоды въ будущемъ.

Я хотѣлъ бы собрать воедино главныя черты этихъ событій и отыскать въ нихъ то, что составляетъ самую сущность ихъ исторіи, отдаленныя причины тѣхъ «великихъ ударовъ, которые отражаются на столь далекомъ разстояніи» ¹⁾. Неожиданныя перипетіи этой долгой трагедіи, обширность театра, заключающаго въ себѣ всю Европу, множество дѣйствующихъ лицъ, рѣзкіе переходы отъ героическихъ сценъ къ ужасающимъ картинамъ, эпизоды, полные увлекательнаго интереса, наконецъ весь трескъ катастрофы смущаютъ душу зрителя и не позволяютъ ему уловить общую нить, связывающую отдѣльные факты. Но какъ ни удивительны эти событія въ моментъ ихъ кризисовъ, еще удивительнѣе соотношеніе между ними и ихъ послѣдовательная связь.

Французская революція, съ самаго начала ея и единственно лишь въ силу своего основного принципа, подрываетъ самыя основанія и разрушаетъ все зданіе старой монархической Европы. Она провозглашаетъ верховенство народа, объявляетъ свои доктрины очевидными и міровыми истинами, угро-

¹⁾ BOSSUET. *Discours sur l'histoire universelle*, 3 partie, ch. VIII.
СОРЕЛЬ, т. I.

жасть всѣмъ установленнымъ властямъ, приглашаетъ всѣ народы къ возстанію и освобожденію. Всего поразительнѣе здѣсь не характеръ ученія, не задоръ пропаганды, а равнодушіе европейскихъ правительствъ. Они не понимаютъ знаменательныхъ признаковъ, указывающихъ на приближеніе грозы; гроза разразилась—они смотрятъ на нее съ эгоистическимъ равнодушіемъ и пугаются лишь тогда, когда потокъ вышелъ изъ береговъ и грозилъ затопить ихъ собственныя владѣнія.

Не сѣмѣвъ понять опасности, правительства не смогли и отвратить ее. Они противопоставляютъ ей безсвязныя усилія, мѣры, полныя противорѣчій, неудачные планы. Угрожаемыя со стороны возставшаго народа и разрушительнаго ученія, они не имѣли ни консервативнаго принципа, который могли бы противопоставить ученію, ни публичной силы для противодѣйствія возмущенію. Все ниспровергнуто во Франціи, все уцѣлѣло въ Европѣ. У Франціи нѣтъ ни правительства, ни казны, едва сохранились у нея кадры арміи. Старыя монархіи располагаютъ всѣми ресурсами сильныхъ правительствъ: арміи поставлены на военную ногу, генералы, изучившіе войну въ теоріи и на практикѣ, командуютъ опытными и послушными солдатами. На ихъ сторонѣ умѣніе, дисциплина, численность, оружіе, боевые запасы. Казалось бы, что Франція должна была пасть. Но противъ ожиданія анархія организуется, а организованная сила разлагается. Франція побѣждаетъ коалицію, она дѣлаетъ нѣчто еще болѣе удивительное: она ее разъединяетъ. «Эти разбойники,—писалъ одинъ изъ союзныхъ монарховъ²⁾, —не хотятъ ни друзей, ни враговъ, имъ нужны только соучастники и жертвы». Кромѣ Англіи, которая впрочемъ завоевала для себя французскія колоніи и надѣялась ихъ сохранить, всѣ союзныя державы по очереди идутъ на мировую сдѣлку и становятся соучастниками побѣдителей, чтобы раздѣлить съ ними наслѣдство, оставленное жертвами. Крестовый походъ противъ революціи, предпринятый королями для защиты установленнаго права, приводитъ къ раздѣлу континента между защитниками монархическаго права и тѣми, кто получилъ свою власть отъ революціи. Старая Европа кончается полнымъ цинизма банкротствомъ.

Чтобъ вступить въ соглашеніе съ революціей, Европа отрекается отъ своего принципа; чтобы поладить со старой Европой, французская революція извращаетъ свой собственный принципъ. Франція торжественно отказывалась отъ завоеваній. Она приносила миръ вселенной, она приглашала народы составить всеобщій союзъ: говорилось, что тиранія ихъ разъединила, свобода должна соединить. Въ чемъ имъ завидовать другъ другу, когда всѣ будутъ равно

²⁾ Инструкція Екатерины II своему посланнику въ Берлинѣ, отъ 6 іюня 1794. Мартенсъ. *Русско-германскіе трактаты*. Т. II, стр. 167. Петербургъ. 1883.

счастливы? Война разразилась; нѣкоторымъ показалось, что она окончательно утвердить господство чудной утопіи. Къ несчастію случилось нѣчто, болѣе согласное съ природою вещей и человѣческими страстями: побѣда внушила революціи воинственныя стремленія. Война, начатая во имя защиты французской территоріи, завершилась вторженіемъ въ чужіе предѣлы; предпринявъ завоеванія съ освободительными цѣлями, Франція приняла участіе въ раздѣлахъ, чтобы ихъ сохранить.

Но, получая выгоды отъ войны, она подчинялась и общему закону войны. Французы вложили въ армію духъ революціи, онъ остался въ ней. Воскресшій Римъ далъ жизнь Цезарю. Бонапартъ предсталъ передъ Франціей и Европой, какъ орудіе революціи. Франція увѣровала въ его миссію: такимъ образомъ объясняется тотъ энтузіазмъ, который онъ возбудилъ къ себѣ. Европа пыталась сопротивляться ему: онъ ее укротилъ не одною силою оружія, но и политикой. Геній сдѣлалъ его мастеромъ войны, алчность его противниковъ отдала миръ въ его распоряженіе, который въ его рукахъ сталъ опаснѣе войны. Тогда Франція и Европа представили одно и то же зрѣлище. И люди, создавшіе революцію, и люди, боровшіеся противъ нея, очутились въ одинаковомъ рабствѣ. Во Франціи изъ рядовъ самыхъ яростныхъ демократовъ возникаетъ цѣлая аристократія царевубійцъ, а въ Тюильри, рядомъ съ графомъ, сочинившемъ законъ о подозрительныхъ, мы встречаемъ принца, предсѣдательствовавшего въ комитетѣ общественнаго спасенія; въ Европѣ государи, происходящіе изъ самыхъ древнихъ царственныхъ домовъ, принимаютъ королевскую корону изъ той же самой руки, которая раздавала въ Парижѣ эти странныя инвеституры и однимъ почеркомъ пера упраздняла цѣлыя династіи. Въ 1808 революція имѣла на континентѣ только союзниковъ или побѣжденныхъ. Она навязала себя государствамъ, ей оставалось еще сокрушить послѣдній оплотъ, за которымъ еще хоронились эти поработанные или подкупленные короли—ихъ семью. Революція оставалось отнять единственное преимущество, которымъ они могли теперь кичиться: чистоту крови, которая составляла ихъ гордость и дѣлала изъ нихъ какъ бы отдѣльную расу среди европейскихъ народовъ. Это совершилось въ 1810. Человѣкъ, въ которомъ Меттернихъ видѣлъ «воплощеніе революціи»³⁾, женился на правнучкѣ императрицы Маріи Терезіи. Едва минуло семнадцать лѣтъ съ той поры, какъ Марія Антуанетта погибла на эшафотѣ, и уже другая австрійская эрцгерцогиня возсѣла на ея мѣсто на французскомъ престолѣ, рядомъ съ Наполеономъ. Для старой Европы это было самое необыкновенное событіе въ исторіи революціи.

Для Франціи результаты этихъ событій были еще болѣе достойны удивленія.

³⁾ *Mémoires*, t. I, p. 51. Paris 1882.

Въ 1792 она возвѣстила войну королямъ и миръ народамъ. Она восторжествовала надъ королями, но пала подъ напоромъ народовъ. Революція остановилась во Франціи и, такъ сказать, застыла въ военномъ деспотизмѣ; но благодаря этому самому деспотизму, она продолжала распространяться въ Европѣ. Завоеванія распространяли ее среди народовъ. Выродившись и извратившись, она все-таки сохраняла достаточно энергіи, чтобъ волновать ихъ, и какъ ни искаженъ былъ языкъ свободы въ военныхъ лагеряхъ, все же онъ еще глубоко потрясалъ души. Война удивительно упрощала карту Европы. Множество границъ исчезло; націи, недавно еще раздѣленные, такъ сказать, на части, соединились. Въ то самое время, какъ благодаря своимъ арміямъ Франція сближала такимъ образомъ людей путемъ знакомства съ произведеніями своихъ мыслителей, она учила ихъ, что для націй нѣтъ ничего прекраснѣе независимости, что вѣрнѣйшій путь пріобрѣсти ее—союзъ между ними, что народамъ принадлежитъ верховная власть, и первое употребленіе, которое они обязаны изъ нея сдѣлать,—это стать свободными. Народы безъ труда поняли этотъ языкъ, поняли также примѣръ, данный Франціей въ 1792 г. Не поняли они только того, что, говоря такимъ языкомъ и давая такой примѣръ, Франція стремилась къ тому, чтобы ихъ поработить и извлечь изъ нихъ выгоду. Къ тому же они не дѣлали различія между ею и человекомъ, который ею управляетъ; они не разыскивали черезъ какія фазы прошла французская революція и какимъ образомъ республика превратилась въ имперію; они знали революцію только подъ формой завоеванія. Подъ этой формой она распространяла въ средѣ народовъ свои принципы, подъ этой формой, и именно въ силу этихъ самыхъ принциповъ, народы возненавидѣли ее. Они возмущались противъ ея господства.

Короли Европы, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ и своимъ рутиннымъ средствамъ управления, были побѣждены націей, которая сражалась съ энтузіазмомъ, сначала ради своей независимости, а затѣмъ—ради славы. Когда европейскія націи начали войну, роли перемѣнились: теперь уже Франція была предоставлена исключительно ресурсамъ своего государства, Европа обратила противъ нее ея собственное оружіе. Весьма естественнымъ послѣдствіемъ было то, что европейскія націи не устояли противъ дѣйствія тѣхъ самыхъ страстей, которыя ихъ подняли, и, вооружившись ради собственной независимости, остались вооруженными ради мщенія и завоеванія. Каждая вложила въ борьбу ненависть, злопамятство, честолюбивые виды, которые глухо накапливаются въ камахъ и которыя внезапно проявляются во время великихъ кризисовъ, подобно скрытымъ вулканамъ, обнаруживаемымъ во время землетрясеній. Толчокъ былъ такъ силенъ, что Европа и теперь еще продолжаетъ испытывать его влія-

ніе. Конецъ войнъ, вышедшихъ непосредственно изъ французской революціи, обозначаетъ начало революціи въ Европѣ, послѣдствія которой слишкомъ тяжело легли на Францію. Это—выступленіе національнаго принципа. Французская революція ознаменовала его возникновеніе; но вмѣсто того, чтобы принести старому міру принципъ порядка и умиротворенія, новая эра вносила въ него еще болѣе внутренняго раздѣненія, отдавала его въ жертву болѣе сильному соперничеству, грозила ему еще невиданными дотогѣ раздорами.

Эти необыкновенные перевороты, этотъ неожиданный ходъ вещей, связывающихъ такіе повидимому противорѣчивыя событія, не могутъ однако быть объяснены случайными причинами. Если произвольно сближать отдаленные одинъ отъ другого факты, то кажется, что они совершенно не зависятъ другъ отъ друга; но, разсматривая эти факты въ ихъ послѣдовательной связи, мы увидимъ, что каждый изъ нихъ находится въ тѣсной зависимости съ предыдущимъ, и отъ одного къ другому устанавливается цѣлая ихъ цѣпь. Такъ что относительно этой великой революціи новѣйшаго времени можно повторить слова Боссеюта о революціяхъ древности: «Все кажется удивительнымъ, если разсматривать только частныя причины, и тѣмъ не менѣе все идетъ съ правильною послѣдовательностью».

Вотъ эту-то послѣдовательность и желалъ бы я отбѣнить въ исторіи Франціи и Европы во время французской революціи, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшій періодъ этой революціи, т. е. до конца Конвента. Всѣ причины событій были тогда уже даны, главнѣйшіе результаты выяснились, всѣ основныя отношенія опредѣлились. Чтобъ понять ихъ, необходимо разсмотрѣть, каковы были, въ концѣ стараго режима, отношенія между государствами и состоянія европейскихъ народовъ, на какихъ принципахъ основывалось международное общеніе, какія правила руководили ихъ образомъ дѣйствій, какіе виды общественнаго интереса или частной выгоды управляли ихъ политикой; какія идеи были распространены между націями, какія чувства волновали душу людей, наконецъ, въ какихъ условіяхъ находились правительства и народы, когда началась великая агонія стараго міра, которая потрясла почву, привела въ движеніе арміи и заставила всѣхъ европейцевъ покинуть свои жилища, чтобъ ринуться въ общую схватку. Принципы французской революціи были отвлеченны и всеобщі; это способствовало ихъ быстрому распространенію и это же было причиной того, что они принесли результаты столь различные, смотря по той средѣ, въ которой они распространялись. Эти прекрасныя идеи сохраняютъ свою метафизическую чистоту только въ сознаніи философа или въ разумѣ математика. Матѣйшее вліяніе со стороны жизни видоизмѣняетъ и разлагаетъ ихъ. Тотъ, кто желаетъ примѣнить ихъ къ дѣлу—отождествляетъ ихъ съ собой и, присвоивая ихъ себѣ, извращаетъ. Діалектика ускользаетъ отъ

большой массы людей. Они не принимают идеи, какъ законъ, по которому обязаны мыслить, они принимаютъ его за форму, въ которую беспорядочно бросаютъ всё тѣ инстинкты, чувства, знанія, предрасудки и заблужденія, которые накопились въ нихъ вслѣдствіе плохого воспитанія, отрывочнаго опыта, соединеннаго вліянія семьи и отечественныхъ условій. Химикъ анализируетъ воздухъ и переводитъ его въ формулы; народъ имъ дышетъ и, смотря по зародышамъ, которые содержитъ этотъ воздухъ, смотря по органамъ, въ которые проникаетъ, онъ приноситъ людямъ лихорадку или здоровье.

Чистый разумъ—не дѣло политиковъ, которые руководятся государственной пользой, и не дѣло народовъ, движимыхъ своими страстями. Но какъ для государства, такъ и для народовъ существуютъ традиціи столь же древнія, какъ ихъ исторія, потому что онѣ берутъ начало изъ одного съ нею источника и развиваются параллельно съ нею. Ихъ дѣйствіе на умы чисто инстинктивное; и тѣмъ болѣе оно властно, что умы менѣе всего думаютъ ему подчиняться. Въ кризисахъ, которые захватываютъ человѣка врасплохъ, онъ не находитъ въ себѣ иного ресурса и волей-неволей, сознательно или безсознательно, уступая или сопротивляясь, онъ неминуемо поддается вліянію унаслѣдованныхъ началъ и господствующихъ въ немъ самомъ и вокругъ него страстей. Съ этими-то данными онъ принимаетъ новыя идеи и пытается ихъ осуществить. Французы и другіе европейскіе народы именно такимъ образомъ истолковывали принципы революціи и приспособляли ихъ къ традиціямъ своего прошлаго.

Я не имѣю притязаній на полное и всестороннее объясненіе этихъ великихъ историческихъ явленій, но сочту свой трудъ не бесполезнымъ, если съумѣю показать, что французская революція, которая представляется для однихъ ниспроверженіемъ, для другихъ—возрожденіемъ стараго европейскаго міра, есть не что иное, какъ естественное и необходимое продолженіе европейской исторіи, и доказать, что у революціи не было ни одного слѣдствія, даже самаго необычайнаго, которое не вытекало бы изъ этой исторіи и не объяснялось бы прецедентами стараго порядка.

КНИГА I.

Политическіе нравы и реформы.

ГЛАВА I.

Политическіе нравы.

I.

Принимаясь за чтеніе этой исторіи необходимо освободиться отъ предубѣжденій, въ силу котораго Европу стараго режима представляютъ себѣ рядомъ государствъ, правильно организованныхъ, гдѣ каждый, согласовавъ свое поведеніе съ принципами, признанными всѣми, гдѣ на уваженіи къ установленному праву основывались всѣ соглашенія и трактаты, гдѣ послѣдніе исполнялись со всею добросовѣстностью, гдѣ чувство солидарности между монархіями обеспечивало, вмѣстѣ съ поддержкою общественнаго порядка, прочность обязательствъ, принятыхъ государями. Эта «христіанская республика», какъ ее называли, была, въ новыя времена, не что иное, какъ величавая отвлеченность. Былъ одинъ моментъ въ средніе вѣка, когда она какъ будто осуществилась; но этотъ неопредѣленный обрисъ исчезъ въ то же время, какъ разлеталась великая мечта папства, то есть управленіе католическимъ міромъ посредствомъ теократіи. Возрожденіе уничтожило и эту идею, какъ уничтожало и феодальную систему, и схоластическую философію. Сохранились одни туманныя воспоминанія, которыми убаюкивали себя утописты.

Европа, въ которой права каждаго вытекали-бы изъ обязанностей всѣхъ людей, была чѣмъ-то такимъ страннымъ и непонятнымъ для государственныхъ мужей стараго порядка, что только война, продолжавшаяся четверть столѣтія, самая страшная изъ всѣхъ войнъ, дала имъ понятіе о такой Европѣ и доказала ея необходимость. Сдѣланная на вѣнскомъ конгрессѣ и

на слѣдующихъ за нимъ попытка дать Европѣ элементарную организацію была прогрессомъ, а не возвратомъ къ прошлому ¹⁾. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ этотъ прогрессъ считался одною изъ самыхъ прекрасныхъ гипотезъ, созданныхъ философами. При наступленіи 1789 г. эта гипотеза начинается, особенно во Франціи, закрадываться въ умы нѣкоторыхъ политиковъ; они считаются мечтателями, и большинство европейскихъ правителей, смѣшивая это стремленіе съ химерой вѣчнаго мира, продолжаетъ относиться къ нему, какъ къ величайшему изъ парадоксовъ ²⁾.

Но если въ Европѣ не было христіанской монархіи, то были націи и государства. Какъ скоро на-лицо націи и государства, а равно и общеніе между ними, то существуетъ уже и международное право. «Оно есть даже у ирокезовъ», сказалъ Монтескьё ³⁾. Разсмотримъ то, которое соблюдалось Европой стараго режима. Я не говорю, разумеется, о томъ публичномъ правѣ, которое реформаторы представляли, какъ идеаль для будущаго общества. Вольтеръ говоритъ объ этихъ сочиненіяхъ: «Они какъ будто служатъ утѣшеніемъ для народовъ въ тѣхъ бѣдствіяхъ, какія созданы политикой и силой. Они даютъ понятіе о справедливости, подобно

¹⁾ Вѣнскіе трактаты опредѣлили права владѣнія (*état de possession*) во всей Европѣ; они были подписаны всѣми европейскими державами, которыя коллективно гарантировали ихъ, и сдѣлали конгрессы нормальнымъ учрежденіемъ, цѣль котораго—предупреждать и рѣшать третейскимъ судомъ державъ и подъ ихъ верховенствомъ несогласія между государствами и народами. Это учрежденіе дѣйствовало съ 1815—1822.—См. *Précis du droit des gens*. Несмотря на неполноту идеи, на эмпиризмъ, произволъ и даже противозаконность нѣкоторыхъ примѣненій ея, тѣмъ не менѣе вѣнскій конгрессъ доставилъ Европѣ періодъ самый благотворный, періодъ мира, какой когда-либо выпадалъ на ея долю. Если хотите, это были только лѣса, но само зданіе было тѣмъ не менѣе наиболее прочнымъ изъ всѣхъ, когда-либо воздвигнутыхъ дипломатіей, и трудъ наиболее благотворный изъ всѣхъ, ею совершенныхъ.

²⁾ Сенъ-Симонъ говорилъ по поводу проекта вѣчнаго мира, составленнаго Сюлли: «Слабое подобіе этого мы видимъ въ Имперіи: придворный совѣтъ, имперская палата, сеймы, порой и самъ императоръ разбирали столкновенія. Опытъ показываетъ, что только мелкіе и незначительные владѣльцы повинуются рѣшенію. Сильные оказываютъ сопротивленіе и ослушаніе, и если обвиняемый можетъ опереться на связи и привести какія-нибудь обстоятельства въ свою пользу, то приговоръ остается безъ силы и исполненія. То же самое, и еще въ большей степени, происходило бы и въ этомъ сенатѣ христіанской республики. Каждый изъ его членовъ сталъ бы руководиться своими выгодами и въ результатъ получились «постоянные ссоры и расколы».—*Parallèle des trois premiers Bourbons*, par FAUGÈRE, Paris, 1880.

³⁾ *Esprit des Loix*, liv. II ch. III

тому, какъ мы хранимъ портреты знаменитыхъ людей, которыхъ не можемъ видѣть» ⁴⁾.

Видѣть можно только правительственные акты; знать нужно только обычаи, который правительства себѣ усвоили и которымъ они регулировали свои отношенія другъ къ другу. Въ ихъ глазахъ этотъ обычай не былъ юридической дедукціей изъ какихъ-нибудь отвѣченныхъ принциповъ, но простымъ опредѣленіемъ отношеній, которыя вытекали изъ сущности вещей. «Общественное право основано на фактахъ,—писалъ одинъ публицистъ, пользовавшійся заслуженнымъ авторитетомъ. Чтобы понимать его надо знать исторію, эту душу науки, какъ и всей политики» ⁵⁾.

II.

Въ этомъ публичномъ правѣ есть одно основное понятіе, понятіе о государствѣ: оно играетъ преобладающую роль въ политикѣ. Это государство въ римскомъ духѣ—существо коллективное, верховный, неограниченный властелинъ ¹⁾. Въ Римѣ оно воплотилось въ государь, которому придали атрибутъ Величества (*Majesté*). Къ этому пониманію присоединилась христіанская идея государя, избранника Божьяго, представителя божества на землѣ и феодальная идея монарха, всемірнаго властителя міра. Такимъ-то путемъ сложилось то понятіе о государствѣ, какое даетъ намъ Боссюэтъ, и которое раздѣляетъ съ нимъ весь континентъ. «Все государь

⁴⁾ *Siècle de Louis XIV. Personnages célèbres*. Article Barbeyracker.

⁵⁾ BIELFELD, *Institutos politiques*. La Haye. 1760, t. I, ch. II, p. 13. Истинное положеніе, въ которомъ находилось общественное право наканунѣ революціи, лучше всего опредѣлилъ Малле-дю-Панъ: «Вытекаетъ война изъ какого-нибудь права или не вытекаетъ—въ сущности безразлично, она будетъ объявлена: государи, составляя свои манифесты, не руководствуются туманной метафизикой философовъ; обыкновеніе и трактаты—вотъ единственные права, которыя принимаются въ соображеніе. Результатомъ явился кодексъ, искусственный, если хотите, противный естественному праву, разуму и религіи, но которому обычай далъ силу закона. Итакъ, всякая аргументація по поводу этого предмета—безполезна, народное право не что иное, какъ система фактовъ и обычаевъ. Гроцій и его послѣдователи употребили громадную эрудицію на то, чтобы выяснять ихъ... они хотѣли поставить на пьедесталъ естественное право, сдѣлать справедливость строителемъ и божествомъ, превратить въ право обычаи, построить доктрины на пескѣ и выдать намъ за неизбѣжные вѣчныя правила случайные обычаи, мѣняющіеся, сообразно перемѣнамъ въ обществѣ». *Mercure de France*, 1786 № 33—SAVOUS, *Mémoires et correspondance de Mallet du Pan*, t. I, p. 115, Paris 1851.

¹⁾ FUSTEL DE COULANGES. *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*, t. I, p. 66, Paris 1875.

ство—въ лицѣ государя. Въ немъ власть, въ немъ воля всего народа» ²⁾. Потому-то монархъ и облеченъ этимъ величіемъ, что онъ — государство; онъ принимаетъ его отъ государства; государству же оно присуще, если бы и не было монарха, его представителя. Принципъ божественнаго права, въ силу котораго царственные лица получаютъ свое право отъ Бога ³⁾, при-мѣняется сначала къ государству, потомъ къ людямъ и исходитъ изъ ученія, гласящаго: «всякая власть отъ Бога». Это ученіе не различаетъ ни формы, ни способа передачи власти. «Надо оставаться въ томъ состояніи, къ которому народъ привыкъ въ теченіе долгаго времени; поэтому Богъ и беретъ подъ свое покровительство всѣ законныя правительства, какой бы формы они не держались» ⁴⁾.

«Его волей царствуютъ всѣ короли, и тѣ, которые царятъ по праву рожденія, потому что Онъ властитель природы, и тѣ, которые царствуютъ по избранію, потому что Онъ предѣлательствуетъ во всѣхъ совѣтахъ. Нѣтъ на землѣ власти, не утвержденной Богомъ: *Non est potestas nisi a Deo*, говоритъ Священное Писаніе» ⁵⁾.

Папа, императоръ германскій и король польскій были избираемыми королями, но между ихъ правами и правами французскаго короля не было никакой разницы. Наполеонъ, возлагая на себя итальянскую корону и произнося торжественныя слова: «Богъ мнѣ ее далъ; горе тому, кто ея коснется», не искажалъ смысла и не боялся скандализировать старую Европу: онъ говорилъ ея языкомъ. «Карлъ Великій, читаемъ въ мемуарахъ Людовика XIV, достигъ высшей степени славы не въ силу избранія кѣмъ-бы то ни было, но собственнымъ мужествомъ и побѣдами, означающими, что его избрало само небо, когда онъ рѣшился подчинить всѣ власти—единой» ⁶⁾.

Вотъ почему происхожденіе власти покрыто завѣсой. Въ этомъ правѣ все основано на давности; нѣтъ другого права, основы котораго были бы такъ мало извѣстны. Тайна, благодаря которой узаконивается фактъ, должна быть скрыта отъ взоровъ толпы. Было бы опасно проникать въ этотъ страшный мракъ.

Всего важнѣе, чтобъ народъ не ворвался въ святилище. Паскаль гово-

²⁾ *Politique*, liv. VI, art. 1, prop. 1. Cf. *ibid.* liv. V, art. 4, prop. 1.

³⁾ Они священны, какъ представители Божественной власти, уполномо-ченные Провидѣніемъ для исполненія его предначертаній. Боосюютъ, *Politique* I, III, art. 2, prop. 12.

⁴⁾ *Id.* *ibid.* I, II, art. 1, prop. 12.

⁵⁾ *Id.* *Troisième Sermon pour le dimanche des Rameaux*. Sur les devoirs des rois.

⁶⁾ *Mémoires de Louis XIV*. Année 1666. ed. Dreyss. Paris 1866, II, p. 449.

рилъ: «Народъ не долженъ знать правду объ узурпаціи: она была введена нѣкогда неразумно, но сдѣлалась разумной: надо, чтобъ ее считали закон-ной, вѣчной и скрывали ея начало, если не желаютъ ея конца» ⁷⁾. Эм-пирикъ думаетъ объ этомъ такъ же, какъ и философъ. «Право народа и право королей согласуются всего лучше, когда о нихъ молчатъ», пишетъ Рецъ ⁸⁾. Скептицизмъ XVIII вѣка ведетъ къ тому же заключенію. Воль-теръ могъ сказать, не вызывая осужденія со стороны юристовъ и пори-цанія при дворѣ: «Время, случай, обычай, давность, сила составляютъ всѣ права» ⁹⁾. Это и было основною мыслью людей, управлявшихъ европейскими дѣлами въ концѣ XVIII столѣтія.

Легальность суверенитета въ глазахъ другихъ государствъ зависитъ только отъ признанія его ими. Это признаніе не налагаетъ впрочемъ ни-какихъ условій на происхожденіе власти. Допускается даже, что между государствами существуютъ сношенія, не зависящія отъ ихъ формы и пе-реворотовъ, могущихъ измѣнить послѣднюю. Де-Бордо, посланникъ Людо-вика XIV въ Англіи, допущенный 21 декабря 1652 въ Парламентъ республики, сказалъ тамъ слѣдующее: «Союзъ, долженствующій быть между сосѣдними государствами, не регулируется формами правленія, и хотя Про-видѣнію угодно было измѣнить ту, которая существовала ранѣе въ этой странѣ, это не уничтожаетъ потребности въ торговыхъ и дружескихъ сно-шеніяхъ между Англіей и Франціей. Королевство могло измѣнить свой видъ и изъ монархіи превратиться въ республику; но мѣстность не мѣ-няется, народы продолжаютъ оставаться сосѣдями, съ общими торговыми интересами, и трактаты между націями обязываютъ не монарховъ, а народы, такъ какъ главная цѣль ихъ—обоюдная польза» ¹⁰⁾.

Всѣ формы правленія существовали въ Европѣ и всѣ онѣ считались равно законными ¹¹⁾. «Чтобъ сохранить наше общество,—пишетъ одинъ историкъ XVI вѣка,—мы ввели три рода республики: королевскую, ари-

⁷⁾ *Pensées*. Edition Havet. Paris 1866. Art. III, № 8.

⁸⁾ *Mémoires*, 2 partie, ch. III, См. Tocqueville. *L'Ancien Régime et la Révolution*, liv. II, ch. XI.

⁹⁾ *Annales de l'Empire*. Livre II.

¹⁰⁾ Guisot, *Cromwell* liv. III. Paris 1860.

¹¹⁾ Теократія въ церковной области, самодержавіе въ Россіи, чистѣйшій деспотизмъ въ Константинополѣ, абсолютная монархія во Франціи, Испаніи въ австрійскихъ владѣніяхъ, въ Пруссіи и пр., конституціонная монархія въ Англіи, государство, образовавшееся изъ союзныхъ штатовъ, въ Германіи; федеративная республика въ соединенныхъ провинціяхъ и въ Швейцаріи, республика, съ избираемымъ королемъ во главѣ, въ Польшѣ; въ Венеціи, Же-невѣ, Рагузѣ, въ вольныхъ городахъ Германіи—всѣ разновидности республи-канскаго правленія, прошедшіе черезъ средніе вѣка.

стократическую и народную. Каждый законодатель считал свою республику лучшей¹²⁾. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ эти республики назывались: монархія, аристократія и демократія». Соответствіе этихъ формъ съ ихъ цѣлью—т. е. благомъ государства, служило предметомъ изученія, но никто не думалъ объ установленіи какой-либо іерархіи между ними. Свѣтскіе люди давно рѣшили, что всего разумнѣе и удобнѣе считать ту, въ которой родились, лучшей изъ всѣхъ и подчиняться ей¹³⁾. Это было ученіемъ Церкви¹⁴⁾, и человекъ, изучившій основательно всѣ конституціи и давшій самыя вѣрныя опредѣленія ихъ, Монтескьё, держался этого мудраго правила: «Я—хорошій гражданинъ, говорилъ онъ, но въ какой бы странѣ я ни родился, я вездѣ былъ бы такимъ... Я хорошій гражданинъ, потому что люблю то правленіе, при которомъ родился»¹⁵⁾.

Идея приписать какому бы то ни было государственному устройству абсолютное превосходство надъ другими, возможность идеальной конституціи, которая была бы примѣнима ко всякой странѣ, и въ особенности идея сдѣлать изъ нея предметъ пропаганды—не приходила на умъ государственнымъ дѣятелямъ. Слова республика и демократія не связывались съ идеей переворота. Полагали, что республика и демократія пригодны только для небольшихъ государствъ: они вели за собой мирные нравы и сдержанную политику¹⁶⁾. Англійская республика считалась исключеніемъ: своей силой она обязана была единственно Кромвелю. Республики, бывшія передъ глазами, находились болѣе или менѣе въ состояніи упадка; многія подвергались опасности, но ни одна не казалась опасной. Швейцарскіе кантоны обнаруживали наклонность къ нейтралитету; соединенныя провинціи предавались исключительно своей торговлѣ; Венеція величаво клонилась къ упадку; Польша разлагалась въ анархіи. «Швеція,—писалъ

¹²⁾ ETIENNE PASQUIER. *Lettres*, liv. XIX, lettre VII. *Oeuvres*, Amsterdam 1723.

¹³⁾ LA BRUYÈRE. *Les Caractères*, ch. X.

¹⁴⁾ «Въ древности появлялись другія формы правленія (помимо монархіи), относительно которыхъ не имѣется Божественнаго опредѣленія, такъ что каждый народъ долженъ повиноваться установленному въ его странѣ правительству, какъ-бы учрежденному Божественнымъ велѣніемъ». BOSSUET. *Politique*, livre II. Conclusion.

¹⁵⁾ *Pensées*.

¹⁶⁾ Относительно этого вопроса, Монтескьё согласенъ съ Руссо. Великій наблюдатель говоритъ то же самое, что великій революціонеръ. «Республикѣ свойственно владѣть лишь небольшою территоріей; иначе она не можетъ существовать... Духъ монархіи—война и расширеніе территоріи, духъ республики—миръ и умѣренность». *Esprit des Lois*, I, VII, ch. XVI и I, IX, ch. II. «Монархія пригодна для богатыхъ націй, аристократія—для среднихъ государствъ, демократія—для бѣдныхъ и ничтожныхъ». *Contrat social* I, III, ch. IV, VI, VIII.

Фридрихъ,—испытываетъ участь всякаго монархическаго государства, превращающагося въ республику: она слабѣетъ»¹⁷⁾. Когда въ концѣ столѣтія установилась великая республика въ Сѣверной Америкѣ, континентальные монархи посмотрѣли на нее именно съ этой точки зрѣнія. «Только время можетъ образовать народъ, стремящійся къ завоеванію... Внушить этотъ духъ завоеванія республикѣ еще труднѣе, чѣмъ главѣ единодержавнаго правительства»¹⁸⁾. По такимъ-то даннымъ государственные люди старой Европы судили о французской революціи при ея первыхъ шагахъ. Они видѣли въ ней упадокъ французскаго государства и поступали сообразно тому, выгоду или вредъ усматривали они въ этомъ для своего государства.

III.

Государство носить въ себѣ самомъ свою цѣль. Оно—верховный властелинъ и не признаетъ иной власти, кромѣ собственной. «Они боги, говоритъ доктрина. Только Богъ можетъ судить ихъ поступки и ихъ самихъ»¹⁾. Даже католическіе государи не признавали такого рода главенства за самимъ папой. Въ вопросовъ о догматахъ онъ такой же государь, какъ и другіе. «Кто можетъ быть судьей въ этихъ дѣлахъ? писалъ Риншелье²⁾. Кто можетъ обдумывать ихъ безстрастно и безкорыстно. Не папа, свѣтскій государь, который не на столько отрекся отъ земного величія, чтобъ быть къ нему равнодушнымъ. Богъ единый можетъ быть судьей. И цари грѣшатъ лишь противъ Него одного, Онъ одинъ знаетъ ихъ дѣла». Апеллировать къ Богу въ такихъ выраженіяхъ все равно, что апеллировать къ исторіи, она одна покажетъ, каковы были цѣли Провидѣнія. Въ дѣйствительности строй случайныхъ фактовъ и ходъ жизни требуютъ извѣстнаго направленія и опредѣленныхъ правилъ. Государство можетъ ихъ найти только въ самомъ себѣ. Оно извлекаетъ ихъ изъ своего всемогущества. Главное основаніе всѣхъ его дѣйствій—государственная польза, т. е. старая доктрина общественной безопасности, которую проводилъ Римъ, и которую

¹⁷⁾ *Histoire de mon temps*, ch. I.

¹⁸⁾ *Examen des motifs et des conditions des traités de paix à faire avec les insurgés, avec les anglais et avec nos alliés*. 1782.—BANCROFT, *Histoire de l'indépendance des Etats-Unis*.

¹⁾ BOSSUET. *Politique*, liv. V, art. 1, pr. 2.

²⁾ *Mémoires*. Année 1626. Ed. Petitot, t. III, p. 24. Paris 1823. По поводу предположенія Сантареля, что папа имѣлъ право низлагать королей «за преступленіе, небрежность или неспособность», см. d'AYENEL, *Richelieu et la monarchie absolue*, t. 1, p. 180. Paris 1883.

онъ оставилъ въ настѣдїе позднѣйшимъ государственнымъ организаціямъ ³⁾. Эта доктрина никогда не исчезала изъ области политики. Эпоха Возрожденія снова ввела ее въ моду, и ея развитіе шло параллельно съ развитіемъ большихъ новѣйшихъ государствъ. Постѣднія заимствовали у Рима политическій духъ и форму своихъ учреждений.

Имя Маккіавеля справедливо связано съ этой доктриной; но Маккіавель не столько историкъ, сколько наблюдатель, и сила его сочиненія заключается въ томъ характерѣ реальности, который онъ ему придалъ. Онъ описываетъ то, что видитъ, и просто излагаетъ политическіе принципы своихъ современниковъ. Такъ и смотрѣлъ на него Риншелье и тѣмъ не менѣе вдохновлялся имъ и считалъ «необходимыми» правила этого «солиднаго и правдиваго писателя».

Въ *Apologie pour Machiavel*, сочиненной однимъ изъ учениковъ кардинала, стоятъ такіе слова: «Его правила такъ же стары, какъ время и государства. Онъ не сообщаетъ ничего особеннаго или неслыханнаго, но просто рассказываетъ о томъ, что было совершено нашими предшественниками и что совершается людьми нашего времени, безъ всякаго грѣха, въ видахъ пользы и необходимости» ⁴⁾. Величайшій мыслитель и величайшій политикъ старой Франціи встрѣчаются на этомъ пунктѣ, и встрѣча эта вовсе не случайная. «Государства погибли бы, еслибъ не приходилось часто подчинять законы необходимости... Не умѣя сдѣлать сильной справедливости, сдѣлали силу правомъ», говоритъ Паскаль ⁵⁾. Риншелье, примѣнявшій съ такою строгостью ученіе объ общественномъ благѣ, въ своемъ *политическомъ завѣщаніи* доходитъ до крайнихъ выводовъ: «Въ дѣлахъ государства часто тотъ правъ, кто силенъ, и слабому трудно оправдаться передъ судомъ большинства людей» ⁶⁾. Царствованіе Людовика XIV не измѣнило мнѣнія свѣта. «Высшій законъ, т. е. польза государства» (*raison d'Etat*), какъ говоритъ Сенсимонъ, ⁷⁾ продолжаетъ управлять государствами. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ я вижу только одно исключеніе, но оно изъ тѣхъ, о которыхъ говорятъ, что исключеніе подтверждаетъ правило: это Фридрихъ и его *Анти-Маккіавель*. Фридрихъ, сочиняя эту дис-

³⁾ Благо народа есть высшій законъ, «*Salus populi suprema lex esto*», Цицеронъ. *De legibus* III. 3. FUSTEL DE COULANGES, *Histoire des institutions*, t. I, p. 66 и FERRARI, *Histoire de la raison d'Etat*. Paris 1860.

⁴⁾ CÉLESTE, Louis Machon, *apologist de Machiavel. Annales de la Faculté des lettres de Bordeaux* 1881 p. 446. Отрывки изъ этой апологіи были напечатаны Бюшономъ, въ его изданіи Маккіавеля, Paris 1852. См. JANET, *Histoire de la Science politique* liv. III, ch. I и II. Paris 1872 г.

⁵⁾ *Pensées*, ed. Havet. Art XI № 6 art. VI № 7.

⁶⁾ *Testament*, ch. IX, section IV, Paris 1764.

⁷⁾ *Mémoires*. Année 1703. По поводу Филиппа V и испанскихъ дѣлъ.

сертацию, увлекался честолюбіемъ школьника, но какъ только освободился отъ помочей, то забросилъ свои школьныя тетради и домогался всего, что хотите, кромѣ награды за добродѣтель. Маккіавель восторжествовалъ. Мы увидимъ, что къ концу столѣтія его торжество будетъ еще полнѣе, но фактъ этотъ былъ не новъ, и догадливые умы не должны были удивляться. «Всѣ люди порицаютъ этого автора,—говоритъ одинъ приближенный Мазарини,—а между тѣмъ всѣ слѣдуютъ его ученію, и преимущественно тѣ, которые его порицаютъ» ⁸⁾. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ уровень идей и характеровъ понизился. Возвышенная пропія Паскаля и жесткая искренность Риншелье замѣнились язвительнымъ глумленіемъ Вольтера и цинизмомъ Фридриха, которыхъ по справедливости слѣдуетъ поставить рядомъ и которые давали тонъ ⁹⁾. Продолжая параллель: сообразно съ измѣнившимися условіями мысль стала снисходительнѣе относиться къ поступкамъ болѣе безчестнымъ; но, несмотря на утонченность разврата, на полнѣйшее растлѣніе, государственная польза царитъ еще болѣе деспотично.

Она царитъ повсюду, гдѣ чувствуютъ въ себѣ достаточно силы, чтобы безнаказанно исполнять внушаемыя ею замыслы.... Она диктуетъ одніи и тѣ же рѣчи въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ ¹⁰⁾. Ее преподаютъ юнымъ принципамъ и будущимъ министрамъ. Бильфельдъ въ своихъ *Institutions politiques* говоритъ: «Въ какомъ бы положеніи ни находилось государство, основной принципъ государственной пользы остается неизмѣннымъ; этотъ принципъ, принятый всѣми древними и новыми народами, заключается въ томъ, что народное благо должно быть всегда высшимъ закономъ» ¹¹⁾. «Великія державы, писалъ въ 1791 г. одинъ австрійскій дипломатъ, должны вести себя согласно съ государственной пользой.... Выгода должна превѣшивать всякое

⁸⁾ Рѣчь Габріеля Ноде къ Гюи Патену. Ноде былъ большой маккіавелистъ. Онъ изучалъ политику въ Италіи и сочинилъ небольшой трактатъ о государственныхъ переворотахъ.—*Lettres de Gui Patin*, ed. Réveillé-Parisse, t. II, lettre 351 à M. Spon. Paris 1846 г.

⁹⁾ Тѣ же самыя отношенія наблюдаются въ литературѣ. Сравните Мольеровскаго донъ-Жуана съ Ловеласомъ и Вальмонтомъ.—*SAINTE-BEUVE, Nouveaux Lundis*, t. VII, article Alton-Shée.

¹⁰⁾ Фридрихъ пишетъ кардиналу Флери 12 сент. 1742. «Все, что можетъ сказать противъ меня легкомысленный и мало образованный свѣтъ, не смущаетъ меня. Только потомство можетъ судить царей». *Politische Correspondenz*, 1742. Berlin 1879 г. — Иосифъ II писалъ своему брату Леопольду, великому герцогу тосканскому 6 мая 1775 г. «Я того мнѣнія, что надо предоставлять людямъ говорить, что хотятъ, лишь бы они позволяли намъ дѣлать, что мы хотимъ». ARNETH. *Joseph II und Leopold II von Toscana*, Wien 1872.

¹¹⁾ Tome II, ch. V. *Des engagements réciproques de souverains*, § 8 и 9: *De la raison d'Etat*.

чувство обиды, какъ бы справедливо оно ни было»¹²⁾. Какъ скоро государственная польза признается закономъ, увеличеніе государства становится цѣлью политики. «Кто ничего не приобретаетъ, теряетъ», писала Екатерина II¹³⁾. Идея о величинѣ государства тѣсно связана съ идеей его обширности. Эти мысли такъ же стары, какъ человѣческія общества. Лишь только люди собрались въ общества, между ними возникла борьба ради завоеванія и самообороны. Хищеніе и завоеваніе такъ же стары, какъ алчность, а послѣдняя родилась съ человѣчествомъ. Всегда государи гордились завоеваніями. Макіавель говоритъ: «желаніе расширить и округлить свои границы крайне естественно и обыкновенно; и людей, могущихъ и желающихъ это сдѣлать, слѣдуетъ хвалить, а отнюдь не порицать»¹⁴⁾. Апологетъ семнадцатаго вѣка развиваетъ далѣе это ученіе: «Въ основѣ его лежитъ тотъ принципъ и та истина, что все, чѣмъ владѣютъ короли, добыто путемъ захвата, что поэтому сильные предписываютъ законы слабымъ и берутъ все, что имъ удобно взять, считая это справедливымъ, и что единственными предѣлами государства должны быть тѣ, которые служатъ къ его охранѣ и ко вреду сосѣдей»¹⁵⁾. Это побудило Монтескье сказать слѣдующее: «Духъ монархій—война и увеличеніе ея предѣловъ»¹⁶⁾.

IV.

Изъ принципа и цѣли политики извлекаются правила поведенія, а главное изъ нихъ—зорко слѣдить за случайностями, которыми можно воспользоваться. «Тотъ, кто постоянно ведетъ переговоры, найдетъ наконецъ мо-

¹²⁾ Записки графа Людовика Кобенцеля, австрійскаго посланника въ Петербургѣ 1791 г. ВЕЕР, *Die orientalische Politik Oesterreichs*, p. 761. Прага 1888.—Фридрихъ писалъ въ предисловіи къ *Исторіи моего времени*: Интересы государства должны служить закономъ для государей.

¹³⁾ Изъ письма къ Гримму февр. 1794. *Publications de la Société d'histoire de la Russie: Correspondance de Catherine II avec Grimm*, Pétersbourg 1878.

¹⁴⁾ *Le Prince*, ch. III. Сравните рѣчи Куріала у Этьена Паскье въ его діалогахъ: *Pour parler du prince*. «Мнѣ кажется, что главная философія государя должна состоять въ стремленіи къ своему величію. Я желаю, чтобъ этотъ государь былъ всегда любимъ для того, чтобъ его предѣлы расширялись, а границы были безопасны... Этимъ способомъ онъ открываетъ себѣ путь къ вѣчной славѣ и снискиваетъ уваженіе не только своихъ, но и всей вселенной».

¹⁵⁾ *Machon*, op. cit.—Сентъ-Эвремонтъ пишетъ въ это же время: «Нѣтъ народа, которому не приходилось бы оберегать себя отъ насилія чужеземцевъ, если онъ слабъ, и приобретать новую славу завоеваніями, если онъ силенъ». *Discours sur les historiens français*.

¹⁶⁾ *Esprit des lois*. I, IX, ch. II.

ментъ, удобный для своихъ цѣлей¹⁾. Удача принадлежитъ предусмотрительному и искусному политику. Безъ сомнѣнія, надо принимать въ соображеніе и случай, но случай почти всегда служить людямъ высшаго ума. «Не говоря уже о частныхъ случаяхъ, и возникновеніе имперій, и паденіе государствъ—дѣло, повидимому, счастья, и если разобрать хорошенько, то все похоже на игру, гдѣ въ концѣ-концовъ выигрываетъ самый ловкій. Дѣйствительно, въ этой кровавой войнѣ, когда народы спорили о господствѣ и власти, тотъ, кто далѣе всѣхъ заглянулъ впередъ, кто больше всѣхъ трудился, кто настойчивѣе работалъ надъ великими предпріятіями, наконецъ тотъ, кто лучше всѣхъ счумѣлъ во-время рискнуть и во-время себя побересть, въ концѣ-концовъ выигрываетъ и заставляетъ счастье служить своимъ цѣлямъ»²⁾. Возвышенность слога этихъ разсужденій не должна вводить насъ въ заблужденіе относительно характера фактовъ. Никогда еще болѣе мягкія выраженія не прикрывали болѣе безсовѣстной политики. Оставимъ галлерей, гдѣ Боссеюте рисуетъ свои фрески, и перейдемъ въ кабинетъ, гдѣ государственный человѣкъ, покинувши придворный костюмъ и торжественно перемонную осанку, остается тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Лабрюйеръ рисуетъ намъ законченный портретъ, и появившій его не нуждается въ дальнѣйшихъ свѣдѣніяхъ о политикѣ того времени³⁾. «Министръ—это хамелеонъ или протей», но онъ измѣняетъ фізіономію сознательно и когда это ему выгодно. «Онъ соображается со временемъ, мѣстомъ, съ своей силой и своей слабостью, съ духомъ народовъ, съ которыми заключаетъ договоры, съ темпераментомъ и характеромъ лицъ, съ которыми имѣетъ дѣло. Всѣ его мысли, всѣ правила, всѣ тонкости его политики направлены къ одной цѣли—не быть обманутымъ и обмануть другихъ». Одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ, чтобы достигнуть этого—говорить правду; это искусство

¹⁾ Ришелье. *Testament politique. Des négociations*.

²⁾ *Bossuet. Discours*. Partie III, ch. II. Сопоставимъ опять мыслителя и политика; Ришелье пишетъ въ своихъ мемуарахъ 1632 г.: «Жизнь каждаго человѣка, а въ особенности государя, которому приходится управлять большою монархіей, можно сравнить съ игрою въ кости; для выигрыша необходимо, чтобъ повезло счастье и чтобъ играющій счумѣлъ имъ воспользоваться. Изъ этихъ двухъ условій,—первое не въ нашей власти... но второе—т. е. ловко пользоваться тѣмъ, что намъ посылаетъ судьба, и такъ предусмотрѣть всѣ обстоятельства, что если они хороши, то сдѣлать ихъ весьма выгодными, если дурны, то, по возможности, избѣжать ущерба,—это во власти государя и составляетъ его долгъ».

³⁾ *Les Caractères*, Ch. X, *Du Souverain et de la République*. Собирая документы объ европейскихъ правительствахъ восемнадцатаго вѣка, кажется, какъ будто собираешь замітки для изданія *Духа законовъ*. Дѣлая выписки изъ писемъ дипломатовъ стараго порядка, замѣчаешь, что это не что иное какъ превосходная характеристика Лабрюйера, раздробленная на мелкіе факты.

онъ изучилъ до тонкости. «Онъ глубокъ и скрытенъ; чтобъ утаить истину, онъ провозглашаетъ ее во всеуслышаніе: для него важно высказать ее такъ, чтобы ей не повѣрили; или же онъ искрененъ и откровененъ для того, чтобы, скрывая то, что не должно быть извѣстно, заставить людей думать, что они все знаютъ и что онъ все сказалъ имъ». Онъ поддерживаетъ своихъ союзниковъ, «если находятъ въ этомъ пользу и опору для своихъ притязаній». Онъ поддерживаетъ даже слабыхъ и соединяетъ ихъ противъ сильныхъ, «чтобъ уравнивать вѣсы», что не мѣшаетъ ему потомъ сдружиться съ сильными, чтобъ наклонить чашку вѣсовъ и дорого продать слабымъ свое покровительство и свой союзъ. Впрочемъ, онъ свѣтскій человѣкъ и, главное, порядочный человѣкъ, превосходно знающій всѣ приличія, до тонкости изучившій всѣ оттѣнки языка; онъ основательно выбираетъ тотъ, который пригоденъ для данной минуты, и мастеръ находить благородные предлоги. «Онъ говоритъ о мирѣ, союзахъ, общественномъ спокойствіи, общественныхъ интересахъ, а на самомъ дѣлѣ думаетъ только о своихъ, т. е. объ интересахъ своего властелина или своей республики». Но онъ не обманываетъ себя своими фразами и не гордится собою. «Интригами онъ стремится достигнуть существеннаго и солиднаго и всегда готовъ пожертвовать мелочами и мнимыми вопросами чести».

Въ восемнадцатомъ столѣтіи мѣняется тонъ, но только одинъ тонъ. Эпитеты—составляющіе дѣло моды, предлоги—дѣло мнѣнія—мѣняются сообразно со вкусомъ времени и господствующей доктриной. Насмѣшка въ модѣ, скептицизмъ—законъ. Политикъ прикидывается невѣрующимъ даже въ свой собственный геній. «Каждый, говоритъ Вольтеръ, получилъ отъ природы желаніе возвыситься: и вотъ ему представляется удобный случай: какой-нибудь интриганъ предлагаетъ имъ воспользоваться, женщина, подкупленная деньгами или чѣмъ-нибудь посильнѣе денегъ, противится переговорамъ, другая ихъ возобновляетъ; обстоятельства, прихоть капризъ, ошибка, какая-нибудь бездѣлица рѣшаютъ все» ⁴⁾.—«Таковъ свѣтъ,—замѣчаетъ Фридрихъ,—кумъ да кума рѣшаютъ дѣла» ⁵⁾. Въ глубинѣ души Фридрихъ этого не думаетъ и хотя публично приноситъ жертвы его священному *величеству случаю*, какъ онъ его называетъ, но остается самымъ обдуманнѣйшимъ, мудрымъ и разсчитливымъ политикомъ. За столомъ онъ любитъ поговорить, но въ кабинетѣ руководствуется правилами, которымъ неуклонно слѣдуетъ. Правила эти напоминаютъ Ришелье. «Не будемъ обманывать себя: счастье, случай—это ничего не значущія слова.—Ловить случай и, если онъ благопріятенъ, пользоваться имъ, но

⁴⁾ Изъ письма къ Фридриху, 5 авг. 1738 г.

⁵⁾ Изъ письма къ Вольтеру, 6 декабря 1771 г.

не насиловать его, предоставляя все на его волю. Политика требуетъ терпѣнія, и верхъ искусства ловкаго человѣка—дѣлать все въ свое время.—Только тотъ, кто наилучше обдумалъ свое поведеніе, можетъ одержать верхъ надъ тѣмъ, кто дѣйствуетъ менѣе послѣдовательно» ⁶⁾. Вотъ та заглавная мысль, которая остается неизмѣнной.

Если вѣтеръ подуетъ въ сторону философіи, политикъ дѣлается философомъ. Онъ любитъ истину, онъ «великодушенъ», онъ называетъ себя «гражданиномъ», проповѣдуетъ терпимость, говоритъ только о счастьи человѣческаго рода; изъ *честнаго* человѣка, какимъ онъ былъ въ минувшемъ столѣтіи, онъ становится *добродѣтельнымъ* ради приличія и житейскаго такта. Впрочемъ эта добродѣтель не затруднительна и носить такой же характеръ, какъ честность, которая ее замѣняетъ. Въ ней нѣтъ ничего суроваго; она не налагаетъ никакихъ лишеній. Достаточно казаться человекомъ безъ предразсудковъ, быть любезнымъ, сохранять приличія, говорить какъ принято и наблюдать оттѣнки. Не будь скандала съ Тренкомъ, Фридрихъ считался бы «гуманнымъ»; если бы Таллейранъ не оставилъ духовное званіе съ такимъ трескомъ, то считался бы «добродѣтельнымъ». При случаѣ политикъ выкажетъ и чувствительность: будетъ восторгаться, любить природу, проливать слезы. У дипломатіи, имѣвшей своихъ энциклопедистовъ, будетъ и своя *Новая Элоиза*. «Она плакала, а все-таки брала!», говорилъ Фридрихъ о Маріи Терезіи послѣ раздѣла Польши.

Итакъ, въ дѣйствительности, все идетъ по старому, и всѣ эти утонченности ведутъ все-таки къ одной цѣли: «не быть обманутымъ и обмануть другихъ». Политики хорошо это знаютъ и вносятъ въ свои сношенія неизлечимую, хотя и болѣе чѣмъ основательную недовѣрчивость. «Государство, говоритъ одинъ старый министръ иностранныхъ дѣлъ, должно быть всегда на готовѣ, подобно свѣтекому человѣку, вращающемуся среди бреттеровъ и неуживчивыхъ людей. Таковы отношенія европейскихъ націй; теперь болѣе чѣмъ когда-либо переговоры между ними не что иное, какъ ссоры между людьми безъ всякихъ правилъ, смѣло урывающими, что можно, и вѣчно алчущими новой добычи» ⁷⁾.

V.

Такъ какъ государственная польза управляетъ политикой, то и выгоды государства предоставляютъ единственное ручательство за исполненіе обязательствъ. Иными словами, это равняется отсутствію всякаго ручательства.

⁶⁾ *Considerations sur l'état présent de l'Europe*, 1736. *Histoire de mon temps*. Avant-propos, 1775.

⁷⁾ D'ARGENSON, *Mémoires*, ed. Rathery, t. II, p. 326, année 1739. Paris 1839—1843.

Да его никогда и не было въ шестнадцатомъ вѣкѣ, о чемъ съ грустью заявляетъ Боденъ: «Двѣсти или триста лѣтъ уже какъ установился такой взглядъ, что какъ бы хорошъ ни былъ договоръ, онъ неминуемо будетъ нарушенъ; мнѣніе, что государь, принужденный заключить какой-нибудь невыгодный для себя миръ или трактатъ, можетъ нарушить его, когда представится возможность, мнѣніе это, говорю я, получило силу правила» ¹⁾. Семнадцатый вѣкъ въ этомъ отношеніи не уступаетъ шестнадцатому ²⁾; восемнадцатый превзошелъ обоихъ. — Фридрихъ въ началѣ своихъ *Мемуаровъ* перечисляетъ «случаи нарушенія союзовъ». Онъ насчитываетъ ихъ четыре: измѣна союзника, необходимость ее предупредить, превосходство силъ, недостаточность средствъ. Онъ забываетъ пятый, самый обыкновенный и знакомый ему по опыту: государственную пользу, или политическій интересъ, назовите его какъ хотите. Подобно Макіавелю Фридрихъ въ этомъ случаѣ просто описываетъ нравы своего времени, онъ пишетъ не сатиру, а составляетъ только протоколъ ³⁾. «Когда имѣемъ дѣло съ глупцами, плутами, личными врагами и конкурентами, — говоритъ кар-

¹⁾ BACDRILLART, *Bodin et son temps*. Paris 1850.

²⁾ «Ни обезпеченіи въ настоящемъ, ни вѣры въ будущее. Трактаты, подвергавшіеся торжественному обсужденію, подписанные, ратификованные оставались безъ исполненія, какъ памятники не достроенные и уже расшатанные; другіе болѣе древніе, законченные и освященные всеобщимъ уваженіемъ, какъ основы европейскаго равновѣсія, не только подрывались во тѣмъ, но подвергались дерзкимъ нападеніямъ среди бѣлаго дня». SAMILLE ROUSSET. *Histoire de Louvois*, t. III ch. I. Paris 1862. Одинъ изъ самыхъ честныхъ, когда-либо стоявшихъ у дѣла, людей, Торси, совѣтникъ Людовика XIV, истощивши всѣ ресурсы и не имѣя возможности дѣлать очень широкія уступки непомернымъ требованіямъ его непріятелей, убѣждалъ короля, что раздробленіе, которымъ ему грозятъ, не разоритъ Францію, что между союзниками начнется разединеніе; «тогда то Франція найдетъ случай, чтобъ отмстить за договоръ, весьма напоминающій обѣщаніе, которое человекъ даетъ ворамъ, когда они собираются убить его въ лѣсу; само собою разумѣется, что совѣсть не обязываетъ его сдерживать подобное обѣщаніе, когда наступитъ возможность отъ него избавиться». FRÉDÉRIC MASSON. *Journal inédit du Marquis de Torcy*, 21 Juin 1710, p. 207, Paris 1884 г.

³⁾ Въ *Мемуаръ*, написанномъ въ 1741 г. рекетмейстеромъ Манда и названномъ *Новые интересы европейскихъ государей* говорится: «Въ дѣлѣ политики, ни выгоды, ни благодарность, ни трактаты не имѣютъ значенія; сила и корысть создаютъ трактаты; сила и корысть нарушаютъ ихъ». Архивы иностранныхъ дѣлъ. — *D'Arjanson* говорилъ: *Mémoires*, ed. Rathery t. IV p. 245: «Расположеніе королей продается за выгоды; и въ другомъ мѣстѣ въ 1746 по поводу письма одного Кельнскаго курфирста, который не хотѣлъ подписать договора: «Я предпочитаю это письмо трактату, который соблюдается не больше, чѣмъ честное слово».

диналь Дюбуа, знатокъ по этой части, «благоразуміе требуетъ не вступать съ ними ни въ какія обязательства безъ большихъ предосторожностей» ⁴⁾.

Но никакія предосторожности не спасутъ отъ разнузданной алчности и софизмовъ во имя государственной пользы. Мы видимъ это въ событіи, которое ярко обрисовываетъ нравы того вѣка; я говорю о войнѣ за наслѣдство австрійскаго престола. Императоръ Карлъ VI воспользовался всѣми ресурсами и гарантіями, которые представляло общественное право, чтобъ закрѣпить за своей дочерью Маріей Терезіей права на наслѣдственное владѣніе. Для этого онъ составилъ такъ-называемую *прагматическую санкцію*, которую утвердили всѣ сеймы монархій. Всѣ претенденты дали клятвенное обѣщаніе отречься отъ своихъ правъ. Затѣмъ прагматическая санкція была сообщена всѣмъ державамъ, которыя признали ее и обязались формальными договорами навѣки и свято блюсти ⁵⁾. Между тѣмъ, на другой же день послѣ смерти Карла VI, короли, которые отказались отъ наслѣдства, и тѣ, которые гарантировали его Маріи Терезіи, разорвали свои подписи, нарушили свое слово и составили союзъ, чтобъ раздѣлить наслѣдство Маріи Терезіи. Никогда государственная польза не противопоставлялась съ большимъ безстыдствомъ самымъ элементарнымъ законамъ чести и справедливости. Одна Англія сдержала свое слово, можетъ быть потому, что ей выгода и стремленія заставляли остаться ему вѣрной. Таковы были нравы той эпохи и всей Европы. Одинъ французскій дипломатъ, весьма любезный свѣтскій человекъ, обладающій здравымъ смысломъ и чувствомъ мѣры, разбирая сочиненія одного знаменитаго публициста, ожесточеннаго противника Австріи, писалъ: «Слова Фавье о непрочности трактатовъ и неискренности вѣнскаго кабинета очень справедливы; но къ несчастію исторія доказываетъ, что эта истина приложима ко всѣмъ европейскимъ кабинетамъ» ⁶⁾.

Отсюда вытекаетъ то публичное право, которымъ они руководились въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу. «Въ политикѣ, говоритъ баронъ де Бильфельдъ, необходимо отбросить отвлеченныя идеи о справедливости, честности, умѣренности, искренности и другихъ добродѣтеляхъ, которыя обыкновенно приписываютъ народамъ и ихъ вождямъ. *Въ концѣ концовъ*

⁴⁾ AUBERTIN, *L'Esprit public au dix-huitième siècle*, p. 100, Paris 1873 г.

⁵⁾ См. *Frédéric II et Marie-Thérèse* par la duc de BROGLIE. Paris 1883, t. I p. 75. «Еслибъ слова имѣли для королей такое-же значеніе, какъ для простыхъ смертныхъ, и еслибъ обѣщанія трактатовъ обязывали правительства къ добросовѣстному исполненію ихъ, то никто не могъ бы усумниться въ намѣреніяхъ Франціи». То же можно сказать и о другихъ государствахъ.

⁶⁾ LE COMTE DE SÉGUR. *Notes sur les doutes et questions sur le traité 1756, par Favier*. Oeuvres. Paris, 1824—1830.

все сводится къ силѣ» ⁷⁾. Сила все увлекаетъ за собою, даже одобреніе, которое, такъ сказать, подчинено давности, подобно другимъ благамъ, захваченнымъ силою. Циники открыто заявляютъ, что цѣль оправдываетъ средства; мудрецы говорятъ, если она и не оправдываетъ ихъ, то заставляетъ забывать. Одинъ государственный мужъ конца французской монархіи писалъ по поводу предпріятій прусскаго короля. «Не слѣдуетъ успокаивать себя тѣмъ, что онъ сдѣлался ненавистнымъ; со временемъ, ненависть къ средствамъ, благодаря которымъ монархія усилилась, разсѣется, а могущество останется» ⁸⁾. Послушаемъ, что говоритъ Монтескье о воспитаніи въ монархическихъ государствахъ ⁹⁾: «Обсуждая дѣла людскія, не говорятъ объ ихъ полезности, справедливости, разумности, но только о грандіозности и необычайности. Какъ только честь находить въ нихъ что-либо благородное, она или узакониваетъ ихъ, какъ судья, или оправдываетъ, какъ софистъ ¹⁰⁾. Понятіе о чести допускаетъ хитрость, если послѣдняя связана съ идеей о величіи духа или грандіозности дѣла, какъ напримѣръ въ политикѣ, тонкости которой не оскорбляютъ ея. Лестъ допускается, если она соединена съ идеей большого успѣха».

Война—великое орудіе царствованія, высшій аргументъ государственной пользы. Какъ скоро необходимость войны признана, она считается справедливой. Ее предпринимаютъ ради завоеваній или въ видахъ обороны, чтобъ защититься отъ нападенія или чтобъ предупредить его.

Колиньи, подстрекая Карла IX напасть врасплохъ на грозившую ему Испанію, заключилъ свою рѣчь словами: «Лучше зажечь домъ сосѣда, чѣмъ ждать, чтобъ онъ зажегъ нашъ» ¹¹⁾. Генрихъ IV говорилъ: «Великіе короли должны быть или молотомъ, или наковальней, а мнѣ пріятнѣе нанести два удара моимъ врагамъ, чѣмъ получить одинъ отъ ихъ руки» ¹²⁾.

⁷⁾ *Institutions politiques*, t. II, ch. II. *De la puissance des Etats*.

⁸⁾ *Recueil des Instructions données aux ambassadeurs et ministres de France*. 1648—1789, t. I. Autriche. Paris, 1884. *Instruction de Baron de Breteuil en 1774*, par M. de VERGENNES. Слова эти имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что въ томъ же документѣ Верженнъ судить Фридриха строго и справедливо: «Союзъ съ этой державой возможенъ только въ томъ случаѣ, если рѣшимся попираетъ ногами справедливость и человеколюбіе».

⁹⁾ *Esprit des Lois*, t. IV, ch. II.

¹⁰⁾ Маршалъ Беллиль, отправляясь на войну, въ которой вопреки всѣмъ правамъ готовились ограбить Марію Терезію, полагалъ, что предпріятіе, возложенное на него королемъ «было одно изъ самыхъ славныхъ и честныхъ, выпавшее на долю частнаго лица, такъ какъ дѣло шло о томъ, чтобъ создать императора и завоевать царства». Le duc de BROGLIE, *Frédéric II et Marie-Thérèse*. T. II, p. 7.

¹¹⁾ PIERRE MATHIEU. *Histoire de France, Charles IX*, liv. VI, 1631.

¹²⁾ SULLY. *Economies royales*, ed. Petitot, t. VII, ch. VIII, année 1607.

Декартъ, вовсе не увлекавшійся макіавелизмомъ, находилъ, что подобные принципы не противорѣчатъ философіи.—«Справедливость между государями имѣетъ иные предѣлы, чѣмъ справедливость между частными лицами, говорилъ онъ одной важной дамѣ, спрашивавшей его мнѣніе о «Государѣ» Макіавеля... Необходимо также отличать подданныхъ, друзей или союзниковъ отъ враговъ, потому что относительно послѣднихъ дозволяется почти все, какъ скоро это выгодно для себя или для подданныхъ, и въ подобныхъ случаяхъ я считаю излишнимъ соединять мощь льва съ хитростью лисицы. Болѣе того, подъ именемъ враговъ я разумѣю всѣхъ, кто не другъ или не союзникъ; это даетъ право объявить имъ войну, когда это выгодно и когда они становятся подозрительными и опасными» ¹³⁾. Знаменитое мѣсто о предупредительныхъ войнахъ въ «*Esprit des lois*» не болѣе, какъ резюме этихъ старинныхъ правилъ.

Если считали законнымъ объявить войну, чтобъ предупредить опасность, то спѣшили ея началомъ, чтобъ напасть на врага врасплохъ и вѣрнѣе разрушить его замыслы. Часто ставили въ примѣръ грубья провокаціи Фридриха, его нападенія изъ-за угла, его грабительскія завоеванія, но онъ только дерзко предпринималъ и удачно выполнялъ то, что замыслили его современники, не имѣя смѣлости выполнить, или что они пытались сдѣлать, но безъ успѣха.—«Великая держава, имѣющая великую цѣль», говорилъ Людовику XV его тайный совѣтникъ, графъ де Броли, «стремится къ ней, не обращая вниманія на ропотъ и вопли... Затѣмъ она сводитъ счеты съ сосѣдами, и остатокъ по счету будетъ всегда въ ея пользу» ¹⁴⁾.

Въ 1755 году англичане произвели нападеніе на французовъ, на морѣ, неожиданно и безъ объявленія войны. Въ Версалѣ думали, что они дѣйствовали за-одно съ вѣнскимъ кабинетомъ. По словамъ Берни, военные были того мнѣнія, что въ нападеніи англичанъ слѣдуетъ видѣть начало войны, давно задуманной Англіей сообща съ союзниками и что поэтому слѣдуетъ немедленно уничтожить ихъ замыслы, завладевъ австрійскими Нидерландами. Король прусскій подстрекалъ, говоря что у него готово 140.000 солдатъ и что онъ захватитъ Богемію, въ то время какъ французы завладеютъ Бельгіей ¹⁵⁾. Его не послушали и хорошо сдѣлали, потому что Фридрихъ, дѣлая свои коварныя предложенія своей союзницѣ Франціи—въ то же время велъ съ Англіей переговоры, направленные противъ послѣдней. Эти событія происходили въ іюль и августъ 1755. Марія-Терезія

¹³⁾ OEUVRÉS DE DESCARTES, ed. Cousin, t. IX, p. 387 и слѣдующ. Lettre à Madam Elisabeth, princesse palatine. Septembre 1646.

¹⁴⁾ LE DUC DE BROGLIE. *Le Secret du Roi*, t. II, p. 83. Paris. 1879.

¹⁵⁾ BERNIS, *Mémoires*, publiés par Frédéric Masson, t. I, p. 210. Paris. 1878.

узнала объ этомъ и въ началѣ сентября раскрыла Людовику XV измѣну Фридриха и предложила королю Франціи напасть на Пруссію, чтобъ «положить законныя границы честолюбію этой державы» ¹⁶⁾. Людовикъ XV отказался, онъ не хотѣлъ слышать ни о какомъ союзѣ, кромѣ оборонительнаго. Марія-Терезія обратилась къ Россіи, и 25 марта 1756 г. ея посланникъ объявилъ въ Петербургѣ, что она готова атаковать Фридриха съ 80.000 войска ¹⁷⁾. Она спѣшила «начать дѣло», говорить Берни, и была права: Фридрихъ былъ не такой человекъ, чтобъ ждать, когда его враги составятъ коалицію, и тогда начать военныя дѣйствія ¹⁸⁾. «Развѣ мой носъ созданъ для того, чтобъ получать щелчки?», сказалъ онъ англійскому министру. «Эта дама хочетъ войны; пусть будетъ война, мнѣ остается только опередить моихъ враговъ. Войска у меня готовы; надо уничтожить заговоръ, прежде чѣмъ онъ разовьется» ¹⁹⁾. Фридрихъ завладѣлъ Саксоніей и направился въ Богемію. Такъ началась Семилѣтняя война.

Я привелъ этотъ примѣръ по его характеристичности; онъ создалъ прецедентъ, и мы увидимъ впоследствии, что въ 1792 приверженцы войны съ Австріей ставили въ примѣръ поведение Фридриха въ 1756 г., чтобъ оправдать предлагаемое ими нападеніе ²⁰⁾.

VI.

Государства признають лишь одного судью—себя самихъ, лишь одинъ законъ—собственную выгоду; но самая крайность этой доктрины содержитъ въ себѣ и противовѣсъ ей. Для парадоксовъ государственной пользы есть противоядіе: здравый смыслъ; для алчности есть узда: правильно понимаемая выгода. Дѣйствительно, государства не знаютъ другого закона и единственно на немъ основывается ихъ справедливость. Честолюбіе диктуетъ

¹⁶⁾ BERNIS. *Mémoires*, ch. XIV, p. 223.—*Recueil des instructions*. Autriche. *Instruction du comte de Stainville*. 1757, p. 362 и слѣд.

¹⁷⁾ MARTENS. *Traité de l'Autriche et de la Russie*, t. I, p. 190. Pétersbourg. 1875.

¹⁸⁾ См. BERNIS. *Mémoires*, t. I, p. 243 и 289.

¹⁹⁾ Le duc de BROGLIE, *Secret du Roi*, t. I, p. 162.

²⁰⁾ Находясь въ подобномъ же положеніи, Фридрихъ Великій, деспотизмъ котораго можетъ быть оправданъ только его дарованіями, устоялъ подъ напоромъ соединенныхъ державъ лишь потому, что предупредилъ ихъ дѣйствія. GENSONNÉ, 13 января 1792.—«Не мало примѣровъ, подтверждающихъ справедливость этого нападенія. Вспомните наконецъ славный саксонскій походъ знаменитаго Фридриха... Четыре державы угрожали ему, но, предупредивши ихъ, онъ обратилъ угрозу противъ нихъ. Наше дѣло справедливѣе, чѣмъ его. Для насъ, какъ и для Фридриха, это наступленіе—законъ необходимости». BRISSOT. 17 января 1792.

планъ; выполненіе его требуетъ осторожности. Фридрихъ считалъ необходимымъ умѣть остановиться во-время: «Насиловать счастье, значитъ утратить его, и желать всегда большаго, значитъ не быть никогда счастливымъ ¹⁾». Это совершенно эмпирическая нравственность, и даже не нравственность, а простой политическій расчетъ.

Давно уже сказано по поводу Александра Великаго, что мелкихъ воишекъ наказываютъ смертью, а крупнымъ воздвигаютъ алтари. Все дѣло въ отбѣнкахъ и размѣрахъ ²⁾. Герой, завоевавшій провинцію, счелъ бы себя опозореннымъ, еслибъ взялъ городишко. Жалкая стычка, во время которой сожгли деревню, считается рѣзней, а сраженіе, въ которомъ гибнетъ не одно поколѣніе, называется славнымъ дѣломъ. Необходимо считаться съ людскими предрасудками; если и приходится иногда открыто пренебрегать ими, ради великихъ предпріятій, то не слѣдуетъ раздражать ихъ ради мелочей. Общественное мнѣніе не прощаетъ своимъ героямъ ихъ мелкіе грѣшки. Потому-то совѣтъ политиковъ такъ снисходителенъ къ великимъ несправедливостямъ и такъ щепетилъ относительно мелкихъ. «Не хорошо нарушать данное слово безъ причины, говорилъ тотъ же Фридрихъ. Создаешь себѣ репутацію человека легкомысленнаго и непостояннаго» ³⁾. Уже Ришелье находилъ, что въ концѣ концовъ самое мудрое правило заключается въ соблюденіи трактатовъ. «Это высочайшее могущество государей» ⁴⁾. И самые захваты необходимо дѣлать съ толкомъ. «Что касается до герцогства Вармійскаго, писалъ король прусскій, я рѣшился не брать его, потому что игра не стоитъ свѣчъ. Эта доля такъ мала, что не вознаградить за шумъ, который поднимется изъ-за нея. Погоня за бездѣлицами придаетъ характеръ жадности и ненасытности» ⁵⁾. Фридрихъ приходитъ прямо къ этому циничному заключенію и тщеславится имъ.

Марія Терезія послѣ многихъ слезъ и угрызений совѣсти приходитъ къ тѣмъ же уступкамъ. «Надо умѣть покоряться и ради ничтожной выгоды не губить своей доброй славы передъ Богомъ и людьми», писала она своему министру Кауницу ⁶⁾. Насталъ день, когда августѣйшая вѣнская матрона

¹⁾ Письмо къ Подевилюсу 11-го іюня 1742. *Politische Correspondenz*.

²⁾ Сенъ-Симонъ, *Parallèle*, p. 26.

³⁾ Изложеніе причинъ, по которымъ я могу остаться въ союзѣ съ Франціей 1742. *Politische Correspondenz*.

⁴⁾ *Testament politique*, 2 partie, ch. VI.

⁵⁾ Принцу Генриху, 24 янв. 1771. *Oeuvres. Correspondance*, Berlin 1846—1857.

⁶⁾ Отъ 13 января 1772. ARNETT, *Geschichte Maria Theresia's* t. VIII p. 596. Vienne 1877. Иосифъ писалъ брату своему Леопольду, 19 іюня 1773 по поводу того же раздѣла Польши: «Мы такъ много сдѣлали и такъ много взяли, что надо взять и остальное, хотя это бездѣлицы, но онѣ важны для

и философъ изъ Сансуси встрѣтились, подали другъ другу руку и подѣлили Польшу. Императрица брала, проливая слезы, король бралъ и подсмѣивался; вся разниа между ними состояла въ томъ, что первая потребовала за свои угрызенія совѣсти большую долю Польши и за свою разборчивость—лишнее число поляковъ. Она ихъ получила, и вотъ единственное удовлетвореніе, какое выпало на долю нравственности въ этомъ дѣлѣ.

Завоеванія, исходная точка и вѣнецъ воинственныхъ предприятий, могутъ быть ограничены тоже только собственной цѣлью. Злоупотребленіе силою разрушаетъ то, что она создала. Надо быть сильнымъ, чтобъ завоевать, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливымъ и мудрымъ, чтобъ удержать завоеванное. Рабле, видѣвшій во французской монархіи примѣръ завоеваній умно задуманныхъ и искусно выполненныхъ, изложилъ эти принципы своимъ образнымъ языкомъ⁷⁾: «Чтобъ сохранить и сберечь страны, недавно завоеванныя, нельзя грабить, насиловать, терзать, раздражать, разорять народы и управлять съ помощью желѣзнаго прута, какъ думаютъ, къ своему вреду и позору, нѣкоторые тиранническіе умы. Какъ новорожденное дитя,—ихъ надо питать, лелѣять, веселить... Какъ выздоравливающаго послѣ долгой и опасной болѣзни—ихъ надо беречь и подкрѣплять. Только съ помощью любовныхъ напитковъ, чаръ и другихъ средствъ можно мирно удержать то, что съ трудомъ завоевано. Завоеватель можетъ счастливо царствовать, будь онъ король, князь или философъ, только въ томъ случаѣ, если справедливостью замѣнитъ доблесть... Кто иначе поступаетъ, тотъ не только утратитъ пріобрѣтенное, но подвергнетъ себя позору; люди будутъ думать, что онъ дурно и несправедливо пріобрѣлъ, потому что пріобрѣтенное погибло въ его рукахъ... И хотя бы онъ всю жизнь мирно наслаждался, а пріобрѣтеннаго лишились его наслѣдники, стыдъ, все-таки падеть на мертваго, и память его, какъ несправедливаго завоевателя, будетъ проклята».

Рабле проникалъ взглядомъ въ далекое будущее. Опытъ трехъ вѣковъ подтвердилъ сужденія этого оригинальнаго гения. Монтескье, показавши, какимъ путемъ Франція пріобрѣла и сохранила Эльзасъ, Руссильонъ, Фландрію, Франшъ Конте, резюмировалъ свои наблюденія въ слѣдующихъ правилахъ. «Цѣль войны—побѣда; цѣль побѣды—завоеваніе; цѣль завоеванія—сохраненіе.—Завоеваніе есть пріобрѣтеніе; духъ пріобрѣтенія носитъ въ себѣ духъ сохраненія и пользованія, а не разрушенія»⁸⁾. Итакъ, естественный предѣлъ завоеванія—

того, чтобъ взятое получило настоящую цѣну и чтобъ дѣло было сдѣлано не напрасно, иначе оно было бы неполно, жалко и неблагоприятно во всѣхъ отношеніяхъ. Id. p. 613.

⁷⁾ *Pantagruel*, liv. VI, ch. I.

⁸⁾ *Esprit des lois*, l. I, ch. III, l. X, ch. III.

ассимиляція. Завоевать слѣдуетъ только то, что можно сохранить, сохранить завоеванное можно только посредствомъ слиянія съ нимъ. «Дѣло завоевателя исправить то зло, которое онъ причинилъ; право завоеванія я опредѣляю слѣдующимъ образомъ: это право необходимое, законное и печальное, за которое приходится уплачивать громадный долгъ человѣческой природѣ, которую оно оскорбило»⁹⁾. Собственно говоря, только уплата этого долга и дѣлаетъ завоеваніе законнымъ. «То право завоеванія, которое начинается силою, говоритъ Боссюетъ¹⁰⁾, сводится, такъ сказать, съ согласія народовъ и посредствомъ мирнаго владѣнія къ естественному и обычному праву».

Прибавимъ, что государство не можетъ безконечно расти, не ослабляясь въ то же время. Слишкомъ растянутыя границы представляютъ для непріятеля много удобствъ. Кромѣ того, всякое величіе относительно. «Приращая реальную величину, бойтесь уменьшить относительную»¹¹⁾. Иногда выгоднѣе имѣть на своихъ границахъ государства слабыя и разьединенныя, чѣмъ завоевать ихъ и потомъ раздѣлить съ сильнымъ сосѣдомъ, который ради какихъ-нибудь эфемерныхъ комбинацій могъ сдѣлаться союзникомъ, но въ сущности не перестаетъ быть соперникомъ. Соперничество честолюбій также ограничиваетъ стремленіе къ завоеванію. Такъ какъ въ Европѣ нѣтъ пустующихъ земель, то разбогатѣть можно только на счетъ ближняго. Но всѣ властелины согласны въ одномъ—не позволять никому изъ нихъ возвышаться надъ остальными. Желая захватить львиную долю, вооружить противъ себя всѣхъ соперниковъ. Такимъ образомъ, между великими государствами образовалось нѣчто въ родѣ общества на паяхъ: они разсчитываютъ сохранять то, чѣмъ владѣютъ, наживать пропорціонально своимъ вкладамъ и не позволяютъ ни одному изъ сочленовъ предписывать законы остальнымъ. Это называется уравнивающимъ силъ или европейскимъ равновѣсіемъ.

Это фактъ: онъ устанавливается послѣ большихъ войнъ, когда всѣ разорены и истощены. Прекращаются военныя дѣйствія, заключаются мировыя сдѣлки, и изъ взаимно противоположаемыхъ притязаній, изъ силъ, которыя обоюдно ограничиваются—выходитъ нѣчто въ родѣ равновѣсія. Но причины, создавшія это равновѣсіе, сами способствуютъ его уничтоженію. Устойчивость подразумеваетъ неподвижность, слѣдовательно—невозможное. Для полной устойчивости требовалось-бы измѣнить все на свѣтѣ, чтобъ не было ни сильныхъ, ни слабыхъ, ни скупыхъ, ни расточительныхъ, ни безпечныхъ, ни жадныхъ, ни способныхъ, ни глупыхъ. Доста-

⁹⁾ *Esprit des lois*, l. X, ch. IV.

¹⁰⁾ *Politique*, l. II, art. II, prop. 2.

¹¹⁾ *Esprit des lois*, l. IX, ch. IX.

точно одному государству разориться и другому преобразоваться, чтобъ равновѣсіе было нарушено.

Въ одной инструкціи, составленной въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, сказано: «Это дѣло вкуса: каждый истолковываетъ по-своему, съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ»¹²⁾.—Вопросъ о равновѣсіи выдвигаютъ противъ тѣхъ, кто стремится къ преобладанію надъ другими: Франція противъ Австрійскаго дома, Англія противъ Франціи. Въ образующихся по этому случаю союзахъ каждый думаетъ только о своей выгодѣ; и хотя эта выгода часто вынуждаетъ къ обуздыванію сильныхъ, которые угрожаютъ, но очень рѣдко заставляетъ поддерживать слабыхъ, у которыхъ хотятъ отнять послѣднее. Политическое равновѣсіе предписываетъ уравниваніе силъ; послѣднее предполагаетъ раздѣлъ; противовѣсомъ служатъ слабые и побѣжденные, и процессъ уравниванія неизбежно обратится въ пользу сильныхъ, честолюбивыхъ и ловкихъ. Возвышеніе Пруссіи было логическимъ результатомъ этой системы: она служила противовѣсомъ, пока не почувствовала въ себѣ достаточно силы, чтобъ перетянуть чашу вѣсовъ на свою сторону.

Итакъ, равновѣсіе не можетъ служить ни основой порядка, ни гарантіей права. Современники сознаютъ это такъ отчетливо, что по мѣрѣ того, какъ это выясняется, они усиливаютъ свои вооруженія.—«Новая болѣзнь распространилась въ Европѣ, пишетъ Монтескье, она овладѣла нашими государями и заставляетъ ихъ содержать непомѣрную и безпорядочную массу войскъ... Лишь только одно государство усиливаетъ то, что они называютъ войсками, другія внезапно усиливаютъ свои, и въ результатѣ получается общее ослабленіе. Каждый государь держитъ наготовѣ всю армію, которую ему удалось бы собрать, въ случаѣ опасности, грозящей его народу, и этотъ постоянный напоръ всѣхъ на всѣхъ называется миромъ!»¹³⁾.

Короче сказать, единственная гарантія—это хорошо понятая выгода, и единственная основа порядка—противоположность интересовъ. Обычай сводится къ слѣдующимъ эмпирическимъ положеніямъ: что хорошо взять, то хорошо и удержать за собой, говоритъ страсть и всѣ ей повинуются.—Хорошо брать только то, что легко сохранять, отвѣчаетъ осторожность, и очень немногіе слѣдуютъ ея совѣту.—Надо расширять свои владѣнія, говорить честолюбіе, будемъ считаться съ сильными и подѣлимся съ ними, если потребуютъ; самое важное—установить условія торга.—Лучше царить среди разъединенныхъ и слабыхъ, чѣмъ оспаривать власть у могучихъ соперниковъ.

¹²⁾ *Recueil des Instructions, Autriche. Instruction du marquis d'Hautefort. 1750 г.*

¹³⁾ *Esprit des lois, l. XII, ch. XVII.*

Хорошо предпринимать только то, что способенъ завершить, говорить въ заключеніе опытность. Этотъ расчетъ—единственная охрана государствъ отъ его собственныхъ увлеченій и насилій со стороны другихъ. Не такую представляютъ себѣ Европу стараго режима, но такую она была, и въ этомъ свѣтѣ надо ее видѣть, чтобы понять, какъ она отнеслась къ французской революціи. Перейдемъ отъ ходячей морали къ установившимся нравамъ.

VII.

Опредѣливъ политическія правила, изучимъ вытекающія изъ нихъ послѣдствія. Всѣ они обращаются противъ государства. Это публичное право уничтожаетъ себя само, употребляя во зло собственный принципъ, который имѣетъ за себя лишь одну санкцію, роковую и неумолимую—санкцію силы.

Разъ государство сливается съ особою государя, а суверенитетъ переходитъ по наслѣдству, то и конфликты изъ-за наслѣдства становятся государственными конфликтами. Каждый дипломатъ въ то же время юристъ. Брачные контракты и завѣщанія составляютъ важнѣйшія дѣла въ политикѣ и, за неимѣніемъ суда, который бы разрѣшалъ возникающія изъ-за этого недоразумѣнія, разслѣдованіе ихъ предоставляется войнѣ, а рѣшеніе—силѣ. Царствованіе Людовика XIV называли продолжительной тяжбой, которую вели съ оружіемъ въ рукахъ. Самыя названія войнъ, занимавшихъ Европу въ XVIII столѣтіи, указываютъ на ихъ характеръ: войны за испанское, австрійское и баварское наслѣдство.

Говоря по правдѣ, нѣтъ *права*, которое признавалось и уважалось бы всѣми, но есть *права*, которыя каждый всегда готовъ предъявить. Это путаница феодальныхъ понятій, усложняемая всѣми тонкостями римской юриспруденціи. Къ большинству государей можно примѣнить слова, сказанныя Торси объ императорѣ Карлѣ VI: «онъ смотритъ на всѣ государства, которыми не владѣетъ, какъ на сдѣланные у него захваты»¹⁾.

¹⁾ *Recueil des Instructions, Autriche. Instruction du comte du Luc. 1715.* Делонгъ, въ своей *Bibliothèque historique de la France*, посвящаетъ не менѣе 360 статей трактатамъ о *правахъ короля* на иностранныя государства.—Вотъ любопытный и характерный образчикъ этой литературы—это трактатъ: *Intérêts et maximes des états souverains*—изданіе исправленное и дополненное трактатомъ *de l'Intérêt des princes et états souverains de la Chrétienté* par le duc Henri de Rohan. Cologne 1666. Въ этомъ трактатѣ изложены «интересы» или права императора на Францію, Англію, Пруссію, Польшу, Силезію; права,

Такъ какъ владѣнія считались неотъемлемою и неотчуждаемою собственностью, то поводовъ къ тяжбѣ всегда было достаточно. «Государи никогда не ссылаются на права давности въ своихъ взаимныхъ тяжбахъ, писалъ одинъ публицистъ семнадцатаго вѣка, по той простой причинѣ, что нѣтъ судьи, которому они могли бы принести жалобу на присвоеніе ихъ владѣній. Они выжидаютъ, когда на ихъ сторонѣ будетъ сила, чтобы взять то, что имъ принадлежитъ, хотя бы прошло съ тѣхъ поръ болѣе тысячи лѣтъ, говоритъ одинъ старинный юрисконсультъ»²⁾. Ришелье сказалъ: великіе государи считаютъ себя «всегда готовыми потребовать свои права у узурпаторовъ и отнять ихъ силою»³⁾. Потому-то Мазарини, человекъ осторожный и очень опытный во всѣхъ этихъ августѣйшихъ кляузахъ, писалъ 20 января 1646 г., когда бракъ Людовика XIV и Маріи Терезіи еще только носился въ воздухѣ: «разъ инфанта будетъ обвиняча на его величествомъ, мы можемъ разсчитывать на испанское наслѣдство, несмотря на отреченіе, которое ее заставятъ подписать»⁴⁾.

Сто лѣтъ спустя, Фридрихъ, задумавъ овладѣть Силезіей, вспомнилъ, что у него были старинныя права на эту провинцію. Министръ Подвильсъ робко замѣтилъ, что эти права уничтожены торжественными трактатами: «вопросъ о правахъ—дѣло министровъ, отвѣчалъ король-философъ; это ваше дѣло; пора поработать надъ нимъ въ тайнѣ, потому что войскамъ уже отданъ приказъ»⁵⁾.

Такъ какъ всѣ хранили въ своихъ архивахъ права на то, что имъ нравилось, и позволяли себѣ требовать обратно, какъ скоро явится возможность, то не было ни обезпеченнаго наслѣдства, ни спокойнаго обладанія. Такимъ образомъ правы обращаютъ противъ самихъ династій принципъ династическаго права. Не ограничивая тѣмъ, что отнимаютъ наслѣдство, его и дробятъ еще.

Французскаго короля на Наварру, Англію, Фландрію, Геную, Неаполь, Люксембургъ, Лотарингію, Люттихъ, Мецъ, Туль, Вердѣнъ, графство Бургундское, Тоскану, Авиньонъ, Оранжъ, Ницу, Камбре, Корсику, Кастилію, Геннегау. *Права испанскаго короля*—на герцогство Бургундское, Каталонію, Руссильонъ, Португалію, Наварру, Миланъ, Іерусалимъ, Сиенну, Англію, Тоскану, Мальту, Геную, Парму, Савойю; —*Короля англійскаго*—на Нормандію, Гюйенну, Пуату, и французскую корону. *Австрійскаго дома*—на Богемію, Утрехтъ, Моравію, Силезію, Фриуль, Карніолію, Эльзасъ, Бризакъ, Рейнфельдъ, Нюрнбергъ, Клевъ, Жюльеръ, Бергъ, Далмацію, Эпиръ, Трансильванію, Молдавію, Мореху.

²⁾ *Mémoire sur le plus sûr moyen de réunir à la France les duchés de Lorraine et de Bar.* D'HAUSSONVILLE, *Histoire de la réunion de la Lorraine*, t. I, pièces. Paris. 1854.

³⁾ *Mémoire*, année 1633.

⁴⁾ MIGNET. *Histoire des négociations relatives à la succession d'Espagne*, t. I, p. 33, Paris. 1835.

⁵⁾ *Politische Correspondenz*. t. I, p. 90.

Права на него зависать не отъ давности, а отъ раздѣла. Тѣ, которые опираются на эти права, соединяются, чтобы потребовать его возврата. Отсюда вытекаютъ формальные контракты и раздѣльные договоры. Принципъ политическаго равновѣсія опредѣляетъ статьи и устанавливаетъ процедуру. Въ 1668 г., еще при жизни короля испанскаго, Людовика XIV дѣлитъ его наслѣдство съ императоромъ Леопольдомъ; въ 1698 г. онъ дѣлитъ его снова при посредствѣ третейскаго суда, состоящаго изъ Англіи и Голландіи. Подобныя сдѣлки даютъ тонъ дипломатіи слѣдующаго столѣтія. Въ дѣйствительности, этими комбинаціями руководила одна государственная польза; съ теченіемъ времени въ восемнадцатомъ столѣтіи это дѣлается открыто. Правовыя основанія отодвинуты на второй планъ. Дѣлать съ цѣлью уничтоженія и сознаются въ этомъ публично. Война за австрійское наслѣдство есть только шумное проявленіе той политики, которая не знаетъ иного закона, кромѣ своей выгоды. «Смерть императора Карла VI, послѣдняго государя изъ австрійскаго дома, вызвала надежду, что моментъ уничтоженія этой династіи наступилъ, пишетъ герцогъ Шуазель въ одномъ официальном документѣ»⁶⁾. Зависть и тревоги, внушенныя всею Европою той громадной массой государствъ, которыя покойный государь постарался собрать для своей старшей дочери; настроеніе многихъ монарховъ, претендовавшихъ на это наслѣдство; императорская корона, которая составляла связь между столькими разбѣянными государствами и которой австрійскій домъ лишился со смертію послѣдняго, владѣвшаго ею, принца этого дома—все, повидимому, благопріятствовало намѣренію уничтожить эту державу, съ помощью раздѣла; сообразуясь съ картой тогдашней Европы, Франція усвоила систему дѣленія государствъ, принадлежащихъ къ австрійскому наслѣдству, согласно съ правами претендентовъ и такъ перемѣшала доли, что новымъ владѣльцамъ приходилось внимательно слѣдить другъ за другомъ, чтобы противодействовать усиленію котораго-либо изъ нихъ и помѣшать возникновенію новой державы, столь же страшной для Франціи и столь же опасной для ея спокойствія, какъ и послѣдняя австрійская династія. Такимъ способомъ можно сдѣлать спокойствіе болѣе прочнымъ и болѣе надежнымъ въ будущемъ».

Такой взглядъ, путемъ логическаго развитія фактовъ и идей, приводитъ къ тому, что въ раздробленіи государства видятъ не сдѣлку между соперниками-претендентами и вынужденный результатъ войны за наслѣдство, но нормальный ресурсъ дипломатіи, средство предупреждать войны, удовле-

⁶⁾ *Recueil des instructions, Autriche.* Instruction du comte de Choiseul-Praslin 1759. Проектъ этотъ, впрочемъ, былъ не новъ. Первый набросокъ его былъ сдѣланъ въ 1718 г. съ Карломъ XII и въ 1733 г.—съ Сардиніей. См. D'ARAGON *Mémoires*, t. I, p. 29. T. IV, p. 218, 273, 275.

творяя заранѣ честолубіе тѣхъ, которые становятся опасными для общественнаго покоя. Этотъ результатъ принципа равновѣсія, какимъ бы парадоксальнымъ онъ ни казался съ перваго взгляда, вытекаетъ такъ непосредственно изъ этого принципа, что выясняется при первой попыткѣ опредѣлить самый принципъ. Сюлли, составляя свой великій планъ, подразумѣвалъ переворотъ въ правѣ владѣнія, *état de possession*, Европы. Весь экономическій результатъ вестфальскихъ трактатовъ основывается на экзпроприаціи курфиршества въ пользу Европы. Секуляризація ихъ составляетъ прецедентъ. Революція нашла ее въ юриспруденціи и воспользовалась ею ⁷⁾.

Существовало два государства, которые по своему географическому положенію и по внутреннему состоянію, такъ сказать, предназначались для этого рода сдѣлокъ. То были: Турція и Польша. Ими можно было удовлетворить всѣхъ. И потому мысль объ ихъ раздробленіи возникла уже очень рано и была ходячимъ мнѣніемъ еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ ⁸⁾. Въ 1782 Россія и Австрія условились раздѣлить между собою оттоманскую имперію; въ 1772 онѣ же за одно съ Фридрихомъ II раздѣлили Польшу, потому что не могли договориться относительно раздѣла Турціи. Правда, что задумалъ и довелъ эту операцію до конца король прусскій, но она была у всѣхъ на умѣ. Не было государства въ Европѣ, которое упускало-бы изъ вида Польшу. Менѣе чѣмъ въ теченіе года, между декабремъ 1768 и августомъ 1769 г. предлагались слѣдующія сдѣлки: министр Кауницъ предложилъ Маріи Терезіи купить, такъ сказать, короля прусскаго дѣною польской Пруссіи; король прусскій потребовалъ отъ Россіи двѣ польскія провинціи въ уплату за свой союзъ, на что Россія согласилась; французское министерство предлагало вѣнекому кабинету раздѣлить Польшу, надѣясь разъединить этимъ Австрію и Пруссію, и то же самое предлагало берлинскому, съ цѣлью отдалить Пруссію отъ Австріи; наконецъ Турція, воевавшая за независимость Польши, готовилась выдать свою союзницу Австріи, чтобъ заручиться ея поддержкой противъ Россіи.

Участники раздѣла 1772 г. ссылались на старинныя права. Въ глубинѣ души они не приписывали имъ ни малѣйшаго значенія и не надѣялись кого-либо обмануть ими. «У меня очень слабая вѣра въ наши права», признавалась Марія Терезія. «Австрійки берутъ себѣ два староства,—возра-

⁷⁾ Въ 1778 г. когда Австрія задумала овладѣть Баваріей, распространился слухъ, что она намѣрена секуляризировать епископство Мюнстеръ, Гильдесгеймъ, Падерборнъ, чтобъ удовлетворить прусскаго короля и склонить его на свою сторону (Иностранныя дѣла). Это именно доля, которую Франція въ 1802 назначила Пруссіи.

⁸⁾ См. *la Question d'Orient au dix-huitième siècle*. Paris, 1878.

жала Екатерина, почему же не брать и другимъ?» Пусть такъ, заключилъ Фридрихъ, и открылъ торгъ: «когда права не очень справедливы, незачѣмъ ихъ подробно разсматривать» ⁹⁾. Декларація 1772 подчинила эти мнимыя права принципу выгоды, единственному, на который слѣдовало бы сослаться. «Каковы бы ни были величина и предѣлы обоюдныхъ притязаній, пріобрѣтенія, вытекающія изъ нихъ, должны быть совершенно равны».

«Это первый историческій примѣръ правильнаго и мирно совершившагося раздѣла между тремя государствами», пишетъ Фридрихъ ¹⁰⁾. Онъ не былъ послѣднимъ. Разъ начавши дѣлить, съ цѣлью прекращенія распрей, а затѣмъ, для того, чтобъ ихъ предупредить, неминуемо должны были придти къ тому, чтобъ дѣлить ради простого удобства и въ раздѣлѣ монархій видѣть и цѣль и политическій способъ. Слабыя государства со страхомъ слѣдили за системой, грозившей имъ всѣмъ ¹¹⁾. Она занимаетъ всѣ умы, ею наполнена вся переписка послѣднихъ лѣтъ стараго порядка. Это система, вполне законченная, вошедшая въ обычаи Европы и замѣнившая угодливую доктрину равновѣсія, которую она дополняетъ и дѣлаетъ болѣе утонченною. У ней есть свое названіе, *système copartageant* (система сораздѣлительная), которое входитъ въ употребленіе въ министерствахъ, пока не найдетъ своего мѣста въ репертуарѣ дипломатіи. У нея свой принципъ, имѣющій подобіе законности: «пріобрѣтенія должны быть совершенно равномѣрны» ¹²⁾. У нея своя казуистика, смѣшивающая справедливость поступка съ равенствомъ частей ¹³⁾, справедливость операціи—съ точностью вѣсовъ, одинаково служащихъ людямъ съ самыми разнородными намѣреніями. У нея своя юриспруденція, которая рѣшила, для «поддержанія вѣрности вѣсовъ» учитывать доли каждаго сообразно съ *плодородіемъ почвы, населеніемъ, политической цѣнностью*; подъ этимъ схоласты понимали не

⁹⁾ *La Question d'Orient au dix-huitième siècle*, p. 142, 147, 265.

¹⁰⁾ *Mémoires*, éd. Boutaric t. II p. 359. Paris 1866.

¹¹⁾ «Я съ трепетомъ жду,—пишетъ Густавъ III,—въ недалекомъ будущемъ минуты, когда державы захотятъ воспользоваться нашими смутами, чтобъ подчинить насъ себѣ». Іюнь 1772. GEFROY. *Gustave III* t. I p. 263. Paris 1867. — «Венеція и Швейцарія трепещутъ. Въ нѣкоторыхъ притязаніяхъ Австріи усматривается зародышъ системы удобствъ, которая обнаружилась въ раздѣлѣ Польши». *Recueil des instructions*. Autriche. *Instruction du baron de Breteuil* 1774 г.

¹²⁾ Декларація 19 февраля 1772 г., для Австріи; 28 февр.—для Пруссіи; 5 марта—для Россіи, *Question d'Orient* p. 224. «Это справедливое предложеніе было принято безпрепятственно», говоритъ Фридрихъ въ своихъ *Мемуарахъ*, id. p. 216.

¹³⁾ «Я всегда была противъ этого столь неравнаго и безчестнаго раздѣла», писала Марія Терезія—Мерси 1-го февраля 1773.

количество населения, но его *родъ* и *качество* (*espèce et qualité* ¹⁴). У нея свое судопроизводство и формулы: *pantissements d'hypothèque réelle* (залогъ дѣйствительной закладной), назначеніе которыхъ—служить гарантіей для правильного исполненія условій торго. Наконецъ, у нея и свой рыночный жаргонъ: *обмѣнъ* (*troc*) для возмѣщенія разницы въ цѣнности, *суррогаты* *чтобъ вознаградить за убытки обмѣна* (*surrogats pour bonifier le désavantage du troc*) ¹⁵).

Я счелъ необходимымъ изложить эти обычаи и опредѣлить ихъ точный смыслъ, потому что французская революція застала ихъ въ старой Европѣ въ полной силѣ и неприкосновенности. Такого-то рода публичное право хотѣли примѣнить къ Франціи, а за недостаткомъ уступчивости съ ея стороны, вторично примѣнили къ Польшѣ. Не Франція ввела эту систему въ Европу въ 1792: она подвергалась опасности испытать ее на себѣ и, если впослѣдствіи вводитъ ее, то не изобрѣтастъ чего-либо, а только слѣдуетъ старымъ примѣрамъ. Далекая отъ того, чтобъ предписывать старымъ государствамъ эту систему, нарушающую ея права, она сама была поставлена въ необходимость придерживаться ея для того, чтобы вступить въ сношеніе съ этими государствами. Лишь на такихъ условіяхъ она вступаетъ съ ними въ сношенія и получаетъ свое право гражданства въ Европѣ. Она нарушаетъ, искажаетъ, губитъ этимъ свой собственный принципъ и новое право, которому желаетъ доставить преобладаніе, но она не нарушаетъ, не искажаетъ, не губитъ стараго права: старая Европа сама подколопалась подъ его основы. Итакъ, революція не вырыла новаго русла для потока, она только прибавила воды. Это—фактъ, имѣющій большое значеніе. Обычай стараго порядка велъ къ еще болѣе важнымъ и болѣе изумительнымъ результатамъ.

VIII.

Если не стѣснялись дѣлать государства и отнимать владѣнія у монарховъ, то не стѣснялись также обмѣниваться государствами и перемѣщать династии. Право владѣнія въ Европѣ въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго вѣка было въ высшей степени неустойчиво. Имя Альберони характеризуетъ эту систему политической путаницы, какъ имя Макіавеля характеризуетъ систему государственной пользы. Альберони говорилъ даже, что «политику замѣнилъ капризъ нѣсколькихъ личностей, которая без-

¹⁴) *Question d'Orient*. 241.—ANGEBERG, Le congrès de Vienne 1873.

¹⁵) Всѣ эти термины заимствованы изъ дипломатической переписки того времени. Читатель найдетъ ихъ ниже. VIVENOT, *Quellen*. Vienne 1873. Докладъ Кобенцеля отъ 8 августа 1792, т. II р. 164.

смысленно и безосновательно, а можетъ быть даже изъ личныхъ интересовъ, рѣжутъ и кромсаютъ государства и королевства, какъ будто это голландскіе сыры» ¹).

Трактаты Людовика XIV' объ испанскомъ наслѣдствѣ ведутъ за собою полный переворотъ въ картѣ Европы, странное передвиженіе династій, перемѣщеніе государей и правительствъ. Въ 1698 Испанія, Индія, Бельгія и Сардинія должны были имѣть своимъ монархомъ баварца; Неаполь, Сицилія, Президы и Гвишускоа—Бурбона, Миланъ—австрійца. Комбинація эта не удастся; Людовикъ сейчасъ же составляетъ другую ²): Баварецъ исчезаетъ; австріецъ беретъ Испанію и Индію; Бурбонъ беретъ Миланъ, который обмѣниваетъ на Лотарингію, кромѣ того беретъ Неаполь, Сицилію и Президы и мѣняетъ ихъ на Савойю, Ницу и Пьемонтъ. Бельгійцы, между тѣмъ, образуютъ республику и неминуемо соединятся съ Голландіей, если не послужатъ добавочной статьёй въ счетахъ. Трактатъ, составленный приблизительно въ этомъ смыслѣ, былъ подписанъ въ 1699 г. ³). Вліяніе данного такимъ образомъ толчка отразилось на XVIII столѣтіи. Съ 1731 до 1748, герцогство Парма, гдѣ династія прекратилась, переходило то къ Испаніи, то къ Австріи, и наконецъ вернулось къ младшей Испанской вѣтви. Сардинія, приписанная сначала къ Испаніи, отдана Австріи въ 1714 и Савойѣ—въ 1720. Одинъ польскій король получилъ въ свое пользованіе Лотарингію, а герцоги лотарингскіе были переведены въ Тоскану. Неаполь и Сицилія, то раздѣляемые, то вновь соединяемые, претерпѣваютъ самыя странныя превратности и подпадаютъ власти самыхъ непредвидѣнныхъ правителей. Утрехтскіе договоры отдають Неаполь Австріи, а Сицилію—Савойѣ, которая въ 1790 мѣняетъ ее на Сардинію. Былъ одинъ моментъ, когда оба королевства соединяются подъ властью Австріи; пятнадцать лѣтъ спустя они переходятъ къ испанскимъ Бурбонамъ. Въ то время обширнымъ рынкомъ для торговли королевствами была Италія, которая потомъ замѣнилась Польшей, а въ позднѣйшія времена—Германіей. Но движеніе, вызванное первымъ импульсомъ, продолжается и распространяется; французская революція только ускорила его. Благодаря Бонапарту, оно сдѣлалось стремительнымъ. Европа, такъ сказать, сама себя подготовила для завоеванія.

Къ этимъ перемѣщеніямъ привыкли; привыкли даже видѣть низвергнутыхъ и разоренныхъ королей, блуждающихъ безъ пріюта по бѣлу свѣту. «Тотъ, кто вѣрилъ въ дружбу короля англійскаго, короля польскаго и королевы

¹) Письмо, приведенное Сисмонди. *Histoire de France*, t. XXVII, p. 324.

²) Трактатъ съ Англіей 11 октября.

³) Письмо къ Талляру 13 февр. 1699. REYNALD, *Guillaume III et Louis XIV*, t. I p. 242. Paris 1883.—⁴) *Ibid.*, p. 319.

шведской, могъ ли думать, что у него не будетъ пристанища и убѣжища на свѣтѣ?» говоритъ Паскаль ⁵⁾. Семнадцатое столѣтіе видѣло двухъ англійскихъ королей, низвергнутыхъ съ престола. Восемнадцатое столѣтіе представляетъ рядъ государей, которые оспариваютъ одинъ у другого престолъ, изгоняютъ, грабятъ и стараются уничтожить другъ друга ⁶⁾. Самую язвительную сатиру на нравы того времени представляетъ та глава *Кандида*, гдѣ Вольтеръ рассказываетъ о странномъ ужинѣ въ Венеціи, за которымъ герою пришлось быть въ обществѣ иностранныхъ королей: Ахмета III, который похитилъ престолъ у своего брата и былъ въ свою очередь низложенъ своимъ племянникомъ; Іоанна, у котораго отняли престолъ въ колыбели, Карла Эдуарда Англійскаго, польскихъ королей Августа Саксонскаго и Станислава Лещинскаго, и наконецъ для контраста—Теодора, короля корсиканскаго. «Когда они выходили изъ-за стола, въ тотъ же отель явились четыре свѣтлости, также потерявшіе свои владѣнія, благодаря случайностямъ войны, и приѣхавшіе провести остатокъ карнавала въ Венеціи; но Кандидъ уже не обратилъ никакого вниманія на этихъ новыхъ гостей». Весь высшій свѣтъ при дворахъ читалъ этотъ романъ и находилъ крайне забавнымъ этотъ карнавалъ мертвецовъ.

Удивляются легкомысленному равнодушію современниковъ; но что сказать объ ихъ потомкахъ! Вольтеръ шутитъ и преувеличиваетъ ради насмѣшки. Перешагнемъ черезъ нѣсколько лѣтъ, фарсъ воплощается и становится мрачнымъ. Въ 1808 г. въ Эрфуртѣ, передъ «цвѣтникомъ изъ королей», окружавшихъ Наполеона, сдѣлавшагося императоромъ благодаря революціи, на сцену пришлось бы поставить не потѣшный ужинъ Вольтера, а августѣйшій ужинъ, который соединилъ-бы за однимъ столомъ цѣлый легіонъ низложенныхъ государей: Бурбона Французскаго, Бурбона Испанскаго, Бурбона Неаполитанскаго, Браганца, не считая епископовъ, великихъ герцоговъ, аббатовъ, графовъ и разныхъ свѣтлостей.

Но изгнаніе еще не все. Бываетъ хуже. «Я сказалъ: вы боги!», восклицаетъ Боскюетъ, «но, о боги изъ грязи и праха, вы умрете какъ люди. Вы падете, какъ всѣ великіе» ⁷⁾. Они падаютъ дѣйствительно, и паденіе ихъ лишь слегка смущаетъ тѣхъ, которые ихъ переживаютъ. Нельзя не удивляться тому, какъ мало шума произвела въ Европѣ смерть Людовика XVI и Маріи Антуанетты; какъ вяло было негодованіе, какъ не глубока печаль, какъ скоро она была забыта, какъ легко установилось соглашеніе между революціей и правительствами, когда первая урегулировалась, пошла на сдѣлки

⁵⁾ *Pensées*, ed. Havet, art. VI, p. 35. Онъ намекаетъ на Карла I, на Христину Шведскую и на Іоанна Казимира, низложеннаго Карломъ Густавомъ X.

⁶⁾ См. эту картину въ ракурсѣ у Michelet, *Précis de l'histoire moderne*.

⁷⁾ *Politique*, liv., art. IV, prop. I.

и замѣнила политикой раздѣла свою политику пропаганды. Начиная съ 1798, одинъ изъ царевъ былъ посланникомъ въ Берлинъ, другой—въ Неаполѣ, а трое были аккредитованы сначала при папскомъ дворѣ, а потомъ на Раштадскомъ конгрессѣ ⁸⁾. Племянница Маріи Антуанетты увидѣла знаменитѣйшихъ изъ нихъ стоящими вокругъ ея трона. Эта покладливость нравовъ и эта снисходительность со стороны государей—фактъ не новый, и если разсмотрѣть прецеденты стараго порядка относительно этого щекотливаго пункта, то пересташь удивляться.

Я не говорю здѣсь о политическомъ убійствѣ, которое открыто проповѣдывали и совершали въ шестнадцатомъ вѣкѣ; я разсматриваю только тѣ приговоры, которые объявляютъ государямъ само государство за государственное преступленіе, во имя государственной пользы. Въ новѣйшей Европѣ первымъ прецедентомъ служить судьба Маріи Стюартъ: она заключаетъ въ себѣ все другія ⁹⁾. Марія Стюартъ была королевой, ее преслѣдовала за государственныя дѣянія другая королева. Когда она оспаривала съ этой точки зрѣнія компетентность комиссіи, которой было поручено судить ее, председатель этого судилища отвѣчалъ ей: «Оставьте въ сторонѣ эту пустую привилегію королевскаго достоинства, которая не можетъ помочь вамъ теперь; станьте передъ правительствомъ и докажите вашу невинность». Елизавета не удовольствовалась приговоромъ комиссіи: она заставила англійскій парламентъ утвердить его, а шестьдесятъ два года спустя этотъ парламентъ примѣнилъ тотъ же самый законъ ко внуку Маріи Стюартъ, котораго случайности жизни посадили на тронъ Елизаветы. Вопросъ, стоявшій между двумя государями, боровшимися за свои права на суверенитетъ, поднялся въ средѣ англійской націи, которая провозгласила себя монархомъ и королемъ англійскимъ, требовавшимъ возвращенія своихъ суверенныхъ правъ. Повторились сцены изъ процесса Маріи Стюартъ: «Я хотѣлъ бы знать, сказалъ Карлъ I, какая власть вызвала меня сюда.... Англія—почти тысячу лѣтъ наследственная монархія». «Сэръ, отвѣчалъ председатель верховнаго суда, мы заседаемъ здѣсь не для того, чтобъ отвѣчать на ваши вопросы; отвѣчайте: виновны вы или невиновны» ¹⁰⁾. Эти двѣ фразы резюмируютъ весь процессъ Людовика XVI.

Что же между тѣмъ сдѣлали государи въ виду этихъ покушеній на королевское достоинство? Генрихъ III пытался вступить за Марію Стюартъ: она вѣдь была королевой Франціи. Онъ заявилъ, что будетъ считать оскорбленіемъ себѣ ея осужденіе, находя его противнымъ интересамъ всѣхъ ко-

⁸⁾ Сіесть въ Берлинѣ, Лякомъ Сенъ-Мишель въ Неаполѣ, Треиллядъ, Жанъ Дебри, Боннье—въ Раштадтѣ.

⁹⁾ Mignet. *Histoire de Marie Stuart*. Paris, 1854.

¹⁰⁾ Guizot. *Charles I*, t. II, liv. VIII. Paris 1862.

ролей въ совокупности. Елизавета не обратила вниманія на это заявленіе; Генрихъ III не настаивалъ. Король испанскій, бывшій врагомъ Англіи, хотѣлъ отмстить за шотландскую королеву: Елизавета его побѣдила; и нѣсколько лѣтъ спустя, будучи союзницей французскаго короля Генриха IV, внушая уваженіе или страхъ всѣмъ монархамъ, она мирно оставила свою корону сыну своей жертвы, сдѣлавшемуся ея покорнымъ слугою. Можно сказать, что въ этомъ случаѣ была только ссора королевъ, и королевское достоинство было тутъ не причемъ. Что же касается до Карла I, то споръ идетъ между законнымъ государемъ и возмущившимся народомъ; а рѣшеніе одинаково. Европа была взволнована смертью короля Англіи, но каждый выразилъ свое волненіе въ той мѣрѣ, въ какой дозволяли его интересы. Болѣе всего негодовала Голландія, бывшая республикой, и Россія—государство самодержавное. Между Голландіей и Англіей было отчаянное соперничество; у московскаго царя не было никакихъ точекъ соприкосновенія съ Англіей и онъ ея не боялся. Напротивъ того, Испанія и Франція сначала мягко протестовали противъ процесса и казни короля, а затѣмъ соперничали между собою въ поспѣшности, съ какою признали республику. Напрасно ссылались на то, что Карлъ I царствовалъ на тѣхъ же правахъ, какъ Людовикъ XIV, что королева была дочь Франціи, что революція, ниспровергшая тронъ въ Англіи, угрожаетъ всѣмъ тронамъ: ничто не устояло противъ того факта, что республика была сильна, и что въ интересахъ Франціи было войти съ нею въ соглашеніе. Неумолимый реализмъ государственной пользы одержалъ верхъ надъ всѣми доводами чести, религіи и установленнаго права. Мазарини писалъ регентшѣ, Аннѣ Австрійской: «Если руководствоваться законами чести и справедливости, то, какъ будто, не слѣдуетъ признавать этой республики; ничто не можетъ такъ повредить славы короля, какъ это признаніе, соглашаясь на которое онъ покидаетъ интересы законнаго монарха и близкаго родственника, союда и союзника; ничто не можетъ быть такъ несправедливо, какъ признавать узурпаторовъ, которые запятнали руки кровью своего государя... Но такъ какъ законы чести и справедливости никогда не должны заставить сдѣлать что-либо противное законамъ осторожности, то надо принять въ соображеніе... что дальнѣйшій отказъ признать республику не можетъ увеличить или подтвердить права короля... Сверхъ того, есть причины опасаться того, что испанцы, тѣснѣе сблизясь съ англичанами, помѣшаютъ намъ сойтись съ ними и уговорять ихъ если и не вступить съ нами въ открытую войну, то, по крайней мѣрѣ, доставить имъ сильную помощь противъ насъ. Итакъ, мы видимъ, что необходимо безъ отлагательства вступить въ сношеніе съ англійской республикой и признать за ней тотъ титулъ, который

для нея желателенъ»¹¹⁾. Людовикъ XIV призналъ республику, и вся Европа поступила по его примѣру. «О, время! о, нравы! восклицаетъ Лябрюеръ¹²⁾; о, несчастный вѣкъ! Вѣкъ полный дурныхъ примѣровъ... Одинъ человѣкъ сказалъ¹³⁾: переплыву море, отниму у моего отца его вотчину, выгоню его, съ женою и наслѣдникомъ, изъ его земель и изъ его владѣній,—и какъ сказать, такъ и сдѣлалъ. Ему слѣдовало бы опасаться мести королевъ, которыхъ онъ оскорбляетъ въ лицѣ одного короля, но они стоятъ за него, они почти сказали ему: переплыви море, ограбь своего отца, покажи всей вселенной, что можно выгнать короля изъ его королевства, какъ мелкаго владѣльца изъ его замка, или фермера—изъ его мызы. Королевское достоинство не имѣетъ болѣе привилегій; сами короли отъ нихъ отказались»¹⁴⁾. Это были рѣчи краснорѣчиваго меланхолика, но не политика. Только въ глазахъ мыслителей и теологовъ царевѣйство остается святотатствомъ; политикъ заботится лишь о безопасности и выгодѣ. Законъ безсиленъ противъ страстей. Въ Шпейерѣ, въ 1689 г., солдаты Людовика XIV разграбили соборъ, гдѣ находились гробницы восьми императоровъ. Ихъ прахъ былъ развѣянъ по вѣтру¹⁵⁾. Лувуа рассчитывалъ напугать нѣмцевъ и подавить ихъ презрѣніемъ. Не побоялись даже вызвать народную ярость и слѣпой фанатизмъ толпы. Въ 1691 г. разнесся слухъ, что Вильгельмъ III умеръ. «Каждый спѣшилъ разбудить своего товарища, писать Лувуа. Зажгли потѣшные огни и пили много вина». Полиція пыталась умирить народный пылъ, народъ окружилъ полицейскихъ, обнималъ ихъ и увлекалъ въ свой хороводъ. Движеніе охватило провинціи. Вездѣ народъ «яростный и безумный», праздновалъ смерть врага. Это будущая *карманьола*; но важнѣе всего то, что эта карманьола была устроена королевской властью. Вотъ что говоритъ одинъ современникъ; слушаая его можно подуматъ, что находишься въ слѣдующемъ вѣкѣ въ полномъ разгарѣ *санкюлотизма*: «Въ продолженіе нѣсколькихъ дней и ночей тѣпились тѣмъ,

¹¹⁾ Guizot. *Cromwell*, liv. III, p. 234.

¹²⁾ *Des jugemens*.

¹³⁾ Принцъ Оранскій, который низвергъ Якова II и сдѣлался королемъ Англіи подъ именемъ Вильгельма III.

¹⁴⁾ Я прочелъ въ мемуарахъ одного эмигранта, графа Данмартена, слѣдующія слова: «Марія Стюартъ, Карлъ I и Людовика XVI будутъ служить для всѣхъ вѣковъ страшными примѣрами, плоды которыхъ ненадежны. Короли привели народъ къ святотатству царевѣйства, потому что не сумѣли согласиться между собою въ томъ, какое уваженіе надлежало оказывать достоинству ихъ сана». *Bibliothèque des mémoires par. de Lescure*, t. XXXIII. *Mémoires sur l'émigration*. Paris. 1877.

¹⁵⁾ DARESTE. *Histoire de France*. t. V, p. 590. Paris. 1875.

что изображеніе принца и принцессы съ оскорбительными надписями вѣшали, четвертовали, рѣзали, волочили по улицамъ, возили на ослахъ; ученики іезуитовъ, одѣтые демонами, рвали эти изображенія на части. И теперь еще галереи кладбища Св. Иннокентія переполнены эстампами, на которыхъ эти особы представлены въ самомъ неприличномъ видѣ. На радостяхъ много пили и носили покойнаго; отъ криковъ и проклятій узурпатору стонъ стоялъ въ воздухѣ ¹⁶⁾. Такимъ-то образомъ въ Парижѣ, во время царствованія государя, называемаго «непобѣдимымъ защитникомъ и мстителемъ за попираемое монархическое право» ¹⁷⁾, чернь истолковываетъ, безъ помѣхи со стороны полиціи, доктрины государственной пользы. Она познала, что короли могутъ совершать преступленія, что ихъ можно судить, что король измѣнникъ или король врагъ—уже не король. Пойдите дальше, перемѣстите суверенитетъ—народъ немедленно обратитъ противъ короля прецеденты королевской власти. Король становится узурпаторомъ, измѣнникомъ, главнымъ врагомъ. Это прямой и естественно наклонный путь къ 1793 году.

Восемнадцатый вѣкъ спѣшитъ къ нему со своимъ циническомъ легкомысліемъ. Государственная польза дѣйствуетъ уже не такъ рѣшительно и грубо, какъ въ предыдущемъ вѣкѣ. Она разсуждаетъ, разбираетъ, придумываетъ изящные софизмы и претендуетъ на прекрасный слогъ. Въ 1718 царь Петръ казнилъ своего сына за государственное преступленіе. Нѣсколько моралистовъ протестовало. Вольтеръ призвалъ ихъ къ порядку, напомнивъ исторію доктрины римскаго права и законы классической трагедіи, которые мыслители того времени такъ охотно смѣшивали. «Петръ былъ болѣе монархъ, чѣмъ отецъ, онъ пожертвовалъ своимъ собственнымъ сыномъ интересамъ законодателя и строителя.... Еслибъ Алексѣй царствовалъ, то все совершенное Петромъ было бы уничтожено.... Думая объ этой катастрофѣ, чувствительныя сердца трепещутъ, а суровыя—одобряютъ ¹⁸⁾». Государственная польза умѣетъ при случаѣ выказать чарующую грацію. Въ 1742 г. дочь Петра, Елизавета, благодаря перевороту завладѣла правленіемъ и заточила правительницу. Царемъ былъ Іоаннъ, двухлѣтній ребенокъ. Она была тронута его судьбой и между прочимъ обратилась къ маркизу Шетарди, французскому послу, за совѣтомъ. Шетарди былъ молодъ, нѣженъ и представлялъ при этомъ полувивилизованномъ дворѣ утонченныя нравы Запада. Елизаветѣ онъ не мало помогъ овладѣть трономъ. На ея вопросъ онъ написалъ: «Надо употребить всѣ средства чтобы стереть самыя слѣды Іоанна VI; это—единственная возможность предохранить Россію теперь или потомъ отъ тѣхъ бѣдъ, которые

¹⁶⁾ CAMILLE ROUSSET. *Louvois IV*, ch. XIII, p. 425.

¹⁷⁾ BOSSUET. *Oraison funèbre de la reine d'Angleterre*.

¹⁸⁾ *Histoire de la Russie*, ch. IX.

могутъ быть вызваны извѣстными обстоятельствами, и которыя особенно опасны въ вашей странѣ, какъ показалъ примѣръ Лжедмитрія» ¹⁹⁾. Все это было высказано въ весьма изящныхъ выраженіяхъ; лицемѣріе формы еще рѣзче обнаруживало безпощадность мысли. Елизавета отступила передъ жестокостью такого совѣта; она пощадила жизнь малолѣтняго Іоанна, и онъ умеръ въ крѣпости двадцать три года спустя. Людовикъ XVIII умеръ быстрѣе, будучи менѣе крѣпкаго сложенія; но въ общемъ подчинился тому же закону, и несмотря на мучительную агонію, несмотря на обстоятельства, которыя сдѣлали этотъ жестокий секвестръ ребенка историческимъ событіемъ, заключеніе и смерть произвели не болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ смерть остальныхъ жертвъ государственной необходимости, пресловутой *raison d'Etat*.

Исторія европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и Россіи, дала не мало прецедентовъ, но нельзя не удивляться равнодушію, съ какимъ эти государства относятся къ подобнымъ событіямъ. Дипломаты сообщаютъ о дворцовыхъ заговорахъ и заточеніи царственныхъ особъ, какъ о самыхъ обыденныхъ вещахъ въ мірѣ. ²⁰⁾. Они не возмущаются, не волнуются; нѣкоторые даже радуются, если видятъ въ подобныхъ событіяхъ выгоду для двора, представителемъ котораго служатъ.

Такимъ именно образомъ отнесся къ событіямъ, сопровождавшимъ восшествіе Екатерины II, австрійскій посланникъ, графъ де-Мерси, тотъ самый, который игралъ впоследствии такую видную роль въ Парижѣ. Для Фридриха, котораго спасла нѣкогда отъ катастрофы дружба Петра III, это былъ «ударъ грома». Для Маріи Терезіи, имѣвшей основаніе быть недовольной образомъ дѣйствій Петра III по отношенію къ Австріи—счастливая случайность. «Я преклоняюсь передъ божественнымъ провидѣніемъ, которое бдло надъ Австріей, Россіей и христіанскимъ міромъ, пишетъ она де Мерси; никакое извѣстіе не радовало такъ моего сердца, какъ это счастливое вступленіе на тронъ»; англійскій король «сердечно» поздравляетъ новую царицу. Что касается до Людовика XV, онъ имѣлъ такія же основанія радоваться, какъ и Марія Терезія, а потому не скупится на выраженія своего восторга и пишетъ своему посланнику, барону Бретейлю: «Скрытность царствующей императрицы и мужество ея въ моментъ исполненія задуманнаго плана доказываютъ, что она способна задумать и совершить великія дѣла. Я убѣжденъ, что не только придворные, но даже иноземцы и посланники, живущіе

¹⁹⁾ ALBERT VANDAL, *Louis XV et Elisabeth de Russie*, ch. II. Paris 1882. Не менѣе жестоко письмо Фридриха отъ 20 апрѣля 1743. *Politische Correspondenz*. Онъ совѣтуетъ сослать Іоанна въ Сибирь, гдѣ онъ могъ-бы исчезнуть незамѣтно.

²⁰⁾ См. Труды Россійскаго историческаго общества, т. XVIII.

близъ этой государыни, поспѣшатъ заявить свое почтеніе и даже выдѣлиться между другими, чтобъ крѣпче привязать Россію къ интересамъ своихъ властелиновъ. Это-то уваженіе къ вѣнчаннымъ главамъ должно лечь въ основу вашего поведенія и вашихъ разговоровъ съ императрицей». Что касается до развѣнчанныхъ главъ, то уваженіе, повидимому, не было обязанностью по отношенію къ нимъ. Исторія восшествія на престолъ Екатерины быстро распространилась. Рюльеръ написалъ ее въ 1773, онъ ничего не скрылъ, ни ея политическую, ни частную жизнь. Эта книга надѣлала много шуму. Екатерина захотѣла прочесть и просила Дидро, жившаго тогда въ Россіи, прислать ее. Этотъ философъ, который при случаѣ любилъ щегольнуть безстыдною лестью, счелъ однако необходимымъ выказать нѣкоторую осторожность. «Что касается до васъ, государыня, сказалъ онъ, если вы придасте большое значеніе добродѣтели и благопристойности, этимъ изношеннымъ лохмотьямъ вашего пола, то долженъ сказать, что это сочиненіе—сатира, направленная противъ васъ; но если васъ интересуютъ больше великія цѣли, мужественныя и патріотическія идеи, то авторъ доказываетъ, что вы—великая государыня и, вообще говоря, дѣлаетъ вамъ больше чести, чѣмъ зла». — «Мнѣ тѣмъ болѣе хочется прочесть эту книгу» ²¹⁾ отвѣчаетъ царица.

Собственно говоря, между государями все сводится въ этомъ важномъ вопросѣ къ выгодѣ и къ приличію. Соблюдать послѣднее бывало иногда очень трудно: приходилось быть крайне бдительнымъ; такъ въ 1781 г. великій князь Павелъ, наследникъ Петра III, пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ пріемъ былъ чрезвычайно пышенъ: давались парадные спектакли, въ оперѣ ставили *Ореста* съ балетомъ, въ драматическомъ готовили *Гамлета*. Въ *Орестѣ*, несмотря на музыку и танцы, заключалось не мало дерзкихъ намековъ, но *Гамлетъ* превосходитъ всякую мѣру. На это обратилъ вниманіе актеръ Шредеръ, и благодаря его такту избѣжали грубаго нарушенія приличій, за что онъ получилъ подарокъ въ пятьдесятъ дукатовъ.

Дальнѣйшее отношеніе европейскихъ дворовъ къ русскимъ дѣламъ и въ особенности къ событію 1801 г. доказали еще разъ, что, несмотря на катастрофу 1793 года, старыя традиціи ни мало не измѣнились при этихъ дворахъ.

IX.

Отношеніе государей къ дворцовымъ переворотамъ чужихъ государствъ объясняется поведеніемъ правительствъ по отношенію къ нимъ самимъ въ мо-

²¹⁾ Докладъ Дюрана 9 ноября 1773 г. *Publications de la Société d'histoire de Russie*, t. XVII, p. 288.

ментъ посягательствъ на ихъ суверенитетъ. Я подразумѣваю революціи. Ихъ было не мало въ Европѣ, но никто даже не воображалъ, чтобъ можно было выдѣлить идею революціи изъ частныхъ событій, среди которыхъ происходили всѣ эти прежнія революціи. Революція, разсматриваемая сама по себѣ, какъ нормальное и непрерывное измѣненіе обществъ, была для государственныхъ людей стараго порядка такимъ же чуждымъ понятіемъ, какъ и понятіе о династической законности, разсматриваемой какъ незабываемый и абсолютный принципъ верховной власти монарховъ. Эти совершенно отвѣченные понятія сложились въ умахъ не ранѣе, какъ во время французской революціи подъ вліяніемъ одинаковыхъ философскихъ методовъ. Французская революція «есть событіе, единственное въ исторіи», писалъ Жозефъ де Местръ въ 1796 ¹⁾. Поэтому-то люди стараго порядка такъ сильно ошиблись въ опредѣленіи характера этой революціи: они судили о ней по прецедентамъ и поступали сообразно съ такимъ сужденіемъ.

Они знали изъ исторіи и видали воочию мятежи, эти продукты вѣчной бѣдности, преслѣдованій, присущаго человѣческой природѣ безпокойства, алчности, подстрекательства крамольниковъ, заговоровъ, наконецъ той анархіи, которая развивается само собою, когда правительство слишкомъ мало удовлетворяетъ потребностямъ страны, или когда власть недостаточно сильна. Они не разъ наблюдали «эти возмущенія, къ которымъ такъ склонны народы» ²⁾. Они слѣдили за ходомъ ихъ въ итальянскихъ республикахъ, имъ было извѣстно относительное вліяніе и значеніе партій, а равно и средства, которыми онѣ располагаютъ: изгнаніе, конфискація, смертныя казни, возмущенія, междоусобная война. Они видѣли, какъ одни и тѣ же факты, съ одними и тѣми же послѣдствіями повторялись во Франціи и въ Англіи. Они знали, что, предоставленный самому себѣ, человѣкъ становится вновь тѣмъ же жестокимъ, безмысленнымъ дикаремъ, какимъ создала его природа. Все это было давно извѣстно, и все это казалось весьма простымъ и естественнымъ. То были хроническія болѣзни государствъ, естественная форма ихъ упадка и смерти. Причина болѣзни заключалась въ самихъ государствахъ, въ порчѣ ихъ органовъ отъ дряхлости или вслѣдствіе излишествъ, а не происходила отъ какой-нибудь полученной раны или заразы, занесенной извнѣ. «Политическія тѣла,—пишетъ одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ и разумнѣйшихъ историковъ,—подобно логическимъ предложеніямъ, имѣютъ свое начало, прогрессію и періодъ.... Вполнѣ естественно, что вещи распадаются, благодаря ослабленію того, что служило причиною ихъ усиленія» ³⁾. Боссеюетъ воз-

¹⁾ *Considérations sur la France*, ch. IV.

²⁾ PASCAL, *Provinciales*, lettre XIV.

³⁾ ETIENNE PASQUIER, *Lettres*, liv. XII. lettres VII и VIII à M. de Sainte Marthe.

лагают смѣло всю отвѣтственность на правителей: «Какъ бы глубоко ни забирались мы въ исторію за примѣрами великихъ возмущеній, вездѣ мы видимъ, что причина ихъ лежала или въ слабости, или въ жестокости государей. Въ самомъ дѣлѣ, когда государи не хотятъ знать ни своихъ дѣлъ, ни своихъ армій.... не заботятся о законахъ, не соблюдаютъ ни въ чемъ мѣры, теряютъ уваженіе и страхъ, которые должны внушать людямъ, такъ что послѣдніе думаютъ, что страданія, которыя они претерпѣваютъ, нестерпимѣ тѣхъ, которыя могутъ предстоять въ будущемъ, тогда-то крайняя распущенность, или терпѣніе, которымъ слишкомъ долго злоупотребляли, представляютъ страшную опасность для правителей ⁴⁾».

Вслѣдствіе такой точки зрѣнія, правительства усматривали въ революціяхъ иностраннаго государства частный кризисъ и судили о немъ согласно со своими интересами: они или возбуждали ихъ, если находили то для себя выгоднымъ, или же содѣйствовали умирненію. Это было излюбленнымъ полемъ политическихъ маневровъ и классическомъ ресурсомъ дипломатіи.

Великая революція, взволновавшая центральную Европу въ шестнадцатомъ вѣкѣ и затянувшая ее въ войну, длившуюся до половины семнадцатаго столѣтія, оставила въ государственныхъ людяхъ Европы память о наилучшихъ случаяхъ для заключенія выгодныхъ договоровъ. Если хотите, это былъ желѣзный вѣкъ, но онъ-то и удобенъ для войны и переговоровъ. Политическое богатство того времени расхваливали, какъ расхваливаютъ богатство тѣхъ перувианскихъ рудниковъ, гдѣ приносились въ жертву цѣлыя поколѣнія, чтобъ нагрузить золотомъ нѣсколько испанскихъ гальоновъ. Правители поражались только результатами, настоящей характеръ революціи ускользалъ отъ ихъ вниманія. То же самое произошло двѣсти лѣтъ спустя по поводу французской революціи. Подобно социальной и политической революціи восемнадцатаго столѣтія, религіозная революція шестнадцатаго вѣка была абстрактна по своему принципу, космополитична по своему дѣйствію; она имѣла исходной точкой міровыя идеи и взывала ко всѣмъ народамъ. Она сблизила то, что было разъединено, и раздѣлила то, что было соединено, вызвала борьбу и завязала союзы между правительствами; подняла бунты и возбудила междоусобную войну внутри государствъ. Она породила апостоловъ, прозелитовъ, мучениковъ, фанатиковъ,

⁴⁾ *Oraison funèbre de la reine d'Angleterre.* — А вотъ и мнѣніе политика практика, во второй части *Mémoires de Retz*, глава III. «Больныя государства слабѣютъ вслѣдствіе продолжительности зла. Люди предполагаютъ, что оно безконечно, а разъ найдя изъ него выходъ, что всегда возможно, они такъ удивлены, такъ обрадованы, такъ увлечены, что переходятъ внезапно къ другой крайности и не только не считаютъ революціи невозможными, но считаютъ ихъ легкими, и иногда одного этого настроенія достаточно, чтобъ ихъ совершать».

перевернула всю Европу и, такъ сказать, привела снова въ состояніе плавленія ея составные элементы. Но этотъ хаосъ былъ только кажущійся, и когда кризисъ миновалъ, то для всѣхъ стало очевидно, что всѣ элементы расположились по своему природному средству.

Реформація коснулась всѣхъ націй: каждая толковала ее сообразно со своими личными склонностями, частными традиціями и унаслѣдованными воззрѣніями. Она оживила и даже раздражила народные страсти, дала имъ новыя формы и новую пищу, но она не создавала ихъ. Въ Германіи, она вызвала взрывъ антагонизма между сѣверомъ и югомъ; въ Англіи—способствовала установленію свободнаго правленія; во Франціи въ одно и то же время, смотря по мѣстности, была аристократической или демократической, служила для знати предлогомъ предъявлять свои права королю, а для народа—требовать своихъ правъ отъ знати. Націи приспособляютъ ее къ своимъ традиціямъ, а правительства—къ своимъ системамъ управленія. Между Испаніей и Франціей существовало жгучее соперничество. Испанія пользуется религіозными войнами, чтобъ вызвать возмущенія во Франціи: она содержитъ на жаловань фанатиковъ и кормитъ демагоговъ. Франція старается отвлечь Германію; Австрійскій домъ борется съ реформаціей, потому что желаетъ единства власти; сѣверные князья поддерживаютъ ее потому, что желаютъ раздѣла власти; Австрія стремится къ всемірному владычеству, но можетъ добиться этого только съ помощью религіознаго объединенія и поддержки со стороны Римской церкви: Карлъ V и Филиппъ II остаются, какъ и прежде, крайними католиками. Французскій король противится преобладанію австрійцевъ: онъ поддерживаетъ нѣмецкихъ реформаторовъ и становится бойцомъ за нѣмецкія вольности. Эти вольности тѣсно связаны съ успѣхомъ реформаціи: нѣмецкіе князья, принимающіе ее, стремятся сдѣлаться независимыми отъ императора и имперіи. Французскій король, помогая имъ изо всѣхъ силъ, напротивъ того подавляетъ у себя реформацію, потому что желаетъ быть у себя властелиномъ и потому что аристократы рассчитываютъ поступить съ нимъ такъ же, какъ имперскіе князья—съ Австрійскимъ домомъ. Такимъ-то путемъ этотъ великій религіозный кризисъ превратился въ политическій; конфликты изъ-за власти одержали верхъ надъ принципиальнымъ столкновеніемъ, и борьба закончилась передѣломъ территорій.

Въ свѣтскомъ и политическомъ по существу характерѣ вестфальскихъ трактатовъ ясно обнаружилось воззрѣніе европейскихъ правительствъ на реформацію. Несомнѣнно, что эти трактаты значительно способствовали установленію свободы совѣсти, но они сдѣлали это лишь косвеннымъ путемъ и скорѣе силою вещей, чѣмъ по доброй волѣ. Къ знаменитому правилу: *Cujus regio, ejus religio* присоединилось понятіе о государ-

ственной религии, т. е. государственной пользы, принимаемой к делам совести, что гораздо ближе к нетерпимости, чем к свободе. В основу мировой сделки между государствами заложен был тот принцип, что каждый утверждается в своей собственной независимости, и великие мира сего усиливаются в ущерб малым. Чтобы добиться мира, католические государства, представители старого порядка вещей, вошли в сделку с новым порядком и согласились на секуляризацию церковных имуществ. Средневековое народное право было нарушено в принцип и на деле: единство веры и верховное господство римского двора исчезли, и в то же время мелкие феодальные княжества были поглощены более крупными государствами. Если сравнить трактаты 1648 с трактатами 1801 и 1803, то неминуемо приходишь к заключению, что первые нанесли такой же удар публичному праву старой Европы, как и вторые, бывшие только их следствием и подражанием. Дело в том, что, стоя лицом к лицу с французской революцией, которая имела так много общего с реформацией, правительства конца восемнадцатого века поступали совершенно так же, как правительства XVI века. Вся юриспруденция старого порядка в деле революций вытекает из этого прецедента.

Первое и самое богатое последствиями применение ее заключается во вмешательстве в междоусобные войны. Эти войны следуют за домашними войнами феодального режима и сохраняют тот же характер. Феодальный режим, ставивший власть господина вместо отечества, раздроблявший государства, представлял необыкновенные удобства для союзов. Феодалы, постоянно враждующие друг с другом или со своим сюзереном, не стеснялись призывать на помощь других владельцев или даже других сюзеренов. Там, где феодальный режим еще продолжал держаться, как в Германии, эта привычка увековечилась, и вестфальские трактаты санкционировали ее; во Франции, где королевская власть получила преобладание над феодальной, обычай пережил обстоятельства, давшие ему начало. К борьбе против верховного властителя применялись те же обычаи, какими следовали в борьбе феодальной. Партия считала себя в праве приглашать на помощь чужестранцев, потому что каждая стремилась к верховной власти и даже преобладанию над остальными. Считая себя государством, каждая мятежная партия считала себя и отечеством: эти идеи сливались воедино. Ришелье сражался при Ларошели одновременно с гугенотами и с англичанами; Мазарини боролся одновременно против испанцев и фронды, вступивших тогда в союз. Два величайшие героя Франции, Конде и Тюренн, так много сделавшие для Франции в борьбе против чужеземцев, поочередно

соединялись с чужеземцами против французского государства. Несомненно, что понятия о государстве, государствах, отечестве постепенно становились более точными, более определенными и раздельными. Боден писал в шестнадцатом веке: «Никогда не может быть справедливым поднимать оружие против своего государя и отечества». Государственная измена становилась более определенным преступлением и вызвала более систематичные кары⁵⁾. Однако военные обычаи шестнадцатого века и время фронды вовсе не исчезли в эпоху французской революции. Как скоро представится аналогичный случай, проявятся и старые способы борьбы: вооруженная эмиграция в союз с составленной против Франции коалицией вытекает из этих самых обычаев; это — последний эпизод феодальной политики, современник уничтожению последних следов феодализма. В этот момент, благодаря именно вооруженной эмиграции, произошло выделение понятия об отечестве из понятия о государстве. Это одно из главнейших явлений французской революции, и оно было, без сомнения, подготовлено ранее. Сама королевская власть поработала над ним, но оно не было вполне усвоено умами, и особенно умами тех, над которыми оно впоследствии одержало верх, а они-то именно и ссылались на феодальные обычаи. Таким путем и могла возникнуть вооруженная эмиграция, могла организовать государство против государства, заключать союзы и нахлынуть на французскую территорию вместе с иностранными армиями, считая это своим правом, так как, по ее мнению, она унесла с собою государство и отечество и теперь сражается с узурпаторами.

Таково общее настроение умов по всей Европе; правительства пользуются им друг против друга. Мало того, что они поощряют возмутителей, они создают их; они не только поддерживают междоусобную войну, но вызывают ее; не только эксплуатируют революцию, но готовят ее. «Разве благоразумие и справедливость позволяют ожидать, чтобы съели других для того, чтобы нас проглотили последними?» сказал Ришелье⁶⁾. В одной апологии Людовика XIV, написанной его современником, говорится: «Если для государя позорно разжигать бунт поданных против законного государя, то австрийский дом давно показал нам пример... Если же между государями установлен обычай возможно больше вредить друг другу, то зачем ставить в вину нам то, что совершается во

⁵⁾ Бальзак, в *Le Prince*, горячо высказывает чувства современников против тех: «кто отрекся от своего государя и хотел продать свою страну чужеземцам».

⁶⁾ *Lettres et papiers d'Etat*, t. VIII, p. 214, année 1635.

всемъ міръ?»⁷⁾. Фактъ тотъ, что каждый, по выраженію Сень-Симона, хлопотеть о томъ, чтобы заварить у сосѣда кашу. Англія никогда не упускала случая сдѣлать это на зло Людовику XIII и XIV, которые оплачивали ей съ лихвою. Великій король считалъ выгоднымъ устраивать возмущенія повсюду, гдѣ у него были враги; онъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: «Я поддерживалъ нѣкоторыя сношенія въ Венгріи, чтобъ насолить императору, какъ скоро онъ вздумаетъ вмѣшаться въ мои дѣла⁸⁾. Но самымъ поразительнымъ примѣромъ, самымъ характеристичнымъ прецедентомъ служатъ сношенія французскаго двора съ Англіей во время революцій семнадцатаго столѣтія. Они представляютъ уже все тѣ превращенія въ политикѣ великихъ державъ, особенно Австріи, въ сношеніяхъ съ Франціей, которыя имѣли мѣсто во время французской революціи.

Карлъ I боролся за прерогативы королевской власти; французская монархія выдерживала въ это время такую же борьбу. Торжество революціонной партіи въ Англіи естественно дѣйствовало ободряющимъ образомъ и на французскихъ мятежниковъ. Правительство не смущалось этимъ. Посланникъ Людовика XIII въ Лондонѣ писалъ въ 1637 г. «Обстоятельства, по моему мнѣнію, благоприятствуютъ тому, чтобъ поставить англійскаго короля въ затруднительное положеніе». Ришелье немедленно воспользовался ими. Воодушевляя недовольныхъ, онъ, въ то же время, въ тайнѣ подстрекалъ дворъ. Королева хотѣла бѣжать во Францію, Ришелье ее отговорилъ. «Кто бросаетъ игру при такихъ условіяхъ, тотъ ее проигрываетъ»⁹⁾, писалъ онъ ей. Онъ желалъ безпорядковъ въ государствѣ и въ результатъ — ослабленія Англіи. Такою же была политика Мазарини. Агенты, которыхъ онъ посылалъ, — д'Аркуръ, въ 1644, Беллевръ, въ 1647, — получили инструкціи запутать дѣла. Парламентъ провозгласилъ себя правительствомъ. Мазарини былъ того мнѣнія, «что теперь не время спорить о формальностяхяхъ», и призналъ суверенитетъ парламента¹⁰⁾. Генріетта, сестра французскаго короля, жаловалась, что ее покинули, предали, плакала и возмущалась этой коварной политикой¹¹⁾. Однако насталъ моментъ, когда англійская революція показала опасной даже для континента. Въ ней обнару-

⁷⁾ См. CAMILLE ROUSSET. *Louvois*, t. III, ch. IV.

⁸⁾ 1666 г. *Le Recueil des Instructions, Autriche*, инструкціи маркиза де-Витри, 1679, стр. 74, и маркиза де-Себевиля, 1680, стр. 88. Сравните исторію революцій въ Неаполѣ и Мессинѣ 1647 и 1674 г.

⁹⁾ GUIZOT. *Charles I. Pièces*, № 6.

¹⁰⁾ FLASSAN. *Histoire de la diplomatie*, livre VI. Такимъ же образомъ Австрія признала конституцію 1791 г.

¹¹⁾ Сравните письма Монтреля, именно письмо отъ 21 марта 1641 у GUIZOT, *Charles I, Pièces* № 6, съ письмами Мерси-Арженто. Марія Антуанетта была сестрой Иосифа II и Леопольда II; Кауницъ игралъ роль Мазарини.

жила тотъ сектаторскій духъ, который, по словамъ Боссюета, «долженъ уничтожить все королевства и сравнять всехъ людей: такова крамольная мечта индѣпендентовъ и ихъ святотатственная и нечестивая химера».

Во Франціи междоусобная война была въ полномъ разгарѣ. Фрондеры ссылались на примѣръ англійской республики и хвалились ея поддержкой. Это республика какъ будто стремилась вынести за свои предѣлы пламя, пожирившее ее внутри. Ей приписывали замыселъ присоединить Голландію, имѣвшую одинаковую форму правленія и одинаковую религію. *Faciamus eos unam gentem*, писалъ одинъ парламентскій делегатъ въ Голландіи¹²⁾. Республиканцы становились надменными. Кромвель говорилъ: «Я сдѣлаю имя англичанъ столь же великимъ, какъ имя римлянъ». Онъ задумывалъ создать лигу всехъ протестантовъ и стать во главѣ ея. Ему приписывали слѣдующую фразу: «Будь я десятью годами моложе, не было-бы короля въ Европѣ, который не трепеталъ-бы предо мною». Имѣя болѣе благородные мотивы, чѣмъ покойный король Швеціи, Кромвель считалъ еще себя «способнымъ сдѣлать для блага народовъ болѣе, чѣмъ сдѣлалъ шведскій король въ угоду своему честолюбію».

Получая такого рода предостереженія и угрозы, Мазарини, повидимому, долженъ былъ снѣшиться съ образованіемъ контръ-лиги. Онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ; видя, что Кромвель и его республика такъ упрочились, онъ разсчиталъ, что выгоднѣе имѣть ихъ друзьями, чѣмъ врагами. Онъ вошелъ съ ними въ соглашеніе, находя это выгоднымъ и для себя. И вотъ мы видимъ христіаннѣйшаго короля союзникомъ протестантской и цареубійственной республики, и видимъ эту республику воюющей съ единственнымъ государствомъ на континентѣ, съ которымъ должна-бы связывать ее общность религіозной и политической формы, — съ Голландіей. «Я не буду вамъ рассказывать, — восклицаетъ Боссюетъ, — ни о счастливомъ исходѣ всехъ его предпріятій, ни о славныхъ побѣдахъ, которыми возмущались добродѣтельные люди, ни о долгомъ спокойствіи, которое удивило вселенную». Удивляться было не въ модѣ, и если гдѣ-либо успѣхи Кромвеля были необъяснимы, то уже никакъ не при дворѣ Людовика XIV. Тотъ, преимущественно дорожившій своими прерогативами, король не колебался назвать Кромвеля *государемъ*, выразить ему, что «считаетъ его однимъ изъ самыхъ великихъ и счастливыхъ людей въ Европѣ»¹³⁾. Престижъ Кромвеля въ Европѣ былъ громаденъ. Читая его исторію, какъ будто читаешь сокращенную исторію Бонапарта. Его боялись, ему удивлялись, его дружбы домогались. Онъ получаетъ посольства изъ Швеціи, Германіи, Италіи и даже Польши. Принцъ Конде пишетъ ему въ 1653: «Я думаю,

¹²⁾ Подробности см. Guizot, *Cromwell*, Paris, 1860.

¹³⁾ Ibid., t. II, p. 369.

что народы трех королевств находятся наверху счастья, сознавая, что их жизнь и имущество находятся под управлением такого великаго человека. Что касается до меня, то я умоляю ваше высочество вѣрить, что я счелъ бы себя очень счастливымъ, еслибъ могъ въ чемъ-нибудь служить вамъ». Восхищеніе, которое внушалъ Кромвель, пережило его могущество. Онъ умеръ, республика пала, и въ мемуарахъ Людовика XIV за 1662 г., мы встрѣчаемъ такую фразу: «Кромвель, которому его гений, обстоятельства и несчастья родины внушили мысли, далеко несоотвѣтствовавшія его происхожденію....»

Между тѣмъ какъ въ Лондонѣ отовсюду стекались къ протектору иностранныя посольства, законный наслѣдникъ англійскаго трона, Карлъ II, блуждалъ несчастнымъ изгнанникомъ на континентѣ, выпрашивая секретную аудіенцію для своихъ посланниковъ, пенсію для служителей, убѣжище для себя и для своихъ близкихъ. Вездѣ лишній и отовсюду выпроваживаемый, онъ встрѣчалъ лишь тайное соблазнованіе и публичныя оскорбленія. Это, такъ сказать, предисловіе къ исторіи Бурбоновъ, начиная съ французской революціи и кончая 1814 г. Карлъ снова вступаетъ на престолъ. «Оскорбленіе королей получило возмездіе». Боссюетъ вмѣняетъ это въ заслугу Людовику XIV; но послѣдній не забываетъ традицій своей политики, и въ его мемуарахъ за 1666 г. мы читаемъ: «Я содержалъ нѣсколькихъ пенсіонеровъ въ Ирландіи, чтобъ поднять тамъ католиковъ, и вступилъ въ переговоры съ перебѣжчиками въ Англію, обѣщая имъ значительныя суммы, чтобъ вновь призвать къ жизни остатки партіи Кромвеля». Если онъ поступалъ такимъ образомъ съ Карломъ II, законнымъ государемъ, бывшимъ еще недавно его протеже и его наемникомъ, то еще беззастѣнчивѣе поступилъ онъ съ Вильгельмомъ III, государемъ узурпаторомъ и самымъ ожесточеннымъ изъ его враговъ. Эта замѣтка 1666 г. даетъ намъ вѣрный тонъ восемнадцатаго вѣка.

X.

Въ этомъ столѣтіи было много революцій; между ними нѣтъ никакой связи, нѣтъ также никакого соотношенія между формами правительствъ и ихъ поведеніемъ по отношенію другъ къ другу во время всѣхъ этихъ кризисовъ. Такъ какъ каждое изъ нихъ преслѣдовало только свою непосредственную выгоду, то и политика ихъ мѣнялась сообразно съ обстоятельствами. Англія представлялась французамъ, и вообще государственнымъ людямъ континента, странною, разрываемою партіями. «Правленіе этого острова болѣе бурное, чѣмъ море, которое его окружаетъ», говорилъ Вольтеръ¹⁾. То,

¹⁾ *Lettres philosophiques. Lettre VIII.*

что становится революціей въ Англіи, въ другихъ мѣстахъ—не болѣе какъ возмущеніе. «Дипломаты рисуютъ ее всегда какъ бы наканунѣ переворота»²⁾. Версальскіе политики радовались этому. Де-Шуазель писалъ: «мы совсѣмъ не смѣлимъ видѣть въ Англіи прочно установившееся министерство. Я надѣюсь, что анархія не прекратится такъ скоро, и желалъ бы, чтобъ она продолжалась цѣлый вѣкъ»³⁾. Въ 1762 г. (?) распространился слухъ, что русскіе вельможи выказали слабое поползновеніе подражать польскимъ магнатамъ. Людовикъ XV сердился въ это время на Россію. «Все, что можетъ повергнуть ее въ хаосъ и вернуть къ ничтожеству, выгодно для моихъ интересовъ», писалъ онъ своему посланнику⁴⁾.

Вотъ почему сосѣди Польши такъ ревностно оберегали вольности, которыя поддерживали эту республику въ состояніи анархіи и, такъ сказать, открывали доступъ вмѣшательству и раздѣламъ. Благодаря анахронизму ея конституціи, Польша воспроизводила въ Европѣ восемнадцатаго столѣтія смутную и мрачную хронику средневѣковыхъ войнъ. Не было въ ней ни одной партіи, которая не рассчитывала бы на иностранныя государства, и не было ни одного государства, которое не поддерживало бы въ ней своей партіи. Вѣна, Петербургъ и Берлинъ стояли за тотъ принципъ, что надо противиться, во что бы ни стало, всякой реформѣ, которая можетъ укрѣпить въ Польшѣ государственную власть. Самая конституція Польши позволяла ея сосѣдямъ поддерживать въ ней постоянную смуту, а вытекающіе изъ нея безпорядки служили имъ предлогомъ вступиться въ дѣло республики и довершить ея паденіе⁵⁾. Такимъ образомъ они постарались разжечь междоусобную войну въ 1768, а въ 1772 нашли справедливымъ и необходимымъ положить конецъ анархіи, которая возникла въ Польшѣ и становилась опасной для ея пограничныхъ сосѣдей.

У шведовъ была конституція, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходная съ конституціей Польши⁶⁾. Не представляя сосѣдямъ Швеціи такихъ удобныхъ случаевъ къ вмѣшательству, она тѣмъ не менѣе очень интересовала ихъ, и они крѣпко оберегали ее. Враги Швеціи говорили о шведскихъ вольностяхъ тономъ, достойнымъ римскаго сената. Въ инструкціяхъ, данныхъ въ 1767 г. датскому посланнику въ Стокгольмѣ, говорится: ⁷⁾ «Каждая власть, каждый человекъ, поддерживающій въ Швеціи свободу и законы (т. е. олигархиче-

²⁾ MONTESQUIEU, *Notes sur l'Angleterre*, См. CORNÉLIS DE WITT. *La société anglaise et la société française au dix-huitième siècle*. Paris 1864.

³⁾ Письмо Дюрану, отъ 4 августа 1767, CORNÉLIS DE WITT, *Jefferson. Pièces*. Paris 1861.

⁴⁾ VANDAL. *Louis XV et Elisabeth de Russie*, p. 424.

⁵⁾ *La Question d'Orient au dix-huitième siècle*.

⁶⁾ GEFFROY, *Gustave III et la cour de France*.

⁷⁾ *Correspondance ministérielle du comte de Bernstorff*. Copenhague, 1882.

скую конституцію), имѣть право на дружбу короля, на его помощь и поддержку; всякая держава, которая покушается на ихъ цѣлость,—врагъ короля, всякій человѣкъ, который борется противъ нихъ или измѣняетъ имъ, навлекаетъ на себя его немилость». Когда этимъ драгоценнымъ шведскимъ вольностямъ угрожала какая-нибудь опасность, Фридрихъ обнаруживалъ такое «великодушіе», которое изумило бы Лафайетта, а Екатерина—такія добродѣтели, которыя могли бы смутить самую г-жу Роландъ. Въ 1764 и 1768 г. сѣверные самодержавцы обязались формальными трактатами противодействовать «возстановленію самодержавія въ Швеціи». Густавъ III хотѣлъ его возстановить, и Франція, нуждавшаяся въ союзникѣ на сѣверѣ, помогала ему. Онъ совершилъ государственный переворотъ, который, конечно, спасъ шведовъ отъ участи поляковъ. Онъ получилъ одобреніе изъ Версаля, угрозы изъ Петербурга и Берлина. Этотъ монархъ, возстановившій королевскую власть, принужденъ былъ просить извиненія у сосѣднихъ государей. Взвѣсьте хорошенько выраженія, въ которыхъ онъ оправдывается, и спросите себя, какое значеніе имѣла власть короля, если король долженъ былъ отстаивать ее такимъ образомъ передъ другими королями. «Скажите же, ради Бога,—писалъ Густавъ III своему дядѣ, принцу Генриху Прусскому, брату Фридриха ⁹⁾—скажите же, что я сдѣлалъ, чтобъ навлечь на себя грозу, которая по вашимъ словамъ неминуемо разразится надъ мною. Развѣ я не обнаружилъ самымъ очевиднымъ образомъ мои миролюбивыя намѣренія? Если рѣчь идетъ объ измѣненіи въ формѣ правленія моего королевства, то вы слишкомъ справедливы, чтобъ не сознавать, что это дѣло нельзя обсуждать съ иностранными державами. Оно совершено и утверждено шведской націей, которая находитъ въ этомъ свое счастье. Какое же право имѣютъ иностранныя державы искать ссоры за то, что я сдѣлалъ счастливыми моихъ подданныхъ? Если это можно назвать поводомъ къ войнѣ, то нѣтъ больше правды въ мірѣ.... Какая мнѣ польза отъ трактатовъ и гарантій съ державами, которыя не знаютъ иныхъ правъ, кромѣ своихъ прихотей, и для исполненія ихъ будутъ сообразоваться только съ своими войсками? Я не могу повѣрить, чтобъ вопреки всѣмъ принципамъ права и справедливости могли нападать на меня и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на права всѣхъ государей и всѣхъ независимыхъ націй».

Болѣе вѣскихъ доводовъ въ пользу своего права на независимость не могла-бы подыскать и нація, изгоняющая своихъ властителей. Но въ то время совсѣмъ не заботились о томъ, что было причиной революціи: свобода народа или власть монарха. Одинаково относились и къ революціи демократической, и къ перевороту въ пользу королевской власти. Такимъ обра-

⁹⁾ Январь 1773. *Geffroy, op. cit.* Государственный переворотъ произошелъ 19 авг. 1772 г.

зомъ Франція, покровительствуя въ Швеціи королевской партіи, въ то же время поддерживала въ Америкѣ возмущившіяся противъ Англіи колоніи. Еще не окончилась эта война, какъ тотъ же самый король и тотъ же самый министр—Людовикъ XVI и графъ де-Верженн—вмѣшались въ женеvскія дѣла съ цѣлью противодействовать демократической партіи. Итакъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Франція, поддерживавшая королевскую власть противъ аристократовъ въ Швеціи и Польшѣ и охотно поддерживавшая бы аристократовъ противъ верховной власти въ Россіи, боролась въ Женевѣ съ той самой демократіей, которую защищала въ Америкѣ. Ей было бы очень затруднительно установить какую-нибудь принципиальную связь между этими противоположными политическими дѣйствіями. Вся суть въ томъ, что другой связи, кромѣ государственной пользы, не было, и послѣдней было достаточно. «Инсургенты, которыхъ я изгоняю изъ Женевы,—агенты Англіи, писалъ Верженнъ, между тѣмъ американскіе инсургенты надолго останутся нашими друзьями. Я отнесся къ тѣмъ и другимъ, принимая въ соображеніе не политическую систему, но ихъ расположеніе къ Франціи. Вотъ государственный мотивъ моихъ дѣйствій» ⁹⁾).

Дѣйствительно такова была основная мысль, и новый примѣръ подтвердилъ ее. Это послѣдній примѣръ, представляемый исторіею старого порядка, но онъ полонъ значенія. Въ 1787 г. въ австрійскихъ Нидерландахъ и въ рѣспубликѣ соединенныхъ провинцій, въ Бельгіи и Голландіи, возникли мятежи, которые грозили переворотомъ въ Бельгіи. Аристократія, опиравшаяся на католическое духовенство, требовала удержанія старинныхъ вольностей, уничтоженныхъ централизующимъ правительствомъ Иосифа II; въ Голландіи демократы и патріоты вооружались противъ штатгальтера, который домогался диктатуры и хотѣлъ уничтожить республику. Въ той и другой странѣ, народы защищали свои національныя вольности, князья домогались неограниченной власти. Поведеніе великихъ державъ при этихъ обстоятельствахъ всего рельефнѣе рисуетъ, до какой степени дошло въ Европѣ отсутствіе определенныхъ принциповъ и общности взглядовъ. Франція поддерживала, слабо въ Бельгіи и открыто въ Голландіи, партію народныхъ вольностей, ту самую, которую давила въ Швеціи. Англія, только что сражавшаяся съ своими мятежными подданными въ Америкѣ, помогала бельгійцамъ, возмущившимся противъ Австріи, но энергично стала на сторону штатгальтера противъ голландскихъ патріотовъ. Итакъ, абсолютная монархія въ Версали требовала для этихъ народовъ національных вольностей; ограниченная монархія въ Англіи помогала честолюбивому принцу уничтожать въ Голландіи ея старинныя вольности; Иосифъ II и Кауницъ, взиравшіе такъ благосклонно на анархію въ Польшѣ, усердно старались отнять

⁹⁾ *Soulavie, Mémoires, t. V, p. 275. Paris 1801.*

у бельгийцевъ тѣ вольности, которыя считали столь драгоценными для поляковъ. Наконецъ Пруссія, подстрекавшая и даже помогавшая деньгами бельгийскимъ революціонерамъ, ввела свое войско въ Голландію, чтобъ заставить тамъ революцію и установить правленіе, котораго не желала допустить ни въ Стокгольмѣ, ни въ Варшавѣ, ни въ Брюсселѣ.

Въ продолженіе всего восемнадцатаго столѣтія только одинъ разъ составила лига изъ государствъ, съ цѣлью вмѣшательства, и эта лига была противъ королевской власти: я говорю о союзѣ сѣверныхъ державъ противъ Польши и Швеціи. Что касается до западно и южно-европейскихъ государствъ, то они только въ одномъ случаѣ дѣйствовали сообща и преслѣдовали одну общую цѣль, а именно—въ дѣлѣ изгнанія іезуитовъ.

Въ этомъ характерномъ событіи, какъ на барельефѣ, рѣзкими чертами обозначаются политическіе права эпохи. Всѣ Бурбоны и Браганцы, Франція, Испанія, Неаполь, Парма, Португалія изгнали іезуитовъ изъ своихъ владѣній. Сдѣлано было это изъ-за чисто политическихъ причинъ. Они поступили такимъ образомъ въ силу своей верховной власти, такъ какъ ни въ одной изъ этихъ странъ не было ни конституціи, ни общественныхъ правъ, которыя бы ограничивали въ этомъ отношеніи абсолютную власть государей. Но недостаточно было изгнать іезуитовъ изъ одного мѣста, если они могутъ собраться въ другомъ. Нужно было лишить ихъ убѣжища по всей землѣ и уничтожить самое ихъ существованіе. Оно зависѣло отъ слабѣйшаго изъ всѣхъ континентальныхъ монарховъ; наиболѣе сильные не задумались составить коалицію, чтобъ заставить его подчиниться своей волѣ. То, что они требовали отъ папы, зависѣло только отъ его духовной власти, и еслибы они имѣли какое-нибудь уваженіе къ правамъ церкви, то должны были дѣйствовать только путемъ убѣжденія. Ихъ представленія должны бы были сдержанными, почтительными, словомъ, такими, съ какими прилично обращаться къ святому отцу, когда носишь титулъ короля католическаго, правовѣрнаго и христіаннѣйшаго (*Roi très-Fidèle, Roi Catholique et Roi très-Chrétien*). Ожидать такого вниманія и такой деликатности—значить не знать правовъ того времени. Требованія надменны, настоятельны, высокомерны; мало того, они сопровождаются угрозами и опираются на силу. Хотя Клементъ XIII папа, но въ то же время—государь, и самый безоружный, а потому съ нимъ и не церемонятся.

Но въ качествѣ папы онъ облеченъ двойнымъ характеромъ суверенитета, и узурпація его власти двойная. Отъ него, какъ отъ свѣтскаго государя, требуютъ, чтобъ онъ закрылъ свою границу для изгнаннаго ордена, а какъ отъ духовнаго, чтобъ онъ упразднилъ его; такимъ образомъ, у него отнимаютъ и ту и другую власть. Однако на этомъ не останавливаются: такъ какъ двѣ власти соединены воедино и свѣтская доступнѣе,

то при ея посредствѣ разсчитываютъ принудить духовную власть къ уступкамъ. Церковь, будучи государствомъ, подчинена и государственнымъ законамъ, слѣдовательно перестаетъ быть неприкосновенной. Соединившіяся противъ іезуитовъ державы поступаютъ съ папскимъ престоломъ, какъ Людовикъ XIV, послѣ отмены нантскаго эдикта, поступилъ бы съ голландскою республикой, еслибы изгнанные протестанты не имѣли другого убѣжища и еслибы голландцы не имѣли для своей защиты ни армій, ни союзниковъ¹⁰⁾.

Клементъ XIII пытается оказать сопротивленіе. Первое столкновеніе было съ однимъ изъ союзниковъ, самымъ слабымъ, но тѣмъ не менѣе и самымъ смѣлымъ,—инфантомъ, герцогомъ Пармскимъ, который реформировалъ въ своихъ владѣніяхъ духовную юрисдикцію и отвергъ главенство папы. Во имя этого главенства папа, грамотою отъ 30 января 1768, объявилъ недействительными декреты инфанта и требовалъ, чтобъ онъ отказался отъ нихъ подъ страхомъ отлученія отъ церкви. На эту узурпацію правъ государя, принадлежавшаго къ ихъ дому, Бурбоны отвѣтили: французскій представитель—занятіемъ Авиньона и графства Венесенскаго, а неаполитанскій—занятіемъ Беневента и Понте-Корво. Затѣмъ тождественными нотами, сообщенными папѣ въ январѣ 1769, Франція, Испанія и Неаполь требуютъ отъ него, чтобъ онъ упразднилъ іезуитскій орденъ. Нѣсколько дней спустя Клементъ XIII умираетъ. Союзники постарались назначить ему удобнаго для себя преемника. «Если папа будетъ слѣдовать правиламъ Клемента XIII, державы возьмутъ силой то, что просятъ теперь отъ добровольно», писалъ Шуазель¹¹⁾. Ганганелли общалъ упразднить іезуитовъ и сдѣлался папой подъ именемъ Клемента XIV. Затѣмъ онъ попытался отерочить исполненіе своего обѣщанія и боролся болѣе четырехъ лѣтъ; но союзники упорно стояли на своемъ и не уступали. Д'Эгильонъ писалъ 11 января 1773: «Король завладѣлъ Авиньономъ только потому, что домъ Бурбоновъ былъ недоволенъ поступками покойнаго папы съ инфантомъ, и удержалъ его только потому, что король испанскій просилъ его не возвращать, пока папа не удовлетворитъ его требованіямъ относительно іезуитовъ. Какъ скоро требованія эти будутъ исполнены, король возвратитъ Авиньонъ». А посланникъ Людовика XV въ Римѣ,—кардиналъ де-Берни, отвѣчалъ 17 февраля: «Впрочемъ, со стороны Франціи очень политично имѣть всегда подъ рукою средство дѣйствительное, чтобъ поставить римскій дворъ на вѣрный путь, если онъ сойдетъ съ этого пути.

¹⁰⁾ FRÉDÉRIC MASSON, *Le Cardinal de Bernis*, Paris 1884, ch. III, à. XI: *La Suppression des Jésuites*.—THEINER, *Pontificat de Clément XIV*. Paris, 1852.

¹¹⁾ Берни—французскому посланнику въ Римѣ, отъ 9 мая 1769 г. Masson, p. 119.

Авиньонъ можно взять всегда, и легкость захвата будетъ держать Римъ въ страхѣ». Неаполь держался того же образа дѣйствій, и возвращеніе Беневента, подобно Авиньону, зависѣло, въ дѣйствительности, отъ упраздненія іезуитовъ. Папа сдѣлся: іезуиты были уничтожены, а папскому престолу возвращены были его владѣнія ¹²⁾.

Но для того, чтобъ скептицизмъ старой Европы и анархія христіанской республики проявились во всей ихъ полнотѣ, надо прослѣдить до конца это удивительное дѣло ордена іезуитовъ. Между тѣмъ, какъ католическія правительства изгоняють іезуитовъ и оскорбляютъ авторитетъ папы, еретики и схизматики принимаютъ изгнанный орденъ и кичатся тѣмъ, что они болѣе паписты, чѣмъ самъ папа. Фридрихъ нуждался въ учителяхъ для своихъ римско-католическихъ подданныхъ; ихъ можно было дешево достать, и онъ этимъ воспользовался. «Такъ какъ мои братья: католическіе, христіанѣйшіе, вѣрнѣйшіе и апостолическіе короли ихъ выгнали, то я, король-еретикъ, подбираю ихъ сколько могу», говорилъ Фридрихъ принцу де-Линь ¹³⁾. Онъ не боялся іезуитовъ: разбѣянные среди его протестантскаго населенія и окруженные прусскими чиновниками, они не могли не подчиниться. «Я знаю,—писалъ онъ Вольтеру,—что они проныры и мѣшались во всѣ дѣла; но это—вина правительства, зачѣмъ же оно это дозволяло»? Онъ предписалъ условія, и хотя они были тяжелы, но іезуиты имъ подчинились. Великая Екатерина поступила по примѣру своего сосѣда и, подобно ему, ничего не потеряла ¹⁴⁾. Отцы іезуиты, оказавшіеся такими неподатливыми относительно своихъ католическихъ правительствъ, сдѣлались очень гибкими и почтительными въ рукахъ этихъ двухъ самодержавныхъ иновѣрцевъ ¹⁵⁾, а именно: они проповѣдовали присоединеннымъ полякамъ повиновеніе православной царицѣ и лютеранскому королю.

Собирая эти отдѣльные штрихи, я прихожу къ заключенію, что если что-нибудь кажется неправдоподобнымъ въ концѣ стараго порядка и даже

¹²⁾ Избраніе Клементя XIV, май 1769.—Упраздненіе іезуитовъ, іюль 1773.—Возвращеніе Авиньона и графства, декабрь 1773. Относительно этихъ двухъ событій: возвращенія Авиньона и упраздненія іезуитовъ см. Masson, *op. cit. passim*, p. 167, 184, 214, 219.

¹³⁾ PRINCE DE LIGNE. *Mémoires sur Frédéric II*, p. 39.

¹⁴⁾ Берни писалъ изъ Рима отъ 1-го декабря 1771: «Король прусскій и Россія, покровительствуя іезуитамъ, приобрѣли во Франціи и въ владѣніяхъ императрицы-королевы (Impératrice-reine) отъ шести до семи тысячъ шпіоновъ, которые будутъ служить имъ лучше, чѣмъ еслибъ они были на жалованьѣ».—Masson, *op. cit.*, p. 246, 329.

¹⁵⁾ Письмо Екатерины къ великому князю Павлу, въ 1780 г. Между прочимъ она пишетъ ему изъ Полоцка: «Пріѣхавши, я увидѣла то, чего еще никогда не видѣла: іезуитовъ, доминиканцевъ, жидовъ и пр., выставленныхъ,

противорѣчить принятому обычаю—такъ это именно союзъ, основанный на публичномъ правѣ и во имя защиты такого права. «Папа, который захотѣлъ бы проповѣдовать крестовые походы, не собралъ бы и двадцати шелопаевъ», говорилъ Фридрихъ. До 1789 г. Священный союзъ былъ бы настоящимъ историческимъ парадоксомъ: старая Европа была на него неспособна, и нужна была французская революція, чтобы дать ей объ этомъ понятіе.

XI.

Дипломатія служитъ выраженіемъ политическихъ правовъ. Дипломаты стараго порядка составляютъ, среди самаго блестящаго общества Европы, чрезвычайно изящную и утонченную группу. Но здѣсь намъ важно узнать не умъ, не формы и языкъ, а самую сущность; необходимо изучить возрѣнія и дѣйствія, чтобъ понять, какимъ образомъ эта дипломатія такъ охотно примирилась съ революціонными средствами, и какимъ образомъ сами революціонеры такъ легко усвоили себѣ ея образъ дѣйствія.

Дипломатическіе переговоры представляются намъ сложной и серьезной интригой. Это и есть сущность дипломатическаго искусства. Государство руководится исключительно своими выгодами, но есть средство обмануть или разрушить эти корыстные расчеты. Государственная польза царствуетъ, но страсти управляютъ, и съ ихъ помощью можно вести людей, куда угодно. Политика только этимъ и живетъ; другими словами, она очень часто доходитъ до полной низости. Старая Европа не щепетильна и не отличается излишней деликатностью. Впрочемъ восемнадцатый вѣкъ не представлялъ никогда такого скандальнаго зрѣлища, какое представлялъ, въ семнадцатомъ вѣкѣ, дворъ Людовика XIV: «Этотъ трепетъ могущественнѣйшихъ министровъ и всего, что есть самаго знатнаго»,—короля Англіи, королевы, посланниковъ передъ «жалкой вдовой катѣки Скаррона», гувернанткой побочныхъ дѣтей короля ¹⁾. Въ царствованіе Людовика XV, Марія Терезія не стѣсняется домогаться знакомства съ г-жею де-Помпадуръ. Въ одномъ официальномъ документѣ сказано: «эта монархиня открывала ей свою сердечную привязанность къ королю» ²⁾; императрица повѣряла свои чувства любовницѣ Людовика XV, чтобъ добиться союза съ Франціей; она сдѣлала больше, когда ей пона-

какъ на парадѣ. Послѣдніе страшно грязны. Первые представляютъ величавый маскарадъ». На другой день, въ праздникъ Тѣла Господня, она посѣтила коллегію іезуитовъ, которые пропѣли Te Deum и три раза прошли мимо нея «съ Св. Дарами».

¹⁾ SAINT-SIMON, *Parallèle*, p. 79, id., 24, 377.

²⁾ *Recueil des instructions, Autriche*. Instructions du comte de Choiseul, 1759. См. *Les mémoires de Bernis*.

добилось, нѣсколько лѣтъ спустя, чтобъ союзникъ призналъ раздѣлъ Польши, заключенный вопреки союзу и съ полнымъ къ нему пренебреженіемъ. Пришлось унижаться и довольно сильно. У Маріи Терезіи была семнадцатилѣтняя дочь, только что вышедшая замужъ за дофина Франціи. Она поручила ей обласкать Дюбарри. «Я не требую низостей, писала она ³⁾ своему посланнику,—еще менѣе дружескихъ отношеній, но вниманія, которое она обязана оказывать ради своего дѣда и властелина, ради того блага, которое можетъ произойти отъ этого для насъ и для обоихъ дворовъ; можетъ быть отъ этого зависить союзъ. Я разсчитываю на васъ и на мою дочь, и надѣюсь, что вы употребите все свое умѣніе, а моя дочь—всю свою любезность, отрѣшившись отъ предразсудковъ, которые могли быть ей внушены. Нѣтъ предразсудка, который перевѣсилъ бы то благо, какое она можетъ сдѣлать».

Когда самая безупречная изъ государынь, дѣйствительно благочестивая и добродѣтельная женщина, доведена до подобныхъ сдѣлокъ, то понятно, что настоящіе скептики, ведущіе дипломатическія дѣла, ничѣмъ не стѣсняются въ своихъ поступкахъ на столь удобно расположенномъ для ихъ маневровъ полѣ. Если при одномъ дворѣ есть фаворитки, то при другомъ могутъ встрѣтиться любимцы. Ихъ расположеніе пріобрѣтается не менѣе унижительнымъ способомъ ⁴⁾. Впрочемъ, повсюду та же игра, заходящая порою весьма далеко, по крайней мѣрѣ въ намѣреніяхъ, и далеко за предѣлы свѣтской любезности. Въ 1723 кому-то, желавшему смерти польскаго короля, одинъ дипломатическій агентъ писалъ: «Это событіе можетъ быть и не такъ отдаленно; нужно только найти новую, для польскаго короля, любовницу, нѣжную и умную, и оно не заставитъ себя долго ждать» ⁵⁾. Дать любовницу королю, любовника королевѣ, императрицѣ, даже наслѣдной принцессѣ, женѣ наслѣдника престола—было излюбленнымъ пріемомъ дипломатіи. Одна личность, долго игравшая важную роль на великой міровой сценѣ, получила на прощальной аудіенціи тайныя инструкціи, которые могли резюмироваться въ знаменитомъ двустишіи: ⁶⁾

Et que m'ordonnez vous, seigneur, présentement?

De plaire à cette femme et d'être son amant.

Орудіемъ всѣхъ этихъ козней было подкупъ. Продажность царица почти повсюду. Маркизь д'Аржансонъ съ справедливой гордостью указываетъ на

³⁾ Графу де Мерси, 2 іюля 1772. ARNETH ET GEFROY, *Correspondance de Mercy-Argenteau*, Paris 1874.

⁴⁾ *Les Mémoires de Ségur*.

⁵⁾ VANDAL. *Louis XV et Elisabeth*, p. 62.

⁶⁾ *Le secret du Roi*, герцога де Броули. Исторія миссіи, данной барону де Бретейлю. VANDAL, *op. cit.*

прекрасное исключеніе изъ этой всеобщей испорченности. «Подкупъ не вкрался только въ бюро иностранныхъ дѣлъ; надо сознаться, что это необычайное явленіе—какое-то чудо, тѣмъ болѣе, что служащіе тамъ получаютъ ничтожное содержаніе и имѣютъ мало надеждъ на повышеніе ⁷⁾. Д'Аржансонъ увѣряетъ, что эта метода убѣждать въ чемъ бы то ни было не иначе, какъ съ деньгами въ рукахъ, исходитъ изъ Англіи. Дѣло въ томъ, что она тамъ въ большомъ ходу; но она была въ употребленіи и на континентѣ. Самые старинные трактаты объ искусствѣ вести переговоры свидѣтельствуютъ объ этомъ; Лябрюеръ ставитъ въ число хорошихъ качествъ дипломата умѣнье во время предложить, или по крайней мѣрѣ выказать готовность принять. «Онъ умѣетъ заинтересовать тѣхъ, съ которыми ведетъ дѣло... онъ не хочетъ также, чтобъ его считали неподкупнымъ; онъ выказываетъ нѣкоторую заботливость о своемъ интересѣ; такимъ путемъ онъ открываетъ путь предложеніямъ, которые обнаруживаютъ ему сокровеннѣйшія намѣренія, затаеннѣйшія цѣли и послѣдніе ресурсы людей, чѣмъ онъ и пользуется».

Въ восемнадцатомъ столѣтіи, большинство дипломатовъ крайне неразборчивы на способы дѣйствія, они даже не кокетничаютъ, а дѣйствуютъ напрямикъ. Въ 1716 Дюбуа велъ переговоры съ Стэнгономъ. «Я зашелъ очень далеко,—пишетъ онъ регенту,—и былъ въ восторгѣ, видя, что онъ позволяетъ мнѣ говорить все, даже назвать сумму, которую я сразу назначилъ въ 600.000 ливровъ, что было выслушано любезно и безъ гнѣва ⁸⁾. Въ моментъ начала французской революціи, Тугутъ, бывший интернунциемъ въ Константинополѣ и призванный руководить австрійской политикой во время этого великаго кризиса, получалъ отъ французскаго короля пенсію съ 1768 г. ⁹⁾. Независимо отъ этого постояннаго торга, періодически открывалось два большіе рынка: сеймы въ Швеціи и сеймы въ Польшѣ. Въ 1763 и въ 1766 шведскіе сеймы стоили Франціи: первый 1.400.000, а второй 1.830.000 франковъ ¹⁰⁾. Въ 1773 г. русскій министръ Панинъ предлагаетъ своимъ товарищамъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ *устроить фонды для подкупа* и «образовать кассы» для операцій сообща. Но главнымъ рынкомъ былъ избирательный сеймъ Священной Имперіи. Тамъ всѣ готовы были давать или получать ¹¹⁾. Въ 1741, когда нужно было сдѣлать императоромъ баварца, Беллиль поднимаетъ цѣны; однако, будучи человѣкомъ

⁷⁾ *Mémoires*, ed. Rathery, p. 150.

⁸⁾ AUBERTIN. *L'Esprit public au dix-huitième siècle*.

⁹⁾ См. въ *Revue historique*, t. XVII, p. 37, этюдъ подъ названіемъ: *L'Autriche et le Comité de salut publique*.

¹⁰⁾ GEFROY. *Gustave III*, t. I, p. 25.

¹¹⁾ См. VALFREY. *Hughes de Lionne*, t. II, p. 91. Paris, 1881.

осторожнымъ, онъ платитъ только послѣ вотираванья. Предосторожность была не лишняя, такъ какъ курфиреть кельнскій, взявшій 100.000 флориновъ отъ Австріи, получилъ отъ своего духовника разрѣшеніе отречься, не возвращая денегъ ¹²⁾. Такой образъ дѣйствій примѣнялся даже къ конклавамъ. Министръ Людовика XIV писалъ: «Король не долженъ пренебрегать ни однимъ изъ средствъ, которыя у него въ рукахъ, и пустить въ дѣло ловкость, инсинуаціи и даже деньги—самое рѣшительное и надежное средство, которое давно въ ходу при римскомъ дворѣ, чтобъ добыть себѣ папу болѣе благоразумнаго и безпристрастнаго, чѣмъ предыдущій» ¹³⁾. Статья о тайныхъ фондахъ и пенсіяхъ занимаетъ первенствующее мѣсто въ бюджетахъ канцелярій ¹⁴⁾.

Повидимому интриги официальной дипломатіи не считались достаточными; и въ этомъ мірѣ подкуповъ, происковъ и падувательствъ нашли полезнымъ организовать еще и тайную дипломатію, которая запутывала ея интриги и сдѣлала изъ исторіи переговоровъ этого вѣка безвыходный лабиринтъ. Во всякія времена существовали тайные агенты для того, чтобъ слѣдить за скабрѣзными дѣлами и вести слишкомъ рискованные переговоры, но никогда не были они такъ многочисленны, какъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Какъ будто пресытись абсолютной властью, монархи получили какую-то страсть къ приключеніямъ, къ заговорамъ, ко всему романическому. Скептицизмъ ихъ пустилъ такіе глубокіе корни, недовѣріе къ людямъ было такъ велико, они такъ много пользовались всякаго рода происками, что начали сомнѣваться во всѣхъ людяхъ и особенно въ своихъ собственныхъ наперсникахъ. Для ихъ успокоенія требуется, чтобъ таинственные незнакомцы подходили къ нимъ съ условными словами и знаками. Установилось нѣчто въ родѣ дипломатическаго франмасонства съ инициаторами и адептами. То, что было прежде средствомъ, сдѣлалось учрежденіемъ. Людовикъ XV довелъ эту страсть до маніи ¹⁵⁾, но въ сущности онъ ввелъ только нѣкоторую утонченность. Европа была наводнена тайными агентами. Роль эта представлялась такой лестной, что всякій ея домогался. Капиталисты, имѣвшіе повсюду своихъ корреспондентовъ, литераторы, передъ которыми открывались всѣ двери, кичились этимъ ампуа и находили новое удовлетвореніе своему самолюбію, разыгрывая, хотя бы въ переднихъ, посредника и государственнаго человѣка. Вольтеръ былъ жалокъ въ этой роли; Дидро былъ незначителенъ; Гриммъ, будучи нѣм-

¹²⁾ Duc de Broglie. *Frédéric II et Marie Thérèse*, t. I, p. 284, t. II, p. 265.

¹³⁾ Рѣчь идетъ объ Иннокентіи XI. Camille Rousset. *Louvois*, t. IV, ch. X.

¹⁴⁾ Masson. *Le département des affaires étrangères pendant la Révolution*, ch. I. Paris, 1877.

¹⁵⁾ Duc de Broglie. *Le secret du Roi*

цемъ и имѣя кое-какое понятіе о ремеслѣ оказывать услуги своимъ господамъ, былъ даже принятъ въ число дѣйствительныхъ членовъ. Всѣ честолюбцы пытаются подняться этой потайной лѣстницей. Такимъ же путемъ выдвинулся и Дюмурье. Списки тайной дипломатіи усеяны извѣстными именами. Знаменитѣйшими изъ нихъ были имена двухъ человѣкъ, которымъ ожидаемая смерть Фридриха доставила въ 1786 г. случай дебютировать, сперва въ качествѣ наперсниковъ и на заднемъ планѣ, въ ожиданіи того близкаго будущаго, когда они будутъ играть первыя роли въ великой трагедіи того вѣка. По предложенію Таллейрана Мирабо былъ посланъ въ Берлинъ. Это была импровизированная репетиція, гдѣ упражнялись тотъ и другой: у Мирабо было ампуа посланника, а у будущаго посредника вънскихъ трактатовъ—роль министра *in partibus*.

За сценой театра, въ корридорахъ и за кулисами толпились авантюристы. Они наполняли всѣ гостиницы, подслушивали у всѣхъ переговорокъ, крались по всѣмъ корридорамъ, торговали тайнами, продавали новости; настоящія политическія сводни, они готовы были все продать, что покупается, и покупать все, что продается. «Принимаемый въ одномъ городѣ, арестованный въ другомъ», авантюристъ, подобно герою Бомарше, который съ него списанъ, гораздо чаще бываетъ принятъ, чѣмъ выгнанъ. Онъ—главный маклеръ на этой биржѣ контрабандистовъ, онъ—комми-воажеръ этой тайной торговли. Такой циникъ какъ Казанова, шарлатанъ Каліостро проникаютъ даже ко двору; двусмысленный авантюристъ, что-то въ родѣ Фигаро-гермафродита, Эонъ, становится въ ряды дипломатіи. Маркизь де-Потра, ажіотеръ и заговорщикъ, за которымъ въ одно время гнались полиція и сыщики, смѣсь плута, шпіона и литературнаго забіяки, изгнанный отовсюду, испробовавшій всѣ поприща, появляется въ Вѣнѣ съ полномочіями отъ правительства директоріи, принятъ и выслушанъ. Нѣкто графъ д'Антрэгъ, такого же сорта человѣкъ, «цвѣтъ негодяевъ», какъ выразился про него одинъ изъ тѣхъ, которые имъ пользовались ¹⁶⁾, сдѣлался «душою эмиграціи». Другой пройдоха, Рокъ де-Монгальяръ, стоялъ во главѣ ея, правда, на одну минуту. Не революція породила ту толпу интригановъ, которая шаталась въ то время по всѣмъ проселочнымъ дорогамъ Европы; они уже прозябали среди подонковъ общества: революція лишь вызвала ихъ на поверхность и выкинула на берегъ вмѣстѣ съ пѣной и отбросами всякаго рода. Они выступили въ походъ; время было благоприятное, зданіе было опрокинуто, проникнуть туда можно было только черезъ подземные ходы. Эти люди годились для такой работы. Услугами подобныхъ имъ привыкли пользоваться, многихъ даже знали, хотя съ довольно дурной стороны. Ихъ употребили въ дѣло, и отсюда возникло то непомѣрное зна-

¹⁶⁾ Forneron. *Histoire des émigrés*, t. II, p. 78. Paris, 1884.

чение, которое они приобрели не только у революционной партии, но и у эмигрантов и даже при старых дворах.

Перехитрить, подкупить агентов или переманить на свою сторону было довольно опасным и дорогим средством собирать сведения. Есть средство болѣе простое и болѣе дешевое открыть дипломатическую тайну: это перехватить письма. «Это вѣроломство, какъ бы освященное обычаемъ,— говоритъ авторъ *«Institutions politiques»* ¹⁷⁾—такъ извѣстно, такъ банально, что почти вездѣ нашли средства избѣжать его результата посредствомъ условнаго шифра». Но ключъ къ послѣднему можно купить и, по крайней мѣрѣ въ то время, не существовало такой комбинаціи, которая въ концѣ-концовъ не выдала бы своей тайны. *Черный кабинетъ* становится государственнымъ учрежденіемъ; перехваченныя письма составляютъ постоянный источникъ свѣдѣній. Нѣкоторые агенты сдѣлались мастерами въ искусствѣ распечатывать, разбирать шифры и снова запечатывать письма. Парижскіе считались очень ловкими ¹⁸⁾, вѣнскіе не усту-

¹⁷⁾ Т. II, ch. III, § 13. *Correspondance, espions, relations avec le bureau des postes*, ch. II, § 10. Объ искусствѣ шифровать, разбирать шифръ, распечатывать и вновь запечатывать письма. Бильфельдъ говоритъ объ этомъ *ex professo*.

¹⁸⁾ Въ мартѣ 1794, одинъ служащій въ бывшемъ «черномъ кабинетѣ» представилъ въ комитетъ общественнаго спасенія мемуаръ, съ цѣлью доказать пользу этого учрежденія. Онъ нарисовалъ картину, которая, несмотря на рѣзкіе штрихи и кричащія краски, весьма интересна. «До революціи, во Франціи, равно какъ въ Англіи и въ другихъ государствахъ Европы, существовало учрежденіе общественнаго надзора. Это учрежденіе можетъ служить компасомъ для тѣхъ, кто держитъ бразды правленія; выгоды, представляемыя имъ, зависятъ отъ географическаго положенія различныхъ имперій, гдѣ оно практикуется, и способности подданныхъ, которые въ немъ работаютъ. Въ первомъ отношеніи положеніе Франціи крайне благоприятное, потому что черезъ ея территорию проходитъ самая интересная переписка въ Европѣ; что касается до второго, то отвлеченная теорія дешифрованія политическихъ іероглифовъ достигла такого совершенства, что другія державы не хотѣли даже и вѣрить въ ея возможность. Учрежденіе, о которомъ я говорю, извѣстное подъ именемъ тайнаго почтамта (*le secret de poste*), скрывало свою дѣйствительную цѣль. Воображали, что это простой полицейскій надзоръ надъ отдѣльными личностями, между тѣмъ, какъ его главною цѣлью были государственныя дѣла... Особымъ механическимъ приспособленіемъ письма вскрывались съ такой быстротой, сохраняя цѣлость печати, что получившіе ихъ никакъ не могли замѣтить, что они были прочитаны». Неискусно составленный шифръ выдавалъ себя самою своею сложностью. Фридрихъ очень гордился своимъ; въ Парижѣ его разобрали. Посвященіе новичковъ въ почтовый тайны заключалось приблизительно въ слѣдующихъ словахъ: «Вотъ вы допущены къ должности, которая требуетъ большого довѣрія: вы получаете и будете всегда получать большіе оклады, но подумайте о томъ, что это мѣсто нельзя покинуть, когда вздумается и, если по обстоятельствамъ или почему

пали имъ ни въ чемъ. Они владѣли не только ключомъ къ шифру французскаго посольства, но и къ секретной перепискѣ Людовика XV. Благодаря такому окольному пути, министръ иностранныхъ дѣлъ, Д'Эгильонъ, открылъ *тайну короля*, которая давно уже не была тайной для вѣнскаго двора. Кардиналъ де-Роганъ, бывшій тогда посланникомъ при этомъ дворѣ, купилъ одного изъ агентовъ чернаго кабинета и между другими драгоценными документами, показанными послѣднимъ, находились письма графа де-Брольи къ секретарю посольства, посылаемыя безъ вѣдома посланника и министра иностранныхъ дѣлъ ¹⁹⁾.

Существовалъ только одинъ способъ избѣжать «перехватовъ», а именно: довѣрять депеши надежнымъ, храбрымъ и проворнымъ гонцамъ; да и этотъ способъ не всегда былъ надежнымъ. «Тщательно шифруйте ваши депеши,— писалъ въ 1788 графъ де-Монморенъ французскому агенту въ Италіи,—даже тѣ, которыя довѣряете испанскимъ курьерамъ: не говоря уже о другихъ случайностяхъ, могутъ захватить и самихъ курьеровъ; такіе примѣры бывали» ²⁰⁾. Эти примѣры сдѣлались классическими. Въ іюнѣ 1685 Лувуа, предувѣдомленный о томъ, что императорскій курьеръ долженъ былъ проѣхать изъ Испаніи черезъ Эльзасъ, написалъ страсбургскому коменданту Монкляру: «его величество считаетъ необходимымъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, задержать этого курьера и отобрать у него депеши. Поэтому его величество повелѣваетъ вамъ помѣстить въ деревнѣ, ближайшей къ почтовой дорогѣ между Страсбургомъ и Саверномъ, трехъ или четырехъ вѣрныхъ людей, которые могли бы отобрать у него его депеши; послѣднія надо искать чрезвычайно тщательно, какъ на немъ, такъ и въ сѣдлѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ищутъ денегъ» ²¹⁾. Если курьеръ защищался, то могъ лишиться жизни. Иногда его убивали, чтобъ дѣло приписали разбойникамъ по профессіи. Для этого тяжелаго ремесла, гово-

либо другому, вы его оставите прежде, чѣмъ старость или болѣзни принудятъ васъ, то вашимъ убѣжищемъ будетъ Бастилія.—*Affaires étrangères*.

¹⁹⁾ *Le secret du Roi*, t. II, p. 371, 517 и слѣдующія.—BOUTARIC. *Correspondance secrète de Louis XV*. Paris, 1860, t. I, p. 188 и t. II p. 378.—*Mémoires de l'abbé Geogel*. Paris, 1817, t. I.—ARNETH ET GEFROY, *Correspondance de Mercy*, t. I, p. 81, 100.—Тугутъ, австрійскій посланникъ въ Неаполѣ, въ 1788 г. сказалъ королевѣ, что онъ знаетъ шифръ главныхъ державъ, заинтересованныхъ въ турецкой войнѣ, и предложилъ завести черный кабинетъ. BARON DE TALLEYRAND. *Précis de mes conversations avec la Reine, relativement à M. de Thugut*. Апрель, 1788 г. *Affaires étrangères*.

²⁰⁾ Письмо Монморена къ Какольту, повѣренному въ дѣлахъ въ Неаполѣ, отъ 23 сентября 1788. Какольтъ отвѣчалъ 13 октября: «Будьте спокойны, монсеньоръ, насчетъ мѣръ предосторожности, которыя я соблюдаю: мой шифръ въ кассѣ и замокъ кассы подъ печатью. Я знаю, что можетъ случиться».

²¹⁾ CAMILLE ROUSSET. *Louvois*, t. III, p. 270.

рить мудрый Бильфельдъ, необходимо выбирать людей сильныхъ и вѣрныхъ ²²⁾.

Курьеры принадлежали къ мелкому люду; они исчезали безслѣдно; всѣ знали, что дороги полны разбойниками, и всѣ правительства не скрывали другъ отъ друга, что полиція не въ состояніи съ ними справиться. Труднѣе и рискованнѣе было остановить и ограбить самого посланника; однако и это дѣлалось вопреки знаменитой охранѣ народного права. Прецеденты были всѣмъ извѣстны. Похищеніе Семонвилля и Марэ было лишь повтореніемъ покушенія, совершеннаго на томъ же мѣстѣ и при такихъ же обстоятельствахъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Французскіе послы, проѣзжавшіе черезъ Миланъ ко двору Солимана, были убиты по приказу императорскаго намістника, который хотѣлъ овладѣть бумагами. Раштадтское покушеніе 1799 имѣло также прецеденты, не такіе давніе, но не менѣе высокаго происхожденія. Во время кельнскаго конгресса 1674 Лувуа писалъ графу д'Эстрадъ ²³⁾: «По всѣмъ видимостямъ, г. де-Лизола (полномочный посолъ императора) долженъ скоро оставить Лютихъ, чтобы вернуться въ Кельнъ. Для насъ весьма важно захватить его, и еслибъ онъ и его спутники стали защищаться, то можно и убить его, несмотря ни на что, такъ какъ это человѣкъ крайне дерзкій въ рѣчахъ и всѣ свои способности, въ которыхъ нѣтъ у него недостатка, употребляетъ во вредъ Франціи, противъ которой дѣйствуетъ съ ожесточеніемъ. Вы не можете представить себѣ, какъ угодили бы его величеству, еслибъ могли исполнить этотъ проектъ, когда онъ оттуда вернется». Лизола удалось избѣгнуть грозившей ему опасности: но этотъ способъ вести переговоры вошелъ въ обычай, и мѣсяцъ спустя императорскіе солдаты овладѣли княземъ Фюрстенбергомъ, полномочнымъ министромъ кельнскаго курфирста и кліентомъ Людовика XIV; они увезли его въ Вѣну, гдѣ онъ жилъ плѣнникомъ до заключенія мира.

Восемнадцатый вѣкъ только продолжалъ традицію, еще усиливъ злоупотребленіе обычая. Фридрихъ довелъ до послѣдней крайности процессъ собиранія свѣдѣній помощью *перехватыванія*. Въ 1756, подозрѣвая, что противъ него составился заговоръ и что доказательства этого найдутся въ Дрезденѣ, онъ занялъ этотъ городъ безъ объявленія войны и захватилъ всѣ архивы. Урокъ не пропалъ даромъ, и впоследствии мы не разъ увидимъ, какъ онъ примѣнялся на дѣлѣ. Похищеніе герцога Англенскаго, быстрый судъ надъ нимъ, его тайная казнь или, вѣрнѣе, ловушка, сопровождаемая убійствомъ, нападеніе на Римъ, задержаніе папы, захватъ архивовъ въ Ватиканѣ—вотъ чѣмъ заканчивается серія злоупотребленій.

²²⁾ *Institutions*, t. II, ch. II, § 25.

²³⁾ CAMILLE ROUSSET. *Louvois*, t. II, p. 2.

XII.

Миръ при такихъ условіяхъ—шатокъ и полонъ лжи, война—ужасна. Однако, какъ ни ожесточенны были войны, все же онѣ были лучше такого мира. Война, по крайней мѣрѣ, откровеннѣе и цѣлесообразнѣе, такъ какъ цѣль ея: торжество силы. Она сохранила даже своего рода благородство, остатокъ рыцарскихъ правовъ. Если основа ея, право сильного, сама по себѣ груба и низменна, то средства, которыми она пользовалась, отчасти возвышаютъ ее. Война требовала отъ человѣка самыхъ высокихъ добродѣтелей. Честь—великая пружина войны; между всѣми, кто носить оружіе, возникало нѣчто въ родѣ братства, заставлявшее уважать другъ друга даже въ минуту ожесточенной битвы. Съ этой точки зрѣнія старинное европейское общество, и въ особенности французское, представляется намъ въ наиболѣе величавомъ видѣ. Къ тому же правила военной службы этого благороднѣйшаго изъ поприщъ были одинаковы во всей Европѣ. Войны не были столкновеніями расъ; онѣ были жестоки, но не имѣли жгучести національной борьбы. Множество офицеровъ переходило изъ службы одному государству на службу къ другому, не нарушая вѣрности, не навлекая на себя ничего порицанія или подозрѣнія. Вслѣдствіе этого, между офицерами, до и послѣ сраженія, возникали крайне учтивыя отношенія, хотя до нѣкоторой степени смягчавшія свирѣпость войны. Война отрѣшала человѣка отъ всего того искусственнаго лоска, которымъ онъ бываетъ покрытъ; она обнажаетъ всего человѣка, обнаруживаетъ всѣ его слабыя стороны, разнуздываетъ всѣ страсти, даетъ волю всѣмъ его порокамъ. Для того, чтобы человѣкъ сохранилъ самообладаніе, необходима высокая культурность, скрытый результатъ очень старой цивилизаціи. Подъ изыщной утонченностью люди восемнадцатаго вѣка оставались грубыми и буйными. Большинство тѣхъ, которые такъ мило толковали о «гуманности», были на самомъ дѣлѣ весьма мало гуманны. «Чувствительность» была дѣломъ моды: они пудрятся, наряжаются, но, въ сущности, сохраняютъ грубость нравовъ предыдущаго столѣтія. Будь это иначе—нельзя было бы объяснить ни героизма, ни жестокости войнъ революціи. Эта жестокость—не личное свойство того импровизированнаго войска, которое революція выбросила на поле сраженій; она въ одинаковой мѣрѣ развита и въ арміи эмигрантовъ, состоящей изъ дворянъ, и въ правильныхъ арміяхъ коалиціи. Не забудьте, что война начинается манифестомъ герцога Брауншвейгскаго: этотъ манифестъ представляетъ кодексъ войны стараго порядка.

Исторія войнъ семнадцатаго вѣка—мрачный комментарий въ офортамъ Калло и Ромена де-Гужъ. Солдаты грубы, войска нестройны и недисциплинированы, обычаи военные неумолимы. Война должна кормиться войною.

Реквизиціями доводять жителей до полного разоренія; казну опустошаютъ безъ всякаго милосердія; не щадятъ даже церковныхъ суммъ ¹⁾. Пока побѣжденный можетъ платить, побѣдитель тянетъ съ него послѣднее. Это не только средство содержать армію, но и средство пополнять казну и дѣлать запасъ для будущихъ войнъ. Военные чрезвычайные расходы одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ ресурсовъ капиталистовъ того времени. Прибавьте къ этому грабежъ, надругательство надъ женщинами, пожары ²⁾. Бремя войны падаетъ на занятую непріятелемъ страну и сокрушаетъ ее. Подозрительныхъ обывателей изгоняютъ ³⁾. Другіе, спѣша спастись отъ опасности, грозящей не только ихъ имуществу, но самой жизни, чести женъ и дочерей—эмигрируютъ. Отсутствующихъ облагаютъ налогомъ и, наконецъ, разрушаютъ дома тѣхъ, которые его не платятъ ⁴⁾. Пожары были обычнымъ средствомъ ускоренія платежей. Въ 1672 г. Люксембургъ писалъ: «Никогда приступы лихорадки не бываютъ такъ правильны, какъ нашъ обычай жечь черезъ каждый день тѣхъ, которые своей глупостью принуждаютъ насъ къ этому». Курфирстъ Палатинъ протестуетъ не противъ обычая, но противъ злоупотребленій. «Мнѣ кажется,—пишетъ онъ Тюренню,—что, строго говоря, жгутъ только тамъ, гдѣ отказываютъ въ контрибуціяхъ» ⁵⁾. Жгутъ также дома и вѣшаютъ жителей тѣхъ деревень, гдѣ стрѣляли по войскамъ. Въ манифестѣ отъ 25 іюля 1792 сказано: «Жители городовъ, мѣстечекъ и деревень, которые осмѣлились бы

¹⁾ «Такъ какъ это люди бесполезные и по большей части дружественно относящіеся къ нашимъ врагамъ, то надо извлечь изъ нихъ всевозможное и такимъ путемъ заставить ихъ служить королю, хотя бы они и не желали этого». Изъ письма Лувуа къ Шарелю 23 сент. 1667 г. С. Rousset. *Louvois*, t. I, p. 120. Въ 1742, во время осады Праги, Бролы хотѣли захватить «цѣнныя вещи» въ церквахъ.—Веллиль его отговорилъ. Le duc de Broglie. *Frédéric II et Louis XVI*, p. 60. Paris 1885.

²⁾ Rousset, t. I, ch. V. *Histoire de la guerre de Hollande*, en 1672, p. 392 и слѣд. «Во время 30-лѣтней войны, говоритъ этотъ замѣчательный историкъ,—положеніе странъ, куда переносились главныя силы воюющихъ сторонъ, дѣлалось тѣмъ тягостнѣе, что съ общаго согласія установилось какое-то подобіе народнаго права не для того, чтобъ мѣшать насиліямъ, но для того, напротивъ, чтобъ ихъ санкціонировать, какъ бы подчиняя извѣстнымъ правиламъ». Слѣдуютъ факты и примѣры.

³⁾ Король желаетъ, чтобъ принцъ сдѣлалъ всю Лотарингію безопасной, выгоняя изъ Нанси и изъ всѣхъ тѣхъ городовъ, какіе найдетъ опасными, всѣхъ жителей, которыхъ онъ сочтетъ враждебными его величеству.—Ришелье. *Mémoires*, 1865. *Lettres*, t. VI, p. 730, 24 Avril. 1635.

⁴⁾ Слѣдуетъ обложить налогомъ дома отсутствующихъ по столько-то въ день, а за неуплатой, начинайте ихъ разрушать. Лувуа—интенданту Роберту въ октябрѣ 1673. С. Rousset. *Louvois*, t. I, p. 484.

⁵⁾ Ibid. t. I, p. 393; t. II, p. 79.

защищаться противъ войскъ ихъ императорскаго и королевскаго величествъ и стрѣлять въ нихъ въ открытомъ полѣ, изъ дверей, оконъ и отверстій въ домахъ, будутъ немедленно наказаны по всѣмъ строгостямъ военнаго времени, а дома ихъ сожжены или разрушены».

Лувуа былъ неумолимымъ исполнителемъ этихъ кровавыхъ дѣлъ; но онъ ничего не изобрѣлъ; онъ только урегулировалъ установленный обычай и методично примѣнялъ то, что его современники дѣлали безъ всякой системы. Онъ полагалъ, что эта терроризація вѣрнѣе принудитъ враговъ къ повиновенію. «Необходимо образумить этотъ народъ», пишетъ онъ по поводу пфальцграфства, «или вѣшая ихъ, или сжигая ихъ деревни». Нѣмцы упорно сопротивлялись; репрессаліи раздражаютъ страсти. «Надо превзойти нѣмцевъ въ жестокости и безпощадности, если они не рѣшатся честно вести войну», восклицаетъ Лувуа. Они называютъ французовъ «каннибалами», французы находятъ, что нѣмцы похожи на людей только лицомъ и фигурой. Людовикъ XIV велѣлъ сжечь пятьдесятъ домовъ за каждый сожженный у него. Нѣмцы разстрѣляли двухъ французскихъ плѣнниковъ за одинъ сожженный у нихъ домъ ⁶⁾. Если какой-нибудь городъ сопротивляется дольше извѣстнаго срока, то всему гарнизону грозятъ отправить его на галеры. Если тамъ находятся эмигранты или возмущившіеся подданные, ихъ лишаютъ свободы и затѣмъ, если ихъ мало, вѣшаютъ, если много—казнить десятого, оставшихся же въ живыхъ отправляютъ на галеры ⁷⁾. «Не могу не сказать вамъ,—говоритъ принцъ Конде въ 1673 г. въ письмѣ къ Лувуа,—что нахожу настроеніе народа совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ прошломъ году... Всѣ они въ изступленіи» ⁸⁾. Начиная съ 1793—эти слова, подобно мрачному приговору, повторяются всѣми генералами, если только они не старые служаки, и всѣми комиссарами, за исключеніемъ однихъ фанатиковъ. Тѣ же сѣтованія встрѣчаются и въ перепискѣ иностранныхъ

⁶⁾ С. Rousset.—*Louvois*, t. IV, p. 394, 183, 239 t. III p. 238, 380.

⁷⁾ «Принявъ въ соображеніе, что крѣпости въ Лотарингіи снабжены недостаточнымъ гарнизономъ, что онѣ не могутъ рассчитывать ни на какую помощь и что поэтому защита ихъ есть крайняя дерзость, требующая примѣрнаго наказанія, его величество рѣшилъ, что всѣ находящіеся тамъ лотарингскіе воины, всадники, милиція, равно и жители, способствовавшіе защитѣ города, будутъ посланы на галеры, если черезъ двѣ недѣли послѣ сдачи не внесутъ по сту эку съ души; что же касается французовъ, то повѣсить, если ихъ немного, если много, казнить десятого, а остальныхъ сослать на галеры; что касается офицеровъ и дворянъ лотарингскихъ, то заключить ихъ въ тюрьму и дворянъ обложить налогомъ пропорціонально ихъ имуществу; за неимѣніемъ послѣдняго—разрушить дома». Письмо Лувуа къ Креки, сентября 1670. Rousset, *Louvois*, t. I, p. 300.

⁸⁾ С. Rousset, *Louvois*, t. I, p. 488.

военных людей и дипломатов. Иноземцы примѣняютъ къ Франціи, а революціонеры—къ чужимъ странамъ военный кодексъ Лувуа.

Такимъ то образомъ люди восемнадцатаго столѣтія понимали и вели войну. Д'Аржансонъ, будучи министромъ, часто получалъ жалобы и огорчался ими. «Война и жалость не совмѣстимы»⁹⁾, отвѣчали ему, и были правы. Войны того времени знамениты отсутствіемъ дисциплины въ арміяхъ, жестокими требованіями побѣдителей, неблаговиднымъ обогащеніемъ многихъ вождей. Арміи тянутъ за собою «цѣлую толпу паразитовъ», живущихъ ея добычей, и «походныя лавки», въ которыхъ офицеры и солдаты продаютъ захваченныя вещи и тратятъ деньги¹⁰⁾. Это—настоящіе опустошающіе караваны, тяжело ложащіеся на страну, которую они разоряютъ и зачумляютъ; они громоздятся повсюду, производятъ безурядицу, послѣ побѣды, и разбѣгаются во все стороны, послѣ пораженія. Въ 1741 одинъ современникъ пишетъ послѣ прохождения Фридриха черезъ Моравію: «Со временъ готовъ никогда война не велась такимъ способомъ»¹¹⁾. Въ 1744 австрійцы доходятъ до границъ Лотарингіи и требуютъ отъ жителей покорности, объявляя, что тѣ, которые окажутъ сопротивление, будутъ повѣшены, но прежде будутъ принуждены отрѣзать себѣ носы и уши¹²⁾. Семилѣтняя война превзошла своей жестокостью все предыдущія. Графъ де Сентъ-Жерменъ пишетъ въ 1757: «На тридцать лѣтъ кругомъ страна разорена и опустошена, какъ послѣ пожара». «Мы уже окружены повѣшенными,—разсказываетъ другой свидѣтель,—а женщины и дѣтей продолжаютъ еще убивать, если онѣ противятся грабежу своихъ домовъ»¹³⁾. Фридрихъ причисляетъ пѣвниковъ къ своей арміи и это еще счастье для нихъ; а то убиваютъ даже тѣхъ, кто пересталъ сопротивляться, какъ при Крефельдѣ. Между пруссаками и русскими ожесточеніе достигаетъ страшныхъ размѣровъ. Русскіе занимаютъ Мемель въ 1757, зачисляютъ гарнизонъ въ свои полки, высылаютъ гражданъ¹⁴⁾. «Со временъ гуновъ не бывало такого нашествія: жителей вѣшали, обрѣзавши носъ и уши, отрывали ноги и вынимали внутренности и сердце». Пруссаки взяли свой реваншъ при Кюстринѣ въ слѣдующемъ году. «Русскіе потеряли двѣ тысячи плѣнными и по крайней мѣрѣ пятнадцать тысячъ остались на мѣстѣ; наши солдаты не давали пощады», разсказываетъ Фридрихъ. Въ 1788 князь Потемкинъ въ теченіе шести мѣсяцевъ осаждалъ Очаковъ. Это былъ свѣтскій человѣкъ лучшаго тона. Онъ считалъ себя

⁹⁾ *Mémoires*, t. VI, p. 403.

¹⁰⁾ CAMILLE ROUSSET, *Le comte de Gisors*, Paris, 1868.

¹¹⁾ LE DUC DE BROGLIE, *Frédéric II et Marie Thérèse*, t. II, p. 210.

¹²⁾ VOLTAIRE, *Siècle de Louis XV*, ch. IX.

¹³⁾ GRIMM.—SAINTE BEUVE, *Causeries du lundi*, t. VII.

¹⁴⁾ HERMANN, *Geschichte des russischen Staates*, Gotha 1832—1866, t. V, p. 142.

знатокомъ литературы. «Жестокости испанцевъ въ новомъ свѣтѣ и англичанъ въ Индіи—нишеть одинъ русскій»¹⁵⁾, ничего не значать въ сравненіи съ нашимъ военнымъ философомъ, который переводилъ Элоизу Руссо, и въ то же время губилъ всехъ тѣхъ, кто обладалъ состояніемъ, соблазнявшимъ его корыстолюбіемъ. 16 декабря Очаковъ былъ взятъ¹⁶⁾. Изъ двадцати тысячъ турокъ, защищавшихъ его, десять тысячъ было убито. Городъ былъ отданъ на разграбленіе; грабежъ продолжался три дня и болѣе шести тысячъ жителей было убито. «Ожесточеніе русскихъ солдатъ было такъ велико,—разсказываетъ Сегюръ, что даже черезъ два дня послѣ приступа они убивали дѣтей, говоря: «эти по крайней мѣрѣ никогда не сдѣлаютъ зла христіанамъ!»

Заложниковъ брали не только для того, чтобы обезпечить движеніе всей арміи, но и для того, чтобы обезпечить отряды, оставаемые въ городѣ. Въ 1742, Беллиль, оставляя Прагу, уводитъ заложниками шестнадцать именитыхъ людей, изъ которыхъ четверо принадлежало къ дворянамъ, четверо къ духовенству, четверо къ магистратурѣ и четверо къ буржуазіи: они отвѣчали за гарнизонъ, остающійся въ городѣ. Мало того, захватываютъ даже города и занимаютъ цѣлыя страны на тѣхъ же основаніяхъ. Герцогъ Шуазель писалъ изъ Вѣны въ 1757¹⁷⁾: «Я поручилъ графу Кауницу сообщить ганноверскому посланнику, что если 15000 англичанъ, высадки которыхъ ожидаютъ во Франціи, предъявятъ тамъ какія-нибудь требованія, противныя правиламъ, установленнымъ между просвѣщенными націями, то ганноверское курфиршество будетъ отвѣчать за убытки, и что поджогъ одной французской деревни, сдѣланный англичанами, вызоветъ, безъ отлагательства, пожаръ ганноверскаго города». Берни, бывший тогда министромъ иностранныхъ дѣлъ, вполне одобрилъ эту мѣру: «Предполагать, что мы способны щадить ослабѣвшаго врага,—значитъ имѣть очень худое о насъ мнѣніе... На владѣнія англійскаго короля мы должны нѣкоторымъ образомъ смотрѣть, какъ на залогъ въ нашихъ рукахъ».

Чтобъ понять, до чего доходилъ обычай, надо видѣть, что дѣлалось въ странѣ не непріятельской, но той, которую готовились раздѣлить и которою владѣли въ качествѣ залога¹⁸⁾. Русскіе солдаты, похожіе «скорѣе на разбойниковъ на большой дорогѣ, чѣмъ на солдатъ», по словамъ Ростопчина, соперничаютъ въ жестокости съ поляками, съ которыми сражаются; съ обѣихъ сторонъ во имя религіи убиваютъ, жгутъ, грабятъ насилуютъ,

¹⁵⁾ Ростопчинъ. *Письма*. Москва 1876.

¹⁶⁾ HERMANN, op. cit. t. VI, p. 178.—ZINKEISEN, *Geschichte des osmanischen Reiches*, t. VI, p. 658. Gotha 1859—1863.—SÉGUR, *Mémoires*, t. III, p. 442.

¹⁷⁾ *Ambassade de Choiseul à Vienne*. Paris 1872. Известно что Ганноверъ былъ вотчиной короля англійскаго.

¹⁸⁾ *La question d'Orient au dix-huitième siècle*, p. 226 и слѣд.

вымогают деньги. Фридрихъ пользуется для военныхъ цѣлей территориями, которыя захватываетъ; устраиваетъ тамъ магазины, запасается тамъ съѣстными припасами, беретъ контрибуціи, переформировываетъ корпуса, беретъ реквизиціи со всего, даже пересылаетъ цѣлыя толпы полекъ въ Померанію, гдѣ, какъ видно, слишкомъ недостаточенъ женскій элементъ. «Эта суровость,—пишетъ саксонскій резидентъ,—довела жителей до отчаянія». Австрійцы, какъ болѣе цивилизованная нація, кичатся легальностью; передѣлываютъ границы, наводятъ справки о правахъ Польши на земли, требуютъ ихъ обратно и, устроивши это, примѣняютъ къ вновь присоединенному населенію суровое управленіе, введенное въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Въ сущности, этой славовой вѣншностью и этими формами прикрывается тотъ же безошадный режимъ. Одинъ историкъ говоритъ: «Именемъ благодѣтельной Маріи-Терезіи, два человека—Пергенъ, которому была поручена администрація, и командующій войсками Гадикъ,—ввели въ этихъ злополучныхъ странахъ такъ называемыя революціонныя мѣры и примѣняли къ нимъ кодексъ, далеко превосходившій кодексъ нашей революціи¹⁹⁾. Эмиграція вѣнялась въ преступленіе; жителямъ было запрещено покидать территорію; у тѣхъ, которые оставались, забирали, что вздумается, у тѣхъ, которые желали спастись бѣгствомъ отъ ненавистой оккупации, конфисковали имущество: Браницкій, котораго польскій король отправилъ съ миссією въ Парижъ, былъ сочтенъ за эмигранта, имущество его конфисковали. Польскіе судьи должны были присягать Австріи и судить соотечественниковъ, сообразно съ ея желаніями. Большинство изъ нихъ струсилло и повиновалось. Однако вѣнскій дворъ находилъ, что эти два проконсула слишкомъ умѣренны и должны быть безошаднѣе. Іосифъ II писалъ: «Графа Пергена здѣсь упрекаютъ въ томъ, что онъ недовольно дѣятеленъ; но правдѣ сказать, еще ничего не сдѣлано». Гадикъ былъ не лучше: «Онъ слишкомъ старъ для такого дѣла, слишкомъ медлителенъ и слишкомъ проникнутъ своими венгерскими предразсудками, которые здѣсь неумѣстны²⁰⁾».

Таковы военные нравы въ концѣ стараго порядка. Террористы нашли ихъ удобными и легко къ нимъ приспособились, прибавивъ однако кромѣ своего свирѣпаго фанатизма новое и еще болѣе невыносимое свойство: гуманное лицемѣріе. Чтобъ устоять противъ этого общаго импульса, тиранніи однихъ, заразы репрессалій, распространяемой другими, нужна была необычайная сила духа. Она составляетъ чистѣйшую славу нашихъ народныхъ героевъ. Ветераны-философы, какъ Дюгомье, молодые войны-энтузіасты, какъ Марсо или Дезе, сумѣли соединить съ военными доблестями древнихъ армій пылкіе великодушные порывы.

¹⁹⁾ FERRAND, *Histoire des trois démembrements de la Pologne*, liv. V, Paris 1820.

²⁰⁾ ARNETT, *Maria-Theresa*, t. V, p. 418.

XIII.

Подведемъ итогъ этимъ фактамъ и выведемъ изъ нихъ заключеніе. Два эпизода резюмируютъ обычай Европы наканунѣ французской революціи: война за наслѣдство австрійскаго престола и раздѣлъ Польши. Первая показываетъ, насколько цѣнили обязательства, сдѣланныя государствами; второй—насколько уважали установившіеся суверенитеты. Эти несправедливыя дѣянія составляютъ завѣщаніе старой Европы; подписавши его, ей оставалось только умереть, завѣщая тѣмъ, которые хотѣли ее реформировать и которые, къ своему стыду и къ общественному несчастію, сумѣли только ей подражать, пагубныя злоупотребленія, отъ которыхъ она погибала. Эти злоупотребленія происходили отъ обычая, но обычай никогда не толковался ранѣе съ такимъ цинизмомъ логики и не доходилъ до такихъ постыдныхъ крайностей. Это его *suntum jus*, это также его высшая несправедливость, софизмъ и отрицаніе. Старый порядокъ достигъ до тѣхъ двусмысленныхъ границъ, гдѣ извращенное право вырождается въ злоупотребленіе. Примѣръ минувшихъ вѣковъ, ихъ собственные прецеденты, все располагало государства къ этимъ дѣйствіямъ и нечувствительно привело ихъ къ крайностямъ. Ихъ право опиралось только на давности, оно основывалось на совершившемся фактѣ и поддерживалось лишь своею собственною тяжестью: *Mole sua stat*. Они разорвали завѣсу, скрывавшую святыя государствъ, и открыли для толпы тайну суверенитета. Они показали націямъ, что двѣ вещи пересиливали право государей и право государствъ, а именно: сила государствъ и выгода монарховъ. Они открыли пути революціи, которой стоило только подражать ихъ примѣру, чтобъ опрокинуть ихъ троны и ниспровергнуть ихъ власть. Такимъ-то образомъ, строго примѣняя установленные обычай, государи, представлявшіе всего полнѣе старый режимъ, сами приготовили его паденіе, оправдывая, помимо своего вѣдома, глубокую мысль Паскаля: «Обычай кажется справедливымъ только потому, что онъ принятъ: это мистическая основа его авторитета; коль скоро онъ возвращается къ своему источнику, онъ, тѣмъ самымъ, уничтожается¹⁾».

Государственная польза, какъ основаніе и конечная цѣль, интрига вмѣсто средства, сила вмѣсто закона, вотъ все, что остается отъ общественнаго права. Политики высказываютъ это, не стѣсняясь. «Сила, это высшій законъ», говорилъ одинъ австрійскій дипломатъ²⁾. Нельзя объ этомъ ду-

¹⁾ *Pensées*, ed. Havet, art. III, № 8.

²⁾ Изъ рѣчи, сказанной на конгрессѣ въ Тешенѣ (1779) и записанной французскимъ агентомъ. Иностранная дѣла. — «Только небесное царство достигается терпѣніемъ,—говорилъ Фридрихъ,—земныя царства добываются силой. Le duc de Broglie, *Frédéric II et Marie-Thérèse*, t. II, p. 198.

мать безъ страха, и это впечатлѣніе страха встрѣчаешь у всѣхъ современниковъ, которые смотрятъ на событія сверху, которые наблюдаютъ и размышляютъ. Никто не былъ такъ проникнутъ этимъ страхомъ и не высказывалъ его въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ, какъ Мале-дю-Панъ, бывший во время предвидѣннаго имъ кризиса самымъ проникательнымъ, непризнаннымъ совѣтникомъ европейскихъ государей. Онъ писалъ въ 1792 ³⁾: «Быть можетъ, ни въ одной части свѣта не было столько причинъ для произведенія успѣшнаго соціальнаго переворота. Раздѣленная на множество различныхъ правительствъ, Европа представляетъ мало основъ для общаго сопротивленія. Первая великая континентальная нація, которая измѣнитъ видъ общества, не встрѣтитъ большихъ затрудненій съ раздѣленными членами. Судя по характеру, какой приняла европейская политика со времени прошедшаго вѣка, и по сущности договоровъ, на которыхъ она основана, трудно было бы воодушевить, ради общаго блага, тридцать государей, опасавшихся другъ друга и приученныхъ своими министрами въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ основывать свою безопасность на равнодушіи къ гибели всѣхъ государствъ, могущихъ, по ихъ предположенію, когда-либо повредить имъ» ⁴⁾. Въ то время, когда союзъ европейскихъ государствъ разлагался среди этой монархіи, когда слабая и искусственная связь, соединяющая правительства, готова была порваться, тѣ же самые принципы разрушенія и разложенія грозили и установленному внутри государства порядку. Все разлагалось и раздѣнялось въ одно и то же время: одинъ и тотъ же кризисъ разрывалъ внѣшнія связи государствъ между собою и портилъ внутри отношенія между правительствами и гражданами. Онъ происходилъ въ силу тѣхъ же крайностей и развивался въ силу тѣхъ же причинъ. Во внѣшней политикѣ, какъ и во внутреннихъ дѣлахъ государства, старый порядокъ гибнетъ вслѣдствіе злоупотребленія своимъ принципомъ. Одна и та же революція грозила имъ всѣмъ; но они не могли понять ее, какъ не могли уже соединиться противъ нее, еслибъ и поняли опасность. Изучая европейскую политику, мы объясняемъ себѣ, какимъ образомъ эта революція могла безнаказанно развиваться въ Европѣ и восторжествовать надъ союзомъ, образовавшимся съ цѣлью раздавить ее. Краткое обозрѣніе правленій и націй позволить намъ понять ея своеобразный характеръ и легкость, съ которой она распространилась.

³⁾ MERCURE. Numéro de janvier. *Mémoires et correspondance*, I, p. 251.

⁴⁾ «Европа находится въ состояніи полнѣйшей анархіи и походитъ на Грецію той эпохи, когда Спарта и Аѣины утратили свое преобладаніе въ ней, и каждая республика хотѣла тамъ господствовать». Mably. *Notre gloire ou nos rêves*, 1778. «Со времени паденія Римской Имперіи, Европа еще ни разу не была въ такомъ положеніи, какъ теперь». LINGUET. *Annales*, t. IV. *Reflexions sur l'état de l'Europe en 1779*.

ГЛАВА II.

Правительства и реформы.

I.

«Теперь для всѣхъ государствъ насталъ кризисъ», говорила Великая Екатерина въ 1780 ¹⁾. Сочиненія современниковъ полны мрачныхъ предсказаній о будущности государствъ. Это общій вопль упадка; ждутъ революціи, предвѣщаютъ катастрофы ²⁾. Во Франціи онъ представляется неизбежными; машина слишкомъ стара и сложна; пружина ослабла, машинистъ изнемогъ, государство развинчивается ³⁾. Франція отъ дряхлости, Пруссія отъ истощенія, вызваннаго быстрымъ ростомъ. Это—«искусственная держава», шаткое строеніе, смѣло воздвигнутое на пескѣ безъ свай и каменнаго фундамента, выступающее въ Европу непрочнымъ и жалкимъ фасадомъ, поддерживаемое однимъ гениемъ строителя. «Если на этотъ престолъ взойдетъ государь неразумный,—пишетъ Мирабо,—то страшный колоссъ внезапно обрушится, и Пруссія падетъ подобно Швеціи ⁴⁾. Марія Терезія сокрушается о паденіи своей монархіи: «Всѣ гражданскія и политическія связи порваны; люди и провинціи становятся все несчастнѣе и приходятъ въ упадокъ; все пойдетъ хуже и хуже, если мы не измѣнимъ образъ дѣйствія ⁵⁾. Мале-дю-Панъ говоритъ объ Англіи ⁶⁾: «она обре-

¹⁾ *Publications de la Société d'histoire de Russie*, t. II.

²⁾ Гриммъ пишетъ въ 1757: «Я очень далеко отъ мысли, что мы приближаемся къ вѣку разума; я скорѣе готовъ думать, что Европѣ грозитъ какая-нибудь роковая революція». Линге пишетъ въ 1779. «Народы страдаютъ; правительства недовольны; все находится въ состояніи того броженія и того волненія, которое предшествуетъ великимъ кризисамъ всякаго рода».

³⁾ TAINE, *l'Ancien Régime*, Paris 1876.—ROSCQUAIN, *L'esprit révolutionnaire avant la révolution*, Paris 1879.

⁴⁾ *Monarchie prussienne*, Paris 1788, liv. VII. «Зданіе построено на пескѣ, оно вывѣтрится и обрушится», пишетъ Екатерина Гримму (по-нѣмецки), а въ другомъ письмѣ (по-франц.). «Прусская монархія, которая, по вашему мнѣнію, совершенно разрушится черезъ пять лѣтъ»... Письма отъ 24 іюня 1790 и 9 мая 1791.—«Великое зданіе, воздвигнутое имъ... построено, такъ сказать, на пескѣ». Mably, *De la paix d'Allemagne*.—PHILLIPSON, *Geschichte des preussischen Staatswesens*. Berlin 1880.—RÄUMER, *Beiträge*, 1836, t. V, p. 298.—

⁵⁾ Изъ письма Іосифу II отъ 2 янв. 1778.—ARNETH *Maria-Theresia und Joseph II*, Vienne 1867.

⁶⁾ *Annales politiques*, t. III, 1782.

менена долгами, разрываемая духомъ партій, развращена жадною денегъ; всѣ политическіе прорицатели грозятъ, что ее постигнетъ гибель, подобная той, которая сокрушила Венецію». Что сказать объ Испаніи? Причины ея упадка составляютъ общее мѣсто для философовъ, школьное упражненіе—для учениковъ въ политикѣ⁷⁾. Что касается Польши, покинутой врачами, то ей приходится выбирать между формулами алхимиковъ и панацеями эмпириковъ. «Я вижу,—писалъ Руссо въ 1772, что всѣ европейскія государства стремятся къ своей гибели: монархіи, республики, націи съ такими великолѣпными учрежденіями, мудро уравновѣшенными правительствами—все это приходитъ въ ветхость и грозитъ скорой смертью. Всѣ великіе народы, раздавленные собственной массой, стонутъ⁸⁾».

Причины этого паденія стараго режима повсюду однѣ и тѣ же⁹⁾: страшное увеличеніе расходовъ двора и военныхъ издержекъ, роскошныя зданія, расточительность или алчность фаворитокъ; жадность временщиковъ; а главное—постоянно увеличивающаяся потребность вооруженій не посредствомъ. «Европа такъ разорена,—писалъ Монтескье, что еслибъ частные люди находились въ положеніи трехъ богатѣйшихъ державъ этой части свѣта, то имъ нечего было бы ѣсть»¹⁰⁾. Государства обременены долгами, терпятъ отъ недостатка въ кредитѣ; мелкія государства еще болѣе истощены, чѣмъ крупныя, такъ какъ, обладая меньшими ресурсами, они не менѣе расточительны¹¹⁾. Только въ одномъ государствѣ финансы находились въ блестящемъ состояніи—въ Англіи; то была заслуга Питта. Пруссія имѣла богатый металлическій фондъ и держала свои счета въ порядкѣ: этимъ она была обязана неумолимой скупости Фридриха. На самомъ дѣлѣ у нея не было правильнаго бюджета. Достаточно было нѣсколькихъ лѣтъ мотовства преемника Фридриха для того, чтобъ Пруссія перешла изъ этого относительнаго благосостоянія къ общей несостоятельности. Въ 1791 французскій дворъ готовился оставить Парижъ, образовать правительство въ провинціи, собрать войска на границахъ: требовались денеж-

⁷⁾ Бюбель, *Исторія цивилизаціи въ Англіи*.

⁸⁾ ROUSSEAU, *Gouvernement de la Pologne*.—MABLY, *Du gouvernement et des lois de Pologne*.

⁹⁾ О Франціи TAINE, *L'Ancien Régime*.

¹⁰⁾ *Esprit des lois*, liv. VIII, ch. XVII.

¹¹⁾ ERSKINE MAY, *Histoire constitutionnelle*. Paris 1865, объ Англіи.—Объ Испаніи: BAUMGARTEN, *Geschichte Spaniens*, Berlin 1861;—о Пруссіи PHILIPPSON, *Geschichte des Preussischen Staatswesens*.—Объ Австріи ARNETH, *Geschichte Maria Theresia*.—О Швеціи GEFROY, *Gustave III*.—Объ Италіи BIANCHI, *Storia della Monarchia piemontese*, Turin 1877;—FRANCHETTI, *Storia d'Italia 1789—1800*, Milan 1880.—ALLEN, *Histoire de Danemark*; HAEUSSER, *Deutsche Geschichte 1786—1815*, 4 ed. Berlin 1869.—SYBEL, *Histoire de l'Europe pendant la Révolution* и пр.

ныя средства; Марія-Антуанета обратилась къ брату. Посланникъ Мерси отвѣчалъ¹²⁾: «императоръ намѣревался сдѣлать заемъ въ Голландіи, но не рѣшился, такъ какъ городъ Амстердамъ произвелъ экстренный сборъ податей въ 12 милліоновъ для своего банка, которому грозило банкротство. Россія собрала отъ 8—10 милліоновъ, Швеція заняла 6 милліоновъ подъ закладную своихъ желѣзныхъ рудниковъ, Польша рассчитывала на 4—6 милліоновъ, но не получила ихъ. Всѣ деньги въ Англіи. Извѣстно, что у гессенъ-кассельскаго ландграфа¹³⁾ есть отъ 15—20 милліоновъ флориновъ, часть которыхъ онъ желалъ бы помѣстить, но онъ такъ недо- вѣрчивъ, что не рѣшается и уже отказалъ двумъ крупнымъ дворамъ».

Государства принуждены дѣлать займы; долгъ поглощаетъ доходъ, дефицитъ становится хроническимъ. Это основной недостатокъ режима, и въ этомъ отношеніи положеніе Европы не лучше, если не хуже, положенія Франціи: тамъ обнаруживаются тѣ же слѣдствія. Въ 1788 г. Мирабо пишетъ: «Подати распределены въ Европѣ нигде негоднымъ образомъ». На континентѣ, какъ и во Франціи, чѣмъ богаче платящій податъ, тѣмъ менѣе онъ платитъ. По мѣрѣ увеличенія налоговъ умножаются и льготы, избавляющія отъ платежа. Это система обратно прогрессивнаго налога. Дворяне ускользаютъ, буржуа увольняются отъ платежа, сельскій людъ падаетъ подъ его тяжестью. Къ налогамъ, которыми монархъ отягощаетъ своихъ подданныхъ, присоединяются тѣ, которыми господинъ отягощаетъ своихъ вассаловъ. Феодальныя права вездѣ одни и тѣ же, и во Франціи они еще менѣе тягостны, если не менѣе стѣснительны¹⁴⁾.

Я не говорю о Россіи, гдѣ крѣпостное право установилось въ шестнадцатомъ столѣтіи, то есть именно въ то время, когда оно падало или ослабѣвало въ остальной Европѣ¹⁵⁾. Въ Россіи оно умѣрилось относительно мягкостью нравовъ, хорошо понятымъ интересомъ самихъ владѣльцевъ, и въ особенности вмѣшательствомъ государства¹⁶⁾; въ Польшѣ оно не умѣрилось ничѣмъ; въ Германіи же существовало еще повсюду. Крестьянинъ не можетъ ни покинуть земли своего господина, ни жениться, ни переименовать профессіи безъ дозволенія господина. Въ молодости онъ служитъ въ замкѣ; позднѣе онъ долженъ отбывать оброкъ и барщину; послѣдняя до-

¹²⁾ Отъ 21 апрѣля 1791. ARNETH, *Marie-Antoinette, Joseph II et Léopold II*, Vienne 1866.

¹³⁾ Вильгельмъ IX, сынъ знаменитаго торговца людьми, который продавалъ своихъ солдатъ и обогатился отъ вооруженій, разорившихъ его собратьевъ по престолу.

¹⁴⁾ TOCQUEVILLE, *L'Ancien Régime et la Révolution*, liv. II, ch. I.

¹⁵⁾ ANATOLE-LEROY BEAULIEU, *L'Empire des Tzars et les Russes*, t. I, p. 337.

¹⁶⁾ SÉGUR, *Mémoires*, t. II, p. 233.—RAMBAUD, *Histoire de Russie*, p. 478. Paris, 1878.

ходить иногда до трех дней въ недѣлю. Только съ большимъ трудомъ онъ можетъ самъ сдѣлаться собственникомъ. Его имущество, во всякомъ случаѣ, остается подъ опекою, и даже его наслѣдство не переходитъ цѣликомъ къ его дѣтямъ¹⁷⁾. Этотъ порядокъ вызываетъ общія жалобы въ Германіи¹⁸⁾. Впрочемъ на практикѣ встрѣчаемъ довольно много рѣзкихъ оттѣнковъ. Въ Цвейбрюккенѣ порядки жестоки. Пертцъ сравниваетъ жилище знатнаго мекленбургца съ логовищемъ дикаго звѣря, который опустошаетъ все вокругъ и пожираетъ въ тишинѣ. Въ Лузациі крестьянинъ—рабъ. Ландграфъ гессенскій продаетъ своихъ солдатъ англичанамъ по сто экю за человѣка. Баварецъ превращаетъ своихъ въ скотовъ: «это—земной рай, населенный скотами», говорилъ Фридрихъ¹⁹⁾. «Во владѣніяхъ австрійскаго дома,—разсказываетъ одинъ современникъ,—народъ бѣденъ, купцы и среднее сословіе живутъ въ довольствѣ, дворянство и знать страшно богаты, а государямъ почти всегда приходится изыскивать средства, необходимыя для поддержки государства»²⁰⁾. Правительство хлопочетъ объ улучшеніи участи крестьянина и вмѣстѣ съ тѣмъ объ уплатѣ податей. Благодѣтельная и интеллигентная императрица рисуетъ намъ своихъ подданныхъ «угнетенными и подавленными» въ мирное время²¹⁾. Въ 1769 въ одномъ рапортѣ о Богеміи, поданномъ въ государственный совѣтъ, говорится: «Цѣпенѣши отъ ужаса и глубокаго волненія при видѣ крайней бѣдности, въ которой изнемогаетъ крестьянинъ подъ тяжестью повинностей, налагаемыхъ на него господиномъ». «Это хуже, чѣмъ въ Венгріи», писалъ другой агентъ, и ему казалось, что болѣе ужаснаго сравненія нельзя придумать. Иосифъ II посѣтилъ страну и вернулся оттуда въ уныніи.

Въ Пруссіи крестьянинъ сравнительно менѣе несчастливъ. Фридрихъ выжималъ, что могъ изъ своихъ подданныхъ, но дѣлалъ это съ умѣніемъ. Онъ требовалъ, чтобъ дворяне жили въ своихъ помѣстьяхъ и занимались своими крестьянами. Каждый изъ нихъ могъ обращаться къ королю, и король читалъ всѣ подаваемые ему прошенія. Государство берегло земли, улучшало земледѣліе и защищало вассаловъ противъ господъ. Тѣмъ не менѣе участь крестьянина была очень тяжела; прямыхъ налоговъ онъ уплачивалъ въ семь разъ больше, чѣмъ господинъ, а косвенные налоги, бла-

¹⁷⁾ TOCQUEVILLE. *Ancien régime*, liv. II, ch. I.

¹⁸⁾ HÄUSSER, t. I, p. 272, liv. I, ch. II.

¹⁹⁾ PERTZ. *Leben des Ministers Freiherrn von Stein*. Berlin 1849—1855.—PERTHES. *Zustände und Personen*. Gotha 1862.—RAMBAUD. *Les Français sur le Rhin*. Paris 1873.

²⁰⁾ BIELFELD. *Institutions*.

²¹⁾ ARNETH. *Maria Theresia*, t. IX, ch. XII, XVI. *L'administration et les finances*, t. X. *Les provinces*. Vienne 1879.—LÉGER, *Histoire de l'Autriche*. Paris 1879.

годаря покровительственной системѣ, доведенной Фридрихомъ до крайности, ложились на его одежду, ницу, даже на орудія его труда. Безчисленныя повинности, еще болѣе сложныя и запутанныя чѣмъ во Франціи, лежали на сельской собственности²²⁾. Разсчитываютъ, что въ Бранденбургѣ за тридцать акровъ земли, дающей доходу 9³/₄ экю, крестьянинъ платилъ государству восемь экю и три гроша, не считая того, что онъ долженъ былъ уплачивать господину и духовенству. Въ Помераніи, гдѣ почва не такъ безплодна, онъ платилъ шестнадцать экю и одинъ грошъ, изъ семнадцати съ половиной экю дохода. Клевъ былъ самой жалкой изъ земель короля прусскаго: крестьяне перестали заниматься тамъ земледѣліемъ и земли оставались подъ паромъ²³⁾.

Жизнь датскаго крестьянина не отличалась отъ жизни нѣмецкаго. Зато въ сѣверной и центральной Италиі сельскому люду жилось лучше. Крестьяне тамъ прозябали подъ опекой добродушныхъ господъ, смягчавшихъ, особенно въ Пьемонтѣ, строгость режима. Жизнь крестьянина была сноснѣе въ мало-культурныхъ земляхъ, гдѣ владѣльцы не покидали своихъ имѣній²⁴⁾. Тѣмъ не менѣе это было тяжелое, полное удивительныхъ злоупотребленій существованіе. Гёте, во время своего путешествія въ 1786, разговаривалъ съ однимъ жителемъ Вероны: «я спросилъ его: развѣ нѣтъ богатыхъ крестьянъ?—Да, конечно есть.—Что-же они дѣлаютъ съ своими деньгами?—У нихъ есть господа, которые берутъ эти деньги».

Во Франціи мелкое дворянство жило въ деревняхъ, но не управляло ими, исключая запада, гдѣ сохранились старинныя права, чѣмъ и объясняются вандейскія арміи. Крупное дворянство тамъ не жило и не управляло. Нигдѣ, конечно, эти факты не были такъ рѣзки и такъ общи, какъ во Франціи; въ другихъ мѣстахъ оставались болѣе или менѣе глубокіе слѣды феодальнаго правительства; но, за исключеніемъ Англіи, гдѣ въ рукахъ знати была мѣстная администрація, и Пруссіи, гдѣ она ее отчасти сохранила, почти вездѣ знать жила на французскій ладъ: мотала свое богатство, пренебрегала своими обязанностями, съ излишествомъ пользовалась своими правами, которыя должны бы составлять собственно лишь результатъ первыхъ, и утрачивала такимъ образомъ смыслъ своего существованія²⁵⁾. Въ Пруссіи, которую король держалъ въ рукахъ и принуждалъ исполнять государственныя обязанности, дворянство, хотя надменное и суровое, внушало уваженіе крестьянамъ и было главнымъ дѣятелемъ націи. То же самое происходило въ Пьемонтѣ. Въ Венгріи, въ Богеміи—въ наслѣдственныхъ

²²⁾ HILLEBRAND. *La Prusse contemporaine*. Paris 1867.

²³⁾ PHILLIPSON, t. II, ch. 1, V.

²⁴⁾ BIANCHI, t. I, ch. VII. CANTU. *Histoire des Italiens*, t. X. Paris 1859.

²⁵⁾ TAINÉ, *L'Ancien Régime*, liv. I, La structure de la société.

австрійскихъ владѣнійхъ,—государство было безсильно содержать знать, и крестьянинъ безпрестанно жаловался на нее государю, надѣясь на его защиту. Но этой защиты не было у крестьянина имперскихъ земель, Швабии и Франконіи, принадлежащихъ непосредственному дворянству (*la noblesse immédiate*), такъ называли послѣднее потому, что оно зависѣло только отъ имперіи; въ сущности оно ни отъ кого не зависѣло: тамъ не было ни правительства, ни высшаго правосудія, ни опеки, ни покровительства, ни полиціи, ничего того, что въ большихъ государствахъ умѣряло злоупотребленія режима. За исключеніемъ нѣсколькихъ родовъ, Гагерновъ, Штейновъ, обладавшихъ высокимъ интеллектуальнымъ развитіемъ, высокой нравственностью, составляющихъ душу и честь Германіи, родовъ, гдѣ отецъ управлялъ патриархально, гдѣ сыновья путешествовали и старались сдѣлать карьеру при большихъ дворахъ, всѣ остальные имперскіе графы и бароны гордились своею изолированностью, своею нравственной скудостью и политической грубостью. Эти свойства были какъ бы признаками ихъ выродившейся власти и значенія и они ими чванились. Настоящіе деревенскіе тираны, тяжеловѣсные подражатели прусскаго деспотизма въ его жестокостяхъ, они образовали въ сердцѣ Германіи какъ бы архипелахъ островковъ, отдѣленныхъ отъ Европы изгородями ихъ вотчинъ; волны океана не могли бы такъ глубоко разъединить ихъ съ Европою, какъ эти загородки. Одинъ нѣмецкій публицистъ, очень привязанный къ стариннымъ обычаямъ, говоритъ: «Во многихъ мѣстностяхъ внѣшній видъ деревень прямо указываетъ на то, что онѣ принадлежатъ имперской знати. Эта знать въ свое время имѣла право на существованіе и оказала большія услуги народамъ въ средніе вѣка; отнынѣ она приноситъ только вредъ. Прежде она защищала крестьянина отъ злоупотребленій, теперь она сама злоупотребляетъ своей силой и гнететъ крестьянина. Привилегіи ихъ болѣе обременительны и невыносимы для крестьянъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Это были самые непопулярные люди въ имперіи» ²⁶⁾.

Шведскіе дворяне думали только объ удовольствіяхъ; датскіе покидали своихъ вассаловъ на жертву управляющимъ. Въ Испаніи дворяне тратили на разорительную придворную скуку деньги, съ трудомъ извлекаемые изъ своихъ владѣній. Земли ихъ, худо обработанныя, ничего не приносили, и уваженіе къ нимъ крестьянъ держалось только благодаря лѣни послѣднихъ. Управленіе было мягче въ тѣхъ территорияхъ, которыми владѣло духовенство; старинные обычаи сохранились тамъ нѣсколько долѣе, но съ мягкостью эксплуатаціи, впрочемъ очень относительной, соединялась большая небрежность. Съ другой стороны, увольненіе отъ налоговъ, которымъ пользовались духовныя имуществы, влекло усиленный платежъ со стороны

²⁶⁾ HÄUSSER, t. I, liv. I, ch. V.

крестьянина. Результатомъ было недовольство и броженіе, которыя даже въ Испаніи выказывались открыто.

Итакъ, на всемъ континентѣ одни и тѣ же плохіе порядки вызываютъ одни и тѣ же бѣдствія въ государствахъ. Правительства чувствуютъ ихъ вліяніе и стараются его устранить. Мыслители изучаютъ болѣзни и предлагаютъ лекарства. Одновременно съ этимъ возрастающимъ упадкомъ, пробуждается по всей Европѣ активное стремленіе къ улучшенію. Разсмотримъ прежде всего, какъ задумывались реформы.

II.

Франція—очагъ этихъ идей; лучи ихъ расходятся по всей Европѣ, но необходимо различать ихъ ¹⁾. Среди мыслителей, пробуждающихъ общественную мысль, всего охотнѣе слушаютъ тѣхъ, которые, имѣя въ виду только злоупотребленія, ставятъ себѣ цѣлью реформировать, а вовсе не разрушать государство. Монтескье является самымъ глубокимъ, твердымъ и мудрымъ изъ этихъ мыслителей: онъ изучилъ факты, онъ признаетъ очевидность, онъ подчиняетъ разумъ природѣ вещей. Онъ показываетъ, что всякое правительство носить въ себѣ и причины своей прочности и причины упадка. Онъ учитъ, что каждое изъ нихъ можетъ примѣнить къ особенностямъ своей индивидуальности основы цивилизаціи—справедливость и общее благо. Онъ предостерегаетъ государства, указывая на общую опасность, которая имъ грозитъ: эта опасность лежитъ въ злоупотребленіи ихъ основнымъ принципомъ. Но его мысли, по своей высотѣ, недоступны государственнымъ людямъ того времени. Въ Европѣ ему скорѣе изумлялись, чѣмъ читаютъ его; и чаще читаютъ, чѣмъ понимаютъ. Онъ не оказываетъ непосредственнаго вліянія: поражаютъ однѣ подробности его сочиненій, а изъ великихъ основныхъ законовъ, имъ начертанныхъ, его современники удерживаютъ въ памяти однѣ отрывочныя формулы ²⁾.

Для этихъ скороспѣлыхъ, безпокойныхъ, суетныхъ и легкомысленныхъ, несмотря на ихъ культурность, политиковъ,—нужно не сильное зажигающее стекло, концентрирующее большіе лучи, а кристаллъ, призмы котораго разсѣиваютъ свѣтъ снопами искръ. Въ Вольтерѣ сосредоточивается весь гений старой Европы. Онъ ее понимаетъ, онъ умѣетъ ее растрогать, онъ ей всегда доступенъ, заставляетъ ее смѣяться надъ самой собою и поучаетъ, забавляя. Онъ царитъ своими недостатками столько же, сколько хорошими сторонами; энтузіазмъ, который онъ сообщаетъ свѣтскому чело-

¹⁾ TAINE, *l'Ancien Régime*, liv. III. *L'Esprit et la doctrine*.

²⁾ Такъ Вильгельмъ, называющій себя его ученикомъ, въ своихъ *Institutions* примѣняетъ принципы *Духа законовъ* къ политическимъ нравамъ Европы.

вѣку, не заставитъ его забыть чувство мѣры. Великодушные порывы его освѣжаютъ придворную атмосферу, не возмущая ее. Скептическая складка его ума находитъ откликъ въ читателяхъ и поддерживаетъ постоянно живое общеніе между ними и авторомъ. Удивительная ясность его языка восхищаетъ, умѣренный подъемъ его мысли успокаиваетъ ихъ; имъ кажется, что они узнаютъ себя въ немъ и, восхищаясь имъ, восхищаются и собой. Такого рода генинъ весьма рѣдки; можно сказать, что мѣръ всегда подчинился ихъ чарамъ. Вольтеръ уживчивъ, милъ, онъ ободряетъ и поддерживаетъ. Онъ не принимаетъ, подобно Монтескье, обезкураживающаго вида врача, который видитъ въ болѣзняхъ лишь отдаленныя причины и находитъ лекарства въ тѣхъ же причинахъ. Государство гибнетъ отъ полнокровія; Монтескье совѣтуетъ ему быть воздержнѣе; вернуть гибкость и гармонию своимъ органамъ посредствомъ благоразумнаго распредѣленія силъ, привлечь къ окончностямъ кровь, приливающую къ сердцу и причиняющую удущье. Вольтеръ не требуетъ, чтобы его кліенты мѣняли свои привычки или сдерживали свои страсти; возбуждающая діета, мѣстные средства, которые на время облегчаютъ и оживляютъ—вотъ все его леченіе.

Онъ ждетъ всего отъ государства и въ сущности работаетъ только для государства. «Свобода, собственность—это англійскій крикъ, это крикъ природы», но онъ понимаетъ свободу, регулирующую властелиномъ, и собственность, обеспеченную сильнымъ правительствомъ. Его политическій идеалъ—деспотизмъ, умѣряемый «терпимостью» и «просвѣщеніемъ». Монтескье требуетъ сложнаго и стѣснительнаго механизма. Вольтеръ довольствуется меньшимъ. Перечитайте въ *Dictionnaire Philosophique* статью: *Lois civiles et ecclésiastiques*; позже она была напечатана подъ названіемъ *Cahiers de Voltaire aux Etats généraux*: эта полная программа просвѣщеннаго абсолютизма»³⁾. «Дѣло не въ томъ,—писалъ Вольтеръ д'Аржансону въ 1769,—чтобы произвести переворотъ, какъ во время Лютера и Кальвина, но важно сдѣлать переворотъ въ умахъ тѣхъ, которые призваны къ управленію».

Это первое теченіе; но есть другое, болѣе бурное, которое ежедневно растетъ, грозя затопить весь мѣръ. Оно можетъ и оплодотворить землю, но не иначе, какъ заливъ ее своими водами, и оплодотворяетъ своимъ иломъ лишь страны, предварительно затопленныя и опустошенныя потокомъ этихъ водъ. Эти доктрины соединяютъ съ самыми справедливыми и своевремен-

³⁾ Налогъ, который дожилъ бы на все классы и распредѣлялся пропорціонально, единство мѣры и вѣса; единство законовъ, запрещеніе издавать какіе бы то ни было церковные законы безъ разрѣшенія правительства, гражданскій бракъ; церковь подъ управленіемъ государства, упраздненіе анатовъ, (напскихъ доходовъ), десятины, духовныхъ судовъ.

ными предложеніями реформъ, самыя химерическія революціонныя гипотезы. Онъ приводитъ самыя убѣдительныя доводы; онъ вооружаютъ диалектическія тонкости всею оружіемъ научнаго арсенала. Онъ овладѣваютъ человѣкомъ, дѣйствуя на его страсти и возводя ихъ въ принципъ; онъ льстятъ ему, возбуждаютъ его энтузіазмъ, горделивое самоупоеніе и тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ на него, что отъ несомнѣнныхъ болѣзней предлагаютъ болѣе соблазнительныя средства.

Въ этомъ отношеніи то, что происходить во Франціи⁴⁾, повторяется вездѣ, куда проникаютъ книги, гдѣ люди сходятся для обмѣна мыслей. Въ Германіи особенно я нахожу то же тревожное настроеніе, смѣшанное съ энтузіазмомъ, то же нервное раздраженіе, сопровождаемое восторженными надеждами⁵⁾. Жанъ Поль писалъ въ 1803, что революція болѣе интеллектуальная, болѣе широкая, но такая же убійственная, какъ парижская, трепетала въ сердцѣ міра. Это было дѣйствіе не столько французской революціи, сколько предшествовавшихъ ей движеній, аналогичныхъ съ тѣми, которые дали ей начало. Въ 1765 г. Николаи и его друзья пытались посредствомъ своей *Всеобщей нѣмецкой библіотеки* совершить то же самое, что дѣлали философы во Франціи: разрушить въ умахъ уваженіе къ прошедшему. Въ 1789 они почти достигли своей цѣли; традиции не уважались, повсюду говорилось о дряхлости старинныхъ правовъ, о нелѣпости и обветшалости учреждений. «Порядокъ вещей не можетъ оставаться такимъ, какъ теперь,—писалъ Форстеръ въ 1779,—все симптомы на это указываютъ». Онъ всею силою души призывалъ тотъ спасительный кризисъ, который долженъ былъ обновить мѣръ. Ему было бы все равно, какой цѣной это будетъ куплено хотя бы цѣной крови. «Мнѣ кажется,—писалъ онъ въ 1782,—Европа находится наканунѣ ужасной революціи. Масса такъ испорчена, что пожалуй потребуетъ небольшое кровопусканіе». Другой нѣмецкій мыслитель, Якоби, провозглашалъ въ то же время: «Я желалъ бы какого-нибудь наводненія, хотя бы въ видѣ вторженія варваровъ, чтобы смыть это вонючее болото и обнажить дѣвственную почву». Массы не требовали именно какихъ-нибудь перемѣнъ,—писалъ Штрамбергъ,—но настоящее ихъ оскорбляло. Неясное стремленіе къ чему-то новому, неизвѣстному проникало даже въ нѣдра семьи: даже хозяйки не хотѣли имѣть старой утвари.

⁴⁾ TAINE, *l'Ancien Régime*, liv. III. *L'esprit et la doctrine*; liv. IV. *La propagation de la doctrine*.

⁵⁾ HEINE, *de l'Allemagne 1855—57*.—HILLEBRAND, *La société de Berlin de 1789—1807. Revue des deux Mondes 1870*.—PERTHES, op. cit. I.—HAÜSSER, I. liv. I, ch. V.—SCHLOSSER, *Geschichte des 18 Jahrhunderts 1864*.—TOCQUEVILLE, *Mélanges chapitres inédits*, ch. I.—FORSTER, *Oeuvres, Leipzig 1863*.—BOSSERT, *Goethe, ses précurseurs et ses contemporains; Goethe et Schiller 1882*.

Вскорѣ почувствовались родовыя муки, предшествующія рожденію новыхъ временъ».

Вмѣстѣ съ этими стремленіями въ умахъ развивается мысль о томъ, что разумъ долженъ управлять міромъ, что онъ долѣтъ самъ себѣ и что онъ можетъ все постигнуть, а слѣдовательно и все совершить. Общественному, праву, опредѣленному Монтескье и основанному на фактахъ, противопоставляютъ право естественное, основанное на разумѣ, и это второе право, какъ болѣе простое, болѣе логичное, болѣе доступное умамъ, повсюду, особенно въ Германіи, одерживаетъ верхъ надъ первымъ. Пуффендорфъ читается тамъ очень многими. Вольфъ господствуетъ почти деспотически. Путемъ дедукціи и геометрическихъ формъ онъ учитъ, что есть права, присущія человѣческой природѣ, что каждый долженъ пользоваться ими и что всѣ могутъ противиться тѣмъ, кто покушается на эти права. Верховная власть народа и право на мятежъ неизбежно вытекаютъ изъ его ученія ⁶⁾.

Фридрихъ прекрасно понималъ это и не особенно уважалъ этого писателя: «Я не говорю о Вольфѣ,—пишетъ онъ въ началѣ своихъ мемуаровъ,—который пережевывалъ систему Лейбница и размазывалъ то, что такъ пламенно и сжато написано Лейбницемъ». Не таково было мнѣніе нѣмцевъ. Бильфельдъ, кичившійся тѣмъ, что прочелъ *Духъ Законовъ* и дѣйствительно почерпнувшій изъ этой книги основныя мысли своихъ *Institutions*, гораздо больше восхищался Вольфомъ и его тяжеловѣсными диссертациями: «Мы находимъ въ нихъ,—пишетъ онъ,—причину всего, начало, основы всѣхъ законовъ міра, т. е., разумныхъ законовъ... Наконецъ это полная система... Безсмертный авторъ заключилъ свою колоссальную книгу въ небольшой томъ in-octavo и назвавъ ее «*Учрежденіе естественнаго права*». Она пользуется громадною популярностію» ⁷⁾.

Однако, благодаря своей туманной формѣ, доктрина эта была доступна только людямъ опытнымъ въ алгебрѣ метафизики. Руссо вдохнулъ въ нее жизнь своимъ удивительнымъ гениемъ и пустилъ живую и трепещущую въ толпу. Тусклый и холодный свѣтъ діалектика не проникалъ въ страстныя души. Благодаря Руссо, она засіяла въ смутѣ страстей и буряхъ человѣческихъ чувствъ: она овладѣла міромъ. Руссо—главный провозвѣстникъ революціи во Франціи: его вліяніе въ Германіи также велико, даже можетъ быть болѣе исключительно и рѣшительно. Одинъ нѣмецкій историкъ сравниваетъ его съ вліяніемъ схоластической философіи въ средніе вѣка. Воспитаніе нѣмцевъ подготовило ихъ къ пониманію

⁶⁾ JANET, *Histoire de la science politique* liv. IV, ch. III и IV,—GIERKE, *Althusius*, Breslau 1880. ch. III.—PHILIPPSON, op. cit.—FUNCK-BRENTANO, *Les sophistes*.—Paris 1879.

⁷⁾ *Institutions*, t. I, ch. II.

Руссо; они не только его понимали, но и восхищались имъ. Германія переживала ту эпоху странной тревожности и страстнаго увлеченія, которую назвали эпохой бури и натиска (*Sturm und Drang*). Въ ней образовались неизсякаемые источники сдержанныхъ слезъ, которыя ждали только случая, чтобъ пролиться; накопились потоки энтузіазма, которое готовы были разлиться при первой возможности; души были полны страстей, жаждавшихъ преобразиться въ добродѣтели и очиститься, удовлетворяя сами себя. Нигдѣ Руссо не встрѣтилъ болѣе плодотворной почвы. Его вліянію подчинялись и самыя великія и самыя посредственныя умы; создавая цѣлое поколѣніе софистовъ, напыщенныхъ декламаторовъ и слезливыхъ развратниковъ, онъ, въ то же время, вдохновлялъ поэтовъ и философовъ: ему мы обязаны Шиллеромъ и Кантомъ; онъ завоевалъ Италію, какъ завоевалъ Германію. Можетъ быть, его власть тамъ не такъ абсолютна, но передовые люди изъ итальянцевъ подпали его вліянію, хотя изъ осторожности и не ссылались на него, таковы: Беккариа и, въ особенности, Филанджіери ⁸⁾.

Подъ вліяніемъ этого импульса, въ Германіи и Италиі возникаетъ полная такихъ же великодушныхъ иллюзій, такого же энтузіазма, какъ во Франціи, религія человѣчества: вѣра въ разумъ, сознаніе труда во имя счастья человѣческаго рода и близости дня, когда съ освобожденіемъ мысли пробудится на вѣки возрожденный человѣкъ. Человѣчество не имѣетъ родины; люди, исповѣдающіе этотъ культъ, не признаютъ болѣе границъ, они космополиты. «Каждый хотѣлъ быть только человѣкомъ», пишетъ Гёте; не занимались ни газетами, ни новостями, наше дѣло было научиться познавать человѣка; что касается до людей вообще, то мы охотно позволяли имъ дѣлать, что хотятъ.» Шиллеръ писалъ въ 1784. «Я пишу, какъ гражданинъ міра. Я рано утратилъ мое отечество, обмѣнявъ его на широкій міръ». «Нѣмцы!—восклисалъ онъ,—не стремитесь образовывать націю, довольствуйтесь тѣмъ, что вы люди!». Лессингъ объявлялъ во всеуслышаніе, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что значить любовь къ отечеству».

Всѣ націи должны считать себя солидарными; слѣдовательно космополитамъ приходится прославлять всѣ революціи и довольно страннымъ образомъ хвалить у другихъ тѣ патріотическія добродѣтели, отъ которыхъ они сами какъ бы стараются освободиться. Такъ Паоли былъ на минуту героемъ всей Европы. Революція въ Америкѣ воспламенила континентъ. Нѣмцы, за неимѣніемъ солдатъ, которыхъ посылала Франція, посвящали американцамъ цѣлыя томы стихотвореній. «Я еще живо помню,—пишетъ

⁸⁾ CANTU, op. cit. liv. XV.—VILLEMAIN, *Historie de la littérature au dix-huitième siècle*.

одинъ норвежецъ,—то, что происходило въ Эльзинорѣ и на рейдѣ, въ тотъ день, когда былъ заключенъ миръ, обеспечивавшій торжество свободы. Рейдъ былъ полонъ кораблей всѣхъ націй... Всѣ они пестрѣли флагами... Всюду раздавались радостные крики матросовъ... Мой отецъ хотѣлъ, чтобы мы прониклись чувствомъ политической свободы: онъ позвалъ насъ къ столу и заставилъ выпить вмѣстѣ съ нимъ и гостями за здоровье новой республики»⁹⁾.

Такой же восторгъ возбуждали реформы Людовика XVI и министерство Тюрго. Гете пишетъ: «Горячо желали успѣха американцамъ: имена Франклина и Вашингтона сіяли на горизонтѣ... Когда новый французскій король, желавшій добра, обнаружилъ прекрасное намѣреніе ограничить свою власть, чтобы уничтожить старыя злоупотребленія, достигнуть высокихъ цѣлей, ввести вездѣ порядокъ и правосудіе—самыя радостныя надежды распространились въ мірѣ, и довѣрчивая молодежь вѣрила, что можетъ обѣщать себѣ, обѣщать всѣмъ современникамъ великолѣпное, чудное будущее». Этотъ энтузіазмъ, это опьяненіе мыслью, какъ называетъ ее г-жа Сталь, нашли въ Шиллерѣ самага краснорѣчиваго толкователя. Донъ-Карлосъ, напечатанный въ 1787 г. не что иное, какъ поэтически выраженная и поставленная на сцену мечта о человѣчествѣ, бывшая мечтою того вѣка. Маркизъ Поза представляетъ государственнаго человѣка, реформатора міра, котораго призываютъ всѣ сердца и ожидаютъ всѣ умы. «Человѣкъ значитъ болѣе того, что вы думаете; онъ разобьетъ гнетъ долгаго сна... Будьте великодушны, какъ человѣкъ сильный! Пусть изъ вашихъ рукъ льется счастье... Будьте для насъ примѣромъ всего, что вѣчно и истинно. Посмотрите вокругъ себя на природу въ ея великолѣпіи: въ основѣ ея—свобода, и какъ она богата въ своей свободѣ! Посвятите счастью народа то могущество, которое такъ долго служило только величію трона! Возвратите человѣчеству утраченное имъ благородство!...»¹⁰⁾.

Эти горячія рѣчи не пустая реторика. Шиллеръ вѣрилъ въ возможность того, чего требовалъ; вѣрилъ вмѣстѣ съ нимъ его вѣкъ, государи, государственные люди и современники. Они позволяютъ развиваться этимъ ученіямъ не изъ одного легкомыслія, равнодушія или увѣренности въ своей силѣ, не потому только, что прелесть языка скрадываетъ отъ нихъ опасность, не потому только, что общественная атмосфера насыщена была этими идеями и всѣ вдыхали ихъ, такъ сказать, вмѣстѣ съ воздухомъ. Главная сущность въ томъ, что предложенія философовъ соотвѣтствуютъ тайнымъ заботамъ политиковъ; что тѣ и другіе согласны и въ исходной точкѣ, и въ цѣли, которой надо достигать: реформа, которая должна быть

⁹⁾ *Mémoires de Steffens*, cités par TOSQUEVILLE, *Mélanges*, p. 70.

¹⁰⁾ Актъ III, сц. 10.

совершаема государствомъ—и въ интересъ государства. Понять это чрезвычайно важно для уразумѣнія эпохи.

Въ глазахъ политиковъ, государство всемогуще и государственная польза преобладаетъ надъ всѣмъ. Вся политика философовъ сводится къ тому, чтобы всемогущество государства подчинить непогрѣнимости разума или, если хотите, замѣнить государственную пользу чистымъ разумомъ. На этомъ принципѣ сходятся всѣ ученія того времени. Вольтеръ подаетъ руку энциклопедистамъ; фізіократы, матеріалисты—еретики во всѣхъ другихъ вопросахъ, въ этомъ сходятся съ ортодоксальными философами. «Надо, чтобы государство управляло согласно съ правилами социальнаго порядка,—говоритъ Мерсье де-Ларивьеръ,—и тогда оно должно быть всемогуще». «Король долженъ царить не только надъ имуществомъ и жизнью, но и надъ мнѣніями», пишетъ Мирабо. Это понятіе о государствѣ ведетъ ихъ къ самому глубокому презрѣнію англійской конституціи: «Здѣсь,—говоритъ Летроннъ,—можно совершить реформы, моментально измѣняющія положеніе страны, между тѣмъ какъ у англичанъ такія реформы могутъ быть всегда задержаны партіями». Это презрѣніе служить соединительной чертой между нимъ и Руссо. «Идея представительства намъ современна, она вытекаетъ изъ феодальнаго управленія, изъ того нелѣпаго и несправедливаго правленія, которое унизило «человѣчeskій родъ»¹¹⁾. Онъ осмѣиваетъ «глупость англійской націи» и ставитъ ее въ видѣ пугала для своихъ современниковъ. Вся его революція состоитъ въ томъ, чтобы перемѣстить центръ верховной власти, вернуть его къ классическому источнику, т. е. возратить эту власть народу въ томъ смыслѣ, какой придавался народу въ древнихъ республикахъ. Но понятіе о верховной власти продолжаетъ отождествляться съ идеей государства. Цѣль революціи не уничтожить его, но овладѣть имъ; дѣло не въ томъ, чтобы заставить его поступиться своимъ всемогуществомъ въ пользу свободы гражданъ, а въ томъ, чтобы во имя этого всемогущества принудить гражданъ принять крещеніе новой религіи. Пусть философамъ дадутъ власть только на нѣсколько часовъ, и силою государственной благодати совершится одно изъ тѣхъ чудесъ, надъ которыми они такъ охотно глумятся, но которыя кажутся имъ въ этомъ случаѣ вполне естественными: измѣнится не только лицо земли, но и самая душа человѣка. Они полагаютъ, что все возможно для власти и все легко для тѣхъ, кто обладаетъ ею, даже возрожденіе Польши, даже упорядоченіе испанскихъ финансовъ, даже установленіе вѣчнаго мира¹²⁾. «Учредите европейскую республику

¹¹⁾ *Contrat social*, liv. III, ch. XV. *Gouvernement de Pologne*, ch. VII.

¹²⁾ *Сенатъ де-Меймьянъ* писалъ въ 1787: «Испанія, долгое время походила на тѣ города восточныхъ сказокъ, гдѣ все окаменѣло. Чародѣй касается своей палочкой, и все оживаетъ. Пусть только геніальный человѣкъ сдѣлается

на одинъ день, говорилъ Руссо,—и этого достаточно, чтобъ она вѣчно продолжалась... пусть намъ вернуть Генриха IV и Скулли, и вѣчный миръ можетъ назваться осуществимымъ проектомъ»¹³⁾. «Идите во главѣ королей Европы,—восклицаетъ Шиллеръ;—одинъ почеркъ пера этой руки—и земля создана вновь!... Государь, вы сдѣлаете вашъ народъ счастливѣйшимъ изъ народовъ, и тогда вашей обязанностью будетъ покорить миръ»¹⁴⁾.

Этотъ взглядъ на государство и его реформы ведетъ реформаторовъ и революціонеровъ ко всѣмъ послѣдствіямъ, къ которымъ привела политиковъ доктрина государственной пользы. Главное изъ этихъ послѣдствій, съ ихъ точки зрѣнія, оправданіе государственнаго переворота; онъ становится законнымъ, коль скоро имѣетъ цѣлью торжество доктрины. Достаточно, чтобъ виновникъ переворота изучилъ философію, чтобъ заслужить одобреніе философовъ. Даже языкъ ихъ, изящный, точный и искренній, спускается до софизмовъ и унижается до странной угодливости государственной пользѣ. Они добровольно смѣшиваютъ добродѣтель съ любовью къ философіи, свободу—съ царствомъ просвѣщенія и царство просвѣщенія—съ царствомъ философовъ. Мы не будемъ удивляться, что пресловутые ученики привѣтствуютъ 18 брюмера какъ наступленіе свободы, когда вспомнимъ, что учителя праздновали, какъ величайшіе успѣхи философіи, перевороты, произведенные Екатериной II и Густавомъ III¹⁵⁾.

Фридриху не зачѣмъ было настраивать въ свою пользу философовъ; они восхищались имъ вполне сознательно. Они ждали всего отъ «просвѣщенныхъ» государей, ни одинъ государь не могъ назваться «просвѣщеннымъ» съ такою справедливостью какъ Фридрихъ. Никогда ни одинъ государь не обладалъ въ такой высокой степени сознаниемъ своихъ правъ и уваженіемъ къ своимъ обязанностямъ по отношенію къ государству: онъ былъ въ одно и то же время абсолютный властелинъ и самый ревностный служитель государства. Современники одобряютъ его доктрину и восхищаются его поведеніемъ. Отсюда громадный престижъ, которымъ онъ пользовался въ Европѣ. Онъ—король въ духѣ вѣка. Самыя великодушныя стремленія ума соединялись тогда съ самой необузданной распушенностью

министромъ финансовъ въ Испаніи, и эта чудная страна оживетъ». *Sainte-Beuve. Causeries*, t. X.

¹³⁾ *Jugement sur la paix perpétuelle*.

¹⁴⁾ *Донъ-Карлосъ*, актъ III, сц. X. Шиллеръ говоритъ, въ письмѣ о *Донъ-Карлосѣ*, что онъ хотѣлъ изобразить «самый смѣлый идеалъ республики всего человѣчества».

¹⁵⁾ *Geffroy. Gustave III*, ch. VII.—*Raynal. Histoire philosophique*, liv. XIX. «Нуженъ былъ только одинъ человѣкъ и одинъ моментъ... Этотъ моментъ насталъ... Этотъ человѣкъ появился, и креатуры враждебныхъ державъ пали ницъ передъ нимъ...»

мысли; энтузіазмъ граничилъ съ цинизмомъ. Цинизмъ Фридриха, который отталкиваетъ насъ, не роняетъ его, точно также какъ *Дневенница* (*Ricelle*) Вольтера не роняетъ его въ глазахъ «порядочныхъ людей», какъ *Сонъ д'Аламбера* (*Le rêve d'Alembert*), не роняетъ Дидро въ глазахъ «добродѣтельныхъ людей», какъ безстыдства, рассказанныя въ *Исповѣди* Руссо, не роняетъ его въ глазахъ «чувствительныхъ людей». Если Фридрихъ дѣлалъ пошлости, то это было въ обществѣ остроумныхъ и великихъ людей своего времени; а развращенность его мысли только способствовала славѣ его имени. «Онъ дѣйствуетъ исключительно силою страсти и критики,—писала, печально размышляя о себѣ самой, императрица Марія-Терезія,—и однако толпа за него, это непостижимо!... Вотъ что значить предубѣжденіе публики! У него вездѣ крупныя и мелкія лазутчики, и бездѣлицами онъ удовлетворяетъ и содержитъ ихъ... онъ импонируетъ всѣмъ...» Эти лазутчики—самый духъ вѣка, и Фридрихъ держится его; вотъ почему у него столько льстецовъ, которые стоили такъ дешево. Въ концѣ концовъ, въ немъ стали видѣть только героя. Семилѣтняя война поставила его выше всѣхъ монарховъ: постоянство въ этой неравной борьбѣ, сила характера, обнаруживаемая имъ при пораженіи, вызвали восхищеніе современниковъ. Какъ для друзей, такъ и для враговъ, онъ сталъ Великимъ Фридрихомъ¹⁶⁾. Нѣкоторые протестовали противъ раздѣла Польши; масса простила, потому что операція эта явилась шедевромъ ловкости, и результатъ казался торжествомъ для просвѣщенія и вѣротерпимости. Одинъ только голосъ между дошедшими до насъ голосами детонируетъ въ этомъ концертѣ: это голосъ поэта, итальянца Альфіери; но онъ не былъ философомъ и съ одинаковой ненавистью преслѣдовалъ французскую революцію и короля прусскаго. Его діатрибы противъ Фридриха и его *Misogallo* вдохновлены однимъ и тѣмъ же чувствомъ.

Самые знаменитые люди пали ницъ передъ Саломономъ и Семирамидой Сѣвера. Вольтеръ, вожь вѣка, открывалъ шествіе и плясалъ передъ ковчегомъ, Рейналь изливается въ восторженныхъ похвалахъ: «...Онъ заставилъ всю землю молчать отъ удивленія и заговорить отъ восхищенія... о Фридрихъ! Фридрихъ! въ тебѣ видѣли образецъ короля-воина. Есть титулъ болѣе славный, титулъ короля-гражданина... Сдѣлай счастье Пруссіи... Дерзай, и дай покой землѣ»¹⁷⁾. Королю прусскому не доставало кротости. Дидро находитъ, что Екатерина—совершенство: «О! друзья мои,

¹⁶⁾ *Mirabeau. Monarchie Prussienne*, t. I, liv. I, p. 98.—Сравните у Босюета, *Discours*, 3 part., ch. IV, портретъ Александра, классическаго идеала, героя; «Дарій былъ справедливъ, мужественъ, великодушенъ, любимъ своими народами... но сравните его съ Александромъ, и вы легко поймете, на чьей сторонѣ побѣда» и пр...

¹⁷⁾ *Histoire philosophique*, liv. ch. X.

какая государыня! Вы не можете не сознаться, что это душа Брута при вѣшности Клеопатры!»¹⁸⁾. Руссо самъ готовъ бы преклониться, но требовалъ лишь небольшой жертвы своимъ богамъ¹⁹⁾. «Возьмите прочь эту шпагу, которая меня оскорбляетъ... Испытай хорошенько твое сердце, о Фридрихъ! Рѣшишься ли ты умереть, не сдѣлавшись самымъ великимъ изъ людей? Да увижу я, что Фридрихъ, справедливый и внушающій страхъ Фридрихъ, дастъ наконецъ счастье народу въ своемъ государствѣ и дѣлается его отцомъ! и тогда врагъ королей Жанъ-Жакъ Руссо умретъ отъ радости у подножія его трона». Мирабо, который съ такой удивительной проницательностью понималъ недостатки прусскихъ учреждений, также начинаетъ пѣть хвалебную пѣснь и прославляетъ «трансцендентальную просвѣщенность» этого Фридриха, отнынѣ славнаго между сынами человеческими. Онъ восхваляетъ «смѣлость его мысли, проницательность его ума, энергію его благоразумія, твердость его характера, глубину его сужденія, его великую душу». Онъ превозносилъ его за то, что онъ сдѣлалъ свое государство въ смыслѣ науки абсолютизма тѣмъ, чѣмъ былъ Египетъ для древнихъ, желавшихъ научиться мудрому правленію, и заканчивается такими словами: «Если Пруссія погибаетъ, то искусство управлять государствомъ вернется къ младенческому состоянію»²⁰⁾.

Реформаторы зываютъ къ государямъ, этого требуютъ ихъ доктрины; кромѣ того, только отъ монарховъ могутъ они ждать приложенія своихъ реформъ. Всѣ сеймы, штаты, совѣщательныя собранія являются врагами новшествъ и ревнивыми охранителями своихъ привилегій. Все, что сдѣлано для улучшенія участи народа и всѣ усовершенствованія системы управленія, сдѣлано государями вопреки представительнымъ собраніямъ. Въ Швеціи, Германіи, Польшѣ, Венгріи и въ Богеміи этому противодействуютъ сеймы и дворянство, подобно тому, какъ во Франціи парламентъ оспаривалъ проектъ Тюрго. «Тамъ, гдѣ провинціальныя сѣзды сохранили свою древнюю конституцію, они скорѣе задерживаютъ прогрессъ цивилизаціи, чѣмъ способствуютъ ему, говоритъ Токвиль; они какъ будто чужды и непроницаемы для новаго духа времени. Потому-то и сердце народа ускользаетъ отъ нихъ и стремится къ государямъ»²¹⁾. Философы доказываютъ королямъ, что для нихъ нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлаться милосердными, дѣлаясь сильными. Они предлагаютъ имъ средства составить

¹⁸⁾ *Lettres à mademoiselle Voland.*

¹⁹⁾ *Lettre à Frédéric*, 30 окт. 1762.

²⁰⁾ *Monarchie prussienne*, liv. VIII.—Первымъ лозунгомъ Бонапарта, временъ консульства было: Фридрихъ II и Дюгоммье.—FÉVEL, *Campagnes de la Révolution française dans les Pyrénées orientales*.—Paris, 1861, t. II, p. 196—198.

²¹⁾ *L'ancien Régime*, liv. I, ch. IV.

счастье человѣчества, увеличивая свое могущество. Союзъ между королями и философами вполне естественъ. Королямъ нужно увлечь за собою общественное мнѣніе: оно въ рукахъ философовъ; философамъ нужна поддержка сильной руки—короли ея протягиваютъ. Тѣ и другіе работаютъ для себя: короли—для торжества абсолютной власти, философы—для наступленія царства просвѣщенія; но исходная точка у нихъ общая и они за-одно борются противъ обветшалаго прошлаго. Вотъ почему государи такъ спокойно относятся къ дерзости философовъ, и такъ снисходительны къ ихъ задору. Они думаютъ, что держать ихъ въ рукахъ и всегда могутъ вести, куда хотятъ; они видятъ въ нихъ вспомогательный корпусъ застрѣльчиковъ, кондотьеровъ своихъ армій; однимъ словомъ, они пользуются ими и не боятся ихъ. Для этихъ государей философія—орудіе власти и забава. Фридрихъ и Екатерина любили французскихъ философовъ, подобно тому, какъ Францискъ I любилъ итальянскихъ артистовъ, а Людовикъ XIV—парижскихъ поэтовъ²²⁾. Можетъ быть это было въ родѣ склонности Людовика XI и одной изъ Медичи къ алхимикамъ и астрологамъ. Великіе практическіе политики всегда любили поиграть съ пророками. Впрочемъ въ этой любви къ литературѣ былъ и свой расчетъ. Какія газеты могли сравниться съ перепиской Вольтера, Дидро и д'Аламбера? Разносимые этими чудесными вѣстниками, «крылатые слова» государей облетали всю Европу. Эта «офиціозная пресса» работала для безсмертія. «Просвѣщенные» государи убѣждались такимъ образомъ, что о нихъ будутъ говорить до тѣхъ поръ, пока существуетъ французскій языкъ и умные люди.

Но эниміамъ философовъ не кружилъ имъ головы; они сохраняли свою серьезность и хладнокровіе. Они вѣрили влиянію звѣздъ только въ томъ случаѣ, если эти звѣзды вели ихъ, куда они сами хотѣли. Въ этомъ отношеніи монархи стояли выше своихъ знаменитыхъ льстецовъ. Если одинъ изъ послѣднихъ забывался до того, чтобъ претендовать на роль государственнаго совѣтника, Екатерина высокомерно и насмѣшливо призывала къ порядку, какъ истая нѣмка. Дидро, который вовсе не былъ дипломатомъ, удивлялся однажды, что его рѣчи, къ которымъ царица относилась такъ восторженно, производятъ такъ мало дѣйствія. «Съ вашими великими принципами,—отвѣчала она ему,—вы можете написать много прекрасныхъ книгъ и надѣлать много плохихъ дѣлъ. Вы забываете разницу въ нашихъ двухъ положеніяхъ. Вы работаете на бумагѣ, которая все терпитъ; я, бѣдная императрица, работаю на человѣческой кожѣ, которая, напротивъ раздра-

²²⁾ *Catherine II et la Révolution française. Essais d'Histoire et de critique*. Paris, 1883.

жительна и щекотлива»²³⁾. Она не вѣрила ни во врожденную доброту человѣка, ни въ безконечное совершенствованіе человѣчества. «Моралисты, — говорила она, — стараются исправить злоупотребленія; но вѣрно ли, что люди способны на извѣстное совершенствованіе? Они все усовершенствовали: знанія, искусства, даже природу; но человѣкъ всегда стоитъ на одной точкѣ»²⁴⁾. Надъ «чувствительностью» она смѣялась; *Contrat social* возбуждалъ въ ней тошноту. Фридрихъ въ душѣ презиралъ философовъ и давалъ имъ это сильно чувствовать, если имъ приходило въ голову понимать буквально его сарказмы и напоминать прусскому королю разглагольствованія философа Сант-Суси въ пріятельской бесѣдѣ, за стаканомъ вина и сытнымъ ужиномъ. Онъ имъ напоминалъ тогда о практическомъ разумѣ, о терпимости, которую, по его мнѣнію, они такъ грубо понимали²⁵⁾, о потребностяхъ правительства, въ которыхъ они ничего не смыслили. Философы никогда не достигали той высоты трансцендентальнаго скептицизма, съ которымъ онъ судилъ о нихъ.

Зато философы царствовали при дворахъ слабыхъ государей такъ же деспотично, какъ и въ парижскихъ салонахъ. Тамъ за ними ухаживали, ими восхищались и слѣпо слѣдовали за ними. Тамъ подражали Фридриху и Екатеринѣ, которые давали тонъ; брали за образецъ Францію, которая создаетъ моду и, наконецъ, просто плыли по теченію. Вѣтеръ благопріятствуетъ реформамъ, море — реформаторамъ: приглашая Тюрго въ свой совѣтъ и довѣряя ему управленіе государствомъ, Людовикъ XVI слѣдовалъ лишь примѣру королей своего дома и вообще всѣхъ европейскихъ государей.

III.

Это былъ вѣкъ знаній, царствованія просвѣщенныхъ государей и министровъ-философовъ. Разсмотримъ спутниковъ блестящихъ планетъ Петербурга и Берлина. На сѣверѣ былъ одинъ принцъ, въ которомъ всѣ современники видѣли черты великаго человѣка — это Фердинандъ, герцогъ брауншвейгскій, знаменитый пока только трагическими неудачами своей жизни. Мирабо, который сравнивалъ его съ Алкивиадомъ, думалъ, что онъ одинъ способенъ продолжать въ Пруссіи дѣло Фридриха. Въ 1792, главные вожди революціи думали, что только онъ способенъ продолжать дѣло Генриха IV. «Ему недостаетъ только короны, — писалъ впоследствии журналистъ-революціонеръ, — чтобъ быть, не говоря, величайшимъ изъ королей, но возстановителемъ свободы въ Европѣ». До самаго 1799 г. во Франціи были по-

²³⁾ Ségur. *Mémoires*, t. III.

²⁴⁾ *Lettres au comte Chernichef*, 1780. *Publications de la société d'histoire de Russie*

²⁵⁾ Письма къ Вольтеру, а именно письмо отъ 7 августа 1766 г.

литики, осторожные, какъ на примѣръ Талейранъ, и разсудительные, какъ Сійесъ, — желавшіе довѣрить ему дѣло Бонапарта¹⁾. За герцогомъ Брауншвейгскимъ идетъ цѣлое шествіе нѣмецкихъ государей, покровителей искусства, друзей человѣчества: Карлъ Августъ веймарскій, министромъ котораго былъ Гете; Карлъ Фридрихъ баденскій, изучавшій политику въ школѣ маркиза Мирабо, Жозефъ Эммерихъ, курфирстъ майнцскій, занимавшійся философіей, Клементъ саксонскій, епископъ трирскій, считавшій себя литераторомъ. Густавъ III въ Швеціи, Карлъ III въ Неаполѣ и Испаніи, Леопольдъ австрійскій въ Тосканѣ заключаютъ кортежъ. Іосифъ II группируетъ ихъ вокругъ своего императорскаго трона.

Рядомъ съ Шуазелемъ, Малербомъ, Тюрго, Неккеромъ, которыхъ французскіе философы считаютъ своими людьми, стоятъ имена тѣхъ правителей въ Европѣ, въ которыхъ она видитъ учениковъ или друзей. Въ Пруссіи — это принцъ Генрихъ, братъ Фридриха, большой охотникъ давать совѣты и создавать проекты; главнокомандующій Меллендорфъ; Кармеръ, составитель свода законовъ; Струэнзе, министръ и преобразователь финансовъ; Зедлицъ и Герцбергъ, ученики великаго короля; Домъ, посредникъ Фридриха въ Германіи; Гольцъ — его представитель въ Парижѣ. Монжела задается цѣлью возрожденія Баваріи; Фюрстенбергъ въ Мюнстерѣ, Стадіонъ въ Майнцѣ, Абель въ Штутгартѣ посвящаютъ себя подобному же дѣлу. Струэнзе добивался возрожденія Даніи, Бернсторфъ продолжаетъ его дѣло. Болѣе робкіе, болѣе осторожные, въ особенности, болѣе сдержанные, но проникнутые тѣми же идеями и движимые тѣми же дыханіемъ вѣка — Ванъ-Смитенъ, Зонненфельсъ, Мартини и Ригеръ — служили своими совѣтами Маріи-Терезіи. Пламенный философъ Тануччи стоитъ во главѣ правленія въ Неаполѣ. Въ то же правительство приглашаютъ самаго кроткаго и убѣжденнаго изъ реформаторовъ Филанджери. Вилламарина, Самбукка. Караччиоло пытались цивилизовать Сицилію. Дю-Тилло пользовался большою властью въ Пармѣ, гдѣ Кондильяку поручено было образованіе наслѣдниковъ престола. Съ Верри и Беккариа совѣтуются въ Ломбардіи; Нери, Таванти, Манфредини участвуютъ въ управленіи Тосканой; къ философамъ принадлежатъ также Помбаль въ Португаліи, Аранда, Гримальди, Флорида-Бланка, Кампоманесъ въ Испаніи, баронъ Крейцъ и баронъ Сталь — въ Швеціи.

Подъ ихъ вліяніемъ повсюду, особенно въ Германіи и Италиі, поощрялась интеллектуальная культура: расширялись школы, открывались университеты; въ Пруссіи господствовала вѣротерпимость. Густавъ III вводилъ ее въ свои владѣнія; даже епископы признали преимущества религіозной терпимости.

¹⁾ *La Revue Historique*, I, p. 154. *La mission de Custine à Brunswick en 1792*. ROEDERER. *Oeuvres*. Paris 1856. III, p. 449.

Въ 1783 году трирекий курфистъ-епископъ издалъ указъ въ пользу диссидентовъ, въ которомъ говорить: «Съ одной стороны, наша святая религія, отдаляя отъ себя всякую тѣнь преслѣдованія, будетъ еще болѣе достойна благоговѣнія; съ другой стороны, благодаря пребыванію богатыхъ фабрикантовъ и купцовъ, разовьется торговля, бѣдняки, не имѣвшіе работы, получать ее, и сокровища иностранныхъ земель будутъ привозиться въ наше отечество». Крѣпостное состояніе начинаетъ приходить въ упадокъ; оно слабѣетъ въ Пруссіи при Фридрихѣ; въ Богеміи, въ Моравіи, въ Галиціи и Венгріи—при Іосифѣ II. Въ Баденѣ оно упразднено въ 1783 г., въ Даніи въ 1788 г. Вездѣ стараются уменьшить барщину, смягчить тяжелую участь крестьянина.

Уголовные законы исправляются; употребленіе пытокъ, уничтоженныхъ въ Тосканѣ и въ Швеціи, значительно ограничено въ герцогствѣ Баденскомъ, въ Даніи и Австріи. Реформа гражданскихъ законовъ сложнѣе, потому что обнимаетъ собою реформу основныхъ законовъ государства. Франція показала намъ это въ 1789 г. Тѣмъ не менѣе ею всюду занимаются, и всегда въ одномъ направленіи.

Было много фантазмагорій въ большомъ собраніи, созванномъ Екатериной въ 1766—1768 гг., чтобы выработать руссійскій сводъ законовъ, но дань, которую московскіе законодатели отдають идеямъ вѣка тѣмъ не менѣе достойна примѣчанія. «Народъ не созданъ для государя, но государь—для народа. Равенство для гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы повиноваться одному закону, свобода—это право дѣлать все, что не запрещено закономъ. Лучше пощадить десять виновныхъ, чѣмъ погубить невиннаго. Пытка—прекрасное средство погубить невиннаго и спасти виновнаго съ крѣпкимъ здоровьемъ». Даже комитеты конвента не отказались бы отъ этихъ правилъ.

Пруссіе законодатели принялись за дѣло несравненно серьезнѣе. Хотя кодексъ, выработанный Фридрихомъ съ помощью государственныхъ людей и самыхъ опытныхъ юрисконсультовъ, былъ обнародованъ только въ 1794 г., при его преемникѣ, но онъ принадлежитъ, по своему происхожденію и принципамъ, къ періоду «просвѣщеннаго правительства», мало того, онъ представляетъ самое знаменательное проявленіе этого періода²⁾. Для обозначенія верховной власти употребляется только одно слово «государство». Такимъ образомъ, личность государя поглощается государствомъ и сливается съ нимъ. Государь—представитель государства, а государство—представитель общества. Благо государства и его подданныхъ есть цѣль общества и предѣлъ закона. Каждый членъ общества долженъ трудиться для общаго блага, т. е. для блага государства. Права личности должны преклониться передъ

²⁾ TOCQUEVILLE, *Ancien Régime*, Appendice, PHILIPPSON t. I, ch. IV.—t. II, p. 198 202; *Instruction 1796, pour le gouvernement de Pologne*.

общей пользой, государство обязано только вознаградить личность за собственность, которую оно отнимаетъ. Законы и распоряженія государства могутъ ограничивать естественную свободу и права гражданъ только въ виду общей пользы. Общія права людей основываются на естественной свободѣ каждого стремиться къ тому, что она считаетъ благомъ, если оно не вредитъ праву другого. Миссія главы государства состоитъ въ томъ, чтобы распространять общее благо; онъ уполномоченъ направлять къ этой цѣли всѣ дѣянія личностей. Онъ составляетъ законы, отправляетъ правосудіе и охраняетъ гражданъ. Онъ долженъ доставлять каждому средства для развитія своихъ способностей и ресурсовъ, чтобы каждый воспользовался ими наиболѣе выгодно для себя и для государства.

Это настоящая *декларация правъ государства и государя*. Этотъ типъ правительства въ сущности очень близокъ къ тому, который одержалъ верхъ во Франціи VIII года. Когда одинъ изъ знаменитѣйшихъ пророковъ революціи, Сійесъ, старался примирить съ требованіями абсолютизма доктрины *Contrat social* и формы народного суверенитета, онъ былъ вовсе не такимъ новаторомъ, какимъ его считали и какимъ онъ самъ себя считалъ. Въ 1781 г. одинъ тосканскій сенаторъ, Джіанни, составилъ для своего отечества планъ идеальной конституціи; она подвергалась голосованію народа, который на это время получалъ полную свободу³⁾. Великій герцогъ Леопольдъ, на разсмотрѣніе котораго она была представлена, и не думалъ ее примѣнять, но восхищался подробностями и одобрялъ ея основы. Это видно изъ очень интереснаго письма его къ сестрѣ Маріи-Христинѣ въ 1790 г., заключающаго какъ бы изложеніе принциповъ просвѣщеннаго государя⁴⁾ «....Я думаю, что всякій государь, даже наслѣдственный, не что иное, какъ делегатъ народа, для котораго онъ созданъ.... Въ каждой странѣ долженъ быть основной законъ или договоръ между народомъ и государемъ, который ограничиваетъ власть послѣдняго; если государь его нарушаетъ, то онъ фактически отказывается отъ того мѣста, которое ему предоставлено только на этомъ условіи; ему не обязаны больше повиноваться. Исполнительная власть въ рукахъ государя; но законодательная въ рукахъ народа и его представителей; народъ при каждой перемѣнѣ государя можетъ прибавлять новыя условія; государь долженъ отдавать ежегодный отчетъ въ распредѣленіи общественныхъ доходовъ, онъ не имѣетъ права вводить произвольно налоги. Онъ долженъ отдавать отчетъ и получать одобреніе для всѣхъ измѣненій въ системѣ, для новыхъ законовъ и проч. Наконецъ, я думаю, что государь долженъ царствовать только по-

³⁾ CANTU, liv. XV, ch. CLXVII.

⁴⁾ WOLF, *Marie Christine et Léopold II*. Vienne 1867—FRANCHETTI, t. I, note 2, p. 38.

средствомъ закона и что народъ—его помощникъ, что народъ не можетъ отказаться или лишиться по предписанію, ни по молчаливому или вынужденному согласію, неотъемлемого права, даннаго ему природою; въ силу этого права онъ захотѣлъ имѣть государя, т. е. дать ему преобладаніе, въ виду дополненія счастья и благоденствія, и не такъ, какъ онъ хочетъ, но какъ хочетъ народъ, потому что единственная цѣль общества и правительства заключается въ счастіи отдѣльныхъ личностей».

Я часто цитировалъ книгу *Institutions politique* Бильфельда; въ ней мы находимъ не только описанія правительствъ, но и пожеланія, такъ сказать «записки» правителей. Книга эта, написанная для назиданія одного прусскаго юнаго принца, была поставлена Екатериною Великою въ ея бібліотекѣ рядомъ съ книгою Монтескье⁵⁾. Реформы, получившія осуществленіе, ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя предполагалось совершить. Повсемѣстная вѣра во всемогущество декрета привела къ убѣжденію въ силу формулъ и дѣйствительность аксіомъ. Политическая наука заключается въ умѣнь извлекать изъ нихъ выводы, а практическая политика—въ примѣненіи этихъ выводовъ на практикѣ. Такимъ образомъ, искусство управлять сводится къ элементамъ государственной геометріи. «Ихъ идеальная конституція,—пишетъ нѣмецкій публицистъ Мезеръ, оспаривавшій эти доктрины,—должна обладать единообразной красотой французской трагедіи, и помѣщаться по крайней мѣрѣ въ разрывѣ и въ чертежѣ на маленькомъ листочкѣ бумаги, такъ что чиновнику достаточно взять масштабъ, чтобъ вымѣрять размѣры и приступать къ исполненію»⁶⁾.

Въ этомъ отношеніи духъ вѣка сказался всего полнѣе не въ Фридрихѣ, а въ Иосифѣ II. Фридрихъ родился учителемъ, Иосифъ родился ученикомъ, а о школахъ судить по ученикамъ. Фридрихъ II сдержалъ, такъ сказать, потокъ запрудою, сберегъ воду и эксплуатировалъ теченіе: Иосифъ бросился въ волны и отдался теченію. Въ личности Фридриха государственный человѣкъ всегда преобладаетъ надъ философомъ: онъ—иниціаторъ и вершитель, философъ играетъ второстепенную роль; онъ даетъ дѣламъ, которыя совершилъ политикъ, отвлеченное *raison d'être* и теоретическое оправданіе. У Иосифа разсудочное понятіе всегда предшествуетъ политическому расчету и управляетъ имъ. У него былъ довольно широкій, но поверхностный умъ: идеи скользили по немъ; была склонность къ великодушію и страстное стре-

⁵⁾ «Онъ рисуется намъ съ необыкновенною отчетливостью то состояніе, которое можно назвать политической и административной цивилизаціей Европы въ восемнадцатомъ столѣтіи». Sayoux, *Le dix-huitième siècle à l'étranger*, liv. III, ch. III, Paris 1861.

⁶⁾ Häusser, liv. I, ch. II.—Geffroy, *Gustave III*, t. I, p. 151. Мысли графа д'Ескаръ о реформахъ, предложенныхъ Баварскому курфирсту Томсономъ, который сдѣлался впоследствии барономъ Румфордомъ.

мленіе къ величію, но глубоко заложено было одно честолюбіе, которое къ тому же всегда подчинялось вѣшнымъ импульсамъ. Онъ хотѣлъ превзойти Фридриха; все поведеніе его представляло неловкое, неосторожное и нелѣпое подражаніе этому государю. Онъ былъ его идеаломъ, его героемъ, а исторія сдѣлала его соперникомъ. котораго онъ копировалъ и въ то же время ненавидѣлъ. Политическій геній Фридриха сотканъ былъ изъ здраваго смысла и чувства мѣры; у Иосифа замѣчалось полнѣйшее отсутствіе сдержанности и умѣренности. Это человѣкъ системъ и широкихъ, но не осуществляемыхъ, замысловъ. Воспитаніе онъ получилъ посредственное и чисто іезуитское по системѣ. Въ эту узкую форму онъ набросалъ понятія, наскоро заимствованныя у французскихъ философовъ, особенно у экономистовъ. Такимъ образомъ составилъ очень неопредѣленный идеалъ политическихъ стремленій и преувеличенное понятіе о власти, находящейся въ его распоряженіи. «Съ той поры, какъ я вступилъ на престолъ и ношу первую корону въ мірѣ,—писалъ онъ въ 1781,—я сдѣлалъ философію законодательницей моею имперіи. Ея логическія примѣненія преобразятъ Австрію».

Онъ начиналъ реформы повсюду и всѣ разомъ. Для него исторія не существуетъ, традиціи и историческій опытъ—не дѣйствительны. Нѣтъ ни расы, ни времени ни среды, есть одно государство, и оно всемогуще. Въ 1782 г. онъ пишетъ епископу страбургскому: «Въ государствѣ, управляемомъ согласно съ моими принципами, должны исчезнуть предразсудки, фанатизмъ, рабство духа, и каждому изъ моихъ подданныхъ будутъ возвращены его естественныя права». Ему нужно единство и, какъ главное условіе, *tabula rasa*. Но по волѣ судьбы, почвой, надъ которой ему пришлось работать, было государство самое разнородное, безсвязное, изрѣзанное, раздробленное и раздѣленное перегородами, какое только существовало въ Европѣ. Между его подданными не было ничего общаго: ни языка, ни традицій, ни интересовъ. По мнѣнію Иосифа, это было главнымъ недостаткомъ его монархіи. «Нѣмецкій языкъ есть повсемѣстный языкъ моей имперіи. Я—императоръ Германіи, и владѣнія мои не что другое какъ провинціи, составляющія одно тѣло съ тѣмъ государствомъ, во главѣ котораго я стою. Будь Венгрія самымъ важнымъ изъ моихъ владѣній, я не колеблясь ввелъ бы ея языкъ въ другія страны». И такъ онъ навязываетъ нѣмецкій языкъ венграмъ, кроатамъ, чехамъ, полякамъ, всѣмъ славянамъ. Онъ упраздняетъ старое территориальное дѣленіе, такъ какъ оно напоминаетъ послѣдовательныя накопленія, неправильныя наносы, образовавшіе монархію. Иосифъ II установилъ 13 губернаторствъ и раздѣлилъ ихъ на округа. Сеймы исчезаютъ, управленіе переходитъ къ интендантамъ по французскому образцу. Въ городахъ, выбранный го-

сударством бургомистръ становится чиновникомъ. Дворяне теряютъ и то небольшое участіе, какое они имѣли въ управленіи. Онъ налагаетъ на нихъ подать, облагаетъ податями и духовенство; онъ мечтаетъ объ установленіи налога, пропорціональнаго доходу и обязательнаго для всѣхъ классовъ. Онъ покровительствуетъ крестьянамъ, смягчаетъ крѣпостничество, уменьшаетъ барщину, строитъ госпитали, особенно заботится о школахъ, въ которыхъ государство будетъ воспитывать покорныхъ ему питомцевъ. Его идеаль—равенство подданныхъ подъ единообразною властью его управленія. Онъ объединяетъ законы и учреждаетъ апелляціонные суды съ однимъ верховнымъ судомъ для всей имперіи; регламентируетъ промышленность, стѣсняетъ торговлю, вводя самую строгую покровительственную систему. Наконецъ, онъ налагаетъ руку на церковь и декретами предписываетъ вѣротерпимость. «Предоставьте свободу вѣрованія,—говорилъ онъ въ 1777—и тогда будетъ только одна религія, та, которая приведетъ всѣхъ ко благу государства». И эта громадная революція была совершена посредствомъ декретовъ менѣе, чѣмъ въ пять лѣтъ. Если сравнить ту сплоченность, къ которой правленіе Бурбоновъ привело Францію въ 1789, съ отсутствіемъ связи въ австрійской монархіи въ моментъ смерти Маріи-Терезіи въ 1780, то надо признаться, что революція, которую сдѣлало Учредительное собраніе очень мало значить въ сравненіи съ той, которую Іосифъ II намѣревался совершить ¹⁾.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ послѣдніе годы стараго режима въ континентальныхъ правительствахъ обнаруживается стремленіе къ реформамъ, аналогичное съ тѣмъ, которое наблюдается во Франціи; эти реформы, требуемыя и ожидаемыя философами отъ установленной власти, дѣлаются и въ интересахъ самой власти. Онѣ клонятся къ тому, чтобъ сдѣлать болѣе счастливыми подъ властью болѣе могущественнаго и благодѣтельнаго властелина; онѣ нигдѣ не клонятся къ тому, чтобъ сдѣлать ихъ болѣе независимыми при болѣе ограниченномъ правленіи. Повсюду, на европейскомъ континентѣ, я вижу приготовленія къ социальной и гражданской реформѣ, совершаемой государствомъ въ пользу государства, нигдѣ не вижу приготовленій къ политической реформѣ съ цѣлью ограниченія верховной власти. Я вижу повсюду элементы просвѣщеннаго абсолютизма, я вижу вездѣ прогрессъ вѣротерпимости и гражданской свободы; я не вижу нигдѣ элементовъ свободы политической. Тѣ, которые

¹⁾ Объ Іосифѣ II: HÄUSSER, SYBEL, PERTHES; корреспонденціи, напечатанныя д'Арнтомъ; *Histoire d'Autriche-Hongrie* par LÉGER; замѣтка FOURNIER въ *Die deutsche Biographie*; LAVELEYE, *la Prusse et l'Autriche*, Paris 1860. Кромѣ того, я дѣлалъ справки въ перепискѣ и мемуарахъ, находящихся въ архивахъ иностранныхъ дѣлъ.

еще оставались со времени среднихъ вѣковъ, исчезаютъ вмѣстѣ съ послѣдними слѣдами феодальной системы.

IV.

Въ средніе вѣка феодальныя учрежденія господствовали во всей Европѣ: если они еще продолжаютъ держаться теперь въ нѣкоторыхъ странахъ, то, во всякомъ случаѣ, потрясены до основанія и близки къ разрушенію ¹⁾. Римская идея государства, распространившаяся въ Европѣ, благодаря изученію римскаго права и вліянію законовѣдовъ, стремится къ преобладанію во всей Европѣ, подобно тому, какъ одержала верхъ во Франціи. Счастіе французскихъ королей, могущество и величіе ихъ монархій ослабляютъ всѣхъ государей; они завидуютъ и подражаютъ имъ. Римское право, крѣпостное право, римскія учрежденія, которыя всѣ комбинированы въ видахъ интереса государства, созданы «не для свободы, но для повиновенія людей» ²⁾, и удивительно способствуютъ ихъ намѣреніямъ. Легисты, толкователи этого права, становятся самыми вліятельными совѣтниками государей: они оправдываютъ ихъ страсть къ господству; ревностные министры усердно потворствуютъ страстямъ своихъ повелителей. Если я представляю себѣ государство такъ, какъ его организовалъ Римъ и какъ его понимаютъ легисты, то въ срубѣ его и главныхъ частяхъ я узнаю то же самое зданіе, которое воздвигаютъ или мечтаютъ воздвигнуть «просвѣщенные» министры, ученики философовъ, прикрывая его фасадомъ и новѣйшими украшеніями смѣшаннаго стили. «Въ Римѣ не признаютъ границъ для реального могущества государя, какъ не признавали ихъ для теоретическаго суверенитета народа» ³⁾. Государь командуетъ арміями, заключаетъ миръ, объявляетъ войну, взимаетъ налоги, опредѣляетъ ихъ размѣры, регулируетъ расходы. Онъ имѣетъ право конфискаціи, онъ создаетъ аристократію, онъ—верховный судья и первосвященникъ: «онъ держитъ религію въ рукахъ и имѣетъ право надзора надъ всѣми жрецами». Онъ совмѣщаетъ въ себѣ администрацію, правосудіе, законъ, религію; онъ—властелинъ всего и опекунъ всѣхъ. Его помощникъ, сенатъ, не что иное, какъ государственный совѣтъ, совѣщательная коммисія. Это государство Людовика XIV, это государство Фридриха, это государство Іосифа II.

Во всѣхъ критическихъ положеніяхъ правительства прибѣгаютъ исключительно къ одному средству: натянуть посильнѣе пружину и продолжить ея дѣйствіе, уничтожить все, что ей мѣшаетъ, даже все, что ее задерживаетъ или стѣсняетъ. Государство желаетъ имѣть только дисциплинирован-

¹⁾ TOCQUEVILLE. *L'Ancien Régime*, liv. I, ch. IV; *Mélanges du Consulat à l'Empire*.

²⁾ FUSTEL DE COULANGES. *Histoire des Institutions*, t. I, p. 66.—³⁾ Ibid., p. 73. СОРЕЛЬ, т. II.

ныхъ, молчаливыхъ и подобострастныхъ агентовъ для отправленія своихъ функций. Казна (фискъ) служитъ поставщикомъ, полиція—двигателемъ государственной машины; все остальное—не что иное, какъ передаточные ремни. Эта машина все поглощаетъ: она мететъ территорию и сглаживаетъ ее. Такъ Петръ I завелъ ее въ Россію, такъ она работаетъ въ Пруссіи, такъ Іосифъ II ввелъ ее въ Австрію, такъ повсюду однимъ и тѣмъ же заступомъ расчищаются ланды, непроходимые лѣса, подкапываются стѣны старыхъ замковъ; одинъ и тотъ же плугъ проходитъ по однѣмъ и тѣмъ же развалинамъ и однѣ и тѣ же грабли выравниваютъ почву. Монтескье пугается этого; онъ видитъ, что рушатся всѣ преграды, отдѣлявшія монархію отъ произвола; онъ видитъ, что монархія подрываетъ свои собственные основы и шатается подъ своей собственной тяжестью. Изумительно-глубокія главы своего *Духа законовъ* ⁴⁾, гдѣ говорится объ извращеніи принциповъ, онъ посвящаетъ государственнымъ людямъ, но государственные люди его времени не внимаютъ ему, а тѣ, которые за ними слѣдуютъ, внимаютъ еще менѣе.

Въ Германіи, императоръ австрійскій стремится поглотить имперскія владѣнія подобно тому, какъ во Франціи первый изъ Капетовъ поглотилъ крупныхъ феодаловъ и крупныхъ вассаловъ. Онъ работаетъ надъ расширеніемъ своихъ прерогативъ, подобно тому, какъ французскіе короли расширяли свою юрисдикцію и свое верховное главенство. Онъ оспариваетъ имперскую конституцію и гарантировавшіе ее трактаты 1648 г., старается отмѣнить ее по мелочамъ, отучить отъ пользованія ею и, тѣмъ самымъ, сдѣлать ее негодною; силится подорвать ее рядомъ послѣдовательныхъ нарушенийъ. Въ инструкціи, составленной въ 1774, для одного французскаго агента, посланнаго въ Вѣну, говорится ⁵⁾: «Императорскіе публицисты называютъ этотъ основной и священный законъ настоящимъ *палладіумомъ* германской свободы,—одряхлѣвшимъ, полуразрушеннымъ отъ перемѣнъ, вызванныхъ временемъ и обстоятельствами, актомъ. Они хотѣли бы взять за образецъ управленія законы, созданные римскими императорами, которыми германскіе только подражали. Эти публицисты были бы не прочь, чтобъ пустыя почести и пустыя формулы, сохранившіяся, благодаря педантству и невѣжеству, сдѣлались формальными правами абсолютной власти». Въ Богеміи, Марія-Терезія собираетъ сеймъ только для того, чтобъ онъ утвердилъ ея декреты или вотировалъ новыя субсидіи. Всѣ административныя дѣла собранія перенесены въ государственный совѣтъ, который засѣдаетъ въ Вѣнѣ. Венгерскій сеймъ, долженствовавшій засѣдать ежегодно, собирается только три раза во все время царствованія Маріи-Тере-

⁴⁾ Liv. VIII, ch. VI, VII, VIII.

⁵⁾ *Récueil des instructions, Autriche*. Le baron de Breteuil 1774.

зії, т. е. въ продолженіе сорока лѣтъ. То же самое происходило и съ другими стѣздами; Марія-Терезія отняла у нихъ права, Іосифъ II совсѣмъ пересталъ ихъ созывать. «Въ Германіи только второстепенные князья еще сдерживаются штатами въ назначеніи налоговъ,—пишетъ Мирабо въ 1788 г.—Пруссійскій король освободился отъ всякой помѣхи въ этомъ отношеніи» ⁶⁾. Второстепенные князья горѣли желаніемъ освободиться по примѣру прусскаго короля и по подобию императора. Въ челоуѣкѣ они видятъ только подданнаго, а въ подданномъ—матеріалъ для управленія. «Вербуютъ въ солдаты и назначаютъ налоги совершенно произвольно», съ грустью пишетъ защитникъ старинныхъ учреждений Мозеръ; «пусть протестуютъ подданные и собранія, сколько угодно, лишь бы платили; если же платить отказываются, то самыя справедливыя и самыя смиренныя возраженія вѣняются въ преступленіе, неповиновеніе и мятежъ». Собранія, которымъ позволяется пережить самихъ себя, стараются, подобно саксонскимъ и баварскимъ штатамъ, угождать для того, чтобъ ихъ терпѣли. Въ Вюртембергѣ и Мекленбургѣ проявляются безсильныя попытки къ сопротивленію; но онѣ только раздражаютъ власть и вызываютъ репрессию. Въ имперскихъ городахъ муниципальная жизнь заглохла, и отъ республиканскихъ учрежденій остается одинъ пустой призракъ и ничего не значущія формулы ⁷⁾.

Кортесы въ Испаніи уцѣлѣли; но созываются они только за тѣмъ, чтобъ признать государя и передать ему власть, посредствомъ которой онъ отнимаетъ у нихъ прерогативы. Королевскіе эдикты гласили: «Законъ будетъ имѣть такую же силу, какъ еслибъ кортесы его вотировали и обнародовали». Вотъ все, что оставалось отъ испанскихъ вольностей. Съ 1713 г. ни одно важное дѣло не подвергалось обсужденію кортесовъ. «Какъ ни важны нужды государства,—говорилъ Флорида-Бланка, одинъ изъ просвѣщенныхъ министровъ того времени,—берегитесь призывать на помощь кортесы; они сдѣлаются тогда вашими властителями и судьями» ⁸⁾. Такъ же думалъ Помбаль, одинъ изъ просвѣщенныхъ министровъ и любимцевъ своего вѣка: «Въ его управленіи проявлялось только желаніе присвоить себѣ власть, унижить дворянство и держать націю въ самомъ рабскомъ повиновеніи» ⁹⁾. Абсолютное правленіе, установившееся въ Даніи въ 1660 окрѣпло. Благодаря государственному перевороту Густава III, оно устано-

⁶⁾ Объ установленіи и прогрессѣ централизаціи въ Пруссіи, TREITSCHKE, *Deutsche Geschichte*, т. I. Лейпцигъ, 1882.

⁷⁾ PERTHES, t. I, ch. II.—HAEUSSER, t. I, liv. I, ch. II.

⁸⁾ BAUMGATEN, liv. I, ch. II.

⁹⁾ MALOUE, *Mémoires*, t. I, p. 10. Paris 1874.—MARC MONNIER, *Gorani*. Paris 1885 p., ch. V.

вилось и въ Швеціи. Въ Россіи не было государственныхъ сословій, и Петръ I, своею знаменитою *табелю о рангахъ*, установилъ въ ней іерархію, которая составляетъ переходъ отъ китайскаго мандаринства къ демократическому дворянству Наполеона ¹⁰⁾. Старинныя учрежденія сохранились въ одной Польшѣ; но всѣ добрые граждане видѣли въ нихъ худшее изъ золъ; одни враги республики поддерживали ихъ, а всѣ друзья ея старались, для пользы государства, ограничить старинныя вольности.

Въ своемъ стремленіи расширить свою власть, католическія державы встрѣчаютъ только одного грознаго противника—церковь, которая со времени среднихъ вѣковъ занимаетъ господствующее мѣсто и надѣется сохранить его за собою. Развитие ея политическихъ принциповъ и ея учрежденій шло тѣмъ же ходомъ, какъ развитие государства. Значеніе собора уменьшается и сглаживается, подобно остальнымъ представительнымъ собраніямъ среднихъ вѣковъ. Папство, которое первенствуетъ на немъ, старается его поглотить и стремится къ абсолютизму и непогрѣшимости. Папскіе теологи, воспитанные въ той же школѣ, какъ и королевскіе легисты, задаются тою же цѣлью. Церковь, какъ они ее понимаютъ, есть римское государство въ области религіи. Отсюда неизбежно вытекаетъ антагонизмъ между этими двумя могуществами, которые постоянно соприкасаются, взаимно проникаютъ другъ друга, требуютъ главенства. Сверхъ того, государство обременено долгами и вѣчно нуждается; церковь богата: ея имущества не подлежатъ фиску и служатъ для государства постояннымъ предметомъ раздраженія и возжелѣнія. Большинство политиковъ находятъ, что въ этомъ отношеніи схизма имѣетъ свои преимущества, и даже самая ересь не лишена нѣкоторыхъ основаній. «Католическіе государи,—писалъ Вольтеръ одному русскому,—не настолько смѣлы, чтобъ объявить, что церковь должна зависѣть исключительно отъ законовъ монарха.... Только ваша знаменитая монархія сумѣла удержать въ повиновеніи духовенство» ¹¹⁾. Государи, поработившіе знать, подчинившіе или разсѣявшіе собранія, не допускали, чтобъ въ ихъ имперіи существовало многочисленное, богатое, могущественное и дисциплинированное сословіе, признававшее верховную власть государя, который считался главою всѣхъ католическихъ государей, управлялъ совѣстью, распоряжался душою своихъ подданныхъ и, для отпугиванія своей грозной власти, входилъ въ святилище, недоступное для ихъ полиціи. Людовикъ XIV пытался, если не ворваться въ него силой, то по крайней мѣрѣ окружить его и овладѣть путями сообщенія. Онъ не переставалъ воевать на границахъ церкви и не разъ переступалъ ихъ и овладѣвалъ ею. Не для того изгналъ онъ гугенотовъ изъ королевства,

¹⁰⁾ Anatole LEROY-BEAULIEU, *l'Empire des Tsars*, t. I, p. 351.

¹¹⁾ Письмо къ Шувалову, 3 декабря 1768.

чтобъ отдать его въ руки ультрамонтановъ; онъ не хотѣлъ имѣть въ своемъ государствѣ ни партій, ни диссидентовъ и особенно властелиновъ: отмѣна нантскаго эдикта, и декларация правъ французскаго духовенства, это двѣ главы одной и той же книги. Въ такой-то школѣ испанскіе Бурбоны научились регулировать отношенія между государствомъ и церковью.

Съ самаго начала царствованія Филиппа V до конца царствованія Карла III, т. е. болѣе восьмидесяти лѣтъ, они не переставали бороться за главенство короля противъ главенства церкви. Они суживаютъ предѣлы ея юрисдикціи, отмѣняютъ ея право убоженія, уничтожаютъ ея доходъ, уменьшаютъ ея правоспособность въ дѣлѣ пріобрѣтенія имущества, заставляютъ инквизицію бездѣйствовать, чтобъ предать ее забвенію ¹²⁾. Аранца, Флорида-Бланка, Кампоманесъ принимаютъ участіе въ этой борьбѣ: они употребляютъ всѣ усилія, чтобы, вырвавши изъ рукъ цензуру, вырвать преподаваніе. Помбаль подражаетъ имъ въ Португаліи. Карлъ III, будучи на неаполитанскомъ престолѣ, началъ то дѣло, которое продолжалъ на мадридекомъ. Тануччи, министръ-философъ этого «просвѣщеннаго» государя, «пользуясь высшей независимой властью, которую король получилъ непосредственно отъ Бога, неразрывно связанной съ суверенитетомъ, въ силу его всемогущества», изгналъ духовенство изъ судовъ и школъ, сдѣлалъ бракъ гражданскимъ договоромъ и запретилъ печатать папскія буллы безъ разрѣшенія королевской власти. Фердинандъ IV, наслѣдовавшій въ 1759 королю Карлу, закрылъ монастыри и заставилъ епископовъ рукополагать другъ друга. Въ Пармѣ, Дю-Тилло, министръ Фердинанда, соперничаетъ съ Тануччи: онъ отказывается въ дани, которую Парма должна уплачивать папскому престолу; задерживаетъ буллы, жалуетъ бенефиціи, запрещаетъ духовнымъ учрежденіямъ, наслѣдовавшимъ выморочныя имѣнія, пріобрѣтать недвижимость; запрещаетъ монахамъ получать наслѣдства. Леопольдъ Тосканскій предоставляетъ себѣ цензуру папскихъ буллъ, уничтожаетъ судъ нунціатуры, упраздняетъ монастыри, контролируетъ и ограничиваетъ публичное покаяніе. Движеніе это передается даже венеціанской республикѣ, которая принимается подражать монархіямъ ¹³⁾.

Германскіе князья-епископы поступаютъ такъ же, какъ свѣтскіе государи въ Италіи. Въ своихъ сношеніяхъ съ Римомъ, они часто забываютъ, что они епископы, но никогда не забываютъ, что они государи. Кельнскій курфирестъ, младшій братъ Іосифа II и Леопольда, сообразуется въ

¹²⁾ Съ 1746 до 1759 она сожгла только десять челоѣкъ, съ 1759 по 1788—четырехъ.

¹³⁾ CANTU, t. X, *passim*.

своемъ курфиршествѣ съ правилами старшихъ братьевъ. Въ 1785 епископы трирскій, майнцскій, кельнскій и страсбургскій сообщили римскому двору, какія прерогативы желаютъ сохранить: одною изъ главныхъ была цензура буллъ. Они грозятъ созвать національный соборъ, если имъ не сдѣлаютъ этой уступки ¹⁴). Марія-Терезія была набожна, даже ханжа, но прежде всего была императрицей. Она запретила нунціямъ путешествовать въ своихъ владѣніяхъ, епископамъ—переписываться непосредственно съ Римомъ, священникамъ—участвовать въ составленіи завѣщаній. Изъ одного донесенія, сдѣланнаго ей въ 1769 канцлеромъ Кауницемъ, видно, какъ власть, выказывавшая наибольшее уваженіе къ правамъ церкви, думала регулировать свои сношенія съ ней ¹⁵). Напомнивъ, что «въ продолженіе многихъ вѣковъ невѣжества и суевѣрія» папы, избавившись зависимости отъ императоровъ, сами хотѣли подчинить ихъ себѣ, канцлеръ прибавилъ: «Желаютъ ли принудить къ соблюденію законовъ, существующихъ относительно приобрѣтенія выморочныхъ имуществъ, столь вредныхъ для необходимаго имущественнаго равновѣсія? Желаютъ ли обложить налогомъ свѣтскія имущества духовенства, которыя, по праву и по разуму, въ этомъ отношеніи уравниены съ имуществомъ остальныхъ подданныхъ и гражданъ государства? Желаютъ ли положить предѣлъ вліянію духовенства на цензуру, на гражданскія послѣдствія брака, на наслѣдства, сократить число праздниковъ, уничтожить «ужасный трибуналъ инквизиціи», ограничить «чрезмѣрные богатства духовныхъ лицъ, или же намѣрены лишь преградить имъ путь къ дальнѣйшему накопленію, чтобъ избѣжать, по крайней мѣрѣ, полного разоренія гражданскаго общества... всегда на каждомъ шагѣ препятствуетъ тому папа и духовенство... Если въ возможно скоромъ времени не прекратятъ эти ложныя сомнѣнія и неопредѣленность границы верховной власти, то можетъ возникнуть схизма, и въ скорости государства и цѣлыя націи совершенно отдѣлятся отъ римскаго престола, къ великому ущербу католичества».

Марія-Терезія сдерживала своихъ сыновей и своего канцлера. Когда власть перешла въ ихъ руки, они перестали стѣсняться. Леопольдъ мечталъ о томъ, чтобъ устроить австрійскую церковь по плану галликанской и вмѣсто хартіи дать ей знаменитую декларацию Боссеюета. Иосифъ боялся, что тогда она будетъ слишкомъ независима; сверхъ того, епископы на это не пойдутъ. Онъ обошелся безъ нихъ, все время увѣряя, что не коснется «ни догмата, ни обряда, ни внутренней дисциплины». Его дѣло, во всѣхъ отношеніяхъ представляющее предисловіе къ *граж-*

¹⁴) PERTHES, t. I, liv. I, ch. III и IV.

¹⁵) ARNETT, *Maria-Theresia*, t. IX, ch. I, VI и VIII.—*Le Mémoire de Kaunitz*.

данской конституціи духовенства, основано на противорѣчіи, которое дѣлаетъ недѣйствительнымъ самый принципъ: Иосифъ II, какъ и все его подражатели, впоследствии полагали, что остается римско-католикомъ даже тогда, когда личной властью, безъ содѣйствія епископовъ, безъ признанія святого отца, онъ сверху до низу переворачивалъ церковный строй въ своихъ владѣніяхъ. Само собой разумѣется, онъ предоставлялъ себѣ право цензуры папскихъ буллъ; абсолютно запрещалъ ссылаться на буллы, въ которыхъ описываются прерогативы папы; онъ увеличилъ число сельскихъ священниковъ, ввелъ гражданскій бракъ и разводъ, издалъ указъ о терпимости къ диссидентамъ и объявилъ ожесточенную войну монашескимъ орденамъ. Онъ запрещалъ имъ признавать главою человека, имѣвшаго резиденцію въ Римѣ, и имѣть какія-либо сношенія въ монархіи. Въ 1781 г. закрылъ разомъ шестьсотъ монастырей, все такъ называемые созерцательные ордена; число монаховъ упало съ шестидесяти трехъ тысячъ приблизительно до двадцати тысячъ; нѣсколько времени спустя, исчезли монашествующіе ордена. Я не упоминаю здѣсь о чисто-религіозныхъ деталяхъ, о ссорахъ изъ-за чисто-формальныхъ вопросовъ, но нельзя забывать денежный вопросъ, который такъ важенъ и даетъ возможность окончательнаго вывода. Марія - Терезія запретила монахамъ высылать деньги за-границу, а именно въ Римъ; Иосифъ запретилъ это епископамъ и конфискованные монастырскія имѣнія обратить въ капиталъ на веденіе войны и на политическія дѣла, наименовавъ его церковнымъ фондомъ. Операция была не особенно удачна. Монастыри были въ долгахъ; за уплатою послѣднихъ, осталось немного, но для насъ важенъ самый поступокъ и принципъ, руководившій имъ.

Великой Екатериной не надо было отдавать отчета Риму и незначѣть было стѣсняться. Она не довольствовалась тѣмъ, что разогнала монаховъ, закрыла монастыри и обложила налогомъ церковныя имѣнія: она ихъ секуляризовала, опережая такимъ образомъ французскую революцію. Русское духовенство владѣло миллиономъ душъ; царица ихъ конфисковала и поручила комисіи управлять церковными помѣстьями; монастыри, сдѣлавшись пенсіонерами казны получали отъ государства деньги на свое содержаніе ¹⁶).

Всѣмъ этимъ насильственнымъ поступкамъ церковь противилась самымъ упорнымъ образомъ. Уничтоженіе ордена иезуитовъ—только одинъ эпизодъ. «Иезуиты,—говорилъ Фридрихъ д'Аламберу, передовые часовые римскаго двора». Этотъ знаменитый орденъ сильно способствовалъ установленію абсолютной власти въ католическихъ державахъ. Помогая государству уничтожить всехъ диссидентовъ, онъ рассчитывалъ сохранить свою независимость. Государство, съ своей стороны, не могло допустить, чтобъ это пре-

¹⁶) RAMBAUD, ch. XXXI.

пятетвіе осталось, когда всё остальное было уничтожено. То, что соединило ихъ противъ общаго врага, послужило къ разъединенію, коль скоро они стали лицомъ къ лицу. Но борьба, начатая противъ іезуитовъ, продолжалась уже противъ Рима и, разсѣявши авангардъ, напали на главный корпусъ церковной арміи. Рѣдко церковь подвергалась такимъ опасностямъ, какъ при концѣ стараго порядка. Философы затрогивали ея ученія, государи—ея благочиніе; папы должны были отстаивать свой духовный авторитетъ противъ первыхъ и свѣтскія прерогативы—противъ вторыхъ. Въ виду того, что свѣтское и духовное начала перемѣшивались между собою; что государи вербовали себѣ въ совѣтники философовъ, а философы ссылались на покровительство государей; что папа вездѣ, гдѣ имѣлъ возможность, призывалъ свѣтскую власть на помощь противъ своихъ враговъ и не стѣснялся возбуждать въ ихъ государствахъ политическій расколъ; что министры, не церемонясь, нарушали его владѣльческія права, чтобы принудить его поступиться убѣжденіями, и обезпечивали себя отъ нравственнаго противодѣйствія первосвященника матеріальными захватами его свѣтскихъ владѣній; что въ Беневентѣ, Авиньонѣ и Венесенскомъ графствѣ они находили средства примѣнять къ упорствующему святому престолу пѣчто въ родѣ нравственной пытки;—въ виду всего этого, повторяю я, церковь, угрожаемая схизмой въ своихъ основахъ, непріятельскимъ нашествіемъ на свою территорію, чувствовала, какъ колеблется ея духовная и политическая власть.

Съ Франціей церковь находилась въ болѣе миролюбивыхъ отношеніяхъ. Послѣ весьма бурныхъ столкновеній, возстановилось доброе согласіе; Людовикъ XV заключилъ миръ и возвратилъ Авиньонъ; Людовикъ XVI искренно уважалъ религію и щадилъ духовенство¹⁷⁾. Въ Франціи католическая церковь повсюду терпѣла поражение. Три самыя могущественныя державы—Англія, Россія, Пруссія, а за нею половина Германіи, ускользали изъ-подъ власти церкви. Она была въ открытой борьбѣ или въ тайной враждѣ съ католическими дворами: Австріей, Пармой, Тосканой, Португаліей. Отношенія съ Испаніей были сносныя, но съ Неаполемъ—крайне враждебныя. «Папа,—писалъ по этому поводу одинъ итальянскій государь¹⁸⁾, не назначаетъ епископовъ ни на одно изъ сорока двухъ вакантныхъ мѣстъ; подъ рукою онъ возбуждаетъ народъ, и особенно вельможъ, при содѣйствіи Галеппи¹⁹⁾, а въ провинціяхъ—при помощи нищенствующихъ орденовъ». Обратите вниманіе не столько на поступки, сколько на тонъ. «Упор-

¹⁷⁾ Masson. *Le cardinal de Bernis*, ch. XI—XIII.

¹⁸⁾ Леопольдъ Іосифу II, отъ 17 декабря 1787.

¹⁹⁾ Графъ Галеппи, аудиторъ нунціатуры.

ство и упрямство папы непонятны,—писалъ Леопольдъ Тосканскій²⁰⁾ лучше бы онъ вспомнилъ, что въ первые вѣка церкви епископы назначались народомъ, представителями епархій и уполномоченными государя; что ихъ посвящали архіепископы и что уже послѣ того они посылали благодарственное письмо римскому епископу, а затѣмъ папамъ; послѣдніе считались только старшими между ними и никогда не были ихъ властелинами и абсолютными духовными государами, какъ утверждаетъ Римъ, заставляя епископовъ давать при посвященіи такую неприличную и нелѣпую клятву». Іосифъ II находилъ, что римскій дворъ сдѣлался съ 1768 г. почти «достойнымъ презрѣнія»²¹⁾. Оставшись единственнымъ правителемъ, онъ не переставалъ относиться къ нему съ пренебреженіемъ, не шадя угрозъ²²⁾, а тѣмъ болѣе насмѣшекъ и дерзостей. Пій VI пріѣхалъ въ Вѣну въ 1782 году. «Я ѣздивъ за Нейштатъ ему на встрѣчу,—пишетъ Іосифъ,—и чтобы избѣжать всякихъ церемоній и овацій, я встрѣтилъ его на большой дорогѣ, въ присутствіи однихъ почтальоновъ, и, пересадивъ его изъ его кареты въ свою двухмѣстную, прямо привезъ въ Вѣну».

Такого же взгляда на отношенія къ Риму и такого же языка будутъ придерживаться въ началѣ и концѣ своей борьбы съ церковью власти, созданныя французской революціей при Учредительномъ собраніи и во время управленія Бонапарта. Оно и не могло быть иначе. Понятія ихъ о верховной власти государства, въ сущности своей, не отличались отъ возрѣвнѣй на этотъ предметъ со стороны правительства XVIII вѣка, а философы одушевляли на борьбу съ церковью.

V.

Этотъ походъ правительства на учрежденія прошлаго времени вызываетъ противодѣйствіе; ихъ наклонность къ присвоенію себѣ исключительной инициативы и, съ другой стороны, наклонность общественнаго мнѣнія ждать всего отъ этой инициативы, порождаютъ смуты.

Унижая дворянъ и воюя съ церковью, государство рассчитываетъ примириться съ общественнымъ мнѣніемъ и опереться на него: дѣйствительно, оно льститъ народнымъ страстямъ, но одновременно возбуждаетъ ихъ и, въ концѣ концовъ, онѣ обращаются противъ него. Считая, что все возможно для государства, не столько пользуются тѣмъ, что оно дѣлаетъ, сколько раздражаются тѣмъ, чего оно не дѣлаетъ... Не полныя, неопредѣленныя, частныя реформы не удовлетворяютъ желаніямъ, а скорѣе возбуждаютъ

²⁰⁾ Іосифу II, 6 марта 1789.

²¹⁾ Арнетт. *Maria-Theresia*. T.IX, p. 551.

²²⁾ «Что касается до папы, священниковъ и монаховъ... ихъ очередь наступить». Письмо къ Леопольду, отъ 19 іюля 1787.

новыя надежды. Онѣ лишь подтверждаютъ ту идею, что старый міръ одряхлѣлъ и надо его обновить, приучаютъ народъ къ быстрымъ перемѣнамъ, развиваютъ любовь къ послѣднимъ и потребность въ нихъ. Идея о порядкѣ въ жизни націй исчезаетъ повсюду, прогрессъ видятъ только въ неустойчивости. Въ націи распространяется глухое безпокойство, глубокая тревожность.

Особенно ярко выразилось это настроеніе въ Германіи ¹⁾, даже въ наилучше организованномъ изъ ея государствъ. Само просвѣщенное правительство способствовало его развитію. Фридрихъ терялъ свое обаяніе при близкомъ знакомствѣ. Теоретики, формулами которыхъ онъ пользовался, восхищались имъ безконечно сильнѣе, чѣмъ его собственный народъ, которому онъ ихъ толковалъ на практикѣ. На всемъ земномъ шарѣ не было мѣста, гдѣ бы величіе прусскаго короля ослѣпляло менѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Гнетъ, давившій всѣхъ, сдерживалъ энтузіазмъ. «Струны такъ натянуты,—писалъ Мирабо въ 1786 году,—что не могутъ не ослабѣть. Народъ былъ такъ притѣсненъ, раздраженъ, гонимъ, что его невозможно не облегчить» ²⁾. Фридриха слишкомъ сильно боялись, и народъ его не оплакивалъ. Великая пустота, оставленная его смертью, показала извѣщеніемъ. Въ Берлинѣ произошло нѣчто подобное тому, что было во Франціи, когда исчезъ Ришелье. «Всѣ угрюмы, никто не печаленъ,—говоритъ Мирабо.—Всѣ заняты, никто не огорченъ. Ни одного сожалѣнія, ни одного вздоха, ни единой похвалы... Двѣ трети Берлина напрягаютъ теперь всѣ силы, чтобъ доказать, что Фридрихъ II былъ человѣкъ обыкновенный, и даже ниже другихъ!..» Итакъ, вотъ результатъ этого великаго царствованія: всѣ желали его конца! «Настоящее утомило и стало нестерпимо», писалъ австрійскій министр ³⁾. Однако въ Пруссіи Фридрихъ внушилъ такую идею о величій государства, что народъ ожидалъ и надѣялся всего отъ его преемника, и послѣдній считалъ, что ему будетъ по плечу удовлетвореніе всѣхъ этихъ надеждъ.

Напротивъ того, въ Австріи, среди правителей и управляемыхъ царствовалъ всеобщій упадокъ духа. Благожелательный и сравнительно умѣренный режимъ Маріи-Терезіи оставляетъ такое же чувство усталости, какъ и крайности Фридриха. Этою великою императрицею овладѣваетъ подъ старость глубоко-печальное настроеніе. Ея письма наполнены жалобами: «Тридцать пять лѣтъ я жертвовала собою для народа,—пишетъ она въ 1775;—я подавлена уныніемъ, утратила спокойствіе духа и дѣ-

¹⁾ PERTHES. Т. I. Это сочиненіе не что иное, какъ собраніе доказательствъ и критика фактовъ.

²⁾ *Histoire secrète de la cour de Berlin*, Paris 1789.

³⁾ WOLF, *Oesterreich und Preussen*, p. 50.—PHILIPPSON, op. cit.

лаю болѣе зла, чѣмъ добра ⁴⁾. По словамъ свидѣтеля, народъ выказалъ почти непрличную радость на ея похоронахъ ⁵⁾. Начиная съ 1782, Іосифъ испытываетъ такое же отвращеніе отъ своихъ реформъ и разочарованіе въ своемъ царствованіи, какъ и его мать въ концѣ своей жизни ⁶⁾. «Надо плыть на этой каторжной галерѣ,—пишетъ онъ въ 1786 своему министру Кауницу.—Надо плыть, пока это не кончится; можетъ быть что-нибудь и выйдетъ изъ этого». Результатомъ выходитъ только хаосъ въ государствѣ; смятеніе въ народахъ. Во всѣхъ классахъ, во всѣхъ странахъ имперіи господствовало въ 1789 г. сознаніе, что все не на своемъ мѣстѣ; чувство безопасности исчезло ⁷⁾.

Вспыхиваютъ мятежи. Марія-Терезія пыталась смягчить судьбу богемскихъ крестьянъ. Въ 1773 она издала указъ о барщинѣ: крестьяне вообразили, что королева хотѣла ихъ освободить изъ всякихъ повинностей, что дворяне этому противятся, и что государственные чиновники не исполняютъ повелѣній государыни. Они взбунтовались: древній фанатизмъ гуситовъ, единственная форма чешскаго патріотизма, пережившая другія, проснулась въ душахъ. Къ фанатикамъ присоединилась голытьба. Шайки бунтовщиковъ терроризировали страну. «Они грабятъ замки, похищаютъ и разрушаютъ все, что попадетъ имъ въ руки, бросаютъ поля не засеянными, принуждаютъ другихъ поступать такъ же... Они ограбили нѣсколько церквей, разбили алтари и образа святыхъ, похитили сосуды и выбросили на землю Святые Дары»—пишетъ одно должностное лицо въ 1775. Они двинулись на Прагу, гдѣ, по слухамъ, измѣнники спрятали освободительную грамоту. Войска разсѣяли ихъ съ великимъ трудомъ и спасли городъ отъ грабежа, который ему угрожалъ ⁸⁾. Волненіе охватило Моравію, затѣмъ и другія страны. «Я очень опасаясь безпорядковъ,—писала императрица въ 1778;—въ Штиріи уже не хотятъ ни платить, ни работать... тоже и въ Венгріи. Эти люди дѣлаютъ ужасныя вещи» ⁹⁾. Іосифъ приписывалъ все зло колебаніямъ правительства, «обѣщаніямъ, которыя никогда не сдерживаются, угрозамъ, которыя никогда не исполняются». Онъ вступилъ на престолъ, и стало еще хуже.

Если робкія и мудрыя реформы Маріи-Терезіи вызвали такіе серьезные безпорядки, то коренныя и произвольныя реформы Іосифа II, выра-

⁴⁾ См. ея переписку съ Мерси и ARNETH, t. IX. ch. XII.

⁵⁾ WOLF id. p. 21. —RANKE, *Die deutschen Mächte und der Fürstenbund*, t. I, p. 51. Лейпцигъ 1871.

⁶⁾ Изъ писемъ къ Леопольду.—BEER, *Joseph II, Leopold II und Kaunitz*. Vienne, 1873.

⁷⁾ PERTHES, t. II, liv. III, ch. V.

⁸⁾ ARNETH, t. X, ch. XII.—LÉGER, ch. XXI.

⁹⁾ ARNETH. *Maria-Theresia und Joseph II*.

женныя въ суровыхъ указахъ, но вло исполняемыя, возбудили всеобщія возстанія, почти революціи. Духовенство потребовало возвращенія своихъ льготъ, дворянство—своихъ привилегій, народъ—своего освобожденія отъ крѣпостной зависимости. Дворянство и духовенство, раздражаемыя властью, покинули ее. Народъ рѣшилъ, что ему все дозволено. Государственные чиновники, сбитые съ толку, измученные противорѣчивыми инструкціями государя, ошеломленные различными перемѣнами, которыя они навязывали народамъ, не понимая ихъ, повиновались неохотно и перестали приказывать. Жестокія и неожиданныя репрессаліи, за которыми слѣдовала необъяснимая мягкость, раздражали умы, вмѣсто того чтобъ успокоить. Подъ гнетомъ германской централизаціи, которую хотѣли навязать населенію, разноплеменное населеніе вспомнило о своемъ происхожденіи и стало доискиваться въ своихъ національныхъ традиціяхъ правъ на самостоятельное существованіе. Въ Богеміи начали снова говорить по-чешски и потребовали созванія штатовъ; въ Венгріи—сеймовъ. Въ Галиціи возстали дворяне. Въ 1789 броженіе разрослось до крайности во всѣхъ австрійскихъ провинціяхъ. Революція, которая грозила Богеміи, Венгріи, Галиціи, разразилась въ Нидерландахъ ¹⁰⁾.

Съ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ государей восемнадцатаго вѣка произошло то же самое, что съ однимъ изъ самыхъ фанатичныхъ деспотовъ шестнадцатаго. Философскія реформы Іосифа II дали въ результатъ то же, что и католическая тираннія Филиппа. Произошло это потому, что тотъ и другой, испанскій и германскій монархи, преслѣдуя весьма различныя цѣли, дѣйствовали съ одинаковымъ непониманіемъ интересовъ этихъ народовъ и съ одинаковымъ презрѣніемъ къ ихъ традиціямъ. Бельгійцы не измѣнились; страстно влюбленные въ свою національную независимость, горячо привязанные къ своимъ обычаямъ, восторженные въ дѣлѣ религіи, они соединяли со своей набожностью, легко переходящею въ суевѣріе, старинный духъ возмущенія, такъ долго волновавшій общины во Фландріи. У каждой провинціи были: своя администрація, свои штаты, своя хартія; каждая имѣла право назначать налоги, и хотя сама не издавала законовъ, но и государь не имѣлъ права ихъ измѣнять безъ согласія штатовъ. Принимая на себя власть, онъ клялся поддерживать «права, привилегіи и конститутіи» провинцій. Самой знаменитой изъ этихъ бельгійскихъ хартій была та, которую называли *La Joyeuse Entrée* (Радостное вступленіе).

¹⁰⁾ Относительно исторіи Бельгійской революціи см.: BORGNET.—*Histoire des Belges à la fin du dix-huitième siècle*, Bruxelles 1844.—JUSTE. *Histoire du règne de Joseph II et de la révolution belge*. Bruxelles 1846;—DE PRADT, *de la Belgique depuis 1789 jusqu'en 1814*. Paris 1820.—WOLF, *Marie Christine*. Vienne 1863 et les Correspondances publiées par ARNETT et BEER.

Одинъ изъ правителей Бельгіи писалъ ¹¹⁾: «Правда, что эти страны очень привязаны къ своимъ привилегіямъ и даже, смѣю сказать, доводятъ это до безумія; но всѣ онѣ воспитаны въ этомъ предразсудкѣ, и было бы очень опасно трогать эту струну, тѣмъ болѣе, что всѣ государи не только подтверждали эти привилегіи, но и клялись соблюдать ихъ, а потому народъ и видитъ въ нихъ основные законы государства. Смѣю сказать, что этими странами весьма легко управлять при помощи кроткихъ мѣръ, и если ваше величество соблаговолите выказать благожелательство какимъ-либо знакомъ вниманія, изъ этихъ провинцій можно будетъ сдѣлать все, что вамъ угодно». Правительство могло быть тѣмъ болѣе покойно за Бельгію, что социальное положеніе ея было лучше, чѣмъ гдѣ-либо. Дворяне жили въ своихъ имѣніяхъ; духовенство, обладавшее большими помѣстьями, хорошо управляло ими и пользовалось популярностью; словомъ, сословія были менѣе разъединены и феодальное управленіе менѣе тягостно, чѣмъ въ остальной Европѣ. Марія-Терезія, указавшая бельгійцевъ, сѣмѣла ихъ понять. Она была, по словамъ де Прадта, кумиромъ Бельгіи; но даже въ ея царствованіе австрійскій домъ видѣлъ въ Бельгіи только «континентальную колонію», выгодную ферму, которую цѣнили только за доходы, приносимые ею. Іосифъ II только съ этой точки зрѣнія и смотрѣлъ на нее; онъ всегда былъ готовъ «промѣнять» ее на Баварію, которая была для него удобнѣе. Такъ какъ промѣнять не удалось, то онъ вздумалъ ввести въ нее реформы, чтобъ увеличить доходность. Онъ не зналъ страны, а потому въ 1781 г. съѣздили туда на короткое время, и послѣ этого поверхностнаго знакомства и нѣсколькихъ недѣль импровизированнаго труда, онъ принялся за свои реформы. Онъ коснулся прежде всего религіи; начиная съ 1781 и до 1786 г. указы слѣдовали за указами и отдали церковь въ руки государства. Послѣ этого настала чередъ гражданскихъ учреждений и указомъ отъ 1 января 1787 года у провинціальныхъ штатовъ отняты администрація и отправленіе правосудія; страна раздѣлена на округа, въ которыхъ учреждены интендантства, суды первой инстанціи и суды апелляціонные. Это было уже рѣзкимъ нарушеніемъ утвержденныхъ подъ присягою хартій. Религіозныя реформы раздражили страну, административная—вызвала въ ней возстаніе. Іосифъ II былъ въ открытой войнѣ съ церковью; противъ него соединились всѣ, дорожившіе національными льготами и старинными бельгійскими учрежденіями.

Во главѣ возмущившихся является человѣкъ, имя котораго мы не разъ встрѣтимъ въ этой книгѣ: Генрихъ Ванъ-деръ-Ноотъ. Это былъ адвокатъ

¹¹⁾ Изъ письма принца Карла Лотарингскаго Маріи-Терезіи, писаннаго въ 1763 году.

Брабантскаго совѣта. Онъ не отличался ни особенно возвышенными взглядами, ни особенно твердымъ характеромъ, ни особенно вѣрнымъ сужденіемъ, но онъ обладалъ очень важными свойствами для предпринимаемаго имъ дѣла: пламеннымъ патріотизмомъ и энергіей. Онъ былъ агитаторъ по природѣ, но мы увидимъ, что онъ былъ не способенъ управлять. Подъ его вліяніемъ Брабантъ вооружился. Другія провинціи послѣдовали его примѣру; монахи и священники уговаривали народъ защищаться и проповѣдывали сопротивленіе. По всей Бельгіи собирались ополченія. У нѣкоторыхъ былъ планъ составить конфедерацію, сдѣлаться независимыми, подобно Соединеннымъ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, и обратиться за поддержкой къ Франціи; извѣстіе объ этомъ заставило Іосифа задуматься; но вмѣсто того, чтобъ понять, что эти смуты—результатъ его неосторожныхъ реформъ, онъ, напротивъ, приписывалъ встрѣченное ими противодействие кознямъ державъ, которымъ было выгодно вызвать волненія. Онъ думалъ, что это—дѣло рукъ Франціи, «поповъ» и римскаго двора, который пользовался священниками, и въ особенности капуцинами, чтобъ возмущать простой народъ и сѣять смуты посредствомъ исповѣди¹²⁾. Но какова бы ни была дѣйствительная причина опасности, онъ обратилъ на нее вниманіе и дѣломъ 1787 г. отмѣнилъ свои указы; успокоенный тревожнымъ положеніемъ французскаго правительства въ концѣ 1787 года, онъ возстановилъ тѣ распоряженія, которыя касались церкви, и приказалъ брюссельскому коменданту генералу д'Альтону прибѣгнуть, въ случаѣ сопротивленія, къ «прискорбнымъ средствамъ, которыя называются пушками и штыками». Подъ вліяніемъ этой угрозы, брабантскій совѣтъ, игравшій почти ту же роль, какую во Франціи игралъ парижскій парламентъ, уступилъ. Семинаріи въ Мехельнѣ и Антверпенѣ были заняты войсками, епископы взяты подъ арестъ; объявлено, что сборища будутъ разгоняемы картечью. Войска расположились, какъ въ завоеванной странѣ. Ужасъ сковалъ всѣмъ уста, и д'Альтонъ могъ написать въ сентябрѣ 1788 года: «Спокойствіе продолжаетъ царствовать».

Подчиненіе было кажущееся. Эта революція была не изъ тѣхъ, которыя кончаются вспышками; она зрѣла медленно. Бельгійскія войска отказались выступить въ походъ противъ своихъ соотечественниковъ. Въ Брабантѣ и Геннегау штаты отказались утверждать субсидіи¹³⁾. Іосифъ объявилъ, что этимъ отказомъ они нарушали хартіи и освобождали его отъ присяги. Брабантскіе штаты уступили, и онъ оставилъ имъ власть, но распустилъ упорствующіе штаты Геннегау. Вслѣдъ затѣмъ онъ измѣнилъ хартіи Брабанта, говоря, что «находитъ справедливымъ возвратитъ

¹²⁾ См. его переписку съ Леопольдомъ за іюль 1787 г.

¹³⁾ Ноябрь 1788.

маленькимъ городкамъ и мѣщанскимъ совѣтамъ, которые платятъ такіе большіе налоги, ихъ общественныя и конституціонныя права¹⁴⁾, надѣясь этой приманкой привлечь на свою сторону большинство и съ помощью демократическаго маневра разстроить оппозицію дворянъ, духовенства и буржуазной олигархіи. Онъ рассчитывалъ подавить большія общины мелкими, но брабантскій совѣтъ и провинціальныя штаты отказались принять новые указы, несмотря на то, что войска окружали со всѣхъ сторонъ ихъ совѣщанія. Тогда императоръ обнародовалъ декретъ объ уничтоженіи самой хартіи и отмѣнѣ *Joyeuse Entrée* (радостнаго вступленія). Д'Альтону былъ данъ приказъ дѣйствовать безпощадно. «Не надо принимать въ расчетъ большее или меньшее количество крови, которое потребуется подобной операціи»,—писалъ ему Іосифъ 7 іюня 1789 г.,—когда дѣло идетъ о томъ, чтобы все спасти и разъ на всегда прекратить эти вѣчныя насилія».

Мятежи начались. Эта революція, развивавшаяся параллельно съ французской, имѣла совершенно другія причины и обратное распредѣленіе ролей. Здѣсь роль революціонера игралъ государь, а народъ защищалъ старый режимъ, но, въ сущности, вопросъ былъ въ народныхъ вольностяхъ и національной независимости. Защищаясь, бельгійцы употребляли тѣ же средства и говорили тѣмъ же языкомъ, какъ французы. Въ собраніи брабантскихъ штатовъ одинъ депутатъ изъ дворянъ воскликнулъ, въ 1787 г.: «На эту великолѣпную страну политики смотрятъ, какъ на недвижимость, которую можно продавать, покупать, которую и въ кабинетахъ государей мѣняють то на одну провинцію, то на другую». Брабантскіе штаты, чтобъ поддержать древній обычай и старыя вольности, ссылаются на «естественное право». Когда депутаты выказали сопротивленіе, имъ рукоплескали, называли ихъ *отцами отечества*; раздавались народныя кокарды и чернь, подстрекаемая монахами, грабила дома тѣхъ жителей, которыхъ подозревали въ привязанности къ правительству. Эта революція, вызванная для поддержки стараго порядка, дѣйствовала совершенно одинаково съ той, какую совершили во Франціи во имя его ниспроверженія.

Однако, рядомъ съ партіей старинныхъ обычаевъ, составлявшей большинство, образовалась другая, болѣе проникнутая идеями вѣка, партія, состоящая изъ адвокатовъ, врачей и бѣлаго духовенства. Партія эта требовала участія въ правленіи, расширенія избирательнаго права, уничтоженія привилегій. Реформы Іосифа были для нея непріятны только потому, что исходили отъ него и что, навязывая ихъ, онъ уничтожалъ народныя вольности. Они, напротивъ, желали ихъ расширенія. Эта партія, во главѣ которой стоялъ адвокатъ, по имени Вонкъ, желалъ демократической революціи; партія Ванъ-дербъ

¹⁴⁾ 29 апрѣля 1789 г.

Ноота требовала возстановленія аристократіи. Впослѣдствіи эти партіи спорили за управление Бельгіей, но вначалѣ онѣ соединились, чтобъ овладѣть имъ. И та и другая состояла изъ пламенныхъ патріотовъ, одушевленныхъ одинаковою ненавистью къ Австріи. Итакъ, Іосифъ II возстановилъ противъ себя всѣхъ бельгійцевъ какъ разъ въ то время, когда французская революція готовилась пригласить всѣ народы соединиться противъ своихъ притѣснителей. Впослѣдствіи мы увидимъ, какія важныя послѣдствія произошли отъ различія, можно даже сказать, отъ антагонизма этихъ двухъ революцій. Здѣсь достаточно показать одновременное ихъ возникновеніе.

И въ другихъ странахъ революціи казались неизбежными. Голландскіе патріоты, поработанные прусскими войсками, волновались, устраивали тайныя организаціи, горѣли желаніемъ отомстить штатгалтеру, возвратить, и если можно, расширить свои народныя вольности. Въ Швеціи Густавъ IV раздражилъ всѣхъ: дворянъ—тѣмъ, что коснулся ихъ привилегій; народъ—тѣмъ, что не облегчилъ его тяготы ¹⁵⁾. Наконецъ и въ Женевѣ началось возстаніе, и оно заслуживаетъ особеннаго вниманія: «Я изучаю распри жевцевъ—говорилъ Вержениъ,—потому что боюсь, что сочиненія, породившія среди нихъ междоусобіе, не вынесли бы за предѣлы ихъ отечества тотъ фанатизмъ, которымъ они пропитаны, и чтобъ сосѣди ихъ не перешли отъ любопытства къ подражанію ¹⁶⁾. Это странныя рѣчи въ устахъ государственнаго человѣка стараго порядка; его предчувствіе было плодомъ политической проницательности. Дѣйствительно, въ 1782 въ Женевѣ готовилась французская революція и ее, такъ сказать, репетировали въ сокращенномъ видѣ на этомъ маленькомъ театрѣ ¹⁷⁾.

Починъ принадлежит Руссо. *Contrat social* представляетъ программу. *Lettres de la Montagne*—боевой кличъ революціонеровъ. Борьба происходитъ не столько между двумя партіями, которыя оспариваютъ другъ у друга власть, сколько между двумя классами, полными взаимной ненависти, и изъ которыхъ каждый стремится господствовать и устранить другой: съ одной стороны—царящая олигархія, патриціатъ, завладѣвшій всѣми должностями; съ другой стороны—буржуазія, господствующая въ принципѣ, но въ дѣйствительности лишенная всякаго участія въ управленіи и страстно желающая властвовать въ свою очередь. Вождями недовольныхъ были Дюверре, Дюмонъ, Клавьеръ, Рейба, Маратъ. Въ виду ихъ энергической пропаганды, аристократы думали обратиться

¹⁵⁾ GEFFROY, *Gustave*, III, t. II, ch. IV et X.

¹⁶⁾ SOULAVIE, *Mémoires*, t. V, p. 227.

¹⁷⁾ MALLET DU PAN, t. I, ch. I и III.—SAYOUS *Le dix-huitième siècle à l'étranger*, t. I, Rousseau.—SOULAVIE, t. I, ch. V. DENORESTERRES, *Voltaire et J. J. Rousseau*. Paris 1875.

къ вмѣшательству державъ, гарантировавшихъ конституцію. Въ этомъ обращеніи къ иноземцамъ революціонеры увидѣли измѣну и предупредили ее государственнымъ переворотомъ: арестовали наиболѣе опасныхъ изъ своихъ противниковъ и пригласили болѣе робкихъ сдаться. «Остатки сената собираются, чтобъ выслушать приговоръ о проскрипціи сенаторовъ и подписать его,—разсказываетъ Малле Дюпанъ. Они получаютъ приказъ о приведеніи его въ исполненіе».

Побѣдители образовали изъ себя *коммиссію безопасности* и организовали «диктатуру по римскому образцу». Терроръ царствовалъ въ Женевѣ, обращенной въ тюрьму для побѣжденныхъ. Мало того, что ихъ лишили имущества и свободы, ихъ еще поучали. Недостаточно было ихъ подчинить, надо еще ихъ обратить въ свою вѣру. Это—новая черта, это—стрѣла, которая пущена въ Женевѣ, но которая летитъ гораздо дальше. «Это хвастовство добродѣтелью, соединенное съ преступными страстями, это деспотизмъ надъ общественнымъ мнѣніемъ, требующій отъ него, во имя разума и справедливости, одобренія чудовищныхъ поступковъ, это значить видѣть въ послѣднихъ священные обязанности; говорить о гуманности съ руками, обгаженными кровью, писать оды отечеству, и въ то же время терзать его; ссылаться на права народовъ, оскорбляя свободу личности» ¹⁸⁾. Царствованіе этихъ мрачныхъ болтуновъ кончилось, благодаря ихъ собственной зависти. Пока они ссорились между собой, французы, сардинцы и швейцарцы, гарантировавшие конституцію, сочли необходимымъ вмѣшаться, чтобъ возстановить ее. *Коммиссія безопасности* рѣшаетъ защищаться до послѣдней крайности и объявляетъ декретомъ, что жевевцы посядуютъ примѣру сагунтцевъ. Церкви загромаждаютъ боченками съ порохомъ; готовятъ разрушеніе города; затѣмъ, въ ожиданіи непріятеля, спорять, подвергаютъ другъ друга изгнанію и устраиваютъ рѣзню. Между тѣмъ непріятель занимаетъ городъ, и революція заканчивается военнымъ *coup d'Etat*. Революціонеры, изгнанные въ свою очередь, ищутъ убѣжища въ Англіи, пока для нихъ не откроются двери Франціи. Они дѣлаются учителями и маклерами космополитической революціи, преподавая ученикамъ философовъ практику народнаго мятежа. Всѣхъ, начиная съ Дюмона, друга Талейрана и сотрудника Мирабо, до Марата мы встрѣтимъ вскорѣ въ Парижѣ.

VI.

Итакъ, мы видимъ, что кризисъ охватилъ всю Европу; почва превосходно подготовлена для соціальныхъ и политическихъ революцій въ тотъ

¹⁸⁾ MALLET DU PAN, t. I, p. 68.

моментъ, когда готовилась французская революція. Если революція, видимо неизбежная повсюду, разразилась во Франціи, то это произошло не потому, что злоупотребленія были тамъ вольнѣе, что феодальный режимъ тяжелѣе ложился тамъ на населеніе, что правительство было тамъ менѣе интеллигентно, болѣе смѣло или болѣе деспотично, бѣдность болѣе ощутительна, и люди болѣе возмущены тягостнымъ гнетомъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Поводы, ускорившіе ходъ событій, были прямо противоположны этому ¹⁾. Революція, имѣвшая цѣлью уничтожить старинныя учрежденія, начинается въ странѣ, гдѣ эти учрежденія уже готовы были исчезнуть и рухнулись сами собой. Гнетъ казался нестерпимымъ именно потому, что его часть пробилъ и остатки его тѣмъ сильнѣе раздражали людей ²⁾. Слѣды крѣпостного права существовали только въ забытыхъ уголкахъ восточныхъ провинцій. Крестьянинъ не только пересталъ быть крѣпостнымъ, онъ сталъ собственникомъ. Земля была раздроблена на такіе мелкіе участки, что агрономы уже сѣтовали на это. Мѣстные, вѣчно придирчивыя, власти были подчинены центральной власти. Явилось единство въ законахъ. Даже феодальныя права, подъ вліяніемъ нападковъ со стороны легистовъ, притѣсненія, со стороны королевской власти, сравнительно были облегчены. Самыя противозаконныя и самыя обидныя изъ нихъ тѣ, которыя оскорбляли личность человѣка, его достоинство, его честь, уже вышли изъ употребленія. По словамъ одного современника: «во Франціи, въ Португаліи притѣсненіе было слабѣе, чѣмъ въ Испаніи, въ Австріи, въ Турціи, однако эти страны остались вполнѣ спокойными, а Франція произвела революцію» ³⁾. Именно потому она ее и произвела.

Феодальная барщина и повинности всею тяжестью ложились непосредственно на трудъ и имущество крестьянина-собственника; онъ страдалъ отъ нихъ болѣе, чѣмъ въ то время, когда работалъ на помѣщика ⁴⁾. Для него было тяжелѣе жертвовать своимъ временемъ и трудами съ тѣхъ поръ, какъ онъ могъ отдавать то и другое своей собственной землѣ и плоды

¹⁾ Токвиль прекрасно разъяснилъ этотъ фактъ; изученіе этихъ странныхъ соотношеній составляетъ самую оригинальную часть его книги; достаточно отослать къ ней читателя, а здѣсь представить лишь результатъ его превосходныхъ доказательствъ.

²⁾ *Ancien Régime*, liv. II, ch. I. Почему феодальныя права сдѣлались для французскаго народа ненавистнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ.—Гл. XII: Какимъ образомъ, несмотря на успѣхи цивилизаціи, положеніе французскаго крестьянина было иногда хуже въ восемнадцатомъ вѣкѣ, чѣмъ въ тринадцатомъ.

³⁾ ADRIEN LEZAY, *Des causes de la Révolution*, 1797. ROEDERER, *Oeuvres*, t. IV, Opuscules.

⁴⁾ AIMÉ CHÉREST, *la Chute de l'Ancien Régime*. Paris 1884, именно т. II, стр. 500 и слѣдующія.

своихъ усилій оставлять въ наслѣдство своимъ дѣтямъ. Дворянинъ, эксплуатирующій его, бралъ и ничего не возвращалъ; крестьянинъ не получалъ отъ него ни одной изъ тѣхъ услугъ, которыя въ былое время оправдывали до нѣкоторой степени права дворянина ⁵⁾. Теперь, французъ-крестьянинъ, пользуясь услугами и покровительствомъ исключительно со стороны государства, считалъ себя обязаннымъ только одному государству и не хотѣлъ признавать, чтобъ дворянинъ, получавшій отъ государства болѣе выгодъ, чѣмъ онъ, платилъ меньше его. «Уничтожая одни изъ средневѣковыхъ учреждений,—говоритъ Токвиль,—сдѣлали оставшіяся въ силѣ во сто разъ ненавистнѣе прежняго». Первая половина дѣла была выполнена государствомъ, отъ него же ожидали и требовали его завершения тѣмъ нетерпѣливѣе, что дѣло казалось болѣе подвинутымъ и легкимъ. Вѣрность этого факта доказывается тѣмъ, что революція проявилась съ наибольшей силой и страстностью именно въ той части Франціи, гдѣ прогрессъ былъ всего замѣтнѣе. Единственныя провинціи, гдѣ, въ извѣстной мѣрѣ, обнаружилась привязанность къ старому порядку, были именно тѣ, въ которыхъ этотъ порядокъ уцѣлѣлъ въ наибольшей неприкосновенности: а именно Бретань, Вандея, Пуату. Тамъ вмѣстѣ съ старинными злоупотребленіями сохранились и старинныя права, а вмѣстѣ съ привилегіями дворянъ сохранились и ихъ обязанности. Дворянинъ жилъ среди своихъ крестьянъ, входилъ въ ихъ дѣла; они знали другъ друга; связь между ними уцѣлѣла, и они дѣйствовали заодно. Въ другихъ мѣстахъ дворянинъ считался узурпаторомъ, котораго надлежало изгнать.

Благоустройство, какимъ пользовались во Франціи въ первые годы царствованія Людовика XVI, ускорило движеніе, потому что сдѣлало людей болѣе чувствительными къ притѣсненіямъ и развило пламенное стремленіе избавиться отъ нихъ ⁶⁾. Наконецъ, ни въ одной странѣ идеи реформы не были такъ распространены, умы такъ развиты, люди сходны между собою, управленіе такъ централизовано, дворянство такъ уменьшено, промежуточныя сословія такъ ослаблены, нація такъ однородна, государство такъ сплочено, какъ во Франціи: поэтому необходимость революціи представлялась тамъ съ болѣею очевидностью, и въ то же время средства совершить ее казались болѣе доступными ⁷⁾.

То были черты, свойственныя французскому народу; онѣ объясняютъ, почему французы совершили свою революцію ранѣе другихъ европейскихъ націй. Остается показать, какимъ образомъ французская революція дала толчокъ всѣмъ остальнымъ движеніямъ и приобрѣла значеніе европейскаго событія.

⁵⁾ Тэнъ, *Ancien Régime: La structure de la société*.

⁶⁾ TOCQUEVILLE, liv. III, ch. IV.

⁷⁾ Ibid., ch. II, VIII, liv. III, ch. VIII.

ГЛАВА III.

Вліяніє французскаго духа.

I.

Европа имѣетъ свою собственную интеллектуальную атмосферу. Однѣ и тѣ же идеи распространены въ ней повсемѣстно. Происхожденіе этихъ идей чисто-французское, а потому совершенно естественно, что онѣ нигдѣ не находятъ себѣ такого полнаго выраженія, какъ именно во Франціи. Европейское государство и европейское общество, формы правленія и формы мысли—все это имѣетъ источникомъ Грецію; изъ Греціи эти формы проникли въ Римъ, а изъ Рима, чрезъ посредство Франціи,—въ новѣйшія европейскія государства. Духъ, оживляющій эти формы, принято называть классическимъ, *l'esprit classique*. Отвлеченная мысль замѣняетъ въ немъ принципъ, чистая логика служить ему методомъ ¹⁾. Онъ проникъ въ новѣйшее общество путемъ трехъ великихъ факторовъ: религіознаго обученія, юридическаго и литературнаго образованія.

Церковь воспользовалась формой, въ которую выпала античная мысль; она хранить и, въ свою очередь, завѣщаетъ ее новѣйшей мысли. Церковь не только провозглашаетъ, что міръ долженъ управляться идеей, но и воспитываетъ въ умахъ, вмѣстѣ съ идеей объ абсолютной истинѣ и общемъ благѣ, понятіе о высшей добродѣтели, заключающейся въ безграничной вѣрѣ въ незыблемый принципъ. Она побуждаетъ человѣчество стремиться къ осуществленію идеальнаго общества, гражданами котораго были бы народы, объединенные единымъ общимъ началомъ и продолжающіе имъ руководиться ²⁾. Церковь поддерживаетъ своимъ примѣромъ традицію космополитическаго и демократическаго общества, въ которомъ находится мѣсто для каждаго и гдѣ послѣдній и смиреннѣйшій можетъ стать во главѣ людей. Она учитъ, что Богъ есть источникъ верховной власти въ государствѣ, а народъ—ея проводникъ; что, исходя отъ Бога, она проявляется въ народѣ, что короли не могутъ быть неотвѣтственными предъ своими подданными, потому что если власть ведетъ начало свое отъ Бога, это еще не значитъ, что человѣкъ, въ рукахъ котораго она находится, и употребленіе, которое онъ изъ нея будетъ дѣлать, необходимо обладаетъ божественною

¹⁾ TAINE, *L'Ancien Régime*, liv. III, ch. II: *L'Esprit classique*.—GUISOT, *Civilisation en France*, t. II, leçon XXX.

²⁾ GUISOT, *Civilisation en France*, t. II, leçon XXVII, *Civilisation en Europe*, leçon IX.

непогрѣшимостью ³⁾; что не народы созданы для королей, а короли—для народовъ ⁴⁾, и, наконецъ, что «законъ», по словамъ св. Тома, «есть разумный порядокъ, установленный ради общаго блага» ⁵⁾. Церковь сходитъ, въ этомъ случаѣ, съ юристами, такъ часто возстающими и вооружающимися противъ нея, но ученіе которыхъ, въ сущности, беретъ отчасти свое начало изъ одного съ нею источника, слѣдуетъ по тому же направленію и распространяется тѣми же путями. Римское право для нихъ—своего рода священное писаніе. Авторитетъ Дигестовъ ⁶⁾ основанъ на томъ, что онъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ свода ученія о естественномъ правѣ. Именно въ такомъ смыслѣ относится къ нему знаменитый французскій юристъ Домъ, современникъ и другъ Паскаля. Буало называетъ его «возстановителемъ разума въ юриспруденціи»; д'Агессо находитъ, что этотъ сводъ даетъ «наиболѣе совершенный планъ устройства гражданскаго общества» ⁷⁾. Домъ—писатель, по преимуществу проникнутый духомъ классицизма. Въ написанномъ имъ въ 1694 году трактатѣ, *les Lois civiles dans leur ordre naturel*, онъ кладетъ въ основу публичнаго права—право римское, усматривая въ немъ хранителя естественнаго права и духа законовъ. «Всѣ люди равны по своей природѣ» ⁸⁾; но правительство необходимо для поддержанія порядка въ человѣческомъ обществѣ; и въ такомъ правительствѣ слѣдуетъ различать два рода законовъ: тѣ, которые установлены властью и носятъ наименованіе «произвольныхъ», и тѣ, которые проистекаютъ изъ естественнаго права и, какъ «неизбѣжныя послѣдствія справедливости и правосудія, остаются незыблемыми, повсюду и всегда неизмѣнными» ⁹⁾.

Таковы доктрины; знакомство съ античной литературой дало имъ форму. Отъ древнихъ унаслѣдованъ былъ методъ, регулирующий мысль и управляющіе обществомъ законы; у нихъ же заимствованы примѣры, подтверждающіе и иллюстрирующіе доктрину, и литература, ихъ пропагандирующая. Одинъ и тотъ же духъ господствуетъ въ церкви и государствѣ, въ религіи и политикѣ, въ философіи и словесности, въ законахъ и вкусѣ; вотъ почему литература является столь мощною его носительницею.

Духъ этотъ можетъ быть названъ французскимъ, по преимуществу.

³⁾ ROHRBACHER, *Histoire universelle de l'Eglise catholique*. Paris, 1866, t. XIII, p. 247, t. X, p. 240—1. T. IX, p. 742. T. VI, p. 260—1.

⁴⁾ SAINT THOMAS, *De regimine principis* III, c. XI.

⁵⁾ *Somme théologique*, 2 partie, quest. 90.—JANET, *Science politique*, liv. II, ch. III.

⁶⁾ Дигесты—сводъ рѣшеній римскихъ юристовъ.

(Примѣч. переводч.).

⁷⁾ VIOLLET.—*Précis de l'histoire du droit français*.

⁸⁾ *Le droit public*, tit. I, sect. I.

⁹⁾ *Avertissement et Préface du traité du droit public*.

равно какъ и литература эта есть форма преимущественно французскаго духа. И то и другое развивается во Франціи параллельно съ выработкой языка, ростомъ народнаго сознанія, усовершенствованіемъ государственнаго строя и выясненіемъ политическихъ традицій.

Изучая революціи эпохи Возрожденія, мы находимъ въ нихъ страсти, духъ и языкъ французской революціи. Брутъ судитъ тирановъ, лигисты противопоставляютъ протестантскому королю древнее правило о господствѣ народа. Даже отвергавшіе вліяніе Рима кальвинисты утверждали, что они вернулись къ чистому источнику христіанской мысли; они ссылаются на догматы, вдаются въ отвлеченности и приходятъ къ выводамъ, руководясь тою же методою, какъ и ихъ противники, и ни мало не смущаясь ею. Этотъ духъ, въ одно и то же время восторженный и тонко-аналитическій, разсудочный и страстный, встрѣчаемъ мы у героевъ Корнеля, несмотря на ихъ роскошную классическую драпировку. Съ наибольшею пылкостью онъ проявляется въ мемуарахъ Реца. «Народъ издавалъ громкіе крики: нѣсколько голосовъ кричали даже: Республика!»⁹⁾

Въ 1648 г. въ церкви св. Людовика у іезуитовъ одинъ прелатъ, проповѣдуя передъ дворомъ, приводилъ въ качествѣ неотразимаго аргумента «естественное право, стоящее выше всѣхъ законовъ»¹⁰⁾. Прелатъ этотъ былъ Гонди, и вотъ на основаніи какихъ разсужденій онъ кинулся, очертя голову, въ революцію: «Я припоминалъ себѣ все, что мое воображеніе представляло наиболѣе яркаго и широкаго по своему замыслу; я допустилъ разсудокъ увлечься ролью вождя партіи, которая всегда такъ цѣняла меня въ жизнеописаніяхъ Плутарха... и отдался всѣмъ волненіямъ славы»¹¹⁾.

Эта характерная черта достигаетъ своей зрѣлости въ поэзіи Корнеля, въ политикѣ Ришелье, въ философіи Декарта. Затѣмъ она какъ бы собирается съ силами, сосредоточивается, углубляется въ себя и достигаетъ своего апогея у Людовика XIV, но затѣмъ начинаетъ ослабѣвать. Абсолютная монархія, *Политика* Боссюета, трагедія Расина—все это плоды, произшедшіе изъ того же зародыша и возросшіе на одномъ же стволѣ. Въ слѣдующемъ столѣтіи они падаютъ, вянутъ, сохнутъ и разлагаются. Государство мельчаетъ, мысль становится утонченнѣе; но улетучиваясь и паря высоко надъ земнымъ міромъ, въ то же время она распространяется съ болѣею быстротою и становится всеобщей. Но и эта выродившаяся мысль остается все-таки французскою; такого рода эволюція совершенно въ духѣ языка и характера этого народа.

⁹⁾ 2 partie, ch. XIII. 1649. Ed. Champollion. Paris, 1873.

¹⁰⁾ Ibid., ch. I, p. 153, note.

¹¹⁾ Ibid., ch. IV. 1648.

Жозефъ де-Местръ говорилъ французамъ:¹²⁾ «Двѣ особенности отличаютъ васъ отъ всѣхъ народовъ: духъ ассоціаціи и духъ прозелитизма. Всѣ ваши идеи національны и полны страстности. Мнѣ сдается, что пророкъ парисовалъ именно васъ своей чудесной кистью, когда сказалъ, двадцать пять столѣтій тому назадъ: «всякое слово этого народа—заговоръ»... Каждое мнѣніе, высказываемое вами передъ лицомъ Европы, подобно тарану, движутому тридцатью милліонами человѣкъ. Вѣчно движимые жаждой успѣха и вліянія, вы живете какъ бы исключительно для удовлетворенія этой потребности; а такъ какъ нація всегда обладаетъ и необходимыми для свершенія предопредѣленныхъ ей судебъ средствами, то и вы находите ихъ въ языкѣ, съ помощью котораго вы царите несравненно болѣе, чѣмъ посредствомъ вашего оружія, хотя послѣднее и покоряло вселенную. Это господство языка не зависитъ отъ его формы, оно такъ же старо, какъ и самъ языкъ, и еще въ тринадцатомъ столѣтіи одинъ итальянецъ писалъ по-французски исторію своего отечества, *потому что французскій языкъ употребляется въ свѣтъ и пріятіе для чтенія и слуха, чѣмъ всякій другой языкъ*.—«Опасная книга, написанная по-французски, равняется объявленію войны всей Европѣ»,—сказалъ Бона¹³⁾.

Дѣло въ томъ, что вся Европа говоритъ на этомъ языкѣ и понимаетъ его. «Большинство нѣмецкихъ ученыхъ—чернорабочіе, — пишетъ Фридрихъ; — французскіе же — артисты; вотъ почему французскія книги распространились такъ повсемѣстно и французскій языкъ замѣнилъ латинскій. Въ настоящее время, зная французскій языкъ, можно путешествовать по всей Европѣ»¹⁴⁾. Французскій языкъ подходитъ къ характеру восемнадцатаго вѣка, какъ латинскій — къ среднимъ вѣкамъ. Онъ упрощаетъ и обобщаетъ, онъ усваивается всѣми, какъ удачное математическое выраженіе. Это распространеніе французскаго языка и французскаго духа можно считать совершившимся фактомъ уже съ 1750 г., предшествовавшее столѣтіе подготовило его. Крайности и ошибки Людовика XIV способствовали этому не въ меньшей степени, чѣмъ самая слава его царствованія. Изгнанные Нантскимъ эдиктомъ французы, разойдясь по Европѣ, посѣяли въ ней духъ французскаго народа и работали для славы своей родины въ то самое время, когда она отвергала ихъ. Сами того не подозревая и страстно желая сражаться съ ней, они открывали новые пути для ея могущества. Они образовали въ Пруссіи колоніи, которыя въ моментъ великой революціонной борьбы сдѣлались центромъ французской партіи, нерѣдко даже очагомъ пропаганды, и во всякомъ случаѣ друже-

¹²⁾ *Soirées de St.-Petersbourg*, 6-me entretien.

¹³⁾ SAINT-EUVE. *Causeries du Lundi*, t. IV, статья Bonald.

¹⁴⁾ *Histoire de mon temps*, ch. I.

скимъ пріютомъ ¹⁵⁾. Когда власти, порожденные революціей, вздумали вернуться къ политическимъ традиціямъ Ришелье, примѣняя ихъ къ своимъ принципамъ и страстямъ, они нашли въ Германіи замѣчательное сочувствіе къ своимъ намѣреніямъ, и это было весьма понятно: государственные люди, съ которыми они вели переговоры, учились исторіи у того же историка и заимствовали у своихъ учителей-эмигрантовъ вмѣстѣ съ языкомъ и традиціи французской политики.

Въ 1783 г. берлинская академія предложила на конкурсъ вопросъ: «Что сдѣлало французскій языкъ всемірнымъ?» Ривароль отвѣчалъ: «Искренность, соединенная съ духомъ этого языка и дѣлающая его единственнымъ въ мірѣ. Точный, общественный и разумный, онъ пересталъ быть французскимъ, сдѣлавшись языкомъ всего человѣчества». Сочиненіе Ривароля было признано лучшимъ, и онъ получилъ премію. Такимъ образомъ берлинская академія санкціонировала прерогативы французскаго духа, которыми Франція давно владѣла въ цивилизованномъ мірѣ.

Французскій языкъ—языкъ мыслителей, интернаціональное выраженіе міровыхъ идей. Желаящій подѣлиться своей мыслью съ человѣчествомъ, излагаетъ ее по-французски. Такъ Формей, ученикъ Вольфа, напечаталъ *La belle Wolfienne* и *Abregé* сокращенное изложеніе сочиненій своего учителя; Бильфельдъ пишетъ по-французски свои *Institutions politiques*, назначенныя для поученія германскихъ государей и дипломатовъ. Гиббонъ пишетъ на французскомъ языкѣ свою первую книгу; Ваттель, служа при саксонскомъ дворѣ и обращаясь преимущественно къ нѣмцамъ, пишетъ по-французски свой знаменитый трактатъ *Du droit de la nature et des gens*. Можно было бы составить очень поучительную и интересную книгу о французской литературѣ за-границей въ 18-мъ столѣтіи ¹⁶⁾.

Кромѣ того, французскій языкъ—языкъ государей и дипломатіи. Отправляя въ 1770 г. посланника въ Берлинъ, Кауницъ считаетъ необходимымъ написать инструкцію на французскомъ языкѣ, такъ какъ «съ королемъ прусскимъ принято говорить на этомъ языкѣ». Тому же обычаю слѣдуютъ при дворахъ польскомъ, шведскомъ, почти по всей Германіи и даже при вѣнскомъ дворѣ.

Фридрихъ, Екатерина II, Марія-Терезія, Іосифъ II, Леопольдъ, несмотря на свое германское происхожденіе, пишутъ другъ другу по-французски. На этомъ же языкѣ пишетъ и Мерси свои конфиденціальныя донесенія императрицѣ-матери о Маріи-Антуанетѣ и ея жизни въ Франціи. Элегантное

¹⁵⁾ SCHICKLER. *Les églises du refuge*. Paris, 1882.—SAYOUS. *Histoire de la littérature à l'étranger depuis le commencement du dix-septième siècle*. Paris, 1853.

¹⁶⁾ SAYOUS. *Le dix-huitième siècle à l'étranger*.

общество не знаетъ иного языка. Дипломаты въ своихъ совѣщаніяхъ пользуются имъ же. Французскій языкъ — языкъ разговорный, а въ дипломатіи бесѣды имѣютъ первенствующее значеніе. Манифесты, ноты, трактаты пишутся на французскомъ языкѣ: желая обратиться къ Европѣ, пользуются опять-таки французскимъ языкомъ, и притязанія соперниковъ смолкаютъ передъ этимъ признаннымъ превосходствомъ. Кромѣ того, въ важныхъ случаяхъ необходимо быть яснымъ и понимать другъ друга; если этого не бываетъ, то только умышленно ¹⁷⁾. Нельзя сказать, чтобъ обычай употребленія французскаго языка происходилъ вслѣдствіе хотя бы безмолвнаго соглашенія. Его ввела самая сила вещей. Отъ времени до времени поднимаются протесты, ссылаются на права и привилегіи другихъ языковъ, при чемъ, создавая новые прецеденты, объявляютъ, что ихъ не надо принимать въ расчетъ. Таковъ союзный трактатъ между Франціей и Австріей 1757 г.: къ нему прибавляютъ секретную статью, гласящую, что договоръ написанъ по-французски только потому, что нѣмцы этого желаютъ ¹⁸⁾. Тѣмъ не менѣе обычай установился, и основаніе его очень ясно обрисовано въ депешѣ французскому уполномоченному на германскомъ сеймѣ. Нѣмцы жаловались, что имъ не писали на латинскомъ языкѣ, который былъ официальнымъ языкомъ Священной Имперіи. «Напрасно стали бы предполагать, — говорило по этому поводу французское правительство, — что мы, сохраняя прежній обычай, имѣемъ притязаніе дать преобладаніе французскому языку и принудить къ тому другія націи: онѣ вольны употреблять свой собственный, какъ и мы вольны говорить на своемъ. Если за это послѣднее время французскій языкъ получилъ

¹⁷⁾ Трактаты о раздѣлѣ Польши составлены на французскомъ языкѣ: ковенная дань политики честности языка.

¹⁸⁾ Отдѣльная статья трактата 1-го мая 1757: «Рѣшено, что употребленіе французскаго языка въ экземплярахъ трактата, подписаннаго сегодня, а также въ актахъ соглашенія, послужить примѣромъ, могущимъ нанести ущербъ которой-нибудь изъ высокихъ договаривающихся сторонъ, и что впредь будутъ сообразоваться съ тѣмъ, что соблюдается и должно соблюдаться относительно и со стороны тѣхъ державъ, которыя имѣютъ обыкновеніе и желаніе давать и получать экземпляры подобныхъ трактатовъ не на французскомъ, а на другомъ языкѣ». — Ср. статью СХХ окончательнаго акта вѣнскаго трактата 1815: «Такъ какъ французскій языкъ исключительно употреблялся во всѣхъ экземплярахъ лежащаго трактата, то державы, участвующія въ немъ, признали, что употребленіе этого языка не должно имѣть послѣдствій въ будущемъ, и каждая держава предоставляетъ себѣ въ будущихъ переговорахъ и конвенціяхъ употреблять тотъ языкъ, которымъ пользовалась до сихъ поръ въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ, при чемъ нельзя ссылаться на настоящій трактатъ, какъ на примѣръ, противный установившимся обычаямъ».

преобладание, то только потому, что онъ распространенъ по всей Европѣ, потому что онъ отличается точностью и потому, что латинскій языкъ... уже не принятъ въ политическихъ сношеніяхъ и, такъ сказать, сосланъ въ коллегіи и университеты» ¹⁹⁾: Авторъ *Institutions politiques* констатируетъ этотъ фактъ и говоритъ, что государственному мужу уже не можетъ быть дозволено ломать французскій языкъ. Тѣмъ не менѣе, въ искаженіяхъ не будетъ недостатка. Подъ вліяніемъ чужеземныхъ условій, разливаясь по свѣту, языкъ теряетъ чистоту и прозрачность первоначальнаго источника. Въ разноплеменномъ обществѣ европейскихъ государствъ каждый прииспосабливаетъ къ индивидуальнымъ, расовымъ особенностямъ этотъ иностранный инструментъ, которымъ научились владѣть. Съ французскимъ языкомъ случилось то же, что и съ замѣненнымъ имъ латинскимъ. Явился стиль *рефюжэ*, стиль европейскій, добродѣтельный, чувствительный и философскій, который относится къ языку Вольтера и Руссо, какъ средне-вѣковъ жаргонъ къ языку Цицерона.

Но здѣсь дѣло не въ словарѣ или грамматикѣ; важно то, что всякое слово, идущее изъ Франціи, находитъ доступъ къ человѣческому сердцу. Это фактъ, который даетъ удивительные результаты даже въ области политики. «Просвѣщенная» Европа не ограничивается тѣмъ, что мыслить по-французски о всемірныхъ идеяхъ, изучаетъ по-французски мировую науку, учитъ по-французски свою собственную исторію. *L'Essai sur les moeurs* и *Le siècle de Louis XIV*—блестящіе руководства, изъ которыхъ свѣтскіе люди, государи и политики черпаютъ общій запасъ своихъ историческихъ знаній. Несмотря на то, что съ теченіемъ времени отпечатокъ поистерся, слѣды его еще замѣтны. Справедливо указывали на слабыя стороны Вольтера, на его дурные поступки по отношенію къ родинѣ, но историкъ въ немъ гораздо выше человѣка. Главная идея, особенно въ *Le siècle de Louis XIV*, вполне французская. Образованная Европа разсматриваетъ собственную исторію именно съ этой точки зрѣнія, и это даетъ въ результатъ въ высшей степени благоприятное для Франціи положеніе. Когда послѣ пропаганды своихъ дѣйствій, она захотѣла впоследствии расширить свое владычество, то нашла Европу столь же близко знакомой съ ея политическими воззрѣніями, какъ нѣкогда съ ея социальными идеями и столь же дисциплинированную, такъ сказать, для ея управления, какъ нѣкогда по отношенію къ сдѣланной ею революціи.

Однѣ книги не могли дать такого результата, нужно было горячее слово, живая пропаганда, наконецъ эмиссары. Ихъ легіонъ, они разсыпаны по всей Европѣ; Вольтеръ подаетъ сигналъ: Дидро путешествуетъ по Голландіи и проникаетъ въ Россію; д'Аламберъ возитъ по свѣту свой

¹⁹⁾ Отъ 18 февраля 1792 г. Иностранныя дѣла.

лучезарный умъ, Рейналь—свое «провидѣніе», Кондильякъ—свою методу и свои изумительные способы точнаго изслѣдованія. Что касается до бродячихъ полубоговъ, то списокъ ихъ былъ бы слишкомъ длиненъ. Какой нибудь Бернардень де-Сенъ-Пьеръ отправляется въ Россію, чтобъ играть тамъ роль законодателя: бродитъ по Польсѣ и въ этихъ неблагодарныхъ странахъ, среди неудачъ и разочарованій, ищетъ самого себя и развиваетъ свою гениальность, которая проявится въ полномъ блескѣ лишь позднѣе, на Иль-де-Франсѣ. Какой-нибудь Дюмурье шатается по всемъ проселочнымъ дорогамъ и останавливается во всехъ трактирахъ; то отправляется съ котомкой за плечами и палкой въ рукѣ въ Италію; то упражняется въ интригахъ въ Испаніи; то участвуетъ въ междоусобной войнѣ на Корсикѣ; то—въ польскихъ волненіяхъ, въ ожиданіи того часа, когда случай передастъ въ его руки честь и счастье его родины. Къ учителямъ, которыхъ приглашаютъ и чествуютъ, къ незнакомцамъ, которые гранятъ мостовую и стучатся въ двери, присоединяются любопытные, которые хотятъ посмотрѣть свѣтъ и поучиться. Прибавьте еще иностранцевъ-космополитовъ, дипломатовъ-военныхъ, ученыхъ, философовъ, публицистовъ, которые изъ этой разбѣянной по лицу Европы Франціи создаютъ себѣ нѣчто въ родѣ условнаго отечества; со временъ Морица Саксонскаго до эпохи Гримма, Франція призываетъ къ себѣ всехъ; шла даже рѣчь о томъ, чтобъ заманить Гете, еще въ бытность его студентомъ, въ секретари нѣмецкаго посольства въ Версалѣ. Наконецъ, мутный и шумный рой вѣстовщиковъ, журналистовъ, спекуляторовъ, тайныхъ агентовъ, всякаго рода ажіотеровъ и факторовъ, которые, работая въ подпольяхъ, тѣмъ не менѣе роютъ русло, по которому потекутъ великія воды.

«Настало время сказать: французскій міръ», говоритъ одинъ современникъ ²⁰⁾. Подобно всемъ завоевателямъ, французы возбуждаютъ въ одно и то же время и восхищеніе и страхъ. Имъ льстятъ и завидуютъ, ихъ господство выносятся съ глухимъ раздраженіемъ и тайнымъ стремленіемъ избавиться отъ него. Французы удивляютъ, импонируютъ, порою приводятъ въ восторгъ, но чаще забавляютъ; не могу сказать, что ихъ любятъ, а въ особенности, чтобъ любили ихъ отечество. Только крайнее непостоянство и частыя недомоганія версальскаго правительства успокаиваютъ Европу насчетъ политическихъ послѣдствій такого необычайнаго распространения французскаго гения. Европа пользуется этимъ и злорадно торжествуетъ, думая что, разбрасываясь, французы ослабляютъ себя. Это сужденіе страдаетъ близорукостью. Интеллектуальное лучеиспусканіе Франціи въ восемнадцатомъ столѣтіи не есть уклоненіе отъ правильнаго роста—напротивъ—это его естественное и послѣдовательное развитіе. Франція продол-

²⁰⁾ RIVAROL, *Discours sur l'universalité de la langue française*.

жасть царствовать въ томъ духѣ, который приличенъ времени. Ея счастье, что великія эпохи ея исторіи были великими эпохами и для новѣйшаго общества. Она предложила Европѣ высшій типъ національной и государственной цивилизаціи; нація продолжаетъ и завершаетъ трудъ государства. «Въ семнадцатомъ вѣкѣ, на Европу влияетъ французское правительство, въ восемнадцатомъ—французское общество», сказалъ Гизо ²¹⁾. Прежде чѣмъ столѣтіе кончилось, государство собрало то, что посѣяла нація.

II.

Для того чтобы подчиниться этому чисто нравственному господству Франціи, необходимо была предварительная подготовка и дисциплина. Такою подготовкою послужило единообразіе воспитанія. Никогда еще сходство между образованными людьми не достигало такой степени. Руссо указывалъ на этотъ фактъ и находилъ его прискорбнымъ. «Въ настоящее время, писалъ онъ въ 1772 году, нѣтъ ни французовъ, ни нѣмцевъ, ни испанцевъ, ни даже англичанъ, есть только европейцы. У всѣхъ одни и тѣ же вкусы, тѣ же страсти, тѣ же нравы, потому что никто не получилъ національнаго воспитанія въ своеобразномъ учрежденіи» ²²⁾. Всѣ они выходятъ изъ однихъ и тѣхъ же школъ, въ которыхъ методъ обученія былъ совершенно отвлеченный, а преподаватели принадлежатъ къ космополитическому ордену. До 1762 г. великими воспитателями Европы были іезуиты: изгнанные изъ католическихъ государствъ, они продолжаютъ учить диссидентовъ, и даже тамъ, гдѣ ихъ изгнали, продолжаютъ имъ подражать. Іезуиты представляютъ шедевръ классическаго духа; они всего сильнѣе способствовали его распространенію и подготовили его господство. И такъ какъ это духъ самаго вѣка, то самые пламенные противники іезуитовъ были ихъ самыми рабскими подражателями. Философы обращаютъ противъ іезуитовъ ихъ собственные логическіе приемы. Якобинцы усваиваютъ ихъ мудрую организацію, безпощадную дисциплину и воспользуются всѣми ихъ средствами пропаганды для распространенія революціонныхъ принциповъ ²³⁾.

Незнатные дворяне и буржуа поступаютъ въ учебныя заведенія; у аристократовъ и принцевъ преподавателями состоятъ священники-философы или философы, вышедшіе, въ большинствѣ случаевъ, изъ духовныхъ школъ. Кондиллякъ составляетъ для герцога Пармскаго *Курсъ наукъ* и въ своемъ

²¹⁾ Guizot, *Civilisation en Europe*, leçon XVI.

¹⁾ *Gouvernement de la Pologne*, ch. III, et IV.

²⁾ MALLET DU PAN, *Mémoires et correspondance*. t. II, p. 135.—Taine, *La Révolution*. t. II, *Psychologie du jacobin*.—ANDRÉ CHÉNIER, *Oeuvres en prose*, p. 311. Paris, 1872.

Трактатъ объ искусствѣ писать даетъ своему августѣйшему ученику, какъ примѣръ слога, слѣдующія фразы: «Просвѣщенный государь убѣжденъ, что всѣ люди равны» ³⁾. По словамъ Рюльера, «въ Петрѣ III воспитывали любовь къ равенству». У внука его Александра воспитателемъ былъ Лагарпъ, другъ человѣчества и просвѣщенія. Въ Швеціи, при Густавѣ III, высшій свѣтъ восторгается «Эмилемъ», который становится программой просвѣщеннаго воспитанія.

По окончаніи средняго образованія, всѣ тѣ, кто не избираетъ поприщемъ военную службу, поступаютъ въ университеты, съ цѣлью изученія юридическихъ наукъ. Страсбургскій университетъ былъ особенно знаменитъ во всей средней Европѣ; профессорами тамъ были, между прочимъ, Шенфлинъ и Кохъ. Молодые французы прѣзжали туда знакомиться съ Европой. Мы встрѣчаемъ въ числѣ студентовъ: Талейрана, Нарбонна, Сегюра, Траси, Рейневала, Биньона; они сталкивались съ мододыми нѣмцами, прѣзжавшими изучать Францію, и рядомъ съ именами Гете и Гердера мы встрѣчаемъ не мало будущихъ дипломатовъ, между прочимъ Меттерниха, который жилъ въ Страсбургѣ въ 1788, и Кобенцеля. Такимъ-то путемъ французскія доктрины проникли въ Германію; такъ готовилась школа профессоровъ и легистовъ, которая сдѣлалась ядромъ французской партіи въ Майнцѣ, и образовались тѣ связи, которыя впоследствии облегчили завоеваніе лѣваго берега Рейна.

Чисто французское воспитаніе, которое получали свѣтскіе люди, завершаетъ дѣло коллежей и университета. «Я много разъ повторялъ и искренно думаю,—пишетъ лордъ Честерфильдъ,—что если французъ соединяетъ съ добродѣтелью, эрудиціей и здравымъ смысломъ манеры и вѣжливость, отличающія его отечество, то онъ—совершенство человѣческой природы». Европейское общество воспроизводитъ болѣе или менѣе совершенно общество французское. Даже въ Веймарѣ, гдѣ послѣднюю треть столѣтія преобладалъ германскій гений, мы находимъ всѣ черты, отличающія образованное общество Парижа, хотя несомнѣнно въ болѣе серьезной и сдержанной формѣ. Та же страсть къ наукѣ, то же увлеченіе новшествами, то же стремленіе къ развитію ума, та же жизнерадостность, то же омыаніе иллюзіями, нерѣдко смѣшанное съ такимъ же насмѣшливымъ и язвительнымъ скептицизмомъ. Умиляются и издѣваются; смѣются съ Вольтеромъ, возвращаясь послѣ прогулки съ Руссо. Чувствительность царитъ вездѣ, но безвѣріе было всеобщимъ. Академія, основанная въ 1786 кельнскимъ курфиретомъ, была философскою. Въ католической Германіи небрежность религіознаго образованія, въ соединеніи съ легкостью нравовъ, порождаетъ религіозный индифферентизмъ. Легкомысліе французовъ служить имъ охраной отъ край-

³⁾ Livre I, ch. II.

ностей их собственной мысли, и въ Европѣ эта мысль царить деспотичнѣе, чѣмъ въ самой Франціи.

Не только духъ революціи, но и излюбленныя выраженія ея господствуютъ въ образованномъ европейскомъ обществѣ еще до революціи, благодаря французскимъ писателямъ, которые сами перевели эти слова съ латинскаго: *Sous un roi citoyen, tout citoyen est roi* (при королѣ гражданинѣ, всякій гражданинъ—король) принадлежали сыну Расина ⁴⁾.

Боссюетъ въ своей *Politique* ⁵⁾, въ главѣ *о любви къ отечеству*, объявляетъ: «Надо быть гражданиномъ и жертвовать отечеству всѣмъ, что есть самага дорогого». Трагедіи Вольтера пропагандировали эти формулы; Руссо придать имъ новую свѣжесть. Прежде чѣмъ сдѣлаться очереднымъ вопросомъ въ революціонныхъ собраніяхъ, добродѣтель была вопросомъ моды въ высшемъ европейскомъ свѣтѣ. Только и было рѣчей, что о гражданахъ и патриотахъ ⁶⁾. Государи гордятся этими наименованіями. «За королеву стоятъ всѣ имперскіе князья, эти истинные патриоты»,—пишетъ въ 1742 одинъ агентъ лотарингскаго дома ⁷⁾. Въ письмѣ, адресованномъ русскимъ правительствомъ австрійскому посланнику въ С.-Петербургъ и сообщающемъ о низложеніи Петра III, говорится: «Ея Величество Императрица, вступивши сегодня на престолъ всея Россіи, чтобъ исполнить желанія всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ и истинныхъ патриотовъ имперіи, повелѣла сообщить объ этомъ всѣмъ иностраннымъ резидентамъ при ея дворѣ» ⁸⁾. Просматривая переписку государей, ихъ манифесты и въ особенности пасквилы, которые они сочиняли или поручали сочинять по адресу своихъ противниковъ, представляешь себя въ Парижѣ, среди самага разгара революціонной трагедіи.

Прислушайтесь къ этимъ словамъ: «Неужели его величество можетъ подавать мнѣ одною рукою свое царственное сердце, а другою—кинжалъ». Вамъ кажется, что вы слышите министра «патриота», покинутого и отданнаго на жертву дворомъ. Нѣтъ—это германскій императоръ, легкомысленный баварецъ Карлъ VII, обращается къ Флери, жалуясь, что его покинули. «Съ какой подлой дрянью приходится намъ имѣть дѣло,—восклицаетъ другой,—и какимъ образомъ можемъ мы, окруженные такими низкими

⁴⁾ Слова эти были сказаны королю при возвращеніи его изъ Меца въ Парижъ въ 1744 году.

⁵⁾ Livre I article 6.

⁶⁾ «Vauban, aussi bon patriote, que grand preneur de places», SAINT-SIMON, *Parallèle*, p. 277. LITTRÉ, art. *Patriote*. Въ 1746 въ Брестѣ спустили на море корабль *Citoyen*.

⁷⁾ Отъ маркиза Стенвиля Флери, приведено герцогомъ Броули въ его книгѣ *Frédéric II et Louis XV*, t. II, p. 43.

⁸⁾ Archives des Affaires étrangères.

и продажными негодаями, поддержать конституцію... и противиться отчаянному разбою этого вѣнскаго тирана» ⁹⁾. Не думайте, что это Бриссо обвиняетъ съ трибуны *австрійскій комитетъ*;—это прусскій король пишетъ одному изъ своихъ министровъ ¹⁰⁾. А вотъ рѣчи, которыя могъ бы произнести въ концѣ 1792 какой-нибудь великодушный жирондистъ, обращаясь къ чужеземному народу, борющемуся за свою независимость: «Противиться гнету, спасать отечество отъ несправедливыхъ захватовъ, сражаться за свободу—вотъ въ чемъ заключается ваша дѣятельность передъ лицомъ Европы въ теченіе долгихъ лѣтъ. Обязанность каждаго человека повелѣваетъ поддерживать тѣхъ, кто проявляетъ такіа высокія, благородныя и естественныя чувства. Счастливы тотъ, кто въ состояніи въ лицѣ нашемъ поддержать добродѣтель истинныхъ гражданъ, великихъ душъ!..» Это великая Екатерина поздравляетъ Наоли ¹¹⁾. А, наконецъ, въ заключеніе прочтите страничку изъ памфлета Фридриха, написаннаго въ 1760 ¹²⁾, и скажите, развѣ не слышится въ ней тонъ Камилля Демулена, пишущаго о заговорѣ королей противъ Франціи, въ его *Révolutions de France et de Brabant*: «Какая разница между сообществомъ какихъ-то неизвѣстныхъ разбойниковъ, которые совершать нѣсколько убійствъ и ограбятъ нѣсколькихъ честныхъ людей, и союзомъ, украшенномъ громкими именами, цѣль котораго опустошить Европу войной, чтобъ ограбить государя, опирающагося единственно на свои собственные силы? Ваши министры дѣйствуютъ подкупами и происками при европейскихъ дворахъ, добывая соучастниковъ для своихъ преступленій; они увѣряютъ однихъ, что добыча будетъ богата, другимъ обѣщаютъ львиную долю и, наконецъ, возбуждая честолюбіе и корысть третьихъ, имъ удастся образовать союзъ, гибельный для спокойствія Европы» ¹³⁾.

Республиканская риторика переходитъ изъ французской литературы въ иностранную. Альфіери пишетъ противъ ненавистныхъ для него французовъ сочиненія, въ которыхъ имъ же подражаетъ. Его театральныя пьесы чисто классическія; дѣйствующія лица въ нихъ совершенно абстрактны;

⁹⁾ Впрочемъ обычай называть тиранами своихъ противниковъ беретъ свое начало у классиковъ, и самые серьезные авторы пользуются имъ. Бальзакъ въ своей книгѣ *le Prince*, представляющей понегирикъ Людовику XIII расхваливаетъ его итальянскій походъ. Въ главѣ XVIII онъ рассказываетъ, что, перейдя Альпы, «онъ открываетъ двери темницъ цѣлой націи и возвѣщаетъ тѣмъ, которые страдаютъ отъ тирановъ, что ихъ освободитель пришелъ». Однимъ изъ политическихъ правилъ д'Аржансона было: «Уничжать тирановъ», *Mémoires*, t. IV, p. 135.

¹⁰⁾ RANKE, *Die deutschen Mächte*, t. II, p. 242.

¹¹⁾ RAMBAUD, *Etudes sur Catherine II* (Revue des deux Mondes).

¹²⁾ *Lettres d'un Suisse. Oeuvres*, t. XV.

¹³⁾ Сравните въ *Louvois*, Руссе, пасквили Шамлэ противъ коалиціи, t. I, p. 5, 26. t. III, p. 224; t. IV, p. 376, 377, 395, 398.

посредством своих трагедій онъ думаетъ сдѣлать людей «свободными, сильными, великодушными», возбудить въ нихъ энтузіазмъ «добродѣтели, любовь къ отечеству», научить ихъ сознанію своихъ правъ. Въ 1789 онъ пишетъ трактатъ противъ тиранніи ¹⁴⁾. Въ Германіи поэты величаютъ Фридриха «отцомъ отечества». Другіе, менѣе льстивые, какъ напримѣръ, Штольбергъ, воспѣваютъ наступленіе свободы и изображаютъ ее въ видѣ потока, переполненного кровью тирановъ.

Сочиненія Шиллера въ эту эпоху—не что иное, какъ пламенная ода человѣчеству, искренняя и восторженная пѣснь свободы. Но блестящій стиль и новизна образовъ не должны закрывать сущности идеи: она вполнѣ республиканская, т. е. римская и классическая, какъ онъ самъ это высказалъ однажды ¹⁵⁾. Разбивая ветхую форму трагедіи, обновляя и оживляя обветшавшій театръ, Шиллеръ все-таки не избѣжалъ французскаго вліянія, и его стихи одушевлены тѣмъ же духомъ, какимъ впоследствии были проникнуты ораторы Учредительнаго собранія. *Разбойники*—драма слѣпой и фанатичной революціи ¹⁶⁾. *Коварство и Любовь*—горячая сатира противъ злоупотребленій власти, пороковъ знати, подлостей мелкихъ нѣмецкихъ князьковъ, грабившихъ свои государства и торговавшихъ своими подданными. «Въ глубинѣ души маркиза Позы лежитъ республиканская добродѣтель», писалъ Шиллеръ по поводу *Донъ-Карлоса*. Эту добродѣтель онъ проповѣдуетъ въ *Фіеско* и доводитъ ее до убійства тирана. Пьеса не имѣла успѣха. Шиллеръ приписывалъ это германской апатіи и суровой дисциплинѣ нѣмцевъ. «Республиканская свобода у насъ—пустыя слова,—говорилъ онъ,—въ жилахъ этого народа не течетъ ни одной капли римской крови!»

Англичане хвалились тѣмъ, что у нихъ этой крови меньше, чѣмъ у кого-либо, но тѣмъ не менѣе дыханіе вѣка повѣяло и на нихъ. Возникла философія природенныхъ идей, философія Локка, прозрачный и приторный ликеръ, который Вольтеръ дистиллируетъ и разливаетъ по всей Европѣ. Мутныя воды проникаютъ и въ Англію и текутъ тамъ ручьями. Онѣ порождаютъ ту же горячку разрушенія и возсозданія, которая овладѣла континентомъ: «Деизмъ, атеизмъ, матеріализмъ, скептицизмъ, идеологія, теорія

¹⁴⁾ *Vita di Alfieri*. Ероса III, ch. IV, Ep. VI, ch. XIII.

¹⁵⁾ Письма о Донъ-Карлосѣ Шиллера, письмо II.

¹⁶⁾ «Законъ еще никогда не создавалъ великаго человѣка, говоритъ Карлъ Мооръ, только свобода рождаетъ колоссовъ. О! Еслибъ духъ Армінія тлѣлъ подъ пенломъ. Стоило бы ему собрать отрядъ изъ такихъ какъ я, и Германія стала бы республикой, рядомъ съ которой Аѳины и Спарта показались бы женскимъ монастыремъ». *Разбойники*, актъ I, сцена II, 1782. Брошюра вышла въ свѣтъ съ фронтисписомъ, изображающимъ бѣшеннаго льва и съ надписью: *In Tyrannos*.

возврата къ природѣ, провозглашеніе правъ человѣка, все смѣлыя положенія Болингброка, Тиндаля, Мандевилля, вся отвага Гартлея, Бентама, однимъ словомъ вся наличность революціонныхъ ученій ¹⁷⁾. Прибавьте къ этому вліяніе ораторовъ на государственное управленіе. При немъ такъ возможны злоупотребленія дутой реторики и отвлеченной логики. Это самая пригодная среда для преобладанія классицизма. Англичане знаютъ это по опыту ¹⁸⁾. При такомъ управленіи, по словамъ Маколея «въ политическомъ дѣятелѣ выше всего цѣнится даръ слова, а этотъ даръ можетъ быть въ высшей степени развитъ у человѣка, который не обладаетъ ни разсудительностью, ни мужествомъ, ни способностью понимать характеръ людей и знаменія времени, у человѣка, не знающаго основъ законодательства или политической экономіи и не имѣющаго никакихъ дипломатическихъ или военныхъ дарованій. Изъ королевскаго альманаха можно извлечь интересный списокъ канцлеровъ, не имѣвшихъ понятія о принципахъ справедливости, первыхъ лордовъ Адмиралтейства, не знакомыхъ съ первыми основами мореплаванія, министровъ колоній и лордовъ казначейства, не знающихъ разницы между консолидированнымъ и простымъ займомъ, секретарей индійскихъ дѣлъ, не знавшихъ кто такіе махраты *)—мусульмане или индусы».

Важно было не знаніе дѣлъ, а умѣніе говорить о нихъ въ томъ тонѣ, который нравился большинству собранія. Въ этомъ вожди парламента достигли совершенства. Фоксъ былъ краснорѣчивѣе отъ природы; съ неглубокимъ знаніемъ политической исторіи онъ соединялъ полное невѣжество въ естественныхъ наукахъ, финансахъ и торговлѣ, но онъ обладалъ великодушной душой, увлекательной рѣчью, характерностью, обаяніемъ, а главное—тщательнымъ изученіемъ образцовъ древности. Такова же была сущность таланта Борка, соединенная съ рѣдкой силой діалектики. Въ своихъ рѣчахъ или, вѣрнѣе сказать, диссертацияхъ онъ побивалъ революціонныя отвлеченности отвлеченностями монархическими, и въ этомъ надо искать причину того сильнаго впечатлѣнія, которое онъ производилъ на своихъ современниковъ и даже на французовъ. Эскинъ и Шериданъ были патетичны и умѣли потрясать свою аудиторію великими трагическими эффектами. Дебаты англійскаго парламента знамениты и заслужили свою славу, но его ораторы витѣствовали на классическій ладъ, и это важно выяснитъ.

¹⁷⁾ Taine. *Histoire de la littérature anglaise* liv. IV, ch. I. Paris 1863.

¹⁸⁾ Маколей. *Вильямъ Пумпъ, Лордъ Чатамъ*. Т. 5. May, t. I.—Stanmore, *Vie de Pitt*. t. I.—Rémusat. *L'Angleterre au dix-huitième siècle*. Paris 1856.

*) Махраты или маграты—весьма могущественное въ XVIII вѣкѣ племя въ Индостанѣ, нынѣ покоренное, большею частью, англичанами. Это воинственное племя происходитъ отъ раджутовъ. Исповѣдуетъ браманизмъ.

Одинъ молодой французъ, путешествуя по Англіи въ 1754 году, отправился въ парламентъ. Лордъ Эгмонтъ возставалъ противъ билля, требующаго усиленія арміи, и называлъ его опаснымъ для свободы. Онъ «говорилъ съ гордостью истиннаго республиканца», писалъ нашъ путешественникъ, только что вышедшій изъ коллежа¹⁹⁾.

Вглядимся теперь не въ ораторовъ оппозиціи, а въ представителей правительства и знаменитѣйшихъ политиковъ. Та же основа, та же культура, приносящая плоды еще болѣе существенные и растущіе на болѣе крѣпкомъ стволѣ. Лордъ Чатамъ не зналъ ничего вполне хорошо, онъ не изучалъ никакого предмета; юридическія науки были ему такъ же чужды, какъ и финансы, онъ даже не зналъ устава палаты общинъ. Но это былъ дивный ораторъ: онъ имѣлъ все, что плѣняетъ собраніе. Онъ обладалъ «необыкновенной способностью внушать массамъ любовь и довѣріе краснорѣчіемъ, которое плѣняло слухъ, горячило кровь въ жилахъ и наполняло глаза слезами». Онъ излагалъ плохо, расточалъ смутные образы и разливался въ пылкихъ упрекахъ; эти «театральныя привычки» такъ въѣлись въ него, что онъ не могъ отъ нихъ избавиться даже въ совѣтѣ. Его смерть въ парламентѣ, въ самый разгаръ войны, во время кризиса, среди торжественныхъ дебатовъ, была послѣднимъ театральнымъ эффектомъ. Ни одна классическая трагедія не давала своимъ зрителямъ такой грандіозной катастрофы, какъ та, которая въ тотъ самый день поразила ужасомъ палату лордовъ.

Лорда Чатама сравнивали съ Демосфеномъ; онъ воспиталъ своего сына на рѣчахъ афинскихъ ораторовъ. Образованіе Вильяма Питта было исключительно классическое: древніе авторы съ примѣсю элементарныхъ математическихъ понятій. Его отецъ давалъ ему читать избранные образцы краснорѣчія, проповѣди, упражнялъ его въ искусствѣ произносить общія мѣста и многословныя рѣчи, упражнялъ его также въ мимикѣ и театральныхъ жестахъ. Поступивъ въ Кембриджъ, Питтъ занимался только ораторскимъ искусствомъ; изучалъ Квинтиліана, разбиралъ рѣчи Фукидида, Саллюстія, Тита Ливія; онъ выписывалъ изъ нихъ цѣлыя тетради блестящихъ фразъ и удачныхъ выраженій. Въ промежуткахъ между ученіемъ сочинялъ трагедію и, чтобъ укрѣпить умъ, читалъ *Опытъ* Локка о разумѣ. Вотъ и весь умственный багажъ, съ которымъ онъ въ двадцать три года вступилъ въ парламентъ и ринулся въ битву. Съ этого времени онъ пересталъ учиться, не имѣя времени; онъ пріобрѣталъ знанія, изо дня въ день урывками, разговорами, смотря по тому, что требовалось политикой и что было нужно въ данную минуту. У него были секретари, которые опустошали для него архивы и дѣлали выписки изъ книгъ. Изъ ихъ записокъ

¹⁹⁾ Roussel. *Le comte de Gisors*. p. 58.

онъ почерпалъ сильные доводы и элементы рѣчи, а его краснорѣчіе дѣлало остальное. «Законодательство и администрація были для него вопросомъ второстепеннымъ»,—говоритъ Маколей.—Онъ не хотѣлъ жертвовать остатками своего времени или крохами своего блестящаго ума на обдумываніе законовъ, трактатовъ, на организацію флота, войска и экспедиціи. Вся сила и энергія его духа направлялись въ другую сторону. Когда требовалось увлечь и убѣдить палату общинъ, все его способности проявлялись въ полной силѣ. Въ искусствѣ управлять при парламентскомъ режимѣ никто не достигалъ такого совершенства». Это заставляетъ насъ вернуться ко Франціи и ея революціи.

III.

Общность образованія и интеллектуальной культуры создастъ близкое сродство между современниками. «Я съ удовольствіемъ вижу,—писалъ Вольтеръ одному русскому въ 1767 г.,—что въ Европѣ образуется громадная республика просвѣщенныхъ умовъ». Французскіе философы и ихъ ученики—первые граждане этой республики; все признаютъ за ними это качество и во всякомъ образованномъ обществѣ они свои люди, если только не нарушаютъ приличій, являясь въ него. Разъ это вошло въ обыкновеніе, оно останется и тогда, когда революція поставитъ учениковъ этихъ философовъ во главѣ правленія. Какъ только она организуетъ правильную власть, старая Европа войдетъ охотно въ сношенія съ тѣми, кто будетъ держать эту власть въ своихъ рукахъ; собственно говоря, она только возобновитъ со старыми знакомыми прерванную на время связь. Какъ ни жестокъ былъ кризисъ, онъ не могъ порвать единенія, созданнаго вѣковой цивилизаціей. Всмотрѣвшись ближе въ это положеніе вещей, мы уяснимъ себѣ наиболѣе изумительные съ перваго взгляда факты исторіи революціи.

Плебейское происхожденіе французскихъ республиканцевъ не пугаетъ Европу. Она уже давно привыкла къ выскочкамъ. Я говорю здѣсь не только о людяхъ, которыхъ выдвинуло богатство,—за тѣми всегда ухаживали¹⁾,—или интриганахъ, которыхъ всегда охотно принимали; я говорю о тѣхъ, кто возвысился, благодаря своимъ политическимъ и военнымъ дарованіямъ или своему мужеству. Государство научилось отъ церкви брать своихъ слугъ отовсюду; разъ оно возвышало ихъ до себя, оно считало ихъ достойными довѣрія. Ве-

¹⁾ Въ эту пору всеобщаго разоренія за ними ухаживали болѣе, чѣмъ когда-либо. «Одержавъ побѣду—ничего не значить,—писала Великая Екатерина;—имѣть землю—это уже что-нибудь, деньги—это все. Богатство имѣетъ очень странную власть надъ человѣческимъ родомъ, такъ какъ сами монархи уважаютъ разбогатѣвшихъ». *Изданіе російскаго историческаго общества*. Т. II.

ликіе политики времяъ Возрожденія—Хименесъ, Вольсей, Лопиталь, были разночинцы. Папа Сикстъ V происходилъ изъ крестьянъ. Въ семнадцатомъ вѣкѣ Европа въ продолженіе десяти лѣтъ подчинялась волѣ англійскаго *country gentleman* а и неаполитанскаго авантюриста. Тотъ и другой стояли на равной ногѣ съ королями. Кромвель выдалъ своихъ дочерей за лордовъ, изъ которыхъ одинъ — Фоконбриджъ былъ посланникомъ при французскомъ дворѣ, а Мазарини вся Европа называла тайнымъ супругомъ Анны Австрійской.

Самые знаменитые министры, напримѣръ Ришелье, не важные господа: большинство изъ нихъ—адвокаты или разночинцы, какъ Лувуа, Кольберъ, Люианъ и весь этотъ кортежъ «презрѣнной буржуазіи», которымъ окружалъ себя Людовикъ XIV. Нужно ли напоминать ставшія классическими имена тѣхъ посредниковъ, которые, начиная съ президента Жанена и кончая Бартеlemi, образуютъ непрерывную цѣпь дипломатовъ изъ буржуазіи. Дюбуа былъ плутъ, тѣмъ не менѣе папа сдѣлалъ его кардиналомъ, а регентъ—первымъ министромъ. Штратманъ, канцлеръ Священной Имперіи при Леопольдѣ I, былъ простымъ адвокатомъ въ Жюльерѣ; Стелла, неаполитанецъ, котораго Карлъ VI сдѣлалъ своимъ совѣтникомъ, былъ сначала погонщикомъ муловъ, потомъ гайдукомъ, потомъ солдатомъ; въ 1715 г. мы встречаемъ его при вѣнскомъ дворѣ съ титуломъ графа. Тамъ въ совѣтѣ онъ знакомится съ маркизомъ Перла, который началъ свою карьеру простымъ сельскимъ нотаріусомъ въ окрестностяхъ Барцелоны. Бартенштейнъ, умершій въ 1767 г. съ титуломъ барона и блиставшій въ Вѣнѣ, былъ сыномъ учителя въ Страсбургѣ. Шпильманъ, бывшій довѣреннымъ лицомъ въ эпоху революціи, былъ сыномъ башмачкина, а Тугутъ, управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ это критическое время, былъ сыномъ мелкаго чиновника и воспитывался изъ милости. Я привожу въ примѣръ вѣнскій дворъ, такъ какъ онъ справедливо считался самымъ разборчивымъ. Прусскій же отличался полнѣйшимъ свободомысліемъ въ этомъ отношеніи; почти всѣ его агенты были люди не знатнаго происхожденія, получившіе дворянство или титулы ²⁾. Въ Испаніи, Альберони былъ сыномъ садовника, а Монино, министръ Карла III,—сыномъ нотаріуса; въ 1780 году ему дали титулъ Флорида-Бланка за заключеніе договора который передавалъ колонію этого имени во владѣніе Испаніи. Помбаль, всемогущій министръ въ Лисса-

²⁾ Фридрихъ-Вильгельмъ II, вступивши на престолъ, создалъ въ Кенигсбергѣ тринадцать графовъ; между ними былъ его министръ Герцбергъ; въ Берлинѣ—пять графовъ; изъ нихъ двое, Блументаль и Шуленбургъ, были министрами; двухъ бароновъ, двадцать четыре кавалера, между ними были Вельнеръ и Домъ; въ Бреславлѣ—одного принца и шесть графовъ, въ числѣ которыхъ былъ Гаугвицъ. Были еще другіе, получившіе дворянство. Ихъ прозвали «изъ восьмидесяти шести». RIPPSON, t. I, p. 178.

бонѣ, былъ мелкимъ дворяниномъ; ему дали титулъ графа, а потомъ маркиза. Струензе въ 1770 г. сдѣлался любимцемъ королевы и былъ назначенъ первымъ министромъ въ 1771 г. Я не буду говорить о Годоѣ; о его скандальной судьбѣ будетъ еще рѣчь впоследствии; не перечислю также многочисленныхъ фаворитовъ еще болѣе низкаго происхожденія, бывшихъ соучастниками дворцовыхъ заговоровъ и даже убійцами.

«Если при назначеніи на постъ министра принимаютъ въ расчетъ предразсудокъ происхожденія, то такой образъ мыслей я назову нефилософскимъ,—писалъ Вильфельдъ ³⁾. Воображаемые преимущества должны исчезнуть передъ мыслью о благѣ государства, и руководство общественными дѣлами должно вручать даровитымъ людямъ, а не тѣмъ, на сторонѣ которыхъ одна сомнительная заслуга происхожденія». Разночинцевъ дѣлали дворянами. Петръ Великій установленіемъ *чина* только систематизировалъ для новаго и полуварварскаго общества то, что дѣлалось въ старыхъ обществахъ континента. Не безъ ироніи принимала этихъ неофитовъ и приплесцовъ старинная аристократія, не вдругъ выпускались они въ ея замкнутый кругъ. Но эта замкнутость, исключительно свѣтская и партійная, соблюдалась только дома. За-границей, въ политическихъ сношеніяхъ и среди дипломатовъ были не такъ разборчивы. Тамъ не справлялись ни о древности титула, ни о древности рода. Чинъ замѣнялъ происхожденіе, а должность давала чинъ.

Вступленіе плебеевъ въ общество было все-таки исключеніемъ, но эти исключенія были такъ часты, что никто не удивился, когда Франція сдѣлала его правиломъ. Сверхъ того, государственные люди, выдвинутые революціей, установившіе ея главные принципы въ началѣ и организовавшие ее по окончаніи анархіи, вышли именно изъ тѣхъ семействъ образованной буржуазіи и изъ того парламентскаго міра, изъ среды котораго старый порядокъ уже давно выбиралъ своихъ интендантовъ, совѣтниковъ и даже министровъ. Они обладали той умственной культурой, которая сдѣлалась повсюду признакомъ свѣтскаго человѣка и благодаря которой всѣ свѣтскіе люди такъ сходны между собою, не только во Франціи; но и повсюду въ Европѣ ⁴⁾.

³⁾ BIELFELD, t. II, ch. II, § 25.

⁴⁾ «Буржуа былъ такъ же просвѣщенъ, какъ дворянинъ, и, что особенно важно, источникъ этого просвѣщенія былъ одинъ и тотъ же... Одинъ и тотъ же свѣтъ свѣтилъ обоимъ... Еще можно было замѣтить разницу между манерами дворянства и буржуазіи... Но, въ сущности, всѣ люди, стоящіе выше народа, походили одинъ на другого; у нихъ были однѣ и тѣ же идеи, одни и тѣ же вкусы, привычки и удовольствія. Они читали однѣ и тѣ же книги и говорили на одномъ и томъ же языкѣ. Они отличались другъ отъ друга только по своимъ правамъ». TOSQUEVILLE. *L'Ancien Régime*, liv. II, ch. VIII.

Они вполне подходили къ политическому обществу того времени, которое приняло бы ихъ къ себѣ даже до революціи ⁵⁾; послѣдняя заставила принять ихъ. Какой кабинетъ и какой совѣтъ въ Европѣ могъ сравняться по обширности знаній и политическихъ дарованій съ правительствомъ, считавшимъ въ числѣ своихъ слугъ Порталисовъ, Молліеновъ, Редереровъ, Трейльгардовъ, Мерлиновъ, Лебренновъ, Симеоновъ, Тронше и Рейнгардовъ? Наполеонъ, дѣлая ихъ баронами и графами, только подражалъ рутиннымъ приемамъ старыхъ правительствъ. Потому-то послѣдніе не выказывали удивленія и такъ легко даровали права гражданства новымъ дворянамъ. Европа, собственно говоря, не имѣла и права быть требовательной: она давно перестала быть щепетильной по этому предмету; предразсудки, которые уступали передъ простой удачей, нерѣдко обрызганной кровью, могли умолкнуть и передъ силою таланта.

Что касается до военныхъ, то дворянство признавало единство происхожденія съ ними. Не скупились на восхищеніе тѣми, кто не щадилъ жизни ради славы. Никогда Европа не допытывалась у героевъ, какая кровь течетъ у нихъ въ жилахъ. Герои республиканской арміи возбуждали въ ней искренній восторгъ. Погребеніе Марсо напоминаетъ лучшія черты рыцарскихъ временъ. Одинаковыя почести воздаются одинаковой доблести. А позже, когда воинственная республика, превратившись въ военную монархію, сдѣлала императоромъ самаго знаменитаго изъ своихъ солдатъ—какой государь не позавидовалъ-бы штабу, который его окружалъ? Какой вождь собиралъ когда-либо около себя совѣтъ, подобный тому, который собрался въ утро аустерлицкаго сраженія, чтобъ выслушать приказъ Наполеона? Мюратъ, Ланнъ, Бернадоттъ, Сультъ, Даву. «Если я проживу до кончины міра, то и тогда впечатлѣніе отъ подобнаго зрѣлища не изгладится изъ моей памяти!» ⁶⁾,—пишетъ очевидецъ. Всѣ были родоначальниками герцоговъ; двое даже сдѣлались королями и одинъ изъ нихъ, Бернадоттъ, сталъ королемъ не силою оружія и не по капризу властелина, а по свободному избранію шведскаго народа и съ согласія старой Европы, которая хотѣла даже одно время посадить его на престолъ Бурбоновъ. Многіе изъ этихъ воиновъ—очень темнаго происхожденія, получили самое элементарное образованіе и въ военномъ лагерѣ учились и войнѣ, и политикѣ, и свѣтскости. Но въ такомъ положеніи бывалъ не

⁵⁾ «Плебей не только вступаетъ въ гостиную, если онъ привыкъ къ свѣтскимъ обычаямъ, но онъ и царитъ въ ней, если обладаетъ талантами». TAINE. *L'Ancien Régime*, liv. IV, ch. III.

⁶⁾ Генераль Филиппъ де-Сегюръ. *Histoire et Mémoires*, т. II, p. 463. Paris. 1873.

одинъ знаменитый вождь старыхъ армій ⁷⁾, и оно не возбуждало ничего удивленія. Прибавьте къ этому всеувлекающее теченіе вѣка, всеближающее франмасонство оружія, и вы поймете, почему даже во время самой ожесточенной борьбы честь и обоюдное уваженіе поддерживали тѣ традиции военной вѣжливости между сражающимися арміями, которыя смягчали жестокость войны и готовили миръ.

Тогда-то можно было измѣрить силу и глубину той связи, которую восемнадцатый вѣкъ создалъ между Франціей и Европой. Какъ только революція утратила свой острый характеръ, умы вернулись къ Франціи и примиреніе показалось возможнымъ. Нашлись люди, которые надѣялись на него даже въ эпоху самаго пламеннаго антагонизма; они взялись облегчить, а потомъ и устроить это примиреніе. Иначе нельзя объяснить переговоры, завязавшіеся между республикой и ея врагами. Французы съумѣли защитить себя и побѣдить: это уже много значило, они умѣли заставить выслушать и понять себя, это было еще важнѣе. Въ сущности, и враги и они говорили одинаковымъ языкомъ.

Таковы были тѣ пути, которые старая Франція открывала новой. А теперь въ Европѣ, подготовленной такимъ образомъ культурой цѣлаго столѣтія, представьте себѣ французскія арміи съ ихъ энтузіазмомъ, съ ихъ побѣдами и пламеннымъ стремленіемъ завоевать старый міръ, въ видахъ его обновленія. Они провозглашаютъ великодушные принципы; уничтожаютъ злоупотребленія, которыя считались бы нестерпимыми, еслибъ народы не выносили ихъ такъ долго, возвѣщаютъ реформы, къ которымъ стремятся мыслители и которыхъ жадно ждетъ смиренный людъ. Солдаты, составляющіе эти арміи и пропагандирующіе этотъ переворотъ, принадлежать къ той расѣ, всѣ идеи которой «національны и страстны». Они убѣждены, что одни французы—существа разумныя ⁸⁾; патриотизмъ, ставшій у нихъ религіею, видитъ въ спасеніи республики—спасеніе цивилизаціи, они убѣждены, что все, приобрѣтенное для Франціи, завоевано для человѣчества. Импульсъ, данный имъ, будетъ такъ могущественъ, что Европа не найдетъ силъ ему противиться.

⁷⁾ Одинъ нѣмецкій принцъ, супругъ австрійской эрцгерцогини Альбрехъ-Саксъ-Тешенъ въ моментъ своего назначенія на постъ венгерскаго губернатора пишетъ слѣдующее: «Имѣя до сихъ поръ самыя слабыя и поверхностныя понятія обо всемъ, что относится къ правительственнымъ дѣламъ, не имѣя никакихъ юридическихъ познаній, а въ изученіи латинскаго языка дойдя только до синтаксиса, я очутился, какъ легко себѣ представить, въ затруднительномъ положеніи, когда занялъ то мѣсто, на которое меня назначили». ARNETH. *Geschichte Maria-Theresia's*, t. X, p. 767.

⁸⁾ STENDHAL. *Vie de Napoléon*. Paris. 1876.

IV.

Между тѣмъ революція не ограничилась распространіемъ свѣта посредствомъ нашествія, установленіемъ просвѣщеннаго правленія посредствомъ завоеваній и пропагандою свободы посредствомъ войны. Это было только политическое освѣщеніе вліянія, оказаннаго Франціей въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Государство довершало, ради своей славы и выгоды, дѣло, начатое націей. Съ начала революціи замѣтно было, что, рядомъ съ широкимъ и спокойнымъ потокомъ, который, такъ сказать, вытекалъ изъ всей исторіи Франціи, образовался другой—мутный, бурный, стремительный, воды котораго, пополняясь послѣ грозъ, разлились шире перваго, вытѣснили его изъ русла и, смѣшавшись съ нимъ, затопили и опустошили сосѣднія земли. Патриотическій порывъ замѣнился яростнымъ прозелитизмомъ, энтузіазмъ выродился въ фанатизмъ. Революція перестала быть событіемъ, рядомъ случайныхъ и реальныхъ фактовъ; она становится доктриной, религіей, богомъ. Подготовившіе революцію философы отвергали «бѣшеную страсть къ завоеваніямъ, это религіозное безуміе, мрачное и жестокое»¹⁾. Они называли себя противниками христіанства, даже тщеславились своимъ атеизмомъ. Между тѣмъ ихъ ученики дѣйствуютъ, какъ самые узко-фанатичные сектанты: ихъ кровавыя миссіи, ихъ свирѣпая инквизиція, ихъ страшные аутодафе нельзя даже сравнить съ крестовыми походами противъ альбигойцевъ; только въ исторіи ислама и его завоевательной пропаганды можно найти примѣры такихъ бѣшеныхъ взрывовъ, такихъ грозныхъ обращеній въ свою вѣру. «Въ одной рукѣ они держатъ саблю, а въ другой—права человека», восклицаетъ одинъ современникъ²⁾. У нихъ есть свои пылкіе миссіонеры, свои новопосвященные и свои мученики. Дѣло въ томъ, что ихъ ученіе, какъ и религіозные догматы, имѣетъ всемірный, исключительный и деспотическій характеръ³⁾. Они убѣждены, что истина одна, и они—ся пророки, міръ развращенъ, ихъ долгъ его обновить. Они—воплощенная добродѣтель: они призваны основать царство добродѣтели. Фанатизмъ всегда одинаковъ; че-

¹⁾ VOLTAIRE. *Dictionnaire philosophique*. Article *Fanatisme*, sect. I et II.

²⁾ MAILLET DU PAN, t. II, p. 135. TOCQUEVILLE. *Ancien Régime*, liv. I, ch. III. Это сравненіе такъ естественно, что я встрѣтилъ его при другомъ случаѣ, въ другомъ мѣстѣ и высказанное людьми совершенно противнаго лагеря. Таллейранъ, въ докладѣ Директоріи въ 1797, о договорѣ при Кампо-Форміо, говоритъ: «Враги смотрятъ на договоры, которые они заключаютъ съ нами, какъ на перемиріе, подобное тому, какое мусульмане заключаютъ съ врагами своей вѣры».

³⁾ TAINÉ. *L'Ancien Régime*, liv III, *la Propagation de la doctrine*, ch. III, § 1.

ловѣческій духъ обладаетъ лишь одной формой для этого безумія, и вотъ фанатизмъ разума неизбежно выливается въ форму фанатизма вѣры.

Но отвлеченный и общій характеръ доктрины недостаточно объясняетъ пропаганду, такъ какъ онъ присущъ всѣмъ доктринамъ, даже тѣмъ, которыя остались чистымъ умозрѣніемъ. Если доктрины восемнадцатаго вѣка породили этотъ духъ прозелитизма, то это потому что въ душахъ людей существовало особенное настроеніе, что къ революціоннымъ стремленіямъ примѣшивался мистицизмъ и что въ глубинѣ фантазіи бродила закваска чувственной и сентиментальной религіозности. Та же самая рука, которая написала *Profession de foi du vicaire savoyard* и грозный *Contrat social*, изгнала атеистовъ изъ республики и наказала смертью богохульниковъ. Пламенные патриоты, не отвергавшіе государственныхъ переворотовъ и закрывавшіе глаза на рѣзню, видѣли десницу Провидѣнія въ удачномъ исходѣ великихъ революціонныхъ дней⁴⁾. Эти черты проявляются очень рѣзко во французской революціи въ худшихъ крайностяхъ террора: начиная съ мистерій разума, культа природы и его презрѣнныхъ жрецовъ и кончая глупымъ гностицизмомъ Катерины Тео, праздникомъ въ честь верховнаго Существа и первосвященничествомъ Робеспьера.

Подобно тому, какъ при Людовикѣ XIV между каведрой Боссюета и моленной Поръ-Ройяля образовался скрытый, «но прямой и непрерывный потокъ вольномыслія, который привелъ, по выраженію Николя, «къ великой ереси послѣднихъ временъ, именуемой невѣріемъ», и подготовилъ появленіе Вольтера⁵⁾, такъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, въ эпоху крестоваго похода противъ религіи, который проповѣдывали философы и вели короли, какое-то безпокойство терзаетъ умы людей⁶⁾; тамъ и сямъ обнаруживаются тѣ неопредѣленные колебанія барометра, которыя всегда указываютъ на перемену вѣтра. Причудливый мистицизмъ и сектаторскій фанатизмъ революціи суть знаменія времени и симптомы кризиса, ускоряемаго революціей. Вслѣдъ за рѣшительными и абсолютными теоріями, которыя дѣлаютъ изъ революціи своего рода религію, внезапно возникаютъ новыя, не менѣе абсолютныя и

⁴⁾ См. *Дневникъ буржуазки*, изданный Локруа. Это настроеніе ума сказывается очень искренно. Напримѣръ, 16 іюня 1792 г. она пишетъ: «Ни малѣйшей тревоги за Парижъ. Четыре года, въ продолженіе которыхъ Провидѣніе чудесно охраняетъ народъ, должны внушить вѣру даже невѣрующимъ». Отъ 4 іюля 1792 г.: «Все предвидѣно и взвѣшено. Небо за насъ». Отъ 15 августа 1792 г.: «Были приняты всѣ мѣры для устройства Варооломеевской ночи, такъ что совершенно несомнѣнно чудо Верховнаго Существа, вступившаго за народъ, что будетъ для меня священнѣйшимъ догматомъ вѣры».

⁵⁾ SAINTE-BEUVE. *Port-Royal*, liv. III, ch. XVI. Paris 1867.

⁶⁾ J. DE MAISTRE. *Considérations sur la France*, ch. II.

рѣзня теории, которыя придадутъ самой религіи революціонный характеръ ⁷⁾. Культъ разума принадлежитъ 1793 году, культъ верховнаго Существа— 1794 году; Бона написалъ свою первую статью въ 1796 г., въ томъ же году и Жозефъ де-Местръ выпустилъ въ свѣтъ первую книгу ⁸⁾. Рядомъ съ ними, помимо ихъ вѣдома и почти наперекоръ ихъ направленію, уже предчувствуется вдохновеніе, которымъ впоследствии будетъ проникнуть *Génie du Christianisme*. Оно внезапно и непосредственно овладѣваетъ настроеніемъ людей. Сентъ-Мартенъ, «официальный защитникъ Провидѣнія», какъ онъ самъ себя впоследствии назвалъ, жилъ какъ бы въ ожиданіи новой эры: «Мнѣ необходимъ Богъ!» Онъ отыскивалъ его въ себѣ, въ природѣ и хотѣлъ все обоготворить вокругъ себя ⁹⁾. Баллантъ мечталъ объ откровеніи и возрожденіи. Письма Ампера пролили яркій свѣтъ на маленькій, мистическій и сентиментальный кружокъ, собиравшійся въ окрестностяхъ Ліона ¹⁰⁾. Этотъ кружокъ—переходная ступень къ жевевскому протестантству. Онъ проникнуть мыслью Руссо: «Религія безъ храмовъ, алтарей, безъ обрядовъ должна ограничиваться внутреннимъ культомъ Верховнаго Существа, чистымъ и простымъ ученіемъ Евангелія». Это тоже реакція, и реакція весьма важная, такъ какъ изъ нея вытекаетъ религіозная мысль цѣлаго столѣтія. Она ведетъ прямо къ рациональному и сентиментальному христіанству Шлейермахера. Въ 1788 г. Неккеръ навлекъ на себя насмѣшки Ривароля и всего высшаго общества своимъ сочиненіемъ *О важности религіозныхъ мнѣній*. Въ этой-то средѣ родилась г-жа Сталь. *Религія энтузіазма* зрѣла въ ея мысли по мѣрѣ того, какъ она распространялась въ Германіи. Г-жа Сталь только потому такъ хорошо поняла ее и такъ краснорѣчиво разъяснила, что издавна посвящена была въ нее и непосредственно примкнула къ ней.

Религіозное возрожденіе Германіи предшествуетъ французской революціи. Впрочемъ въ Германіи невѣрующими были только аристократы; народъ прусскій, храня вѣру отцовъ, протестовалъ противъ странныхъ проповѣдей Вольтеровъ въ пасторскомъ одѣянн, высылаемыхъ ему перестроенными по собственной фантазіи консисторіями Фридриха ¹¹⁾. Вслѣдъ за смертью этого короля въ 1786 г. началась грубая реакція противъ философіи. Правительство ханжей, смѣнившее по смерти Фридриха II прави-

⁷⁾ SCHERER. *Mélanges de critique religieuse*, étude sur J. de Maistre. Paris 1860.

⁸⁾ Бона, родившійся въ 1754 г. печатаетъ въ 1796 г. *la Théorie de pouvoir*. Ж. де Местръ, родившійся тоже въ 1754 г., печатаетъ въ 1796 г. *Considérations sur la France*. Относительно впечатлѣній Ж. де Местра во время революціи, см. COSTA DE BEAUREGARD. *Un homme d'autrefois*.

⁹⁾ SAINTE-BEUVE, *Causeries du lundi*, t. X. Article *Saint-Martin*.

¹⁰⁾ *Journal et correspondance d'André-Marie Ampère*, Paris 1872.

¹¹⁾ PHILIPPSON, t. I, ch. 1, t. II, ch. VI.

тельство атеистовъ, видѣло въ этой реакціи средство для пріобрѣтенія популярности. Въ Германіи, даже тамъ, гдѣ благочестіе видимо слабѣло и исчезало, сохранилась та страстная религіозность, благодаря которой Руссо и его послѣдователи нашли готовую почву, подобно тому, какъ нашли ее и католическіе новаторы: Штольбергъ и тѣ, кто пытался провести въ Германіи воззрѣнія, аналогичныя съ шатобріановскими. Но всего ярче эта реакція выразилась въ Англіи, гдѣ впервые заиглась философія невѣрія ¹²⁾. Господствующая религія ничего не говорила сердцу, католицизмъ былъ запрещенъ, скептицизмъ царилъ въ просвѣщенныхъ классахъ. Стремленіе къ пробужденію и религіозному обновленію проявляется впервые въ народѣ. Методисты Веслей и Уитфильдъ ходятъ по всей странѣ, проповѣдая евангеліе и нравственно-религіозную реформу. Ихъ вѣра глубока и проникаетъ въ общество. Вся Англія наполняется ихъ миссіонерами и повеюду вокругъ нихъ толпится народъ, который съ жадностью ловитъ ихъ слова. Данный ими толчокъ передается и господствующей церкви; она оживаетъ и старыя секты, пресвитеріанцы, индепенденты, баптисты, подстрекаемые примѣромъ, оснаиваютъ жадно ищущую вѣры паству у новоявленныхъ проповѣдниковъ.

Безъ этого особаго настроенія умовъ въ Европѣ, событія, происходящія во Франціи, остались бы причудливыми, грандіозными или мрачными эпизодами странной драмы, но не перешли бы за предѣлы своего театра и не нашли бы отзвука въ душахъ. Задоръ самаго пламеннаго прозелитизма не въ силахъ объяснить обращенія и успѣха пропаганды, для этого необходимо то внутреннее предрасположеніе, которое подготавливаетъ увлеченіе и просвѣтленіе. Если его нѣтъ, то являются только возмущеніе и отвращеніе и они тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ сильнѣе было принужденіе. Самымъ удивительнымъ», говоритъ Токвилль ¹³⁾, «были не приемы, которые пускала въ ходъ французская революція, и не идеи, которыя она породила; ново было то, что настроеніе народовъ дошло до такой точки, когда эти приемы могли оказаться дѣйствительными, а новые принципы могли быть легко усвоиваемы.

Дѣло въ томъ, что умы были не только подготовлены къ принятію этихъ принциповъ, но и достаточно дисциплинированы для такого рода приемовъ. Французскіе революціонеры заимствовали свою систему пропаганды у религіозныхъ сектъ, усвоили себѣ организацію могущественнѣйшей изъ ассоціацій, когда-либо возникавшихъ въ средѣ церкви. Но

¹²⁾ Это прекрасно выяснено у CORNELIS DE WITT: *La société anglaise et la société française au dix-huitième siècle*. Etudes, II, ch. V.—ERSKINE MAY, t. II, ch. XII.

¹³⁾ TOCQUEVILLE. *Mélanges*: De la constituante au 18 Brumaire, p. 187.

и въ этомъ они далеко не новаторы. До революціи мы видимъ Европу, покрытой тайными ассоціаціями; всѣ онѣ построены по тому же образцу и одушевлены тѣмъ же духомъ. Историкъ, отличающийся самыми широкими воззрѣніями на этотъ предметъ, говоритъ: ¹⁴⁾ «Большинство этихъ ассоціацій были чисто-философскими и религіозными, но, съ теченіемъ времени, всѣ обратились къ политикѣ и поглотились ею. Несмотря на различіе средствъ, у нихъ была общая цѣль — обновленіе общества и реформа въ государственномъ управленіи. Главная изъ этихъ ассоціацій — франкъ-массоны. Центръ ихъ — въ Англіи, но они были распространены повсюду: во Франціи, въ Италіи, въ Швеціи, даже въ Россіи, и особенно въ Германіи. Государи и вельможи считали за честь быть предѣдателями отдѣльныхъ группъ и гордились титуломъ Великаго Магистра. Въ Пруссіи, послѣ Семилѣтней войны, образовалось общество подъ названіемъ *Друзей Отечества*, къ которому успѣшили присоединиться Фридрихъ Великій.

Въ одной изъ студенческихъ ассоціацій, которыми кишѣла Германія, беретъ свое начало и знаменитая секта *Иллюминатовъ*. Основатель ее — баварецъ Вейсгауптъ, бывшій профессоромъ каноническаго права. Массонство казалось ему слишкомъ неопредѣленнымъ въ своихъ стремленіяхъ и недостаточно сплоченнымъ организаціей своихъ ложъ. Онъ предложилъ болѣе простое и болѣе послѣдовательное ученіе, но открыто революціонное по своимъ принципамъ: въ основѣ его положены свобода и равенство, какъ права естественныя и неотъемлемыя; общество мѣшаетъ ими пользоваться, слѣдовательно служить препятствіемъ для совершенствованія человѣка; личная собственность противозаконна, гражданскіе и церковные законы — не что иное, какъ покушенія на первобытныя права человѣка, которыя необходимо ему возвратить, а для этого необходимо разрушить социальное зданіе и отстроить его за-ново ¹⁵⁾. Таковы принципы иллюминатовъ; въ теоріи они не допускаютъ никакого послабленія, но на практикѣ — они противники насилія и внезапныхъ переворотовъ, считая ихъ неосторожными. По ихъ мнѣнію, благоразумнѣе прокрасться въ крѣпость, чѣмъ брать ее приступомъ. Не имѣя возможности уничтожить общественное зданіе, они находятъ удобнымъ для себя помѣститься въ немъ; домогаются вліятельныхъ мѣстъ, получаютъ ихъ и обнаруживаютъ при этомъ необыкновенныя стратегическія способности. Эти обновители міра — очень искусныя политики и за ихъ общими трапезами собиралось не мало лов-

¹⁴⁾ TOCQUEVILLE. *Mélanges*.

¹⁵⁾ PHILIPSON, t. I, ch. I. — GEFROY, t. II, ch. X. — TOCQUEVILLE, *Mélanges*. — STAEL. *De l'Allemagne*, IV partie, ch. VII. — PERTHES, t. I, liv. I, ch. I. — FOURNIER. Les études въ *Allgemeine Zeitung*. 1883. — MIRABEAU. *Monarchie prussienne*, liv. VIII.

кихъ интригановъ. Они попадаютъ всюду, съумѣютъ добиться высокихъ должностей, съумѣютъ обойти и монарха, и просвѣщеннаго министра. Они смягчаютъ свой языкъ; ихъ ученіе допускаетъ оговорки и, умалчивая о тиранахъ, они расхваливаютъ демократическихъ государей. Множество иллюминатовъ тѣснилось при дворѣ баварскаго курфирета. Большинство государственныхъ людей и дипломатовъ при мелкихъ дворахъ принадлежали къ этой сектѣ. Между ними встрѣчались даже католическіе священники, канонники изъ Майнца, коадьюторъ Дальбергъ, кураторъ Бензель и многіе другіе, замѣнявшіе въ своихъ кабинетахъ священные изображенія символическими картинами. Но не всѣ адепты могли получить выгодныя казенныя пребыванія; кромѣ того, было много горячихъ головъ, которые не хотѣли ждать, а потому въ 1759 г., они открыто отдѣлились отъ Вейсгаупта, основали отдѣльныя ложи и стали готовить войну противъ дворянъ, священниковъ и королей. Французская пропаганда, встрѣтившая въ первыхъ иллюминатахъ угодливыхъ друзей, во вторыхъ — нашла помощниковъ. Они были особенно распространены въ прирейнскихъ странахъ, имѣли филиалы въ Италіи и въ Швеціи, примкнули къ заговору, который привелъ къ царевубійству 1792.

Между тѣмъ, къ концу столѣтія и подъ вліяніемъ реакціи, глухо волнованной умы, многіе изъ тѣхъ, которые нѣкогда склонялись къ масонамъ и иллюминатамъ, начали страшиться и самаго ученія и его послѣдствій. Послѣдствія, казалось имъ, ведутъ къ анархіи, ученіе показалось сухимъ и безплоднымъ. Практика пугала, а теорія не удовлетворяла. Безпокойное воображеніе не могло примириться съ теоріей чистаго разума, нетерпѣливый умъ находилъ работу науки слишкомъ медленной, склонность къ религіи еще не проснулась, и они ударились въ мистицизмъ и суевѣріе. Масоны, и въ особенности ортодоксальныя, ввели цѣлую систему торжественныхъ и вмѣстѣ ребяческихъ обрядовъ, которые они будто бы получили съ Востока и которые, въ силу какой-то масонской благодати, читатели Вольтера могли исполнять безъ смѣха. Андре Шенье говоритъ объ иллюминатахъ, какъ о людяхъ, «примѣняющихъ къ идеямъ своей секты всю массу старинныхъ суевѣрій, проповѣдующихъ свободу и равенство какъ какія-нибудь елевзинскія или эфесскія таинства, и природныя права человѣка объясняютъ мистическимъ языкомъ какъ какое-нибудь тайное ученіе» ¹⁶⁾.

Суевѣріе, которое гнѣздится всегда въ глубинахъ души, всплыло внезапно на поверхность. Человѣкъ былъ ослѣпленъ своимъ собственнымъ свѣтомъ и упоенъ своей гордостью. Онъ представлялъ себѣ, что міръ, существуетъ только силою его мысли и долженъ повиноваться его волѣ; что

¹⁶⁾ *De l'esprit de parti*. 1791.

если разумъ можетъ все постигнуть, то можетъ и все совершить. Но міръ управлялся собственными законами и природа не хотѣла слушать велѣній человѣческаго ума. Человѣкъ раздражился; избалованные его учителя не могли удовлетворить его невозможныхъ требованій, и онъ возсталъ противъ ихъ дисциплины, разбилъ ихъ реторты, слишкомъ грубыя для того, чтобы можно было дистиллировать въ нихъ сущность вещей, сломалъ вѣсы, неспособные взвѣшивать атомы, забраковалъ книги, повѣствовавшія лишь о робкихъ результатахъ несовершенныхъ опытовъ и кинулся въ объятія алхимиковъ. Упрощая формулы, отняли у міра его обаяніе. Скучный лучъ свѣта, озарившій по временамъ отдѣльныя точки, оставлялъ слишкомъ глубокій мракъ вокругъ этой свѣтящейся точки. Этотъ мракъ имѣлъ притягательную силу. Стремленіе къ таинственности, которое хотѣли вырвать изъ человѣческаго ума, взяло тогда верхъ, и человечество опять уклонилось въ сторону; старыя заблужденія, повидимому на вѣки забытыя, появились вновь подъ рюмками философіи и подъ маскою науки, и успѣхъ какого-нибудь Каліостро сдѣлался возможнымъ. Таинственный чанъ Месмера возбуждалъ гораздо болѣе волненій, чѣмъ открытія Лавуазье. Самые благородные, самые утонченные умы, какъ на примѣръ Лафатеръ, склонялись къ кабалистикѣ. Самъ Гёте заблудился на этихъ ненадежныхъ дорогахъ, чуть не погибъ среди неизвѣданныхъ вершинъ и пережилъ свою Вальпургіеву ночь; нужна была вся твердость его гения, чтобы противодействовать искушенію и удержаться отъ головокруженія.

Тогда-то выступила изъ безвѣстности одна секта, о которой никто не говорилъ, хотя она образовалась въ Германіи еще въ предшествующее столѣтіе—это были Розенкрейцеры. Оказалось, что ихъ ученіе отвѣчало смутнымъ стремленіямъ умовъ, и они этимъ воспользовались. Теурги и философы розенкрейцеры предлагали доктрину и союзъ для беспокойныхъ умовъ, которыхъ не удовлетворялъ ни раціонализмъ, ни чистое христіанство, и которые примѣшивали неясную потребность чудеснаго къ гуманитарнымъ стремленіямъ, волновавшимъ Европу. Полные уваженія къ поддерживающей власти, открытые враги реформаторовъ и революціонныхъ сектъ, въ особенности иллюминатовъ, которыхъ они старались вытѣснить изъ министерствъ и дворовъ, розенкрейцеры проповѣдывали государямъ и совѣтывали имъ укрѣплять свою власть и тѣмъ составить счастье человечества. Лстя въ одно и то же время и воображенію и честолюбію, они примиряли деспотизмъ съ добродѣтелью; возвѣщали, что обладаютъ секретомъ дѣлать золото,—драгоценное знаніе въ то время, когда всѣ сокровищницы были пусты,—и тайной преобразованія управленія безъ ослабленія авторитета государей,—секретъ, не менѣе драгоценный въ эпоху, когда

недовольство, если не возмущеніе, таилось повсюду. По заявленію розенкрейцеровъ, они располагали силами природы; наука давала это умѣнше очень скупо, и они отвергали науку, какъ отвергли въ политикѣ традиціи и опытъ; они непосредственно сообщались съ природой и отдавали ее въ распоряженіе своихъ адептовъ. Мало того, розенкрейцеры устанавливали связь между собою и мужами минувшихъ временъ, такъ что послѣдніе становились ихъ мистическими совѣтниками и тайными сотрудниками. Для розенкрейцеровъ, этихъ теософовъ-шарлатановъ, тартюфовъ гуманности, лицемѣровъ чувствительности, снисходительныхъ къ слабостямъ великихъ міра, куртизановъ и интригановъ, всѣ средства казались хороши, и ихъ грубый мистицизмъ служилъ имъ средствомъ сдѣлать карьеру. Ландграфъ кассельскій платилъ очень дорого за видѣнія, которыя ему устраивали эти хитрые мошенники. Густавъ III былъ пламенный и убѣжденный адептъ; у него была ворожея, съ которой онъ совѣтовался во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ своей жизни; онъ занимался кабалистикой и вѣрилъ видѣнію Карла XI. Но нигдѣ вліяніе розенкрейцеровъ и ихъ роль престижигитаторовъ не были такъ велики, какъ при прусскомъ дворѣ, послѣ смерти Фридриха. Эти грубые и хитрые мистификаторы устроились съ своими фокусническими приборами въ кабинетахъ Потсдама, тѣхъ самыхъ кабинетахъ, въ которыхъ король-философъ забавлялся съ Вольтеромъ изученіемъ всей глубины человѣческой глупости. Розенкрейцеры вкрались въ дружбу его наслѣдника Фридриха-Вильгельма, завладѣли его довѣріемъ, и какъ только онъ воцарился, они съумѣли похитить его власть, управлять его именемъ и господствовать надъ Пруссіей. Въ 1789 г. они были всемогущи, и мы увидимъ впоследствии, что былъ моментъ, когда розенкрейцеры имѣли рѣшительное вліяніе на важнѣйшія дѣла Европы.

Итакъ, въ то время, какъ въ Европѣ повсюду развивались зародыши революціи и все способствовало облегченію революціонной пропаганды—въ то же самое время организовались элементы реакціи и сопротивленія. Это лишь противоположные результаты одной и той же работы человѣческаго ума, и эта работа совершается не въ одной Франціи. Однѣ и тѣ же причины потрясаютъ всѣ европейскія государства; аналогичные кризисы представляются неминуемыми для всѣхъ европейскихъ народовъ.

V.

Революція разразилась во Франціи, но затѣмъ она распространяется и повсюду: одни народы сразу усваиваютъ ея принципы; другіе—отъ нихъ отрекаются; одни правительства падаютъ потому, что боролись съ ней,

другія, напротивъ, укрѣпляются въ борьбѣ противъ революціи; наконецъ, третьи, не переставая противодѣйствовать ея завоеваніямъ, нашли средство слиться съ ея духомъ и обновиться, подражая ея примѣру. Если французская революція усвоила такой характеръ пропаганды и если эта пропаганда такъ различно вліяетъ, смотря по мѣстности, гдѣ обнаруживается, то причину этого нельзя искать въ господствующимъ ученіямъ и идеямъ, потому что они вездѣ одинаковы. Причина лежитъ исключительно въ характерѣ націй. Ученіе и идеи распространялись такимъ образомъ только потому, что ученіе было отвлеченно, а идеи всеобщі: каждый могъ ихъ принять, потому что каждый толковалъ ихъ согласно со своимъ темпераментомъ, своими страстями и своими унаслѣдованными понятіями. Отсюда произошло то, что однѣ и тѣ же формулы привели къ совершенно несходнымъ чувствамъ, подъ одинаковыми терминами скрывались весьма различныя мысли, что именно смыслъ этихъ общихъ положеній составлялъ предметъ спора, и очень часто обнаруживалось, что попытка объясниться вызоветъ взаимное непониманіе. Это чрезвычайно важный фактъ для послѣдующей исторіи и необходимо его хорошенько выяснить.

Истолковывая такимъ образомъ преподаваемую ей доктрину, рисуя отвлеченнаго человѣка по своему образу и подобию, каждая нація только приводила доктрину къ ея исходной точкѣ и отвлеченнаго человѣка—къ его происхожденію. И доктрина и человѣкъ вернулись къ дѣйствительности тѣмъ же путемъ, какимъ изъ нея вышли. Въ сущности, эти знаменитыя системы—я говорю преимущественно о политическихъ—были всеобщі только по формѣ. Эта форма была во вкусѣ времени, но никто этого не понялъ, и все приняли за принципъ то, что чаще всего было просто приѣмами классическаго сочиненія. Подвергая нѣсколько строгому анализу знаменитѣйшія изъ этихъ теорій и изслѣдуя ихъ начало—мы находимъ въ нихъ нѣсколько частныхъ фактовъ, которые были наблюдаемы съ болѣею или меньшею проницательностью, затѣмъ изолированы, лишены своего личнаго характера, абстрагированы съ изумительною силою обобщенія. Мы видимъ это у Гоббса, въ его *Левіаѳанѣ*, и у Локка—въ его *Трактатѣ о гражданскомъ управленіи*; тотъ и другой имѣютъ въ виду одну Англію и ея правительство; у перваго—наклонность къ абсолютизму вызвана зрѣлищемъ революціи, у втораго склонность къ свободѣ—лично испытанными неудобствами абсолютизма. Босюетъ, описывая монархію Людовика XIV, идеализируетъ ее, чтобъ свести къ правиламъ Св. Писанія. Аббатъ де-Сенъ Пьеръ знаетъ только священную имперію, и вѣчный миръ, который онъ проповѣдуетъ,—не что иное, какъ исправленная и разъясненная конституція этой имперіи. Кантъ помышляетъ только объ одной Германіи.

Но все эти примѣры затмеваются примѣромъ Руссо. *Contrat social* былъ написанъ только для Женевы, это—страстное желаніе блага своей родинѣ со стороны женевского демократа ¹⁾. Съ этой точки зрѣнія все становится яснымъ, и какъ ни радикальна реформа, предлагаемая Руссо, она нисколько не утопична. Женева—городъ на античный ладъ; республиканскіе нравы сдѣлались въ ней традиционными; при расширеніи городскихъ правъ, все граждане могутъ даже дѣйствительно принимать участіе въ управленіи. Въ Женевѣ непосредственное участіе народа въ управленіи страной можетъ не имѣть характера фикціи или мистификаціи. Руссо идеализировалъ все свои страсти, онъ видѣлъ вселенную въ своей душѣ и созерцалъ человѣчество въ своемъ отечествѣ. Въ дѣйствительности онъ наблюдалъ и знаетъ только одну Женеву. «Что подумали вы,—писалъ онъ одному женевцу,—читая этотъ краткій и вѣрный анализъ моей книги? Я догадываюсь, вы сказали себѣ: вотъ исторія женевского правительства!... Я взялъ вашу конституцію за образецъ политическихъ учрежденій, находи ее прекрасною, и ставилъ васъ въ примѣръ Европѣ, не только не желая вамъ повредить, а стараясь васъ охранить» ²⁾. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что онъ считаетъ эту систему вполне безукоризненною и годной для всехъ государствъ? Вовсе нѣтъ. Хотя онъ и былъ вскормленъ Плутархомъ, но зналъ, что Спарта исчезла съ лица земли и что ея образъ и подобіе не воскреснетъ нигдѣ, даже среди женевцевъ ³⁾. Руссо полагаетъ, что республиканскій образъ правленія пригоденъ только для маленькихъ и небогатыхъ государствъ ⁴⁾. Что касается до крупныхъ государствъ, то единственно возможная для нихъ реформа заключается въ федеративной системѣ ⁵⁾. По его мнѣнію, «каждая конституція можетъ быть лучшей въ одномъ случаѣ и худшей въ другомъ» ⁶⁾. Самое важное для народовъ то,

¹⁾ SAYOUS, *Le dix-huitième siècle à l'étranger*, t. I, p. 226 et suiv.—DESNOIR-RESTERRES, *Voltaire et J. J. Rousseau. Voltaire et Genève*.—MALLET DU PAN t. I, ch. III.—JANET, liv. IV, ch. VII.—VIRY, *Origines des idées politiques de Rousseau, Correspondant*, t. CXII, p. 359.—*Revue historique*, t. XV, p. 517.

²⁾ *Lettres de la Montagne*, lettre VI.

³⁾ «Древніе народы перестали служить образцами для новѣйшихъ: они имъ слишкомъ чужды во всехъ отношеніяхъ. Особенно вы, женевцы, вы—не римляне не спартанцы, вы даже не афиняне... *Lettres de la Montagne*.

⁴⁾ «Монархія пригодна только для богатыхъ націй; аристократія—для государствъ, богатство и величіе которыхъ не превышаетъ средняго уровня; демократія—для мелкихъ и бѣдныхъ государствъ». *Contrat social*, liv. III, ch. VIII.

⁵⁾ *Contrat social*, liv. III, ch. XV.—«Старайтесь расширить и усовершенствовать систему федеративныхъ правительствъ, это единственная система, которая примиряетъ выгоды великихъ и малыхъ государствъ, а потому единственная, для васъ пригодная». *Gouvernement de la Pologne*, ch. V.

⁶⁾ *Contrat social*, liv. III, ch. III.

чтобы они оставались вѣрными самимъ себѣ. Въ этомъ отношеніи Руссо называетъ себя самымъ некосмополитичнымъ человѣкомъ въ мірѣ. «Устройте такъ, чтобы ни одна національность не поглощалась другою, ей чуждою, и я ручаюсь, что не будетъ завоеванныхъ и подавленныхъ народовъ. Только національныя учрежденія образуютъ геній, характеръ, вкусы и нравы народа, только они дѣлаютъ его такимъ, а не инымъ; они внушаютъ ему пламенную любовь къ отечеству, основанную на привычкахъ, которыя невозможно искоренить, и которыя заставляютъ его умирать отъ скуки среди другихъ народовъ, среди наслажденій, которыхъ онъ былъ лишенъ дома... *Ubi patria, ubi bene*».

Вотъ основная мысль Руссо, обнаженная отъ всякихъ слоговыхъ прикрасъ. Потому-то всюду, кромѣ Женева, поняли только формулу и усвоили только отвлеченности. Осуществляя доктрину—исказили ея смыслъ, но и это совершенно было различнымъ образомъ, смотря по характеру и свойствамъ отдѣльныхъ націй. Во Франціи, на примѣръ, непосредственное участіе народа въ управленіи привело къ передачѣ власти въ руки вооруженныхъ скопищъ и парижскихъ клубовъ, принципъ суверенитета народа, истолковываемый съ помощью римскихъ традицій, примѣняемый въ централизованномъ государствѣ, сведенъ былъ къ деспотизму нѣсколькихъ сектантовъ. Прошедшее Франціи, требованія ея исторіи сдѣлали то, что федерализмъ явился тамъ преступленіемъ, а слѣдовательно система утратила свой смягчающій характеръ и свою силу и сдѣлалась парадоксомъ тиранніи. Напротивъ того, въ Германіи, гдѣ учрежденія были федеративныя, гдѣ существовали мелкія княжества и гдѣ главный недостатокъ государства пропеходилъ отъ разсѣянія власти и раздѣленія націи — ученіе Руссо вело къ укрѣпленію государства и объединенію націи; оно естественно вступало въ русло исторіи. Ученики Руссо, революціонеры во Франціи, сдѣлались реформаторами въ Германіи.

Такимъ образомъ изученіе націй приводитъ насъ къ тому же результату, какъ изученіе государствъ, а изслѣдованіе идей даетъ тѣ же выводы, какіе дало изслѣдованіе политическихъ обычаевъ. Въ готовящейся революціи, правительства будутъ руководствоваться государственной пользою, т. е. своими интересами, какъ они научились понимать ихъ на опытѣ. Націи будутъ руководствоваться только своимъ наслѣдственнымъ геніемъ, т. е. характеромъ, страстями, инстинктами, которые развивались въ нихъ вѣками. Народы, начиная съ французовъ, будутъ смотрѣть на революцію, сообразно со своими національными традиціями, правительства—со своими политическими традиціями. Итакъ, чтобы понять отношенія между Франціей и Европой, во время революціи, надо вернуться къ этимъ традиціямъ, онѣ дадутъ намъ ключъ къ уразумѣнію всей исторіи этого времени.

КНИГА ВТОРАЯ.

Политическія традиціи Франціи.

ГЛАВА I.

Нація и правительство.

I.

Много было споровъ о томъ, имѣла ли Франція конституцію при старомъ порядкѣ. Дѣло въ томъ, что можно было перерыть самые тайные архивы королевства и не найти ея текста, что короли въ нее не вѣрили и что сами легисты отрицали ея существованіе ¹⁾.

Необходимо прибѣгнуть къ основнымъ законамъ,—восклицаютъ со всѣхъ сторонъ,—когда въ государствѣ царятъ смуты и власть колеблется, но этихъ законовъ нигдѣ не находятъ. Всѣ на нихъ ссылаются и никто ихъ не знаетъ. Самые проницательные умы едва различаютъ «сгладившійся образъ той мудрой середины между своеволіемъ королей и распущенностью народа,

¹⁾ Въ парламентскомъ засѣданіи 19 ноября 1787 г. Людовикъ XVI сказалъ: «Принципы, о которыхъ я желаю напомнить вамъ, касаются самой сущности монархіи, и я не допущу, чтобы ихъ нарушили или измѣнили».—Хранитель печати Ламуаньонъ изложилъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ: «Эти принципы, признанные всей націей, свидѣлствуютъ, что одному королю принадлежитъ верховная власть въ его государствѣ, что отчетъ въ пользованіи этой верховной властью онъ отдаетъ одному Богу, что король—верховный вождь націи и составляетъ одно съ нею и что законодательная власть исключительно и нераздѣльно заключается въ особѣ государя... Изъ этихъ старинныхъ національныхъ принциповъ, засвидѣтельствованныхъ каждою страницей нашей исторіи, вытекаетъ, что одному королю принадлежитъ право созывать Генеральныя штаты, что онъ одинъ можетъ судить, насколько полезенъ и необходимъ этотъ созывъ; что онъ не нуждается ни въ какой экстраординарной власти для управленія своимъ королевствомъ, что въ представителяхъ трехъ сословій государства король можетъ видѣть только болѣе обширный советъ, состоящій изъ избранныхъ членовъ фамилій, главою которой онъ состоитъ, и что онъ всегда останется верховнымъ рѣшителемъ ихъ жалобъ и просьбъ».—Рѣчь короля въ парламентѣ; рѣчь Ламуаньона, хранителя государственной печати во время засѣданія короля въ парламентѣ, 19 ноября 1787.—*Archives parlementaires*, publiées par MAURIAL et LAURENT, t. I, p. 264. Paris, 1868.

которую умѣли соблюдать наши предки» ²⁾. За этимъ неяснымъ свѣтомъ опасно идти, онъ ведетъ къ движущимся пескамъ: кто отважится ступить на нихъ, тотъ погибнетъ. «Пробудившись отъ бездѣйствія, принялись охотно искать законы, но ихъ не нашли», пишетъ Ретц по случаю агитаціи 1647 г. ³⁾. «Это лучшее средство для того, чтобъ все погубить», говоритъ Паскаль... «народъ охотно прислушивается къ этимъ рѣчамъ. Онъ страшнетъ его, какъ скоро его почувствуетъ. Ему не слѣдуетъ знать правды объ узурпаціи; она была нѣкогда введена неразумно, но сдѣлалась разумной: пусть ее считаютъ подлинной, вѣчной; пусть скроютъ ее начало, если не желаютъ ея конца» ⁴⁾. Итакъ, необходимо, чтобъ принципъ власти былъ облеченъ тайною и если гдѣ-нибудь существуетъ основной законъ, то въ основѣ его лежитъ правило, которое дастъ возможность обойтись безъ всѣхъ другихъ: «Народное и королевское право всего легче согласовать, когда о нихъ ничего не говорятъ» ⁵⁾.

Однако такой могущественной монархіи, какъ французская, которая въ продолженіе восьми послѣдовательныхъ вѣковъ побуждала столько внѣшнихъ враговъ и, переживая внутренніе перевороты, продолжала развиваться въ блескѣ и силѣ, такой прекрасный ростъ, говорю, я, долженъ же имѣть свой *raison d'être* и свои правила, изъ него произтекающія. Рядъ прецедентовъ можетъ создать обычай, а изъ обычая можно выдѣлать какіе-нибудь принципы общественнаго права, но все это—одна теорія. Весь ея авторитетъ покоится на исторіи прошедшаго, а ея санкція заключается въ исторіи будущаго. Для настоящаго она не имѣетъ значенія, и политики не принимаютъ ее въ расчетъ. Монтескье написалъ въ такомъ духѣ нѣсколько главъ своего прекраснаго сочиненія; но, несмотря на всю свою гениальность, *Духъ законовъ* не могъ замѣнить билль *habeas corpus* для французскаго подданнаго и оградить его отъ произвола *lettre de cachet*, приказовъ о конфискаціи имущества или произвольнаго же введенія налоговъ. Желая разложить на составные элементы обычай древней монархіи, неизбежно приходишь къ той формулѣ, которая резюмируетъ въ себѣ весь духъ тогдашней политики подобно тому, какъ политика предшествовавшаго времени резюмировала духъ публичнаго права слѣдующими словами: мудрый монархъ и способные слуги—министры. «Только присутствіе властелина можетъ побѣдить легкомысліе и непостоянство французовъ, го-

²⁾ Retz, *Mémoires*, 2 partie, ch. II, 1646.—Etienne PASQUIER и въ особенности письма его къ Сень-Марту. Начиная съ XVI столѣтія, раздаются одни и тѣ же сѣтованія.

³⁾ Id. 2 partie, ch. III.

⁴⁾ *Pensées*, ed. Havet, art. III, № 8.

⁵⁾ Retz, id. 2 partie, ch. III.

ворилъ Ришелье ⁶⁾. Они способны на все, если только повелители ихъ сумѣютъ научить ихъ тому, что они должны дѣлать. Смѣю ручаться вашему величеству, что если вы найдете вождей, достойныхъ того, чтобъ повелѣвать, то найдете и подданныхъ, готовыхъ повиноваться. Вѣрно одно, что повсюду распространенное мнѣніе о неспособности французовъ къ порядку и дисциплинѣ основано только на неспособности вождей, которые не умѣютъ выбрать средства, необходимыя для ихъ цѣлей». Вотъ дѣйствительная основа стариннаго монархическаго учрежденія, и можно прибавить—всѣхъ причинъ, вызвавшихъ величіе и паденіе королевской власти во Франціи.

Нужны великіе короли, имѣющіе хорошихъ слугъ или, по крайней мѣрѣ, благоразумные короли, имѣющіе великихъ министровъ. Генрихъ IV и Сюлли, Людовикъ XIII и Ришелье представляютъ совершеннѣйшіе образцы того стараго управленія, гдѣ лица — все, а учрежденія — ничто. Отсутствіе выдающихся людей равняется пустотѣ, такъ какъ нѣтъ законовъ, которые позволяли-бы обойтись безъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, ждать ихъ, и за блестящими и плодотворными царствованіями слѣдуютъ длинные періоды смутъ и безплодія.

Не капризъ какого-нибудь деспота и не случайный переходъ власти въ руки честолюбцевъ составляютъ причину этого явленія, нѣтъ, его вызываютъ общія условія развитія націи и государства и самая сила вещей ⁷⁾. Одинъ историкъ сказалъ, что, начиная ужъ съ четырнадцатаго вѣка, было рѣшено, къ несчастію для королевской власти и для народа, что монархія будетъ абсолютной и что старая Франція не познаетъ свободы ⁸⁾. Причины восходятъ до самаго происхожденія монархіи и нѣкоторымъ образомъ вытекаютъ изъ самаго смысла ея существованія. Во Франціи нація и государство образовались одновременно и развивались совмѣстно, не опережая и не отставая другъ отъ друга. Феодализмъ раздроблялъ государство и страну, нація стремилась къ единенію, а королевская власть способствовала этому. Разрушеніе феодальной системы было первымъ условіемъ для успѣха ея работы. Королевская власть не могла-бы усилить своего значенія, а нація не могла-бы сплотиться иначе, какъ въ ущербъ феодаламъ. Король видѣлъ въ нихъ соперниковъ или мятежни-

⁶⁾ *Testament*, ch. VI.

⁷⁾ VUITRI, *Études sur le régime financier de la France*.—FUSTEL DE COULANGES, *Histoire des institutions*.—LUCHAIRE, *Institutions des premiers Capétiens*.—GUISOT, *Essai sur l'histoire de France, Civilisation en France*.—AUGUSTIN THIERRY, *Considérations*.—MIGNET, *Formation territoriale de la France* въ его *Mémoires historiques*.

⁸⁾ LAVISSE, *Du pouvoir royal en France sous Charles V*. (Revue politique 1880 et Revue historique 1884).

ковъ, буржуа и крестьяне—своихъ притѣснителей. Буржуа и крестьяне обратились къ королю. Эта ненависть французовъ къ феодализму составляла главную силу короля въ его борьбѣ противъ сеньеровъ. Она составляетъ основу національной исторіи и обусловливаетъ единство этой исторіи, начиная отъ среднихъ вѣковъ и кончая революціей⁹⁾. Параллельные импульсы, заставлявшіе королевскую власть сосредоточивать свое вліяніе: а націю—группироваться вокругъ короля, находятъ одно и то же орудіе легистовъ, которые выходятъ изъ рядовъ буржуазіи, дѣлаются министрами короля и проводятъ въ управленіе принципы королевскаго всемогущества.

Въ этомъ отношеніи исторія Франціи и Англіи представляетъ величайшій контрастъ, который обнаруживается съ самаго ея начала¹⁰⁾. Во Франціи все напряженіе роста направлено противъ феодальной системы: существенный элементъ націи, среднее сословіе, работаетъ на короля противъ знати. Въ Англіи всѣ усилія направлены противъ королевской власти: главный элементъ націи, *джентри*, т. е. мелкое сельское дворянство находилось въ союзѣ съ буржуазіей противъ короля. Во Франціи все способствуетъ къ объединенію власти—въ Англіи къ ея раздѣленію. Національное чувство старой Англіи выражается въ словахъ: сильный парламентъ; національное чувство старой Франціи въ словахъ: великій король. Кромѣ того, англичане не боялись вторженія иностранныхъ войскъ; въ борьбѣ, которую они выдерживаютъ противъ королевскаго абсолютизма, въ внутреннихъ смутахъ, происходящихъ отъ этого, мысль объ иностранномъ вмѣшательствѣ не тревожитъ ихъ. Напротивъ того у французовъ эта забота преобладаетъ надъ остальными во время междоусобныхъ распрей. Угроза завоеванія всегда тяготѣетъ надъ ними, и опасность подпасть подъ чужеземный гнетъ не оставляетъ досуга для ссоры. Періодами смутъ и анархіи англичане пользуются для истребованія своихъ правъ у королевской власти; французы, въ подобныхъ случаяхъ, не имѣютъ ни свободы времени ни выбора. Они могли-бы воспользоваться своими смутами, чтобы ограничить короля, но чужеземецъ воспользовался-бы междоусобицей еще ранѣе для подчиненія ихъ своей власти. Они обращаютъ свои усилія на то, что въ данную минуту является первою необходимостью, и стремленіе къ огражденію національной независимости беретъ у нихъ верхъ надъ желаніемъ гражданской свободы.

Всѣ эти характерныя черты окончательно опредѣляются во время великаго кризиса, пережитаго въ XVI вѣкѣ. Обѣ монархіи выходятъ изъ

⁹⁾ Guizot. *Civilisation en France*, t. III, l. I.

¹⁰⁾ Id. *Essai sur l'histoire de France, Civilisation en Europe*, l. XIV.—Vuitry. *Régime financier*, 2 serie, t. II.—Бокль. *Исторія цивилизаціи въ Англіи*, гл. IX.

него зрѣлыми; они достигли своего полного развитія и установили, такъ сказать, свои характерныя особенности. Причины, помѣшавшія Франціи имѣть свою *великую хартію* и свою *палату общинъ* помѣшали и успѣху Реформаціи во Франціи. Реформація ссылается на разумъ противъ католическаго догматизма; она обращалась въ особенности къ совѣсти и благодати. Ей нужна была свобода; она ее потребовала и очень ускорила ея воцареніе, но не свобода была ея прямой и главной цѣлью. Реформація была реакціей христіанства противъ невѣрія и вольнодумства Возрожденія, усиленіемъ вѣры, грозившей исчезнуть въ мирномъ скептицизмѣ Рима; протестомъ противъ языческой невозмутимости и итальянской жизнерадостности; возвратомъ къ душевной тоскѣ и тревогѣ, къ укорианамъ совѣсти, отступленіемъ назадъ черезъ всѣ средніе вѣка, къ эпохѣ св. Августина или св. Павла. Въ области религіи—реформація нарушала единство церкви; въ области политики—она вела, посредствомъ автономіи приходо-въ, къ автономіи общинъ, и слѣдовательно стремилась къ раздѣленію. Такъ какъ понятія о вѣротерпимости еще не существовало, то диссидентская церковь не могла поддерживаться исключительно помощью вооруженной партіи. Религіозный расколъ велъ за собой расколъ политическій: государство не могло допустить раздѣла, оно должно было или принять Реформацію, или допустить, чтобы реформаты образовали государство въ государствахъ. Эти условія рѣшили исходъ событія.

Классическая культура во Франціи была такъ высока, влеченіе къ рационализму было такъ естественно и пристрастіе къ чистой логикѣ такъ сильно, что она не могла остановиться на мистической сдѣлкѣ между вѣрой и разумомъ. Въ средѣ ея правителей, умѣренные или политики, какъ ихъ называли, были индифферентны въ дѣлѣ религіи, зато вѣрующіе были фанатиками. Первымъ Реформація казалась излишней, вторымъ—преступной. Кромѣ того, тѣ и другіе стояли за единство государства и въ этомъ смыслѣ единодушно порицали Реформацію. Последняя была пріятна знати только потому, что доставляла случай возобновить борьбу противъ королевской власти. Къ этимъ феодальнымъ стремленіямъ присоединялась еще въ нѣкоторыхъ городахъ склонность къ республиканскимъ учрежденіямъ. Успѣхъ знатныхъ и республиканцевъ, еслибъ они составили союзъ и дѣйствовали за одно, повелъ бы, по всей вѣроятности, не къ укрѣпленію общественной свободы и образованію парламента на англійскій ладъ, но—къ федеративному раздробленію государства. Иначе говоря, пришли-бы не къ англійскимъ порядкамъ 1688 года, а къ германскому устройству, ведущему свое начало отъ Вестфальскаго мира¹¹⁾.

¹¹⁾ *Discours politiques et militaires* de LANOUE, 1587. Одна королевская власть способна спасти Францію,—говоритъ Лану;—разъ вмѣшаются англи-

Иностранные державы были наготовѣ и ждали случая, которымъ немедленно и воспользовались. Испанцы и англичане, призываемые партіями, возбуждали ихъ и разжигали междоусобную войну. Они рассчитывали на добычу. Король не имѣлъ въ виду раздѣлить ни свою власть съ вождами Реформации, ни свое королевство—съ союзниками Лиги; защищая отъ первыхъ единство государства, а отъ вторыхъ цѣлость территоріи, онъ оправдывалъ тайныя надежды націи. Она не хотѣла ни иностраннаго вмѣшательства, ни аристократическаго правительства, а предпочла тому и другому диктатуру. Она дѣйствовала согласно своему инстинкту, и послѣдній еще разъ проявился, жизненный и страстный, въ революціи. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ диктаторомъ сдѣлался король. Между гугенотами, заподозрѣнными въ стремленіи къ федерализму, и членами Лиги, заподозрѣнными въ вассальныхъ связяхъ съ Испаніей, онъ былъ единственнымъ представителемъ національнаго преданія. По своему духу Реформация шла противъ интеллектуальнаго теченія Франціи, а по своимъ послѣдствіямъ—противъ политическаго, а потому и не могла восторжествовать. Я не хочу сказать, что это было счастьемъ для Франціи и что ее слѣдуетъ съ этимъ поздравить. Но предполагать, что во Франціи была возможна *великая хартія* и реформация—значить переносить въ нее Англію и слѣдовательно измѣнить всѣ условія исторіи.

Итакъ, слѣдуетъ сокрушаться не столько о «великомъ отказѣ» Франціи, сколько о весьма старинныхъ причинахъ, сдѣлавшихъ его неизбѣжнымъ. Эти же причины, единственно силою вытекающихъ изъ нихъ послѣдствій, толкнули старую монархію на путь, который закончился катастрофой и, поставивъ французовъ въ безвыходное положеніе, не дали другого средства выйти изъ него, кромѣ революціи.

Такова скрытая сила великихъ историческихъ импульсовъ. Во Франціи, испанцы, нѣмцы, она распадется на части. «И такимъ образомъ это громадное тѣло распадется на части, для безопасности которыхъ узурпаторы примутъ покровительство иностранныхъ державъ. Достаточно одному государю овладѣть провинціей, и сеньоръ захватитъ нѣсколько городовъ. Одни главные города образуютъ аристократію въ парламентѣ, а другіе—введутъ у себя республику».—Saint-Simon въ *Parallèle*, p. 21, рисуетъ намъ партію лиги и гугенотовъ при Людовикѣ XIII, причемъ первая состоитъ въ сношеніяхъ съ Испаніей и ультрамонтанами; вторымъ—съ германскими, англійскими и голландскими протестантами. Далѣе онъ говоритъ: «Первымъ трудно было отдѣлаться отъ властолюбиваго духа, столь долгое время проявляемаго ихъ партіей и имѣвшаго столь пагубное вліяніе; вторымъ—отъ духа независимости и гибельнаго стремленія постепенно и медленно образовать государство въ государствѣ и своего рода республики въ королевствѣ; та и другая партія опирается на иностранныя державы, съ которыми поддерживала тѣсную и опасную борьбу, и та и другая прикрывается именемъ своей религіи».

ци Реформация грозитъ національному единству и абсолютной королевской власти, тѣмъ самымъ укрѣпляя ихъ; въ Англіи она направлена противъ народныхъ вольностей, а между тѣмъ подтверждаетъ ихъ. Она исходитъ изъ деспотизма короля. Предписывая ее путемъ декрета, Генрихъ VIII руководствуется лишь своими страстями: желаніемъ сбросить римское иго, захватить церковныя имѣнія и присвоить себѣ неограниченную власть. Онъ полагалъ, что, становясь главою церкви, онъ поработитъ души англичанъ. Но независимость—неотъемлемое свойство англійскаго духа. Реформация освобождала, совѣсть и всѣ ухищренія королевской власти не помѣшали англичанамъ видѣть въ Реформации религіозную *великую хартію*. Реформация не только не подчинила ихъ королю, но напротивъ придавала борьбѣ, которую они отнынѣ повели за общественныя вольности, новый характеръ глубокаго убѣжденія и гордости. Подобно ихъ конституціи, она стала національной и, такъ сказать, сдѣлала послѣднюю еще дороже и ближе для англичанъ, приобщивъ ее къ ихъ вѣроисповѣданію. Реформация нашла въ свободѣ свою естественную гарантію, а королевская власть встрѣтила въ сектахъ, изъ нея возникшихъ, болѣе опасныхъ и ожесточенныхъ противниковъ, чѣмъ какія-бы то ни было политическія партіи.

Исходъ этой революціи рѣшилъ судьбу и всѣхъ послѣдующихъ. Въ Англіи, какъ и во Франціи, онъ былъ результатомъ національныхъ традицій; въ Англіи, традиція представляла собою развитіе средневѣковыхъ учреждений и борьбу противъ попытки королей ввести абсолютную власть, во Франціи традиція представляла собою сильнѣйшую ненависть къ этимъ самымъ учреждениямъ и борьбу противъ феодальной аристократіи, которая пыталась возстановить ихъ въ свою пользу. Англійскія революціи семнадцатаго вѣка подготовили окончательное торжество свободного правительства; безтолковая попытка Фронды во Франціи дала торжество абсолютной власти.

Но для того, чтобъ выдерживать эту великую роль, монархія должна постоянно черпать свои силы въ томъ источникѣ, изъ котораго вышла. Она не должна ошибаться насчетъ смысла своего существованія (*raison d'être*) и условій своего успѣха. Чѣмъ менѣе контроля она чувствуетъ надъ собою, тѣмъ болѣе умѣренности должна проявлять въ пользованіи своею властью: Нація отрывается отъ своихъ правъ, но никогда не отречется отъ своихъ сужденій и, отдавая все, требуетъ многого. Она желаетъ, чтобы ею управляли благоразумно, толково и съ чувствомъ мѣры. Въ надеждѣ на такое управленіе она вѣряетъ свою судьбу королю. Генрихъ IVъ понялъ это. Чтобъ сохранить единство государства, онъ сдѣлался католикомъ, но даровалъ гугенотамъ свободу совѣсти, насколько ее допускали нравы той эпохи. Нантскій эдиктъ служилъ дополненіемъ его

обращения въ католицизмъ; эти два акта нераздѣльны. Переѣзжа религіи доставила ему корону, эдиктъ обезпечилъ ему покорность всего королевства. Генрихъ IV узаконилъ вѣротерпимость, которая представлялась чѣмъ то туманнымъ для тогдашнихъ умовъ. Онъ основалъ управление, которое будетъ всегда самымъ популярнымъ во Франціи—правленіе здравомыслящихъ и умныхъ людей; мало того, онъ почувствовалъ, что, принимая верховную власть, становясь главой и представителемъ націи, онъ обязанъ думать за нее и совершить то, что она смутно желаетъ. не имѣя силы исполнить. Онъ былъ королемъ-реформаторомъ и тѣмъ самымъ проникалъ въ глубину монархическихъ традицій.

Думать, что Франція того времени относилась индифферентно къ дѣламъ государства и была способна только повиноваться, значить не понимать характера націи. Жертвуя свободой общественному благу, она не утратила любви къ ней. Черезъ всю ея исторію проходитъ постоянная традиція независимости, а потому французы никогда не терпѣли долго непрерывнаго деспотизма. Духъ демократической свободы нигдѣ не имѣлъ столь рѣзко выраженного характера, какъ въ коммунахъ; инструкціи депутатамъ, т. н. *cahiers* генеральныхъ штатовъ, начиная съ XIV до XVII вѣка, заключаютъ въ себѣ всю сущность запросовъ 1789 г. ¹²⁾ Попытки штатовъ взять въ свои руки управление не удавались только потому, что штаты сзывались во времена великихъ бѣдствій, смутъ и возмущеній. Они не обладали ни опытностью, ни силой, столь необходимыми для управления; они могли только формулировать свои желанія. Королевская власть осуществляетъ ихъ; извлекая изъ ихъ мотивированныхъ пожеланій практическія реформы, она умѣло и отчетливо исполняетъ то, что штаты смутно пытаются осуществить. Обезпечивая народу главные результаты, которые онъ ждетъ отъ свободы, королевская власть заставляетъ его забывать на время о самомъ принципѣ этой свободы. «Самый текстъ этихъ *cahiers* находился передъ глазами

¹²⁾ Picot. *Histoire des États généraux*, t. IV. *Résumés généraux*, p. 197.—*Cahiers* средняго сословія представляютъ цѣлыя планы конституціи и администраціи. Всѣ принципы на лицо: суверенитетъ исходитъ отъ народа, народъ—всѣ жители страны, штаты—хранители народной воли; раздѣленіе власти между королемъ и штатами; періодическіе созывы собраній; необходимость голосованія налоговъ; допущеніе всѣхъ сословій къ занятію общественныхъ должностей; независимость королевской власти отъ Римскаго двора, національное духовенство, абсолютное право государства на церковныя имущества, уничтоженіе продажности должностей, уничтоженіе придворныхъ пенсій, реформа злоупотребленій, упраздненіе феодальныхъ судовъ и феодальныхъ правъ, избираемость муниципальных совѣтниковъ, объединеніе и кодификація обычаевъ, упраздненіе внутреннихъ таможенъ.

тѣхъ, кто редижировалъ узаконенія Карла V и Людовика XII» ¹³⁾. Такъ, послѣ смутъ, происходившихъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, появились реформы Лопиталья и, подѣ влияніемъ собранія notableй,—реформы Сюлли, сдѣлавшія величайшую честь царствованію Генриха IV; такъ, послѣ агитаціи начала XVII вѣка и созыва штатовъ 1614 г., Ришелье заложилъ обширныя основы королевства; такъ, послѣ Фронды, наступили мирные года плодотворной реорганизаціи, съ которыми такъ тѣсно связана память о Кольберѣ. Одинъ великій историкъ сравнилъ ихъ съ временами консульства: это сближеніе объясняетъ успѣхъ Бонапарта ¹⁴⁾.

При Людовикѣ XIV, королевская власть достигла своего апогея. Королю воздавали всевозможныя почести, воздвигали статуи, онъ какъ бы принадлежалъ къ числу тѣхъ римскихъ императоровъ, которыхъ возводили въ боги. «Тогда настало,—говоритъ Мишле ¹⁵⁾,—полнѣйшее торжество королевской власти, полнѣйшее воплощеніе народа въ одномъ человѣкѣ». Во второй половинѣ царствованія и въ концѣ столѣтія, потокъ, несшій королевскую власть, незамѣтно замедлилъ свое теченіе и воды поднялись, какъ бы возвращаясь вспять. Обнародованіе Нантскаго эдикта Генрихомъ IV знаменуетъ зрѣлость монархіи, отмѣненіе этого эдикта, сдѣланное его внукомъ, указываетъ на ея упадокъ. Монархія была доселѣ послѣдовательна, но не систематична; отнынѣ она создаетъ систему и извлекаетъ изъ нея догматы. Она существовала сдѣлками и затѣмъ становится исключительной. Умѣренность сдѣлала ее очень сильной, излишества ее погубятъ. Переставъ царствовать для націи, для государства, она царитъ для себя и для себя одной ставитъ самую себя своею конечною цѣлью, своимъ Богомъ. Предавшись этому культу она уничтожается въ немъ. Монархія росла, подобно величественному дубу, который вбираетъ въ себя всѣ соки прилегающихъ земель и отдаетъ имъ, взамѣнъ, свѣжесть своей тѣни и воздухъ, очищенный и оздоровленный таинственной работой его листы. Въ то время, когда онъ, повидимому, находится въ полномъ блескѣ своего величія среди лѣта, соки внезапно останавливаются въ его вѣтвяхъ и онъ постепенно опадаютъ, какъ бы парализованныя. Стволъ его сохнетъ, и онъ медленно чахнетъ. Его сгнившіе корни не могутъ больше извлекать питаніе изъ почвы, его обнаженные вѣтви не по-

¹³⁾ Picot, *op. cit.* t. IV, p. 296. T. I, p. 208, 537. О Генрихѣ IV, t. III, p. 274: *Résultat de l'Assemblée des notables*.

¹⁴⁾ Guizot. *Civilisation en Europe*, leçon XIV. «Побѣды надъ внѣшними врагомъ, порядокъ внутри, послѣ всѣхъ тревоженій, сильная власть, вполне опредѣлившаяся, молодой популярный король и громадная законодательная дѣятельность: указы по уголовному судопроизводству, по торговому праву, пользованію водами и лѣсами и проч.

¹⁵⁾ *Précis de l'histoire moderne*.

лучают его изъ воздуха; дожди губятъ вершину, паразиты поѣдаютъ корни. Нѣкогда онъ представлялъ защиту отъ урагановъ, отнынѣ онъ имъ не будетъ противиться: первый порывъ бурнаго вѣтра вырветъ и низвергнетъ его.

Для того, чтобъ королевская власть могла держаться на прежней высотѣ и обновляться, она должна продолжать дѣло преобразованій и національной эмансипаціи, чтобъ она управляла съ блескомъ, но соблюдала мѣру, остерегаясь крайностей, чтобъ государство благоденствовало и народъ былъ удовлетворенъ, чтобъ она преслѣдовала злоупотребленія и, отмѣнивъ управленіе феодаловъ, упразднила бы и права, которыя служили имъ вознагражденіемъ и которыя потеряли уже свое *raison d'être*; чтобъ она, сдѣлавши землю свободной, dokonчила дѣло освобожденія челоуѣка. Въ XVI вѣкѣ отъ монархіи требовалась вѣротерпимость, въ XVII—могущество, въ XVIII—«просвѣщенность». Если она уклонится и откажется отъ этой задачи, то въ народѣ уже настолько выработалось самосознаніе и знаніе своихъ правъ, что онъ можетъ потребовать то, на что надѣется, и во главѣ его станутъ тѣ самые легисты, которые въ теченіе пяти вѣковъ боролись за короля противъ дворянъ. Завоевавши нѣкогда для короля власть, они захотятъ раздѣлить ее съ нимъ и, въ случаѣ его сопротивленія, воспользоваться ею противъ него.

Королевская власть сложила предъ ними оружіе: она принуждена была скрыть укрѣпленія и сдать апроши: сопротивленіе становится для нея невозможнымъ, разъ оно направлено противъ самой націи. «*Tout est devenu peuple devant lui*», — говоритъ Сень-Симонъ о Людовикѣ XIV. Этотъ государственный колоссъ стоялъ одиноко среди толпы: ничто не охраняло его. Людовикъ XI подчинилъ удѣльные династіи, Генрихъ IV—религіозныя партіи, Ришелье—политическія, Людовикъ XIV—парламенты; что касается дворянства, то королевская власть въ продолженіе четырехъ вѣковъ старалась отнять у него всякое вліяніе, организацію и политическую роль. Государственное зданіе построено съ неподражаемою смѣлостью и великолѣпіемъ, но оно напоминаетъ готическій соборъ, въ которомъ главный корпусъ и стрѣльчатые своды доведены до несоразмѣрной высоты, въ ущербъ толщинѣ стѣнъ. Затѣмъ, для доставленія ему простора и воздуха, внезапно уничтожаютъ боковыя постройки и контрафорсы, поддерживавшіе главное зданіе. Оно колеблется на своемъ основаніи и при первомъ ударѣ тарана рушится подъ подавляющею тяжестью собственныхъ сводовъ и башенъ.

Людовикъ XIV довелъ до крайнихъ предѣловъ монархическій принципъ и злоупотреблялъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Умирая, онъ оставилъ Францію, изнемогавшую подъ бременемъ войнъ, истощенную проскрипціей, нетерпѣливо стремящуюся сбросить гнетъ, сознавъ всю его разоритель-

ность. Люди были исчерпаны, казна пуста, всѣ пружины лопались отъ чрезмѣрнаго напряженія, и въ этомъ громадномъ государствѣ не осталось ни одного прочнаго учрежденія: спасти его могло лишь случайное появленіе генія. Дѣла дошли до того, что только великій король могъ предотвратить революцію.

II.

Революція медленно назрѣвала въ продолженіе всего восемнадцатаго вѣка. Симптомы слѣдуютъ за симптомами; слышится глухой гулъ, замѣчаются странныя трещины въ почвѣ и тѣ таинственныя ящерицы на стѣнахъ, которыя предвѣщаютъ землетрясенія. Тогда началось то, что болѣе тягостно и нестерпимо для народа, а именно: нерѣшительность всевластія, анархія въ централизаціи. Каждый тянетъ въ свою сторону. Всѣ виды власти приходятъ въ столкновеніе. Епископы ссорятся съ парламентомъ; правительство воюетъ съ духовенствомъ и судебной властью¹⁾; пасквили распространяются во множествѣ; авторитетъ власти ослабѣваетъ. Распри вождей вызываютъ неповиновеніе народа, который приучается презирать ихъ, видя ихъ обоюдную ненависть. Только министерство Флери представляетъ минуту затишья, но эта сонная власть была болѣе продолжительна, чѣмъ послѣдовательна. Людовикъ XV, освободясь отъ опекуна, оказался безпокойнымъ, лѣнивымъ и робкимъ государемъ, ревниво оберегавшимъ свою власть. Онъ не управлялъ самъ, но и не выносилъ, чтобы министры управляли его именемъ и, не смѣя имъ противорѣчить, онъ составлялъ заговоры противъ нихъ и изподтишка мѣшалъ имъ. Кромѣ того, они интриговали другъ противъ друга и шумно ссорились. «Въ комитетахъ министровъ во времена маршала Ноаля было такъ много шума и гвалта, что мы не слышали бы ударовъ грома», — пишетъ д'Аржансонъ. Эти аристократы преируются, какъ демагоги. «Маршалъ изъ себя выходилъ, если съ нимъ спорили, кидаль свою шляпу по комнатѣ, топалъ ногами и измѣнялъ свои воззрѣнія на каждомъ засѣданіи. Де-Морепа кричалъ визгливымъ голосомъ, смѣялся и выдавалъ свои эпиграммы за несомнѣнные государственные принципы. Кардиналъ Тенсенъ прибѣгалъ къ словарю Морери за справками о самыхъ обыкновенныхъ, но неизвѣстныхъ ему, вещахъ, что случалось довольно часто». За этими комитетами слѣдовали совѣты подъ предѣлательствомъ короля; они были не лучше. Одинъ изъ министровъ пишетъ: «Члены совѣта ненавидятъ и презираютъ короля больше, чѣмъ ненавидѣли бы его самые фанатическіе республиканцы²⁾. Людовикъ XV платитъ имъ тою же

¹⁾ Rocquain, *L'Esprit révolutionnaire avant la Révolution*. Paris, 1878.

²⁾ D'ARGENSON, *Journal et mémoires*, t. IV, p. 139—146.

монетою; онъ мѣняетъ ихъ по капризу или произволу своихъ любовницъ. Неустойчивость французскаго правительства и его анархія вошли въ пословицу у иностранцевъ ³⁾. Къ концу царствованія, одинъ очень умный авантюристъ, конспирировавшій съ королемъ противъ его правительства, имѣлъ полное право отвѣчать допрашивавшему его судѣ, когда по ошибкѣ попалъ въ Бастилію: «Я отъ самого короля научился отличать его священную особу отъ особы его министровъ, потому что въ теченіе семнадцати лѣтъ, которыя я провелъ на службѣ, его величество уволилъ 26 министровъ» ⁴⁾.

Финансы поддерживаются только помощью банкротствъ. Армія разлагается. Она попрежнему можетъ проявлять чудеса храбрости и даже рѣдкой стойкости, что доказало напримѣръ отступленіе отъ Праги. Но въ общемъ, это—испорченная машина, приводимая въ движеніе проволокой, которую дергаютъ въ Версали. Генералы находятся постоянно подъ страхомъ отставки, немилости, суда, изгнанія или Бастиліи. Они помышляютъ не о побѣдахъ, а объ угожденіи начальству, не о сраженіяхъ, а о переговорахъ, не о томъ, какъ беспокоить непріятеля, а о томъ, какъ вести интригу при дворѣ. Политика завладѣла лагеремъ; она создаетъ въ немъ ненавидящія другъ друга партіи, и въ сѣтяхъ интригъ гибнетъ дисциплина ⁵⁾. Самъ по себѣ солдатъ хорошъ, но благодаря тѣмъ примѣрамъ, которые онъ видитъ передъ собой, онъ становится грабителемъ, мародеромъ, наглецомъ ⁶⁾. Это уже полнѣйшій упадокъ. Одинъ маршалъ писалъ: «Главная причина заключается въ совершенномъ незнаніи обязанностей своего званія, которымъ страдаютъ всѣ, начиная отъ подпоручиковъ до генералъ-лейтенантовъ включительно... Поручики и капитаны не умѣютъ ни управлять, ни командовать своими ротами, а вслѣдъ за ними и полковники

³⁾ Одинъ русскій писалъ 3 мая 1774: «Перевороты во французскомъ министерствѣ происходятъ черезъ довольно правильные періоды.. Каждому министру дается шесть мѣсяцевъ царствованія». Tournеux. *Revue critique*, 1884, № 21. *Correspondance du comte de Bernstorff*, отъ 31 января 1755, I. Copenhagen 1882.

⁴⁾ Dumouriez. *Mémoires*, liv. II, ch. I.

⁵⁾ *Le Secret du Roi*, par le duc de Broglie, t. I, ch. IV: *la Diplomatie secrète à l'armée*.—Frédéric II et Marie Thérèse, t. I, p. 211—217, 305—307. Frédéric II et Louis XV, t. I, p. I et suiv: *La Retraite de Prague*.

⁶⁾ Маршалъ Веллиль писалъ 6 ноября 1742: «Уныніе овладѣло умомъ и сердцемъ всѣхъ офицеровъ; съ глубокой скорбью я слышу ежедневно, что не только они произносятъ самыя преступныя рѣчи передъ войсками, но не исполняютъ никакихъ приказаній и, къ стыду націи, первые начинаютъ грабить и хватать все, что попадаетъ подъ руку...» Pajol. *Les guerres sous Louis XV*.—Yung, *Bonaparte*, t. I, ch. VIII. *État de l'armée en 1785*. Paris 1880. Bernis, *Mémoires*, p. 152, 206, 212, 241.

начальники бригадъ, генералъ-маіоры; генералъ-лейтенанты не умѣютъ вести своихъ полковъ, бригадъ, дивизій... Всѣ наши офицеры, отдѣльно взятые, такъ же мужественны, какъ непріятельскіе офицеры, болѣе талантливы и умны, чѣмъ они, но всѣ страдаютъ однимъ, очень важнымъ, недостаткомъ: почти всѣ они, начиная съ самыхъ нижнихъ чиновъ, создаютъ планы сраженій для армій, критикуютъ генерала и считаютъ свое положеніе слишкомъ низкимъ для себя» ⁷⁾.

Итакъ, вотъ зло, составляющее первую причину всѣхъ революцій: разнужданность, паденіе и банкротство власти ⁸⁾. Что касается духа мятежа, то онъ всегда присущъ человѣческой душѣ. Стоитъ плотинѣ прорваться, чтобъ анархія разлилась повсюду. Парижъ наполненъ трибунами, любящими ораторствовать передъ толпою, несчастными, негодями или безумцами, готовыми идти вслѣдъ за ними. Демагогическая легенда распространяется въ средѣ темной массы; у нея имѣется свое живое преданіе. Французскія революціи во время столѣтней войны служатъ прототипомъ всѣхъ остальныхъ. Мы видимъ, что вожди корпорацій, организовавшись и образовавъ муниципальную общину, захватываютъ власть; они овладѣваютъ дворцомъ и съ оружіемъ въ рукахъ провозглашаютъ, какъ исходящую отъ народа, волю сопровождающей ихъ шайки; убиваютъ министровъ на глазахъ государя, объявляютъ диктатуру и управляютъ посредствомъ террора. Этьенъ Марсель напоминаетъ Дантона; Кабошъ предвѣщаетъ Мальяра. Въ XVI вѣкѣ Лига примѣшивалась къ духу анархіи религіозный фанатизмъ. Въ Лигѣ уже проявляется грозная организація якобинцевъ, ее боятся и на нее доносятъ, какъ будутъ впослѣдствіи доносить на знаменитое общество. Сент-Симонъ говоритъ о сообщникахъ Гиза такимъ тономъ, какимъ Жозефъ де-Местръ могъ бы говорить о приверженцахъ Робеспьера: «Эти яростные проповѣдники, эти подонки фанатизма, которые внесли столько смуты въ невѣжественный умъ и слабую совѣсть тѣхъ, кто составляетъ народъ... За этой гидрой Лиги, пожирающей Европу, гонится смерть, и всѣ ея замыслы будутъ ниспровергнуты» ⁹⁾.

У мятежей есть свои прецеденты и рутинныя формы. Рецъ говоритъ, что въ 1648, «движеніе было подобно внезапному и сильному пожару, охватившему весь городъ. Всѣ вооружились: у пяти и шестилѣтнихъ дѣтей видѣли въ рукахъ кинжалы, которые приносили имъ самими матерями. Менѣе, чѣмъ въ два часа въ Парижѣ возникло болѣе тысячи двух-

⁷⁾ Донесеніе маршала де-Брольи въ 1759. *Le Secret du Roi*, t. I, p. 343.

⁸⁾ Докладъ венеціанца Пизани о причинахъ революціи. Romanin, *Storia di Venezia*. Venice 1859, t. IX.—FRANCHETTI, t. I, p. 50.

⁹⁾ *Parallèle*, p. 47 и 121.

сотъ баррикадъ, съ знаменами и всѣмъ оружіемъ, которое уцѣлѣло отъ рукъ Лиги».

Столѣтіемъ позже, одинъ министръ Людовика XV писалъ: «Парижъ полонъ горячаго матеріала: уличный мятежъ можетъ перейти въ возстаніе, возстаніе—въ полную революцію, во время которой будутъ избраны настоящіе народные трибуны, комиціи и коммуны...»¹⁰⁾. «Парижане находятся въ большомъ волненіи...» Одинъ чиновникъ сказалъ мнѣ, что если упразднить Шатле, то онъ не сомнѣвается, что воздвигнуть баррикады, и это будетъ началомъ революціи»¹¹⁾.

Въ серединѣ столѣтія, политическое возбужденіе проявляется повсюду¹²⁾. Въ 1749, появился памфлетъ съ такимъ обращеніемъ къ королю: «Людовикъ! Если ты и былъ нѣкогда предметомъ нашей любви, то только потому, что твои пороки были намъ еще неизвѣстны; въ этомъ королевствѣ, которое обезлюдѣло, благодаря тебѣ, и отдано въ добычу скоморохамъ, царствующимъ вмѣстѣ съ тобою, французы остаются только для того, чтобъ ненавидѣть тебя!» Въ тотъ же годъ появился другой памфлетъ, начинающійся словами: «Проснись, тѣнь Равальяка!»¹³⁾. Еще въ 1720 г., въ городѣ были разбросаны прокламаціи съ слѣдующими словами: «Убейте тирана и не заботьтесь о послѣдствіяхъ». Несмотря на кажущуюся веселость, любезность и пріятность, французы, и въ особенности парижане, способны развирѣпить и перейти, какъ говорилъ Вольтеръ, «отъ оперы къ Варолюмеевской ночи»¹⁴⁾. Причиною служили страшная бѣдность, частое повтореніе неурожаевъ, мятежи въ провинціяхъ, разбои на дорогахъ и то, что Парижъ является очагомъ всѣхъ волненій¹⁵⁾.

Коноводамъ и поджигателямъ стоило только, по выраженію Редерера, обратиться къ голоду, чтобъ вызвать жестокость. Справедливость этихъ словъ внѣ всякаго сомнѣнія. Въ 1754 г. д'Аржансонъ предполагалъ, что дѣло начнется «убійствомъ нѣкоторыхъ священниковъ, даже, можетъ быть, парижскаго архіепископа». Въ 1750 г. разнесся слухъ о похищеніи дѣтей для населенія колоній. Предмѣстья возстали. Многіе полицейскіе убиты. Толпа собралась передъ домомъ начальника полиціи. Она кричала, что надо убить его и *сжечь его сердце*; заговорили о томъ, чтобы идти сжечь Версаль. Начальникъ полиціи, «блѣдный, какъ утопленникъ», спасся только тѣмъ, что выдалъ бунтовщикамъ одного полицейскаго, котораго

¹⁰⁾ D'ARGENSON. *Journal*, 1751.—¹¹⁾ Ibid., 1753.

¹²⁾ *Journal de Barbier*. 1748.

¹³⁾ ROCQUAIN, *l'Esprit révolutionnaire*, liv. IV.

¹⁴⁾ Письмо отъ 1776. *Lettres inédites*, publiées en 1856 par M. de Cayrol. SAINTE-BEUVE. *Causeries*, t. XVIII, статья: *Voltaire*.

¹⁵⁾ Taine, *l'Ancien Régime*, liv. V. *Le Peuple*.—DESNOIRESTERRES, *Voltaire et J. J. Rousseau*, p. 464.

тотчасъ-же затащили въ канаву и убили¹⁶⁾. Закончимъ словами двухъ министровъ Людовика XV: «Все разсыпается на части».—«Все разлагается: напрасно чинять зданіе съ одной стороны, оно рушится—съ другой. Мы доживаемъ до послѣдняго періода упадка»¹⁷⁾.

Всѣ эти факты существуютъ, всѣ эти причины дѣйствуютъ и всѣ эти послѣдствія проявляются еще до Семилѣтней войны. Философы только что начали свой походъ. *Духъ Законовъ* вышелъ въ свѣтъ въ 1748 г.; первые томы энциклопедій появились въ 1751 г.; Вольтеръ жилъ тогда въ въ Пруссіи, работая надъ своей книгой *Вѣкъ Людовика XIV*; Рейналь былъ почти неизвѣстенъ; Руссо знали только по его рѣчи въ Дижонѣ, а Мабли—какъ компилятора по публичному праву. Но духъ свободнаго изслѣдованія, духъ критики носился въ воздухѣ, къ нему примѣшивалось чувство безпокойства и неудовлетворенности. Когда парламенты играли въ римскій сенатъ, когда въ 1726 г. въ юридическихъ консультаціяхъ громко читали о томъ, что «законы представляютъ собою договоры между правителями и управляемыми»¹⁸⁾, когда въ одномъ изъ главнѣйшихъ учреждений государства рѣшительно возмѣщалось, что «если подданные обязаны повиноваться королямъ, то и короли, съ своей стороны, обязаны повиноваться законамъ», что «нація выше королей, подобно тому, какъ церковь выше папы»¹⁹⁾, тогда, говорю я, общество уже созрѣло для пропаганды революціонныхъ ученій, и она являлась кетати, чтобъ поднять духъ людей²⁰⁾. Умы были къ ней расположены и государство, такъ-сказать, открыло всѣ пути своимъ противникамъ. Бѣдствія Семилѣтней войны послужили окончательнымъ толчкомъ. Философы дали революціи, подготовленной ошибками правительства, вождей, кадры, доктрину, направление, увлекательность иллюзій, пламенную надежду. Философы не создали причинъ этой революціи; они лишь открыли ихъ, способствовали ихъ проявленію, одушевили ихъ страстью, ускорили ихъ развитіе, но не они—причина разложенія стараго общества; они потому только и могли вызвать революцію, что это общество уже разлагалось.

Что революція не разразилась въ царствованіе Людовика XV—объясняется тѣмъ, что Франція осталась страной глубоко-роялистскою и, какъ выразился одинъ современникъ, она уважаетъ надежду на новое царствованіе.

¹⁶⁾ ROCQUAIN. *L'Esprit révolutionnaire*, p. 136.

¹⁷⁾ D'ARGENSON, 1752, VII, p. 295.—BERNIS, 1858, p. 221, 238.—ROCQUAIN, p. 161.

¹⁸⁾ ROCQUAIN, p. 56—57.

¹⁹⁾ Remontrances 1753, 23 мал.

²⁰⁾ Исторія этой пропаганды написана такъ блистательно, что къ ней не стоитъ возвращаться.—Тэнъ. *Старый порядокъ*, т. IV. *Распространеніе ученій*.

Въ этомъ кризисѣ, какъ и въ предыдущихъ, сбившаяся съ пути нація аппелируетъ къ королю. Она всего ждетъ отъ него, вѣруя, что онъ можетъ все сдѣлать. Многіе, конечно, говорятъ о политической свободѣ, но у большинства только смутное представленіе о ней, и никто не знаетъ ея по опыту. Къ ней стремятся только ради ожидаемыхъ отъ нея результатовъ, т. е. реформъ, которыя само государство можетъ совершить по доброй волѣ²¹⁾.

Наиболѣе существенная и важная изъ нихъ есть то, что называется гражданской свободой²²⁾, т. е. свобода личности и собственности, самая основа свободы, безъ которой немыслима всякая другая; она состоитъ единственно въ уничтоженіи послѣднихъ слѣдовъ феодализма. Второй видъ свободы заключается въ правильномъ распредѣленіи налога между всѣми гражданами. И то и другое выгодно для государства: первое доставляетъ ему преданныхъ подданныхъ, второе—обильные доходы. Этого рода свобода невыгодна только для привилегированныхъ классовъ—для дворянъ и духовенства, т. е. для тѣхъ классовъ, которые государство въ продолженіе пяти вѣковъ старается привести къ повиновенію. Оно найдетъ средство обогатиться, сдѣлавшись популярнымъ. Это вѣнецъ его работы. А потому совѣтниковъ и легистовъ государства постоянно волнуетъ этотъ вопросъ. Ихъ портфели наполнены проектами: комитетамъ собраній и государственнымъ совѣтникамъ VIII года оставалось только пользоваться ими.

Идея составленія кодекса была не нова²³⁾. Д'Агессо приглашаетъ всѣ парламенты принять участіе въ этомъ великомъ трудѣ. «Совершенство законовъ,—говоритъ онъ,—состоитъ въ ихъ возможной простотѣ и общедоступности. Законъ долженъ быть выраженіемъ принципа». Потѣ взялъ на себя часть работы; его сочиненія сдѣлались хлѣбомъ насущнымъ для редакторовъ гражданского кодекса. Машо обдумывалъ реформу налоговъ²⁴⁾; Молленъ, совершившій ее въ послѣдствіи, изучалъ ее въ бюро министерствъ. Лебрень, получившій титулъ герцога, когда Молленъ получилъ графское

²¹⁾ TOCQUEVILLE. *L'Ancien Régime*, liv. III, ch. III. *Comment les Français ont voulu des réformes avant de vouloir des libertés*.

²²⁾ «Прежде всего и больше всего интересуется народъ гражданскими и обыкновенными законами: они захватываютъ его съ колыбели и проходятъ черезъ всю жизнь; въ нихъ та свобода, которая служитъ правиломъ и основой обиходной жизни гражданъ; изъ законовъ онъ узнаетъ границы своихъ правъ и систему своихъ обязанностей. Только гражданскіе законы создаютъ гражданъ». MALLET DU PAN. *Mémoires et Correspondance politique*, 1796. — SAYOUS, t. II, p. 242.

²³⁾ VIOLLET. *Précis*, p. 169.

²⁴⁾ RENÉ STOURM, *Les finances de l'Ancien Régime et de la Révolution*. Paris, 1885.

достоинство, еще въ 1769 г. приготовилъ для Мопу, у котораго былъ секретаремъ, цѣлый планъ реорганизаціи судебнаго вѣдомства. Этотъ самый планъ, за немногими исключеніями, былъ принятъ въ началѣ того столѣтія²⁵⁾. Лашалоте, Гюйтонъ де Морво и президент Роландъ предлагаютъ передать народное просвѣщеніе въ руки государства; въ ихъ статьяхъ содержится въ зародышѣ французскій университетъ, съ его высшимъ совѣтомъ, инспекторами, нормальными школами²⁶⁾.

Нѣкоторые идутъ еще далѣе и помышляютъ о преобразованіи всѣхъ учреждений; если это полезно для гражданъ, то еще полезнѣе для государства. Я не говорю объ утопистахъ: вотъ, напримѣръ, какимъ языкомъ говоритъ съ королемъ бывший интендантъ, опытный въ государственныхъ дѣлахъ и сдѣлавшійся въ послѣдствіи министромъ, Тюрго: «Пока ваше величество будете держаться справедливости, вы можете считать себя неограниченнымъ законодателемъ и рассчитывать, что вашъ добрый народъ будетъ неуклонно исполнять ваши повелѣнія»²⁷⁾. Цѣлью Тюрго было соединить въ рукахъ короля всѣ силы націи и такимъ путемъ облегчить дѣло управленія народомъ²⁸⁾. Образование дисциплинируетъ народъ и образуетъ людей. «Ваше величество нашли бы повсюду таланты, добродѣтели, безкорыстіе, честь и усердіе. Быть хорошимъ человѣкомъ стало бы обыкновенною вещью. Связь, соединяющая всѣ части вашего королевства, естественно способствовала бы его расширенію и всѣ силы его какъ бы удесятирились»²⁹⁾. Въ видахъ содѣйствія выполненію такой задачи, Тюрго придумалъ цѣлую іерархію муниципальных собраній, которая, постепенно возвышаясь, заканчивалась бы «великимъ муниципалитетомъ королевства», собирающимся вокругъ короля разъ въ годъ на шесть недѣль; это собраніе должно было вести дѣло не управляя, излагать свои желанія, не создавая законовъ, и обсуждать принципы, не устанавливая никакихъ правилъ для ихъ примѣненія. «Королевская власть, узнавая такимъ путемъ желанія народа, не будетъ стѣснена, и общественное мнѣніе будетъ удовлетворено, не подвергая отечество опасности»³⁰⁾. Лебрень предлагалъ штаты, которые были бы совѣтомъ короля. «Тогда никакая власть не можетъ измѣнить, ни-

²⁵⁾ FLAMMERMONT. *La Réforme judiciaire et le chancelier Maupeou*. Paris, 1880. *Le Chancelier Maupeou et les Parlements*. Paris, 1884.—LEBRUN (duc de Plaisance), *Opinions, rapports et choix d'écrits politiques*. Paris, 1829.

²⁶⁾ ALBERT DURUY. *L'Instruction publique et la Révolution*. Paris, 1882.

²⁷⁾ TURGOT. *Oeuvres*, t. VII, p. 389.—²⁸⁾ Id. t. II, p. 506.—²⁹⁾ Id. t. VII, 682.

³⁰⁾ *Mémoire de 1775*.

какое препятствие остановить королевскую волю, просвещаемую мнѣніями штатовъ»³¹⁾.

Это духъ просвѣщеннаго правительства, духъ вѣка, духъ французской монархіи въ годы ея благотворнаго развитія. Только, усвоивая идеи своего времени и согласуя желанія націи съ интересами государства, Карлъ V, Людовикъ XII, Генрихъ IV, Людовикъ XIV сдѣлались великими государями и основали такую могучую династію. Въ этой задачѣ нѣтъ ничего, что превышало бы силы монархіи и нарушало бы ея достоинство³²⁾. Токвиль говоритъ: еслибъ на престолѣ Франціи былъ тогда государь съ характеромъ Фридриха Великаго, то я не сомнѣваюсь, что онъ совершилъ бы и въ обществѣ и въ правительствѣ многія изъ тѣхъ великихъ реформъ, которыя совершены были революціей, причемъ не только не утратилъ бы своей короны, но еще значительно увеличилъ бы свое могущество³³⁾.

Это было понято единственнымъ великимъ политикомъ той смутной эпохи. Мирабо писалъ въ 1790 г.³⁴⁾: «Королевская власть наследственная въ династіи Бурбоновъ; законодательный корпусъ, періодически избираемый на продолжительное время и обязанности котораго ограничиваются составленіемъ законовъ; единство и обширность высшей исполнительной власти во всемъ, что касается администраціи королевства, исполненія законовъ, направленія народныхъ силъ; налоги, переданные въ исключительное вѣдѣніе законодательнаго корпуса; новое раздѣленіе королевства; бесплатное правосудіе, свобода печати, отвѣтственность министровъ, продажа вотчинъ и церковныхъ имѣній, установленіе королевскаго бюджета и упраздненіе сословныхъ привилегій и сословныхъ поборовъ; ни феодализма, ни парламентовъ, ни дворянства, ни духовенства, какъ сословія; устраненіе мѣстныхъ штатовъ и провинціальныхъ совѣтовъ; вотъ что я понимаю подъ основами конституціи. Онѣ ограничиваютъ королевскую власть только затѣмъ, чтобы сдѣлать ее сильнѣе; онѣ совершенно гармонируютъ съ монархическимъ правительствомъ».

Въ 1774, когда умеръ Людовикъ XV, желанія были гораздо скромнѣе. Народъ довѣрялъ королю, и общественное мнѣніе не стало бы торговаться съ нимъ изъ-за власти, если бы онъ воспользовался ею для желанныхъ

³¹⁾ *La voix du citoyen*, 1789.

³²⁾ «Надо постоянно повторять себѣ ту великую истину, что монархія начинается съизнова, а потому необходимо прибѣгнуть къ элементамъ, т. е. извлечь изъ средняго сословія ту пользу, какую извлекли изъ него первые короли Франціи». RIVAROL, *Mémoire à Louis XVI*, 1791.—Lrscure, *Rivarol*. Paris, 1883.

³³⁾ *L'Ancien Régime*, I. III, ch. III.

³⁴⁾ BACOURT, *Correspondance entre Mirabeau et le comte de la Marc*. Trentième note pour la cour. Paris, 1851.

реформъ. Никогда еще не говорили такъ много о Генрихѣ IV и никогда не расхваливали въ такой степени Ришелье. Воображеніе рисовало идеальный образъ короля-законодателя и, въ силу какого-то страннаго атавизма, философы придавали государю будущаго черты легендарнаго героя среднихъ вѣковъ. При возникновеніи династіи, легисты первыхъ Капетинговъ вызывали передъ этими слабыми государями великій образъ Карла Великаго, рисуя его какъ основателя имперіи, и въ смутныхъ воспоминаніяхъ о его царствованіи искали правъ королевской власти³⁵⁾. Восемь вѣковъ спустя, философы опять ставятъ его въ примѣръ и ждутъ, что примѣръ его научитъ Людовика XVI, какъ преобразовать государство. Одинъ современникъ говоритъ: «Мабли рисуетъ намъ Карла Великаго какъ философа, патріота, законодателя. Онъ показываетъ намъ этого государя отрекающимся отъ самовласти, всегда пагубнаго для государей. Карлъ признавалъ вѣчныя права человѣка, права, нынѣ забытыя»³⁶⁾. Эта величавая фигура, поднимавшаяся на зарѣ монархіи, стояла еще во весь ростъ, когда день ея склонялся къ вечеру. Филиппъ Августъ былъ весь проникнутъ ею; она вполне овладѣла воображеніемъ Бонапарта. Взгляды Людовика XVI не уносились такъ далеко.

III.

Задача была трудная. Направлять эти беспокойные умы, сдерживать безпорядочный потокъ общественнаго мнѣнія, въ то же время пользоваться имъ для своихъ цѣлей, господствовать надъ народомъ, освобождая его, одолѣть сопротивление привилегированныхъ классовъ и, лишая ихъ привилегій, удерживать въ повиновеніи, подводить, такъ сказать, новый фундаментъ подъ зданіе и, разрушая старые столбы, воздвигать въ то же время новые; вотъ дѣло, требовавшее смѣлаго, широкаго и гибкаго ума. Тутъ нуженъ былъ человѣкъ закала Генриха IV, сильный и ловкій, отважный политикъ, изобрѣтательный и предприимчивый умъ¹⁾. Хотя Людовикъ XVI былъ одаренъ всѣми качествами, пригодными для того, чтобы сдѣлать династію популярной въ спокойныя времена, но не обладалъ ни однимъ изъ тѣхъ свойствъ, которыя необходимы для утвержденія или обновленія ея въ смутныя времена. Онъ былъ, такъ сказать, королемъ идиллій или тенденціозно-

³⁵⁾ Guizot. *Civilisation en France*, t. IV, leçon XIII.

³⁶⁾ *Eloge de Malby*, par l'abbé BRISARD, couronné par l'Académie des inscriptions. 1787.—MABLY. *Observations sur l'Histoire de France*, t. I, ch. II.

¹⁾ Мопу говорилъ Лебрёну въ 1769: «Только король, обладающій энергическимъ характеромъ, окруженный славою, господствующій надъ общественнымъ мнѣніемъ, можетъ задумать и довести до конца подобное предпріятіе; такой король найдетъ министровъ, которые ему помогутъ, и націю, которая будетъ ему повиноваться». LEBRUN. *Opinions*.

нравственных повѣстей, но не годился въ герои той суровой трагедіи, которую несъ въ себѣ вѣкъ. У него были знанія и здравый смыслъ, но лѣнивый и перѣшительный умъ и никакого характера. Онъ казался тяжеловатымъ, скромнымъ и покорнымъ судьбѣ. «Слабость и перѣшительность короля превосходятъ всякую мѣру,—негодовалъ его братъ, графъ Прованскій. Представьте себѣ, что вы тщетно стараетесь удержать вмѣстѣ шары изъ слоновой кости, смазанныя масломъ»²⁾). Люди дѣлали, что хотѣли, событія шли своимъ чередомъ, онъ не мѣшалъ первымъ, не предупреждалъ вторыхъ вслѣдствіе небрежности, оптимизма или недовѣрія къ себѣ и другимъ. Полный трогательнаго, но безсильнаго стремленія къ добру, неспособный, непоследовательный въ своихъ желаніяхъ, вѣчно готовый мѣнять свои намѣренія по добродушію, апатичности или чувству совѣстливости, онъ пытался примирить противорѣчія, которыя были не примиримы.

За неимѣніемъ великаго короля, Франція нуждалась въ великомъ министрѣ. Но Людовикъ XVI, не обладавъ гениальной смѣлостью Генриха IV, не обладалъ и знаніемъ распознавать людей и умѣньемъ царствовать,—которыя замѣняли прочія дарованія Людовику XIII. Не зная людей, а потому равнодушный къ нимъ, боясь больше всего людей съ рѣзкимъ опредѣленнымъ характеромъ, смущаясь и пугаясь въ другихъ той рѣшимости, которой онъ стыдился не находить въ себѣ самомъ, Людовикъ XVI не отличилъ бы и ни за что не сталъ бы поддерживать на примѣръ такого человѣка, какъ Ришелье. Имѣть министра на англійскій ладъ показалось бы униженіемъ. Онъ не вынесъ бы опеки какого-нибудь Питта, а между тѣмъ непосредственное пользованіе своею властью утратило его. Энергичныя мѣры внушали ему отвращеніе; онъ любилъ народъ, считалъ себя популярнымъ, и мысль о жестокихъ мѣрахъ возбуждала въ немъ ужасъ. Перенесясь отъ идилліи къ драмѣ, онъ съ тоскою отворотилъ взоры и отступилъ передъ пролитіемъ крови. Только сердечное чувство и религіозныя вѣрованія были въ немъ опредѣленны и тверды. Вмѣсто королевской доблести у него были всѣ добродѣтели частныхъ людей: сердце, полное нѣжности, вѣрность въ привязанностяхъ, скромность, доходящая до самоотреченія, кротость, доходящая до самопожертвованія. Когда коснулись его душевнаго строя, онъ внезапно воспрянулъ, кровь святого Людовика, уцѣлѣвшая въ немъ, ожила и онъ выросъ до величавости. «Король—ничто», писалъ одинъ иностранный посланникъ³⁾). Этотъ дипломатъ ошибался. Людовикъ XVI былъ честнымъ человекомъ и добрымъ христіаниномъ; но онъ не былъ королемъ. Онъ умѣлъ любить, прощать, страдать, умереть. Онъ не умѣлъ царствовать. Онъ не

²⁾ Вассурт, *Mirabeau et la Marc.*

³⁾ M. de Staël 22 Octobre 1789. *Correspondance*, publiée par. M. Léouzeu. Leduc. Paris 1881.

способенъ былъ направлять революцію, онъ ее только выносилъ. Самая слабость его управленія ускорила кризисъ. Противорѣчія, въ которыхъ онъ запутался, возникли при самомъ началѣ его царствованія. Онъ попробовалъ управлять при содѣйствіи общественнаго мнѣнія; созвалъ парламенты и довѣрилъ министерство реформаторамъ. Парламенты были упразднены вслѣдствіе того, что отказывали въ повиновеніи. Возстановленіе ихъ придало имъ смѣлости, и такъ какъ реформы, которыя предполагалось ввести въ государство, пришлись имъ не по вкусу, они воспротивились имъ тѣмъ упорнѣе, что сознавали свое могущество.

Тюрго, который привлекъ Людовика XVI на сторону своихъ идей, представлялъ собою все, что было наиболѣе благороднаго и возвышеннаго въ стремленіяхъ государственныхъ людей того времени. Никто не былъ достойнѣе его занять постъ «просвѣщеннаго министра» «добродѣтельнаго государя». Начатое въ предыдущіе вѣка дѣло централизаціи онъ продолжалъ, сообразуясь съ формами, свойственными его времени. Цѣлью всѣхъ этихъ проектовъ было объединеніе въ націю и управленіи. Тюрго началъ съ экономическихъ и социальныхъ реформъ. Людовикъ XVI издалъ указъ о свободѣ зерновой торговли, объ уничтоженіи барщины и цеховыхъ корпорацій. Это была цѣлая революція въ торговлѣ, промышленности, земледѣліи, слѣдовательно—во всѣхъ общественныхъ интересахъ. Тюрго рассчитывалъ довести ее до конца съ помощью двухъ факторовъ, которые оба разомъ обманули его надежды; то были: общественное мнѣніе, требовавшее реформъ, но вовсе не подготовленное принимать ихъ практическія послѣдствія, и королевская власть, не обладавшая прежнимъ обаяніемъ, необходимымъ для того, чтобы руководить общественнымъ мнѣніемъ, а при случаѣ и сопротивляться ему. Самъ Тюрго, хотя опытный администраторъ, слишкомъ увлекался несбыточными надеждами и не отдавалъ себѣ достаточнаго отчета въ могущихъ встрѣтиться затрудненіяхъ. Онъ былъ резонирующей идеалистъ и, работая какъ бы на *tabula rasa*, пренебрегалъ исторіей, что въ политикѣ всегда приводитъ къ непониманію силы вещей.

Онъ хотѣлъ, чтобы король былъ «самовластнымъ законодателемъ». Это было діаметрально противоположно тому, чего хотѣли парламенты; они отказались внести указы въ книгу законовъ. И однако указы отвѣчали желаніямъ общественнаго мнѣнія; но послѣднее не имѣло ни центра, ни органа: это были всѣ и никто. Сопротивленіе же исходило отъ вліятельной государственной корпораціи—это было лишь нѣсколько человѣкъ, но они были все. Большинство сопротивляющихся сознавало необходимость реформъ, ихъ требовали вообще, но противились тѣмъ пунктамъ каждой отдѣльной реформы, которые затрогивали ихъ интересы. Въ цѣломъ, планъ Тюрго былъ популяренъ, но каждая детальная мѣра, принимаемая для его вы-

полненія, вызвала организованное противодѣйствіе, задерживавшее его выполненіе. А между тѣмъ это противодѣйствіе не было непреодолимо. Можно было парализовать его вліяніе, противопоставляя ему тѣ самые элементы, изъ которыхъ оно было составлено. Въ самомъ дѣлѣ, если котеріи и продолжали существовать, то люди, составлявшіе ихъ, сдѣлались очень схожими; на нихъ-то и надо было дѣйствовать ихъ общими идеями, а не затрогивать частныхъ интересовъ. Если, съ одной стороны, каждый стоялъ за свои личныя привилегіи, то, съ другой—каждый готовъ былъ уничтожить привилегіи другого: всѣ единогласно осуждали самый принципъ привилегій⁴⁾. Потому-то частныя реформы столкнулись съ такими препятствіями, какихъ не встрѣтила полная революція, и привилегированные классы въ теченіе одной ночи сами сдали народу ту крѣпость, входъ въ которую такъ упорно защищали отъ короля.

Король долженъ былъ, во что бы то ни стало, сломить сопротивление; Людовикъ XVI не отважился на это; онъ пожертвовалъ своимъ министеромъ. Тюрго вступившій въ министерство въ 1774 г. среди самыхъ блестящихъ надеждъ, вышелъ изъ него два года спустя, среди всеобщаго разочарованія. Его министерство только увеличило число недовольныхъ. Онъ обнаружилъ передъ глазами народа двѣ истины, одинаково пагубныя для монархіи: необходимость великой реформы и безсиліе совершить ее со стороны королевской власти. Съ нимъ исчезла всякая надежда на обновленіе управленія, сохраненіи его старой формы, и попробовали прибѣгнуть къ палліативамъ. Не имѣя возможности добраться до причины болѣзни, постарались уничтожить ея симптомы. Неккеръ пытался улучшить финансы. Въ его распоряженіи было только два средства: порядокъ и экономія. Но, употребляя эти средства, онъ натолкнулся на злоупотребленія, а косвенно—на привилегіи. Онъ потерялъ такую же неудачу и въ силу такихъ же причинъ, какъ Тюрго, вышелъ въ отставку въ 1781 г. Монархіи оставалось лечиться сдѣлками, рутинными и эмпирическими средствами. Послѣ старика Морепа она прибѣгаетъ къ низшимъ должностнымъ лицамъ: Жоли де Флери и д'Ормессону, и, отчаявшись въ успѣхѣ, въ 1783 г. отдается въ руки политическому шарлатану, Калонну, легкомысленному расточителю денегъ и проектовъ, который льститъ капризамъ придворныхъ, ослѣпляетъ высшій кругъ своимъ фанфаронствомъ, наконецъ, обезумѣвъ отъ собственной самонадѣянности, соритъ государственными доходами, губитъ послѣднія ставки въ дипломатической игрѣ и съ самонадѣянными нахальствомъ ведетъ монархію къ окончательной катастрофѣ⁵⁾.

⁴⁾ TOCQUEVILLE, *L'Ancien Régime*, I. II ch. IX.

⁵⁾ Droz, *Histoire de Louis XVI*. Paris, 1839—42. — Chérest, *La chute de l'Ancien Régime*.

Такъ какъ попытка снова привлечь народъ на свою сторону не удалась, благодаря сопротивленію привилегированныхъ классовъ, то правительство попробовало опереться на ихъ содѣйствіе. Заставивши его отступить, они тѣмъ самымъ внушили ему довѣріе въ свою прочность, и оно попыталось снова соединить ихъ вокругъ себя. Началась реакція въ пользу дворянства, ее примѣнили прежде всего къ арміи: въ 1781 г. приказомъ по войскамъ требовались доказательства дворянства для полученія высшихъ чиновъ. Разночинцы были глубоко оскорблены; всѣ, кого затронула эта мѣра, видѣли въ революціи единственную надежду на повышеніе по службѣ. Кромѣ того, армія фрондировала и офицеры изъ дворянства интриговали противъ двора не меньше другихъ. Постоянныя перемѣны въ дисциплинѣ раздражали начальство и утомляли солдатъ; недовольство вело къ упадку субординаціи. Одинъ современникъ рассказываетъ, что въ 1788 году на учебномъ полѣ принца Конде «предпріятія министерства Бриенна были предметомъ всѣхъ разговоровъ, причемъ сопротивленіе парламентовъ вызвало громкое одобреніе, поведеніе двора—безпощадное порицаніе, а недостатки и пороки послѣдняго сильно преувеличивались»⁶⁾. Судили и редили о правахъ народа, восхищались англійскими офицерами и завидовали имъ, говоря, что они «люди свободные, а не солдаты-машины короля-деспота». Словомъ, армія дезорганизовывалась, и такимъ путемъ подготавлилось то распаденіе, которое, по выраженію Ривароля, не причина революціи, но сама революція.

Оба парламента проявляли вполне мятежное настроеніе. Не заботясь объ укрѣпленіи государства, они, напротивъ, старались расшатать его. Они находили, что правительство еще слишкомъ сильно и что необходимо поспособить этому злу, ослабивъ его власть. Потому-то и защищали они съ такимъ рвеніемъ свои привилегіи. Но, требуя возврата тѣхъ преимуществъ, которыми кичились и съ помощью которыхъ рассчитывали играть роль англійскаго парламента, они одновременно ссылались на тѣ знаменитые основныя законы, на которые нельзя было опираться, не подрывая всего зданія монархіи. Неспособные руководить народомъ, они могли, однако, волновать его⁷⁾. Въ ихъ собраніяхъ раздавались громкія требованія созванія Генеральныхъ штатовъ, на которыя откликнулась вся Франція. Это былъ призывъ къ надеждѣ, и всѣ сердца были переполнены ею. Всѣми чувствовалось, что настоящее положеніе не можетъ продолжаться, что кризисъ неминуемъ и что правительство не стояло на высотѣ своей за-

⁶⁾ Miot de Méliot, *Mémoires*, t. I, p. 3. Paris, 1873. Miot былъ тогда военнымъ комиссаромъ. — Chérest, *Chute de l'Ancien Régime*, t. II. p. 87.

⁷⁾ TOCQUEVILLE, *Mélanges*, chapitres inédits, ch. III. *Comment le Parlement à l'aide des précédents renversa la monarchie*.

дачи. Отдѣльныя личности могли заблуждаться и сталкиваться въ своихъ интересахъ. Всѣмъ казалось, что общая воля не подвержена заблужденіямъ; что достаточно собрать людей, чтобы они согласились между собою дать слово народу для того, чтобы всѣ подчинились его приговору, который неизбежно будетъ приговоромъ разума и справедливости. Королевская власть отклонила отъ себя эту работу; рѣшили сдѣлать ее сами. Неудачи власти и затрудненія правительства перестали тревожить, коль скоро явилась надежда завоевать свободу, а при свободѣ, какъ полагали, все станетъ легкимъ и возможнымъ, къ ней воспылали восторженной страстью, слѣпо повѣрили въ ея силу и отъ ея наступленія ждали вознагражденія за всѣ неудачи. Гласъ народа во всѣхъ умахъ дѣйствительно сдѣлался Божиимъ гласомъ, который понижаетъ горы, умиряетъ океаны и преобразуетъ души ⁸⁾.

Правительство между тѣмъ колебалось. Какъ-бы то ни было, въ этомъ призывѣ къ неизвѣстному было что-то, пугавшее его. Оно боялось пристать къ тому таинственному берегу къ которому его неудержимо несло теченіемъ. Оно попыталось плыть вдоль берега и созвало провинціальныя собранія; въ этихъ собраніяхъ преобладало третье сословіе; въ нихъ оно и организовалось. Правительство, которое не могло само совершить реформы, «дало право ихъ требовать тѣмъ самымъ сословіямъ, которыхъ наиболѣе раздражило своимъ отказомъ даровать эти реформы» ⁹⁾. Собранія довершили гибель всѣхъ учреждений стараго режима и сдѣлали созывъ генеральныхъ штатовъ болѣе неизбежнымъ, показавши, что онъ не только необходимъ, но и не затруднителен ¹⁰⁾. Только министерство рѣшилось прибѣгнуть къ послѣднему палліативу и въ 1787 г. созвало нотаблей; это собраніе пришло къ тому же заключенію и высказало его въ еще болѣе настоятельной формѣ. Ничего не оставалось дѣлать; пришлось рѣшиться на эту крайнюю мѣру.

Всѣ эти колебанія и перемѣны окончательно ослабили государственную пружину. Начиная съ верхнихъ ступеней іерархіи до низшихъ, начиная отъ центровъ до краевъ—все было парализовано. Пораженіе правительства, ослабленіе общественной власти, отсутствіе авторитета, ослабленіе дисциплины въ арміи и, какъ результатъ—нежеланія командовать и повиноваться, невозможность репрессалій—вотъ итогъ стараго порядка, когда насталъ моментъ свести счеты. Онъ истомилъ всѣхъ и истощилъ всѣ свои средства и способы. Не находя ресурсовъ въ самомъ себѣ, онъ искалъ

⁸⁾ M-me de STAEL, *Considerations sur la révolution française*.

⁹⁾ D'ARBOIS DE JUBAINVILLE, *L'Administration des intendants*.

¹⁰⁾ LÉONCE DE LAVERGNE, *Les Assemblées provinciales*, ch. XXXV. Paris, 1860.

ихъ извнѣ и просилъ ихъ у страны. Генеральные штаты были созваны на 1789 г.

IV.

Французы стали возлагать всѣ свои надежды на свободу, послѣ того какъ ранѣе возлагали ее на короля. Языкъ свободы былъ новъ. Они говорили на немъ со страстнымъ увлеченіемъ, но истинный смыслъ его, въ большинствѣ случаевъ, ускользалъ отъ нихъ, подобно тому, какъ ускользаетъ отъ мертвыхъ языковъ дѣйствительный смыслъ чуждыхъ имъ понятій, которыя хотѣли-бы передать чрезъ ихъ посредство. Мысль продолжала еще охранять привычки деспотизма. Нѣсколько человѣкъ, болѣе просвѣщенныхъ, болѣе проникательныхъ, опередившихъ свой вѣкъ, склонялись, по примѣру Монтескье, къ конституціи, сходной съ англійской. Но это были отборные люди, люди науки; общій потокъ стремился въ другую сторону. Англійская конституція, какъ результатъ вѣковыхъ сдѣлокъ, была наименѣе рациональной по своему замыслу. Большинство французовъ считали ее дѣломъ низшаго порядка, видѣли въ ней странные остатки какого-то грубаго средневѣковаго зданія и также мало способны были понять ее въ деталяхъ и обнять въ цѣломъ, какъ оцѣнить красоту готическихъ соборовъ. Они надѣялись сразу создать нѣчто несравненно лучшее. Сверхъ того, англійская конституція была аристократичной, и одного этого довольно было, чтобы сдѣлать ее непопулярной. И дѣйствительно, она была непримѣнима къ Франціи, потому что элементы, изъ которыхъ она сложилась въ Англіи, уже перестали существовать во Франціи, а задачей французской революціи было именно уничтоженіе ихъ послѣднихъ слѣдовъ.

Революція эта была направлена противъ дворянства; несмотря на дальновидное великодушіе нѣкоторыхъ дворянъ, нельзя было ожидать, чтобы всѣ дворяне приняли въ ней участіе и чтобы революціонеры довѣрили имъ руководство новымъ движеніемъ. Представители дворянства были самыми пламенными противниками конституціонной монархіи англійской системы ¹⁾. Они не желали верхней палаты, потому что для всѣхъ

¹⁾ M-me de STAEL, *Considerations*, 1-re partie, ch. XIV: De la résistance des privilégiés aux demandes du tiers-état en 1789.—DUVERGIER DE-NAURANNE, *Histoire du gouvernement parlementaire*. Paris. 1857, t. I, ch. I.—CHÉREST, *Chute de l'Ancien Régime: Comment la noblesse résiste aux essais de réforme de Louis XVI*, t. I, p. 38, 49.—Chapitre VIII, t. I, p. 504: *Troubles de Bretagne en 1788*.—Chapitre XIII, t. II, p. 289: *Troubles en Franche-Comté, Languedoc, Provence, Bretagne*.—Chapitres XIV et XV, t. II, p. 394. *Les Cahiers; les privilèges; les deux Chambres*.

не хватило бы въ ней мѣста, и, по ихъ мнѣнію, возвышать нѣсколькихъ дворянъ надъ другими значило уничтожить все сословіе дворянства ²⁾. Кромѣ того, они не имѣли ни кадровъ, ни вліянія. Аристократія уже давно не было во Франціи. Дворяне заплатили кровью за свою блестящую долю въ военной славѣ Франціи, но если они могли справедливо гордиться военной доблестью въ качествѣ офицеровъ славной арміи, въ политикѣ они составляли только оппозиціонную партію, притомъ наиболѣе слабую и ненадежную, такъ какъ она не имѣла ни опоры въ прошедшемъ, ни поддержки въ настоящемъ, не могла ссылаться ни на историческія традиции, ни на новѣйшія доктрины. Противъ нея говорили все монархическіе прецеденты и все народныя страсти. Какъ говоритъ одинъ изъ самыхъ проникательныхъ и справедливыхъ судей старинной Франціи, странное явленіе представляло это сословіе, которое, «существова тысячу лѣтъ, вдругъ оказалось лишенымъ корней; этотъ высшій классъ, который не могъ опереться ни на одинъ изъ классовъ, составляющихъ націю, чтобъ дѣйствовать сообща, очутился въ положеніи корпуса офицеровъ, въ которыхъ стали бы стрѣлять все солдаты ³⁾. Этимъ и закончилась его историческая роль. Съ самаго начала революціи вожди дворянства покинули свое дѣло въ собраніяхъ; видя единственное спасеніе въ силѣ и не находя этой силы ни въ націи ни въ себѣ, они искали ее въ союзахъ съ чужестранцами и тѣмъ окончательно погубили себя.

Логика вещей доставила перевѣсъ среднему сословію. Оно составляло большинство въ собраніяхъ штатовъ, скоро стало господствовать въ нихъ и быстро поглотило другія сословія, завершая свою исторію этимъ преобладаніемъ, какъ дворянство заканчивало свою неудачей. Идеи людей средняго сословія, въ основѣ своей, чисто-демократическія. Свобода, какъ они ее понимаютъ, прежде всего есть свобода гражданская: свобода политическая—только средство и гарантія. Они стремятся къ ней не столько ради ея самой, сколько ради своей цѣли, т. е. уничтоженія феодальнаго режима и установленія равенства. Это не только граждане, требующіе своихъ правъ, но люди, желающіе занять государственныя должности.

²⁾ Въ инструкціяхъ (*sahiers*) блуасскаго дворянства читаемъ: «Депутаты генеральныхъ штатовъ ни подъ какимъ предлогомъ не должны выслушивать никакихъ предложеній, цѣлю которыхъ будетъ образованіе особой дворянской палаты съ креслами, могущими сдѣлаться наслѣдственными въ извѣстныхъ фамиліяхъ, лишая такимъ образомъ все сословіе дворянства принадлежащаго ему права избирать и быть избираемымъ; оно провозглашаетъ измѣнниками отечеству не только тѣхъ, которые будутъ засѣдать въ такой палатѣ, но и тѣхъ, которые согласятся на ея образованіе». *Archives parlementaires*, т. II, р. 335.

³⁾ Tocqueville, *Mélanges: Notes et pensées*.

Личное честолюбіе вызывало страстное отношеніе къ принципамъ. Одинъ изъ самыхъ проникательныхъ современниковъ этого поколѣнія говоритъ ⁴⁾: «Для людей, чувствовавшихъ, что они призваны къ великимъ дѣламъ, для молодежи, которая томила потребность затратить громадный избытокъ силъ, которая считала неоспоримымъ правомъ и какъ бы обязанностью дать полный ходъ всемъ дарованіямъ, полученнымъ отъ природы, нужно было равенство правъ, которое открывало бы для честолюбія доступъ ко всякому нравственному и политическому первенству, доступъ къ высшимъ судебнымъ функціямъ, къ высшимъ гражданскимъ и военнымъ должностямъ, словомъ, ко всемъ отличіямъ, которыя социальное положеніе можетъ предоставить таланту, добродѣтелямъ, заслугамъ высшаго порядка. Революція была дорога французамъ не потому, что она улучшала ихъ благосостояніе или увеличивала ихъ личную безопасность, но потому, что она была торжествомъ національной гордости; не потому, что она была полезна, а потому, что она была почетна».

Людямъ третьяго сословія недостаточно было имѣть участіе въ управленіи страной: они хотѣли, чтобъ власть принадлежала исключительно имъ. «Третье сословіе представляетъ собою всю націю,—восклицаетъ Сийесъ.—Завоеваніе разстроило все отношенія, и дворянство стало на сторону завоевателей. Пусть же оно перейдетъ на другую сторону; третье сословіе, въ свою очередь, дѣлаясь завоевателемъ, становится дворянствомъ». Рабо-Сентъ-Этьенъ въ то же время писалъ ⁵⁾: «Третье сословіе представляетъ собою полное общество, все остальное есть бесполезный наростъ. Дворяне не только не должны господствовать, они едва ли имѣютъ право быть согражданами». Эти демократы понимаютъ свободу не такъ, какъ понимаетъ ее англійскій подданный, который соглашается ограничить свои собственныя права, чтобы ограничить права другого; они понимаютъ ее, какъ понималъ король французскій, который не признавалъ ничьего права, кромѣ своего собственнаго, и не допускалъ, чтобъ на свѣтѣ существовалъ авторитетъ выше его собственнаго. Свобода въ глазахъ третьяго сословія была синонимомъ верховной власти.

Это и было именно то, что называлось римской свободой, и эта идея, обновленная Руссо и всей женеvской школой, превосходно согласовалась съ классическими формулами, давно усвоенными французской монархіей. Она была въ нравахъ и въ традиціяхъ французовъ ⁶⁾. Изученіе древнихъ

⁴⁾ Roederer, *L'Esprit de la Révolution*, ch. I.. *Oeuvres*, t. III.

⁵⁾ *Considérations sur les intérêts du tiers*, 1788. Tocqueville, *Mélanges*, chapitres inédits. Ch V.

⁶⁾ Малле-Дю-Панъ, въ своихъ статьяхъ по поводу книги Дедольма объ англійской конституціи, аподаетъ на идею, которая, по его словамъ, господ-

классиков способствовала ее распространению; она уцѣлѣла и во время международной войны, и въ эпоху парламентской борьбы. Сверхъ того, эта свобода, «извращенная и сокращенная», все-таки была плодотворна. По словамъ Токвиля, «въ то время, когда благодаря централизаціи сглаживались и тускнѣли всѣ характеры, она сохранила въ частныхъ людяхъ ихъ природную оригинальность, колоритъ и рельефъ, поддерживала въ сердцахъ гордость собою и любовь къ славі. Благодаря ей сложились тѣ сильныя души, тѣ гордые и смѣлые умы, которые сдѣлали французскую революцію предметомъ удивленія и ужаса для послѣдующихъ поколѣній» ⁷⁾.

У многихъ эта римская гордость соединялась съ силою характера, мужествомъ и постоянствомъ: они боролись за свои принципы, падали съ стоической вѣрой или съ достоинствомъ удалялись послѣ пораженія своей партіи. У другихъ, наиболѣе многочисленныхъ, это была скорѣе государственная гордость ревнивая и подозрительная относительно соперниковъ, беспощадная съ побѣжденнымъ, надменная съ иностранцами, но гибкая и податливая передъ силой и очень способная примириться съ покорностью какому бы то ни было властелину, будь это толпа, партія, диктаторъ или глава арміи, назовите его народомъ или комитетомъ, Робеспьеромъ или Бонапарте. Они обладали первой добродѣлью демократическихъ государствъ, въ которой любовь къ родинѣ сливается съ любовью къ равенству ⁸⁾. Но имъ не доставало необходимой для республиканцевъ добродѣтели, которая состоитъ, какъ говоритъ Монтескье въ Духѣ Законовъ, въ отреченіи отъ самого себя ⁹⁾. Аббатъ Сійесъ, составляя свою знаменитую статью *Третье сословіе*, конечно не подозрѣвалъ, что она дастъ ему барское помѣстье и титулъ графа; однако вся система дворянства, созданнаго имперіей, находится въ зародышѣ въ его брошюрѣ. Эта смѣсь высокихъ чувствъ и великодушныхъ идей съ личными страстями и острымъ честолюбіемъ производила въ душахъ людей то кипучее волненіе, которое было одной изъ главныхъ силъ революціи. Потому-то мы и видимъ тамъ

существуетъ уже десять лѣтъ, «что вездѣ, гдѣ народъ не отправляетъ самъ функций верховной власти, онъ или рабъ, или готовъ имъ сдѣлаться; что свобода состоитъ исключительно въ демократіи». SAYOUS, t. I, p. 160. Этюдъ Леруа Болье о Тэнѣ въ «Revue des Deux Mondes», 1883.

⁷⁾ *L'Ancien Régime*, t. II, ch. XI.

⁸⁾ Монтескье, *Esprit des Lois*: Предувѣдомленіе читателю: «Для того, чтобы понять первыя четыре книги, надо замѣтить, что то, что я называю добродѣлью въ республикѣ, есть любовь къ отечеству, т. е. любовь къ равенству». Это опредѣленіе также необходимо для пониманія революціи, какъ и для пониманія *Духа Законовъ*.

⁹⁾ «Политическая добродѣтель состоитъ въ самоотреченіи», l. IV, ch. V. *De l'éducation dans le gouvernement républicain*.

высочайшій героизмъ бокъ-о-бокъ съ величайшей подлостью, возвышенную добродѣтель и вмѣстѣ съ нею снисходительность къ самымъ низкимъ жестокостямъ.

Этимъ духомъ третьяго сословія особенно проникнуты легисты ¹⁰⁾. Они преобладаютъ среди депутатовъ буржуазіи, а слѣдовательно и въ собранияхъ. Этотъ фактъ рѣшилъ судьбу революціи. Идеи принадлежатъ философамъ: они установили принципы, легисты же превратили ихъ въ статьи законовъ. Вся практическая часть, вся реальная работа революціи, все, что въ ней было худшаго и все, что въ ней было лучшаго, начиная отъ закона о подозрительныхъ до *гражданскаго кодекса*, было подготовлено и совершено ими. Страна выбирала изъ ихъ среды множество представителей, потому что трудъ, который предстояло выполнить, былъ прежде всего трудомъ законодательнымъ, и потому что они пользовались извѣстностью во всякомъ городѣ и въ каждой деревнѣ и считались наиболѣе способными людьми. Народъ, присвоивъ себѣ верховную власть, самымъ выборомъ этихъ людей продолжалъ традиціи монархіи. Онъ бралъ своихъ представителей изъ тѣхъ же самыхъ преторій, откуда короли брали своихъ совѣтниковъ и агентовъ.

Избранные такимъ образомъ легисты отнеслись къ революціи совершенно такъ же, какъ ихъ предшественники относились къ монархіи, т. е. дали ей ту же рутинную римскую форму. Вѣрные принципамъ могучей школы, изъ которой они вышли, и пропитанные ея ученіемъ, они примѣнили къ новой верховной власти всѣ традиціи стараго суверенитета ¹¹⁾. Какъ будто они думали, что въ дѣлахъ государства все дѣло сводится къ перемѣнѣ названія. Суверенитетъ переходитъ отъ короля къ народу, но, мѣняя принципъ, не мѣняетъ своего характера. Въ сущности, все возвращается къ своей исходной точкѣ. У римлянъ республика или государство было чѣмъ-то «въ родѣ самодержавнаго монарха, передъ которымъ все преклонялось» ¹²⁾, императору принадлежала вся власть, принадлежавшая

¹⁰⁾ BARDoux, *les Légistes*. Paris 1877.

¹¹⁾ «Въ нѣсколько дней, благодаря усиліямъ Тарже, Туре и Шапелье, законодательный комитетъ закончилъ большой трудъ, въ который вошли отчасти старые законы, старые указы, старые обычаи Франціи и основныя положенія котораго пережили всѣ наши революціи». DUVERGIER DE HAURANNE. *Histoire du Gouvernement parlementaire*, t. I, ch. II. Судя объ этой работѣ по ея результатамъ, Францискъ Невшательскій писалъ въ 1800: «Раздѣленіе страны, муниципальные суды, субсидіи и пр. тѣмъ болѣе достойны нашего вниманія, что, пройдя длинный циклъ политическихъ уклоненій, мы видимому приходимъ къ плану, принятому римлянами». AUGUSTIN THIERRY, *Considérations*, ch. IV.

¹²⁾ FUSTEL DE COULANGES. *Histoire des Constitutions*, t. I, l. II, ch. I.—AUGUSTIN THIERRY. *Considérations*, ch. III.

республикѣ: «Если императоръ всевластенъ, говорятъ юристы, то только потому, что народъ римскій передалъ ему свое собственное всевластіе. Въ Римѣ создали имперію, передавши права народа государю; во Франціи создали республику, передавши народу права короля¹³⁾. Король легистовъ равносителенъ императору Дигестовъ; въ его особѣ заключалось государство. Въ 1792 его упразднили, но государство осталось тѣмъ же, чѣмъ было прежде: «всевластнымъ монархомъ, передъ которымъ все преклонялось». Этимъ объясняется, какимъ образомъ изъ республики создалась такъ быстро имперія, представлявшая собою копію съ римской.

Возвративъ народу верховную власть—его сдѣлали какимъ-то отвлеченнымъ и безличнымъ тираномъ, къ которому и относились согласно съ этимъ понятіемъ. Какъ скоро всемогущество народа было признано и утверждено, нашлись придворные, льстецы и лакеи. Такимъ образомъ пороки кончающейся монархіи развратили демократію при самомъ ея рожденіи. «Знайте, что вы короли и больше, чѣмъ короли. Развѣ вы не чувствуете, какъ власть течетъ въ вашихъ жилахъ?» восклицалъ одинъ демагогъ¹⁴⁾. Люди, выражающіеся такимъ образомъ, не обращаются къ народу вообще, а говорятъ передъ кучкой отдѣльныхъ личностей, каждый изъ слушателей буквально понимаетъ и приписываетъ себѣ хвалу этого грубаго льстеца. Первый встрѣчный, котораго привѣтствуютъ такимъ образомъ, объясняетъ свой суверенитетъ не съ помощью *Contrat social*, котораго онъ не читалъ, не съ помощью римскаго права, котораго бы онъ не понималъ; онъ объясняетъ его просто своими впечатлѣніями и инстинктами. Онъ чувствуетъ себя властелиномъ, какъ тотъ царственный ребенокъ, которому нѣкогда говорили, указывая на дворцы, поля, солдатъ и собравшуюся толпу: «Государь, все, что вы видите, принадлежитъ вамъ!» И онъ пользуется всѣмъ этимъ. Вотъ причина внезапнаго появленія мелкихъ тирановъ всюду, гдѣ имъ представляется случай проявить свою власть, вручила ли имъ послѣднюю республика или сами они отняли ее у республики¹⁵⁾. Имъ объявляютъ послѣдовательно, что они англичане, американцы, римляне, спартанцы; а они остаются на слѣдующее утро тѣмъ же, чѣмъ были наканунѣ—французами восемнадцатаго столѣтія, и духъ стариннаго

¹³⁾ Въ одной запискѣ о генеральныхъ штатахъ, изданной въ 1788 г. говорится: «Третье сословіе—это самъ народъ; народъ составляетъ государство; въ народѣ заключается національное могущество; имъ должно существовать все государство. Это формулы Боссюета, переименованныя ученикомъ Руссо. Авторъ этой записки, Д'Антрёгъ, былъ тогда пылкимъ демократомъ; вскорѣ потомъ онъ сталъ пылкимъ роялистомъ.—CHÉREST, t. II, p. 267.

¹⁴⁾ TAINÉ.—*La Révolution*, t. II, l. IV, ch. I, § 4.

¹⁵⁾ Ibid., t. I, l. IV, ch. III, § 3.

управленія проявляется даже въ учрежденіяхъ, созданныхъ съ цѣлью его уничтожить.

V.

Та же самая теорія или, скорѣе, вліяніе тѣхъ же самыхъ привычекъ быстро привело къ тому, что Національное собраніе сосредоточило въ себѣ всю власть. Оно провозгласило себя высшей властью и понимало свой суверенитетъ, какъ понималъ его Людовикъ XIV, т. е. облекло себя всѣмъ авторитетомъ государства. Король сдѣлался чѣмъ то въ родѣ управляющаго, который, какъ подчиненный, руководить низшими приказчиками, министрами и ихъ писцами. Но Собраніе было само народомъ; будучи слишкомъ многочисленнымъ, чтобъ управлять непосредственно, оно поступило какъ народъ—выбрало депутатовъ. Идея коллективныхъ правительствъ не была чуждой для французовъ: такой опытъ былъ уже сдѣланъ въ началѣ столѣтія, и въ послѣднее время провинціальныя собранія снова ввели его въ моду. Руссо возводилъ его въ принципъ для большихъ государствъ, гдѣ существуютъ верховныя собранія. Онъ совѣтовалъ польскому сейму вручить исполнительную власть мѣнявшимся составъ совѣтамъ, члены котораго, постоянно мѣняясь, дѣйствовали бы на глазахъ законодателя и подъ его руководствомъ¹⁾. Учредительное собраніе управляло посредствомъ своихъ комитетовъ, которые распоряжались министрами: оно *de facto* смѣшивало исполнительную власть съ законодательной и, такимъ образомъ, доходило до послѣднихъ крайностей централизаціи именно тогда, когда требовало децентрализаціи²⁾.

Въ этихъ странныхъ эволюціяхъ болѣе всего виновны легисты; сами они не замѣчали ихъ и воображали, что вѣрны себѣ. Дѣло въ томъ, что они имѣли въ виду только государство, хотя подъ другимъ названіемъ, только государству они служили, понимая его одинаково и служа ему одинаково. Они совершенно естественно перешли «со ступеней трона, съ котораго желчный и грозный Ришелье скорѣе громилъ людей, чѣмъ управлялъ ими»³⁾ къ кресламъ конвента, гдѣ ихъ голосами народъ присвоилъ себѣ ту же ужасную власть и управлялъ людьми, громя ихъ.

Событія передали власть въ ихъ руки слишкомъ внезапно; если у нихъ, была склонность къ свободѣ, то не было времени ей научиться. Въ началѣ революціи умы стремительно погнались за идеаломъ; все было разрушено, все было обновлено: Францію, какъ будто, создавали сызнова предварительно уничтоживъ ее. Дѣйствительность не поддается такого рода

¹⁾ *Gouvernement de Pologne*, ch. VII.

²⁾ TOCQUEVILLE. *L'Ancien Régime*, l. III, ch. VII.

³⁾ *Memoires de Retz*, t. I, p. 94.

операциямъ. Франція продолжала жить, повинаясь своему темпераменту, какъ жила и ранѣе. Соки, которымъ не позволили двигаться по старому направленію, не пошли по новому пути, а, скопившись въ одномъ мѣстѣ, пробили кору и дали начало безобразнымъ наростамъ и искривленіямъ, и все было выбито изъ колеи. Въ результатъ получились беспорядки, анархія, внутренняя война, къ которой присоединилась внѣшняя; революція подвергалась опасности, Франція—иностраннымъ нашествію. Республиканцамъ приходилось защищать одновременно и независимость націи, и территорію родины, и принципы революціи, и главенство своей партіи, и даже свою собственную жизнь. Тогда нужно было на что-нибудь рѣшиться.

У войны имѣются непосредственныя требованія, и нужды; она не допускаетъ утопій, и умозрѣнія въ дѣлѣ войны влекутъ за собою бѣдствія. Чтобъ собрать людей, вооружить ихъ, питать, вести въ битву—необходимо правительство,—во Франціи же не было правительства; фантазерамъ предоставили придумать, какое будетъ лучше; когда имъ показалось наконецъ, что они приискали эту великую специфическую форму государства, они рѣшили, что не настало еще время примѣнить ее къ дѣйствительной жизни, а въ ожиданіи этой поры управляли, какъ умѣли, смотря по требованіямъ времени. Такъ какъ нужно было дѣйствовать быстро, то и выбрали самое несложное правительство, то, которое было, такъ сказать, подъ рукой, и сила вещей заставила остановиться не на томъ, что подсказывало воображеніе, а на томъ, что подсказывала сила привычки. Видя неурядицу, созданную погоней за чистымъ разумомъ, кинулись въ грубый эмпиризмъ: инстинктивно вернулись къ обычаю, рутинѣ, къ прецедентамъ: причѣмъ на сторонѣ свободы не имѣлось ни одного прецедента, а на сторонѣ деспотизма они были безчисленны. Тогда-то въ революцію вкрались всѣ правительственные приемы стараго порядка. Завладѣвъ позиціей, они остались тамъ хозяевами. Все искусство теоретиковъ пошло на то, чтобъ маскировать и скрывать эти приемы. Было собраніе, которое представляло народъ. Нашли, что власть въ немъ была слишкомъ разбросана и сосредоточили ее въ комитетѣ, состоящемъ изъ двѣнадцати членовъ, затѣмъ въ директоріи—изъ пяти, далѣе въ консульствѣ—изъ двухъ и наконецъ и въ императорѣ. При старомъ порядкѣ, душою государства, центральнымъ двигателемъ, былъ королевскій совѣтъ: онъ былъ высшимъ судилищемъ, приготавлиалъ и издавалъ законы, назначалъ налоги, регулировалъ высшую полицейскую власть въ королевствѣ и рѣшалъ всѣ важныя дѣла. Интендантъ былъ его помощникомъ; въ лицѣ послѣдняго соединялось нѣсколько должностей; «въ провинціи онъ былъ единственнымъ исполнителемъ всякой правительственной воли»⁴⁾.

⁴⁾ Тоскевиль, *L'Ancien Régime*, I. II, ch. II.

Отсюда происходитъ его первоначальное названіе *commissaire départi*⁵⁾. Когда въ 1793 г. поняли, что правительство запуталось въ сѣти департаментскихъ, окружныхъ и общинныхъ собраній, то рѣшили вернуться къ системѣ непосредственныхъ агентовъ. Полагали, что подражаютъ римскому сенату, на дѣлѣ оказалось, что подражали только кардиналу Ришелье⁶⁾. Комитеты общественной безопасности и общественнаго спасенія замѣнили совѣтъ, а комиссары замѣнили интендантовъ⁷⁾. Это былъ лишь первый черновой набросокъ; нѣсколько лѣтъ спустя изъ него вышелъ государственный совѣтъ VIII года, совѣтники и вся іерархія префектуръ⁸⁾. Эволюція эта совершилась легко и какъ бы сама собой. Люди, возстановившіе эти должности и занявшіе ихъ, были тѣ самые, которымъ онѣ ввѣрялись при старомъ порядкѣ⁹⁾. Они не получали эти мѣста, а брали ихъ; что касается до второстепенныхъ чиновниковъ, то стоило только открыть кадры, они сами вступали въ нихъ толпою.

На практикѣ, и въ особенности въ финансахъ, составляющихъ язвѣ стараго порядка, всякое средство, исходящее отъ произвола, равняется за-

⁵⁾ GABRIEL HANOTOUX, *Origines de l'institution des intendants des provinces*. Paris, 1884.

⁶⁾ Ривароль писалъ въ 1791 г.: «Римскій сенатъ не разсылалъ другихъ сенаторовъ управлять провинціями, а посылалъ консуловъ, проконсуловъ, квесторовъ и всегда посылалъ простыхъ агентовъ». Конвентъ послѣдовалъ совѣту, который Ривароль давалъ королевской власти.

⁷⁾ Аното въ своемъ изслѣдованіи сообщаетъ, что интенданты провинцій происходятъ отъ полицейскихъ, судебныхъ, финансовыхъ и военныхъ, что происхожденіе послѣднихъ связано съ «объѣздами рекетмейстеровъ»; что институтъ интендантовъ возникъ во второй половинѣ шестнадцатаго и развился въ первую треть семнадцатаго столѣтія, «въ моментъ великой внутренней борьбы»; что «первыя провинціи, въ которыхъ они появились, были жертвою внутренней или внѣшней войны»; что «возникновеніе этого института обуславливалось потребностью государства защищаться и централизоваться, ихъ можно сравнить только съ комиссарами конвента»; что «они были внѣ закона, т. е. выше закона»; что «границы и принципы ихъ власти опредѣляла абсолютная власть, которая ихъ и устанавливала».

⁸⁾ «По окончаніи смуты, интендантъ оставался еще нѣкоторое время въ странѣ и дѣлался интендантомъ провинціи. Вскорѣ безъ нихъ не могли уже обходиться, и ихъ существованіе, вначалѣ чисто случайное, было торжественно провозглашено въ одномъ изъ самыхъ важныхъ актовъ». HANOTOUX, p. 46, 113. Множество комиссаровъ конвента сдѣлались такимъ же способомъ государственными совѣтниками или префектами.

⁹⁾ Королевскій совѣтъ состоялъ не изъ вельможъ, но изъ людей средняго и даже низкаго происхожденія, изъ старыхъ интендантовъ и другихъ людей, умѣющихъ вести дѣла... Интендантами были молодые люди простаго происхожденія, стремившіеся сдѣлать карьеру. TOSQUEVILLE, id.

кону ¹⁰⁾. Произволъ, въ этомъ случаѣ, можетъ доходить до конфискаціи. Такъ, церковнымъ имуществамъ она грозитъ постоянно. Въ случаѣ неурожая, прибѣгаютъ къ «максимуму». Во время войны, берутъ что могутъ. Война питаетъ войну, а иногда и государство ¹¹⁾. Ее направляютъ изъ Версаля или Парижа, и обыкновенно не военные рѣшаютъ судьбу армій. Одинъ историкъ принцевъ Конде пишетъ, что Ришелье отыскивалъ своихъ генераловъ повсюду. «Онъ бралъ ихъ изъ среды духовенства, изъ своей семьи, среди неизвестныхъ людей; смѣщаль, перемѣщаль, стараясь поддерживать своихъ креатуръ, иногда очень долго, и, разъ замѣтивъ свою ошибку, бросалъ ихъ; посылалъ однихъ къ палачу, другихъ—въ Бастилію, третьихъ предавалъ забвенію, доставивъ имъ синекюры» ¹²⁾. При Людовикѣ XIV организаторомъ войны былъ простой приказный. *Лузуа* и его комми считали, что «генераловъ необходимо держать въ рукахъ». Имъ не разрѣшалось побѣждать безъ согласія бюро ¹³⁾. Эта традиція соблюдалась и въ комитетахъ конвента.

Правительство въ критическіе моменты своего существованія прибѣгаетъ къ государственнымъ переворотамъ ¹⁴⁾; дѣйствуетъ *днями* «*jours*»; слово это весьма стариннаго происхожденія и даже въ роковомъ своемъ смыслѣ. Итакъ, сама власть приучаетъ народъ къ рѣзкимъ перемѣнамъ, къ сюрпризамъ, которые устраиваетъ сила. Не восходя уже ко времени штатовъ, къ исторіи Гизовъ и маршала д'Анкръ, даже въ XVIII вѣкѣ, почти наканунѣ революціи, подобнымъ же образомъ поступали съ судьями, когда послѣдніе осмѣливались противиться волѣ короля. Вооруженные солдаты заполняли залу засѣданій и выгоняли судей. Въ маѣ 1788 г. парижане еще разъ увидѣли бивуачные огни вокругъ Palais de Justice. По прекрасному выраженію одного историка, старѣйшее правительство въ Европѣ учило народъ «презирать самыя старинныя учрежденія и нарушать наиболѣе почтенныя права» ¹⁵⁾.

По отношенію къ церкви, революція, на первый взглядъ, представляется болѣе смѣлой въ своихъ нововведеніяхъ; но на самомъ дѣлѣ и здѣсь не вводитъ ничего новаго. Въ наиболѣе трудной изъ предстоявшихъ ей за-

¹⁰⁾ TOSQUEVILLE, I. II, ch. II. *Sur la centralisation administrative et les procédés du gouvernement.*

¹¹⁾ ROUSSET, *Louvois*, t. IV, p. 397, 443.

¹²⁾ Le duc d'AUMALE, *La première campagne de Condé, Revue des deux mondes*, 1883.

¹³⁾ ROUSSET, t. I, p. 177; t. IV, p. 389.

¹⁴⁾ Относительно этого вопроса есть любопытная статья GABRIEL NAUDÉ, *Considérations politiques sur les coups d'Etat*, 1639, перепечатанная въ 1757 г. съ замѣтками и опроверженіями Дюме (Dumay).

¹⁵⁾ TOSQUEVILLE, *Mélanges*, p. 12.

дачу, она опять-таки подражаетъ старому порядку. Но податливые до сихъ поръ новымъ импульсамъ и ученіямъ прецеденты, на этотъ разъ отказались служить революціонерамъ. Оружіе, на которое рассчитывали послѣдніе, разорвалось въ ихъ рукахъ: оно и было такъ устроено, что не могло не испортиться при употребленіи. Весь механизмъ государства былъ простъ и несложенъ, и старый порядокъ какъ бы сгладилъ путь для всѣхъ крайностей, но въ области религіозныхъ и церковныхъ дѣлъ онъ былъ принужденъ соблюдать умѣренность, отъ которой отказался въ другихъ дѣлахъ; малѣйшее злоупотребленіе въ примѣненіи разрушало всю доктрину.

Правда, король и его легисты считаютъ церковь подвластною королевской власти въ мірскихъ дѣлахъ, а имущества, уступленные королями, могутъ быть ими взяты обратно, если они найдутъ это нужнымъ ¹⁶⁾. Когда духовенство противится, государство отнимаетъ у него доходы. Если папа упрямится, король занимаетъ войсками Авиньонъ и даже грозитъ занять Римъ. У него въ рукахъ еще болѣе опасное средство это—оппозиція французскаго духовенства, которая можетъ повлечь за собою разрывъ и расколъ. Это факты, но тотъ кто изолируетъ ихъ такимъ образомъ, извращаетъ ихъ, и если разсчитываетъ извлечь изъ нихъ государственныя правила противъ церковнаго духовенства и Рима, рискуетъ надѣлать множество очень серьезныхъ промаховъ.

На практикѣ государство идетъ на компромиссъ. Въ принципѣ оно заявляетъ свои права на владѣніе церковными имуществами, но фактично довольствуется *добровольнымъ даромъ* (*don gratuit*) со стороны церкви. Послѣдняя сохраняетъ свои права, однако платить, потому что нуждается въ государствѣ, которое, если и управляетъ ею, за то охраняетъ ее. Король—это, какъ говорится, мірская рука церкви, ея епископъ по внѣшнимъ дѣламъ. Онъ предоставляетъ церкви руководить дѣломъ обученія и управлять душами; она, въ свою очередь учить подданныхъ повиноваться ему. Затѣмъ, обладая недвижимой собственностью, она привязана къ землѣ; она національна и если охраняетъ свои привилегіи отъ притязаній короля, то одинаково охраняетъ ихъ и отъ папы. Весь успѣхъ государства въ его столкновеніяхъ съ папскимъ престоломъ проистекаетъ именно изъ поддержки, которую оказываетъ ему французское духовенство. Эти несогласія иногда очень рѣзки, но въ сущности—это ссоры изъ за предѣловъ власти: и съ

¹⁶⁾ Въ Мемуарахъ Людовика XIV за 1666 г. говорится: «Короли—неограниченные властелины и, разумѣется, вполне и свободно располагаютъ всѣми имуществами, какъ свѣтскими, такъ и церковными, чтобы пользоваться ими, подобно мудрымъ домоправителямъ, т. е. согласно съ нуждами государства». I, p. 209, II. 77.—DARESTE, *Histoire de France*, t. V. Paris, 1875, I. XXXIII, *Louis XIV et le clergé*, p. 526.

тей и съ другой стороны принципы остаются внѣ спора. Ни король не оспариваетъ главенства папы въ церкви; ни папа не оспариваетъ свѣтскаго главенства короля въ его королевствѣ. Это просто два сосѣда, которые владѣютъ на равныхъ правахъ; и весь процессъ между ними сводится къ какому-нибудь спорнымъ чрезполоснымъ землямъ лежащимъ на границѣ. Хотя король иногда очень высокомерно требовалъ своихъ правъ, но во всякихъ религіозныхъ дѣлахъ считалъ за честь оставаться христіаннѣйшимъ и старшимъ сыномъ церкви ¹⁷⁾.

Вотъ этого-то и не поняли легисты революціи. Они дѣйствовали по буквѣ и исказили духъ этой политики, когда, отнявъ у французскаго духовенства его имущества и его нравственное главенство, задумали насильно образовать изъ него лигу противъ Рима, а затѣмъ, лишенные этихъ необходимыхъ союзниковъ, захотѣли употреблять противъ папскаго престола тѣ средства, которыя были дѣйствительны только благодаря поддержкѣ французскаго духовенства. Всѣ части этого сложнаго зданія держались вмѣстѣ, благодаря обоюдной зависимости и взаимной поддержкѣ: государственная религія, національное духовенство, христіаннѣйшій король. Галликанская церковь была привилегированной и обладала недвижимою собственностью. Утративъ земли и привилегіи, она искала точку опоры внѣ Франціи въ Римѣ и сдѣлалась ультрамонтанскою.

Странно было примѣнять къ режиму, основанному на индифферентизмѣ государства къ религіознымъ вопросамъ и проникнутому антирелигіозной философій—юрисдикцію, опирающуюся цѣликомъ на принципъ государственной религіи. Эта ошибка была причиною одного изъ важнѣйшихъ кризисовъ, вынесенныхъ революціей. Сопротивленіе духовенства и вѣрующихъ смутило всѣхъ революціонеровъ. Оно привело въ ярость самыхъ пылкихъ, изъ нихъ, не хотѣвшихъ знать тонкихъ компромиссовъ стараго порядка. Они вздумали принудить церковь къ повиновенію и просто примѣнили къ духовенству и къ непокорнымъ католикамъ мѣры, употребляемыя старинной монархіей для укрощенія еретиковъ. Эти мѣры проистекали изъ доктринъ, слишкомъ доступныхъ для грубыхъ умовъ и съ практическимъ примѣненіемъ которыхъ были фанатически настроенные люди слишкомъ знакомы.

¹⁷⁾ Бурдалу въ своей *Проповѣди въ день св. Людовика* очень хорошо опредѣлилъ этотъ духъ старой монархіи въ ея отношеніяхъ къ церкви: «Римскій дворъ хотѣлъ посягнуть на права короны: вы знаете, какъ энергично защищалъ ихъ Святой Людовикъ; но какъ защищалъ? съ помощью удивительнаго соединенія авторитетности и благочестія; онъ поддерживалъ права своей короны въ качествѣ короля и старшаго сына церкви, властно, какъ король, и въ духѣ набожности и религіи, какъ старшій сынъ церкви, доказывая тѣмъ, что хотя, какъ король, онъ не признаетъ ничьей власти, но, какъ старшій сынъ церкви, онъ всегда готовъ повиноваться ей и чтить ее какъ свою мать.

Со временъ Ришелье не существовало болѣе государства въ государствѣ. Правительству удалось достигнуть единства власти, но Людовику XIV этого было недостаточно: ему нужно было еще единодушное одобреніе. Его не удовлетворяло повиновеніе фактическое, ему нужна была и покорность человеческой совѣсти. Одинъ изъ его интендантовъ пишетъ: «Желаніе отличать обязательства совѣсти отъ повиновенія, которымъ подданные обязаны королю есть не что иное какъ пустая иллюзія, пронтекающая изъ слѣпноты предубѣжденія» ¹⁸⁾. Одна вѣра, одинъ законъ, одинъ король—вотъ правило, къ которому сводилась вся доктрина стараго режима. Въ мысли якобинцевъ законъ соединялъ въ себѣ короля и вѣру; онъ не терпѣлъ противниковъ подобно тому, какъ церковь не терпѣла еретиковъ, а монархія—претендентовъ. Для якобинцевъ противникъ былъ хуже еретика: онъ негнѣнъ и противоестественъ, онъ долженъ стоять внѣ закона. И вотъ, для того, чтобы преслѣдовать и подчинить его, обратятся къ страшнымъ способамъ инквизиціи и репрессіи, во множествѣ накопленнымъ старой монархіей. Комитетами можно было черпать изъ этого арсенала полными горстями ¹⁹⁾.

Въ эдиктахъ Людовика XIV, направленныхъ противъ протестантовъ, мы находимъ всѣ прецеденты законовъ противъ священниковъ и дворянъ. У протестантовъ оставалось только одно средство къ спасенію: изгнаніе; оно было поставлено имъ въ преступленіе ²⁰⁾; имущества конфисковались; ихъ преслѣдовали даже въ лицѣ ихъ дѣтей ²¹⁾. Если они оказывали сопротивление, ихъ убивали. Война въ Севеннахъ носитъ тотъ же характеръ, какъ и вандейская война. Терроръ уже обрисовывается въ этомъ кровавомъ предисловіи, въ немъ какъ бы предвкушаешь приторныя пошлости

¹⁸⁾ *Mémoires de Foucault*, publiés par. M. Baudry, p. 139. Paris 1862.

¹⁹⁾ QUINET, *la Révolution*, I. XVII, ch. II. Paris 1869, 6 ed.

²⁰⁾ *Nouveau Recueil des édits et déclarations, arrêts et réglemens du Conseil rendus au sujet des gens de la religion prétendue réformée; avec privilège du Roi, 1752.—Édit d'août, 1669*, запрещеніе реформаторамъ эмигрировать.—*Déclarations d'octobre 1685, et de mai 1686*, запрещеніе уважать изъ королевства подѣ страхомъ вѣчной каторги для мужчинъ, вѣчнаго заточенія—для женщинъ.—*Déclaration du 12 octobre 1687*, смертная казнь тѣмъ, кто помогаетъ эмиграціи.—Часть имущества эмигрантовъ отданы доносчикамъ (20 августа 1685).—Имущества эмигрантовъ конфискуются. (Октябрь 1685).

²¹⁾ *Declaration de juin 1681*. Дѣтей протестантовъ можно обращать, начиная съ семи лѣтъ.—Протестанты не должны воспитывать дѣтей за границей.—Дѣти протестантовъ должны имѣть опекунами католиковъ (14 августа 1685). Ихъ слѣдуетъ добровольно воспитывать въ католической религіи (октябрь 1685). Если родители не воспитываютъ ихъ въ этой религіи, то помѣщать дѣтей въ коллегіи или монастыри, а если родители не могутъ платить, то въ пріюты. (Письмо короля отъ 2 мая 1686).

Баррера. Одинъ прелатъ пишетъ королю: «Только привязывая къ себѣ сердца еретиковъ, вы укротите упорство ихъ духа... Они, можетъ быть, никогда не вступили бы въ лоно церкви, еслибъ не *устынный цѣпями* путь которой вы имъ указали»²²⁾. Старый порядокъ преслѣдуетъ не только ересь, но и всякаго рода диссидентство. Янсенисты подвергаются такому же гоненію, и эти законы о конфискаціи, разсѣяніи и изгнаніи до того входятъ въ нравы, что въ 18 вѣкѣ примѣняются къ іезуитамъ. Люди революціи познали въ этой школѣ, что надо сдѣлаться безпощаднымъ, чтобъ быть неотразимымъ. Ришелье говорилъ: «Наказаніе,—болѣе вѣрное средство удержать каждаго на пути долга, такъ какъ оно дѣйствуетъ на наши чувства, а потому не забывается»²³⁾. Ради этихъ-то страшныхъ примѣровъ и были установлены исключительныя судилища, въ которыхъ судили, имѣя въ виду одну пользу государства. Королевскіе бланки (*lettres de cachet*) поддерживали эту традицію еще въ XVII вѣкѣ и передали ее комитетамъ.

Я излагаю эти факты и стараюсь ихъ объяснить, но я не смягчаю и не извиняю ихъ. Я не имѣю намѣренія ссылаться, какъ на смягчающія обстоятельства для революціонеровъ, на худшія злоупотребленія того порядка, который они низвергли, но которому сами подражали. Я хочу показать только продолжительность импульса, живучесть старыхъ, накопившихся вѣками, привычекъ, силу традицій. Крайности террора и крайности старого порядка не компенсируютъ другъ друга; нельзя даже сказать, что они были порождены другъ другомъ: но тѣ и другіе происходятъ отъ однихъ и тѣхъ же причинъ, что составляетъ большую разницу. Террористы совсѣмъ не думали метить за жертвы Людовика XIV; сентябрьскіе убійцы не помышляли о реваншѣ за Варфоломеевскую ночь; утопленія (*noyades*) Каррера не были отплатой за драгоннады. Но въ шестнадцатомъ, семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкахъ одинаковый фанатизмъ приводитъ къ одинаковымъ результатамъ²⁴⁾. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, терроръ лишается того ложнаго обаянія, которымъ пытались окружить его защитники. Колоссальнымъ остается только чрезмѣрность плагиата.

Что было бы дѣйствительно необыкновеннымъ въ революціи—это господство свободы. Старый порядокъ не имѣлъ никакихъ притязаній на нее. Въ принципѣ онъ не признавалъ ни свободы совѣсти, ни свободы по-

²²⁾ PUAUX, *Les précurseurs français de la tolérance au dix-septième siècle*, p. 19. Paris, 1881.

²³⁾ *Testament*, ch. IV.

²⁴⁾ То же самое можно сказать о бѣломъ террорѣ 1815 г. Онъ совершенно самостоятеленъ, это воскресшій духъ лиги. *Les lettres de Madame de Rémusat*. Paris, 1884.

литической, ни даже свободы гражданской, но допускалъ, болѣе или менѣе снисходительно, то и другое на практикѣ²⁵⁾. Практика часто смягчала строгость доктрины. Несмотря на жестокость законовъ, которые наказывали смертью авторовъ книгъ, затрогивающихъ религію и королевскую власть²⁶⁾, никто изъ философовъ не умеръ на эшафотѣ; Дидро не раздѣлилъ участи Андре Шенье. При господствѣ террористовъ мы видимъ совсѣмъ другое: сантиментальную и гуманную доктрину и варварское примѣненіе ея. Одна за другой отнимались всѣ тѣ вольности, которыя предписаны были принципиально множествомъ декретовъ. Уже не *нантскій эдиктъ*, т. е. не актъ терпимости и гарантіи въ пользу одной части націи былъ отмѣненъ въ 1793 г., а *декларация правъ человека*, т. е. самый смыслъ (*raison d'être*) революціи и общее право всѣхъ французовъ. Какъ ни объясняйте эти прискорбныя противорѣчія между дѣйствіями и ученіемъ революціонеровъ—прецедентами, нравами и воспитаніемъ старого порядка,—но нельзя же на основаніи одного сходства въ нѣкоторыхъ излишествахъ одинаково судить о правительствахъ, основанныхъ на діаметрально противоположныхъ принципахъ. Если старый порядокъ былъ послѣдователенъ въ своемъ деспотизмѣ, то революція, подражая ему, не была послѣдовательна. Прискорбно видѣть, что Боссеуетъ изгоняетъ гугенотовъ, но сознаемъ, что онъ логиченъ и вѣренъ своей доктринѣ; нельзя безъ негодованія представить себѣ Декарта, изгоняющаго Паскаля. Однако мы это видѣли.

VI.

Философы и литераторы были великими вдохновителями революціи. Она обязана имъ и самыми великодушными идеями, и самыми пагубными изобрѣтеніями, своей гуманностью при началѣ, свирѣпостью—при дальнѣйшемъ развитіи, своимъ энтузіазмомъ и своимъ фанатизмомъ. Это извращеніе прекрасныхъ принциповъ, эта ожесточенная ненависть между людьми, которыхъ все должно было соединять, эта ужасающая борьба ради того, чтобъ вырвать другъ у друга то, что завоевано сообща, эти мелкія несогласія, ведущія къ гоненіямъ, останутся необъяснимыми для человека, передъ умственнымъ взоромъ котораго не рисуется исторія философской и литературной борьбы въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Напротивъ, все становится просто и ясно, если примемъ во вниманіе, что писатели, ринувшись въ политику, внесли цѣликомъ въ собранія то страстное соперничество и тотъ разладъ, которые раздирали литературную республику того времени.

²⁵⁾ TOCQUEVILLE, *L'Ancien Régime*, I, V, ch. XI. *De l'espèce de liberté qui se rencontrait sous l'ancien Régime*, et I. III, ch. II.

²⁶⁾ *Déclaration* du 16 Avril, 1757. ROCQUAIN, p. 204.

Школы превратились въ секты, котеріи въ партіи. «Эти партіи,—сказалъ однажды Сентъ-Жюсть, одинъ изъ самыхъ фанатичныхъ сектаторовъ,—родившіяся до революціи, сопровождали ее въ ея движеніи впередъ, подобно тѣмъ пресмыкающимся, которыя слѣдуютъ за теченіемъ рѣкъ» ¹⁾. Еще въ то время, когда споръ между ними шелъ лишь изъ-за господства надъ общественнымъ мнѣніемъ, они уже проявляли этотъ духъ искательства и ѣдкой зависти. Они шпионятъ и подсматриваютъ другъ за другомъ, доносятъ и взводятъ всякаго рода обвиненія другъ на друга и, наконецъ, изгоняютъ изъ своей среды, причемъ преслѣдуется не только различіе воззрѣній, но и сама личность человѣка. Всѣ средства для нихъ хороши, и такъ какъ единственнымъ судьей является публика, сидящая на галереяхъ, такъ какъ надо или взволновать или разсмѣшить ее, то они не стѣсняясь указываютъ на личности или отдѣляются дерзостью и грубою бранью. Отсюда происходятъ обвиненія въ наглости, воровствѣ, отравленіи, убійствѣ, которыми такъ богата ихъ полемика,—цѣлый словарь зловѣщихъ ругательствъ, полный словъ: *измѣна*, *злодѣйство* съ ихъ синонимами, который какъ будто составленъ для донощиковъ революціоннаго клуба или преторіи. Доказательства имъ не нужны: достаточно одного подозрѣнія. Всякій, кто противорѣчитъ,—плутъ, всякій соперникъ—безчестный человѣкъ, всякій противникъ—«врагъ добродѣтели» ²⁾. Одинъ свидѣтель того времени говоритъ: «Я видѣлъ затаенную сосредоточенную ненависть и всѣ другіе результаты вліянія партій» ³⁾. Это самая ужасная ненависть, въ ней поклоненіе своему *я*, софизмы эгоизма, преувеличенное тщеславіе соединяются съ фанатизмомъ секты и ослѣпленіемъ доктрины, это недугъ разума, болѣе опасный и жалкій, чѣмъ всѣ недуги страстей.

Анализируйте эти чувства и этотъ стиль: въ нихъ чувствуются всѣ неистовства революціи. «Этотъ вѣкъ полонъ особеннаго зложелательства и ненависти»,—воскликаетъ самый краснорѣчивый, самый желчный и самый

¹⁾ SAINTE-BEUVE, *Causeries du Lundi*, t. V, article *Saint-Juste*.

²⁾ DESNOIRESTERRES, *Voltaire et la société française au dix-huitième siècle*. Самый характеристичный этюдъ представляетъ борьба между Вольтеромъ и Руссо изъ-за Женевы; здѣсь политическія фракціи играютъ въ руку литературнымъ. Это уже переходъ къ революціи. Отсылаю читателя къ книгѣ: *Voltaire et J. J. Rousseau*. Объ этомъ эпизодѣ см. SAINTE-BEUVE, *Causeries du lundi*, t. XIII, article *Voltaire*.—SAYOUS, *Mallet du Pan*, t. I, ch. I.—SAINTE-BEUVE, t. II, article *Malesherbes*.—BRUNETIÈRE, *Études sur M. de Malesherbes, Revue des deux Mondes*. Относительно духа партій—прекрасныя главы Тэна, *Старый порядокъ*, кн. III, гл. IV; объ ихъ вліяніи на революцію.—MALLET DU PAN, *Mercure britannique*, t. II. *Du degré d'influence qu'a eue la philosophie française sur la Révolution*.

³⁾ SOULAVIE, *Mémoires*, t. VI, ch. XIV. *La République des lettres*.

пламенный трибунъ этой мятежной литературной республики ⁴⁾. Фреронъ умеръ. Кто составитъ его эпитафію? «Первый, кто плюнетъ на его могилу...» «Горделивый деспотизмъ новѣйшей философіи довелъ эгоизмъ самолюбія до послѣднихъ предѣловъ. Всей молодежи понравилась столь удобная доктрина, она восторженно приняла ее, горячо проповѣдывала, обнаруживая крайнюю нетерпимость. Она привыкла говорить въ обществѣ тѣмъ же властнымъ тономъ, какимъ произноситъ изреченія своей секты, и съ наружнымъ презрѣніемъ, подъ которымъ скрывается еще болѣе наглая злоба, относится ко всѣмъ, кто смѣетъ не сразу подчиниться ея рѣшенію... Ставши рабами для того, чтобы стать тиранами, они кончили тѣмъ, что во всякомъ сопротивленіи видѣли бунтъ. Цѣлое поколѣніе деспотовъ не можетъ быть ни очень кроткимъ, ни очень мирнымъ... Отсюда и происходятъ злобныя наклонности, которыя отличаютъ это поколѣніе. Нѣтъ ни спокойствія въ душѣ, ни искренности въ привязанностяхъ. Каждый ненавидитъ все, что не онъ, и ненавидитъ другого даже больше, чѣмъ любитъ самого себя. Кончается тѣмъ, что умѣютъ только ненавидѣть, и своей собственной партіи держатся не въ силу привязанности, еще менѣе уваженія, а единственно изъ ненависти къ противной партіи. Жолчь, которою пропитаны статьи учителей, наполняютъ и сердца учениковъ».

Эти самые ученики, сдѣлавшись четверть вѣка спустя властителями Франціи, будутъ бороться за управленіе Франціей тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ, что вопросъ уже не въ репутаціи и славѣ, но въ господствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ собственномъ существованіи ⁵⁾. Когда души дошли до такого изступленія, то остается лишь сдѣлать одинъ шагъ, чтобы перейти отъ полемики и литературнаго остракизма къ политическимъ про-

⁴⁾ J. J. ROUSSEAU, *Deuxième dialogue*, 1775—1776.

⁵⁾ Всѣ характерныя черты сохранились. Сравните напр. этотъ отрывокъ изъ Руссо, съ отрывкомъ изъ *Андре Шенье, L'esprit de parti*, гдѣ онъ говоритъ о соперничающихъ обществахъ: «Они шпионятъ, нападаютъ и обвиняютъ другъ друга; малѣйшее различіе во взглядѣ на вещи или въ выраженіяхъ считается ересью... они походятъ на древнія монашескія конгрегаціи, которыя, проповѣдуя спасеніе и вражду между собой, спорили только изъ-за власти и вліянія... Вотъ какого рода политическія распри, веденныя въ томъ же духѣ и съ помощью тѣхъ же софизмовъ, какъ и предшествовавшія имъ схоластическія и теологическія распри, разжигаютъ общества, разъединяютъ семьи и вносятъ такіа сѣмена ненависти и клеветы, что самыя нелѣпыя обвиненія въ кражахъ, тюремныхъ заключеніяхъ, тайныхъ убійствахъ—дѣло обычное для всѣхъ партій и никого не удивляютъ. Каждый въ своемъ ребяческомъ тщеславіи, называя любовь къ собственнымъ мнѣніямъ добродѣтелью, мудростью, честностью, объявляетъ безчестнымъ каждаго, кто мыслитъ иначе, чѣмъ онъ».

скрипціямъ и кровавымъ убійствамъ ⁶⁾. «Врожденная свирѣпость не можетъ надѣлать столько преступленій, какъ самолюбіе», сказалъ Ларошфуко. При старомъ порядкѣ и при старыхъ законахъ литераторы принуждены были ограничиваться словесною войною; когда они очутились у власти, то прежде всего осуществили свои метафоры и стали убивать другъ друга. Преемственность была такъ рѣзка, что ученики утрачиваютъ власть или овладѣваютъ ею въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ихъ учителя господствовали въ республикѣ литературы. Впереди всѣхъ Монтескье съ приверженцами умѣренной монархіи на англійскій ладъ: маленькая группа, полная высокаго нравственнаго достоинства, но съ очень ничтожнымъ вліяніемъ и вскорѣ совершенно устраненная. Вслѣдъ за нимъ идетъ Вольтеръ съ приверженцами конституціи, потомъ Руссо первой манеры, Руссо—авторъ *Елоизы* и *Эмилы* съ частью Жиронды, энциклопедисты съ Кондорсе, Дидро съ Дантономъ и опять Руссо, но уже вполне опредѣлившійся, Руссо,—авторъ *Contrat* и *Dialogues* съ Робеспьеромъ. И подобно тому, какъ у двери и въ окрестностяхъ великихъ школъ кишѣла толпа «неизвѣстныхъ учениковъ» ⁷⁾, смѣльчаковъ, фанатиковъ миссіонеровъ и инквизиторовъ атеизма, анархій, коммунизма, убійства; такъ и въ клубахъ и даже въ собраніяхъ, волнуя чернь и терроризуя представителей народа, тѣснилась шайка бѣсноватыхъ и яростныхъ безумцевъ, начиная отъ Гебера и кончая Маратомъ. Но это не все, паденіе было еще глубже. Восемнадцатый вѣкъ, въ лицѣ маркиза де-Сада, представлявшаго собою безобразный наростъ, какое-то чудовищное вырожденіе этого вѣка, довелъ свою ужасающую доктрину до ея крайнихъ выводовъ и какъ будто хотѣлъ доказать тѣмъ отвращеніемъ, которое она внушаетъ, нелѣпость *Système de la nature*. Въ воздухѣ какъ будто разлитъ тонкій ядъ чувственности, который проникаетъ повсюду. Это болѣзнь вѣка; ею страдалъ Дидро, Руссо не избѣгъ ея заразы, лучшіе годы Мирабо были отравлены ею. Иные, подобно Лакло, присоединяютъ къ ней расчитанный развратъ, жестокую утонченность страстей. Маркизь де-Садъ усиливаетъ ее безсовѣстностью и неистовствомъ, которое доводитъ до пре-

⁶⁾ «Еслибъ революція совершилась при Людовикѣ XIV,—говорилъ Ривароль,—Котэнъ велѣлъ бы гильотинировать Буало, а Прудонъ—Расина. Я самъ, только благодаря эмиграціи, спасся отъ якобинцевъ, попавшихъ въ мой *Almanach des grands hommes*. Дѣло въ томъ, что въ этомъ альманахѣ нашло мѣсто большинство корифеевъ, тогда еще приторныхъ, франтоватыхъ и напудренныхъ: Сентъ-Жюстъ, Колло, Карра, Камилль Демуленъ, Фабръ д'Эглантинъ, Лакруа, Майлье, Рюфъ, Ронсенъ и пр. но Робеспьера тамъ нѣтъ, хотя онъ имѣлъ на это право, такъ какъ написалъ достаточно плохіе стихи. Lescure, Rivarol.

⁷⁾ TAINE. *L'Ancien Régime*, I. III, ch. III.—QUINET, *la Révolution*, I. XIV, ch. IV.

ступленія. Его можно назвать фанатикомъ порока. Чтобы дополнить эту связь между книгами и людьми, между мыслями и дѣйствіями, упомянемъ о свирѣпомъ и гнусномъ Карерѣ, какъ о заключительномъ явленіи XVIII вѣка.

VII.

Такимъ образомъ, дряхлость стараго порядка, банкротство правительства и утрата имъ довѣрія страны, иллюзіи, обольщавшія умы, страсти, волновавшія души, ярость, которая таилась и тлѣла въ массахъ—все подготовило къ тому, что революція разразилась, что она была радикальна, что она породила анархію, выродилась въ фанатизмъ и наконецъ дошла до возмутительныхъ жестокостей. И однако Франція вышла изъ всего этого побѣдительною. Гражданскія и социальныя реформы, главный *raison d'être* революціи, сдѣлались незыблемыми съ момента ихъ провозглашенія. Франція вышла изъ анархіи болѣе энергичной, болѣе мужественной, съ болѣе пламеннымъ стремленіемъ ко всему великому, чѣмъ когда-либо; ея вліяніе въ свѣтѣ никогда еще не достигало такой высоты. Она, правда, утратила свое преобладаніе въ качествѣ сильнаго государства, но взамѣнъ того вернула съ блескомъ, напоминавшимъ ея лучшую пору, то вліяніе на литературу, искусства и науки, которымъ она пользовалась прежде. Во время мира она стала выше того, чѣмъ была во время войны. Она какъ бы освятила свою новую судьбу, установивши у себя представительное правительство, первый камень котораго положила революція.

Революція вовсе не прервала теченіе исторіи Франціи, какъ это принято говорить: она не болѣе, какъ эпизодъ, можетъ быть эпизодъ крайне необычайный, но только эпизодъ. Подобно тому, какъ Франція не измѣнила своего мѣста въ Европѣ, такъ и французская нація, переживши великій кризисъ, не измѣнила ни темперамента, ни характера. Въ теченіе своего долгаго существованія, она перенесла не одно испытаніе такого рода, и эти-то превратности сдѣлали ее націей, связанной традиціями, отождествившейся съ государствомъ болѣе, чѣмъ всякая другая нація въ Европѣ. Она образовалась медленно, попеременно подвергаясь приливамъ и отливамъ, страдая то избыткомъ жизни, то безплодіемъ. Бывали лѣта палящаго зноя и страшныхъ грозъ, зимы, полныя бѣдствій и бурь, но почва была плодотворна, и какъ скоро небо прояснялось, жизненная энергія увеличивалась и растительность была богаче прежняго ¹⁾.

¹⁾ Не разъ бывали такіе моменты, когда катастрофа казалась неминуемою, а между тѣмъ это былъ моментъ возрожденія. Николай Паскъ писалъ Дю-Веру въ первыхъ годахъ XVII вѣка: «Такъ какъ всякая болѣзнь неизбѣжно оканчивается или смертію, или выздоровленіемъ, то и безпорядки,

Французъ, «чувствительный до энтузіазма и способный на всё крайности въ своихъ привязанностяхъ и въ своемъ недовольствѣ» ²⁾, то фанатично обожающій, то слѣпо ненавидящій своихъ вождей, доходящій въ своей страсти къ свободѣ до своеволія, а въ исканіи спокойствія—до рабства, подъ лоскомъ утонченности сохраняющій пылкія страсти, въ глубинѣ души таитъ настоящую, такъ сказать, инстинктивно-аттическую потребность въ порядкѣ, методичности и въ чувствѣ мѣры. Только умъ и здравый смыслъ не могутъ пресытить его. Ни одна нація не упивалась такъ парадоксами и вслѣдъ затѣмъ не возставала такъ пылко противъ софизмовъ, не была такъ постоянна и вѣрна себѣ при кажущемся непостоянствѣ и такъ практична при кажущемся сумасбродствѣ. Она возетала, чтобъ завоевать невозможное, но успокоилась, какъ скоро достигла разумнаго. Она стремительно гналась за самыми умѣренными результатами, и если ни одинъ народъ не ставилъ себѣ такихъ широкихъ задачъ, какъ французскій, зато ни одинъ не удовлетворялся столь малымъ ³⁾.

Эта традиціонная упругость поддержала Францію въ революцію 1789 г., какъ поддерживала ее въ предыдущія. Нація кинулась въ революцію и низвергла короля только потому, что королевская власть не давала реформъ, но, тѣмъ не менѣе, она осталась такою, какъ ее воспитала монархія ⁴⁾. Всемоущество, какимъ обладало государство, повело къ злоупотребленіямъ, губившимъ правительство; но именно потому, что государство поглощало отечество, нація почувствовала, что, разлагая первое, она сама уничтожается, и снова организовалась въ одно цѣлое. И эта страсть къ единству, которую такъ постоянно развивалъ старый порядокъ, спасла революцію отъ ея собственныхъ крайностей. Достаточно было, чтобъ передъ глазами французовъ мелькнули два непоправимыхъ бѣдствія: завоеваніе чужеземцами и междоусобныя распри, чтобы они очнулись и верну-

составляющіе истинную болѣзнь государствъ, ведутъ или къ окончательному паденію государства, или къ его полному преобразованію. Наша Франція достигла крайней старости, сдѣлалась болѣзненной, слабой и упавшей духомъ отъ постоянной острой болѣзни, которая дѣлаетъ ее перѣшительной и неустойчивой и грозитъ близкой кончиной». N. PASQUIER, *Lettres*, t. VIII, lettres V. Amsterdam. 1723.

²⁾ VOLTAIRE, *Siècle de Louis XIV*, ch. XII.

³⁾ «Франція въ теченіе четырнадцати вѣковъ переносила самые рѣзкіе переходы отъ анархіи къ деспотизму, отъ иллюзій къ разочарованію; она никогда не отрекалась надолго отъ порядка и свободы... Вотъ что дѣлаетъ нашу исторію, утѣшительной, несмотря на многіе печальные эпизоды». Guizot. *Préface de la sixième édition de l'Histoire de la civilisation en France*. Paris, 1882

⁴⁾ «Эта великая французская королевская власть была такъ высоко-національна, что на другой день послѣ ея паденія нація имѣла возможность держаться и безъ нея». RANKE, *Qu'est-ce qu'une nation?* p. 12. Paris, 1882.

лись къ самообладанію и разуму. У нихъ сохранилось то, что составляетъ душу націй,—единственно-истинную основу народного блага: любовь къ отечеству; она ожила и поднялась до энтузіазма къ революціи, которая была ихъ спасеніемъ: обѣ идеи соединились въ одно, такъ что французы защищали и свою національную самостоятельность и завоеванную ими свободу.

Они занялись наиболѣе неотложнымъ дѣломъ: чтобъ избавиться отъ чужеземнаго порабоженія и возстановленія стараго порядка, они перенесли все, даже унижительную тираннію Террора. Все вниманіе ихъ устремилось на непріятеля. Но, отвративши опасность, грозившую извнѣ, они почувствовали къ анархіи такое же отвращеніе, смѣшанное съ ужасомъ, какое испытывали къ чужеземному нашествію; они отвергли гнетъ террористовъ съ такою же ненавистью, какъ иго чужестранцевъ, и оттолкнули съ омерзѣніемъ остатки кровавыхъ партій, раздиравшихъ отечество подъ предлогами защиты. Та же сила импульса, которая побудила ихъ ниспровергнуть старый порядокъ, преобразовать строй общества и государства, защитить страну отъ иностраннаго нашествія, помогла устранить правительства, неспособныя гарантировать имъ тотъ результатъ, къ которому они такъ упорно стремились: гражданскую свободу, которою они могли бы пользоваться въ мирѣ и порядкѣ. Принесли все въ жертву государству, чтобы оно могло защитить революцію, они потребовали отъ него, чтобъ оно организовало послѣднюю.

Кризисъ, пережитый французами, породилъ людей, способныхъ привести его къ окончанію. Тѣ изъ революціонеровъ, которые проникнуты были духомъ государственности, развивались въ періодъ бурь. Въ эпоху грозныхъ кампаний мѣсяцы борьбы считаются за годы, проведенные на маневрахъ въ мирныя времена. «Надо бы измѣнить наши нравы,—въ отчаяніи воскликнулъ одинъ министръ Людовика XV ⁵⁾,—и это дѣло, для котораго въ другой странѣ потребовались бы цѣлые вѣка, совершилось бы у насъ въ теченіе одного года, еслибы были дѣлатели». Дѣлатели родились, и младшіе изъ нихъ были уже совершеннолѣтними въ 1789 г. Революція открыла имъ доступъ въ собранія. Когда буря улеглась, въ ихъ трудахъ приняли участіе и руководительство множество личностей, которыхъ старый порядокъ приучилъ къ дѣламъ и идеи которыхъ соответствовали новому порядку ⁶⁾. Это могучее поколѣніе было душою консульства, оно же сдѣлалось душою представительнаго правительства послѣ Реставраціи.

Послѣ долгаго обхода, разныхъ уклоненій и суроваго опыта, люди 1789 г. вернулись къ той основной идѣ, которая какъ бы затерялась въ революціи, а именно: что политическая свобода есть единственная

⁵⁾ BERNIS, *Lettre à Choiseul*, 31 mars 1768, t. II, p. 168.

⁶⁾ Порталисъ, Симеонъ, Лебренъ, Молльенъ, Бёньо, Малюе. D'Arbois de Jubainville, op. cit.

гарантия для всякой другой. Они удовлетворялись тем, что основали демократию, они считали ее надежной, потому что сами управляли ею. Видя, что она подвергается опасности, они поняли, что единственно верное средство защитить ее—свобода и сдѣлались пламенными борцами за послѣднюю. Такова была сила новаго духа времени, что монархія приходилось прибѣгнуть для своего переустройства къ темъ же средствамъ, къ какимъ прибѣгала демократія для своего поддержанія. Личности, желавшія остановить революцію, и личности, желавшія ее продолжать, приверженцы умѣренной и приверженцы чистой монархії, конституціонисты, республиканцы, демократы имперіалисты, бонапартисты и ройялисты — всѣ нуждались для охраны своихъ правъ или своихъ притязаній въ одинаковой гарантіи. Тогда проснулись благородныя страсти 1789 г.¹⁾: страсти еще пылкія, но созрѣвшія и укрѣпившіяся опытомъ. И поколѣніе, начавшее революцію, могло питать надежду на ея благополучный исходъ. Итакъ, старая Франція носила въ себѣ вмѣстѣ съ зародышами разложенія и элементы возрожденія и нравственнаго подъема. Темъ не менѣе, въ этомъ кризисѣ, равно какъ и въ сходныхъ съ нимъ кризисахъ четырнадцатаго, пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ—Франціи приходилось считаться съ Европой. За революціей 1789 г. слѣдовала война, которая, можно сказать, продолжалась до 1815 г., такъ какъ перемирія, временное прекращеніе военныхъ дѣйствій, нельзя назвать миромъ. Революція сдѣлалась воинственною—это было причиной и ея величія и ея паденія. Арміи заглушили націю, и война поглотила государство. Этотъ фактъ рѣшилъ не возстановленіе правительства, оно возстановилось бы во всякомъ случаѣ,—но форму, въ которую оно облеклось, и характеръ, въ какомъ оно проявилось.

Съ этой то стороны и совершились самыя необычныя явленія; впрочемъ въ минувшемъ Франціи мы находимъ причины и объясненія этихъ явленій; въ этомъ прошедшемъ, какъ внутреннія такъ и внѣшнія дѣла обуславливались постоянной исторической необходимостью и вытекающемъ изъ нея строемъ мысли очень давняго происхожденія. У французовъ мы видимъ постоянно, какъ въ сношеніяхъ съ Европой, такъ и во внутренней исторіи страны — рядомъ съ темъ духомъ умѣренности и мудрости, которыя создаютъ великія правительства и цвѣтуція эпохи, порывъ романическаго честолюбія, родъ завоевательнаго упоенія, капризную склонность къ славѣ и приключеніямъ. Вмѣстѣ съ уравновѣшенностью въ силѣ, которая составляетъ всю сущность французскаго гения, мы находимъ ту жажду невозможнаго, которая составляетъ его недо-

¹⁾ Наиболѣе краснорѣчивымъ выразителемъ ихъ была госпожа де-Сталь. «*Considérations sur la Révolution française*».—*Mémoire de Talleyrand à Louis XVIII* въ «*Перепискѣ*», изданной POLLAIN. Paris, p. 436.

статокъ. Франція сохраняла въ себѣ эти противоположныя инстинкты, и революція по очереди пробуждала ихъ въ умахъ. Д'Аржансонъ писалъ: «Говорятъ, что французская республика была-бы не мудрѣе монархії, правившей нами въ теченіе четырнадцати вѣковъ, что національный духъ остается темъ же... А этотъ національный гений и составляетъ всю силу королевства», прибавляетъ онъ²⁾. Попытаемся его опредѣлить.

²⁾ *Mémoires*, éd. RATHERY, t. IV, p. 216.

ГЛАВА II.

Внѣшняя политика.

I.

Политика Капетинговъ, разсматриваемая въ ея послѣдовательной связи и ея традиціяхъ, имѣла двѣ главныя цѣли, внутреннюю и внѣшнюю: образовать однородную націю и сплоченное государство внутри и обезпечить надежными границами независимость и могущество этого государства и націи—извнѣ. Короли, отвѣчавшіе стремленіямъ націи, основывая государство, удовлетворяли національнымъ же стремленіямъ, закладывая основанія будущему величію Франціи въ средѣ европейскихъ державъ. Дѣло, совершаемое внѣ государства, гармонируетъ съ тѣмъ, которое совершается внутри его, являясь его естественнымъ слѣдствіемъ и дополненіемъ. Капетинги находятъ Францію раздробленною и уменьшенною. Только общія традиціи и одинаковыя стремленія народностей цѣлой страны, разъединенныхъ феодальнымъ строемъ, позволили королю собрать французскій народъ воедино, несмотря на разлагавшій его порядокъ, сосредоточить власть, несмотря на систему, благодаря которой она была децентрализована, словомъ, составить государство вопреки началамъ, ведущимъ къ его разложенію. Исторія французскаго народа въ этомъ первомъ ея періодѣ, сливается съ исторіей королевскаго домена; нація образуется по мѣрѣ того, какъ расширяется королевскій доменъ, она объединяется по мѣрѣ усиленія верховной власти короля ¹⁾. Разъ королевство сложилось, короли старались его расширить, подобно тому, какъ расширяли свои домены. То, что совершалось въ тѣсныхъ предѣлахъ монархіи, продолжается и за этими предѣлами. Короли встрѣчали тамъ населеніе, которое своимъ происхожденіемъ и традиціями связано съ управляемымъ ими народомъ. То были народности древней Галліи, соединенныя и сгруппированныя Карломъ Великимъ. Онѣ черпали цивилизацію изъ одного и того же источника, получили одинаковый отпечатокъ, сохранили однѣ и тѣ же воспоминанія. Въ результатѣ получилась общая почва, несмотря на пограничныя столкновенія,

¹⁾ Объ образованіи домена и о прогрессѣ королевской власти см. *Les Études sur le régime financier de la France* par M. de Vuitry. Première série, p. 523—526. Paris, 1878.

враждебность сосѣдей и борьбу вождей—почва, на которой съ успѣхомъ могла дѣйствовать королевская политика.

И цѣль и пріемы этой политики вытекаютъ изъ самой природы вещей. Французская королевская власть, остановленная въ своемъ стремленіи расширяться—океаномъ, Пиренеями, Средиземнымъ моремъ и Альпами, могла распространяться лишь къ востоку и сѣверу, во Фландріи и мѣстностяхъ, которыя въ эпоху воцаренія Капетинговъ, составляли королевства: Лотарингское и Бургундское. Къ этому привели ее естественный ходъ событій и необходимость. Въ результатѣ получилось, послѣ образованія французской монархіи, неизбежное столкновеніе съ Германіей за обладаніе тѣми промежуточными территориями, на которыя оба эти государства заявляли одинаковыя притязанія. Ожесточенныя войны ради ихъ завоеванія, безпощадныя войны ради ихъ сохраненія,—вотъ что заполняетъ исторію Европы, начиная съ XV вѣка. Эта борьба, сообразно съ духомъ времени, облекалась въ различныя формы. Различные мотивы приводились, чтобъ поддерживать притязанія; теоріи видимо мѣнялись вмѣстѣ съ системами публичнаго права; но мѣнялись одни средства, цѣль оставалась неизмѣнной. Это постоянство идеи, это упорство въ преслѣдованіи одной и той же цѣли, несмотря на всѣ перевороты въ воззрѣніяхъ и событіяхъ, объясняется только тѣмъ страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ, которое порождаетъ и поддерживаетъ великія традиціи народовъ и государствъ. Въ этомъ-то и заключаются тѣ таинственныя соотношенія, которыя устанавливаются при возникновеніи націй и изъ которыхъ впоследствии выдѣляются законы ихъ исторіи. Во Франціи они появляются съ самыхъ первыхъ лѣтъ ея существованія ²⁾.

Французская политика была обусловлена географическимъ положеніемъ страны: національный инстинктъ подсказалъ ее ранѣе, чѣмъ государственная польза. Она основывается на единственномъ фактѣ: на имперіи Карла Великаго. Исходною точкою великой тяжбы, наполняющей всю исторію Франціи, служитъ неразрѣшимый споръ за наслѣдство Карла Великаго. Короли находили въ ней поводъ для честолюбивыхъ стремленій, легисты—начало правовыхъ отношеній; въ ней заключается главный источникъ народной традиціи, которая принудитъ королей повышать свои притязанія, а легистовъ приписывать для этихъ притязаній правовыя основы. Едва королевская власть выступила изъ мрака, историки и поэты стали напоминать королямъ объ исчезнувшемъ величіи ихъ предшественниковъ. Въ началѣ одинъ

²⁾ Luchaire, *Institutions des premiers Capétiens*, 1884. *La question nationale, Hugues Capet et l'empire allemand*, t. II, p. 204.—*Robert et le duché de Bourgogne*, p. 212, et *les Lorrains*, p. 216.—*Henri I, l'Allemagne et la Lorraine*, p. 227.—*Louis le Gros et l'Allemagne*, p. 256.

надцатаго вѣка, Адалберонъ въ поэмѣ, посвященной королю Роберту, прославляетъ могущество королей Франціи, «первыхъ изъ сословія королей». «При нашихъ отцахъ, королевство французское подчинило себѣ королей другихъ государствъ» ³⁾. Всѣ королевства были подъ властью Франціи. Она обладала верховной властью; это подтверждаетъ хроникеръ того времени Глаберъ, говоря: «Короли Франціи, самые могущественные и сильные изъ христіанскихъ королей, отличались справедливостью... и имперія, подчинившись имъ, долго украшала ихъ триумфъ» ⁴⁾. Съ теченіемъ времени, образъ великаго императора вырастаетъ до колоссальныхъ размѣровъ. Отъ времени Филиппа-Августа до Наполеона онъ какъ бы паритъ надъ исторіей Франціи. Въ эпохѣ Карла Великаго надо искать начало политической традиціи, которая, какъ бы возвратомъ минувшаго, реализировала въ девятнадцатомъ вѣкѣ передъ пораженной Европой Западную Имперію, которая, благодаря средневѣковымъ поэтамъ, рисовалась въ народномъ воображеніи какъ дивная легенда:

Quand Dex eslut nonante et dix royaumes,
Tot le meillor torna en doce France.
Li muidre reis ot à nom Charlemaine:
Cil aleva volentiers doce France.
Dex ne fist terre qui envers lui n'appende:
Il ala prendre Bavière et Allemaigne
Et Normandie et Anjou et Bretaigne,
Et Lombardie et Navarre et Tosquane...
Rois qui de France porte corone d'or
Preudons doit etre et vaillant de son cors;
Et s'il est hom qui li face nul tort
Ne doit garir ne à plain, ne à bos
Deci qu'il l'ait ou recreant ou mort;
S'ainsi nel fet, dont pert France son los:
Ce dist l'estoire, coronez est à tort ⁵⁾.

³⁾ Guisot, *Collection des mémoires, relatifs à l'histoire de France*, t. VI

⁴⁾ *Chronique de Raoul Glaber*, liv. I, ch. IV. Guisot. *Id.*

⁵⁾ *Couronnement Loys* cité par GASTON PARIS, *Charlemagne*, p. 353.

«Когда Богъ раздѣлилъ землю на сто королевствъ, въ милую Францію Онъ помѣстилъ лучшее. Лучшій король назывался Карлъ Великій: послѣдній очень полюбилъ величіе милой Франціи. Богъ не создалъ земли, которая не принадлежала бы ему: онъ взялъ Баварію, и Германію, и Нормандію, и Анжу, и Бретань, и Ломбардію-Наварру, и Тоскану... Король, обладающій золотой короной Франціи, долженъ быть осторожнымъ и мужественнымъ, и если какой-нибудь человѣкъ ему повредитъ, онъ не долженъ избѣжать мщенія ни въ долинѣ, ни въ лѣсу; и король не смѣетъ останавливаться, пока не убьетъ его или онъ не попроситъ пощады; а если онъ поступитъ иначе, Франція утратитъ свою честь и исторія скажетъ, что его напрасно короновали».

Но время, когда эпосъ прославлялъ это минувшее величіе, было мрачнымъ временемъ для Франціи. Британецъ занималъ одну часть ея территоріи. Необходимо было изгнать его. Въ этомъ намѣреніи упрекаетъ французовъ нормандецъ Весъ въ своемъ *Le Roman de Rou* ⁶⁾:

Si li Franceis poeient lur pensez achever,
Ja li reis d'Engleterre n'avreit rien deça mer:
A hunte l'en fereient, s'il poeient, passer.

(И если бы французы могли довершить свое дѣло, король англійскій ничего не получилъ бы по ту сторону моря и стыдъ бы принять, если бы его перешлы).

Эта первичная необходимость, о которой я говорилъ, не мѣшала Филиппу-Августу предаваться мечтамъ. Ему не было и двадцати лѣтъ, когда на вопросъ одного барона, который, видя его разсѣянность, спросилъ, о чемъ онъ думаетъ: «я думаю объ одномъ,—отвѣчалъ онъ,—даруетъ ли Богъ мнѣ или одному изъ моихъ наслѣдниковъ счастье поднять Францію на ту высоту, на которой она стояла при Карлѣ Великомъ ⁷⁾. То, что у Филиппа Августа было грезами и безсильнымъ желаніемъ, превратилось, сто лѣтъ спустя, у Филиппа Красиваго въ намѣреніе и твердую волю. Для него увеличеніе королевства было цѣлью постоянной заботы. Историки рисуютъ его какъ государя, вѣчно преслѣдуемаго воспоминаніемъ о Карлѣ Великомъ, наслѣдникомъ котораго онъ себя считалъ; постоянно стремившагося расширять вліяніе Франціи въ Германіи, прибрѣтать города и назначать пенсію прирейнскимъ принцамъ ⁸⁾. Это царствованіе имѣетъ большое значеніе для исторіи Франціи, какъ внутренней, такъ и виѣшней. Политика перестаетъ быть гадательной и бродить ощупью: она выступаетъ во всемъ своемъ реализмѣ, такой, какой она отнынѣ будетъ при всѣхъ честолюбивыхъ государяхъ, съ своею цѣлью — завоеваніемъ, съ своимъ средствомъ—правовую процедуру и съ своимъ орудіемъ—легистами. Такимъ образомъ, одновременно съ выясненіемъ великой цѣли королей, появляется поколѣніе людей, которые совмѣстно съ духовенствомъ, и даже усерднѣе послѣдняго, образуетъ школу, гдѣ вербуются посредники и крючкотворцы, составители плановъ и поставщики благовидныхъ предлоговъ. Они выступаютъ въ полномъ вооруженіи, готовые къ борьбѣ. Они выходятъ изъ своихъ провинціальныхъ преторій и внезапно появляются на великой политической сценѣ, гдѣ дѣлаютъ предложенія, служатъ посредниками, ведутъ переговоры, хорошо знаютъ Европу и ея государей, Францію и своего вал-

⁶⁾ *Chronique ascendante*

⁷⁾ Guisot, *Histoire de France*, t. I, p. 456.

⁸⁾ *Histoire littéraire de la France*, t. XXVI. Pierre du Bois, légiste, par RENAN. См. BOUTARIC. *La France sous Philippe le Bel*. Paris, 1861.

стелина. Эти люди—живое свидетельство традиции, установившейся в народ, иначе, т. е. без этой традиции, их существование было бы необъяснимо.

Таков, например, главнейший между ними и первый по старшинству, Пьер Дюбуа. Родившись в Нормандии, он изучал юриспруденцию в Париже, в 1300 г. был королевским адвокатом в Кутансе. Там он написал для короля Филиппа Красивого свой трактат о сокращении войн и тяжб (*Traité de l'abrégement des guerres et des procès*). «Этот труд, говорит его ученый биограф, свидетельствует об обширном знании политических дел Европы и тайн французского дома⁹⁾. Хорошо знакомый с Дигестами, которые он постоянно цитирует, Дюбуа «особенно проникся народной поэзией эпоса Карла Великого, которому он приписывал великое историческое значение». Лучшим примѣром для королей он считает Карла Великого, который, по преданию, царствовал сто двадцать пять лет и «не имел себя равного»¹⁰⁾. Легенда и Дигесты—вот два источника его воззрений. Легенда внушает ему неопредѣленно широкие и химеричные замыслы; Дигесты снабжают его доводами и формами, часто тонкими и благовидными, но всегда коварными и практичными. Господствующая идея Дюбуа—расширение королевской власти; он страстно преследует свою цель—высокое положение Франции в Европе. Когда прошел слух, что король приобретает «домен Арля, земли, лежащая по сю сторону Рейна (*citra rivum colonniensem*) и Ломбардии, от южного до северного моря», Дюбуа поздравляет его¹¹⁾, но, не довольствуясь этим, мечтает об императорской короне для своего властелина, которая «перешла от греков к германцам, в лицѣ Карла Великого». Филипп, по мнению Дюбуа, должен сделать ее наследственной. Князья избиратели империи получать, в вознаграждение за утрачиваемый ими сан, земли и деньги, которые можно взять из церковных имуществ Германии¹²⁾. Мы видим, что система секуляризации, которая казалась столь удобной авторам Вестфальских трактатов и которая так нравилась дипломатам-юристам революции—не новое изобретение; способ вознаграждения за завоевания на счет Германии так же стар, как идея этих завоеваний.

Дюбуа не ограничивается этим. Вместе с короной Карла Великого он желал бы передать королям Франции власть над всем миром. Филипп должен повсюду, включая и Константинополь, посадить на престолы

⁹⁾ RENAN *Histoire littéraire de la France*, t. XXVI, а также *Mémoire de M. N. de WAILLY. Mémoire de l'Académie des inscriptions*, t. XVIII.

¹⁰⁾ *De recuperatione Terrae Sanctae* (*Histoire litt.*).

¹¹⁾ *Traité de l'Abbrégement cité par de WAILLY.*

¹²⁾ *Pro jacto Terrae Sanctae* (*Histoire litt.*) id.

сыновей, братьев, племянников и кузенов. Он сделается общим сюзереном старого и нового света. Папа будет в зависимости от него и отдаст ему Церковную Область, будет решать в его пользу сомнительные вопросы и отлучить от церкви ослушных князей. Взамен король доставит ему богатые вклады и освободит Святую Землю от ига неверных. Но для совершения этого великого предприятия необходимо содействие Европы. Европа даст его только в том случае, если владетельные князья ее будут уверены, что их не принудят вернуться с Востока для отражения пограничных нападений. И потому необходимо, чтобы вечный мир царствовал между христианскими государями. Единственное средство для этого — повеление папы, которое король Франции заставит уважать. Идея вечного мира и крестовых походов прикрывают этот обширный план порабощения. Если королю удастся привести его в исполнение, то он удовольствуется тем, что посадить на престол Германии одного из своих братьев, оставить для себя «все земли по сю сторону Рейна и как свой непосредственный домен — Прованс и Савойю под своею верховною властью»¹³⁾.

В этих планах много химерического, но они представляют благовидную форму для тех идей, которые волновали умы того времени. Эти идеи распространились повсюду — и самая спутанность свидетельств, указывающих на их существование, доказывает, на сколько он был повсеместен. Жители Валансена требуют в 1291 г. покровительства короля: они называют себя французами, ссылаются на свои титулы, указывают на хартии и напоминают Филиппу, что многие из его предшественников были императорами¹⁴⁾. Но всего характеристичнее история мнимого Воклузского договора с Альбертом австрийским, будто бы подписанного Филиппом в 1299 г. Гильом де Нанжи пишет¹⁵⁾: «говорят, что с согласия короля Альберта, баронов и прелатов Германии, решено, что французское королевство, простиравшееся с этой стороны только до Мааса, расширить свои пределы до Рейна». Другие хроникеры также сообщают об этом факте и хвалят за него короля¹⁶⁾. Однако есть полное основание думать, что трактат этот подложный¹⁷⁾; тем не менее он увеличил славу Филиппа Красивого. Двадцать лет спустя один адвокат приводил его в своей защитительной парламентской речи¹⁸⁾. Этот трактат был популярен, и слава его заключения, приписываемого Филиппу, подтвер-

¹³⁾ *De recuperatione Terrae Sanctae* (*Hist. litt. id.*, t. XVII, p. 737, notes).

¹⁴⁾ BOUTARIC, p. 386.

¹⁵⁾ *Chronique*, année 1299.

¹⁶⁾ GIRARDUS DE FRACHETTO, *Historiens de France*, t. XXI, p. 17.

¹⁷⁾ BOUTARIC, *loc. cit.* См. VUITRY, *Etudes*, 2 série, t. I, p. 12, 25, 29. Paris, 1883.

¹⁸⁾ BOUTARIC, *loc. cit.*

дила высокое понятие подданных объ его могуществѣ. Въ *Eloge de Paris* (похвала Парижу) 1323 г. написано ¹⁹⁾. «Монархическое управление всею вселенной принадлежит славнѣйшимъ и верховнѣйшимъ королямъ Франціи, по крайней мѣрѣ, въ силу того права, которое даетъ врожденное стремленіе ко всему лучшему (*ex nativae pronitatis ad melius jure*)».

Въ принципѣ это—благородное право, но на практикѣ оно поддается всякимъ толкованіямъ. Нѣтъ такого притязанія, котораго нельзя было бы оправдать, основываясь на подобномъ правѣ. Однако мы должны признать, что было много великодушнаго и наивнаго въ патріотическихъ увлеченіяхъ этихъ французовъ старыхъ временъ. Для нихъ счастье всего міра связано съ величіемъ Франціи. Не только они сами не сомнѣваются въ этомъ, но, по ихъ мнѣнію, и никто другой не можетъ усомниться. Но чѣмъ справедливѣе кажется имъ цѣль, тѣмъ индифферентнѣе становятся они къ средствамъ. Въ ихъ глазахъ всѣ приемы для достиженія этой великой цѣли законны, всѣ доводы справедливы. Они приводятъ всѣ тексты, какіе даетъ имъ смутная эрудиція эпохи, чтобъ оправдать мѣры, внушаемыя грубыми правами вѣка. Къ услугамъ неразборчивой политики они предлагаютъ науку, не провѣренную критикой. Въ ихъ умѣ понятія король и государство сливаются въ одно; ради короля и государственной пользы, всякая хитрость позволительна, всякое насиліе законно; противорѣчія не останавливаютъ ихъ никогда. «Въ глазахъ Дюбуа, папа—итальянецъ и врагъ Франціи—безсиленъ, но папа французъ и креатура короля—всесиленъ» ²⁰⁾. Такъ на примѣръ грозятъ чужеземцамъ тѣми самыми папскими буллами, на которыя сами не обращаютъ никакого вниманія, когда эти буллы касаются ихъ лично. То же самое относится къ принципамъ римскаго права. Знаменитое изреченіе *Si veut le Roi, si veut la loi* (если хочетъ король, хочетъ и законъ), резюмируетъ ихъ судопроизводство, политику и философію. Ловкіе агенты и опасные совѣтники, они очарованы королевской властью и стараются ослѣпить ею и самихъ властелиновъ. Послушайте, какъ Петръ Дюбуа говоритъ Филиппу Красивому ²¹⁾: «Вы обладаете неистощимымъ сокровищемъ: это сокровище—ваши солдаты, которыхъ хватить на всѣ могущія представиться въ будущемъ войны. Да, еслибъ ваше величество знали всѣ силы своего народа, то не колеблясь приступили бы къ широкимъ предпріятіямъ, на которыя я указалъ... конечно, руководствуясь справедливыми намѣреніями, т. е. желаніемъ общаго блага».

¹⁹⁾ *Tractatus de laudibus Parisiis*, par Jean de JANDUN. *Histoire générale de Paris. Paris et ses historiens au quatorzième et quinzième siècle*, par. M. LEROUX de Lincy. Paris, 1867, p. 61.

²⁰⁾ *Histoire litt.* См. выше.

²¹⁾ См. *Traité de l'Abrégement*, DE WAILLY.

Таковы системы и характеры въ ихъ оригинальной и первобытной формѣ. Остается прослѣдить рядъ идей въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ. Совѣтники Филиппа Красиваго—родоначальники этой странной и могущественной расы, людей кляузы и борьбы, исполнѣ оправдывающихъ странный титулъ, который они сами себѣ выбрали: *рыцари закона* (*chevaliers ès loi*). Мы можемъ прослѣдить черезъ всю исторію то средство, которое связываетъ членовъ этого племени. Дюбуа былъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ представителей этого семейства, имѣющаго въ числѣ своихъ предковъ Дюбуа и Ногаретовъ. Стоитъ вспомнить Петра Флотта, который сражался и умеръ «какъ рыцарь» въ битвѣ при Куртре ²²⁾, чтобъ понять, въ силу какой удивительной преемственности два адвоката, Дантонъ и Мерленъ Тіонвилль, сдѣлались въ 1793 инициаторами и дѣятельными агентами наступательной войны.

Легисты Филиппа Красиваго опередили свое время. Его слабымъ преемникамъ было не до того, чтобъ заявлять притязанія на чужія земли, а приходилось отстаивать свои права на французскій престолъ и вновь завоевывать у англичанъ свое собственное королевство. Эта великая борьба заняла собою пять царствованій и заполнила цѣлое столѣтіе; она сблизила народъ и королевскую власть и содѣйствовала усиленію ихъ взаимнаго довѣрія. Національное чувство окончательно опредѣляется и выясняется ²³⁾: всѣ сословія королевства содѣйствуютъ его освобожденію, рѣшительный эпизодъ этой борьбы—исключительно народное дѣло. Вдохновенная дѣва, спасшая Францію, вышла изъ народа. Существовала Франція и эта Франція была такъ жизненна и такъ любима, что смиреннѣйшая изъ ея дочерей принесла себя въ жертву, чтобъ ее освободить. Патріотизмъ незамѣтно вырабатывался въ душахъ, патріотическая вѣра беретъ свое начало въ этой эпохѣ; Иоанна д'Аркъ была ея первымъ откровеніемъ.

II.

Вскорѣ послѣ окончанія войны за независимость, началась война за границы. Традиція такихъ войнъ не заглохла, ее поддерживали поэты. Одинъ изъ тѣхъ, которые, въ началѣ Столѣтней войны, возбуждали Филиппа Валуа противъ англичанъ, посвятилъ ему слѣдующее стихотвореніе ¹⁾:

²²⁾ MICHELET. *Histoire de France*, t. III, p. 49.

²³⁾ Оно формируется, родится, растетъ одновременно съ королевской властью. «Въ десятомъ вѣкѣ, въ первыхъ тысячъ героическаго эоса (*Chansons de geste*), говоритъ Ренанъ, всѣ жители Франціи—французы. Идея расовыхъ отличій въ средѣ французскаго населенія, столь очевидная у Григорія Турскаго, совсѣмъ не проявляется у писателей и французскихъ поэтовъ, писавшихъ послѣ Гуго Капета». *Qu'est-ce qu'une nation?* p. 7.

¹⁾ JUBINAL. *Nouveau Recueil de contes*, t. I, p. 73.

Fais leur tantost apercevoir
Que Gascoingne est de toy tenue
Et te fais seigneur droit clamer
De tout ce qui est deça mer;
Soit la mer borne et dessevrance
De l'Angleterre et de la France...
Flandre aussi deça soit vostre.

(Дай имъ почувствовать, что Гасконія должна принадлежать тебѣ и сдѣлаетъ тебя господиномъ всего, что находится по сую сторону моря; пусть море будетъ границей между Англіей и Франціей... Фландрія также должна быть твоей).

Не успѣло королевство освободиться отъ англичанъ, не успѣла Франція свободно вздохнуть, какъ честолюбцы начинаютъ убѣждать короля попытать счастья въ новыхъ походахъ. Вспомнили, что восточныя территории, Бургундія и Лотарингія, которыя какъ будто сами открываютъ объѣты для французскаго завоеванія, нѣкогда зависѣли отъ короны и что было бы справедливо и законно потребовать ихъ обратно. Въ 1434 Гильбертъ де-Мецъ²⁾, славя превосходство французскаго королевства, писалъ, «Я не говорю ничего о всѣхъ короляхъ Франціи и ихъ боковой линіи, члены которой были королями Австразіи, и главное мѣстопробываніе которыхъ былъ Мецъ въ Лотарингіи, носившей въ древнихъ хроникахъ наименованіе старой Фланціи». Онъ говоритъ о высокихъ подвигахъ Карла Великаго и, резюмируя его завоеванія, чертитъ программу тѣхъ, которыя предстоятъ его преемникамъ. «Люттихъ, Фландрія, Генегау, Брабантъ, Гёрль, Жюльберъ, верхняя и нижняя Бургундія, Провансъ, Савойя, Лотарингія, Люксамбургъ, земли—Меца, Туля, Вердона, Трира, Кельна, Майнца и Страсбурга.

Вотъ болѣе яркое свидѣтельство, принадлежащее той же эпохѣ. Это *Le Débat des hérauts d'armes de France et d'Angleterre* (Споръ между герольдами Англіи и Франціи)³⁾. Герольдъ старается доказать превосходство французской храбрости надъ англійскою. Какъ образецъ французскихъ воиновъ опять приводится Карлъ Великій: «Карлъ Великій, сынъ Пепина, который былъ благороднѣйшимъ королемъ и совершилъ столько храбрыхъ подвиговъ, особенно въ войнѣ съ сарацинами, который обратилъ всю Испанію въ католическую вѣру и завоевалъ столько земель, какъ въ Германіи, такъ и въ Ломбардіи... Да еще вышереченный Карлъ Великій былъ императоромъ, и вы сами, англичане, были ему покорны». Чудесныя

²⁾ *La Description de la ville de Paris et de l'excellence du royaume de France. Paris et ses historiens*, p. 144, 146.

³⁾ Написано между 1453 и 1461.

приключенія, эпическіе походы, завоеванія цѣлыхъ имперій—вотъ такъ называемыя *guerres de magnificence* (великолѣпныя войны или великія). Что касается до другихъ войнъ за границы—это обыкновенныя войны и, по мнѣнію герольда, о нихъ не стоитъ говорить.

Однако короли со своими совѣтниками находятъ, что стоитъ предпринимать и такія войны. Поэтамъ и авторамъ рыцарскихъ романовъ представляютъ они великія мечты и легендарные подвиги Карла Великаго. Они же отстаиваютъ ту часть наслѣдства, которая имъ доступна, и какъ только почувствуютъ, что руки развязаны, немедленно протягиваютъ ихъ въ этомъ направленіи. Король собралъ солдатъ, юристы подобрали тексты... Пора начать дипломатическія препирательства и военныя дѣйствія. Германія или, какъ тогда говорилось, Нѣмецкія земли представили случай и предлогъ къ войнѣ. Священная имперія страдала глубокимъ разединеніемъ: князья боролись съ императоромъ; города—съ князьями. Союзъ съ Карломъ VII одновременно искалъ императоръ, противъ швейцарцевъ, и герцогъ Лотарингскій—противъ имперскихъ городовъ. Карлъ VII обѣщалъ помощь и поддержку тѣмъ и другимъ. Граница, отдѣлявшая Священную имперію отъ лотарингскихъ монархій, была крайне неустойчива и неопредѣленна, имперскіе города, такъ сказать, висѣли между Германіей и Франціей. Въ этихъ областяхъ не было ни одного князя, ни одного феодала, который не былъ бы вассаломъ короля и императора въ одно и то же время. Дѣло шло о томъ, чтобы проникнуть въ эти спорныя земли, завести тамъ тяжбу и запастись залогами. «При дворѣ говорили, повѣствуетъ Эней Сильвій⁴⁾, что надо воспользоваться обстоятельствами, чтобы вернуть старыя права французской короны на всѣ земли, лежащія по сую сторону Рейна». Такъ и поступили. Въ 1444 году, Дофинъ, впоследствии Людовикъ XI, пошелъ въ Швейцарію, разбилъ союзниковъ, заключилъ съ ними миръ, вступилъ въ Эльзасъ и объявилъ, что онъ явился «вытребовать права Галльскаго королевства, простиравшагося до Рейна»⁵⁾. Между тѣмъ Карлъ VII во главѣ другой арміи, вступилъ въ Лотарингію и пригласилъ города, лежащіе между Маасомъ и Вогезами, признать его авторитетъ. «Даемъ знать всѣмъ настоящимъ и будущимъ поколѣніямъ,—объявилъ онъ 11 сентября 1444,—что мы пришли въ маршіи Барруа, Лотарингіи и въ нѣмецкія земли ради важныхъ дѣлъ, касающихся насъ и нашей королевской власти, а равномѣрно для того, чтобы помѣшать дальнѣйшей узурпаціи правъ нашего королевства и французской короны въ земляхъ и городахъ, и вотчинахъ, по сую сторону

⁴⁾ HENRI MARTIN, t. VI, p. 413.

⁵⁾ *Jacobi Wimpfelingii Germania ad rempublicam Argentinensem.*—Thomas Murneri ad rempublicam Argentinam Germania nova. Strasbourg, 1874.

Рейна, издревле привыкших принадлежать нашим предшественникам королям Франції» ⁶⁾).

Туль и Вердюн признали его своим покровителем. Мец сопротивлялся, ссылаясь на свои привилегии. Королевские легисты конечно готовились их оспаривать. «Вышереченный король Франції и его совѣтники, рассказывает одинъ хроникеръ ⁷⁾,—думали, что война эта справедлива, и говорили, что такой-то и такой городъ издавна признавалъ и долженъ признавать верховную власть французскаго короля».

Президентъ парламента, Жанъ Работо, далъ знать Мецу, что онъ въ состояніи доказать этотъ фактъ «хартіями, хрониками и исторіей». Города промежуточнаго пояса, обращаясь по очереди къ королю за поддержкой противъ императора и къ императору противъ короля, на самомъ дѣлѣ только старались сдѣлаться независимыми отъ того и другого, на подобіе швейцарскихъ лигъ и кантоновъ. Жанъ Работо говоритъ; что «королю хорошо извѣстно, что они—мастера прибѣгать къ хитростямъ и уловкамъ и что когда нѣмецкій императоръ пришелъ съ большой силой, чтобъ принудить ихъ повиноваться ему, то для своей защиты они признавали себя зависимыми отъ французскаго королевства; подобно тому, какъ въ прежнее время, когда короли, предшественники нынѣшняго короля Франціи,—требовали ихъ повиновенія, они утверждали, что принадлежать къ имперіи и называли себя подданными императора» ⁸⁾. Однако жители Меца не убѣдились такими доводами; нѣмцы выразили протестъ, и король отступилъ, но тяжба началась и надолго оставалась открытой. Вопросъ о бургундскомъ, наслѣдствѣ, поднятый въ слѣдующее царствованіе, снова выдвинулъ эту тяжбу на сцену. Король не могъ, не нарушая интересовъ Франціи, покинуть французскія провинціи, составлявшія часть этого наслѣдства; естественно, что ему было желательно присоединить къ нимъ и территоріи, входившія въ это наслѣдство, но не находившіяся подъ верховной властью Франціи. Получивши вѣсть о смерти герцога, Людовикъ XI собралъ войска, призвалъ побочнаго Бурбона и Филиппа Комминскаго, «вручилъ имъ необходимыя полномочія, чтобъ привести къ повиновенію всѣхъ тѣхъ, которые захотятъ этого». Къ этому заявленію онъ присоединилъ войско, достаточно сильное, чтобъ принудить тѣхъ, которые не захотятъ. Онъ вторгся всюду, ссылаясь къ каждой мѣстности на особое право», отличное отъ другихъ. Такъ, въ Аббевилѣ онъ объявилъ, что эти земли, отданныя Карломъ VII въ 1435 г., «должны быть возвращены Франціи за неимѣніемъ наслѣдника мужескаго пола»; въ Аррасѣ, что «ко-

⁶⁾ *Ordonnances des rois*, t. XIII, p. 408.

⁷⁾ MATHIEU DE COUSSY, ch. III.

⁸⁾ Тамъ же.

роль считаетъ этотъ городъ своимъ въ силу конфискаціи». Страна подверглась той же участи, какъ и городъ. Въ Бургундіи онъ ссылался на почетную охрану ⁹⁾. Генегау и имперскія земли Людовикъ занялъ въ видѣ предварительнаго залога, съ тѣмъ чтобъ возвратить ихъ, если потребуется. Во Фландріи онъ апеллировалъ къ національному чувству и привелъ аргументъ, которому суждено играть впоследствии такую большую роль; ссылаясь на свои права, онъ прибавилъ. «Будь у моей кузины умные совѣтники, она бы вышла за Дюфина. Вы, валлоны, говорите по-французски и вамъ надо французскаго принца а не нѣмца ¹⁰⁾».

Наслѣдница Бургундіи вышла замужъ за Максимилиана австрійскаго. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого брака было соперничество французскаго и австрійскаго домовъ. Интересы Франціи требовали этой борьбы, національный инстинктъ настойчиво подсказывалъ ее, и неудивительно, что короли, слѣдовавшіе этой политикѣ, были популярны: она исходила изъ самой глубины традиціи. Одинъ историкъ семнадцатаго вѣка говоритъ ¹¹⁾, что этотъ бракъ «породилъ войну, которая тянется болѣе двухсотъ лѣтъ и повидимому будетъ тянуться еще гораздо дольше. Истощеніе сражающихся сторонъ прерывало ее иногда, но, подобно перемежающейся лихорадкѣ, она снова и снова возобновлялась. Потоки крови и безконечное множество пожаровъ, грабежей и бѣдствій—вотъ результаты этого брака. Франція и австрійскій домъ втянули въ свою сеору почти всѣхъ христіанскихъ государей. И пока остается хоть вершокъ земли, который можно приобрести, онъ будетъ неминуемымъ поводомъ для новыхъ войнъ». Война, разразившаяся въ 1792 г. и начавшая собою грозную борьбу между французскою революціей и Европой, имѣла если не причиной, то предлогомъ столкновение изъ-за верховной власти надъ прилегающими средними территоріями. Она была лишь однимъ изъ эпизодовъ долгаго вооруженнаго процесса, который, начиная съ четырнадцатаго вѣка, вели между собою дома австрійскій и французскій. Это столкновение обусловливалось территоріальнымъ положеніемъ Франціи; событія очень быстро сдѣлали его необходимымъ условіемъ существованія французскаго государства. Филиппъ Красивый, сынъ Максимилиана и Маріи Бургундской, женился въ 1496 г. на Іоаннѣ Безумной, наслѣдницѣ испанской короны, а сынъ ихъ Карлъ, наслѣдовавъ престолъ отца, соединилъ въ своихъ рукахъ Испанію, Неаполь, Сицилію, Нидерланды, Франшъ Конте, Индію и присоединилъ еще императорскую корону. Съ той поры Франція, стѣсненная испанцами и австрійцами, встрѣчала ихъ повсюду на своемъ пути ¹²⁾.

⁹⁾ COMMINES. liv. V, ch. X, XI.

¹⁰⁾ GUIZOT, *Histoire de France*, t. 2, p. 432.

¹¹⁾ BAYLE, *Dictionnaire Historique*, article *Louis XI*, note.

¹²⁾ *Le recueil des instructions*, t. I. Autriche. Introduction.

Прежде чѣмъ потребовать своихъ правъ съ оружіемъ въ рукахъ, Франція подвергла ихъ обсужденію. Королевскіе совѣтники справились съ документами. Начинается громадная подготовительная работа, слѣдствія и судопроизводства; даются принципы и устанавливаются прецеденты. Расширивъ нѣкогда королевскій доменъ съ помощью обвиненій въ преступленіяхъ противъ короля, рѣшили прибѣгнуть къ этому же средству въ настоящемъ случаѣ. Запутанность феодальныхъ отношеній служила вѣчнымъ предлогомъ для политическихъ тяжбъ. Внимательно изучаемое римское право доставляетъ неистощимый запасъ аргументовъ и правилъ, и изъ этихъ правилъ и обычаевъ создаются разныя комбинаціи. Главенство короля подкрѣпляется традиціями римскаго цесаризма. Доменъ провозглашается нераздѣльнымъ, неприкосновеннымъ и неотъемлемымъ¹³⁾. Рѣшено, что король не можетъ уступить ни одного изъ своихъ правъ, и въ то же время оказывается, что повсюду они нарушены и онъ обязанъ возвратить ихъ себѣ.

Возрожденіе классицизма было могучей поддержкой королевскаго дѣла. Книгопечатаніе распространило знакомство съ произведеніями писателей, которые признавались не только образцами, но и авторитетами. Не довольствуясь постояннымъ указаніемъ на Карла Великаго и на легенду о немъ, предполагали создать болѣе солидные и глубокіе устои для исторіи и политики. Восходя къ началу великой имперіи, законники рассчитывали найти въ самомъ ея возникновеніи права на наслѣдство великаго императора. Наконецъ, восходя до Галліи, припомнили, что Цезарь, свидѣтель происхожденія націи, обозначилъ границы Галліи Пиренеями, Альпами и Рейномъ. Это неоспоримый фактъ, изъ котораго прямой выводъ—неотъемлемое право. *Комментаріи Цезаря*, предметъ восхищенія ученыхъ, слѣдвали настольной книгой политиковъ¹⁴⁾. Короли и ихъ легисты заимствовали у римлянъ границы Галліи, точно также, какъ заимствовали у нихъ принципъ публичнаго права. У римлянъ же вмѣстѣ съ формой, въ какую должна отлиться монархія, они находятъ и рамку, въ которую она должна уложиться. Они крѣпко держались за нее тѣмъ болѣе, что она проста, обширна, обрисована самой природой, ходомъ исторіи и открываетъ столь широкое поле для національнаго честолюбія, лучше котораго нельзя и вообразить. Сочиненія Страбона переводятся на латинскій языкъ¹⁵⁾ и всякій просвѣщенный фран-

¹³⁾ Окончательный указъ о неотъемлемости домена вышелъ въ 1566, но легисты постоянно старались выдвигать этотъ принципъ. *Vuitry, Etudes, 1 partie, p. 226.*

¹⁴⁾ *Coesar. Opera, 1469, De Bello Gallico, 1471.*—Его приводятъ Вимпелингъ и Мюрнеръ.

¹⁵⁾ *Venetis, 1516; Базель, 1571; Женева, 1587.*

цузъ можетъ прочесть тѣ страницы, изъ которыхъ будутъ извлечены историческіе прецеденты, государственные принципы и система политической философіи. Галлія ограничена Пиренеями, Альпами и Рейномъ; это—«природныя границы», географія не знаетъ другихъ. «Что касается до границъ, поставленныхъ государями въ различные эпохи и подъ различными политическими мотивами, онѣ такъ же измѣнчивы, какъ эти мотивы». Даже въ расположеніи рѣкъ и горъ Галліи видна рука Провидѣнія. Въ этой странѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія удобство сообщенія между различными кантонами, благодаря рѣкамъ, которыя ихъ орошаютъ, и двумъ морямъ, въ которыя послѣднія изливаются... Этого счастливаго расположенія мѣстностей, которое кажется работою разумнаго существа, а не простой случайностью, было бы достаточно, чтобъ доказать участіе Провидѣнія¹⁶⁾.

Такимъ образомъ выходитъ, что само божество начертало королевскія права въ природѣ, подобно тому, какъ человѣческая рука вписала ихъ въ исторію, трактаты и хартіи. Но, несмотря на свою многочисленность, они очень запутаны. Въ политическихъ процессахъ ежеминутно обнаруживаются затрудненія и противорѣчія, которыя удивляютъ и смущаютъ. Необходимо изобрѣсти высшее правило, съ помощью котораго можно объяснить сомнительные случаи, примѣнять къ спорамъ принципы римскаго права и смущать противниковъ. Это и есть тотъ высшій законъ, который преобладаетъ уже въ общественномъ правѣ: государственная польза; она руководитъ совѣстью королей, управляетъ политикой дипломатовъ и вдохновляетъ легистовъ. Это главное и послѣднее слово во всѣхъ преніяхъ, во всѣхъ рѣшеніяхъ, основаніе всѣхъ намѣреній, оправданіе всѣхъ предпріятій, верховный и безапелляціонный законъ: *salus populi suprema lex esto.*

Такой же яростной логикой и неумѣренной эрудиціей отличались легисты и публицисты Германіи въ своихъ требованіяхъ и спорахъ. Они ссылались на тѣ же тексты и выдвигали тѣ же авторитеты. Это была война цитатъ и силлогизмовъ, въ которой тонкости Дигестовъ соединялись съ тонкостями схоластики. Географія и астрономія, исторія и легенда, *комментаріи Цезаря* и эпосъ Карла Великаго, кодексъ Феодосія Великаго и законы варваровъ, прецеденты изъ римской имперіи и средневѣковыя хартіи—все годились, всѣ аргументы казались хорошими; худшіе изъ нихъ служили для того, чтобъ подавить численностью приводимыхъ доказательствъ. Рабле оставилъ намъ пародію на эти варварскія полемики. Въ сущности, животрепещущій вопросъ, возбуждавшій полемику, былъ не изъ тѣхъ, которые разрѣшаются съ помощью текстовъ и правилъ. Шаткость и ничтожность доводовъ, приводимыхъ съ той и другой стороны, прямо

¹⁶⁾ *STRABON, traduction LETRONNE, liv. IV.—См. LAVALLÉE, Les frontières de la France, ch. I.*

указывают на то, что завязавшийся споръ не содержитъ въ себѣ правовыхъ или юридическихъ вопросовъ.

Эти тягостные споры выражались всегда въ формѣ столкновений. Собственно говоря, они были результатомъ той борьбы, которая составляетъ сущность всякой исторіи. Ни римское, ни феодальное право не могли разрѣшить вопроса о границахъ. Границы отмѣчаются тѣми пунктами, гдѣ останавливаются націи, т. е. гдѣ кончаются аналогичныя традиции, тождественныя стремленія, общность цивилизаціи. Великая задача, развивавшаяся при усложненіяхъ и неясности политической процедуры, заключалась именно въ томъ, чтобы узнать, съ которымъ изъ двухъ государствъ и двухъ народовъ, оспаривающихъ эти промежуточные территоріи, расположено слиться и образовать одну націю и одно государство население этихъ территорій.

Пока эти идеи вырабатывались для будущаго, въ настоящемъ политика королей уклонилась отъ правильного пути и ступила на опасную дорогу. Карлъ VIII соблазнился примѣромъ легендарныхъ преданій и покинулъ имперію, чтобы слѣдовать за тѣнью императора въ Италію. «Я помогу вамъ сдѣлаться болѣе великимъ, чѣмъ Карлъ Великій», говорилъ ему Людовикъ Мавръ ¹⁷⁾. Карлъ VIII отправился завоевывать Неаполь и Константинополь. Этотъ походъ заслуживаетъ упоминанія только потому, что представляетъ одно изъ самыхъ опасныхъ уклоненій французской политики. Кромѣ того, этотъ рыцарскій романъ повторится въ войнахъ восемнадцатаго столѣтія. Мы увидимъ, что въ самый разгаръ борьбы вооруженной революціи съ Европой, демократическая республика будетъ, подобно Валуа, дѣйствовать противъ австрійскаго дома въ Италіи; увидимъ, какъ Бонапартъ доведетъ до конца великій замыселъ Карла VIII; встревоженный папа обратится въ бѣгство, Неаполь попадетъ въ руки французамъ, Шампюне напомнитъ подвиги сына Людовика XI и наконецъ все предпріятіе обратится очень быстро противъ побѣдителей, которымъ, благодаря врожденному непостоянству, завоеванія наскучили скорѣе, чѣмъ итальянцамъ ихъ владычество. Итальянскія экспедиціи вполнѣ подходили подъ понятіе о *guerre de magnificence* или великихъ войнъ; онѣ были въ то же время и крайне бѣдственными. Совѣтники короля понимаютъ это. «Величіе и покой королевства зависятъ отъ обладанія Нидерландами», говорилъ Кревьеръ Карлу VIII ¹⁸⁾. Полезнѣе было-бы стремиться къ сѣверу и востоку. «Для французамъ было-бы выгоднѣе направляться въ эту сторону, а не къ Италіи» писалъ столѣтіемъ спустя авторъ *Mémoires de Gaspard de Saulx*. Это, если хотите, «обыденныя войны», но это—истинно королевскія войны. Суро-

¹⁷⁾ COMMINES, liv. VII, ch. VI.

¹⁸⁾ GUIZOT, *Histoire de France*, t. II, p. 475.

вый опытъ подтвердилъ это, и самое уклоненіе въ сторону французской политики только содѣйствуетъ укрѣпленію національной традиціи. Генрихъ II нашелъ ее болѣе твердой, чѣмъ когда-либо, вернулся къ ней, и она на долго воцарилась во Франціи.

III.

Австрійскій домъ владелъ частью Европы, Карлъ V стремился къ всемірной монархіи. Онъ не только задерживалъ Францію въ ея движеніи, но сжималъ ее со всѣхъ сторонъ и надѣялся уничтожить. Франція искала себѣ повсюду союзниковъ и, наконецъ, нашла ихъ въ лицѣ турокъ, бывшихъ тогда во всемъ блескѣ своего могущества и во всей силѣ своего натиска на христіанскую Европу. Они завладѣли Венгріей, въ 1529 году осаждали Вѣну и угрожали ей еще разъ въ 1532. Въ Германіи князья, принявшіе реформацію, защищали отъ Карла V свою религіозную и политическую независимость. Франція пришла имъ на помощь. Она нашла въ нихъ очень дѣятельныхъ союзниковъ, но на извѣстныхъ, опредѣленныхъ условіяхъ. Франція вмѣшалась въ германскія дѣла, чтобы обезпечить князьямъ ихъ вольности; князья поддерживали Францію въ ея борьбѣ съ Австрійскимъ домомъ, въ видахъ обезпеченія этихъ самыхъ вольностей. Франція не могла поддерживать и въ то же время поработать Германію; она должна была отказаться отъ завоеваній, которыя приносятъ ущербъ ея союзникамъ. Изъ этого слѣдовало, что Франція могла ждать отъ своихъ союзниковъ только «вознагражденія и удовлетворенія» преимущественно въ видѣ уступки промежуточныхъ территорій. Если Франція заявляла притязанія на болѣе и казалась слишкомъ опасной, то нѣмецкіе союзники обращались противъ нея и присоединялись къ австрійцамъ, чтобы выгнать ее изъ Германіи. Такая перемѣна отношеній, принимавшая часто форму измѣны, наблюдается съ самаго начала въ сношеніяхъ между Франціей и германскими князьями.

Въ 1552 г. многіе изъ этихъ князей, «оскорбленные гнетомъ императора, обратились за помощью»,—говоритъ одинъ современникъ ¹⁾. Они сообщили Генриху II, что Карлъ V хотѣлъ занять Мецъ, Туль, Вердюнъ, Страсбургъ и другіе города на Рейнѣ. «Это будетъ конечной гибелью имперіи» ²⁾, говорили они и умоляли Генриха II отвратить опасность. На совѣтъ, обсуждавшемъ этотъ вопросъ, маршалъ Вельвилль сказалъ: «Итакъ, овладѣвайте понемногу,—благо представляется случай,—вышеназванными городами, что составитъ сорокъ лье земли, которую мы приобрѣтемъ, не

¹⁾ BRANTÔME, *Le Grand Roy Henry II*.

²⁾ VINCENT CARLOIX, *Mémoires sur la vie du maréchal de Vieilleville*, liv. IV ch. VIII.

теряя ни одного человека и не утратив ни одной крепости въ Шампани и въ Пикардіи; кромѣ того, мы откроемъ себѣ прекрасный путь въ герцогство Люксембургъ и страны, лежащія ниже, до самаго Брюсселя. Мало того, это дастъ возможность овладѣть современемъ прекрасными и большими городами, оторванными отъ вашей короны, и завладѣть верховною властью во Фландріи, которую у васъ измѣннически похитили и которая принадлежала королямъ Франціи болѣе тысячи лѣтъ, съ незапамятно древнихъ временъ». Нѣсколько лѣтъ спустя, Вьельвиль возставалъ противъ одной мѣры, выгодной для него лично, но которую онъ считалъ вредной для этой великой цѣли; онъ отказывался отъ блестящаго поста, говоря: «предпочитаю лучше умереть, чѣмъ заслужить упрекъ себѣ и своему потомству, что ради честолюбія я лишилъ французскую корону обширныхъ территорій, включающихъ въ себѣ королевство Австразію, составляющую первую державу нашихъ древнихъ королей»³⁾.

Такимъ образомъ, завоеванія, дѣлаемые ради безопасности государства, становятся какъ бы возвращеніемъ правъ, отнятыхъ у того же государства. Умы этихъ воиновъ полны классическихъ воспоминаній. Въ древности находятъ они и примѣры для подражанія, и документы для оправданія своихъ поступковъ. Рабютенъ озаглавливаетъ свой рассказъ объ экспедиціи: *Комментаріи послѣднихъ войнъ въ Галліи Бельгійской* и посвящаетъ свою книгу принцу Клевскому: «Вспомните,—пишетъ онъ ему, говоря объ ихъ походѣ,—какія хвалы воздавали вы Юлію Цесарю». Война популярна; Рабютенъ восхваляетъ «великое усердіе къ королю». Винцентъ Карлуа рисуетъ намъ молодежь, покидающую родную семью, чтобы поступить на военную службу; лавки закрыты за неимѣніемъ ремесленниковъ, «такъ страстно желаютъ люди всякаго званія совершить это путешествіе и увидѣть Рейнъ». Но всѣ эти картины ничто передъ той, какую нарисовалъ Рабле въ своемъ прологѣ къ *Пантагрюэлю*: «Ставь выше всего благороднѣйшее французское королевство... каждый долженъ немедленно приняться за работу: одни будутъ укрѣплять свое отечество и защищать его; другіе—отражать непріятеля и побивать его; вся эта политика такъ прекрасна, распоряженія такъ чудесны и такъ очевидно выгодны для будущаго (потому что отнынѣ Франція получитъ великолѣпныя границы и французы будутъ наслаждаться покоемъ), что немногого недостаетъ, чтобы я сталъ раздѣлять мнѣніе добраго Гераклита, утверждавшаго, что война—мать всѣхъ благъ, и думать, что война называется полатыни *belle* ⁴⁾ просто потому, что въ войнѣ проявляется всякаго рода красота и доброта...» Король взялъ Мецъ, Туль и Вердюнъ. Это былъ боль-

³⁾ Vincent CARLOIX ch. XIV.

⁴⁾ Игра словъ: *belle*—по-фр. значитъ прекрасная.

шой шагъ впередъ, но этого было мало для честолюбцевъ. Жанъ де-Сотованнъ въ запискахъ о жизни своего отца, написанныхъ пятьдесятъ лѣтъ спустя, упрекаетъ короля за то, что тотъ не завладѣлъ Эльзасомъ и Лотарингіей⁵⁾. «Это было бы возстановленіемъ королевства Австразіи, присоединеннаго къ Франціи. У короля не хватило умѣнья, коннетаблю же, который желалъ бы этого, сталъ бы препятствовать Гизъ, уже подрывавшій въ ту пору королевскую къ нему милость». Впрочемъ нѣмцы не дали времени на исполненіе подобнаго плана. Они примирились съ императоромъ, когда увидѣли французовъ въ Страсбургѣ, и послѣднимъ пришлось остановиться, изъ опасенія дать поводъ къ образованію враждебной для себя лиги⁶⁾.

То, чего не совершилъ отецъ, Колинъи убѣждалъ исполнить сына. Завоеваніе Фландріи было господствующей идеей и основою его политики, направленной противъ австрійскаго дома. «Кто препятствуетъ испанской войнѣ,—говорилъ онъ,—у того красный крестъ въ животѣ»⁷⁾. Колинъи увѣрялъ Карла IX, что жители сами подчинятся изъ ненависти къ испанцу. «Безъ большихъ затратъ они его сдѣлаютъ властелиномъ всѣхъ Нидерландовъ, которыя нѣкогда принадлежали французской державѣ и несправедливо отняты у предшественниковъ короля; исполнѣ справедливо возстановить съ помощью оружія то, что было утрачено оружіемъ»⁸⁾, говорилъ онъ. Брантомъ рассказываетъ, что за нѣсколько дней до смерти, возвращаясь къ вопросу о Фландріи, составлявшемъ предметъ его постоянныхъ думъ, Колинъи сказалъ: «Слава Богу, все идетъ хорошо: скоро мы изгонимъ испанца изъ Нидерландовъ и сдѣлаемъ нашего короля властелиномъ или умремъ всѣ; я первый не буду жалѣть о своей жизни, если утрачу ее ради такого хорошаго дѣла». Фанатики не дозволили этого. Варфоломеевская ночь замѣнила экспедицію во Фландрію, и самъ адмиралъ палъ жертвою рѣзни. «Эта смерть была несчастіемъ для Франціи,—такъ заканчиваетъ свой рассказъ Брантомъ,—онъ завоевалъ и присоединилъ бы къ королевству страну, равную ему по объему»⁹⁾.

Отнынѣ цѣль честолюбивыхъ стремленій исполнѣ опредѣлена. При Ген-

⁵⁾ *Mémoires de Gaspard de Saulx*, année 1552.

⁶⁾ «Видя, какъ они вооружены противъ сыновей Генриха II,—пишетъ Брантомъ,—вы сказали бы, что эта нація никогда не видѣла ничего хорошаго отъ Франціи, такъ охотно эти добрые нѣмцы грабятъ и разоряютъ ее, а между тѣмъ прежде, когда просили помощи у короля Генриха, то главнымъ поводомъ представляли, что они братья, а поэтому должны помогать и поддерживать другъ друга. Хороши братья!» *Le grand Roy Henri II*.

⁷⁾ *Mémoires de Gaspard de Saulx*, 1552.

⁸⁾ Pierre MATTHIEU, *Histoire de France*, t. 1, p. 338. Paris, 1631.

⁹⁾ BRANTÔME, *M. l'amiral de Chastillon*.

рихъ IV королевская власть достигла полного развитія своихъ силъ и значенія. Національная традиція укрѣпилась, опредѣлилась, упростилась; она освободилась отъ легенды и несбыточныхъ мечтаній. Наступило царство политиковъ. Роль легистовъ становится возвышеннѣй, по мѣрѣ того какъ ихъ умъ сбрасываетъ съ себя грубость и жестокость первыхъ временъ. Знанія становятся болѣе ясными, мысль очищается; также горячо чувствуя величіе своей страны, они проникнуты болѣе, чѣмъ прежде, уваженіемъ къ ея достоинству; справедливо взвѣсивъ ея обязанности, они тѣмъ сильнѣе убѣждены въ ея правахъ. Они дали Франціи перваго изъ ея великихъ историковъ и перваго изъ великихъ дипломатовъ: Этьена Паскье и президента Жанена. Нельзя сказать, чтобъ легисты не знали легенды и были равнодушны къ обаянію воспоминаній. Паскье доказалъ это въ своемъ сочиненіи: *Les Recherches de la France*; Бонгаръ, которому Генрихъ IV поручалъ столько важныхъ дѣлъ, былъ хорошо знакомъ съ сочиненіями Пьера Дюбуа¹⁰⁾ и самъ прославляетъ великія королевскія предпріятія въ своей *Gesta Dei per Francos*. Но все сознаютъ, что существуетъ необходимый предѣлъ честолюбію—правильно-понятая выгода и что надо завоевывать только то, что можно сохранить, что излишнія завоеванія истощаютъ силы государства, создавая ему соперниковъ. Отнынѣ установится извѣстная степень могущества, которой можно достигъ, не подвергаясь опасности имѣть противъ себя грозную коалицію. Франція не должна навлекать на себя такой же непріязни, какою сама преслѣдуетъ австрійскій домъ.

Сюлли полонъ опасеній за будущее; онъ постоянно возвращается къ нимъ въ своихъ письмахъ и въ бесѣдахъ съ Генрихомъ IV. На этомъ основана вся политическая наука въ его *Economies royales*¹¹⁾. «Всякій король Франціи, кто бы онъ ни былъ, долженъ думать и заботиться о томъ, чтобъ пріобрѣтать вѣрныхъ друзей, союзниковъ, связанныхъ общими интересами, самыми надежными изъ всѣхъ, а не составлять планы, исполненіе которыхъ превосходитъ собственныя силы, навлекаетъ на себя непримиримую ненависть и заставляетъ нападать другъ на друга съ оружіемъ въ рукахъ». Этьенъ Паскье, расхваливая Генриха II за его побѣды въ Лотарингіи¹²⁾, считаетъ однако необходимымъ прежде всего соразмѣрять свои замыслы съ силами и интересами государства. Въ *Pour parler du prince* онъ заставляетъ говорить своего философа: «Я знаю, ты мнѣ скажешь, что расширяешь границы; но увы! несчастный, развѣ ты не знаешь, что для того, чтобъ поставить хорошія границы своему государству, ты долженъ прежде всего ограничить свои желанія и надежды».

¹⁰⁾ *Histoire littéraire*, t. XXVII, p. 738.

¹¹⁾ T. IX, ed. Petitot, p. 33.

¹²⁾ *Lettres*, liv. I, lettre XI.

Гдѣ эти границы? Сюлли не отрицаетъ, что при Карлѣ Великомъ Франція возстановила въ Европѣ «западную монархію», что при короляхъ третьяго колѣна «она вернулась въ тѣ узкіе предѣлы, въ которыхъ находится»¹³⁾; онъ подтверждаетъ мнѣніе, что сама природа начертила нѣкоторыя границы, какъ напр. Пиренеи¹⁴⁾. Онъ сознаетъ, что «единственное средство вернуть Франціи прежній блескъ и поднять ее надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ»¹⁵⁾—это возратить то, что ей нѣкогда принадлежало и что можно назвать надлежащими границами, а именно: Савойю, Франшъ-Конте, Лотарингію, Артуа, Геннегау, Нидерланды, считая въ томъ числѣ Клевъ и Жюльеръ¹⁶⁾, но есть ли возможность удержаться въ нихъ, не вызывая ожесточеннаго соперничества и разорительныхъ войнъ, а главное, не возбуждая въ династіи честолюбія, болѣе опаснаго для Франціи, чѣмъ вся ненависть чужестранцевъ? «Примите во вниманіе,—писалъ онъ королю¹⁷⁾,—мысли государей менѣе мудрыхъ, умѣренныхъ и скромныхъ чѣмъ вы, какими могутъ оказаться ваши преемники... могутъ ли они удержаться въ этихъ границахъ, и обширность послѣднихъ не породитъ ли въ нихъ честолюбивыхъ желаній и ненасытной жадности къ увеличенію французскаго преобладанія, для того чтобъ современемъ назвать Францію западной монархіей». Сюлли, въ ту минуту, какъ онъ писалъ эти строки, какъ бы предугадывалъ Людовика XIV и Наполеона.

Онъ боялся этого излишка могущества. По его мнѣнію, Франція довѣла самой себѣ и была настолько сильна, чтобъ не опасаться другихъ государствъ и внушать опасенія всѣмъ. Но умѣряя страсть къ пріобрѣтенію, Сюлли не отказывался отъ любви къ господству. Онъ былъ слишкомъ влюбленъ въ величіе своей страны, слишкомъ привязанъ къ славѣ своего короля, слишкомъ проникнутъ старыми національными преданіями, чтобъ желать ограниченія міровой роли Франціи. Напротивъ, онъ надѣялся расширить и поднять ее на такую высоту, съ которой Франція могла бы господствовать надъ христіанскимъ обществомъ и цивилизованнымъ міромъ. Отсюда возникла та странная и обширная комбинація, которую неправильно называютъ великими замыслами Генриха IV и которую было бы справедливѣе назвать великими замыслами Сюлли. Низвергнуть австрійскій домъ и ограничить его власть однимъ испанскимъ полуостровомъ, раздѣлить Европу на нѣсколько владѣній, которыя бы сдерживали другъ друга, основать изъ нихъ республику христіанскихъ государствъ, президентомъ которой былъ бы папа, а правительствомъ—Франція; ослабить соперниковъ Франціи, укрѣпить ея кліентовъ, опоясать нейтральными державами, кото-

¹³⁾ *Economies*, t. VIII, ch. XI, p. 183.—¹⁴⁾ Id. t. IX, p. 471.—¹⁵⁾ Id. t. VII, ch. X.—¹⁶⁾ Id. t. VIII, ch. XII, p. 258, t. IX, ch. 11, p. 28.

¹⁷⁾ Id. t. IX, ch. II, p. 28.

рыя *de jure* находились бы подъ ея протекторатомъ, а *de facto* были бы ея вассалами; служили бы ей и оплотомъ и средствомъ распространения ея влияния, затѣмъ, когда водворится миръ между христианами, выгнать татаръ и турокъ изъ Европы и возстановить константинопольскую монархію; вотъ въ главныхъ чертахъ знаменитый планъ Сюлли. Въ сущности, это конституціонная европейская монархія, присвоенная Франціи, и хотя она замаскирована ученой и сложной конституціей, тѣмъ не менѣе, это есть не что иное, какъ всемірная монархія.

Подъ этой формой Добинье безъ всякихъ околичностей рисуетъ намъ послѣдніе замыслы Генриха IV¹⁹⁾. Онъ готовился «сразу надѣть на свою голову императорскую корону». Правительства «судили о достоинствѣ плана по достоинству составителя» и рѣшили способствовать побѣдамъ, которыхъ не въ силахъ были остановить: «Согласіе народовъ, которое можно считать гласомъ Божіимъ, казалось сулило ему Божіе благословеніе. Націи забывали свою ненависть и хотѣли скрыть пограничные столбы изъ любви къ Генриху... Нѣмцы вооружались подобно французамъ, чтобъ сражаться подобно имъ же. Маркизь Брандбургскій собиралъ померанскихъ дворянъ, а швейцарцы оживляли присутствіемъ войскъ свои неподвижныя скалы. И все это для того, чтобъ создать христіанскаго императора, который своей угрозой могъ бы остановить турокъ, преобразовать Италію, укротить Испанію, вновь завоевать Европу и заставить трепетать вселенную».

Петръ Дюбуа еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ представилъ намъ въ своемъ *De Recuperatione Terrae Sanctae* этотъ проектъ христіанской имперіи подъ неуклюжей и неопредѣленной формой политическаго искусства своего времени. Сюлли воспользовался идеей; онъ очистилъ ее отъ грубой алчности, скрывавшейся подъ личиною фантастическихъ измышлений средневѣковаго легиста и скрасилъ ее мистической прелестью утопіи. Три столѣтія спустя, мы ее снова признаемъ подъ суровыми формами идеологіи. Это широкій планъ Сійеса: Франція, окруженная вассальными республиками, господствующая надъ Европой благодаря своимъ союзамъ, управляющая ими посредствомъ своей политики, предписывающая миръ государствамъ и распространяющая между народами принципы революціи. Отнынѣ семья умовъ, исторію которыхъ я пытался очертить, раздѣляется на нѣсколько вѣтвей. Одни будутъ усиливать, другіе умѣрять честолюбіе королей; одни совѣтники станутъ подстрекать ихъ къ обширнымъ завоеваніямъ, другіе отговаривать отъ нихъ. Все захватывающая сила найдетъ своихъ апологетовъ, благоразуміе и справедливость—защитниковъ. Одни будутъ преслѣдовать обширныя химеры или будутъ прикрывать мирными

¹⁹⁾ *Appendix ou Corollaire des Histoires.*

утопіями софизмъ своего честолюбія. Во всѣхъ легко признать наслѣдственный признакъ расы; у всѣхъ увидишь главную характеристичную родовую черту: умѣнье основать на новыхъ мотивахъ вѣковыя притязанія и оправдать съ помощью установленнаго права и модной философіи цѣль, къ которой одни стремятся со слѣпою страстностью, другіе—съ грубой алчностью, а третьи—съ терпѣливой проникательностью истинныхъ политиковъ.

Къ этому послѣднему классу принадлежатъ основатели новѣйшей французской дипломатіи, тѣ, которые резюмируютъ и уясняютъ традиціи прошлаго и опредѣляютъ политику будущаго: Генрихъ IV, Мазарини, Ришелье—безсмертные работники, потрудившіеся надъ великимъ европейскимъ актомъ старинной Франціи, выразившимся въ вестфальскихъ трактатахъ.

Генриха IV ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать мечтателемъ, но онъ любилъ тонкій умъ Сюлли и его разсужденія и съ удовольствіемъ вслушивалъ его диссертации. Однако въ планѣ министра было два условія, которыхъ король не допускалъ: миръ, по его мнѣнію, невозможный, и безкорыстіе, которое было не въ его вкусѣ. «Какъ же вы хотите,—говорилъ онъ Сюлли,—чтобъ я издержалъ шестьдесятъ милліоновъ, чтобъ завоевать земли для другого и ничего не оставить себѣ; это вовсе не входитъ въ мои намѣренія¹⁹⁾. Неизвѣстно на чемъ бы остановился Генрихъ, еслибъ ему удалось великія предпріятія, которыя онъ готовился въ тотъ моментъ, когда былъ похищенъ у Франціи. Этотъ мудрый государь конечно взялъ бы только то, что считалъ полезнымъ сохранить, но можно заключить, что его виды простирались довольно далеко, во всякомъ случаѣ, до Фландріи и на всю Лотарингію. Сандразъ де Куртиль говоритъ даже въ сочиненіи, написанномъ въ 1688 г.²⁰⁾, что «Генрихъ IV хотѣлъ вернуть Францію въ ея прежніе предѣлы и перенести восточную границу къ берегу Рейна, южную—къ Альпамъ, западную—къ Пиренеямъ, сѣверную—къ океану». Въ 1600 и 1630 г. появились *Lettres savoisiennes* (Савойскія письма), въ которыхъ оправдывалось присоединеніе Савойи. По мнѣнію автора, Франція должна была ее присоединить для того, чтобъ отдѣлаться Альпами отъ Италіи, подобно тому, какъ Пиренеи отдѣляютъ ее отъ Испаніи²¹⁾. Матье передаетъ слѣдующія замѣчательныя слова Генриха IV. Въ 1601 г. этотъ король, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ Брессъ и Жексъ, принималъ депутаціи отъ своихъ новыхъ подданныхъ. «Между словами, съ которыми король обратился къ депутатамъ», такъ

¹⁹⁾ SULLY, t, VIII, ch. VIII, p. 124.

²⁰⁾ CHARLES DE LA COMBE, *Henri IV et sa politique*, p. 394. Paris, 1877.

²¹⁾ LELONG, *Bibliothèque historique*, № 29088.

разсказывает историк²²⁾, слѣдующія были записаны: «Справедливо, чтобъ вы, говорящіе на природномъ французскомъ языкѣ, были подданными французскаго короля. Я совершенно согласенъ на то, чтобъ говорящіе на испанскомъ языкѣ принадлежали Испаніи, на нѣмецкомъ—Германіи, но всѣ, говорящіе по-французски, должны принадлежать мнѣ». Матье прибавляетъ: «Это могло случиться, благодаря его доблести и мужеству, столь возвышенному, что безъ вѣроломства французъ онъ сдѣлалъ бы цѣлую часть свѣта французской, какъ Пробъ сдѣлалъ ее римской».

IV.

Такова традиція Генриха IV; Ришелье воспитался на ней. Въ началѣ своихъ мемуаровъ въ 1610 г., говоря о проектахъ великаго короля, онъ прибавляетъ: «Можетъ быть, по пословицѣ: *L'appétit vient en mangeant* онъ, кромѣ Италіи, рѣшилъ бы напасть на Фландрію, о которой онъ порою помышлялъ, и захотѣлъ бы перенести границы Франціи къ Рейну»... Не одинъ Ришелье былъ проникнутъ этой традиціей: ее раздѣляла цѣлая партія, весьма націоналистическая и роялисткая,—а именно партія политиковъ. Ришелье только потому и достигъ такъ быстро власти и такъ прочно укрѣпился въ ней, что опирался на эту партію и опредѣлилъ ея тенденцію съ такой силой и блескомъ. Въ 1612 г. онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Что касается до нашихъ вѣнскихъ бѣдъ, то я окрестилъ бы ихъ другимъ именемъ, если онѣ дали бы намъ случай расширить наши предѣлы и покрыться славой на счетъ враговъ Франціи¹⁾. Современники говорятъ, что онъ любилъ читать *Argenis* Барклея²⁾ и въ этой темной аллегоріи признавалъ основаніе своей политики. Дѣйствительно, въ заключительной главѣ, озаглавленной *Prédiction de felicité*, (предсказанія счастья) Полиархъ «величайшій король Галліи» женится на Аргенисѣ, и одинъ пророкъ, между прочими блаженствами, предсказываетъ ему: «Ты расширишь предѣлы твоей державы; съ одной стороны Рейнъ узритъ тебя побѣдителемъ, а съ другой—океанъ. Въ 1627 г. Малербъ писалъ Ракану: «Въ этомъ человѣкѣ есть что-то, превышающее человѣчество... Пространство между Рейномъ и Пиренеями кажется ему слишкомъ малымъ полемъ для лилій. Онъ хочетъ, чтобъ онѣ цвѣли на берегахъ Средиземнаго моря и чтобъ оттуда запахъ ихъ доносился до предѣльныхъ странъ Востока. Измѣряйте широтою его замысловъ великость его отваги». Ришелье былъ главнымъ строителемъ этого дѣла. У него были

²²⁾ *Histoire de Henry IV*, Paris, 1631.

¹⁾ AVENEL, *La jeunesse de Richelieu* въ *Revue des questions historiques*, 1869. А также GABRIEL HANOTAUX, въ *La République française*, 1880.

²⁾ Paris, 1621.

опредѣленные намѣренія, ясные, простые и проникательные виды. Онъ обладалъ великимъ искусствомъ пользоваться удобными случаями и дѣйствовать всегда кстати, предлагать только то, что своевременно, пробовать только то, что возможно, и оставлять только то, что прочно. Въ 1633 г. (когда въ королевствѣ былъ водворенъ миръ и гугеноты приведены къ повиновенію, онъ имѣлъ право думать, что если онъ поддерживалъ дѣло протестантскихъ нѣмецкихъ князей противъ австрійскаго дома, то эти князья отдадутъ королю «все, чѣмъ владѣютъ по сю сторону Рейна». Въ запискѣ, составленной для Людовика XIII, онъ особенно подчеркивалъ слѣдующую мысль: «Казалось бы, что въ этомъ случаѣ выгоды короля велики, а опасность мала: онъ расширялъ свое королевство до Рейна, не нанося ни одного удара». Но надо было сначала открыть путь, т. е. овладѣть Лотарингіей, герцогъ которой сталъ на сторону императора. «Разъ это сдѣлано,—прибавлялъ Ришелье нѣсколько мѣсяцевъ спустя,—можно нечувствительно расширить предѣлы Франціи до Рейна и приобрести часть Фландріи, если, вслѣдствіе всеобщаго возстанія или очевиднаго упадка испанскихъ дѣлъ, весною представится къ этому случай³⁾».

Это былъ планъ политическій. Оставалось опредѣлить вопросы права, т. е. найти оправданія, предлоги и процедуру. Съ этой цѣлью Ришелье поручилъ одному изъ своихъ совѣтниковъ составить записку подъ такимъ заглавіемъ: «*Какое самое вѣрное средство присоединить къ Франціи герцогства Лотарингію и Баръ*⁴⁾». Въ ней говорится: «Императоръ владѣетъ землями по сю сторону Рейна безъ всякихъ правъ, только въ силу захвата, тѣмъ болѣе, что эта рѣка служила границею Франціи въ продолженіе пятисотъ лѣтъ. И когда графство Шампань было присоединено къ французской коронѣ, посредствомъ брака наслѣдницы Шампани съ Филиппомъ Красивымъ, послѣдній заключилъ въ Воклерѣ трактатъ съ императоромъ Альбертомъ, прелатами и баронами имперіи, въ которомъ было сказано, что границы Франціи будутъ простираться до рѣки Рейна, по старымъ примѣрамъ». Легисты доставили документы, они же дадутъ средства и обсудятъ дѣло. Король внесетъ въ парламентъ жалобу на герцога лотарингскаго; во время процесса онъ завладѣетъ территоріей въ видѣ залога, и если, послѣ рѣшенія дѣла, герцогъ откажется признать верховенство Франціи, король будетъ въ правѣ присоединить герцогство «законнымъ способомъ, согласно съ правилами леннаго права, и такимъ образомъ преградить

³⁾ *Mémoires*, 1633. Сравн. относительно проектовъ Ришелье, составленныхъ въ 1635 г. насчетъ Нидерландовъ, и раздѣла, который бы далъ Франціи Люксембургъ, Намюръ, Геннегау и Фландрію на лѣвомъ берегу Шельды, VALFREY, *Hugues de Lionne*, t. II, p. 240.

⁴⁾ D'HAUSSONVILLE, *Réunion de la Lorraine*, t. I, pièces, № LIX.

путь всё жалобамъ, мольбамъ и заступничеству иностранныхъ принцевъ, къ которымъ прибѣгнуть лотарингскій герцогъ, тѣмъ болѣе, что королю стоитъ только предъявить приговоръ своего парламента».

Ришелье не довольствовался тѣмъ, что проводилъ свои планы съ помощью войнъ и договоровъ. Онъ желалъ, чтобы его политика была національной и чтобы ее поддерживало общественное мнѣніе. Вслѣдствіе этого появилась цѣлая серія сочиненій, написанныхъ подъ его вліяніемъ и вышедшихъ отчасти при немъ, отчасти при его преемникѣ. Цѣлью ихъ было просвѣтить французовъ насчетъ мотивовъ и послѣдствій обширнаго плана войнъ и переговоровъ, который долженъ былъ привести къ трактатамъ 1648 г. Аргументы были готовы; оставалось только собрать ихъ и настроить въ тонъ съ требованіями вѣка. Это было дѣломъ публицистовъ семнадцатаго вѣка, прямыхъ и законныхъ потомковъ публицистовъ четырнадцатаго столѣтія. Мы перестанемъ удивляться по поводу того, что легисты Конвента, Мерленъ, Камбасересъ, Трейльгардъ, Рюбелль, едва достигнувъ власти, приняли и такъ легко примѣнили къ новымъ формуламъ публичнаго права старую традицію королевскихъ завоеваній, когда вспомнимъ, что люди, основавшіе въ четырнадцатомъ вѣкѣ систему, и люди, развившіе ее въ семнадцатомъ, имѣютъ общее происхождение, получили одинаковое воспитаніе и выходили изъ преторій, канцелярій, интендантствъ и архивовъ проникнутыми однимъ и тѣмъ же духомъ.

Первымъ въ ряду этихъ королевскихъ публицистовъ Ришелье стоитъ Шантеро-Лефевръ, служившій прежде въ соляномъ акцизѣ и назначенный впоследствии интендантомъ герцогствъ Лотарингскаго и Барскаго. Въ 1642 г. онъ напечаталъ *Considérations historiques sur la généalogie de la maison de Lorraine avec une carte de l'ancien royaume d'Austrasie, le vrai et primitif héritage de la couronne de France* (Историческій взглядъ на генеалогію лотарингскаго дома съ картой древняго королевства Австрасіи, истиннаго и первоначальнаго наслѣдства французской короны). Книга посвящена Франціи. «Я одинъ изъ ея самыхъ ничтожныхъ питомцевъ, но все-таки осмѣливаюсь сказать, что извлекъ изъ мрака истину, важную для ея спокойствія». Эта важная истина заключается въ томъ, что франки сдѣлались властителями Галліи, т. е. «великаго материка, который лежитъ между океанскимъ моремъ (la mer Océane) и Средиземнымъ, ограниченъ рѣкою Рейномъ, Пиренейскими, Альпійскими и Апеннинскими горами и извѣстенъ издавна подъ именемъ Галліи Бельгійской, цельтической и аквитанской».

Шантеро-Лефевръ исходитъ изъ той мысли, что для отечества полезно знать свои права и что счастье вселенной связано съ благоденствіемъ Франціи. Вотъ еще черта публицистовъ восемнадцатаго вѣка, общая съ

ихъ предшественниками четырнадцатаго вѣка и ихъ учениками временъ революціи. Въ своемъ трактатѣ *l'Abrégement des guerres*, Пьеръ Дюбуа предлагалъ королю французскому главенство въ Европѣ; позднѣе законодатели III года, усиливая французское могущество въ Европѣ, будутъ искренно думать, что работаютъ для спокойствія міра. Шантеро Лефевръ не сомнѣвается, что разъ вопросъ о границахъ будетъ рѣшенъ, между французами и нѣмцами воцарится вѣчный миръ. «Возстановленіе этихъ границъ,—говоритъ онъ,—дастъ почетный и надежный миръ не только Франціи, но всей христіанской республикѣ, покой которой непрерывно возмущался въ теченіе ста сорока лѣтъ тѣми, которые, захвативши у французской короны множество важныхъ и прекрасныхъ государствъ, употребляли всё усилія, чтобы похитить остальное и поработить всѣхъ христіанскихъ государей подъ громкимъ названіемъ пятой монархіи, которая должна была поглотить весь Западъ».

Шантеро Лефевръ честолюбецъ, но онъ въ то же время и политикъ: его понятія точны и опредѣленны. Дени Годефруа, исторіографъ Франціи, сынъ и внукъ юрисконсультовъ, поддерживаетъ тотъ же тезисъ въ своихъ *Mémoires et instructions pour servir dans les négociations et affaires concernant les droits du Roy*⁵⁾ (Мемуары и инструкціи для заключенія договоровъ и рѣшенія дѣлъ, касающихся правъ короля).

Въ эпоху вестфальскихъ трактатовъ, было уже принятымъ фактомъ, что, присоединяя Эльзасъ и Лотарингію, Франція дѣйствовала законно⁶⁾. Въ сочиненіи, написанномъ въ 1648 г. и озаглавленномъ: *Les affaires qui sont aujourd'hui entre la France et l'Autriche*, находится характеристичная фраза о европейскіхъ государяхъ. «Въ числѣ ихъ мы назовемъ короля Франціи, держава котораго заключается въ нарбонской, аквитанскъ-кельтической, бельгійской Галліяхъ; однако онъ не всё принадлежитъ ему». Если онъ ему не принадлежитъ, значитъ, онъ имѣетъ право ихъ потребовать, когда представится выгодный случай. А между тѣмъ права и притязанія не ограничиваются давностію. Разъ попавши на этотъ скользкій путь, воображеніе и пустословіе не могутъ удержаться на немъ. Легисты

⁵⁾ Paris. 1645. Тн. LAVALLÉE. *Les frontières de la France*, ch. III.

⁶⁾ Лионнъ писалъ барону Бойнебургу отъ 7 іюня 1659. «Намъ останется нѣсколько хорошихъ кусковъ, которые стоитъ удержать; по этому поводу я сдѣлалъ одно замѣчаніе, котораго вы, можетъ быть, не сдѣлали, а именно: что со времени завоеваній Карла Великаго Франція ни при одномъ договорѣ какъ и теперь (пиренейскій договоръ) ничего не удержала по праву завоеванія, и если приобрѣтала что-нибудь отъ другихъ, то только то, что принадлежало уже раньше нашимъ королямъ по праву наслѣдства, конфискаціи, обмѣна или даже покупки». VALFREY, t. II, стр. 269.

заявляют притязанія вездѣ, гдѣ видятъ выгоду, и отыщутъ права вездѣ, гдѣ заявили притязанія.

Королевскій адвокат уѣзднаго суда въ Безье, Жакъ де-Кассанъ, издалъ въ 1643 г. сочиненіе подъ заглавіемъ: *La recherche des droits du Roy et de la couronne de France sur les royaumes, duchés, comtés, villes et pays occupés par les princes étrangers* (Исслѣдованіе правъ короля и французской короны на королевства, герцогства, графства, города и страны, занятые иностранными государями). Оказывается, что эти права распространяются почти на всю Европу. Нѣтъ ни одной страны, которая была бы ограждена отъ этихъ притязаній; ни Испанія, ни Португалія, ни Сицилія, ни Неаполь, ни Миланъ, ни Сардинія не остались бы неприкосновенными. Эрудиція автора отличается своеправіемъ, а доктрина — сбивчивостью; важна общая цѣль и практическіе взгляды. Здѣсь мечтатель сходится съ политиками. Прежде чѣмъ начать эту безконечную тяжбу, необходимо опредѣлить въ точности, въ чемъ именно долженъ заключаться искъ. Франки наслѣдовали Галлію со всѣми землями; значитъ, они должны присоединить Ниццу и Савойю; взять обратно Лотарингію, какъ одну изъ территорій, лежащихъ по сю сторону Рейна, «отнятыхъ у Франціи»; это было королевство Австразія. «Какъ бы оно ни называлось», прибавляетъ нашъ легистъ, слогъ котораго, обыкновенно тяжелый и плоскій, оживляется и возвышается подъ вліяніемъ патріотическаго чувства, оно составляло богатое достояніе французской короны. Это былъ драгоценный камень, извлеченный изъ той же скалы и изъ того же рудника, подобно золоту, вышедшему изъ земли. Надо еще прибавить Фландрію и Нидерланды, такъ какъ Цезарь включилъ ихъ въ галльскій домень. Надо присоединить къ нимъ Руссильонъ, и мы должны обратить вниманіе на приведенный аргументъ: онъ составляетъ переходъ къ тому порядку идей, который Конвентъ позднѣе заимствовалъ у господствующей философіи, можетъ быть, не подозрѣвая, что онъ взялъ у Страбона и у адвоката времени Людовика XIII, служившаго въ уѣздномъ судѣ города Безье.

Вотъ наконецъ самое сильное доказательство того, какъ эти политическія цѣли были популярны при кардиналѣ. Въ латинскомъ завѣщаніи Ришелье находится знаменитая фраза: «Цѣлью моего управленія было вернуть Галліи границы, назначенныя ей самой природой, возвратить галламъ галльского короля, слить Галлію съ Франціей и всюду, гдѣ была старинная Галлія, возстановить новую». Подлинность этого *Testamentum politicum* не безъ основанія подвергалась сомнѣнію; но съ точки зрѣнія національнаго преданія, самое существенное заключается въ томъ, что редакторъ, кто бы онъ ни былъ, объясняетъ именно такимъ образомъ мысль

кардинала и, желая почтить его память, находятъ, что ничто не можетъ возбудить большаго восхищенія со стороны французовъ. Вуатюръ пишетъ ⁷⁾: «Когда двѣсти лѣтъ спустя наши потомки узнаютъ, что во время его министерства англичане были побиты и изгнаны, Пиньероль взятъ, король спасенъ, вся Лотарингія присоединена къ нашей державѣ, большая часть Эльзаса подчинена нашей власти, и поймутъ, что, въ эпоху его управленія нашими дѣлами, у Франціи не было сосѣда, отъ котораго она не приобрѣла бы городовъ и не выиграла сраженій, то могутъ ли они, имѣя хотя каплю французской крови въ жилахъ и любовь къ славѣ своего отечества, не полюбить его?»

Такова память о Ришелье. Благодаря поданному имъ примѣру и его политическимъ правиламъ, онъ сдѣлался, какъ для правителей, такъ и для управляемыхъ, высшимъ типомъ государственнаго чловѣка старой Франціи. Его мысль получила такое широкое распространеніе, что полтора столѣтія спустя мы ее встрѣтимъ въ людяхъ, которыхъ судьба революцій призвала въ 1794 г. къ управленію Франціей, хотя они не имѣли иной подготовки, кромѣ образованія, какимъ обладали всѣ просвѣщенные французы того времени. У этихъ людей не было ни знанія государственныхъ дѣлъ, какимъ обладалъ Ришелье, ни его тактичности въ сношеніяхъ съ людьми, ни его здраваго смысла, ни его устойчивости, ни необыкновенной проницательности его взглядовъ, ни удивительнаго чувства мѣры, какимъ онъ отличался; они будутъ лишь неосторожными подражателями и безтолковыми учениками. Отъ Ришелье у нихъ сохранились только общія правила, выродившіяся въ систему софистическихъ отвлеченностей; но это не помѣшаетъ имъ ссылаться на его примѣръ, приписывать себѣ честь происхожденія отъ него, и хотя въ ихъ жилахъ течетъ болѣе острая и болѣе горячая кровь, они тѣмъ не менѣе и въ существенныхъ чертахъ могутъ считать его своимъ родоначальникомъ.

Мазарини продолжалъ и дополнилъ его дѣло; благодаря ему Франція могла воспользоваться тѣмъ, что сдѣлалъ для нея Ришелье. Традиція послѣдняго была такъ живуча, что, только опираясь на его внѣшнюю политику, Мазарини могъ поддерживать внутреннее управленіе страной ⁸⁾. Ученіе Ришелье установилось съ такою прочностью, что перешло изъ полемикъ въ государственные документы. Въ трактатѣ 1659 г. есть статья, гласящая: «Пиренейскія горы, отдѣлившія нѣкогда Галлію отъ Испаніи, будутъ отнынѣ раздѣлять оба королевства». Мазарини произвелъ цѣнные присоединенія и задумывалъ еще болѣе обширныя. Въ 1646 г.

⁷⁾ 24 декабря 1636 г. письмо LXXIV.

⁸⁾ Chéruel, *Histoire de France pendant la minorité de Louis XIV*, т. II, р. 380, 485. Paris. 1879.

онъ добивался, чтобы уступили Франціи, путемъ договора, Ниццу и Савойю²⁾. Изъ всѣхъ своихъ плановъ онъ въ особенности дорожилъ планомъ пріобрѣтенія Бельгіи. «Тогда,—писалъ онъ 20-го января 1646 года,—мы расширили бы наши границы до Голландіи, а со стороны Германіи, которая для насъ всего опаснѣе,—до Рейна, удерживая за собой Лотарингію и Эльзась, овладѣвъ Люксембургомъ и Бургундіей (Франшъ-Конте). Это былъ бы такой блистательный и плодотворный исходъ настоящей войны, что даже самые злобные противники не могли бы ничего возразить; пролитая кровь и потраченная казна считались бы хорошо употребленными даже въ глазахъ всѣхъ порицателей, когда къ этой державѣ присоединится древнее королевство Австралія...»

Миръ, заключенный въ 1659 г., далеко не оправдалъ этихъ блистательныхъ надеждъ. Критики нашли много поводовъ къ порицанію, и ихъ злоба выразилась въ ѣдкихъ островахъ. Они укоряли Мазарини за его робость и осторожность. Извѣстно полное ироніи письмо Сентъ-Эвремона маркизу де-Креки о Пиренейскомъ мирѣ: «Какая разница между этой глубокой мудростью и безпорядочностью кардинала Ришелье!..» Это была самая кровавая насмѣшка: хвала или порицая, желая, посредствомъ сравненія, унижить или возвысить современниковъ, не шли дальше этого примѣра. Менѣе предубѣжденное потомство признало заслуги обоихъ кардиналовъ и раздѣлило между ними свое восторженное удивленіе. Дѣло, которому служили они оба, показалось тѣмъ болѣе величавымъ, что потомство имѣло возможность вѣрнѣе оцѣнить размѣры и прочность ими совершеннаго.

V.

Австрійскій домъ былъ ослабленъ и униженъ. Франція отстранила одну за другой обѣ вѣтви—нѣмецкую и испанскую. Хотя и не произошло большихъ перемѣненій суверенитета, но всѣ отношенія измѣнились. Нѣкогда австрійскій домъ стѣснялъ Францію, отнынѣ Франція разъединяла его. Испанія была легко уязвима въ Нидерландахъ и въ Франшъ-Конте, она была страшна только своими союзами. Препятствуя господству нѣмецкой линіи въ Германіи, Франція лишала Испанію самой твердой опоры: рейнскій союзъ преграждалъ австрійцамъ путь къ Франціи и Нидерландамъ. Права германскаго союза были гарантированы Франціей, которая находила въ Германіи болѣе кліентовъ, чѣмъ враговъ. Германія въ такомъ видѣ превратилась изъ угрожающей въ миролюбивую, и главное препятствіе къ величію Франціи въ Европѣ сдѣлалось орудіемъ господства. Франція увеличила свое могущество гораздо болѣе, чѣмъ расширила свои территоріи

²⁾ SNÉVUEL t. II, p. 176.

и, помимо австрійскаго дома, никто не завидовалъ этому могуществу, такъ какъ цѣлью его, повидимому, было охраненіе правъ каждаго, и Франція, съ помощью своихъ союзовъ, даже внушила Европѣ желаніе поддерживать ея могущество. Внѣшняя политика вернулась, такимъ образомъ, къ принципу, который создалъ внутреннее благоденствіе монархіи: *умѣренность при могуществѣ*. Необходимо хорошо понять это при изученіи такъ называемой «классической системы» французской дипломатіи. Этотъ характеръ ея и составляетъ ея экономію; если пружина слишкомъ сильно натянута — она портится. Эта крайне тонкая сѣть союзовъ была грозна только благодаря какой-то силѣ притяженія, которая соединяла всѣ части. Нѣмецъ, шведъ, голландецъ, савоецъ, полякъ, даже турокъ какъ бы поддерживали въ этомъ союзѣ другъ друга противъ общаго врага. Но чуть Франція начинала угрожать имъ самимъ, они немедленно соединялись противъ нея, и всѣ связи распадались. Какой-нибудь нѣмецъ, безъ колебаній принявшій сторону французовъ, чтобы раздѣлить съ ними клочекъ Германіи, обращался противъ нихъ, чтобы войти въ милость къ своимъ соотечественникамъ и, защищая то, что осталось отъ имперіи, получить позволеніе сохранить то, что отнято имъ самимъ отъ той же имперіи; онъ, такъ сказать, выкупалъ свои собственные захваты, содѣйствуя отнятію у Франціи тѣхъ завоеваній, которыя были цѣною этихъ захватовъ.

Благодаря вестфальскимъ трактатамъ, нѣкоторые князья возвысились; но они еще настолько зависѣли отъ Франціи и настолько были разрознены, что нечего было бояться ни измѣны одного, ни коалиціи всѣхъ, но не слѣдовало выходить изъ предѣловъ мудрой умѣренности. Только совершенное непониманіе и отступленіе отъ политики Ришелье могло заставить довести ее до крайности: упразднить слишкомъ большое число княжествъ, епископствъ, аббатствъ и графствъ въ Германіи, слишкомъ сосредоточивать въ ней власть и, наконецъ, воздвигать передъ лицомъ австрійскаго дома, подъ предлогомъ сдерживанія послѣдняго, новую державу, которая постарается его низвергнуть, чтобы стать на его мѣсто.

Ришелье смотрѣлъ на Италію такъ же, какъ на Германію: если онъ задумывалъ основать въ ней конфедерацію, то только для того, чтобы обезпечить общественную свободу отъ постоянныхъ нашествій испанцевъ¹⁾, а не для того, чтобы замѣнить опасное, но косвенное и петербильно сносимое вліяніе испанцевъ гораздо болѣе опаснымъ для Франціи главенствомъ какого-нибудь итальянскаго дома.

Въ этой политикѣ, державшейся сдѣлками, неизмѣннымъ было только одно основное положеніе: выгода Франціи. Одна эта выгода составляла ея

¹⁾ *Lettres et papiers d'Etat*, ed. AVENEL, t. IV, p. 668. См. SNÉVUEL, *Minorité, de Louis XIV*, t. I, p. 51.

единство; но эта связь стоила всего другого. Генрих IV, Ришелье, Мазарини не были ни богословами, ни философами. Мысль подчинить государственную политику догмату или абстрактному принципу была для них абсолютно чуждой. Ришелье защищал нѣмецкихъ протестантовъ по той же причинѣ, по какой преслѣдовалъ французскихъ. Протестанты составляли государства въ государствахъ; кардиналу было удобно, чтобы это совершалось по ту сторону Рейна въ ущербъ австрійскому дому, но неудобно было по сю сторону Рейна, во вредъ французскому дому. Словомъ, у этихъ великихъ политиковъ былъ свой методъ, хотя не было систематичности. Задуманные ими планы принадлежать къ числу тѣхъ, которые, по выражению Боссюета, поддерживаются своей собственной послѣдовательностью.

Эти планы соответствовали духу націи. Французы, въ своихъ внѣшнихъ войнахъ, таковы же, какъ въ домашнихъ дѣлахъ. Въ нихъ всегда бродитъ закваска крестовыхъ походовъ, но дѣйствуетъ она недолго и не глубоко. Они любятъ войну и славу, но скоро утомляются; и если театръ войны отдаленъ, нетерпѣливо ждутъ возвращенія домой. Во времена аустерлицкой битвы, при апогеѣ военного могущества Франціи, командуя солдатами, фанатизированными его геніемъ, Наполеонъ, признавалъ этотъ фактъ. «Соберите сегодня голоса арміи,—сказалъ онъ одному изъ своихъ поручиковъ,—и вы увидите, что всѣ они будутъ стремиться во Францію»²⁾. При такихъ условіяхъ пораженіе легко переходитъ въ бѣгство, и для того, чтобы французы опомнились, они должны быть вновь во Франціи. Они не устаютъ защищать свое отечество, но скоро устаютъ его расширять. Они рѣшительно не созданы для великихъ завоеваній. Одинъ англійскій писатель семнадцатаго вѣка говорилъ о нихъ³⁾. «Эта нація обладающая высокимъ мужествомъ у себя дома, представляетъ непобѣдимую массу; но, переходя за свои предѣлы, она мѣняется. Отсюда происходитъ то, что она никогда не могла удержать господства надъ чужимъ народомъ и ея могущество приносить ей только несчастье». Ришелье это зналъ. Отчего они такъ нетерпѣливы? «Если бы ихъ мужество соединялось съ терпѣніемъ,—говорилъ онъ,—то вся вселенная не была бы достаточно велика для ихъ завоеваній».

Во внѣшнихъ предпріятіяхъ была извѣстная мѣра, которую не слѣдовало переступать, и есть крайности, которыхъ Европа не допустила бы и которыхъ сами французы не могли бы поддержать. Въ этомъ сущность классической системы: Людовикъ XIV извратилъ ее.

²⁾ *Mémoires du général de Ségur*, t. II, p. 459.

³⁾ BARCLAY. *Icon animorum*, ch. III. JOSEPH de MAISTRE. *Considérations*, ch. VII.

VI.

Прежде всего онъ хотѣлъ, продолжая политику Ришелье, превзойти его. Первые, начатыя имъ, войны были войны за границы. Всѣ права кажутся ему одинаково благодѣтельными, и онъ ссылается на каждое изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ, но не иначе, какъ опираясь на государственную пользу. Идетъ ли дѣло о Лотарингіи,—онъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ за 1662 годъ: «она служила проходомъ для нашихъ войскъ черезъ Эльзасъ въ Германію, дверью, которою чужеземцы входили въ наши владѣнія; мѣстопробываніемъ для сосѣдней державы, вмѣшивающейся постоянно во всѣ смуты королевства; наконецъ, Лотарингія была старинная вотчина нашихъ предковъ и ее надлежало присоединить къ монархіи, съ которой она была такъ долго разлучена». То же самое говорится о территоріи въ Нидерландахъ, которую Людовикъ XIV приобрѣлъ въ 1668 г.: «это—страны, искони принадлежавшія королямъ французскимъ»; то же самое о Франшъ-Конте, присоединенной имъ въ 1678 г.: «эта большая, плодотворная и важная провинція, которая, по своему языку и по справедливому и старинному праву, должна была составлять часть королевства; приобрѣтая ее, я открываю себѣ доступъ въ Германію и закрываю въ то же время входъ въ нее моимъ врагамъ»¹⁾. Права на Люксембургъ менѣе ясны, но принципъ государственной пользы всемогущъ; современникамъ кажется, что онъ довѣтъ самъ себѣ и доказывается своей очевидностью. «Это—самое блестящее и славное завоеваніе, когда-либо сдѣланное королемъ, оно всесторонне устраиваетъ его дѣла», пишетъ Вобанъ Лувуа, и Лувуа ему отвѣчаетъ: «Это завоеваніе кажется мнѣ неоцѣненнымъ для славы короля и для блага его подданныхъ»²⁾.

Не довольствуясь ссылкой на выгоду націи, опирались еще на ея непосредственное чувство и если не обнаруживали особеннаго желанія принимать его во вниманіе во внутреннихъ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе пользовались этимъ чувствомъ, какъ орудіемъ противъ чужеземцевъ. Такъ, въ 1644 г. регентша, отказываясь возратить Лотарингію Карлу IV, говорила, «что не могла этого сдѣлать, чтобы не повредить своей репутаціи, не дать французамъ случай ее порицать»³⁾. Такъ въ 1685 г., король, посылая въ Вѣну графа де-ла-Вогюйонъ, поручаетъ ему объявить вѣнскому двору,—«что во Франціи нѣтъ ни одного человѣка, который бы не считалъ Лотарингію неотъемлемымъ, неразрывно связаннымъ членомъ ко-

¹⁾ *Mémoires de Louis XIV.*—LAVALLÉE. *Les frontières de la France*, ch. IV.

²⁾ C. ROUSSET. *Louvois*, t. III, ch. IV.

³⁾ D'HAUSSONVILLE, t. II, p. 212.

ролевства, что отнынѣ нельзя предлагать королю ни малѣйшаго раздробленія ея, не навлекая негодованія всѣхъ добрыхъ французовъ»⁴⁾.

Внѣшняя политика Людовика XIV находитъ очень дѣятельныхъ помощниковъ въ парламентѣ. Мотивы и средства, которые онъ пускаетъ въ ходъ, строго юридическіе. Чтобы установить свое право на одну часть Нидерландовъ, онъ ссылается на мѣстный обычай; по словамъ Минье⁵⁾, онъ извращаетъ его, переноситъ изъ гражданской области въ политическую и обусловливаетъ имъ переходъ короны или, по меньшей мѣрѣ, провинцій. Его судьи рѣшаютъ споры, возникающіе изъ-за границы; ихъ же помощью онъ пользуется, чтобы установить исключительный суверенитетъ государства въ спорныхъ территорияхъ: «знаменіе королевской власти—юрисдикція; Людовикъ XIV требуетъ, чтобы государства уважали рѣшенія его парламентовъ»⁶⁾. Парламенты объявляютъ свои рѣшенія; Лувуа приводитъ ихъ въ исполненіе. Палаты присоединеній (*Chambres de réunion*) произносятъ окончательный приговоръ въ дѣлахъ, подвѣдомственныхъ королевскимъ судамъ, то-есть по преступленіямъ противъ особы короля. Это идея Лувуа. «Я долго бесѣдовалъ съ интендантомъ о томъ, что онъ долженъ предпринять, для того, чтобы расширить власть вашего величества согласно съ истиннымъ смысломъ Мюнстерскаго трактата», писалъ онъ королю въ 1679 г. Легисты принимались за дѣло, рылись въ документахъ, парламенты произносили свой приговоръ, и заинтересованная сторона должна была выбирать между подчиненіемъ и конфискаціей⁷⁾.

Въ этомъ вооруженномъ процессѣ, каждая новая стадія въ ходѣ дѣла отмѣчена битвой. Нужны войны, чтобы заставить Европу и имперію зарегистрировать рѣшенія королевскихъ легистовъ, и каждый новый трактатъ, который ихъ регистрируетъ, становится предлогомъ къ новой войнѣ. Въ основномъ документѣ, Мюнстерскомъ трактатѣ, вызывавшемъ вѣчные споры, были неясно обозначены права на безусловный суверенитетъ Франціи надъ тѣми изъ уступленныхъ территорій, которыя не принадлежали австрійскому дому и до уступки зависѣли непосредственно отъ имперіи. Отсюда для Австріи, которая, уступивши провинцію, всегда старалась ее вернуть, вытекала возможность оспаривать права короля, колебать его авторитетъ, вовлекать въ распрю имперію и склонять ее къ поддержкѣ притязаній нѣмецкихъ князей, которые, владѣя землями въ Эльзасѣ, пытались уклониться изъ-подъ верховной власти Франціи⁸⁾.

⁴⁾ *Recueil des Instructions*. Autriche, p. 109.

⁵⁾ *Introduction à l'histoire de la succession d'Espagne*.—CAMILLE ROUSSET. *Histoire de Louvois*, t. I, ch. II.

⁶⁾ MICHELET. *Précis de l'Histoire moderne*, ch. XIV.

⁷⁾ C. ROUSSET. *Louvois*, t. III, ch. I.

⁸⁾ BOUGEANT. *Histoire du traité de Westphalie*. Paris. 1767. *Stipulations du*

Король приводилъ тѣ же тексты, чтобы подчинить ихъ своей юрисдикціи⁹⁾. Въ большинствѣ случаевъ это и удавалось ему; тѣмъ не менѣе распря продолжалась въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка¹⁰⁾, и протестъ нѣмцевъ противъ упраздненія феодальныхъ правъ въ 1789 г. былъ послѣднимъ эпизодомъ этой борьбы¹¹⁾; и на этотъ разъ только война разрѣшила споръ.

Къ несчастію, Людовикъ XIV не удовольствовался этими удачными и практичными «обыденными войнами». У него были широкіе замыслы и стремленіе къ «великимъ войнамъ» (*guerre de magnificence*). Войны этого рода были даже его преобладающею мыслью. «Дѣло объ испанскомъ наслѣдствѣ», говоритъ великій историкъ этихъ переговоровъ¹²⁾, наполнило собою почти все царствованіе Людовика XIV. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ оно давало работу его арміямъ и дипломатамъ: оно создало величіе, ознаменовавшее начало его царствованія, и бѣдствія, испытанныя въ его послѣдніе годы». Борьба эта едва не погубила дѣло Ришелье. Людовикъ, увлекаясь своимъ непомѣрнымъ честолюбіемъ, также деспотически злоупотреблялъ своей властью во внѣшнихъ дѣлахъ, какъ и во внутреннихъ. Его союзники ускользнули отъ него и вскорѣ вступили съ нимъ въ борьбу. Въ Германіи не осталось ни одного союза, кромѣ того, который составилъ противъ Франціи. Отмѣна Нантскаго эдикта отдала отъ него протестантскихъ князей, пожары въ Палатинатѣ соединили ихъ съ католиками въ общей ненависти. Императоръ соединился съ имперіей и выступилъ противъ Франціи, что окончательно разрушило зданіе 1648 г.¹³⁾.

Ожесточеніе голландцевъ равнялось ожесточенію нѣмцевъ. Лишенный своихъ природныхъ союзниковъ, имѣя противъ себя коалицію Англіи и Австріи, которыхъ поддерживала вся Европа, Людовикъ XIV, дошедшій до такого положенія, потому что угнеталъ слабыхъ, не нашелъ иного сред-

traité de Munster, t. III, p. 530, 535; изложеніе правъ короля, p. 441—464 HIMLY. *Histoire de la formation territoriale des Etats de l'Europe centrale*. Paris. 1876, p. 268—272. *Recueil des Instructions*, t. I. *Autriche*, p. 69, 78, 127. *Instructions de M. de VITRY apres la paix de Nimwègue en 1679*, p. 75, de M. de Sebeville en 1680, p. 85, de M. de Cheverny en 1684, p. 94.

⁹⁾ *Considérations touchant l'intervention des garants de la paix de Westphalie*. 1792. *Affaires étrangères*.

¹⁰⁾ *Recueil des Instructions, Autriche*. Instructions du duc de Richelieu; 1795, p. 224, du baron de Breteuil, 1774, p. 499.

¹¹⁾ См. доклады и рѣчи Майлье, 25 февр. 1792. *Moniteur*, t. XI, p. 478, и Пасторе, 1 марта, 1792. *Moniteur*, t. X, p. 520. У нихъ, особенно у второго, найдете весь рядъ прецедентовъ и резюме процесса.

¹²⁾ MIGNET. *Histoire des négociations relatives à la succession d'Espagne*. Introduction.

¹³⁾ *Recueil des Instructions*. Autriche. Introduction, p. 11.

ства удовлетворить своему честолюбию, какъ подѣлиться съ сильными. Онъ и прибѣгъ къ этому средству, дѣлясь съ Австріей и Англіей. Наконецъ, желая все сохранить, онъ едва не лишился всего.

Періодъ господства Лувуа даетъ намъ какъ бы репетицію войнъ директоріи. Періодъ испанскаго наслѣдства можетъ служить предисловіемъ къ имперіи. Мы видимъ ту же самую коалицію, душою которой была Англія, а поставщицею войскъ — Германія; Франція, предоставленная самой себѣ, послѣ столькихъ побѣдъ, подвергается нашествію непріятеля и опасности раздробленія собственныхъ владѣній; отзывъ непріятельскихъ пушекъ доносился до Марли. Эти прискорбныя обстоятельства вытекаютъ изъ одного и того же источника: крайней гордости и парадоксальнаго величія.

Лувуа писалъ Людовику XIV. «Если когда-либо девизъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ справедливъ, то это именно тотъ, который написанъ для вашего величества: *Одинъ противъ всѣхъ*»¹⁴). Въ этихъ словахъ ярко сказывается заимствованный у древнихъ духъ преувеличенныхъ гиперболъ, прикрывающій всякія беспорядочныя увлеченія честолюбія всѣми добродѣтелями патриотизма. Боссюетъ говорилъ дофину: «У Рима не было ни арміи, ни вождей; тѣмъ не менѣе въ этомъ печальномъ положеніи, когда онъ могъ всего опасаться, появился вдругъ смѣлый декретъ сената, гласившій, что лучше погибнуть, чѣмъ уступить вооруженному врагу и что этому врагу предложить справедливыя условія только тогда, когда онъ положить оружіе... Сенатъ стойко держался своего правила—ничего не уступать силѣ, и это правило сдѣлалось основнымъ закономъ римской политики... Они всегда были гораздо сговорчивѣе будучи побѣдителями, чѣмъ побѣжденными»¹⁵). Это—краснорѣчіе Конвента въ его героическомъ періодѣ; но прослѣдите рѣчь до конца и вы увидите всѣ заблужденія Имперіи во время ея упадка. «Повсюду распространенное мнѣніе о томъ, что ничто не могло имъ противиться, заставляло враговъ бросать оружіе и дѣлало союзниковъ непобѣдимыми. Вы видите, какое дѣйствіе оказываетъ въ Европѣ подобное же мнѣніе о французскихъ арміяхъ, и весь свѣтъ, изумленный подвигами короля, сознаетъ, что онъ одинъ можетъ положить предѣлы своимъ завоеваніямъ».

Людовика XIV спасла не только его стойкость, твердость его совѣтниковъ¹⁶), вѣрность его народа и то славное сопротивление, которое облагоуородило конецъ его царствованія, его спасъ также случай—смерть императора Іосифа I; передъ глазами Европы внезапно воздвигся колоссъ, на-

¹⁴) *Testament politique. — Introduction à l'histoire de la succession d'Espagne.*

¹⁵) *Discours sur l'Histoire universelle*, 3-me partie, ch. VI.

¹⁶) *Le Journal de Colbert, marquis de Torcy*, publié par Frédéric Masson Paris. 1844.

зываемый монархіей Карла Пятаго¹⁷). Эта опасность показалаась тѣмъ страшнѣе, что безъ Франціи никто не могъ бы поколебать могущества Австріи на континентѣ. Миръ сдѣлался возможнымъ. Людовикъ XIV благоразумно заключилъ его. Испанскіе Бурбоны навсегда утратили права на французскій тронъ; обѣ короны остались совершенно обособленными; но Франція сохранила, что было всего важнѣе, тѣ границы, которыя ей отвоевалъ Людовикъ XIV въ первые годы своей славы.

VII.

Людовикъ XIV сдѣлалъ Францію ненавистною для сосѣдей и подозрительною для всей Европы. Много осторожности и мудрости нужно было имѣть его преемникамъ, чтобы смягчить чувство страха и зависти, которыя внушило это долгое царствованіе, переполненное войнами и завоеваніями. Къ счастью, требуемая отъ нихъ умѣренность оставалась самою искусной и выгодной для Франціи политикой. Франція сохранила Эльзасъ, Франшъ-Конте, Фландрію, Руссильонъ и, благодаря этой расширенной границѣ, прежніе враги перестали ей угрожать. Утрехтскіе трактаты измѣнили равновѣсіе силъ.

Отнынѣ австрійскій домъ остался только въ Германіи. Говоря объ этомъ домѣ и его соперничествѣ съ французскимъ, очень часто забываютъ, что самый пламенный очагъ ненависти находился въ Испаніи. Испанія воспитала ту жестокою злобу, которую переносятъ, вслѣдствіе ошибочнаго пониманія словъ и идей, на одну Австрію. Теперь Испанія была не страшна, она ослабѣла и сдѣлалась зависимой. Одинъ изъ младшихъ сыновъ Франціи, Бурбонъ, воцарился въ Мадридѣ, и съ этой стороны роли перевернулись. Что касается до самой Австріи, то она, конечно, увеличилась; она завладѣла Нидерландами, Ломбардіей, Неаполемъ, присоединила вскорѣ Сидилію; но она разбросалась; умноживъ число своихъ аванпостовъ, она представила своимъ противникамъ большее число уязвимыхъ пунктовъ. У Франціи были подъ рукою Нидерланды: Савойя угрожала Милану, а въ Германіи—Пруссія, могущество которой постоянно росло, группировала вокругъ себя

¹⁷) Испанскій король Карлъ II сдѣлалъ герцога Анжуйскаго своимъ наслѣдникомъ. Европа, опасаясь всемірнаго преобладанія Бурбоновъ, составила союзъ противъ нихъ и поддержала въ Мадридѣ притязанія эрцгерцога Карла, брата императора Іосифа I. Послѣдній умеръ въ 1711 г., не оставивъ сына. Наслѣдникомъ становился эрцгерцогъ. Если бы онъ вступилъ на испанскій престолъ—это былъ бы второй Карлъ V во главѣ всемірной монархіи австрійскаго дома. Европа такъ же мало желала этой монархіи, какъ и монархіи Людовика XIV.

противниковъ имперіи ¹⁾. Франція завершила свое дѣло присоединеніемъ Лотарингіи. Жителей Лотарингіи перевели въ Тоскану, и, въ силу того же вѣнскаго трактата, Неаполь и Сицилія перешли къ испанцамъ. Кажется, что отнынѣ Франція остается только сберегать добытое, такъ какъ на материкѣ она представляетъ самое сплоченное государство. Могущество ея главнаго врага значительно ослабѣло. Она окружена болѣе слабыми, чѣмъ она сама, государствами, которыя боятся ея и ищутъ ея покровительства; снова предоставляется ей прекрасная роль умѣрительницы воинственныхъ стремленій Европы и опекуни мира, подготовленнаго ей кардиналомъ Ришелье, и снова дается возможность нести за море, въ другое полушаріе, тотъ избытокъ силъ и обиліе соковъ, которые составляютъ для великихъ націй необходимое условіе здоровья.

Будущность ея величія отнынѣ лежитъ въ колоніяхъ. Но тамъ она сталкивается съ Англіей, и на этомъ новомъ поприщѣ ихъ соперничество разгорается сильнѣе, чѣмъ въ Столѣтнюю войну. Чтобы поддержать эту борьбу, распространившуюся на весь міръ, Франція не хватаетъ всѣхъ ея ресурсовъ. Ведя войну одновременно въ Канадѣ и Индіи, Франція не должна была вести свои арміи на Рейнъ. Миръ на материкѣ былъ необходимымъ условіемъ успѣховъ, которыхъ могли ожидать въ Америкѣ и Азіи. Ради этого мира она должна была отказаться отъ континентальныхъ завоеваній. Она могла это сдѣлать, обладая громадными оборонительными средствами. Вблизи ея никто не смѣлъ произвести пушечнаго выстрѣла безъ ея дозволенія. Но увы! Франція была далека отъ подобнаго благоразумія и, желая одновременно устроить колоніи и распорядиться европейскими государствами, она подвергала опасности свое могущество въ обѣихъ частяхъ свѣта.

Французы желали колоніальныхъ завоеваній, но не могли воздержаться отъ европейскихъ, чѣмъ и пользовалась Англія. Австрія сдѣлалась ея естественной союзницей противъ Франціи и своими маневрами отвлекала ее отъ колоній. Однако французы могли еще сдерживать Австрію: при нуждѣ, они могли обратиться къ Пруссіи, Савойѣ, Польшѣ и Турціи. Это уже дѣло дипломатіи, но французскіе политики не удовлетворялись дипломатіей. Ненависть къ австрійскому дому пережила причины къ соперничеству. Этотъ домъ и есть то *чудовище*, о которомъ говоритъ Бальзакъ ²⁾. Его укротили, но этого мало: только смерть его можетъ дать покой. По словамъ Д'Аржансона ³⁾, «главное правило политиковъ состоитъ въ томъ, чтобы ослабить эту державу и сдѣлать императора такимъ же землевладѣльцемъ, какъ бо-

¹⁾ *Recueil des Instructions, Autriche*, Introduction, p. 14 et suiv.—*Instruction du duc de Richelieu*, 1725, p. 208.

²⁾ *Le Prince*, ch. XIX.

³⁾ *Mémoires*, t. IV, p. 218.

гатѣйшій изъ избирательныхъ князей». Карлъ VI умираетъ въ 1740, оставляя одну дочь; Франція видитъ въ этомъ удобный случай ⁴⁾ и съ трубнымъ звукомъ отправляется во главѣ всѣхъ охотниковъ за наслѣдствомъ: «создать императора, завоевать царства!» ⁵⁾. Баварецъ, котораго посадили на престолъ, былъ фиктивнымъ императоромъ, а что касается до завоеваній, то приходилось радоваться, что Морицъ Саксонскій сохранилъ для Франціи завоеванія Людовика XIV. Единственнымъ результатомъ коалиціи было расширеніе Пруссіи.

Между тѣмъ Франція дала себя побить на морѣ и предоставила Дюпль, который съ горстью людей основывалъ имперію, исключительно однимъ ресурсамъ своей изобрѣтательности ⁶⁾. Мало того: рискнувши Канадой, чтобы завоевать Силезію для короля прусскаго, потеряли ее только для того, чтобы доставить себѣ удовольствіе возвратить эту провинцію венгерской королевѣ. Франція сыграла въ руку Англіи въ войнѣ за испанское наслѣдство и въ руку Австріи—въ Семилѣтней войнѣ.

Фридрихъ былъ самымъ ненадежнымъ изъ союзниковъ. Въ 1755 онъ цинично измѣнилъ своимъ союзникамъ и перешелъ къ англичанамъ, которые возобновили войну съ Франціей. Такъ какъ на сторонѣ Англіи была Пруссія, то, для поддержки равновѣсія, Франція должна была сойтись съ Австріей. Марія-Терезія предложила свой союзъ и Франція приняла его. Такимъ путемъ заключенъ былъ знаменитый трактатъ 1-го мая 1756. Это чисто оборонительный союзъ. Но Франція не поняла его и хотя перемѣнила своихъ партнеровъ, но была попрежнему ими обманута. Людовикъ XV сдѣлался защитникомъ Австріи съ такимъ же слѣпымъ увлеченіемъ, съ какимъ былъ ранѣе ея противникомъ. Континентальная война, изъ побочной, сдѣлалась главной. Съ роли руководящей державы Франція перешла на роль второстепенной. Она не достигла даже того побочнаго результата, которому пожертвовала своими драгоцѣннѣйшими интересами. Фридрихъ сохранилъ Силезію, Франція утратила Канаду и оставила Луизиану; владѣчество надъ Индіей перешло въ руки англичанъ. Такимъ образомъ Людовикъ XV обезпечилъ торжество Англіи съ помощью той политики, единственной цѣлью которой было пораженіе Англіи ⁷⁾.

«Въ особенности старайтесь, чтобы король не попалъ въ рабскую зависимость отъ своихъ союзниковъ,—писалъ Берни Шуазелю, бывшему посланникомъ въ Вѣнѣ.—Это было бы самое худшее» ⁸⁾. Это худшее Франція

⁴⁾ *Recueil des Instructions*, t. I, p. 383.

⁵⁾ *Mémoires de Belle-Isle. Duc de Broglie. Marie-Thérèse et Frédéric II*, p. 8.

⁶⁾ Намонт. *Dupleix*. Paris 1881.

⁷⁾ *Essais de critique et d'histoire: Bernis et l'alliance autrichienne de 1756*.

⁸⁾ Отъ 29 октября 1758 г. *Mémoires de Bernis*, publiés par Frédéric Masson, t. II, p. 321.

испытала въ послѣдніе года царствованія Людовика XV. Союзъ 1756, бывшій въ своей первоначальной формѣ искусной уловкой, сдѣлался самой бѣдственной политической системой. Не приобрѣтя ни одной территоріи, Франція утратила свое значеніе въ Европѣ. Прежде она группировала вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, кого тревожило могущество Австріи: принужденная выбирать между ними и Австріей, она предоставила австрійцамъ полную свободу дѣйствій. Верхомъ униженія было для Франціи то, что послѣ войны, въ которой она всего лишилась, чтобъ быть орудіемъ ненависти Маріи-Терезіи къ Фридриху, непримиримые вѣмцы, безъ ея вѣдома и въ ущербъ ей, сблизились, сговорились и заодно съ Россіей раздѣлили остатки Польши, одной изъ самыхъ давнишнихъ кліентокъ французской монархіи ⁹⁾.

У Франціи осталась одна союзница—Испанія. Ихъ связалъ въ 1761 *Семейный договоръ*—единственное благотѣльное дѣло, совершенное въ эти бѣдственные года. Союзъ этотъ былъ проченъ, потому что Франція и Испанія имѣли одного общаго врага—Англію. Побѣдоносная, но вѣчно ревнивая и вѣчно на-сторожѣ, Англія была, въ глазахъ француза восемнадцатаго столѣтія, наслѣдственнымъ врагомъ и беспощадной соперницей. Трактаты считались простымъ перемиріемъ, и вражда таилась подъ наружнымъ согласіемъ. Вѣковая ненависть, раздражаемая постоянными ранами, наносимыми самолюбію, поддерживала у французовъ пламенное желаніе реванша. Современники сравнивали отношенія между Англіей и Франціей съ отношеніями между Римомъ и Карфагеномъ. «Англія,—говоритъ одинъ знаменитый публицистъ,—также поставила себѣ правиломъ не давать намъ подняться, постоянно наблюдать за нашими портами, верфями, арсеналами, слѣдить за нашими проектами, приготовленіями, нашими малѣйшими движеніями и останавливать ихъ съ помощью надменныхъ инсинуаций или же грозныхъ демонстрацій» ¹⁰⁾. Неискусныя усилія Людовика XV исправить съ помощью секретной дипломатіи бѣдствія, причиненныя его официальной политикой, происходили отъ бесполезнаго безпокойства усталаго ума. Въ нихъ проявляется одна тревога, свойственная слабымъ характерамъ. Благородный человѣкъ, котораго онъ принесъ въ жертву ради этой неблагодарной и двусмысленной работы, вложилъ въ нее всѣ силы души, способной задумать великія дѣла и, быть можетъ, при другомъ царствованіи, даже совершить ихъ ¹¹⁾. Жераръ де-Рейневаль, одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и достой-

⁹⁾ См. *La question d'Orient au dix-huitième siècle* статью *L'Entrevue de Neisse, 1769*.

¹⁰⁾ FAVIER, *Conjectures raisonnées*, ch. X. Объ Англіи. BOUTARIC, *Correspondance secrète de Louis XV*.

¹¹⁾ Le comte de BROGLIE. См. *Le secret du Roi* par le duc de BROGLIE. *Les Essais de critique et d'histoire: La diplomatie secrète de Louis XV*.

ныхъ дѣятелей въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, писалъ: «Тогда-то у всѣхъ націй возникло мнѣніе, что во Франціи не стало ни силы, ни ресурсовъ; зависть, которая прежде служила политическимъ двигателемъ относительно Франціи, выродилась въ презрѣніе. У версальскаго кабинета не было ни кредита, ни вліянія при другихъ дворахъ. Въмѣсто того, чтобъ быть центромъ всѣхъ великихъ дѣлъ, онъ сдѣлался ихъ простымъ зрителемъ. Даже его одобреніе или порицаніе ни во что не ставились» ¹²⁾.

Нація сознавало этотъ упадокъ ¹³⁾. Онъ тѣмъ сильнѣе раздражалъ ее, что новая государственная система разстраивала всѣ ея традиции. Въ продолженіе цѣлаго столѣтія въ націи воспитывали ненависть къ австрійскому дому. Необходимость унижить этотъ домъ, и какъ средство для достиженія такой цѣли—союзъ съ протестантскими государствами, и преимущественно съ Пруссіей,—считались основными правилами внѣшней политики. Имъ учили въ коллегіяхъ, они считались столь же очевидными, какъ философія просвѣщенія и правила классической комедіи. Никогда прежде Ришелье не стоялъ такъ высоко въ общественномъ мнѣніи, никогда прежде не восхищались такъ сильно вестфальскими трактатами. Война за австрійское наслѣдство пробудила и оживила эти великія воспоминанія. Франція боролась сразу противъ двухъ традиціонныхъ соперницъ. Битва при Фонтенуа продолжила монархію на сорокъ лѣтъ, сказалъ Наполеонъ ¹⁴⁾. Въ началѣ Семилѣтней войны, публика, въ виду отпаденія Фридриха, сознала необходимость измѣнить тактику, чтобъ сдерживать Пруссію: она думала, что поняла цѣль австрійскаго союза и рукоплескала ему. Она воображала, что, благодаря этому ходу, Франція, освободившись отъ пруссаковъ, можетъ собрать всѣ свои ресурсы противъ Англіи. Но когда Франція увидѣла, что война перенесена въ Германію, что сражаются не за ея собственные національные интересы, а «за австрійскій домъ, что жертвуютъ Канадой для Силезіи и что подъ предлогомъ мстить за обиды Маріи-Терезіи подвергаютъ берега Франціи нападеніямъ англичанъ, она перестала понимать и увидѣла въ этомъ измѣну себѣ.

Она не обвиняла прусскаго короля; онъ былъ популяренъ; все въ немъ восхищало: его геній, его управленіе, даже его завоеванія ¹⁵⁾; философія

¹²⁾ *Situation politique de la France à l'Avènement du Roi au trône 1774. Affaires étrangères*.

¹³⁾ BERNIS. *Mémoires*. Наиболѣе формальныя доказательства такого настроенія общественнаго мнѣнія мы найдемъ въ письмахъ Берни къ Шуазелю въ 1757 и 1758.

¹⁴⁾ *Mémoires de madame de Rémusat*, t. III, p. 288, Paris, 1882.

¹⁵⁾ «Эта война и это завоеваніе (нашествіе на Силезію въ 1740 г.) были справедливы, насколько могутъ быть справедливыми войны и завоеванія». MIVARDEL, *Monarchie prussienne*, t. I, l. I, p. 97.

окружила его своим ореоломъ. Стойкость, обнаруженная Фридрихомъ въ борьбѣ, примирила съ нимъ тѣхъ, кого раздражило его вѣроломство. Ненависть къ Австріи пересилила тѣ чувства, какія заслужила Пруссія ¹⁶⁾. «Французы болѣе чѣмъ когда-нибудь негодуютъ на войну», писалъ Берни въ апрѣлѣ 1758 г.—Здѣсь до безумія любятъ прусскаго короля, потому что всегда любятъ тѣхъ, кто хорошо устриваетъ свои дѣла; ненавидятъ вѣнскій дворъ, потому что видятъ въ немъ шивку государства». Чувство это было справедливо и выраженіе не натянуто. «Наша роль была нелѣпа и позорна», говоритъ въ заключеніе этотъ министръ Людовика XV, и вся Франція раздѣляла это мнѣніе ¹⁷⁾. Негодованіе достигло крайней степени, когда узнали о раздѣлѣ Польши и когда увидѣли, до какой «рабской зависимости» ¹⁸⁾ передъ австрійскимъ домомъ король довелъ Францію ¹⁹⁾.

Гнѣвъ и злоба, которые испытывала нація отъ сознанія, что ее эксплуатировали въ войнѣ ²⁰⁾ и обманули при заключеніи мира, увеличивались боязнью, что такой жадный и безсовѣстный союзникъ можетъ современемъ и ограбить. «Я предвижу, писалъ Мабли нѣсколько лѣтъ спустя, что императоръ потребуетъ Лотарингію, Эльзасъ и все, что ему вздумается» ²¹⁾.—«Кто можетъ поручиться Франціи за то, что въ случаѣ неудачной войны

¹⁶⁾ *Mémoires secrets de Duclos*. «Король прусскій—писалъ Мирабо въ 1786 г. сознавъ, что единственное спасеніе отъ опасности заключалось въ самой опасности, и, какъ великій человѣкъ, рѣшился предупредить своихъ враговъ. Нельзя признать, что никогда война не была такъ справедлива». *Monarchie prussienne*, t. I, liv. 1. «Развѣ не безуміемъ было съ его стороны сражаться послѣ того, какъ цѣль была достигнута? И чѣмъ онъ обязанъ былъ Франціи, безъ участія которой онъ началъ войну и которая только случайно сдѣлалась его союзницей. Гувект, *Eloge du roi de Prusse*, 1787.—Le duc de Broglie, *Marie-Thérèse et Frédéric*, t. II, ch. VI. *La défection de Frédéric*, и относительно Семилѣтней войны письма Вольтера Фридриху въ октябрѣ 1757 г.—«Этотъ государь, не имѣющій себѣ равныхъ въ исторіи со времени Александра, не будучи самъ воспитанъ греками, сумѣлъ однако воспитать спартанцевъ». *Raynal*, liv. III, ch. XXXIX.

¹⁷⁾ *Bernis, Mémoires II*, p. 17, 202.

¹⁸⁾ Берни Шуазелю отъ 29 окт. 1758. *Bernis, Mémoires II*, p. 322.

¹⁹⁾ *Vanae sine viribus virae!*—говорилъ Кауницъ о робкихъ замѣчаніяхъ Людовика XV. Онъ довелъ наглость до того, что обвинялъ Францію въ томъ, что она была причиною раздѣла. «Франція надѣла всѣмъ!»—писала Марія-Терезія по поводу признаковъ неудовольствія, о которыхъ сообщалъ ей посланникъ Мерси. См. *La question d'Orient au dix-huitième siècle*, p. 246 и слѣд.

²⁰⁾ «Повидимому, хотѣли извлечь изъ насъ все лучшее, не заботясь о томъ, что станетъ съ нами впослѣдствіи»,—писалъ Берни Шуазелю въ 1758 году. *Mémoires*, t. II, p. 263.—Это было справедливо. См. *Recueil des Instructions*, Autriche, p. 387, 398 и въ особенности 419.

²¹⁾ *Notre gloire et nos rêves*, 1778.—*Id. De la paix d'Allemagne*, 1778.

императоръ не потребуетъ возвращенія Эльзаса и даже другихъ провинцій?» говорилъ одинъ изъ министровъ Людовика XVI ²²⁾. Такимъ-то образомъ Австрія, употребивши во зло союзъ съ Франціей, оживила въ умахъ всѣ традиціи соперничества. Прибавьте къ этому, что Марія-Терезія была ханжа, что всѣмъ была извѣстна ея дружба съ іезуитами, ея вражда къ философіи, а что фаворитки при дворѣ короля были, по общему мнѣнію, подкуплены Австріей: такъ все способствовало къ тому, чтобъ сдѣлать ненавистнымъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія союзъ, который уже самъ по себѣ былъ въ высшей степени непріятенъ. Въ то время, когда приверженцевъ новыхъ идей начинали называть *патриотами*, противниковъ этихъ идей соединяли воедино подъ названіемъ *австрійская партія*.

Но ненависть къ этому союзу была еще не такъ пламенна среди философовъ и образованной публики, какъ при дворѣ и даже въ семьѣ самого короля. Дофинъ, хотя человѣкъ очень религіозный, стоялъ за старую систему. Онъ относился очень враждебно «къ Шуазелямъ; «это—лотарингцы по духу и происхожденію», и къ союзу, который «мѣшаетъ намъ быть французами». «Я долженъ,—писалъ онъ,—постараться узнать изъ исторіи моихъ предковъ, какими средствами удалось имъ взять у этого дома Испанію, Неаполь, Лотарингію, часть Нидерландовъ, Эльзасъ, Франшъ-Конте, Руссильонъ и не забывать, что безъ наблюдательной политики съ моей стороны Австрія вновь отниметъ у меня все то, что взяла у моихъ предковъ съ самаго начала своего существованія, которое нельзя назвать очень древнимъ. Невольно вспоминаешь о томъ, чѣмъ была Франція при Карлѣ Великомъ» ²³⁾. Дочери Людовика XV питали такія же чувства ²⁴⁾. Графъ Прованскій былъ ими проникнутъ. Это былъ король всѣхъ политиковъ, которые считали себя знатоками по части традицій. Относительно этого пункта господствовало полное единомысліе среди министровъ, изъ которыхъ Людовикъ XVI составилъ впослѣдствіи свой совѣтъ. Это—«крикъ самой націи», какъ выразился одинъ изъ нихъ ²⁵⁾. Таково было мнѣніе тѣхъ знаменитыхъ бюро иностранныхъ дѣлъ, въ которыхъ,

²²⁾ См. *Мемуары*, читанные въ королевскомъ совѣтѣ въ 1784 и 1785 г., изданныя Трачевскимъ. *La France et l'Allemagne sous Louis XVI*. Paris, 1880.—Приведенная цитата находится въ *мемуарахъ* Д'Оссуна, 11 ноября 1784.—*Mémoires du comte de Ségur*, 1784, и de Castries, 2 января 1785 г.

²³⁾ *Soulavie, Mémoires*, t. I, p. 111. Paris, 1801.

²⁴⁾ *Arnet et Geffroy, Correspondance de Marie-Thérèse et du comte de Mercy*, Introduction XV et rapports de Mercy, *passim*.

²⁵⁾ См. *Мемуары*, изданные Трачевскимъ: мемуары Верженна, Субиза, Оссуна, Кастри, Калонна, Сегюра, Бретеяля, въ ноябрѣ 1784; Сегюра, Кастри, Бретеяля, Калонна, Субиза, Оссуна, въ 1785.

по выражению современника, старая традиция хранилась «какъ священный огонь весталокъ»²⁶⁾.

Въ эпоху революціи, это чувство было столь общимъ, что эмигранты въ этомъ отношеніи раздѣляли страсти республиканцевъ. «Австрійскій комитетъ» возбуждалъ одинаковое недовѣріе въ Кобленцѣ и въ Конвентѣ. Одинъ эмигрантъ офицеръ, составляя для Екатерины II мемуаръ о причинахъ паденія королевской власти, приписывалъ ихъ «бѣдственному союзу 1756 г.»²⁷⁾. Въ 1795 г. при дворѣ графа Прованскаго, въ Веронѣ, объ «австрійской партіи» говорили съ такой же горечью, какъ въ комитетѣ общественного спасенія»²⁸⁾. Бракъ Маріи-Антуанеты съ дофиномъ навсегда закрѣпилъ союзъ 1756 г. Несчастливая принцесса собрала на свою голову всю ненависть и предубѣжденія, накопившіяся въ теченіе трехъ вѣковъ соперничества и еще болѣе обострившіяся подъ жгучимъ впечатлѣніемъ недавнихъ обидъ. Самая причина ея прибытія во Францію дѣлала ее подозрительной въ глазахъ французовъ; они вѣрили ей въ преступленіе ея привязанности къ союзу, хотя онъ и составлялъ единственный смыслъ ея брака. Надо измѣрить всю ярость страстей, возбужденныхъ ея матерью и ея родиною, чтобъ понять ту страшную непопулярность, которая ее преслѣдовала во Франціи; эта непопулярность, задолго до революціи, резюмировалась въ одномъ словѣ, которое для Маріи-Антуанеты равнялось смертному приговору: австрійка.

VIII.

Когда Людовикъ XVI вступилъ на престолъ, французская монархія была еще болѣе унижена въ Европѣ, чѣмъ во Франціи; внѣшнія дѣла были еще болѣе запутаны, чѣмъ внутреннія. Людовикъ XVI пытался поправить тѣ и другія одинаковыми средствами, возвращаясь къ традиціямъ монархіи и пытаясь примирить ихъ съ требованіями времени. Онъ возложилъ на Верженна, которому поручилъ веденіе иностранныхъ дѣлъ—такую же задачу, какую возложилъ на Тюрго. Но Тюрго былъ человѣкъ съ дарованіями—Верженнъ обладалъ только здравымъ смысломъ, опыт-

²⁶⁾ SOULAVIE. *Mémoires*, t. I, ch. I. — FLASSON, *Histoire de la diplomatie. Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état*, t. I. Paris, 1828. — Въ мемуарѣ Рейневала, извлеченіе изъ котораго я приводилъ выше, трактатъ 1756 г. названъ роковымъ для Франціи: «Онъ низвергъ политическую систему Европы въ ущербъ Франціи».

²⁷⁾ *Mémoires sur les affaires présentes*, par le comte de LANGERON, 1792. Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

²⁸⁾ *L'Angleterre et l'émigration* par ANDRÉ LEBON, p. XXVI, 339. Paris, 1882.

ностью въ дѣлахъ, твердымъ, проникающимъ и дальновиднымъ патриотизмомъ. У него было трезвое сужденіе, просвѣщенный умъ, любовь къ добродѣтели. Его упрекали въ нерѣшительности¹⁾; но кто не заслужилъ бы этого упрека въ Европѣ, вышедшей изъ колеи, съ обязательствами и интересами, которые противорѣчили другъ другу? На него падало обвиненіе въ измѣнчивости, даже въ двуличности, въ противорѣчій между принципами, которые онъ высказывалъ, и инструкціями, которыя давалъ своимъ агентамъ; но при этомъ забывали, что онъ жилъ въ мірѣ развратниковъ и скептиковъ, что его обязанностью было привлечь ихъ на свою сторону и что для этой дѣли онъ долженъ былъ говорить ихъ языкомъ. Роль его была довольно щекотлива: блюститель нравовъ и придворный, моралистъ и дипломатъ плохо уживались между собою и мѣшали одинъ другому. Прибавьте нѣкоторую напыщенность и склонность къ разглагольствованіямъ въ духѣ того времени. Впрочемъ, несмотря на эту легкую окраску педантизма, Верженнъ былъ очень порядочный человѣкъ, мудрый министръ, какого давно уже не было во Франціи, и честнѣйшій изъ всѣхъ европейскихъ дипломатовъ.

Всю свою карьеру онъ сдѣлалъ при посольствахъ и принадлежалъ къ той королевской оппозиціи, которую направлялъ графъ де-Брольи. Онъ былъ, какъ говорили, «допущенъ въ секретъ». Съ нимъ вступила въ министерство тайная дипломатія Людовика XV. Верженнъ не имѣлъ въ виду нарушить союзъ 1756 г., но рассчитывалъ свести его къ его дѣйствительной дѣли, и изъ системы, которая, благодаря слабости Людовика XV и безсилію его министровъ, сдѣлалась системой австрійской, создать систему французскую²⁾. Это было именно то, чего искалъ Людовикъ XVI. Если Верженну удалось его предпріятіе въ то время, какъ Тюрго потерпѣлъ неудачу въ своемъ, то этого не надо приписывать различію задачъ, крайней сложности внутреннихъ дѣлъ, относительной простотѣ внѣшнихъ, но преимущественно поддержкѣ, которую встрѣтилъ Верженнъ въ общественномъ расположеніи и въ довѣріи короля. Мнѣнія о реформахъ Тюрго раздѣлялись: частные интересы соединились противъ него и парализовали его дѣятельность. Между тѣмъ общественное мнѣніе единогласно желало возстановленія престижа Франціи и видя, что министерство работаетъ надъ этимъ, рукоплескало ему. Наконецъ, чтобъ поддержать Тюрго, а при случаѣ противорѣчить ему въ интересахъ его же дѣла, нуженъ былъ высшій умъ;

¹⁾ См. CORNELIS DE WITT. *Washington*. Paris, 1859. *Jefferson*. Paris, 1861. Трачевскій *Франція и Германія при Людовикѣ XVI*.

²⁾ Эти взгляды развиты съ замѣчательною полнотою въ инструкціяхъ, данныхъ барону Бретейлю въ 1774 г.—*Recueil*, t. I. Австрія: «О взаимныхъ выгодахъ нашего союза съ вѣнскимъ дворомъ».

чтобъ оцѣнить и принять политику Верженна, достаточно было обладать здравымъ смысломъ и пониманіемъ интересовъ Франціи въ Европѣ. Людовикъ XVI обладалъ тѣмъ и другимъ.

Онъ зналъ европейскія дѣла несравненно лучше, чѣмъ французскія, потому что его учили первымъ и оставили въ невѣдѣніи относительно вторыхъ. Впрочемъ, кто бы сталъ его учить? Будь такой преподаватель, онъ долженъ былъ бы сдѣлаться тѣмъ великимъ министромъ, въ какомъ такъ нуждалась Франція. Сложность внутренняго управленія пугала слабый и нерѣшительный умъ Людовика XVI. Кромѣ того, съ его королевской точки зрѣнія, а также во мнѣніи двора, это были второстепенныя дѣла, интересы мелкаго люда, которые предоставляются обыкновенно интендантамъ. Внѣшнія дѣла были дѣла его собратьевъ королей, его касты, его семейства, наконецъ его собственныя дѣла. Отъ природы трудолюбивый, онъ добросовѣстно занимался ими. Онъ зналъ исторію своего дома и исторію другихъ династій Европы; онъ ее изучилъ не въ сухихъ и педантичныхъ урокахъ, но изъ разсказовъ, изъ разговоровъ, изъ естественнаго хода своей жизни, какъ царствующаго монарха. Всѣ его понятія объ Европѣ сводились къ нѣсколькимъ элементарнымъ логическимъ предложеніямъ, которыми онъ былъ вполне проникнутъ. Къ нимъ онъ присоединялъ очень возвышенное чувство достоинства своего сана. Съ такою подготовкой, онъ способенъ былъ принимать хорошіе совѣты и высказывать весьма мудрыя мнѣнія.

Самая его робость и недовѣріе оказали ему услугу въ этомъ случаѣ. Онъ опасался вліянія королевы, и хотя слишкомъ часто допускалъ его во внутреннихъ дѣлахъ, потому что не всегда былъ на-сторожѣ, но сумѣлъ уберечься отъ него во внѣшнихъ ³⁾. Съ самаго начала своего царствованія, онъ показалъ, что понимаетъ внѣшнюю политику совершенно иначе, чѣмъ его дѣдъ ⁴⁾.

«Соблаговолите припомнить, государь,—писалъ Верженнъ въ 1782 г.,—въ какомъ положеніи была Франція относительно другихъ европейскихъ державъ, когда ваше величество взяли въ свои руки бразды правленія и сдѣлали мнѣ честь поручить управленіе иностранными дѣлами. Жалкій миръ 1763 г., раздѣлъ Польши и многія другія, равно прискорбныя, причины нанесли глубокой ущербъ достоинству вашего трона. Франція, нѣкогда предметъ ужаса и зависти для другихъ державъ, возбуждала совершенно противоположное чувство; прежде она была первой державой въ

³⁾ Переписка между Мерси и Маріей-Терезіей не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно этого пункта. Письма прусскаго министра Гольца вполне подтверждаютъ этотъ фактъ.

⁴⁾ См. инструкціи Бретейлю, составляющія обдуманную политическую программу. *Recueil des Instructions*, t. I.

Европѣ; теперь ей неохотно даютъ мѣсто среди второстепенныхъ ⁵⁾. Чтобъ поставить ее на прежнее мѣсто, нужно было освободить ее отъ первенства Англіи и сбросить австрійское иго. Случай къ тому и другому представился одновременно.

Англійскія колоніи Сѣверной Америки возмутились, Франція ихъ поддержала; Іосифъ II расчитывалъ овладѣть Баваріей; Франція помѣшала ему. Тщетно предлагалъ Іосифъ Франціи сдѣлать ее участницей въ предпріятіи и выдѣлить ей долю въ Нидерландахъ. Какъ ни выгодно было это предложеніе во въ глазахъ короля оно не вознаграждало за тотъ вредъ, который былъ бы нанесенъ французской монархіи, еслибъ онъ допустилъ распространеніе австрійскаго могущества до центра Германіи, далъ имперіи возможность удовлетворять всѣмъ ея алчнымъ стремленіямъ, отказался отъ гарантій, представляемыхъ вестфальскими трактатами, и вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ арміямъ императора дорогу въ Италію. Плата, полученная Франціей, только еще рѣзче обнаружила бы въ глазахъ Европы ея зависимость ⁶⁾. Тешенскіе трактаты, заключенные при посредничествѣ Людовика XVI въ 1779 г., вернули подъ ея покровительство второстепенныя государства. Франція выказала себя рѣшительной и безкорыстной; Европа, переставшая было считаться съ нею, вернула ей прежнее уваженіе. Ущербъ, который Франція наносила въ то же время англичанамъ, коалиція, которую она составила противъ нихъ съ Испанією и Голландією, и успѣхъ войны за независимость окончательно подняли ея престижъ.

Отнынѣ она стала заботиться только о поддержаніи мира на континентѣ. Задача была не легкая. Правда, что Фридрихъ, старѣясь, сдѣлался консерваторомъ: онъ удалялся отъ дѣлъ и желалъ только наслаждаться своими пріобрѣтеніями; но Екатерина Великая, его смѣлая и непокорная ученица, но императоръ Іосифъ, его отважный соперникъ и подражатель, нашли удобнымъ воспользоваться американской войной, чтобъ приняться за раздѣлъ турецкой имперіи. Миръ, заключенный въ 1783 г. между Франціей и Англіей, очень кстати остановилъ этихъ смѣлыхъ завоевателей. Россіи впрочемъ удалось сохранить Крымъ, какъ задатокъ въ счетъ наслѣдства, но вѣнскому двору дали понять, что Франція не пожертвуетъ ей имперією Оттомановъ. «Какую бы цѣну ни придавалъ король союзу,

⁵⁾ Верженнъ Людовику XVI, 1782. *Affaires étrangères*.

⁶⁾ «Король почувствовалъ необходимость положить конецъ нестерпимому злоупотребленію, со стороны вѣнскаго кабинета, его снисходительностью, его привязанностью къ союзу, его дружбой къ ихъ величествамъ, словомъ возстановить равенство отношеній между двумя дворами». *Situation politique à l'Avènement du roi par Gerard de Rayneval, Affaires étrangères*.—FOURNIER. *Gentz et Cobenzl*. Introduction. Vienne, 1880.

писаль Верженн⁷⁾, онъ, не колеблясь, откажется отъ него, когда потянетъ надежду охранить самый принципъ этого союза, и убѣдится, что его союзникъ, не обращая вниманія на убѣжденія, рѣшается на предпріятія, которымъ его величество не можетъ потворствовать, не утрачивая уваженія, пріобрѣтеннаго десятью годами мудрости и не нанося неисправимаго ущерба существеннымъ интересамъ своего королевства». Такъ какъ трудно было ожидать, чтобъ Іосифъ II отказался отъ своихъ завоевательныхъ намѣреній, то Верженнъ пришелъ къ заключенію, что «союзъ былъ крайне шатокъ» и что «въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ ему грозитъ переворотъ».

Этотъ переворотъ наступилъ очень быстро. Іосифъ II, потерпѣвшій неудачу въ своихъ планахъ по отношенію къ Турціи, обратился противъ голландцевъ и потребовалъ уничтоженія трактатовъ, закрывавшихъ плаваніе по Шельдѣ. Это было одною изъ статей великой торговой хартіи республики. Она апеллировала къ союзникамъ: Франція ее защитила, и трактатъ, подписанный въ 1785 г. въ Фонтенебло, обезпечилъ республикѣ сохраненіе ея правъ. Эта неудача, крайне раздражившая Іосифа II, еще болѣе утвердила его въ составленномъ замыслѣ, отдѣлаться отъ Нидерландовъ. Онъ придумалъ перемѣстить туда баварскій домъ, который взамѣнъ уступилъ бы ему свои владѣнія въ южной Германіи. Нидерланды, присоединенныя къ землямъ Палатината на лѣвомъ берегу Рейна, образовали бы государство подъ именемъ Бургундіи или Австразіи. Чтобы заручиться согласіемъ Франціи на эту комбинацію, Іосифъ предложилъ ей Люксембургъ; но ни комбинація эта, ни названіе государства не могли понравиться Людовику XVI. Онъ не только отказалъ въ своемъ согласіи, но поддержалъ лигу или *конфедерацию князей*, которую Фридрихъ образовалъ въ Германіи съ цѣлью противоудѣйствовать захватамъ австрійскаго дома⁸⁾.

Французское министерство могло, по справедливости, поздравить себя съ тѣмъ, что ему удалось возстановить въ Германіи значеніе и вліяніе, которыя нѣкогда были упрочены за Франціей вестфальскими трактатами⁹⁾. Такимъ образомъ Людовикъ XVI сталъ на тотъ путь, который дѣлалъ его охранителемъ мира въ Европѣ. Верженнъ завершилъ великое дѣло, заключивъ въ 1786 г. торговый договоръ съ Англіей, цѣлью котораго было установленіе мирныхъ отношеній между обѣими націями. Такого же рода трактатъ съ Россіей, подписанный въ 1787 г., закрѣпилъ между петербургскимъ и

⁷⁾ Instruction du marquis de Noaille, 1783. *Recueil*, t. 1, p. 523.

⁸⁾ См. Ranke, *die deutschen Mächte und Fürstenbund*.—Malmesbury, *Diaries*. Лондонъ, 1842.

⁹⁾ Инструкція Беренжеру, посланнику при сеймѣ, 1786. *Affaires étrangères*.

парижскимъ дворами согласіе, необходимость котораго повидимому всѣ сознавали. Эта прекрасная политика, говоритъ одинъ современникъ, «ставила насъ снова на ту высокую степень, откуда мы спустились, вслѣдствіе безсильнаго царствованія Людовика XV. Благодаря этой политикѣ, Людовику XVI выпало на долю то первенство, которое соотвѣтствовало его добродѣтельному характеру, первенство монарха миротворца, умѣреннаго и могущественнаго¹⁰⁾». Это было время великодушныхъ иллюзій и великихъ надеждъ. По словамъ графа Сегюра¹¹⁾, королевство имѣло такой цвѣтущій видъ, что, не обладая печальнымъ даромъ пророчества, невозможно было предвидѣть бездну, къ которой насъ несло быстрымъ потокомъ... Каждый думалъ, что идетъ къ совершенству, не смущаясь препятствіями и не опасаясь ихъ. Мы гордились тѣмъ, что мы французы, а еще больше тѣмъ, что мы французы восемнадцатаго вѣка, который считали золотымъ вѣкомъ, вернувшимся на землю, благодаря новой философіи... Въ самомъ дѣлѣ, когда я вспоминаю эту эпоху обманчивыхъ словъ и ученыхъ глупостей, я сравниваю состояніе, въ которомъ мы находились тогда, съ состояніемъ чловѣка, стоящаго на верху башни и при видѣ безграничнаго горизонта испытывающаго головокруженіе, которое лишь нѣсколькими минутами предшествуетъ самому ужасному паденію».

Однако это паденіе было неизбежно, и такъ глубоко сидѣла болѣзнь, точившая старый порядокъ, что даже этотъ послѣдній блескъ только ускорила его гибель. Верженнъ былъ хорошій дипломатъ, но не былъ государственнымъ чловѣкомъ; внутреннее управленіе ускользало отъ него, а между тѣмъ, при этой страшной запутанности дѣлъ, для Франціи былъ бы нуженъ Ришелье или Кольберъ. Несомнѣнно, усилія Верженна поднять Францію въ глазахъ Европы были успѣшны; но ему нужны были деньги для того, чтобъ вести войну и платить за оружіе, съ помощью котораго онъ поддерживалъ свою дипломатію. Онъ боролся съ Тюрго, проекты котораго мѣшали его планамъ, и съ Неккеромъ, который проповѣдовалъ экономію. Самъ того не подозревая, Верженнъ вовлекалъ государство въ расходы, ведшіе его къ банкротству. Его министерство было и не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ блестящей интермедіей среди упадка, минутной диверсіей, которая отвлекла Францію отъ заботъ о домашнихъ дѣлахъ, какъ будто для того, чтобъ она затѣмъ сильнѣе почувствовала всю ихъ тяжесть. Беспорядочность финансовъ дѣлала необходимой реформу правительства: чтобъ отвлечь отъ нихъ общественное вниманіе, увеличили долгъ. Тогда необходимость реформъ заявила о себѣ такъ настойчиво, что ради нихъ должны были внезапно отказаться отъ преобладанія, которое снова за-

¹⁰⁾ Ségur, *Mémoires*, t. II, p. 7.—¹¹⁾ Ibid.

воевали въ Европѣ. Вержениѣ умеръ 13 февраля 1787 г.; смерть избавила его отъ горя видѣть, что самый успѣхъ его дѣла погубилъ послѣднее.

IX.

Отъ австрійской системы не осталось ничего, и самый союзъ существовалъ только по имени. Никто не сомнѣвался относительно этого въ Европѣ и въ особенности при вѣнскомъ дворѣ; но противникамъ правительства во Франціи было выгодно не понимать этого. Имъ недостаточно было освободиться отъ ига, они хотѣли, чтобы былъ нарушенъ и самый договоръ. Не довольствуясь тѣмъ, что дѣйствіе трактата ограничено его первоначальною цѣлью, они требовали его уничтоженія. Наконецъ, они проповѣдывали новую систему, которую хотѣли вполне замѣнить существующую государственную систему. Такъ какъ эта оппозиція разразилась съ крайней ожесточенностью съ того момента, когда политика министерства ослабѣла и вновь сдѣлалась шаткой; такъ какъ оппозиція приписала внезапный упадокъ значенія Франціи въ Европѣ не финансовому бѣдствію, его дѣйствительной причинѣ, но ошибочной политикѣ правительства, которую они вѣрили ему въ преступленіе; такъ какъ это было исходною точкою обвиненія короля, королевы и министровъ въ измѣнѣ націи, и такъ какъ оппозиція, достигнувъ власти, ввела свою систему и вся политика революціонной Франціи была ея результатомъ, то необходимо разсмотрѣть ближе школу и доктрину, имѣвшія пріобрѣсть такое могущественное вліяніе.

Начало имъ положили два человѣка, которые пользовались тогда одинаковой репутаціей, хотя въ настоящее время на нихъ смотрять разнѣ; эти два человѣка были Дюкло и Фавье. Тотъ и другой были такъ поставлены, что могли быть компетентными судьями. Дюкло былъ исторіографомъ короля, а Фавье—однимъ изъ главныхъ агентовъ тайной дипломатіи. Скорѣе литераторъ, чѣмъ политикъ, Дюкло не задавался теоретическими вопросами, но его *Mémoires secrets* популяризировали во всемъ читающемъ мірѣ исторію Семилѣтней войны. Они возбудили негодованіе противъ «порочнаго мира 1763 г.»; они пропагандировали ненависть къ Австріи и къ союзу съ ней, изъ котораго, по словамъ автора мемуаровъ, происходили все бѣды французскаго государства и восторженное поклоненіе прусскому королю, дружба съ которымъ могла бы все спасти. Строгость, съ какою авторъ обвинялъ Марію-Терезію за злоупотребленіе союзомъ съ Франціей, могла сравниться только съ его снисходительностью къ вѣроломству Фридриха. Изъ этого повѣствованія, самыя неточности котораго льстили ихъ страстямъ, современники научились судить о политикѣ Людовика XV. *Mémoires secrets* долго ходили по рукамъ въ рукописномъ видѣ и когда

ихъ напечатали въ 1790 г., они уже пользовались извѣстностью, и публика, готовая слѣпо восхищаться ими, читала ихъ нарасхватъ. Разсказы Дюкло подготовили общественное мнѣніе; Фавье взялся окончательно убѣдить его. Ему-то принадлежитъ доктрина. Дюкло сыгралъ въ этой кампаніи только роль застрѣльщика; истиннымъ вождемъ и главнокомандующимъ былъ Фавье.

Фавье былъ своего рода неудачникомъ. Родившись въ началѣ столѣтія, онъ занималъ дипломатическія должности и проявилъ несомнѣнный дарованія. Но беспорядочность его жизни, циничность его рѣчей, слишкомъ явная склонность къ интригѣ, слишкомъ большая снисходительность къ полицейскимъ мѣрамъ и подкупу, испортили его карьеру. Отстраненный отъ почетныхъ должностей, онъ перешелъ на второстепенныя и двусмысленныя и принужденъ былъ вести скудную и жалкую жизнь. Онъ много путешествовалъ, многое видѣлъ, многому научился. Съ весьма точными и обширными познаніями онъ соединялъ замѣчательный талантъ изложенія. Докматическая форма, которую онъ умѣлъ придавать своимъ идеямъ, соответствовала умственнымъ привычкамъ его читателей; техническія детали и доказательства, которыми онъ подкрѣплялъ свои теоріи, невольно заставляли убѣждаться. Живѣйшее чувство величія Франціи, патриотизмъ, который разогрѣвался еще злобою за свои собственные обиды, возвышали его языкъ и его писательскую личность. Онъ уснащалъ сверхъ того свои статьи тѣмъ цинизмомъ, который ввелъ въ моду Дидеро ¹⁾. Собственно говоря, его дипломатическая школа недалеко отстояла отъ того мѣста, гдѣ племянникъ Рамо преподавалъ эстетику.

Въ этой школѣ изучалъ политику и дипломатію Дюмурье ²⁾ въ началѣ своей бродяжнической, бездомной жизни. Они подружились и впоследствии Фавье втянулъ его въ тайную дипломатію, которая привела ихъ обоихъ въ Бастилію. Было время, когда они очутились, одинъ—главою, другой—исполнителемъ одного изъ тѣхъ странныхъ заговоровъ, которые Людовикъ XV составлялъ противъ своего собственнаго правительства. Кабинетные политики и тайные агенты, въ одно и то же время составлявшіе въ своемъ воображеніи грандіозные планы и принужденные

¹⁾ «Фавье былъ гениаленъ въ своемъ родѣ: глубокій мыслитель, но циничный и безпринципный человѣкъ, изобрѣтательный и находчивый на всякаго рода проекты и коварныя комбинаціи. Своими знаніями, остроуміемъ, цинизмомъ, онъ возбуждалъ и кружилъ головы юныхъ адептовъ, посвящаемыхъ имъ въ тайны политики». *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 266. Paris. 1828.

²⁾ Фавье былъ «самымъ искуснымъ политикомъ въ Европѣ. Дюмурье у него научился всему, что самъ зналъ въ политикѣ». Dumouriez. *Mémoires*, liv. I, ch. III.

довольствоваться въ своей практической дѣятельности самыми жалкими средствами, видя только закулисную сторону великихъ дѣлъ и совершая только подпольную работу, утописты и заговорщики въ одно и то же время, соединявшіе любовь къ отвлеченнымъ разсужденіямъ и широковѣщательнымъ системамъ со страстью къ интригѣ и манією къ таинственности, Фавье и Дюмурье вербовали и поучали толпу непризнанныхъ дипломатовъ, которые, начиная съ первыхъ дней революціи, выступили въ клубахъ и газетахъ, въ ожиданіи того времени, когда они всѣми возможными окольными путями разсѣются по Европѣ.

Существенный тезисъ доктрины Фавье — гибель Англіи. Одна Англія препятствуетъ расширенію французскаго преобладанія въ колоніяхъ, на морѣ и даже на материкѣ;—надо ее блокировать и запретить ей вылазки на континентъ. Франція можетъ опасаться помѣхи со стороны Австріи — слѣдовательно, необходимо начать съ уничтоженія Австріи. Союзъ, заключенный съ нею, поставилъ политику на ложный путь и породилъ всѣ бѣдствія: единственное спасеніе отъ нихъ—союзъ съ Пруссіей. Вотъ суть этой теоріи, и въ этомъ ея ошибка. Въ дѣйствительности новая система—только противовѣсъ старой; она грѣшитъ тѣми же недостатками, какъ и прежняя; та же отвлеченная логика, примѣняемая къ государственнымъ дѣламъ; то же непониманіе политической необходимости и человѣческаго характера. Фавье обвиняетъ австрійскій союзъ въ томъ, что онъ нарушаетъ французскія традиции на сѣверѣ и востокѣ и жертвуетъ старыми союзниками и кліентами Франціи честолюбію австрійскаго дома. Съ этой стороны онъ правъ, но въ то же время поддается самому странному ослабленію, надѣясь, что Пруссія порветъ съ Россіей, соединится съ Швеціей, поможетъ туркамъ и поддержитъ въ Германіи, вмѣстѣ съ равновѣсіемъ мелкихъ государствъ, протекторатъ Франціи. Это значило требовать отъ Пруссіи того же, что требовалъ отъ Австріи Людовикъ XV, а именно, чтобы она перестала быть сама собой и на отвергаемый софизмъ отвѣчать самымъ страннымъ парадоксомъ.

Этотъ парадоксъ былъ въ духѣ времени и соответствовалъ ходу идей. Онъ опирался на традиции и въ то же время льстилъ страстямъ данной минуты. Бранденбургъ былъ однимъ изъ орудій политики Ришелье; прусскій король былъ философомъ. Каждая изъ его побѣдъ считалась успѣхомъ просвѣщенія: «просвѣщенные пруссаки выказывали такую глубокую ненависть къ Австріи, что никто въ Парижѣ не сомнѣвался въ ихъ расположеніи къ Франціи». «Человѣкъ,—говорилъ Ривараль,—всегда будетъ считать друзьями враговъ своихъ враговъ». Пруссія была естественной союзницей; укрѣпляя ее, Франція какъ бы укрѣпляла самую себя, испытывая, сверхъ

того, рѣдкое счастье работать для блага человѣчества и примирять политическіе расчеты съ философскими принципами»³⁾.

*Les Conjectures raisonnées*⁴⁾, главное сочиненіе Фавье, въ которомъ онъ сосредоточилъ все свое ученіе, было написано для Людовика XV. Фавье обращался къ государю, снисходительность котораго къ австрійскому дому была слишкомъ извѣстна, и не побоялся показаться непозволительно систематичнымъ и независимымъ въ своихъ положеніяхъ. Онъ былъ рѣзокъ, зная, что ухо короля весьма слабо воспримчиво. Это сочиненіе, написанное въ такомъ духѣ, что отъявленный приверженецъ союза прочелъ бы его невнимательно и неохотно, пожиралось публикой, крайне враждебной къ тому, на что нападалъ авторъ. Слова, разсчитанныя на то, чтобы расшевелить патріотизмъ Людовика XV, воспламенили страсти противниковъ его политики. Фавье сдѣлался ихъ божествомъ. «Всѣ предсказанія этого великаго человѣка являются пророчествами, оправданными временемъ», писалъ въ 1789 старый проконсулъ Пейсоннель⁵⁾. «Я съ дѣтства былъ вскормленъ статьями Фавье», говорилъ въ 1793 Семонвилль, уѣзжая въ Константинополь въ качествѣ посла. Мабли былъ весь проникнутъ ими и хотя былъ менѣе пристрастенъ къ Фридриху и не стоялъ такъ упорно за союзъ съ Пруссіей,

³⁾ Не будемъ презирать эти заблужденія иного времени. Нашъ вѣкъ знакомъ съ такими же, если не худшими, и источникъ ихъ еще не изсякъ. Все сказанное Фавье и его учениками о Пруссіи и человѣчествѣ—мы читали по поводу вопроса о національностяхъ, о савойскомъ домѣ и итальянцахъ, о Пруссіи и нѣмцахъ, о Россіи и славянахъ. Когда наконецъ поймутъ ту простую и полную здраваго смысла истину, которую умный человѣкъ и истинный французъ написалъ внизу одной изъ страницъ Фавье. «Политическій дѣятель въ Парижѣ не долженъ дѣлаться ни испанцемъ, ни англичаниномъ, ни австрійцемъ, ни пруссакомъ, ни русскимъ, ни туркомъ; онъ долженъ быть французомъ, расчитывать, что выгодно для отечества и устраивать для него союзы, принимая въ соображеніе время, относительное могущество иностранныхъ державъ, а въ особенности *тѣхъ, которые имъ руководятъ*». Примѣчаніе графа Сегюра въ изданномъ имъ сочиненіи Фавье: *Politique de tous les cabinets de l'Europe*, 1801.

⁴⁾ Фавье напечаталъ въ 1756 брошюру: *Doutes et questions sur le traité de 1756. Conjectures raisonnées sur la situation actuelle de la France dans le système politique de l'Europe* были написаны въ 1773, по просьбѣ графа Брольи (см. *Le secret du Roi*, t. II, ch. VIII). Многочисленные экземпляры этого сочиненія обращались въ Парижѣ. Оно было напечатано въ 1793 подъ названіемъ: *Politique de tous les cabinets de l'Europe*. Въ 1801 графъ Сегюръ сдѣлалъ новое изданіе съ комментаріями. Это—Фавье, критически разобранный ученикомъ Верженна. Бутарикъ воспроизвелъ текстъ *Conjectures raisonnées* съ большою частью этихъ примѣчаній въ *Correspondance secrète de Louis XV*. Paris, 1866.

⁵⁾ *Situation politique de la France, et ses rapports actuels avec toutes les puissances*, 1789.

однакоже подобно автору *Conjectures raisonnées* пришел к заключению, что Австрия—естественный враг, а Пруссия—необходимая союзница Франции ⁶⁾. Сулави распространял те же идеи в *Mémoires du maréchal de Richelieu*, «истории падения французской монархии», которые появились в 1790 ⁷⁾.

Но самым ярким пропагандистом новой политики, настоящим пророком революционной дипломатии был Рейналь. Афоризмы Фавье превратились у него в напыщенные фразы. Доктрина *Conjectures raisonnées* перешла к людям революции в высокопарных словоизвержениях *Histoire philosophique et politique des deux Indes* ⁸⁾. Несмотря на разницу в людях, можно сказать, что дипломатия, имевшая своего Монтескье, нашла своего Ришелье. Политики революции берут свое начало от Фавье, риторы, фантазеры и сектаторы—от Рейналя. Фавье создавал учеников, а Рейналь—прозелитов ⁹⁾. «Сюда европейские державы по очереди призываются на суд пред лицом всего человечества, чтобы содрогаться от ужаса при виде варварских жестокостей, совершаемых в Америке; призываются на суд философии, чтобы краснеть от предразсудков, среди которых они оставляют коснеть свои народы; к суду политики, чтобы понять свои действительные интересы, основанные на счастье народов». А между тем писатель, сказавший это в 1783, был враг софизмов и не терпел высокопарности ¹⁰⁾.

Здесь мы встречаем уже ту странную смесь воззваний к миру и воинственных речей, гуманных словоизвержений и воинственного задора, патристической экзальтации и космополитического энтузиазма, словом, то сочетание противоположностей, которое лежит в основе речей Конвента. Слушая эти странные и трескучие диамрамбы в честь Ришелье, неожиданно

⁶⁾ См. *Le droit public de l'Europe fondé sur les traités*, ch. XV (последнее издание). «Сражаясь за себя, прусский король будет сражаться за нас; сохраняя Силезию, он обеспечит нам Эльзас и Лотарингию и, быть может, мы поймем современем, что должны видеть в нем нашего естественного союзника.... Что бы ни говорил кардинал Берни, мы должны видеть в австрийском доме нашего естественного врага... Для блага Европы желательно сохранение прусского могущества». *Notre gloire et nos rêves*, 1778.

⁷⁾ См. SOULAVIE, *Mémoires*, t. I, предисловие.

⁸⁾ См. LIBRI, *Souvenirs de la jeunesse de Napoléon*, *Revue des deux Mondes*, 1842. Рейналь—один из тех авторов, сочинения которых входили в состав походной библиотеки Наполеона, когда он отправлялся в Египет. *Mémoires de Bourrienne*, Paris, 1829.

⁹⁾ Таким образом, по меткому замечанию одного современника, образовалось «дипломатическое сектанство». SÉGUR, *Commentaires aux doutes et questions de Favier*.

¹⁰⁾ RIVAROL, *De l'universalité de la langue française*.

прорывающиеся между двумя страницами высокопарных нападок на тиранов, предвкушаешь речи авторитетных демократов Комитета. «Монархиям нужны мир и безопасность, республикам—тревога и грозный неприятель. Риму нужен Кароагент». Однако Кароагент должен подчиниться или погибнуть. «Англичане, вы злоупотребили победой. Настал момент быть справедливыми, иначе этот момент будет минутой мести. Европа устала выносить тиранов, она вступает наконец в свои права!»—Вот как заговорил бы с ними тот Ришелье, которого все граждане должны ненавидеть, потому что он был кровавый убийца, потому что, желая быть деспотом, он прибегал к помощи палача, чтобы отблаться от врагов, но которого, как министра, государство должно чтить, потому что он первый указал Франции на ее величие и заставил ее заговорить в Европе тем тоном, который был приличен ее могуществу». Рейналь прибавляет даже, и мы увидим впоследствии, что якобинцы оправдали его слова: «Так бы сказал им тот Людовик XIV, который в продолжении сорока лет сумел быть достойным своего века, самые ошибки которого носили печать величия и который никогда, даже в несчастии и падении, не опозорил ни себя, ни своего народа».

Однако союзы, каковы бы они ни были, служат только орудием политик. Цель их—граница. Разсмотрим же, что такое была эта граница тогда и в каком виде представлялась эта вековая задача людям того времени.

X.

В 1789 постоянная цель политики Капетингов повидимому была близка к достижению. Несомненно, что северная граница была совершенно искусственна; но опыт доказал, что желтый пояс Вобана стоил рек и гор. Сверх того, важна не столько граница сама по себе, сколько те страны, которые она отделяет. В этом отношении никогда еще Франция не была так благоприятно поставлена в Европе, как теперь. По эту сторону, на французской почве—самая однородная нация, самое централизованное государство на всем континенте ¹⁾; по ту сторону—слабые или разединенные соседи. Австрийские Нидерланды, Бельгия и Люксембург, так сказать, открыты для завоевания: Франция может их занять, прежде

¹⁾ Датский министр иностранных дел, Бернсторф, писал в 1755: «Этот могущественный двор управляет почти с неограниченной властью самым обширным государством, которое когда-либо было в Европе со времени падения монархии Карла Великого». *Correspondance du comte de Bernstorff*, t. I, p. 111.

чѣмъ посланная изъ Вѣны на помощь армія выступить изъ наслѣдственныхъ земель австрійскаго дома. На востокъ мы встрѣчаемъ курфирстовъ, баварскаго палатина, герцога цвейбрикенскаго, мирныхъ, хилыхъ государей, обремененныхъ долгами или продажныхъ, естественныхъ кліентовъ Франціи, которая можетъ смѣло рассчитывать на ихъ нейтралитетъ, если не станетъ покушаться на цѣлость ихъ владѣній. Позади нихъ, за Рейномъ, лежитъ разъединенная Священная имперія, обширное тѣло безъ нервовъ и души, которое ничего больше не желаетъ, какъ мирно прозябать подъ охраною своихъ сосѣдей. Пруссія и Австрія ревниво охраняютъ ее отъ обоюдныхъ поползновеній на преобладаніе въ ней, и Франція, опираясь на мелкія государства, можетъ предписывать тамъ законы подъ однимъ условіемъ — не дѣлать въ ней захватовъ. Швейцарія нейтральна и дружественна. Алчность и страхъ заставляютъ Пьемонтъ держаться за Францію — алчность — потому что онъ желаетъ завладѣть Ломбардіею, и страхъ — потерять Савойю. Далѣе, въ раздѣленной между двумя соперничающими династіями Италіи, группа пармскихъ и неаполитанскихъ Бурбоновъ можетъ со временемъ, при умѣломъ руководствѣ, уравнивать австрійское могущество. Наконецъ, самый тѣсный договоръ, когда-либо заключаемый между двумя монархіями, соединяетъ Испанію и Францію.

При этихъ условіяхъ, политики спрашиваютъ себя: благоразумно ли ставить систематичною задачею для будущаго — постоянное увеличеніе государства. Отнынѣ становится очевиднымъ, что въ Европѣ никто не можетъ дѣлать завоеваній безъ посторонней помощи. Рѣшительнымъ доказательствомъ тому служить Польша. Но помощниками могутъ быть въ этомъ случаѣ только честолюбцы, которые, помогая другъ другу, становятся соперниками; выгода получается въ ущербъ слабымъ, которыхъ приносятъ въ жертву сильнымъ. Это значило бы уничтожить всю систему вестфальскихъ трактатовъ, которая основывается на преобладаніи Франціи на покровительствѣ государствамъ средней величины. Не лучше ли оставаться самой могущественной монархіей среди раздробленной Европы, чѣмъ дѣлать съ равными и вѣчно враждебными соперниками управленіе Европою, сведенной къ нѣсколькимъ крупнымъ государствамъ? Развѣ граница, хотя не точная въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но обставленная такимъ образомъ, не укрываетъ государства лучше, чѣмъ граница, научно очерченная, но за которой лежатъ монархіи съ сильной организаціей, вѣчно готовые выступить противъ Франціи? Такимъ образомъ благоразумные политики возвращаются къ правилу Этьена Паскье: «Чтобъ создать хорошія границы твоему королевству, ты долженъ, прежде всего, установить надлежащія границы своимъ надеждамъ и своему желанію».

Эта проблема, важнѣйшая изъ тѣхъ, которыя можно было задать для

будущности Франціи — не нова. Уже Людовику XIV Вобанъ и Тюреннъ совѣтовали брать съ помощью войны только то, что онъ могъ бы сохранить въ мирное время. «Если мы хотимъ долго держаться противъ столькихъ враговъ, то надо подумать о томъ, чтобъ не расширять нашихъ владѣній», писалъ Вобанъ въ 1676 ²⁾. Въ 1694 онъ предлагаетъ возвратить все, что было завоевано по ту сторону Рейна и въ Италіи ³⁾. Онъ говорилъ: «Если все, что находится по сю сторону Рейна, удобно для Франціи, то и по ту сторону его ничто ей не мѣшаетъ». Онъ не высказывался насчетъ обширности будущихъ завоеваній на лѣвомъ берегу Рейна. Это былъ чисто политическій вопросъ: время и случай могли рѣшить его. Но если Вобанъ отчетливо указывалъ на неосторожность нѣкоторыхъ завоеваній, если онъ намѣренно оставлялъ невыясненнымъ вопросъ о будущихъ завоеваніяхъ, то тѣмъ съ большею энергіею опредѣлялъ завоеванія необходимыя. Къ нимъ принадлежали: Страсбургъ, Люксамбургъ, Монсъ, линія отъ Ипра до Куртрэ. Возвратить эти мѣста, — «значило дать непріятелю ножъ, которымъ онъ перерѣжетъ намъ горло». «Страсбургъ нельзя отдать, какъ нельзя отдать Сенъ-Жерменское предмѣстье» ⁴⁾.

Вобанъ заботился только о прочномъ строѣ и хорошей защитѣ королевства. По его мнѣнію, это было главною цѣлью истинной политики, и этимъ должны были ограничиваться всѣ надежды. Въ слѣдующемъ столѣтіи надежды эти становятся еще уже, потому что политическій строй Европы дѣлаетъ всякое расширеніе затруднительнымъ и потому что положеніе внутреннихъ дѣлъ Франціи не позволяетъ ей пускаться въ рискованныя и опасныя предпріятія. Вотъ тотъ грустный выводъ, къ которому приходитъ д'Аржансонъ. До своего вступленія въ министерство, онъ сохранялъ надежду «исполнить нашу прекрасную задачу: не имѣть на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ другой границы, кромѣ Рейна». Послѣ двухлѣтняго опыта онъ пишетъ: «Теперь не время завоеваній... Франція можетъ быть довольна величиною и округленностью своихъ владѣній. Пора наконецъ начать управлять послѣ столь долгихъ заботъ о расширеніи предѣловъ, подлежащихъ управленію» ⁵⁾. Монтескье приходитъ къ тому же заключенію, но, разсматривая вещи съ болѣе возвышенной точки зрѣнія, не печалится ими. Онъ находитъ, что между величиною государствъ и ихъ составными частями существуетъ необходимая связь: природа опредѣлила ихъ границы не рѣками или горами, но характеромъ ея обитателей и экономическими интересами. Счастье Франціи, что ея обширность пропорціональна ея могуществу и умѣренному ха-

²⁾ C. Roussset, *Louvois*, t. II, ch. IX.

³⁾ «Города, отъ которыхъ король могъ бы отдѣлаться». *Oisivetés de M. de Vauban*, Paris, 1843. — ⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ *Mémoires*, t. I, p. 29, 371.

рактеру нації. Презмірно-обширною імперію трудно оборонять; она можетъ поддерживаться только съ помощью деспотизма. «Хотя мудрые монархи должны увеличивать свое могущество, но они должны уміть во-время остановиться. Разъ прекращаются неудобства, причиняемые малыми размѣрами, необходимо постоянно обращать вниманіе на неудобства, проистекающія отъ обширности»⁶⁾).

Этотъ взглядъ лежалъ въ основѣ мысли Верженна и онъ имѣлъ случай высказать его, когда Іосифъ II, чтобы убѣдить Францію—не препятствовать его захвату Баваріи, далъ понять, что заплатитъ за снисходительность частью Нидерландовъ. «Смѣю представить вашему величеству, говоритъ Верженнъ⁷⁾, что ничто не можетъ вознаградить за тотъ вредъ, который причинитъ всякое усиленіе австрійскаго дома; если даже онъ уступитъ вамъ всѣ Нидерланды и пріобрѣтетъ домены меньшихъ размѣровъ, то и тогда потеря будетъ поистинѣ велика, не говоря уже о потери въ смыслѣ общественнаго мнѣнія—самой прискорбной изъ всѣхъ». Это главнѣйшій пунктъ. Раздѣлъ Польши былъ ли злоупотребленіемъ стараго права или примѣненіемъ новаго? Порицать его или воспользоваться имъ? Какъ отнестись къ Фридриху? Восхищаться имъ, оправдать его, подражать ему, войти въ «сообщество съ нимъ и потребовать себѣ долю? Если въ Версали провозгласили во всеуслышаніе, что «всякая связь съ этой державой невозможна для тѣхъ, кто не хочетъ попирать ногами справедливость и гуманность»⁸⁾, то нельзя уже, подобно Іосифу II, принимать Пруссію за образецъ. Прирейскія страны весьма соблазнительны; онѣ превосходятъ приспособлены къ округленію Франціи⁹⁾, но надо подумать о послѣдствіяхъ присоединенія; вредъ, проистекающій изъ него, значительно пересилитъ выгоду. Франція очутилась бы лишенной политическаго направленія среди преданной анархіи Европы. Каждый считалъ бы себя въ правѣ слѣдовать примѣру другихъ, и единственнымъ принципомъ была бы выгода, а единственнымъ закономъ—сила. «Что будетъ съ Европой,—восклицаетъ Верженнъ,—если, чего не дай Богъ, эта чудовищная система когда-нибудь распространится? Всѣ политическія связи распадутся, общественная безопас-

⁶⁾ *Esprit des lois*, liv. IX, ch. VIII.

⁷⁾ Мемуаръ Людовику XVI, 12 апр. 1777. *Flassan*, t. VI, p. 126.

⁸⁾ Инструкція барону Бретейлю. 1774. *Recueil*, t. I, p. 495.

⁹⁾ «Если несчастныя обстоятельства когда-нибудь заставятъ ваше величество согласиться на раздѣлъ, то ваши виды должны естественно простираться на верхній Рейнъ. Политическія неудобства будутъ безконечно меньше, а выгоды реальнѣе; но при мысли о вопіющихъ несправедливостяхъ, которыя пришлось бы совершить, ни одна честная душа не можетъ остановиться на этомъ проектѣ». *Mémoire de Vergennes*. *Flassan*, loc. cit.

ность исчезнетъ, и Европа будетъ театромъ безпорядковъ и смутъ». Франція должна положить этому конецъ.

Она извлечетъ свою новую систему изъ тѣхъ самыхъ условій, которыя предписаны ея политикѣ, и въ тѣхъ причинахъ, которыя препятствуютъ ей расширяться; она найдетъ элементы новаго могущества или, лучше сказать, она будетъ продолжать свою традицію, примѣняя ее къ потребностямъ времени. Отрекаясь отъ завоеванія, Франція и другихъ принудитъ отказаться отъ него. Она станетъ велика своимъ безкорыстіемъ. Интересы второстепенныхъ государствъ, группирующихся вокругъ нее и покровительствуемыхъ ею, гарантируютъ ей ихъ союзъ, и тогда она станетъ во главѣ оборонительной коалиціи настолько сильной, чтобы принудить отступить всѣхъ честолюбцевъ. Окруженная такимъ образомъ, Франція сохранитъ свое мѣсто въ первомъ ряду, и Европа поможетъ ей на немъ удержаться. Она будетъ посредникомъ мира и отъ нея будетъ зависеть сохраненіе равновѣсія между державами, которое она не можетъ нарушить безъ ущерба для себя, какъ бы ни велика была доля, которую ей предлагаютъ»¹⁰⁾. Мудрость совѣтуетъ принять этотъ планъ, справедливость поддерживаетъ его, правильно понятая выгода требуетъ его осуществленія. Трудясь для всеобщаго мира, Франція трудится для своего собственнаго блага и обезпечиваетъ за собою первенство. «Франція, въ своемъ теперешнемъ составѣ,—такъ заключаетъ Верженнъ¹¹⁾,—должна скорѣе бояться, а не желать увеличенія. Всякія новыя пріобрѣтенія были бы тяжестью на окраинахъ и ослабляли бы центръ. Франція обладаетъ всѣмъ, что составляетъ истинное могущество: плодородной почвой, дорогими продуктами, безъ которыхъ не могутъ обойтись другія націи, покорными и усердными подданными, страстно преданному своему властелину и своей родинѣ. Находясь въ центрѣ Европы, Франція имѣетъ право вліять на всѣ великія дѣла. Ея король, подобно верховному судѣ, можетъ смотрѣть на свой тронъ, какъ на судилище, установленное Провидѣніемъ, чтобы заставить уважать права и владѣнія государей. Если ваше величество, тщательно работая надъ возстановленіемъ внутренняго порядка въ домашнихъ дѣлахъ, своею политикою внушите увѣренность, что ни жажда захвата, ни честолюбивое стремленіе не закрадутся въ вашу душу и что ваше величество желаете

¹⁰⁾ «Король долженъ смотрѣть на себя, какъ на опекуна слабыхъ государей. Эта политика въ продолженіе многихъ вѣковъ составляла величіе, безопасность и славу французскаго престола... Эта система, обезпечивающая вліяніе французской монархіи на всѣ европейскія дѣла, сдѣлалась для нея правомъ и долгомъ». *Mémoire du baron de Breteuil* 11 novembre 1784.

¹¹⁾ *Мемуаръ де-Кастри* отъ 5 января 1785 г. «Король, обладающій прекраснѣйшимъ королевствомъ въ мірѣ, не можетъ желать увеличенія территории на континентѣ».

только порядка и справедливости, то примѣръ вашего величества сдѣлаетъ больше, чѣмъ оружіе. Миръ и справедливость будутъ царить повсюду, и вся Европа будетъ признательна за благо, которому будетъ обязана мудрости, добродѣтели и великодушію вашего величества».

Никогда дипломатія не говорила такимъ возвышеннымъ языкомъ¹²⁾. Никогда не дѣлалось болѣе благороднаго предложенія справедливому государю. Здѣсь передъ нами рисуется совершенно новая черта: она отмѣчаетъ переходъ отъ стараго публичнаго права, разлагавшагося вслѣдствіе злоупотребленія его принципомъ, къ новому праву, которое стремилось освободиться отъ умозрѣній мыслителей и перейти отъ теоріи къ практической политикѣ. Чтобы измѣрить всю глубину подготовляющейся перемѣны, надо сравнить мотивы Верженна съ тѣми, которые нѣкогда руководили сѣверными дворами въ ихъ переговорахъ о Польшѣ; въ особенности сравнить съ тѣми, на которые ссылалось французское министерство въ 1740 г., въ видахъ раздробленія австрійской монархіи. Это уже не цинизмъ Фридриха, не язвительность Лувуа и не безпощадный расчетъ Ришелье. Теперь стараются найти въ общей пользѣ выгоду каждому: деспотизмъ государственной пользы смягчается, и соображенія чисто нравственнаго порядка замѣняютъ грубый реализмъ старой политики. Въ дипломатію проникаетъ нѣчто, отзывающееся *Духомъ Законовъ*.

«Король-завоеватель, безъ сомнѣнія, не могъ бы не сожалѣть объ утратѣ такого положенія,—писалъ Верженнъ въ началѣ царствованія Людовика XVI¹³⁾,—но король-гражданинъ можетъ только радоваться, что поставленъ въ обстоятельства, благопріятствующія его миролюбивымъ и благожелательнымъ видамъ». Духъ 1789 г. уже проявляется въ иностранной политикѣ. Учредительное собраніе будетъ впоследствии заявлять тѣ же мнѣнія.

Мирабо и Талейранъ, оба воспитанные въ этой школѣ, были проник-

¹²⁾ Сравните прекрасныя строки Ривароля: *Discours sur l'universalité de la langue française* 1783... «Франція, носящая въ своихъ нѣдрахъ средства къ обезпеченному существованію и безсмертнымъ богатства, поступаетъ противъ своихъ интересовъ, не понимаетъ своего собственнаго характера, когда предается духу завоеваній. Ея вліяніе на войну и миръ такъ велико, что, сознавая за собою власть даровать то и другое, она должна испытывать сладкое чувство при мысли, что держитъ въ своихъ рукахъ вѣсы имперій и можетъ сливать воедино спокойствіе Европы и свое собственное. По своему географическому положенію, она прилегаетъ ко всѣмъ государствамъ, законное пространство, занимаемое ею, не переступаетъ ея естественныхъ границъ. Итакъ, Франція должна оберегать и быть оберегаемой: вотъ что отличаетъ ее отъ всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ».

¹³⁾ VERGENNES. *Instruction de Breteuil* 1774. *Recueil*, t. I, p. 487.

нуты этими принципами, когда появились въ Собраніи. Чтобы совершить великія реформы, необходимъ внѣшній миръ. Мирабо считалъ Францію неистощимой¹⁴⁾; чтобы возратить ей былой блескъ, надо только дать ей время оправиться. «Внутренняя сила есть самая существенная часть внѣшней политики,—писалъ онъ въ 1787 г.¹⁵⁾.—Я уже давно сказалъ, что дѣла Франціи будутъ идти дурно до тѣхъ поръ, пока министръ иностранныхъ дѣлъ будетъ въ ней главнымъ министромъ». Мирабо порицаетъ раздѣлы, находя ихъ безчестными, скандальными и вредоносными. Онъ думаетъ, что Пруссія достаточно сильна, что способствовать ея увеличенію неблагоприятно, что надо сохранить Германію, какъ главный элементъ того равновѣсія, которое даетъ преобладаніе Франціи. Что касается союзовъ, то онъ, вопреки всѣмъ предразсудкамъ, склоняется къ союзу съ Англіей; обѣ націи, создавая у себя одинаковыя учрежденія, будутъ имѣть равную выгоду защищать ихъ; торговый договоръ между ними, соединяя въ одно ихъ интересы, удесатеритъ ихъ силы съ помощью конкуренціи; освобожденіе испанскихъ колоній, какъ слѣдствіе освобожденія англійскихъ, откроетъ громадныя рынки для сбыта; ихъ соперничество успокоится въ Новомъ Свѣтѣ, и они раздѣлятъ власть надъ нимъ и эксплуатацію его богатствъ¹⁶⁾.

Талейранъ руководится подобными же идеями. Раздѣлъ Польши привелъ его въ негодованіе и открылъ ему глаза¹⁷⁾. Франція, по его мнѣнію, должна отнынѣ отказаться отъ старинныхъ идей *первенства и примиренія*: «Истинное богатство состоитъ не въ захватѣ чужихъ владѣній, но въ томъ, чтобы увеличить цѣнность своихъ хорошимъ управленіемъ». Тѣ, которыми владѣетъ Франція, достаточно обширны для нея, и расширять ихъ было бы опасно для нея и для европейскаго мира¹⁸⁾. Такія воззрѣнія лежали въ основѣ политики Бартеlemi, человека одареннаго тактомъ и здравымъ умомъ, который будетъ въ 1795 г. настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ республики, счастливымъ и искуснымъ посредникомъ при заключеніи Базельскаго мира¹⁹⁾.

¹⁴⁾ «Франція, въ которой природа сдѣлала все для правительства вопреки ему самому; Франція — это королевство, въ которомъ и люди и деньги неистощимы, если только сумѣютъ выпросить послѣднія и пустить въ дѣло первыхъ». *Histoire secrète de la cour de Berlin*, juin 1786, t. I, p. 40, Paris. 1789.

¹⁵⁾ *Lettres à un des ses amis en Allemagne* (Mauvillon), Brunswick 1792. Письмо отъ 17 января 1787.

¹⁶⁾ *Histoire secrète*, t. II, p. 157.—*Lettres à Mauvillon*, 5 сентября 1786.

¹⁷⁾ *Essais d'histoire et de critique: Talleyrand au congrès de Vienne*. См. *Correspondance de Talleyrand et de Louis XVIII*, publiée par PALLAIN p. 311. Paris. 1880.

¹⁸⁾ *Mémoire de novembre 1792*. Affaires étrangères.

¹⁹⁾ Бартеlemi, племянникъ автора *Анахарсиса*, родившійся въ 1747 г.,

Итакъ, Франція въ моментъ своей революціи могла основать миръ, въ которомъ нуждалась, на уваженіи къ провозглашаемымъ ею правамъ и примирить свои новыя начала публичнаго права со своими постоянными интересами въ Европѣ. Въ этомъ случаѣ теорія рѣдкимъ образомъ подтверждалась опытомъ. То, что наиболѣе проницательнымъ политикамъ стараго порядка подсказывала хорошо понимаемая выгода, благоразуміе и разсудительность, идеалистамъ-законодателямъ революціи подсказывалъ чистый разумъ. Первый ихъ принципъ—суверенитетъ народа, и какъ выводъ изъ него—право націй располагать своей участью. «Государственные обмѣны такое же безчестное дѣло, какъ округленія,—писалъ Мирабо въ своей книгѣ *Monarchie prussienne*²⁰⁾;—производить такіе обмѣны, не спрашивая жителей, значить совершать актъ насилія и тиранніи». Все народное право 1789 г. резюмируется въ этой фразѣ. Одного добросовѣстнаго примѣненія этого принципа достаточно, чтобы предупредить всѣ злоупотребленія, къ которымъ ведутъ завоеванія; но они хотятъ предупредить самую возможность завоеванія. Намѣренія могутъ мѣняться, практическая мудрость и совѣты эмпиризма не представляютъ безусловныхъ гарантій; политика великаго государства должна руководствоваться «простыми и неоспоримыми принципами»²¹⁾, положительными правилами, ненарушимыми обязательствами: законодатели 1789 г. поставлены были въ необходимость превратить предложенія Верженна въ торжественные декреты и сдѣлать отреченіе отъ завоеваній основнымъ закономъ государства²²⁾.

Это—последнее слово и почти парадоксальное заключеніе политики умѣренности. Ни Франція, ни Европа еще не созрѣли для такой радикальной реформы въ ихъ политическихъ нравахъ. Духъ прозелитизма быстро воцарился въ революціи; духъ завоеванія продолжалъ управлять Европой. Въ результатъ возникла ожесточенная война. Патріотизмъ французовъ помогъ имъ отстоять ихъ независимость; разьединеніе, царившее въ Европѣ, дало республиканцамъ возможность завоевать ее, а энтузіазмъ послѣднихъ довершилъ завоеваніе. Когда въ 1795 г. миръ сдѣлался возможнымъ, то конституціонисты 1789 г. давно исчезли со сцены и отъ духа, которымъ они были проникнуты, не осталось слѣдовъ. Ихъ замѣнили грозные легисты, облеченные въ желѣзо и вооруженные имъ,—прямые потомки *рыцарей*

былъ секретаремъ при посольствѣ Верженна въ Швецію; съ 1784 г. онъ былъ при посольствѣ въ Лондонѣ.

²⁰⁾ Т. VI, liv. VIII, заключеніе.

²¹⁾ Предисловіе къ конституціи 1791 г.

²²⁾ «Французская нація отрывается отъ всякой войны съ цѣлью завоеваній и никогда не употребитъ свою силу для посягательства на свободу какого бы то ни было народа». Декретъ 22 мая 1790 г., ст. 4. — Конституція 1791 г.

отъ закона (*chevaliers ès lois*) Филиппа Красиваго, крайніе ученики Ришелье, черезчуръ усердные продолжатели системы Лувуа. Они относятъ къ народу все то, что относили къ его величеству государю; они будятъ въ немъ жажду славы, толкаютъ на войну и на его страстяхъ основываютъ власть, которою пользуются во имя народа. Въ сборникѣ «О правахъ короля» ищутъ они комментарія къ правамъ націй, и такимъ образомъ политика мира и умѣренности уступила мѣсто политикѣ завоеваній.

XI.

Исторія распространяетъ традицію этой политики въ народѣ. Соображенія, сдерживающіе политиковъ, не останавливаютъ ученыхъ. Государственнымъ людямъ приходится вступать въ сдѣлку съ фактами; ученые заботятся о сохраненіи правъ и уничтоженіи давности. Донъ-Мартинъ Букэ издаетъ въ 1738 г. первый томъ *Recueil des historiens des Gaules et de la France*: въ предисловіи онъ напоминаетъ, что «наша Галлія, т. е. то, что собственно называется Галліей, заключалось между океаномъ, Средиземнымъ моремъ и Альпами и простиралось отъ Пиренеевъ до береговъ Рейна». Права и притязанія, традиціи и трактаты, всѣ документы и всѣ бумаги, относящіяся до процедуры, ничто не забыто въ сочиненіи, которое становится настольной книгой историковъ Франціи¹⁾ и архивомъ для ея дипломатовъ: это—*Bibliothèque historique* Лелона. Авторъ открылъ для государственныхъ людей и политическихъ юристовъ весь арсеналъ сохранившихся старыхъ королей. Въ статьѣ, посвященной правамъ французской короны на сосѣднія государства, упоминается не менѣе чѣмъ о 360 сочиненіяхъ, напечатанныхъ или рукописныхъ. Обсуждая въ 4-й книгѣ своего сочиненія *Гражданскую исторію Франціи*, онъ включаетъ въ послѣднюю «всѣ провинціи, которыя нѣкогда зависѣли отъ нея какъ отъ древней Галліи». Ихъ можно раздѣлить на три категоріи, говоритъ онъ: «Однѣ составляютъ двѣнадцать генеральныхъ намѣстничествъ... другія, зависѣвшія нѣкогда отъ Франціи, были вновь присоединены послѣдними королями; наконецъ есть такія, которыя не входятъ въ настоящее время въ составъ королевства». Съ 1727 до 1751 г. Бужанъ рассказываетъ о переговорахъ семнадцатаго вѣка: его исторія Вестфальскаго трактата раскрываетъ во всей ихъ обширности планы, составляемые обоими кардиналами съ цѣлью расширенія Франціи²⁾. Въ 1764 г. Фонсманъ издаетъ *Testament politique*

¹⁾ P. LELONG. *Bibliothèque historique de la France*, I vol. Paris. 1719.

²⁾ Говоря о видахъ Мазарини на Нидерланды (Бельгію), Бужанъ прибавляетъ: «Онъ съ удовольствіемъ излагалъ великія выгоды, которыя Франція должна была извлечь изъ этого и для внѣшнихъ, и для внутреннихъ дѣлъ и, проникая въ будущее, чтобы предвкусить заранѣе плоды такой счастливой

Ришелье, изъ котораго до сихъ поръ были извѣстны неточные отрывки. Принципы великаго министра распространяются повсюду. Ихъ страстно обсуждаютъ. Наконецъ, Вольтеръ своимъ *Опытъ о нравахъ и Вѣкомъ* Людовика XIV озаряетъ этотъ вѣкъ домогательствъ и завоеваній сверкающимъ блескомъ своего ума.

Традиція никогда не исчезала изъ народнаго сознанія. Вотъ характерная фраза, подтверждающая послѣднее. Въ 1748 г. появился пасквиль, обвинявшій Францію за то, что она не присоединила Бельгii. «Невозможно, пишетъ д'Аржансонъ, сохранить это прекрасное завоеваніе на зло всей Европѣ, которая уже и безъ того завидуетъ Франціи. Это только чернь можетъ имѣть такіа необдуманныя желанія!»³⁾

Правительство очень неохотно отказывалось отъ нихъ. Оно присоединило Лотарингію и всегда мечтало о Нидерландахъ. Бельгія, которая предназначалась въ награду Франціи, когда Людовикъ XV помогалъ Пруссiи завоевать Силезію, должна была служить вознагражденіемъ и тогда, когда Людовикъ XV, мѣняя политику, брался возвратить Силезію Австріи. Это было главною цѣлью Берни при составленіи трактатовъ 1756 и 1757 г.⁴⁾, это было также цѣлью тѣхъ, которые критиковали австрійскій союзъ и проектировали новую комбинацію, противоположную этому ненавистному союзу⁵⁾. Оккупация и завоеваніе Бельгii и Люксембурга составляли тогда общую основу всѣхъ политическихъ плановъ.

Поддерживаемая изученіемъ классиковъ, возобновляемая историками, распространяемая литераторами, преподаваемая въ военныхъ школахъ, сохраняемая въ архивахъ парламента,—традиція передавалась такимъ путемъ двумъ классамъ людей, имѣвшимъ наибольшее вліяніе на внѣшнюю политику французской революціи,—легистамъ и военнымъ. Они дошли до нихъ въ упрощенномъ и очищенномъ анализомъ видѣ, безъ малѣйшей подмѣси умо-

вой политики, онъ видѣлъ уже въ своемъ воображеніи Парижъ центромъ королевства, Францію, округленную со всѣхъ сторонъ и защищенную непроницаемыми границами, недовольныхъ и бунтовщиковъ—усмиренными, благодаря отсутствію убѣжища, Англію—безсильную вредить, соединенныя провинціи—поставленныя въ необходимость бережно относиться къ Франціи и даже, можетъ быть, принужденныя, вслѣдствіе своихъ внутреннихъ раздоровъ, подчиниться ея преобладанію». Кн. 5, гл. III.

³⁾ EDGAR ZÉVORT. *Le Marquis d'Argenson*, p. 409. Paris. 1880.

⁴⁾ См. у BERNIS *Mémoires* t. I, p. 211, планъ занятія Бельгii въ случаѣ войны съ Австріей, t. I, p. 285, о выгодахъ, которыя рассчитывали извлечь изъ союза съ Австріей.—t. I, p. 375 и 469—переговоры о трактатѣ 1-го мая 1757 по поводу предполагаемой уступки части Нидерландовъ. *Recueil des instructions*, Autriche p. 355, 362, 365, инструкція графу Стэнвиллю 1757; 386 инструкція графу де-Шуазёлю 1759.

⁵⁾ FAVIER. *Doutes et questions sur le Traité 1756*, Article II, section II.

зрѣній. Между системой Вобана и Монтескье и блестящимъ планомъ завоеванія, который былъ въ теченіе вѣка любимой національной мечтой, разница только въ размѣрахъ и современности. Съ той и другой стороны приводятся одни и тѣ же реальные мотивы и практическія соображенія. Необходимость нападенія и защиты для военныхъ, необходимость внутренняго управленія для политиковъ, необходимость европейскаго мира для дипломатовъ—вотъ единственные элементы, которые подвергаются обсужденію. Въ опредѣленіи крайнихъ границъ полное согласіе; Савойя и Ницца, съ одной стороны, Маасъ и Рейнъ—съ другой. Приобрѣтеніе лѣваго берега Рейна ни для кого не составляетъ прямой и опредѣленной политической цѣли. Эта цѣль идеальная, возможная только въ будущемъ, какъ завершеніе длиннаго ряда завоеваній. Если еще продолжали ставить эту цѣль, то лишь потому, что всему долженъ быть положенъ предѣлъ, а этотъ—какъ будто обозначенъ географіей, исторіей и политикой. Самое простое размышленіе показываетъ, что если опасно доходить до этого пункта, то, или далѣе этого конечнаго предѣла, Франція переступитъ мѣру могущества, согласнаго съ равновѣсіемъ всѣхъ европейскіхъ силъ, что она перешагнетъ за границу домена, которымъ можетъ съ успѣхомъ управлять, защищать и охранять. Достигнувъ этой границы, можно остановиться, стать въ оборонительное положеніе и, удовлетворившись своими великими завоеваніями, не позволять никому другому совершать подобныхъ. Въ мемуарѣ, составленномъ для короля однимъ изъ рекетмейстеровъ его государственнаго совѣта, стоитъ: «Франція дѣйствительно должна считать своей настоящей границей Рейнъ и никогда не думать о завоеваніяхъ въ Германіи. Еслибы она поставила себѣ правиломъ не переступать какъ этой преграды, такъ и тѣхъ, которыя природа поставила ей со стороны запада и юга: океанъ, Пиренеи, Средиземное море, Альпы, Маасъ и Рейнъ, она сдѣлалась бы посредницей Европы и была бы въ состояніи охранять миръ, а не нарушать его»⁶⁾.

Но для того, чтобъ осуществить эти прекрасные планы и заставить Европу принять ихъ, надо или покорить ее цѣлкомъ, что представляется невозможнымъ, или разъединить ее, т. е. создать себѣ въ ней друзей и союзниковъ. Наслѣдствомъ же послѣ побѣжденныхъ можно платить по счетамъ. Есть врагъ, котораго необходимо побѣдить и раздробить на части—это Австрія; есть союзникъ, который, повидимому, всегда готовъ участвовать въ выгодномъ дѣлѣ, отзывается на всякій намекъ на завоеваніе и склоненъ къ раздѣламъ—это Пруссія. Церковныя территоріи Германіи уже не разъ служили, въ подобныхъ случаяхъ, добавочной статьёй для пополненія вѣса и возстановленія равновѣсія. Въ крайнемъ случаѣ, есть вѣдъ

⁶⁾ *Nouveaux intérêts des princes de l'Europe*. MANDAT, Archives des Affaires étrangères.

Польша; у нея нѣтъ болѣе границъ, это, такъ сказать, государство вакантное: можно закрыть глаза и предоставить Пруссіи дѣлать съ нею все, что она захочетъ.

Вотъ условія завоевательной политики; генералы республики и легисты Конвента переносятъ традицію этой политики въ лагеря и комитеты. Но поколѣніе, къ которому они принадлежатъ,—поколѣніе философовъ. Оно порицаетъ войну, порицаетъ завоеванія, оно хочетъ построить на непоколебимыхъ основахъ государство и отношенія между человѣческими обществами: оно провозглашаетъ суверенитетъ націй и неотъемлемость ихъ правъ. Оно не желаетъ болѣе заключать сдѣлки ненадежныя, какъ та интрига, которая ихъ устраиваетъ, и корысть, которая ихъ регулируетъ. Нужны соглашенія, основанныя на абсолютномъ, первичномъ, очевидномъ правѣ: миръ, заключаемый для счастья человѣчества, долженъ быть вѣченъ. Совершеннѣйшая простота расчетовъ Ришелье недоступна этимъ сложнымъ умамъ, они не желаютъ быть коварными. Для нихъ недостаточно ссылаться на факты, они ссылаются на права; недостаточно историческаго права, они ссылаются на право естественное. Ученіе ихъ требуетъ, чтобъ выгода согласовалась со справедливостью и государственная польза—съ чистымъ разумомъ.

Эта проблема однако допускаетъ только одно честное рѣшеніе. Оно невольно входитъ въ сознаніе всѣхъ философовъ, и французская революція дѣлаетъ изъ него одно изъ своихъ благороднѣйшихъ правилъ испрашивать согласія народовъ и присоединять къ государству лишь тѣ, которые того желаютъ. Принципъ вѣренъ, но примѣненіе его крайне неудобно. Могутъ встрѣтиться непокорныя населенія. Возможно также, и это всего вѣроятнѣе, что иностранные государи, съ которыми заключаются сдѣлки и раздѣлы, откажутся принять, когда это коснется ихъ интересовъ, принципъ, опровергающій ихъ авторитетъ. Къ счастью, учителя предвидѣли этотъ случай, и какъ ни всеобщъ и абсолютенъ принципъ верховенства націй, есть другой еще болѣе, если возможно, общій и абсолютный, который царитъ самодержавно. Послушаемъ, что говоритъ Рейналь ⁷⁾. «Передъ судомъ нравственности всегда будетъ считаться преступленіемъ продавать или дарить гражданъ чужому государству. По какому праву, въ самомъ дѣлѣ, государь можетъ распоряжаться народомъ, не желающимъ мѣнять властелина? Чѣмъ должны быть націи? всѣмъ или ничѣмъ? И развѣ короли ничѣмъ не обязаны націямъ? Что означаетъ народное право? Басается ли оно однихъ государей?» Тѣмъ не менѣе на практикѣ народное право не всегда ясно: подъ вліяніемъ вѣроломныхъ совѣтовъ или отупѣвъ отъ продолжительнаго деспотизма, націи могутъ иногда ошибаться въ самихъ себѣ. Рейналь преподастъ тѣмъ, кто дер-

⁷⁾ *Histoire philosophique*, liv. XVI, ch. VII.

жить въ своихъ рукахъ ихъ судьбу, непогрѣшимое правило: «Благо и счастье народа, вотъ тотъ высшій законъ, отъ котораго зависятъ всѣ другіе, и который не признаетъ ничего выше себя».

Но этотъ законъ, который выдаютъ за высшій—очень неясенъ. Кто будетъ его толковать? Кто урегулируетъ этотъ опасный вопросъ о завоеваніяхъ и кто обозначитъ предѣлы? Дѣло идетъ о томъ, чтобъ начертить тѣ границы общественнаго блага, на которыя Европа не можетъ заявлять притязаній и дальше которыхъ Франція никогда не пойдетъ. Отъ нихъ будетъ зависѣть миръ вселенной, онѣ будутъ неизмѣнны: чтобъ ихъ опредѣлить—надо руководствоваться принципомъ, который сталъ бы выше произвольныхъ комбинацій политиковъ, эгоистическихъ страстей завоевателей, даже ослабленія населеній, не знающихъ своихъ правъ. Авторъ *Contra social* опредѣлитъ этотъ принципъ, почерпнутый, какъ и другіе главные принципы, изъ источника всякой мудрости и добродѣтели—природы ⁸⁾. «Положеніе европейскихъ горъ, морей и рѣкъ, которыя служатъ границами для живущихъ въ нихъ націй, повидимому опредѣляетъ численность и величіе послѣднихъ, и можно сказать, что политическій порядокъ этой части свѣта, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, есть дѣло самой природы... Это не значить, что Альпы, Рейнъ, море и Пиренеи представляютъ неодолимые преграды честолюбію, но эти препятствія поддерживаются другими, которыя усиливаютъ ихъ или возвращаютъ государства въ прежніе предѣлы, если чьи-нибудь мимолетныя усилія отклонили ихъ оттуда».

Запомнимъ эти правила, въ нихъ весь духъ Конвента въ дѣлѣ европейскаго международнаго права. Рѣчи Дантона и доклады комитета III года не что иное, какъ разсужденія на ту же тему. Члены Конвента, провозглашая конституцію республики, другимъ декретомъ опредѣляютъ ея окончательныя границы. Такъ какъ права націи берутъ свое начало въ природѣ, то пользованіе этими правами кончается тамъ, гдѣ сама природа поставила имъ предѣлы. Доктрина, которая изъ принциповъ естественнаго права извлекла и публичное право республиканской Франціи, основываетъ народное право на принципѣ естественныхъ границъ.

Эти границы, начерченные природою, и суть тѣ самыя границы, которыя намѣчены были преданіемъ и которыя въ теченіе многихъ вѣковъ лорисовывала исторія. То самое, что изученіе минувшаго подсказывало политикамъ, размышленіе подсказываетъ и философамъ; эмпиризмъ однихъ ведетъ къ тѣмъ же выводамъ, какъ и рационализмъ другихъ,—а выводы эти тѣ самыя, которые, начиная съ четырнадцатаго вѣка, послѣдовательно извлекались изъ права феодальнаго, изъ права римскаго и изъ трактатовъ.

⁸⁾ *Extrait du projet de paix perpétuelle de l'abbé de Saint-Pierre*, 1760.

XII.

Однако, несмотря на обширность этих проектов, это были только планы «обыденной войны» (*la guerre commune*). Великая война (*guerre de magnificence*) имѣть также свою традицію, которую необходимо опредѣлить, такъ какъ наступить чередъ и для ея преобладанія. Къ началу 1789 крупные честолюбивые замыслы являются, какъ всегда и повсюду, подъ двумя формами: утопией и парадоксомъ—вѣчный миръ, всемірная монархія; и то и другое какимъ-то чудомъ уживается съ новымъ духомъ времени. Какой-нибудь политическій утопистъ, напримѣръ Сійесъ, мечтаетъ перестроить всю Европу, оставивъ въ ней однѣ республики; организовать ихъ всѣ на одинъ ладъ, затѣмъ составить изъ нихъ союзъ и, съ помощью сложной игры замысловатыхъ учреждений, установить между ними полную гармонию. Онъ не замѣчаетъ, что, вставляя въ эту однообразную форму столь различныя по характеру и происхожденію націи, онъ можетъ подчинить ихъ своей системѣ только съ помощью силы. Сійесъ, думая перенести въ Европу Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты,—воскрешаетъ въ ней Римскую Имперію. Подготавливаемый имъ миръ—это римскій миръ, августѣйшій, который у древнихъ народовъ происходилъ не изъ уваженія къ ихъ взаимной независимости, но изъ общаго подчиненія одному властелину. Такъ какъ подобный переворотъ можетъ совершиться не иначе, какъ путемъ завоеванія, то наиболѣе счастливый или наиболѣе ловкій завоеватель займетъ тронъ, всѣ пути къ которому ему такъ остроумно облегчили.

Роковой проектъ измѣнить составъ Германіи гнѣздится уже во многихъ умахъ. Собираются упростить карту Европы, группировать націи. Уже не императоровъ и королей, какъ прежде, а народы и республики хотятъ создать въ старой Германіи. Запутанная мозаика Священной имперіи оскорбляетъ геометрическіе умы. Это полуцарственное дворянство и всѣ атрибуты феодализма скандализуютъ умы юристовъ. Философскіе умы не могутъ долѣе выносить зрѣлище церковныхъ правительствъ. «Нѣмцы жалуются, говоритъ Рейналь,—что, нося одинаковое имя, говоря однимъ языкомъ, образуя цѣльную націю, управляясь однимъ вождемъ, они, какъ имперія, не обладаютъ ни тѣмъ могуществомъ, ни тѣмъ значеніемъ, которое должны были бы имѣть»¹⁾. Почему бы нѣмцамъ не образовывать націи и государства подобнаго Франціи? Почему бы большимъ владѣтельнымъ домамъ не сдѣлать для счастія германскаго народа того, что Капетинги сдѣлали во Франціи? Нашлись французы, которымъ понравилась эта идея. Одинъ изъ

¹⁾ *Histoire philosophique*, t. XIX, ch. II.

нихъ пишетъ, что Австрія и Пруссія, «эти счастливныя державы, поглотили бы всѣ низшіе и паразитныя суверенитеты: курфиршества, архіепіскопства, аббатства, баронетства Германіи подвергнутся той же участи, какой подверглись во Франціи герцогства, графства, маркизаты, и страна вмѣсто того, чтобъ выносить тираннію въ мирное и разореніе въ военное время во имя двухъ тысячъ призрачныхъ государей, будетъ выносить тяжесть только двухъ троновъ, которые ради собственной выгоды, должны будутъ заботиться о ея спокойствіи»²⁾.

Той же болѣзнью страдаетъ Италія и требуетъ того же леченія, но прежде надо выгнать изъ нея иностранцевъ и освободить итальянцевъ отъ нѣмецкаго ига. Еще Карлъ VIII составилъ этотъ проектъ, бывшій однимъ изъ параграфовъ *великаго замысла*, который и Сюлли внушалъ Генриху IV: онъ предлагалъ выкромить для савойскаго дома королевство изъ Ломбардіи, Пармы и Монферрата и затѣмъ сгруппировать вокругъ папы союзныя итальянскія государства. Бальзакъ въ своей книгѣ *Le Prince* очень высоко чтитъ Людовика XIII за его попытку освободить Италію отъ ея «тирановъ». Вобанъ былъ того мнѣнія, что эта прекрасная политическая комбинація дастъ Франціи Савойю³⁾. Шовленъ снова выдвинулъ этотъ проектъ въ 1733,—это же было господствующей идеей министерства д'Аржансона. «Давно уже въ Европѣ не обсуждалось такого крупнаго дѣла,—пишетъ онъ въ своихъ *мемуарахъ*»⁴⁾—какимъ въ настоящее время представляется образованіе республики или вѣчнаго союза итальянскихъ государствъ, подобно тому, какъ существуетъ германскій, батавскій и швейцарскій». Онъ желалъ, чтобъ въ Италіи былъ сеймъ и чтобъ главою лиги былъ сардинскій король, словомъ, Франція устраивала вторую Германію у самыхъ дверей своихъ⁵⁾. Республиканцы воспользовались этими предложеніями; стоило только переставить слова, чтобъ изъ этихъ монархическихъ плановъ извлечь идею освобожденія итальянскаго народа и образованія у него федеративной республики.

Но для чего возрождать Италію и дѣлать ее союзницей, если не для того, чтобъ открыть Франціи дорогу къ Востоку и пути къ великимъ завоеваніямъ? Это—«задняя мысль» всѣхъ мечтателей и прожекторовъ. Лейбницъ, какъ истый нѣмецъ, желая удалить французовъ отъ Рейна, пытался искутить Людовика XV, внушая ему идею побѣдить турокъ и получить въ награду Египетъ. Д'Аржансонъ, раздумывая о паденіи оттоманской имперіи въ 1738, проектировалъ замѣнить господство невѣрныхъ—господ-

²⁾ LINGUET, *Annales politiques*, 1777—1792, t. IV.

³⁾ *Oisivetés de M. de Vauban*.

⁴⁾ Tome IV, p. 266, 464.

⁵⁾ См. въ *Mémoires d'Argenson*, проекты трактата 1745.

ством нѣсколькихъ христіанскихъ государствъ, при которыхъ «вновь расцвѣтеть древняя Греція и чудный нильскій край». Посадятъ королей въ Грецію, въ Македонію, Палестину, Сирію, Египетъ, даже въ Марокко и Варварійскія владѣнія, а во главѣ этихъ королей будетъ стоять императоръ, имѣющій резиденціей Константинополь. Наконецъ, «соединять каналомъ Левантское море съ Краснымъ». Екатерина Великая, выступивъ противъ турокъ въ 1768, воспользовалась благосклонностью, которою пользовались эти заманчивые планы. Вольтеръ страстно увлекался дѣломъ Греціи ⁶⁾; Шенье сдѣлалъ его дѣломъ всѣхъ поэтовъ ⁷⁾.

Между тѣмъ политики думаютъ о барышахъ и Египетъ продолжаетъ ихъ соблазнять. Увѣряютъ, что еще Шуазель имѣлъ его въ виду и что взятіе Корсики—только первый этапъ этой экспедиціи. Въ 1782 Иосифъ и Екатерина обдумываютъ свой обширный планъ раздѣла Турціи, рассчитывая задобрить Францію Египтомъ. «Я думаю,—писалъ императоръ,—хотя не имѣю полной увѣренности, но предполагаю, что есть средство убѣдить французскій дворъ, предоставивъ ему, подъ благовидными предлогами, завладѣть землями Порты и въ особенности Египтомъ» ⁸⁾. Шесть лѣтъ спустя, въ 1788 г., Вольней ⁹⁾, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, разоблачилъ передъ публикой эти проекты и препія, которымъ они подверглись въ королевскомъ совѣтѣ, гдѣ былъ поднятъ вопросъ, не принять ли участіе въ раздробленіи Турціи, такъ какъ помѣшать ему Франція не въ состояніи, причемъ одни называли Морею и Кандію, другіе Кипръ и, наконецъ, третьи указывали на Египетъ. «Одно, что можетъ вознаградить Францію,—говорили они,—одно, что достойно ея честолюбія, это—обладаніе Египтомъ... Египетъ приведетъ насъ къ Индіи, мы возобновимъ старинный путь черезъ Суэцъ и путь къ мысу Доброй Надежды опустѣетъ».

Эти грандіозныя мечты волновали умъ Бонапарта, когда онъ проникъ въ Италію. Востокъ притягивалъ его и увлекалъ за моря и горы. «Въ двадцать четыре часа можно пріѣхать отсюда въ Македонію», писалъ онъ изъ Анконы. И нѣсколько времени спустя, обнаруживая вполнѣ свою мысль, онъ прибавилъ: «Для того, чтобъ дѣйствительно уничтожить Англію,

⁶⁾ См. *La question d'Orient au dix-huitième siècle*, p. 59.

⁷⁾ Salut, dieux d'Euxin, Hellé, Sestos, Abyde,
Et nymphe du Bosphore et nymphe propontide,
Qui voyez aujourd'hui du barbare Osmanlin
Le croissant oppresseur toucher à son déclin.

Elégie orientale, 1784.

⁸⁾ Изъ письма Иосифа къ Екатеринѣ II, отъ 13 ноября 1782.—ARNETH, *Joseph II und Catherine von Russland*.

⁹⁾ *Considerations sur la guerre des Turcs*, 1788.

надо завладѣть Египтомъ» ¹⁰⁾. Онъ это и выполнилъ и, будучи послѣдовательнымъ, рѣшилъ идти на Константинополь: «Я низвергну оттоманскую имперію, отыщу свое мѣсто въ потомствѣ и, можетъ быть, тогда вернусь въ Парижъ черезъ Вѣну, уничтоживши австрійскій домъ» ¹¹⁾.

То, что сдѣлалъ Бонапартъ, превзошло «грандіозностью» все, что самое пламенное воображеніе могло придумать со времени Карла Великаго. Героическій эпосъ стараго императора сталъ былію и, осуществляясь, такъ сказать, превзошелъ самого себя. Еслибъ въ 1790 предсказали какому-нибудь члену учредительнаго Собранія, влюбленному въ народныя вольности, какому-нибудь мудрому и умѣренному ученику Верженна, напр. Таллейрану, что онъ работаетъ надъ реставраціей имперіи Цезарей, что онъ будетъ главнымъ орудіемъ чудовищныхъ захватовъ, и что это чудо могущества произведетъ та самая революція, которая провозгласила своимъ главнымъ принципомъ отреченіе отъ завоеваній, онъ, безъ сомнѣнія, возмущился бы и, горячо протестуя, сослался бы на уроки исторіи, на систему равновѣсія, на сопротивленіе Европы и изъ невозможности подобнаго событія вывелъ бы заключеніе о нелѣпости предсказанія. Тѣмъ не менѣе парадоксъ восторжествовалъ надъ здравымъ смысломъ, но чуда тутъ не было и то, что отрицалъ *a priori* остроумный вольтеріанецъ, слишкомъ презрительно относившійся къ предкамъ, не сталъ бы оспаривать какой-нибудь ученый, несомнѣнно тяжело-вѣсный, даже заподозрѣнный въ «суетѣри», но воспитанный на изученіи прошедшаго и пропитанный традиціей, какимъ былъ напимѣръ отецъ Лелонъ.

Причины того, что революція выродилась въ кровавую анархію и могла организовать лишь въ формѣ деспотизма, установились ранѣе, чѣмъ разразилась революція; тогда же опредѣлились и причины, которыя сдѣлали деспотизмъ завоевательнымъ и дали ему проникнуть въ Европу. Рѣка, переполненная дождевыми водами, превращается въ потоки, водопады, наводненія, однако, не мѣняетъ своего вѣковаго теченія и русла и продолжаетъ течь по старому наклону; ея разливъ знаменуетъ только избытокъ силы. Когда буря утихнетъ, рѣка, такъ сказать, входитъ сама въ себя и мирно течетъ въ своихъ прежнихъ берегахъ. Тогда-то осторожные и догадливые, тѣ, которые во время потопа удалились на гору или покорно заперлись въ своемъ ковчегѣ, отомстили смѣльчакамъ и безумцамъ, вообразившимъ, что управляютъ ураганомъ, тогда какъ онъ увлекалъ ихъ за собою. Они не боялись ошибиться, зная, что такой колоссъ могущества не можетъ долго поддерживаться и рано или поздно обрушится подъ своей собственной тяжестью. На это и рассчитывали тѣ, кто въ Европѣ противился завоева-

¹⁰⁾ Изъ писемъ къ Директоріи отъ 16 февраля и 16 августа 1797.

¹¹⁾ PHILIPPE DE SÉGUR, *Histoire et Memoires*, t. I, p. 440.

тельной революции, и не теряли надежды ввести Францію въ ея старыя границы. Это приводит насъ къ вопросу о томъ, что думали о Франціи иностранцы въ послѣднее время стараго порядка.

XIII.

Если они какъ будто радовались при началѣ этой революции, то лишь потому, что, по ихъ мнѣнію, она должна была надолго парализовать всѣ силы французскаго государства, заставить его сосредоточиваться въ себѣ и хотя временно нарушить традиціи его внѣшней политики. Чувство удовлетворенія, съ которымъ смотрѣли на начало кризиса, и страхъ, внушаемый его дальнѣйшимъ развитіемъ, происходятъ отъ одинаковыхъ мотивовъ; а именно: отъ идеи, которую они себѣ создали о ресурсахъ Франціи и удивительной гибкости національнаго темперамента. «Хотя бы фразы о томъ, что война истощила Францію или Англію, никогда не должны исходить изъ устъ политика. Эти двѣ державы неистощимы», писалъ въ 1761 авторъ *Institutions politiques* ¹⁾.

Такое сужденіе о Франціи и, кромѣ того, знаніе предприимчиваго и гордаго духа расы внушало къ ней страхъ. Упадокъ ея во второй половинѣ царствованія Людовика XV только на время успокоилъ враговъ. Блескъ, которымъ она озарилась послѣ вступленія на престолъ Людовика XVI, показалъ имъ, что они были бы не правы, вѣря въ ея вырожденіе. Они не вѣрятъ въ него, и самая преувеличенность и несправедливость ихъ мнѣній о ней служатъ какъ бы косвенной данью могуществу французовъ, энергіи ихъ національнаго характера и твердости ихъ намѣреній. Въ глубинѣ души и желая, чтобы Франція, быстро падая, разочаровала ихъ, иностранцы, тѣмъ не менѣе, рисуютъ Францію тѣми же красками, какими рисовали ее противники Людовика XIV. Они шпионятъ и слѣдятъ за ней, усердно отмѣчая всѣ признаки слабости, всѣ симптомы проявляемаго ею недуга; какъ только возвращается къ ней внѣшній видъ крѣпости и здоровья, для всѣхъ становится несомнѣннымъ, что вернутся и блестящіе года ея могущества. Вотъ какую рисуетъ она въ одной изъ картинъ великой классической эпохи ²⁾. «Правительство ея держится слѣ-

¹⁾ T. I, ch. X. *De l'opulence de l'Etat en général*, § 13. T. II, ch. IV: *De la puissance des États* § 14.—Въ статьѣ *La France*, t. III, ch. III, онъ прибавляетъ. «Стоитъ только подумать объ ея обширности и ея географическомъ положеніи, какъ становится очевиднымъ, что ея положеніе прекрасно и могущество громадно... Къ ней стекаются обильной волной золото и серебро другихъ, болѣе лѣнливыхъ, народовъ.. Поистинѣ можно сказать, что это одна изъ богатѣйшихъ націй въ мірѣ».

²⁾ *Bouclier d'État*. 1667. См. Rousset. *Louvois*. t. I, p. 22.

дующихъ правилъ: во-первыхъ, всегда поддерживать внѣшнюю войну... Несомнѣнно, что духъ націи не выноситъ, чтобы остальной міръ наслаждался празднымъ покоемъ; этому огню нужна пища, и если не доставлять ее извнѣ, то внутри скопляются горячіе матеріалы. Необходимо отуманивать ихъ дымомъ завоеваній и имѣть постоянно подъ рукою предлогъ, чтобы оставаться вооруженными и съ помощью силы поддерживать королевскій авторитетъ, который какимъ-то страннымъ образомъ выступилъ за предѣлы основныхъ законовъ страны. Второе правило заключается въ томъ, чтобы вмѣшиваться во всякія дѣла направо и налѣво, и всюду силою или ловкостью домогаться роли посредника. Третье правило—руководиться единственно государственной выгодой, не стѣняясь ни честнымъ словомъ договоровъ, ни благомъ религіи, ни узами крови, ни узами дружбы. Четвертое правило — поддерживать постоянный разладъ и разъединеніе въ иностранныхъ державахъ и постоянно втягивать ихъ въ войну другъ съ другомъ. Всѣ эти правила, собственно говоря, правила завоевателей и признаки глубокаго и обширнаго давно задуманнаго замысла.

Такъ думалъ еще въ восемнадцатомъ столѣтіи великій Фридрихъ, и радость его, когда онъ въслѣдствіи получилъ возможность презирать Людовика XV, еще сильнѣе подтверждаетъ то высокое мнѣніе, которое онъ составилъ о Франціи. «Ваше сравненіе Франціи съ богатымъ и осторожнымъ человѣкомъ, который окруженъ расточительными и несчастными сосѣдями, очень удачно», писалъ онъ Вольтеру въ 1738 г.; «оно рельефно представляетъ могущество французовъ и слабость окрестныхъ державъ; оно разоблачаетъ причину этого могущества и позволяетъ воображенію проникать въ глубину вѣковъ, которые пройдутъ послѣ насъ, и видѣть тамъ постоянное усиленіе французской монархіи, истекающее изъ ненаружимаго единообразнаго принципа монархіи съ деспотическимъ вождемъ во главѣ и которой по всей вѣроятности суждено поглотить, современемъ, всѣхъ своихъ сосѣдей».

Что касается до плана, который приписываютъ Франціи по отношенію къ Европѣ, то это тотъ самый планъ, который предписываетъ ей традиція. Последняя остается столь очевидной и несомнѣнной, что даже иностранцы, оспаривая ее, тѣмъ не менѣе признаютъ ее государственнымъ принципомъ французской политики. Въ мемуарѣ, редактированномъ Фридрихомъ II въ 1738 г., сказано ³⁾: «На востокъ Франція не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ своей умѣренности и справедливости. Эльзасъ и Лотарингія, отдѣлившись отъ имперіи, раздвинули предѣлы ея власти. Слѣдуетъ желать, чтобы Рейнъ продолжалъ оставаться рубежомъ для этой монархіи... Для этой цѣли

³⁾ *Considérations sur l'état présent du corps politique en Europe*.

стоитъ только завладѣть маленькимъ герцогствомъ Люксембургскимъ, прихватить маленькій Трирекій электоратъ путемъ какого-нибудь договора, а герцогство Люттихъ—по праву приличія; Баррьеръ, Фландрія и другія бездѣлицы въ этомъ родѣ, конечно, включаются въ это число, и тогда Франціи нуженъ только умѣренный и мягкій министръ, который придастъ такой же характеръ политикѣ двора и подѣ благовидной вѣщностью приведетъ свои замыслы къ благополучному концу». Этотъ отрывокъ, очевидно, написанъ въ проницательномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе для Фридриха несомнѣнно, что подобный проектъ существуетъ и что всякій добрый французъ долженъ ему сочувствовать, а ужъ дѣло Пруссіи противиться ему или воспользоваться имъ, смотря по обстоятельствамъ.

Въ 1760 г. Бишфельдъ⁴⁾, обсуждая систему государствъ, говоритъ о Франціи въ видѣ примѣра: «Если политическая система Франціи сводится къ тому, чтобы сдѣлать моря, Альпы, Пиренеи и Рейнъ границами своего государства, то можно сказать, что этотъ планъ внушенъ самою мудростью». Но это уже крайній предѣлъ, и если Европа позволить Франціи достигнуть его, что сомнительно, то надо опасаться, что тѣ самыя причины, которыя обезпечивали бы за Франціей эти широкія завоеванія, не помѣшали бы и сохранить ихъ и не привели бы къ ихъ уtratѣ. Авторъ *Institutions* прибавляетъ⁵⁾: «Здравый смыслъ говоритъ намъ, что Франція должна бы заботиться о томъ, чтобы сохранить за собою положеніе обширѣйшаго и сильнѣйшаго, но не единственнаго государства въ Европѣ и поставить себѣ цѣлью раздвинуть свои предѣлы до береговъ Рейна, который долженъ стать границею ея владѣній, подобно тому, какъ онъ былъ нѣкогда рубежомъ древней Галліи. Если она этого достигнетъ, то станетъ слишкомъ грозной для остальной Европы; если же распространить свои честолюбивыя виды далѣе, то возбудитъ зависть всѣхъ другихъ націй, и ей будетъ слишкомъ трудно охранять свои завоеванія по ту сторону Рейна: малѣйшая превратность судьбы, изъ тѣхъ, какія выпадаютъ на долю и самыхъ могучихъ государствъ, будетъ эпохою ея паденія».

Вопросъ, поставленный въ 1792 г. и составляющій главную сущность разлада между Франціей и Европой въ эпоху революціи и имперіи, именно въ томъ и заключается: въ состояніи ли Франція достигнуть этой степени могущества и удержаться на ней, не насилуя своего характера, не превращая государства въ укрѣпленный лагерь и не предавая республики въ руки военныхъ диктаторовъ; согласится ли побѣжденная или закупленная Европа признать миръ, заключенный при такихъ условіяхъ, дѣйствительнымъ миромъ.

⁴⁾ *Institutions*, t. II, ch. IV, § 20. — A. Sclotz. — *Voeux d'un gallophile*. 1785. Онъ утверждаетъ, что Рейнъ—естественная граница Франціи.

⁵⁾ BIELFELD. *Institutions*, t. III, ch. III. *De la France*, § 40.

а не перемиріемъ; откажется ли Англія, грозная своимъ морскимъ могуществомъ, отъ союзовъ съ другими державами, чтобы отнять силой то, что завоевано съ помощью силы; не придется ли Франціи, чтобы разрушить замыселъ Англіи, переманить или уничтожить ея союзниковъ, заключать противъ нее союзы, приступать къ раздѣламъ, предпринимать новыя войны и до безконечности раздвигать свои аванпосты; и не сдѣлаетъ ли неизбѣжное сопротивленіе англичанъ безусловною необходимостью для французовъ—гибель самой Англіи; словомъ, не будетъ ли *blocus continental* роковымъ послѣдствіемъ завоеванія Франціей лѣваго берега Рейна.

Система, приводившая къ такимъ крайностямъ, уничтожала самую себя. Допустивъ даже, что есть возможность довести ее до ея крайняго предѣла, т. е. до господства на континентѣ, все-таки часть ея успѣха будетъ часомъ ея паденія. Это понялъ единственный великій противникъ, котораго имѣли революція и Наполеонъ: Вильямъ Питтъ. Это же прозрѣлъ тонкій и изворотливый умъ Метерниха. Въ борьбѣ, которую началъ первый и окончаніемъ которой гордился второй, у нихъ не было иного руководителя, иной опоры, иного плана. Мы, французы, увлекшіеся этими великими мечтами, вслѣдствіе восторженности нашего духа, можемъ утѣшаться тѣмъ, что наши дальновидные политики предвидѣли эту катастрофу. Мы обмануты тѣми иллюзіями, отъ которыхъ эти проницательные совѣтники старались излечить насъ. Ихъ воззрѣнія до такой степени соотвѣтствовали силѣ вещей, что когда Франція, послѣ двадцати-двухлѣтней непрерывной борьбы, согласилась принять предписываемый ей миръ и примириться съ Европой, не утрачивая своей чести и своего историческаго значенія, ей достаточно было вернуться къ тѣмъ планамъ, какіе составляли для ея будущности лучшіе министры и совѣтники наканунѣ революціи, чтобы вернуть довѣріе, уваженіе, значеніе, даже престижъ своего былого вліянія въ Европѣ.

Все вдохновеніе прекрасныхъ нотъ Верженна мы находимъ въ инструкціяхъ, данныхъ именемъ Людовика XVI, по составленнымъ Таллейраномъ, бывшимъ впоследствии французскимъ уполномоченнымъ на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1814 году. «Могущество Франціи такъ велико, что только надежда на ея умѣренность можетъ успокоить другіе народы; они уже получили доказательство ея справедливости и тѣмъ скорѣе убѣдятся и въ ея умѣренности. Франція такъ счастливо поставлена, что ей не приходится отдѣлять справедливость отъ своего интереса и искать выгоды внѣ справедливости, составляющей общее благо».

Такова истинная традиція Франціи. Въ слѣдующихъ частяхъ этой книги мы увидимъ, что заставило ее отдалиться отъ этой традиціи, какія страсти руководили ею, какая доля въ этихъ увлеченіяхъ падаетъ на полученные ею примѣры и случайное стеченіе обстоятельствъ, встрѣченное ею сопро-

тивленіе и предлагаемое ей соучастіе, внушаемая ей иллюзіи и испытанныя разочарованія—словомъ, мы увидимъ ту роль, которую сыграла Европа въ излагаемыхъ нами событіяхъ; исторія Европы неразрывно связана съ исторіей Франціи. Весь конфликтъ между ними былъ только рядомъ непрерывныхъ взаимныхъ воздѣйствій. Европа въ теченіе этого періода, перенесла такой же глубокой кризисъ и пережила такіе же удивительныя превратности судьбы. Я пытался выяснитъ то настроеніе, которое вносила въ борьбу Франція; изучимъ и настроеніе Европы, и тогда останется только выяснитъ ихъ взаимныя отношенія.

КНИГА III.

Политическія традиціи въ Европѣ.

ГЛАВА I.

А н г л і я.

I.

Англія—торговый островъ; этимъ фактомъ обуславливается вся ея политика. Увеличивать свои владѣнія англичане могутъ только посредствомъ колоній; они производятъ больше, чѣмъ потребляютъ, а слѣдовательно нуждаются въ рынкахъ для сбыта. Ихъ флотъ—орудіе ихъ богатства, цѣль ихъ—преобладаніе на морѣ. Меркантильный характеръ интересовъ англичанъ и зависть, проистекающая изъ нихъ; національный характеръ, отъ природы надменный и исключительный, характеръ ихъ господства, ихъ островная изолированность, которая позволяетъ имъ, по словамъ Монтескье, «оскорблять вездѣ»¹⁾, все соединяется, чтобъ придать ихъ политикѣ тотъ духъ высокомерія и соперничества, благодаря которому ихъ боятся въ Европѣ²⁾. Они вносятъ въ управленіе своими меркантильными интересами ту же суровость и гордость, какую Людовикъ XIV вносилъ въ управленіе своими династическими интересами. Политическая экономія замѣняетъ у нихъ государственную пользу. Такимъ образомъ, вводя монополію для своихъ колоній, что было впрочемъ повсемѣстнымъ обычаемъ того времени³⁾; Англія разсчитываетъ на свободную торговлю въ чужихъ колоніяхъ и употребляетъ все усилія, чтобъ ввести тамъ контрабанду, которую крайне энергично преслѣдуетъ въ своихъ собственныхъ территорияхъ. Такъ какъ ей невозможно входить въ сдѣлки съ другими націями относительно этого пункта, то она гнететъ слабыхъ, презирая ихъ, и ожесточенно борется съ сильными. Она не допускаетъ, чтобъ Франція раздѣляла съ нею господство надъ

¹⁾ *Esprit des Lois*, liv. XIX, ch. XXVII.

²⁾ *Par les vagues jetés sur cette île farouche*. ANDRÉ CHÉNIER. *Oeuvres*, t. II. p. 217, Paris 1874.

³⁾ MONTESQUIEU, liv. XXI, ch. XXI. Esquise MAY, t. II, ch. XVII.

морями, владычество над колоніями и мировую торговлю; отсюда вытекает то неумолимое сопротивление всякой комбинаціи, благодаря которой расширились бы побережнія владѣнія Франціи въ Европѣ и открывали бы ей новые выходы къ океану. Она рассчитываетъ присвоить исключительно себѣ заботу о продовольствіи въ Германіи и особенно не позволяетъ, чтобъ французы водворились въ Антверпенѣ: отсюда—ея систематичное рѣшеніе никогда не допускать присоединенія къ Франціи Бельгіи и лѣваго берега Рейна. Одинъ французскій агентъ писалъ изъ Лондона въ 1677: «Въ нижней палатѣ единогласно рѣшили, что англичане продадутъ послѣднія рубашки (такъ именно сказали они), чтобъ вести войну съ Франціей за удержаніе ею Нидерландовъ»⁴⁾.

Эти враждебныя чувства были очень живы и страстны до 1789; реваншъ, взятый Франціей въ Америкѣ, не могъ ихъ смягчить⁵⁾. Они составляютъ политическій принципъ, *raison d'Etat*, которымъ послѣдній буржуа Сити проникнуть не менѣе, чѣмъ самый опытный королевскій совѣтникъ⁶⁾. Сдерживать, ослаблять, унижать если можно, и во всякомъ случаѣ приковывать Францію къ материку, составляетъ главное основаніе ихъ плановъ. Такъ какъ за неимѣніемъ арміи, они не могутъ достигнуть этого прямымъ путемъ, то обдѣлываютъ это дѣло посредствомъ союзовъ и поддерживаютъ союзниковъ субсидіями. Подъ влияніемъ такого мотива былъ заключенъ союзъ съ Австріей. Вѣнскій дворъ получалъ плату отъ Англіи за то, что сражался противъ Франціи, своей соперницы, и защищалъ свою собственность—Нидерланды.

Между тѣмъ, со времени воцаренія Георговъ, Англія утвердилась на материкѣ. Король былъ курфирстомъ ганноверскимъ и очень дорожилъ своимъ курфиршествомъ, которое составляло его доменъ. Хотя, съ точки зрѣнія права, союзъ былъ совершенно личный и не касался Англіи, тѣмъ не менѣе эта привязанность короля къ Ганноверу сдѣла-

⁴⁾ CAMILLE ROUSSET. *Louvois*, t. II, p. 309.

⁵⁾ MALMESBURY. *Diaries et correspondance, Mémoires de 1785*.

⁶⁾ «Пятьсотъ лѣтъ соперничества, писалъ Линге, сдѣлали то, что соревнованіе, обострившее отношеніе между этими народами, сдѣлалось личнымъ для каждого отдѣльнаго лица». *Annales*, t. IV, p. 53.—«Это напоминаетъ отношенія древняго Рима и Карфагена между второй и третьей пунической войной». FAVIER, *Conjectures raisonnées*, ch. X, de l'Angleterre. BOULARD, t. II, p. 182. «Англія природный врагъ Франціи, алчный, честолюбивый, несправедливый и вѣроломный врагъ; неизмѣнной и любимой цѣлью ея политики было если не уничтоженіе Франціи, то во всякомъ случаѣ ея ослабленіе, униженіе и разореніе... Эта государственная польза ставится выше всякаго другого соображенія, и когда она заговоритъ, всѣ средства становятся справедливыми, законными и даже необходимыми, лишь бы они достигали цѣли. *Mémoires de GÉRARD DE RAYNEVAL*, 1774, publié par CORNELIS DE WITT. Jefferson.

лась не малой помѣхой для англійской политики. Это залогъ, которымъ Франція можетъ завладѣть въ случаѣ столкновенія; такимъ образомъ, она имѣетъ въ рукахъ средство уравновѣсить своими арміями превосходство морскихъ силъ Британіи. «Мы ничего не можемъ получить отъ Англіи иначе, какъ черезъ Ганноверъ», писалъ Д'Аржансонъ въ 1745. Это было тогда главною связью Франціи съ Пруссіей, желавшею въ свою очередь завладѣть Ганноверомъ. Съ 1756 партнеры перемѣнили мѣста, но партія осталась та же. Пруссія успокоила ганноверскаго короля насчетъ Ганновера и они составили союзъ; Франція и Австрія соединились противъ Пруссіи, но Англія всегда имѣла въ своемъ распоряженіи армію на континентѣ, чтобъ бороться съ французами. Эти переходныя комбинаціи не измѣняютъ взаимныхъ интересовъ. При самомъ началѣ революціи мы видимъ, что Франція отрывается отъ Австріи и угрожаетъ Нидерландамъ; вѣнскій дворъ вновь сближается съ лондонскимъ; а Пруссія, балансируя между обоими, испытываетъ, по отношенію къ Ганноверу, вновь пробудившееся чувство алчности.

Въ 1789 Англія, опираясь на Пруссію, покровительствуетъ Голландіи, господствуя надъ ней. Они соперничаютъ въ дѣлѣ морского владычества, но если ихъ торговые интересы противоположны на моряхъ, то въ Европѣ они не противорѣчатъ другъ другу. Подобно англичанамъ, голландцы не хотятъ, чтобъ Шельда была французской рѣкой, и не только французской, но даже свободной рѣкой, открытой для всѣхъ націй. Португалія, въ глазахъ англичанъ, есть нѣчто въ родѣ континентальной колоніи, откуда они грозятъ испанцамъ. Италія ихъ интересуется только со стороны торговли, которую они навязываютъ ея слабымъ правительствамъ. Они уравновѣшиваютъ силы Франціи на Средиземномъ морѣ своими и оспариваютъ у нея торговлю съ Востокомъ. Они пытаются отнять у нея и торговлю съ Сѣверомъ, а потому то оберегаютъ, то угрожаютъ Даніи и Швеціи. Что касается до Россіи, то независимость, съ какою она держала себя во время Американской войны, значительно охладила дружбу англичанъ⁷⁾. Они долго считали, что у нихъ общіе интересы съ Россіей и только тогда поняли, что они расходятся. Водвореніе въ Индіи, движеніе русскихъ вдоль береговъ Чернаго моря измѣняли всѣ отношенія между этими двумя, нѣкогда союзными, державами. Дѣлаясь азіатской державой, Россія неминуемо становится соперницей Англіи: она съ тревогой видитъ, что Россія угрожаетъ Османской Портѣ, и не можетъ допустить, чтобы новая первостепенная держава открыла бы себѣ непосредственный доступъ къ Средизем-

⁷⁾ Относительно этой дружбы, см. *La question d'Orient au dix-huitième siècle*, ch. VI. *L'Angleterre et la question d'Orient*.

ному морю. Что касается до Польши, то англичане о ней не заботятся: вѣдь на выгодную съ ней торговлю нельзя рассчитывать.

Итакъ, своими союзами они стремятся достигнуть двойного результата: расширить свое морское владычество и стѣснить, а если можно то и уничтожить французское. Это постоянная мысль, но самый характер такой политики заставляет ихъ преслѣдовать эти цѣли съ перерывами. Англичане объявляютъ войну единственно ради торговыхъ интересовъ: война задерживаетъ торговлю и вредитъ ей, а потому они рѣшаются на нее только въ такомъ случаѣ, если ихъ интересамъ грозитъ дѣйствительная опасность. Но разъ рѣшившись на борьбу, они вносятъ въ нее серьезную и сосредоточенную страсть, враждебность, которая тѣмъ упорнѣе, чѣмъ эгоистичнѣе поводъ къ ней. Въ исторіи, ихъ равнодушіе, заставляющее вѣрить въ упадокъ, смѣняется увлеченіемъ, которое поражаетъ ихъ противниковъ; они то покидаютъ Европу, то распоряжаются ею, то пренебрегаютъ самыми крупными дѣлами континента, то стремятся направлять самыя мелкія, и переходятъ отъ мира во что бы то ни стало къ ожесточенной войнѣ.

Дѣло въ томъ, что, будучи побѣжденными, они хотятъ оправиться, будучи побѣдителями, стараются воспользоваться побѣдой: въ томъ и другомъ случаѣ они хотятъ свести свои счета. Богатство позволяетъ имъ дѣлать громадные долги; но именно потому, что они богаты, они чувствуютъ всю тяжесть этихъ долговъ, и разстроенные финансы для нихъ невыносимы. Прибавьте къ этому заботу объ общественныхъ вольностяхъ, которыя во время войны всегда подвергаются большой опасности. Такимъ образомъ, послѣ своихъ великихъ успѣховъ во время Семилѣтней и неудачи въ Американской войнѣ, они сосредоточиваются и исключительно отдаются заботѣ о своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Тогда они переживаютъ тяжелый кризисъ. Англичанамъ дорого достается суровая наука свободы. Они завоевали ее, но нравы еще не приспособились къ ней, привычка къ ней еще не приобрѣтена. Они перестаютъ бороться съ чужеземцемъ только для того, чтобъ возобновить борьбу другъ съ другомъ. Эта борьба заполняетъ все восемнадцатое столѣтіе. Во время Семилѣтней и даже Американской войны, она доходитъ до такой напряженности, какая не замѣчалась со времени роковыхъ годовъ великой англійской революціи⁹⁾. «Нація, говоритъ Маколей,—находилась въ такомъ состояніи мрачнаго и горькаго отчаянія, подобнаго которому можетъ быть не бывало въ исторіи». Парламентъ, утратившій довѣріе, король, внушающій ненависть, непрочная власть, беспощадныя партіи, вооруженныя всѣми

⁹⁾ MACAULAY, *le comte de Chatham. William Pitt.*—ERSKINE MAY, *op. cit.*—CORNELIS DE WITT. *La Société anglaise au dix-huitième siècle.*—MAILLET DU PAN, t. I, ch. IV.

орудіями анархіи и съ помощью подкупа отнимающія другъ у друга власть. Политическая агитація проникаетъ даже въ семью. «Женщины, дѣти, слуги называли себя вигами или торіями. Проповѣди, равно какъ комедіи и маскарады, имѣли политическую окраску». Такъ какъ одной прессы уже было мало, чтобъ раздуть огонь, то принялись основывать общества, организовывать клубы, словомъ, обложили всю страну сѣтью, концы которой соединялись въ Лондонѣ. Эта пропаганда «поддерживалась дѣятельной корреспонденціей, ассоціаціями и движеніями, концентрированными въ Англии. Различныя графства избирали комитеты ассоціацій, которые поддерживали агитацію и делегатовъ, которыхъ посылали въ Лондонъ, чтобъ концентрировать ее». Прибавьте къ этому грубость языка, грубость привычекъ. Взаимныя обвиненія во лжи, наглости, низкой хитрости—обычны. Это ходячій словарь въ парламентѣ. Стремленіе къ кровопролитію и къ конфискаціямъ обнаруживается повсюду. «Во время Семилѣтней войны, депутаты предлагали поступить съ директорами Южной компаніи, какъ поступали въ Римѣ съ отцеубійцами и кидать ихъ въ Темзу»⁹⁾.

Коммуны захватываютъ власть въ свои руки, предписываютъ аресты, угрожаютъ министерству обвиненіемъ. Населеніе отъ природы расположено къ жестокимъ увлеченіямъ и оупьяненіямъ, коноводы возбуждаютъ его и ведутъ въ бой¹⁰⁾. Въ 1780 г. бунтовщики едва не завладѣли зданіемъ парламента; былъ такой моментъ, когда депутаты принуждены были защищаться и проложить себѣ дорогу со шпагою въ рукѣ. Въ 1782 году толпа окружаетъ палаты, говоритъ дерзости перамъ, преслѣдуетъ епископовъ, оскорбляетъ посланниковъ, открываетъ тюрьмы, поджигаетъ дома знати. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Лондонъ имѣетъ видъ города, занятаго непріателемъ. Возмущенія отличаются яростью. «Характеръ англичанъ требовалъ кровавыхъ трагедій», писалъ Фридрихъ. Имъ нужны жертвы. Въ 1757 году такою жертвою былъ Бингъ. Процессъ Варена Гастингса показываетъ, что въ 1786 году нравы не измѣнились къ лучшему. Къ политическимъ страстямъ присоединяется религіозный фанатизмъ. Въ 1778 г. эдинбургская чернь, возбужденная противъ католиковъ, разрушила ихъ часовни; въ Глазго разрушены ихъ жилища. Католики трепетали за свою жизнь и имущество. Ирландцы, ободряемые примѣромъ американцевъ, составляютъ заговоры и вооружаются. Вѣчное требованіе

⁹⁾ MACAULAY, *op. cit.*

¹⁰⁾ «Народный быкъ бросался всею массою на первую красную тряпку. Человѣкъ-звѣрь, воспламененный политическими страстями, раздражается криками и насиліемъ, находится подъ рукою каждой партіи, готовый въ своемъ слѣпомъ порывѣ уничтожить общество... При каждомъ политическомъ инцидентѣ слышенъ глухой ревъ возмущенія». TAINÉ, *Histoire de la littérature anglaise*, t. III, p. 25.

національної незалежності ускладнюється релігійними несогласіями і аграрними столкненнями. На цьому острові завжди танцяє возмущеніє. «Нація, потрясаемая партіями, престолъ, расшатанный самыми грубыми нападками, палата, презираемая и ненавидимая націей, Англія, возбужденная противъ Шотландіи», такими чертами заканчиваетъ Маколей свою картину въ эти бурныя времена. Англичане обезглавили Карла I, ненавидѣли Карла II, изгнали Іакова, съ трудомъ выносили Вильгельма, презирали первыхъ двухъ Георговъ. Третій, вступившій на престолъ въ 1760 году, процарствовалъ уже двадцать-три года, когда его подданные начали привязываться къ нему. Министерства рушились одно за другимъ. Въ 1771 г. составилъ уже седьмой кабинетъ въ теченіе десяти лѣтъ. Со времени восшествія на престолъ Георга III, единственный государственный человѣкъ Англіи, великій политическій вождь и организаторъ побѣды во время Семилѣтней войны, лордъ Чатамъ, оставилъ власть. Его удаленіе еще рѣзче подчеркнуло посредственность его преемниковъ.

Георгъ III не былъ лишенъ нѣкоторыхъ царственныхъ качествъ. Онъ обладалъ достоинствомъ, послѣдовательностью, даже упрямствомъ, и очень живымъ чувствомъ британской чести. Онъ ревниво оберегалъ свою власть, но не всегда былъ способенъ царствовать; порою его умъ отуманивался. Въ 1765 г. у него былъ первый приступъ безумія, и онъ остался навсегда причудливымъ и пугливымъ. Нетерпѣливо вынося опеку партій, но не умѣя создать свою собственную, онъ долго управлялъ посредствомъ своихъ фаворитовъ, а фавориты—посредствомъ подкупа. Это было хронической язвой Англіи. Въ предшествовавшее царствованіе Вальполь создалъ изъ подкупа цѣлую систему администраціи. Лордъ Бьютъ возвелъ его въ общественную функцію и называлъ это «ощущиваніемъ палаты общинъ».

Общественныя нравы падали такъ низко потому, что частныя нравы были не лучше. То же безстыдство, какъ въ Парижѣ, только развратъ былъ циничнѣе и тяжелѣе, больше пьянства, меньше утонченности, меньше вкуса, словомъ, меньше лицемѣрія. Георгъ III соблюдалъ относительное приличіе. Его сынъ, принцъ Уэльскій, долги котораго превышали долги многихъ мелкихъ континентальныхъ государствъ ¹¹⁾, велъ открыто скандальную жизнь. Въ 1789 г. поднимался вопросъ о томъ, чтобъ вручить управление дѣлами Шеридану. Французскій посланникъ писалъ по этому поводу: «Хотя въ этой странѣ приличія считаются за ничто, все-таки странно,

¹¹⁾ Онъ получалъ 60000 ливровъ ежегодной пенсіи по государственной росписи. Въ 1787 г. парламентъ вотировалъ 161000 ливровъ на уплаты его долговъ и 83000—на постройку дворца. Тѣмъ не менѣе, въ 1795 у него оставался еще долгъ въ 650000 ливровъ

чтобъ человѣкъ съ самой дурной репутаціей, бывшій актеръ, сынъ актера, женатый на актрисѣ и, кромѣ того, банкротъ, сдѣлался министромъ Великобританіи. А между тѣмъ, еслибы принцъ Уэльскій господствовалъ надъ своей партіей, а не подчинился ей, то Шериданъ сталъ бы во главѣ администраціи»: Это письмо можетъ служить примѣромъ переписки иностранныхъ дипломатовъ и взглядовъ на Англію континентальныхъ политиковъ.

II.

Говоря правду, они совсѣмъ не понимали ея, разсматривали ее только съ внѣшней стороны, со взорами, омраченными завистью или страхомъ съ тайнымъ желаніемъ отыскать симптомы какой-нибудь болѣзни, пагубной для англичанъ и успокоительной для ихъ соперниковъ. Государственные люди континента могли и должны были сказать себѣ, что переживаемый Англіей кризисъ былъ не первымъ. Исторія учила ихъ, что Англія, перенося жестокіе приступы лихорадки, за которыми слѣдовала долгая спячка, тѣмъ не менѣе продолжала играть большую роль въ свѣтѣ. Но исторія, подобно всякому продолжительному опыту, не пользовалась большимъ уваженіемъ въ министерствахъ: противъ нея были лѣньность и гордость—два порока, которые, къ несчастію, очень уживаются съ свѣтскимъ духомъ и политическимъ искусствомъ. При этихъ дворахъ говорили, что, допустивши раздѣлъ Польши, завоеваніе Крыма, освобожденіе Соединенныхъ штатовъ, Англія отеклась отъ своего значенія и что наступаетъ время, когда серьезныя и прочныя правительства замкнутъ ее на ея островѣ и перестанутъ считаться съ ней.

Народъ считался буйнымъ отъ природы, въ англійской конституціи видѣли ниспроверженіе всякаго авторитета ¹⁾. Накакой послѣдовательности ни въ людяхъ, ни въ дѣлахъ, а потому нельзя было рассчитывать ни на правильную политику, ни на надежные союзы. «Ничто не можетъ быть измѣнчивѣе политики сентъ-джемского кабинета: она слишкомъ подчинена минутному вліянію министерства, почти ежедневная перемѣна котораго мѣшаетъ сентъ-джемскому кабинету имѣть опредѣленные принципы по отношенію къ континентальнымъ дѣламъ»,—писалъ Вержентъ въ 1783 г. «Съ такимъ страннымъ правительствомъ,—замѣчаетъ Кауницъ,—нельзя

¹⁾ Таковы рутинныя взгляды. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «Англійскій народъ легкомысленъ и не можетъ выносить ига». *Testament de Charles de Lorraine*, 1687.—«Англія,—писалъ Петръ Великій,—держава, разрываемая внутри и непостоянная въ своихъ замыслахъ». *Vandal, Louis XV et Elisabeth*.—«Изъ всѣхъ странъ, которыя заключаетъ въ себѣ Европа, нигдѣ принципы правительства не мѣняются такъ часто, какъ въ Англіи». *Torcy, Instruction du comte de Luc*, 1715. *Recueil*, t. I. Autriche, p. 166.

«расчитывать ни на что». Въ глазахъ этихъ политиковъ Англія стоитъ на пути, чтобъ сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ островной Польши, богатой, разсудительной, сосредоточенной, но сохраняющей свою самостоятельность только потому, что, благодаря счастливой случайности, она не имѣетъ со-сѣдей ²⁾. Одинъ французскій агентъ, описывая въ письмѣ изъ Лондона, отъ 1766 г., всѣ признаки слабости Англіи, прибавляетъ: «Вотъ что ускользаетъ отъ взоровъ чужеземцевъ, которые видятъ въ Англіи только громадный флотъ и магазины чудовищныхъ размѣровъ. Эта внѣшность им-понируетъ, и немногіе понимаютъ; что какіе-нибудь пустяки, ложный слухъ, самая дерзость врага могутъ повредить кредиту, вносить безпорядокъ въ сложную машину и обнаруживаютъ слабость, которую вполне понимаетъ только заинтересованная сторона» ³⁾.

Великая Екатерина находитъ, что англичане лишены «нервовъ». Она обращается къ нимъ съ тѣмъ банальнымъ упрекомъ, какимъ прикрывается зависть бѣдныхъ и деспотичныхъ государствъ къ тѣмъ, которые находятъ средства быть свободными и богатыми: «Они слишкомъ богаты!» ⁴⁾. Фридрихъ думаетъ то же самое и говоритъ о нихъ съ презрѣніемъ: «Эти богатства, эти безмѣрные и смѣшные расходы, роскошь, духъ продажности—все вмѣстѣ способствовало къ развращенію этого правительства, нѣкогда столь достойнаго» ⁵⁾. Иосифъ прямо говоритъ объ ихъ паденіи, во-первыхъ, Фридриху, въ ихъ разговорахъ въ Нейсее въ 1769 г., потомъ своему брату Леопольду въ 1783 г. ⁶⁾. «И вотъ, это великое государство, державшее въ равновѣсіи Францію, пало навсегда, потеряло всякое значеніе и силу и добровольно снизошло въ ряды второстепенныхъ державъ, подобно Швеціи и Даніи, и, вѣроятно, вскорѣ подчинится Россіи, какъ они».

Это сужденіе величайшихъ государей того времени оправдывало предсказанія знаменитѣйшихъ ученыхъ. Мабли указывалъ на «полнѣйшій упадокъ Англіи» ⁷⁾. «Очень легко предвидѣть, что черезъ двадцать лѣтъ Англія будетъ разорена и, мало того, утратитъ свою свободу», пишетъ Руссо въ 1760 г. ⁸⁾. Наконецъ, Фавье, который считаетъ англичанъ еще

²⁾ «Правительство Польши можно сравнить отчасти съ правительствомъ Англіи», пишетъ Вильгельмъ, обыкновенно столь проницательный въ континентальныхъ дѣлахъ.

³⁾ Дюранъ Шуазелю въ августѣ 1766 г. Издан. CORNELIS DE WITT, *Jeferson*.

⁴⁾ Письмо къ Вольтеру 13 дек. 1770 г.

⁵⁾ Письмо къ герцогу Брауншвейгскому, августъ 1782 г. RANKE, t. II.

⁶⁾ ARNETT, *Joseph II et Léopold II*.

⁷⁾ *Notre gloire et nos rêves*, 1778.

⁸⁾ *Extrait du Projet de paix perpétuelle*.

очень грозными, съ удовольствіемъ анализируетъ всѣ элементы разложенія, которые грозятъ уничтожить ихъ могущество. «Непропорціональность и нескладность частей зданія, ихъ естественное стремленіе распасться; конвульсивныя движенія Ирландіи, утомленной гнетомъ Англіи, опасность неминуемаго разрыва между колоніями и метрополіей въ будущемъ, великость національнаго долга, постоянный сбытъ золота и серебра на покрытіе тратъ иностранныхъ домовъ; неизбежное банкротство и при этомъ необходимость увеличивать этотъ долгъ, за невозможностью создавать новые налоги»...

Американская война, казалось, самымъ положительнымъ образомъ подтвердила точность этихъ заключеній. Говорилось повсюду, а въ особенности въ Парижѣ, что англійское могущество—искусственное и что оно уже распадается. Успѣхами въ Семилѣтней войнѣ Англія обязана не столько своему превосходству, сколько политической и военной неспособности правительства Людовика XV. Самые эти успѣхи погубили ее, и побѣда ослабила ее больше, чѣмъ Францію ея пораженіе. Чтобъ ее уничтожить, слѣдуетъ предоставить ее самой себѣ, ея продажности, ея распрямъ и только поддерживать подкупъ и разжигать ссоры. Хорошо задуманная интрига въ парламентѣ, возмущенія въ Лондонѣ, возстаніе въ Ирландіи, отвлеченіе военныхъ силъ въ Индію,—и Англія погибла. Если, наконецъ, запереть ее на островѣ, обратить противъ нея ту изолированность, которую она такъ гордилась и этимъ путемъ пресѣчь ея торговлю, гибель ея будетъ окончательной. Идея уничтожить Англію была ходячей идеей въ концѣ стараго режима; ее находили простой и естественной и серьезно обсуждали. Архивы полны планами высадки въ Англію, и множество политическихъ авантюристовъ предлагаютъ свои услуги для устройства въ ней заговоровъ. По странному противорѣчію, часто наблюдаемому въ тѣхъ поверхностныхъ и страстныхъ мнѣніяхъ, какія одинъ народъ составляетъ о другомъ, Англіи преувеличенно опасались въ настоящемъ и съ невѣроятной развязностью уничтожали ее въ будущемъ.

Съ такими же чувствами, во всей ихъ сложности, будутъ относиться къ англичанамъ и дѣятели революціи. Идея войны 1793 г. и позже идея континентальной блокады (blocus), которая проглядываетъ уже въ Комитетъ общественнаго спасенія, вытекаютъ логически изъ этихъ ошибочныхъ понятій. Исполнское уклоненіе Наполеона въ 1812 г.—только преувеличеніе этихъ воззрѣній. Англія не что иное, какъ тѣнь имперіи, призракъ государства; достаточно коснуться до него, чтобъ онъ исчезъ. Наполеонъ брался преслѣдовать ее до глубины Индіи. Русскіе снѣга остановили его, и вся громадная военная сила, которую французы готовили противъ Англіи съ 1793 года, погибла въ нихъ вмѣстѣ съ его арміей.

Однако, Монтескье предостерегалъ своихъ современниковъ. Онъ показывалъ имъ, что дружба съ Англіей полезнѣе, и враждебность ея опаснѣе, чѣмъ можно было бы предполагать по непостоянству ея правительства и внутреннимъ тревоженіямъ, что «судьба исполнительной власти въ этой странѣ—быть тревожимой изнутри и уважаемой извнѣ», и что «если какая нибудь иностранная держава угрожала государству и подвергала опасности его богатство или славу, то мелкіе интересы уступили бы крупнымъ, и все сгруппировалось бы вокругъ исполнительной власти» ⁹⁾. Это и случилось, когда Европа пыталась бороться противъ Франціи, потрясенной ужаснѣйшей изъ революцій и руководимой величайшимъ изъ военныхъ гениевъ новѣйшихъ временъ. Повсюду въ старыхъ монархіяхъ крупные интересы уступали мелкимъ. Придворныя интриги и соперничество главныхъ штабовъ парализовали дѣйствіе власти. Классическія правительства встрѣтили въ своей, по внѣшности столь простой, организаціи неодолимые помѣхи. Сначала они долго мѣшали другъ другу, а потомъ, одни за другими, покинули общее дѣло. Одна Англія, оторвавшись отъ своего минутнаго равнодушія, съумѣла ихъ соединить и направить. Теперь ее не упрекали въ богатствѣ, такъ какъ всѣ нуждались въ ея субсидіяхъ. Она оказалась болѣе дисциплинированной, чѣмъ Пруссія, болѣе послѣдовательной, чѣмъ Россія, болѣе постоянной, чѣмъ Австрія; она обнаружила могущество, которое превзошло честолюбивыя стремленія всѣхъ трехъ государствъ; петербургскій, вѣнскій и берлинскій дворы, соединившись всѣ вмѣстѣ, не способны были создать исполнительную власть, которую можно было бы сравнить по энергіи, разумности и упорству съ правительствомъ второго Питта.

III.

Вилліамъ Питтъ сталъ у кормила правленія въ декабрѣ 1783 г. Ему было двадцать-четыре года. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ показывалъ, на что способенъ; всѣмъ стало ясно, что Англія нашла въ немъ величайшаго министра, какого когда-либо имѣла ¹⁾. Его министерство продолжалось и въ 1789 г., съ нимъ приходилось считаться Европѣ и Франціи во время революціи. Роль, которую онъ взялъ на себя въ 1793 и сыгралъ до своей отставки въ 1801 г., удивила политическихъ дѣятелей континента; отъ нихъ ускользнули великіе успѣхи Питта въ началѣ его карьеры. Произошло это потому, что никогда еще государственный человѣкъ не былъ такъ исключительно англійскимъ, такъ мало интересуюсь европейскими

⁹⁾ *Esprit des lois*, liv. XIX, ch. XXVII.

¹⁾ Guisot, *Introduction à la vie de Pitt* par lord Stanhope.—MACAULAY, *William Pitt*.—RÉMUSAT, *L'Angleterre au dix-huitième siècle*.

дѣлами. Сдержанный, «умѣренный» даже въ расходахъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ страсти къ гигантскимъ планамъ, которые вовлекли отца его въ рискованныя предпріятія. Онъ плохо зналъ Европу, вовсе не заботился о томъ, чтобы лучше изучить ее и, подобно Вальполю, очень ясно показывалъ, что дипломатія докучала ему. «Это поразительно, какіе невѣжды англичане», восклицалъ Кауницъ. Питтъ зналъ Англію,—этого было для него достаточно, и въ этомъ заключалась тайна его превосходства надъ государственными людьми школы Кауница, знавшими всѣ дѣла въ мірѣ, кромѣ дѣлъ той націи, которою они управляли ²⁾.

Въ противоположность этимъ политикамъ, управлявшимъ своею страной извнѣ и двигавшимъ внутреннія дѣла съ помощью внѣшнихъ толчковъ, Питтъ управлялъ Европою посредствомъ Англіи, потому-то онъ и внесъ въ нее столько силы и послѣдовательности. Его точка опоры была непоколебима: его власть въ Европѣ была, такъ сказать, продолженіемъ той власти, которою онъ пользовался на родинѣ. Вотъ въ чемъ его оригинальность среди современниковъ. «Ни для своей родины, ни для себя,—говорилъ Гизо,—Питтъ не искалъ великихъ дѣлъ, случаевъ къ соперничеству и борьбѣ; онъ ихъ принималъ не колеблясь, когда они представлялись неизбежными, но не шелъ навстрѣчу имъ и не вызывалъ ихъ съ честолюбивыми цѣлями и съ помощью хитро задуманныхъ комбинацій. Усиленіе внѣшняго владычества Англіи посредствомъ дипломатіи и войны не было его преобладающимъ желаніемъ. Внутреннія дѣла государства, благоденствіе, усовершенствованіе его учреждений, прогрессъ справедливости, общей для всѣхъ, и благосостоянія всего населенія—вотъ что было первой и постоянной заботой Питта. Онъ, въ особенности, принималъ къ сердцу хорошее управленіе внутри и миръ извнѣ, убѣжденный, что хорошее управленіе внутри составляетъ, когда наступитъ время, величіе и силу его отечества». Постоянство было его характеристическимъ свойствомъ, и это постоянство опиралось на непоколебимую вѣру въ торжество здраваго смысла. Когда онъ принялъ на себя веденіе дѣлъ, послѣднія переживали великій кризисъ: унижительный миръ, громадный долгъ, разстроенные финансы, яростныя партіи, разъединенная нація, очень ненадежный парламентъ и во главѣ оппозиціи, нападающей на власть,—первоклассные ораторы: Боркъ, Фоксъ, Шериданъ. Разсматривая дѣло только съ внѣшней стороны, положеніе Англіи очень напоминало положеніе Франціи девять лѣтъ тому назадъ, при вступленіи на престолъ Людовика XVI. Разница въ томъ, что происходившія во Франціи смуты были результатомъ разло-

²⁾ Меттернихъ—знаменитѣйшій представитель этой школы. «Я иногда держалъ Европу въ рукахъ, Австрію—никогда», говорилъ онъ Гизо во время ихъ общаго изгнанія, въ Лондонѣ, въ 1848 г.

женія государства и дряхлости монархіи; въ Англіи они были жестокимъ по здоровымъ и жизненнымъ кризисомъ, сопровождавшимъ ростъ націи и образованіе государства. Англія обладала учрежденіями, которыя могла развивать и въ которыхъ національныя страсти могли и должны были регулироваться. Эта борьба была только послѣдствіемъ и завершеніемъ болѣе старинной борьбы, въ которой сформировался характеръ Англіи и изъ которой она почерпнула всю свою энергію и крѣпость. Кромѣ того, это была борьба партій, а не класса общества; каждая партія стремилась управлять государствомъ, но ни одна не желала его поглотить въ себѣ или уничтожить. И, наконецъ, Англія нашла то, чего не доставало Франціи,—государственного человѣка.

Король Георгъ считался непостояннымъ, даже коварнымъ, завистливо относящимся къ своимъ министрамъ и снисходительнымъ къ интригамъ, которыя вели его друзья противъ его собственнаго кабинета. Въ Питтѣ не было ничего, напоминающаго придворнаго; онъ былъ крутъ, повелителенъ, онъ не правилъ королю, но король любилъ свою власть, а Питтъ поднималъ престижъ этой власти и потому господствовалъ надъ королемъ. Партіи оказались безсильными управлять страной; вигъ по происхожденію и принципамъ, Питтъ управлялъ съ помощью торіевъ, и управлялъ такъ удачно, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на его сторонѣ оказалось большинство голосовъ, безпримѣрное въ исторіи парламента. Онъ внесъ въ палаты разумный бюджетъ, успокоилъ тревогу, причиненную финансовымъ положеніемъ страны, привелъ въ порядокъ счета и оживилъ торговлю, возстановилъ довѣріе и кредитъ. Англія утратила американскія колоніи; онъ организовалъ индійскія и приготовилъ для Ирландіи указы о вѣротерпимости. Эти вполнѣ практическія, разумныя и національныя реформы сдѣлались популярными и обратились на пользу государства. Власть Питта, вполнѣ легальная, основанная на свободныхъ учрежденіяхъ, равнялась, по словамъ Маколея, власти Ксименеса или Ришелье. «Онъ былъ самымъ могущественнымъ гражданиномъ въ Европѣ того времени. Никогда подданный короля не пользовался подобнымъ вліяніемъ въ Англіи... Онъ былъ полнымъ хозяиномъ кабинета и любимцемъ короля, парламента и народа въ одно и то же время. Ни его отецъ, ни Вальполь, ни Мальборо не достигали такой власти, хотя бы на одинъ моментъ».

Пламенная злоба къ Франціи еще разъ обнаружилась во время преній о торговомъ договорѣ 1786 г. Съ англійской точки зрѣнія, этотъ договоръ былъ однако замѣчательнымъ дѣломъ; цѣлью этого трактата было заставить Францію уплатить косвеннымъ путемъ Англіи часть военныхъ издержекъ послѣдней въ Американскую войну. Но это мирное удовлетвореніе не казалось достаточнымъ англійскимъ патріотамъ. Фоксъ, который впо-

слѣдствіи съ такимъ блескомъ поддерживалъ идею соглашенія съ Франціей, теперь стоялъ за соперничество, восклицая: «Франція—природный политическій врагъ Великобританіи. Конечно, я не стану утверждать, что она должна навсегда остаться непримиримымъ врагомъ Англіи и что она не чувствуетъ тайнаго желанія жить въ дружбѣ съ этимъ королевствомъ. Это возможно, но невѣроятно». Питтъ отвѣчалъ: «Мой умъ отказывается понять это утвержденіе, какъ что-то чудовищное и невозможное. Думать, что одна нація можетъ быть вѣчнымъ врагомъ другой—ребячество и слабость». Въ этомъ эпизодѣ ихъ эпической борьбы оба противника очень далеки отъ той роли, которую они должны были сыграть впоследствии во время войнъ революціи. Хотя, въ сущности, измѣнивши языкъ, они не измѣнили своему характеру: Фоксъ остался ораторомъ, а Питтъ—государственнымъ человѣкомъ. Большинство оправдало его, но онъ былъ осыпанъ оскорбленіями, наиболѣе для него тягостными. Говорили, что этотъ выродившійся сынъ Чатама—угодникъ Франціи.

Питтъ обладалъ властью, но ему не доставало обаянія и онъ могъ пріобрѣсти его не иначе, какъ давши англійской гордости случай отомстить Франціи. Голландская революція 1787 г. доставила ему этотъ случай. Франція поддерживала патріотовъ, Питтъ сдержалъ штатгальтера и принудилъ Францію отступить. Договоръ о тройственномъ союзѣ, который онъ заключилъ въ 1788 г. съ Пруссіей и Голландіей, завершилъ это дѣло, обезпечивая за Англіей, вмѣстѣ съ грозной системой оборонительныхъ средствъ, возможность имѣть рѣшительный голосъ въ дѣлахъ континента, когда онъ найдетъ это удобнымъ. Эти успѣхи позволили Питту пережить тяжелое испытаніе, которое обрушилось на его правительство: король сошелъ съ ума. Виги и друзья принца Уэльскаго хотѣли захватить власть: Питтъ смѣло пошелъ противъ нихъ и принудилъ парламентъ ограничить права регента. Въ началѣ 1789 г. король выздоровѣлъ. Всеобщая радость, вызванная этимъ, показала, какіе успѣхи сдѣлала королевская власть въ сердцахъ народа. Династія окончательно утвердилась. Что касается до Питта, онъ былъ популярнѣе, чѣмъ когда-либо. Европа не могла не видѣть, что въ Англіи установилось сильное правительство, съ могущественнымъ министромъ во главѣ. Это правительство было свободно, его сила была чисто національна, вотъ что дѣлало его такимъ грознымъ. Такимъ образомъ, Англія поднималась и возрождалась въ то самое время, когда все, повидимому, распалось во Франціи, и между тѣмъ, какъ въ послѣдней единственнымъ средствомъ противъ государственныхъ бѣдствій считали революцію, Англія пересоздавала себя съ помощью нормальнаго развитія и правильнаго прогресса въ своихъ учрежденіяхъ.

IV.

Этот контраст обнаруживал то различие, которое началось одновременно с историей двух стран и сблалось, нѣкоторымъ образомъ, ея закономъ.

Англичане обладали политическимъ духомъ, котораго совершенно лишены французы; они имѣли конституцію и традиціи свободы. Старый режимъ, создавшій во Франціи лишь касту дворянъ, создалъ въ Англіи аристократію ¹⁾. Эта аристократія сохранила только тѣ изъ своихъ привилегій, на которыя давали ей право ея заслуги передъ страной; она высоко цѣнила эти заслуги, считала ихъ честью для себя, и для того, чтобъ оказывать ихъ государству и пользоваться своей долей власти, умѣла жертвовать самими привилегіями. На ней лежали самыя тяжелыя повинности. Она дорого платила за свою власть. Кромѣ того, общая борьба во имя защиты одинаковыхъ политическихъ правъ сближала ее съ народомъ. Во Франціи люди сблались очень сходными между собою, но различались по своимъ правамъ, и разница была тѣмъ тягостнѣе для непривилегированныхъ, что въ принципѣ они считали себя равными ноблямъ. Въ Англіи общность политическихъ правъ заставляла забывать различіе состояній, и, чувствуя себя свободными, люди не заботились о томъ, чтобы казаться равными. Сверхъ того, въ ряды ихъ аристократіи былъ открытъ свободный и широкій доступъ. Старинныя мѣстныя учрежденія, лежація въ основѣ остальныхъ, существовали во всей своей силѣ, постоянно обновлялись и оживлялись. Политическая свобода не была отвлеченной формулой, которую философы поставили во главѣ идеальной конституціи, которую политики и публицисты развили и искусственно примѣнили ко всѣмъ законамъ народа, не имѣвшаго ни опытности въ ней, ни даже опредѣленнаго о ней понятія: она была констатированіемъ факта, перешедшаго въ привычку. Политическая свобода была, такъ сказать, продуктомъ національной почвы. Она не спускалась произвольно отъ государства къ общинѣ, а рождалась въ общинѣ, оплодотворялась въ ней, пускала ростки и, въ силу естественнаго роста, поднималась къ государству и концентрировалась въ немъ въ конституцію. Чтобы ввести ее во Франціи, нужно было сблать революцію въ государствѣ, въ нравахъ, въ инстинктахъ націи; въ Англіи же потребовалась бы подобная революція, чтобы ее уничтожить. До тѣхъ поръ, пока цѣлью революціи было введеніе общественной свободы во Франціи и уничтоженіе стараго режима, англичане были къ ней равнодушны: она была бесполезна для нихъ; но когда революція захотѣла реформировать

¹⁾ TOSOUVILLE, *l'Ancien Régime*, liv. II, ch. IX et X.

общество и упразднить религію, она показала опасной для ихъ собственныхъ учреждений и вѣрованій, и они ее осудили; когда она выродилась въ вооруженную пропаганду и въ завоеваніе, они сочли ее пагубной для своихъ интересовъ и начали съ ней борьбу, которая велась тѣмъ ожесточеннѣе, что на этотъ разъ затронуты были не одни интересы корысти и преобладанія, какъ въ предыдущихъ войнахъ. Къ нимъ присоединялись наиболѣе высокіе интересы, когда-либо одушевлявшіе націю. Вѣковое соперничество обоихъ народовъ проявилось даже въ пониманіи ими права и свободы. Они предприняли двадцатитрехлѣтнюю войну столько же ради этихъ идей, сколько и ради мірового владычества.

Если судить по внѣшности, принимая во вниманіе платье, манеры, языкъ высшаго свѣта, то этотъ антагонизмъ между Франціей и Англіей конца XVIII вѣка кажется необъяснимымъ. Но сходство между ними было поверхностное, въ глубинѣ все было различно. Одинаковый потокъ философскихъ идей пронесся по обѣимъ странамъ: въ Англіи онъ коснулся однихъ высотъ, во Франціи взрылъ почву, и между тѣмъ какъ въ первой онъ оставилъ за собой легкую и блестящую пѣну на верхушкахъ большихъ деревьевъ, во второй—онъ легъ густымъ и плотнымъ слоемъ, который покрывалъ и пропитывалъ всю землю ²⁾. Въ Англіи невѣріе было дѣломъ моды и хорошаго тона, трансцендентальнымъ развратомъ, аристократической аффектаціей и утонченностью; во Франціи оно было господствующей и всеобщей страстью; все среднее сословіе было имъ одушевлено, и многими своими сторонами невѣріе проникло въ массы. Въ Англіи «джентри» буржуазія, крестьяне, работники, военные оставались религіозными ³⁾, пламенно вѣрующими и всегда способными доводить вѣру до фанатизма. «Фанатизмъ породилъ вѣру, фанатизмъ ее поддерживаетъ, фанатизмъ ее разрушить», говорила Екатерина Великая ⁴⁾. Но фанатизмъ не разрушилъ вѣры, а сохранилъ ее, такъ какъ это былъ духъ сектантства, а не невѣрія. Самые яростные уравниатели семнадцатаго вѣка ссылались на св. писаніе. Въ Англіи оказались неистощимые источники ереси, но въ ней не образовалось глубокаго потока атеизма. Всѣ заблужденія вѣры находили приверженцевъ, одинъ культъ разума не нашелъ ни одного неофита. Словомъ, въ Англіи было безконечно болѣе диссидентовъ, чѣмъ революціонеровъ; люди, желавшіе переменъ, искали вдохновенія въ библіи, а не въ *Contrat social*.

²⁾ CORNELIS DE WITT, *La société anglaise et la société au dix-huitième siècle*.

³⁾ «Ни одна нація не нуждается такъ въ религіи, какъ англичане». Montesquieu, *Pensées*.

⁴⁾ Письмо къ Чернышеву 1770 г. Труды Россійскаго историческаго общества, т. II.

Война съ церковью, приведшая Францію къ поглощенію церкви государствомъ, а затѣмъ къ упраздненію всякой церкви и государственному безвѣрію, породила въ Англіи, въ силу реакціи, различныя секты вѣрующихъ, методистовъ и вызвала усиленіе вѣры въ установленной церкви. Въ 1779 году диссидентамъ разрѣшено проповѣдывать и обучать съ единственнымъ условіемъ—исповѣдывать христіанскую религію. Въ 1789 году, въ моментъ начала революціи, въ Лондонѣ обсуждалось предложеніе объ отмѣнѣ *акта о корпораціяхъ—акта отреченія* (*acte du test*) и допущеніи католиковъ къ занятію всѣхъ должностей⁵⁾. Диссиденты и католики не покушались ниспровергнуть конституцію; они требовали лишь одной свободы, и, чтобы даровать имъ ее, парламенту стоило только согласовать свои дѣйствія съ духомъ англійскихъ учреждений. Кромѣ того, всѣ секты были единодушны, коль скоро дѣло шло о борьбѣ противъ невѣрія, и французская революція встрѣтила, въ этомъ отношеніи, одинаковую враждебность во всѣхъ отбѣнкахъ англійскаго диссидентства. Такимъ образомъ, духъ сектантства и фанатизма, сдѣлавшійся революционнымъ во Франціи, оказался консервативнымъ въ Англіи, и главный элементъ народныхъ волненій обратился противъ французской революціи. Что касается до невѣрующихъ по профессіи, то опытъ, произведенный во Франціи, заставилъ ихъ призадуматься; увидя послѣдствія доктринъ, они стали серьезно сомнѣваться въ самомъ ихъ принципѣ. Сверхъ того, это были, прежде всего, свѣтскіе люди и скептики; безвѣріе вышло изъ моды и скептицизмъ обратился противъ безвѣрія.

Подобная же эволюція совершилась и въ политикѣ. За послѣднее время въ Англіи появилась очень бойкая партія демократовъ, которая производила много шума своими рѣчами и митингами, щеголяя новизною своихъ воззрѣній. Въ глазахъ англичанъ она была «жалкой партійкой, безъ денегъ, безъ оружія, безъ организаціи, безъ вождей». Связи съ французскими революціонерами, которыхъ они, будто бы, завязали, сдѣлали демократовъ ненавистными народу, считавшему ихъ вслѣдствіе этого измѣнниками и соучастниками врага. Патріотизмъ англичанъ, столь же ревнивый и подозрительный, какъ патріотизмъ французовъ, преслѣдовалъ единомышленниковъ якобинцевъ съ такой же яростью, съ какою послѣдніе преслѣдовали во Франціи «союзниковъ и наемниковъ Питта». Англійскіе демократы не создали прозелитовъ въ Англіи, но многихъ ввели въ заблужденіе во Франціи. Они сильно способствовали ускоренію войны между двумя народами, возбуждая въ однихъ надежду на англійскую революцію, параллельную французской, а въ другихъ—страхъ передъ нею. Они зашли такъ далеко, что виги, привѣтствовавшіе французскую революцію какъ новую

⁵⁾ ERSKINE MAY, t. II, ch. XII.

эру, съ которой начинается миръ для всего человѣчества, утратили свою популярность, благодаря именно своей симпатіи и поклоненію революціи. Нѣкоторые изъ нихъ, покинутые друзьями и кліентами, упорствовали въ своихъ убѣжденіяхъ. Самымъ благороднымъ и знаменитымъ между ними былъ Фоксъ; большинство же послѣдовало за Боркомъ и вмѣстѣ съ нимъ прокліяло Францію. Однако, это были люди опредѣленныхъ принциповъ и великихъ теорій; но, въ противоположность французамъ, которые начинали съ того, что ставили принципъ *a priori* и старались подгонять факты къ доктринѣ, англичане «всю силу своихъ способностей тратили на то, чтобы во всѣхъ случаяхъ выводить теорію изъ практики и находить для фактовъ подходящія философскія воззрѣнія⁶⁾. Это и привело къ тому, что одно и то же воспитаніе и однѣ и тѣ же доктрины создали по одну сторону пролива пламенныхъ разрушителей, а по другую—крайнихъ консерваторовъ.

Англійская нація съ страстной горячностью высказалась за консерваторовъ. Какъ ни мятежны и беспокойны англичане, но они крѣпко держатся за свои учрежденія и производятъ много шума, чтобы достигнуть очень ничтожныхъ реформъ. Между тѣмъ какъ французъ презиралъ свое правительство, ненавидѣлъ свое духовенство и дворянство и возмущался противъ своихъ законовъ, англичанинъ гордился своей религіей, своей конституціей, своимъ королемъ, своей аристократіей, своей палатой лордовъ. Все это были башни той грозной бастиліи, за стѣнами которой онъ укрывался для того, чтобы подъ британскимъ знаменемъ судить Европу и подавлять ее своимъ презрѣніемъ. Онъ допускалъ, что внутри крѣпости могли спорить о командованіи, но чужеземецъ не долженъ къ ней приближаться. Англійскія дѣла его не касаются и общественное мнѣніе возстало бы противъ него.

Подобно тому, какъ въ политической борьбѣ среднихъ вѣковъ, бароны соединялись съ народомъ противъ королевской прерогативы, такъ и теперь коммуны соединились съ аристократіей, чтобы защищать противъ революціоннаго духа хартію и королевскую власть. Борясь противъ революціи, Англія слѣдовала постояннымъ традиціямъ своей исторіи; оборонительная война была всегда войной народной. Англія была единственнымъ грознымъ противникомъ французской революціи, потому что только она могла противопоставить ей аналогичныя силы: національные принципы и народныя страсти. Англичане потому только играли видную роль въ великомъ кризисѣ, гдѣ континентальная Европа оказалась такой жалкой, что они оправдывали сужденіе, высказанное нѣкогда Монтескье: «Ни одинъ народъ въ мірѣ не сдумѣлъ лучше англичанъ воспользоваться тремя великими вещами: религіей, торговлей и свободой»⁶⁾.

⁵⁾ REMUSAT, *l'Angleterre au dix-huitième siècle*, t. II, p. 449.

⁶⁾ *Esprit des lois*, liv. XX, ch. VII.

ГЛАВА II.

Голландія.

I.

«Вслѣдъ за Англіей идетъ Голландія, какъ шлюпка повторяющая движеніе военнаго корабля, къ которому привязана. Голландцы, какъ граждане, ненавидятъ штатгальтерство, видя въ немъ шагъ къ тираниі, а какъ купцы, они въ дѣлѣ политики руководствуются только своими интересами»¹⁾. Эти строчки Фридриха резюмируютъ и мнѣніе современниковъ и все, что необходимо знать для правильной оцѣнки той роли, которую сыграла республика Соединенныхъ провинцій въ первомъ кризисѣ французской революціи. Эта республика заключала въ себѣ семь провинцій²⁾: Гельдернъ, Голландію, Зеландію, Утрехтъ, Фрисландію, Гренингенъ, Обериссель. Каждая составляетъ олигархію, въ которой дворянство имѣетъ весьма слабое значеніе, а богатая буржуазія—всесильна: у нея свои штаты и самостоятельное управленіе. Для общихъ дѣлъ провинцій—штаты выбираютъ депутатовъ, которые собираются въ Гагъ въ качествѣ представителей республики предъ иностранными державами, рѣшаютъ вопросъ о мирѣ и войнѣ. *Leurs hautes puissances les états généraux* (ихъ величества генеральные штаты), какъ ихъ называютъ, имѣютъ соперника по власти въ лицѣ штатгальтера, адмирала Союза и намѣстника пяти провинцій: Зеландіи, Голландіи, Утрехта, Гельдерна и Оберисселя. Облеченный этимъ высокимъ саномъ, принцъ Оранскій не обладаетъ относительно генеральныхъ штатовъ прерогативами государя—въ отношеніяхъ къ парламенту, но стремится къ этому; не довольствуясь принадлежащей ему военной властью, онъ мечтаетъ о политической, и въ результатѣ являются постоянныя столкновенія между штатгальтеромъ и штатами.

Франція, при Генрихѣ IV и Людовикѣ XIII сильно способствовала установленію этой республики и въ концѣ шестнадцатаго вѣка въ Голландіи существовала очень дѣятельная и очень вліятельная французская партія. Но въ самомъ принципѣ союза между Франціей и Голландіей таился за-

¹⁾ FRÉDÉRIC II. *Mémoires. Introduction.*

²⁾ См. HIMPY. *Histoire de la formation territoriale des Etats de l'Europe centrale*, liv. VII, ch. II.

родышъ враждебности. Голландцы прежде всего—нація независимая и торговая; они искали покровительства Франціи, чтобъ обезпечить свою національную самостоятельность отъ австрійскаго дома и свободу своей торговли отъ англичанъ. Франція покровительствовала Голландіи, чтобъ удалить австрійскій домъ отъ устьевъ Шельды и Рейна, ослабить англійское вліяніе и открыть себѣ путь въ Нидерланды. Этого болѣе всего опасались голландцы; имъ казалось, что если Франція откроетъ доступъ своимъ кораблямъ въ Антверпенъ и овладѣетъ Фландріей, то она представитъ болѣшую опасность для ихъ политической независимости и свободы ихъ торговли, чѣмъ Англія и австрійскій домъ. Отсюда произошло то, что, призавши сначала на помощь Францію, Голландія стала впослѣдствіи противодѣйствовать ей, и Франція, освободивши ее сначала, захотѣла потомъ поработить. Отсюда же произошло и то, что чувства ненависти, съ одной стороны, и гнѣва—съ другой замѣнили чувства признательности и пріязни. Голландцы страшнулись ига испанцевъ, чтобъ замѣнить его игомъ французовъ; они приписывали тираниі все притязанія, которыя считали враждебными своимъ интересамъ; французы въ каждомъ противодѣйствіи видѣли неблагодарность³⁾. Быть можетъ Франція могла бы примирить голландцевъ съ своими планами, еслибъ заинтересовала ихъ ими и успокоила насчетъ послѣдствій, которыя могутъ возникнуть лично для нихъ; но чтобъ дать подобныя обезпеченія—нужна была снисходительность, которая не была во вкусѣ Людовика XIV, и умѣренность, которая не согласовалась съ его политикой.

Чтобъ вполне понять все послѣдствіе сношеній Голландіи съ властями, ишедшими изъ французской революціи, необходимо постоянно памятовать о сношеніяхъ этой республики съ Людовикомъ XIV. Это два эпизода одной и той же исторіи. Со времени первой попытки Людовика XIV овладѣть Нидерландами, т. е. такъ называемой войны за испанское наслѣдство (*guerre de dévolution*), голландцы, испугавшись успѣховъ Франціи и желая ихъ остановить, соединились съ англичанами и шведами; миръ въ Ахенѣ 1668 былъ заключенъ при ихъ совокупномъ посредничествѣ. Хотя этотъ трактатъ принесъ Людовику не мало выгоды и славы, но онъ не могъ простить голландцамъ ихъ вмѣшательства и въ 1672 напалъ на республику. Тюреннъ и Конде предводительствовали арміями, и голландцы сознавали, что не въ

³⁾ Людовикъ XIV писалъ въ 1672: «Хотя для государей, какъ и для частныхъ лицъ, неприлично упрекать за благодаренія, которыми они осыпали своихъ друзей или сосѣдей, однако мы имѣемъ право, не боясь впасть въ эту ошибку, приписать причины и начало войны, возгорѣвшейся въ настоящее время между Франціей и Соединенными провинціями, неблагодарности и нестерпимому тщеславію голландцевъ». SAMILLE ROUSSET. *Louvois*, t. I, ch. V.

силахъ сопротивляться, а потому смирились, согласились на присоединеніе Бельгіи къ Франціи и предложили уступить Маастрихъ, Буа ле-Дюкъ, Бреду, Бергенъ-опъ-Зумъ, голландскій Брабантъ и принадлежащую имъ часть Фландріи съ уплатою десяти милліоновъ. Лувуа нашелъ это однако недостаточнымъ. Онъ полагалъ, что республика, сохраняя свою цѣльность, будетъ всегда служить очагомъ сопротивленія французской политикѣ и крѣпостью, доступной всѣмъ врагамъ Франціи. «Единственный способъ завоевать Нидерланды состоитъ въ томъ, чтобъ унижить Голландію и, если можно, уничтожить ее», писалъ онъ въ 1671. Онъ потребовалъ Нимвегенъ, Гельдернъ, торговые выгоды, двадцать четыре милліона, свободу католическаго вѣроисповѣданія и наконецъ вассальство семи провинцій. Это было уже поработеніе, если не завоеваніе.

Голландцы возмущались. Они отняли власть у партіи умѣренныхъ, обвиняя ихъ въ слабости; возстановили штатгальтерство со всѣми полномочіями революціонной диктатуры; партизаны Франціи были умерщвлены. Наконецъ, голландцы прорвали плотины; Людовикъ XIV собирался уничтожить ихъ страну, они ее затопили. Этотъ героизмъ подготовилъ ихъ спасеніе; избранный ими вождь довершилъ его. Кругомъ нихъ возникалъ великій Европейскій союзъ противъ Людовика XIV, и Вильгельмъ Оранскій принялъ начальство надъ этимъ союзомъ. Борьба закончилась только Утрехтскимъ договоромъ, который, присоединивъ Нидерланды къ Австріи, отдалъ ихъ подъ охрану Голландіи и гарантировалъ послѣдней то что она цѣнила выше всего, а именно: закрытіе устьевъ Шельды для торговли бельгійскихъ провинцій.

Эти геройскія усилія какъ будто истощили ихъ энергію. Послѣ упорной борьбы для спасенія своей свободы, они сочли ее обезпеченной навсегда и думали только о томъ, чтобъ изгладить слѣды этой продолжительной войны. Мужественно пожертвовавъ, ради своей независимости, торговыми интересами, они всецѣло отдались теперь заботѣ о торговлѣ и мало-по-малу принесли ей въ жертву и самую независимость. Восшествіе Вильгельма на англійскій престолъ сдѣлало изъ голландцевъ сначала товарищей, потомъ сателлитовъ, потомъ подчиненныхъ этой союзной державы, которая продолжала соперничать съ ними въ торговлѣ и колоніяхъ. Восемнадцатый вѣкъ—эпоха ихъ благосостоянія и удачныхъ торговыхъ операций, но въ то же время паденія достоинства и могущества страны. Дидеро, посѣтившій Голландію въ 1773, восхищался торжественностью, царившею въ Собраніи генеральныхъ штатовъ. «Купцы и банкиры принимаютъ тамъ импонирующий тонъ и величавый видъ королей». Но принужденъ былъ прибавить, что «честолюбіе республики состояло въ томъ, чтобъ разбогатѣть,

а не въ томъ, чтобъ увеличиться» ⁴⁾. Фавье, ближе изучавшій Голландію, не обманывается этой величавой вышностью. «Голландія боится всего, жалуется на все и не обезпечиваетъ себя ничѣмъ!» пишетъ онъ.

Вполнѣ спокойная за свою колониальную торговлю, она вела въ Европѣ только финансовую политику, помѣщая свои капиталы, давая въ долгъ за большіе проценты нуждающимся государствамъ. Честолюбіе ея состояло въ томъ, чтобъ сдѣлаться биржей континентальной Европы. Но та политика, отъ которой Голландія такимъ образомъ отрещивалась, должна была рано или поздно охватить ее, и самое усиліе освободиться и тѣ денежныя операціи, которыя она совершала въ Европѣ, связывали ее безъ помощи трактатовъ и противъ ея желанія дѣлали солидарной съ европейскими державами. Послѣднія третировали ее, какъ важные, но нуждающіеся въ деньгахъ, господа третируютъ своихъ банкировъ,—надменно послѣ заключенія условія и подобоострастно до этого заключенія. Денегъ голландскихъ еще добывались, но на правительство не обращали никакого вниманія, а переходъ отъ презрѣнія къ государству къ нарушенію его правъ дѣлается очень быстро. «Эта республика, нѣкогда очагъ войнъ, центръ мирныхъ переговоровъ, ожидаетъ съ трепетомъ рѣшенія своей участи отъ рѣшенія участи Европы; отнынѣ ея безопасность и могущество зависятъ отъ столкновенія между великими державами, среди которыхъ она перестала числиться», такъ говоритъ въ заключеніе Фавье ⁵⁾. «Батавцы!—восклицаетъ Рейналь,—судьба всякой коммерческой націи быть богатой, подлой, подкупной и поработенной!» Такъ судила о нихъ французская революція и сообразно съ такими взглядами относилась къ нимъ.

II.

Однако, эта революція, которая должна была повлечь за собою пораженіе, подчиненіе и, наконецъ, уничтоженіе голландцевъ, нашла среди нихъ при своемъ началѣ восторженныхъ учениковъ, убѣжденныхъ подражателей и безчисленныхъ поклонниковъ. Во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка остатки старой республиканской партіи образовали партію, которую почтили названіемъ «патріотической и французской», въ противоположность аристократической, опиравшейся на Англію, поддерживавшую штатгальтера. Однако, патриціатъ богатыхъ буржуа, составлявшихъ эту «патріотическую» партію, нельзя было назвать демократичнымъ. «Насколько они были республиканцы въ присутствіи штатгальтера, настолько же высокоумѣры въ отношеніяхъ

⁴⁾ *Voyage de Hollande.—Oeuvres*, Paris 1875—7.

⁵⁾ *Conjectures raisonnées*, sect. II, art. IX de la Hollande.

къ другимъ классамъ» ¹⁾. Бокъ-о-бокъ съ ними, въ низшихъ рядахъ буржуазіи, между людьми, которыхъ олигархи исключили изъ управленія, организовалась новая группа, которая не ограничивалась тѣмъ, что требовала старинныхъ вольностей, но открыто высказывала намѣреніе измѣнить республиканскія учрежденія и придать имъ демократическій характеръ. Эта группа, проникнутая философскими идеями, царившими во Франціи, относилась одинаково враждебно и къ буржуазной олигархіи, и къ деспотизму штатгальтера.

Французское министерство, которое со времени воцаренія Людовика XVI возобновляло повсюду традиціи, поддерживало патриціатъ; оно не ободряло немократовъ, но и не отрекалось отъ нихъ, и эта партія, которая своимъ противодействіемъ штатгальтеру и англійскому союзу служила, въ сущности, интересамъ французской политики, ожидала отъ Франціи существенной помощи. Установленіе республики Соединенныхъ штатовъ укрѣпило эти надежды. Примѣръ этотъ оживилъ всѣхъ патриотовъ, патрицевъ и демократовъ, и такъ какъ захваты власти со стороны штатгальтера постоянно усиливались, то обѣ оппозиціонныя партіи, несмотря на несогласіе въ принципахъ, соединились противъ него. Волненіе, которое начало проявляться въ 1784 г., перешло въ 1787 году въ настоящую революцію.

Франція, силы которой были парализованы внутренними затрудненіями, не могла оказать поддержки патриотамъ. Англія имъ угрожала; Пруссія, довый король которой былъ зятемъ Вильгельма Оранскаго, послалъ ему на помощь армию подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго. Патриоты не оказали серьезнаго сопротивленія. Олигархическіе буржуа не отличались воинственностью, а крайняя слабость демократовъ обнаружилась при первомъ столкновеніи съ регулярными войсками. Сверхъ того, національная независимость не подвергалась риску; въ Голландіи всѣмъ было извѣстно, что ни Англія, ни Пруссія не стремились завоевать Голландію и что въ основѣ борьбы лежалъ только вопросъ о прерогативахъ внутренняго управленія. Революционные виды демократовъ пугали робкіе умы, и купцы, образовавшіе большинство, совѣтовали покориться. Штатгальтеръ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ короля на англійскій ладъ, и республиканская Голландія постепенно перерождалась въ королевство. Отнынѣ политика соединенныхъ провинцій была тѣсно связана съ политикой Англіи и Пруссии.

Благодаря своей слабости, Франція лишилась союза съ Голландіей; но надменность англичанъ и слишкомъ очевидные планы Вильгельма Оранскаго задавить республику снова вернули французамъ расположеніе голландцевъ. Ихъ перестали бояться и вновь повѣрили въ ихъ могущество, когда они

¹⁾ ALBERT RÉVILLE, *La Hollande et le roi Louis. Revue des deux Mondes*, 1870.

съ такимъ энтузіазмомъ предприняли полную реформу всего государства ²⁾. Изгнанные въ большомъ числѣ послѣ событій 1787 года, патриоты и демократы нашли убѣжище во Франціи. Они видѣли въ революціи общее дѣло. Сильно космополитическій характеръ новыхъ французскихъ принциповъ возбуждалъ въ нихъ пламенные надежды: искренно вѣря, что успѣхъ революціи во Франціи ускоритъ часть освобожденія ихъ родины, они горячо желали ей этого успѣха.

Такимъ образомъ, французская революція встрѣтила въ Голландіи враждебное правительство и сочувственный народъ, власть, готовую бороться съ ней, и партію, готовую помогать ей. Торжество послѣдней обезпечивало за Франціей дружбу республики. Древній союзъ французской монархіи съ голландской олигархіей могъ возобновиться между двумя націями, которыя, освободившись отъ стараго режима и съ помощью аналогичныхъ революцій, преобразовались въ два демократическихъ государства.

Но и самыя полныя революціи не измѣняютъ ни характера народовъ, ни ихъ міровыхъ интересовъ. Мало того, чѣмъ демократичнѣе становятся конституціи, тѣмъ рѣзче проявляется національный характеръ политики и тѣмъ деспотичнѣе господство народныхъ интересовъ. Когда двѣ демократическія республики—одна въ Гагѣ, другая въ Парижѣ, стали вести переговоры, то Франція и Голландія очутились въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ онѣ были во времена Людовика XIV, наканунѣ войны за испанское наслѣдство. Голландскіе демократы не могли смотрѣть съ большою довѣрчивостью чѣмъ патриціи на то, что Франція простерла свою границу до Мааса и Рейна; открытіе для торговли устьевъ Шельды, провозглашенное французскими республиканцами, казалось столь же разорительнымъ для ихъ торговли, какимъ оно было, когда его требовали французскіе короли. Наконецъ, они были прежде всего патриоты, ревниво оберегавшіе независимость своей страны. Имъ было все равно, какъ титуловались чужеземные властители, коль скоро они собирались поработить Голландію. Франція по-прежнему могла только или привлечь ихъ на свою сторону умѣренностью, или подчинить силой своего оружія. Голландцамъ было крайне выгодно оставаться союзниками правительства, которое защищало ихъ отъ враговъ, не угрожая ни ихъ торговлѣ, ни самостоятельности; они не могли согласиться на то, чтобы сдѣлаться вассалами завоевательнаго деспотизма, который сводилъ все ихъ значеніе на роль казначеевъ и адмираловъ своего государства. Это равнялось бы разоренію и самоубійству. Какъ ни сурово и даже невыгодно было преобладаніе Англіи, все таки оно казалось имъ

²⁾ См. KAMPEN, *Geschichte der Niederlande*. Hambourg, 1833, liv. VII, ch. III. Также *Mémoire sur la révolution de Hollande* par CAILLARD, publié par Séguier, *Décade historique*, t. III,—Réville, см. выше.

предпочтительнѣе; по крайней мѣрѣ, англичане обеспечивали за ними миръ и благосостояніе.

Сентъ-Эвремонтъ говорилъ: «Приходишь къ убѣжденію, что голландцы любятъ свободу и ненавидятъ лишь одинъ гнетъ» ³⁾. Они просили Питта спасти ихъ отъ Наполеона, какъ нѣкогда просили Вильгельма III спасти ихъ отъ Людовика XIV. Несмотря на различіе въ перипетіяхъ и эпизодахъ этой борьбы, несмотря на вынужденную покорность голландцевъ и неслыханное торжество Франціи, кризисъ разрѣшился для Голландіи такъ же, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, еще съ большею честью и болѣе несомнѣнными выгодами. Въ 1713 г. имъ поручили охрану Бельгій, въ 1814 г. въ ихъ руки передали управленіе ею. Въ томъ и другомъ случаѣ ихъ злоба противъ Франціи казалась такой сильной, а ихъ интересы столь очевидными, что соединенная и побѣдоносная Европа не нашла ничего лучшаго, какъ довѣрить голландцамъ свои самые передовые посты и сдѣлать изъ нихъ авангардъ противъ Франціи. Такимъ образомъ, на разстояніи цѣлаго вѣка и при совершенно иныхъ условіяхъ сила вещей, которая нѣкогда соединила, а потомъ разъединила Францію и Голландію, заставила французовъ, въ силу логическаго сѣвленія послѣдствій, сначала освободить, потомъ завоевать, потомъ расчленивъ, разорить и, наконецъ, вычеркнуть изъ числа націй голландцевъ, изъ которыхъ они сдѣлали враговъ только потому, что не сумѣли сдѣлать ихъ друзьями.

³⁾ *Discours sur les historiens français.*

ГЛАВА III.

Испанія.

I.

Голландія, въ силу игры собственныхъ интересовъ, колебалась между Франціей и Англіей. Испанія, въ концѣ стараго порядка, казалась неразрывно связанною съ Франціей. Обѣ династіи, оба правительства и оба народа были объединены тѣснѣйшимъ изъ союзовъ, когда-либо заключеннымъ между двумя государствами, а именно, такъ называемымъ *Семейнымъ договоромъ*, трактатомъ, скрѣпившимъ 15 августа 1761 г. союзъ, политическій и торговый, среди бѣдственнѣйшаго кризиса Семилѣтней войны. Франція обязана была Испаніи тѣмъ, что не была поставлена въ еще болѣе унижительное положеніе. Добросовѣтность, съ которою испанцы выполняли принятыя ими на себя обязательства, не осталась непризнанною со стороны французовъ. Въ то время, какъ австрійскій союзъ подвергался всеобщему и рѣзкому порицанію, Семейный договоръ одобрялся всѣми, по крайней мѣрѣ въ своемъ принципѣ. И это потому, что самая сила вещей сближала оба государства такъ же, какъ узы крови соединяли обѣ династіи. Возраженія, направляемыя противъ Семейнаго договора, касались лишь частныхъ вопросовъ, и они происходили изъ того, впрочемъ довольно правильнаго понятія, которое сложилось во Франціи относительно Испаніи и испанскаго народа.

Вопреки стараніямъ Карла III и его министровъ, стремившихся поднать эту страну, настроить ее на общеевропейскій ладъ и, какъ тогда выражались, вывести изъ летаргическаго сна, Испанія обнаруживала явные признаки упадка ¹⁾. По недостатку денегъ и людей, армія была состоятельна только по вышности. Все приносилось въ жертву флоту. Въ 1778 г., испанскій флотъ насчитывалъ 67 линейныхъ кораблей и 32 фрегата. Такой флотъ былъ необходимостью для страны: извлекая главные ресурсы свои изъ колоній, испанцы принуждены были защищать ихъ побережье въ военное время, а въ мирное—охранять торговлю, которой постоянно грозила англійская и голландская контрабанда. Сверхъ того приходилось кон-

¹⁾ См. ROSSEEUW-SAINT-HILAIRE, *Histoire d'Espagne*, t. XIII.—BAUMGARTEN, *Geschichte Spaniens*.—LAFUENTE, *Storia general de Espana*, t. XXI, Madrid, 1858.

вопровать пресловутые галіоны, привозившіе въ Испанію золото американскихъ рудниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ военный флотъ, обезпечивавшій такимъ образомъ государственные доходы, поглощалъ на свое содержаніе большую часть этихъ самыхъ доходовъ. Испанія не имѣла торговаго флота. Она почти ничего не производила, она ввозила слитки золота и вывозила товары и фабрикаты въ постоянно уменьшавшемся количествѣ. Вслѣдствіе такого положенія торговли контрабанда являлась серьезною опасностью²⁾. Даже въ Средиземномъ морѣ каботажное судоходство велось подъ иностраннымъ флагомъ: фрахтовая плата, комиссія, промѣнъ поглощали всю прибыль. «Европейскіе народы, писалъ Монтескье, — ведутъ на глазахъ испанцевъ всю торговлю ихъ монархіи»³⁾.

Внутри страны, вслѣдствіе отсутствія дорогъ и каналовъ, не производилось никакой торговли; не было возможности отправляться за хлѣбомъ въ тѣ края, гдѣ онъ росъ въ изобиліи, такъ что земледѣлецъ разорялся, а прибрежныя мѣстности продовольствовались иностраннымъ хлѣбомъ. Кромѣ того, слѣдствіемъ духа независимости и сравнительной автономіи различныхъ провинцій являлись внутреннія таможи. Испанцевъ упрекали за то, что они не обрабатываютъ своихъ земель: имѣя ограниченныя потребности и считая земледѣліе менѣе почетнымъ трудомъ, они дѣйствительно пренебрегали своими естественными богатствами; однако не слѣдовало и преувеличивать размѣра этихъ богатствъ. «Одна треть этой страны воздѣлывается», читаемъ мы у одного публициста, писавшаго въ 1773 г.; «другая треть могла бы быть воздѣлана съ теченіемъ времени, при помощи большихъ затратъ и усилій; остальное не воздѣлывается и навсегда останется въ дикомъ состояніи»⁴⁾. Тѣ же причины, которыя обуславливали жалкое положеніе земледѣлія не позволяли развиваться и промышленности. Населеніе уменьшалось вслѣдствіе правовъ и всеобщей изнѣженности, маюратовъ и чрезмѣрнаго умноженія монашескихъ орденовъ. Фавье называлъ испанцевъ «романическою, непредусмотрительною націей», ненавидящей иностранцевъ, управляемой монахами, лѣнивой и дерзкой, «на двѣсти лѣтъ отставшей отъ другихъ цивилизованныхъ народовъ». Неисправимое управленіе умножало налоги и по мѣрѣ увеличенія ихъ тяготы усиливали составъ своихъ агентовъ, а слѣдовательно и притѣсненія, взимая тѣмъ неусыпнѣе, чѣмъ болѣе хотѣло взимать. Въ 1788 г. цифра населенія до-

²⁾ Въ 1790 г. было вычислено, что «на 200 милліоновъ товаровъ всякаго рода, требовавшихся испанскими колоніями у своей метрополіи, она могла доставить имъ этихъ товаровъ не болѣе какъ на 70 милліоновъ. См. *Mémoires de Mirabeau*, t. VII, p. 422.

³⁾ *Esprit des Lois*, liv. XIX, ch. X.

⁴⁾ FAVIER, *Conjectures raisonnées*, art. XII: de l'Espagne.

ходила до 11 милліоновъ, а общая цифра государственнаго дохода равнялась 200 милліоновъ франковъ. Испанскій король, по выраженію Монтескье, есть не что иное, какъ «очень богатое частное лицо въ очень бѣдномъ государствѣ»⁵⁾. Главный ресурсъ казны составляли американскіе золотые слитки, накопленные на случай войны; но и это былъ ресурсъ плохой, потому что онъ оставался непродовольственнымъ и потому что въ случаѣ морской войны непріятельскія суда, преграждая путь въ колоніи, помѣшали бы и его возобновленію.

Впрочемъ американскіе доходы уменьшались по мѣрѣ того, какъ давали себя чувствовать послѣдствія никауда негоднаго режима эксплуатаціи, которому подвергались колоніи, и ослабленія метрополіи. Раздираемая глухою расовою борьбою, волнуемая духомъ мятежа подъ вліяніемъ Соединенныхъ штатовъ, угнетенная и истощенная, лишенная всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ торговыхъ сношеній, эти колоніи содѣйствовали всѣмъ причинамъ паденія Испаніи, не обладая въ самихъ себѣ пассивною силою сопротивленія, которую Испанія почерпала въ своемъ прошломъ и въ своихъ традиціяхъ. Англія готовила себѣ въ испанскихъ колоніяхъ блистательный реваншъ за ту поддержку, которую Испанія имѣла дерзость оказать освобожденію сѣвероамериканцевъ. До 1789 года уже была попытка возстанія въ Перу; революція, которая вспыхнула двадцать пять лѣтъ спустя, уже начинала подготавливаться. Этому содѣйствовали самыя разнородныя причины. Іезуиты держали исключительно въ своихъ рукахъ и нравственную и религіозную дисциплину этихъ странъ; они одни проповѣдывали и учили покорности метрополіи; упраздняя ихъ, Испанія уничтожала главное орудіе своего господства, и распущеніе іезуитскаго ордена сдѣлало для независимости Южной Америки не менѣе, чѣмъ примѣръ Соединенныхъ штатовъ, пропаганда французской революціи и поощренія со стороны англичанъ. Такимъ образомъ Испанія, жившая на счетъ своихъ колоній, эксплуатируя ихъ, разоряла и колоніи и себя.

Публицисты, изучавшіе въ послѣдніе годы стараго порядка отношенія Франціи и Испаніи, полагали, что возстаніе въ американскихъ владѣніяхъ Испаніи весьма вѣроятно; однако же они находили, что это можетъ быть и предотвращено измѣненіемъ колониальной системы метрополіи⁶⁾. Они охотно преувеличивали ресурсы Испаніи и легкость, съ которою искусное правительство могло бы улучшить въ ней положеніе торговли, земледѣлія, промышленности и финансовъ. Они находили, что союзъ полезенъ для фран-

⁵⁾ Книга XXI, гл. XXII.

⁶⁾ См. RAYNAL, *Histoire philosophique*, liv. VIII, ch. XXXV: *la Domination espagnole a-t-elle une base solide dans le nouveau monde?*

цuzовъ и необходимъ для испанцевъ ⁷⁾, но, по ихъ мнѣнію, Франціи должно быть предоставлено руководство общеою политикою обоихъ королевствъ. «Надо оставить старую моду испанскаго вліянія на Францію», писалъ Фавье; «необходимость и дѣйствительно низшая степень могущества должны заставить младшую вѣтвь занять подобающее ей мѣсто; другая должна руководить, подавая ей примѣръ и вернувъ себѣ, такъ сказать, свое право старшинства». Между обѣими націями существовалъ чрезвычайно болѣзненный пунктъ,—то была Луизіана, которую Людовикъ XV нашелъ нужнымъ уступить Испаніи въ видѣ вознагражденія, въ 1763 году. «Принуждены были не только уступить, но и употребить насилие для передачи Испаніи Новаго Орлеана», писалъ одинъ современникъ.—«Эти вѣрные родинѣ французы должны были покориться испанскому игу; опустимъ завѣсу на эту трагедію: новые хозяева, по своему обыкновению, приобрѣли лишнюю пустыню» ⁸⁾.

Франція желала возвратитъ себѣ Луизіану; Испанія еще болѣе страстно желала снова овладѣть Гибралтаромъ. Она мечтала также и о присоединеніи Ямайки, утраченной въ 1655 г., и питала тайную и опасно-честолюбивую надежду захватить Португалію. Этотъ захватъ былъ постояннымъ намѣреніемъ и какъ бы секретомъ испанской политики. «Я пытался, по мѣрѣ возможности, поддерживать добрыя отношенія съ Португаліей,—писалъ Карлъ III въ 1787 г.—Такого образа дѣйствій слѣдуетъ держаться до той поры, когда представится возможность присоединить это королевство» ⁹⁾. Эти честолюбивыя пожеланія связывали Испанію съ Франціей, а классическое ухищреніе французской дипломатіи заключалось въ пользованіи ими для вовлеченія Испаніи въ собственныя предпріятія противъ Англіи. Такимъ-то образомъ, несмотря на опасность примѣра и очевидную пагубность дѣла для его колоній, Карлъ III далъ увлечь себя къ оказанію поддержки сѣверо-американцамъ во время ихъ возстанія противъ Англіи.

⁷⁾ «Это,—писалъ Фавье въ 1773 г.—естественныя, необходимыя и неразрывныя связи, основанныя на обоюдной и неизмѣнной выгодѣ обѣихъ державъ, отъ которой зависитъ ихъ внѣшняя морская безопасность, т. е. безопасность торговли». Бывшій французскій консулъ и пріятель Фавье заявлялъ въ 1789 г., что «Семейный договор (Pacte de famille) всегда долженъ почитаться священнымъ средствомъ огражденія общественнаго благополучія». *Situation Politique de la France: vues et développements des avantages que le Pacte de famille peut donner à la France*, 1789.

⁸⁾ FAVIER, BOUTARIC, *Correspondance secrète de Louis XV*, t. II, p. 218.

⁹⁾ BAUMGARTEN, liv. I, ch. I.

II.

Карлъ III умеръ въ самомъ началѣ французской революціи ¹⁾. Испанія давно не имѣла такого достойнаго государя. Онъ оставилъ хорошихъ министровъ: Аранду, Кампоманеса, Флориду Бланка; но имъ не дано было продолжить дѣло его царствованія. Благодѣтельное правленіе смѣнилось другимъ, самаго противоположнаго свойства. Испанія, поднятая на нѣкоторое время умнымъ королемъ, была опутана нѣсколько лѣтъ спустя сѣтью гнусѣйшей интриги, начало которой относится къ самому времени вступленія на престолъ новаго короля. Карлу IV было сорокъ лѣтъ: тучный тѣломъ и ограниченный умомъ, добродушный и вспыльчивый, неспособный повѣрить злу, потому что самъ неспособенъ былъ его совершить, влюбленный въ жену, цѣломудренный, набожный, а потому еще болѣе рабъ жены, чѣмъ рабъ своего темперамента ²⁾, онъ слѣпо вѣрилъ королевѣ всю свою жизнь. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружества, онъ весь отдался охотѣ, физическому труду, чревоугодію, музыкѣ, бою быковъ и утомлялся послѣ получасоваго занятія государственными дѣлами ³⁾.

Небольшого роста и некрасивая собою, но не лишенная граціи и привлекательности, Марія-Луиза Пармская была въ одно и то же время суетливой и страстной, невѣжественной, безпокойной по своему нраву, упрямой и безхарактерной, ограниченной и хитрой, склонной къ интригѣ, но безъ всякой послѣдовательности, скорѣе алчной, чѣмъ честолюбивой, пустой по уму и еще болѣе пустой по своему сердцу. Мужъ показался ей грубымъ и невоспитаннымъ: она стала относиться къ нему съ презрѣніемъ. Она ненавидѣла своего старшаго сына и весьма мало заботилась объ остальныхъ дѣтяхъ. Ей было тридцать четыре года, когда она вступила на престолъ и встрѣтилась съ Годоемъ. Воображеніе ея было разстроено, чувства не сдерживались ни религіозными, ни нравственными понятіями. Провинціальныи дворянчикъ, Годой семнадцати лѣтъ поступилъ въ королевскую гвардію, за неимѣніемъ надеждъ на другое поприще. Ему былъ двадцать одинъ годъ, когда его въ первый разъ увидѣла королева. Замѣчательно-красивый собою, съ правильными строгими чертами лица, такъ часто встрѣчающимися у южанъ и придающими въ молодости выраженіе сдержанной страсти и властности, а въ зрѣломъ возрастѣ—видъ непроницаемости и внушительности, замаскировававшій скудость ума, сухость сердца, деспотиче-

¹⁾ 14 декабря 1788 г.

²⁾ См. SAINTE-BEUVE, *Causeries du lundi*, t. V: *la princesse des Ursins*.

³⁾ См. любопытный документъ, изданный Юнгомъ: *Mémoires de Lucien Bonaparte*. Paris, 1882, t. II, p. 10.

скій эгоизмъ и всё ухищреніе испорченности, тѣмъ болѣе опасной, что она, повидимому, безсознательна. Королева безъ памяти влюбилась въ красавца; онъ воспользовался этимъ безъ стыда и совѣсти. Она не удовольствовалась тѣмъ, что онъ сдѣлался ея любовникомъ; она вздумала возвысить его, сдѣлать его министромъ, приобщить его къ власти. Она ввела его въ придворный кругъ и въ свою семью, а Карлъ IV, въ свою очередь, восхитился имъ.

Вначалѣ Марія-Луиза еще соблюдала нѣкоторую постепенность въ дарованіи ему почестей, скандально возраставшихъ по мѣрѣ усиленія страсти королевы. Но скоро власть фаворита сдѣлалась неограниченной. Годой имѣлъ такое же вліяніе на Марію-Луизу, какое она оказывала на Карла IV. Королева была ревнива и вспыльчива, фаворитъ — невозмутимъ и полонъ самомнѣніемъ; онъ, не стѣняясь, хвалился своими успѣхами у женщинъ и оскорблялъ ее своею невѣрностью, какъ оскорбляла она сама короля. Такимъ-то образомъ, наканунѣ революціи, эти три дѣйствующія лица начинали разыгрывать въ придворныхъ костюмахъ и при суровой обстановкѣ дворцовъ Филиппа II старую, какъ самъ порокъ и человѣческая глупость, комедію, въ которой жена обманываетъ добряка-мужа, а старая любовница эксплуатируется возлюбленнымъ. Пьеса начинается въ 1787 году, на подобіе главы изъ Жиль-Блаза; она закончится двадцать лѣтъ спустя развязкой въ шекспировскомъ вкусѣ. Осмѣянные, а затѣмъ и презираемые всѣми дворами, эти несчастные шли путемъ всевозможныхъ униженій и низостей къ зловѣщей катастрофѣ, разразившейся въ Байоннѣ. Въ началѣ царствованія Карлъ IV, королева и Годой ударились въ ханжество: король, вслѣдствіе укоровъ совѣсти, королева — изъ лицемѣрія, а Годой — по политическому расчету. Марія-Луиза желала власти ради фаворита, а фавориту эта власть желательна была ради наживы. Имъ необходимо было удалить прежнихъ совѣтниковъ Карла III. То были люди свободомыслящіе, но Испанія осталась вѣрною католицизму: Марія-Луиза и Годой стали опираться на старый испанскій религіозный фанатизмъ. Министры скоро утратили всякое вліяніе, а затѣмъ, благодаря королевѣ, подверглись и полной опалѣ. Предлогомъ послужила французская революція.

Въ Испаніи совершалась полная реакція. Церковь возвращала себѣ прежнее вліяніе; инквизиція была возстановлена. Повидимому, Испанія должна была отнестись къ революціи съ неизбѣжною враждебностью: король изъ рода Бурбоновъ и погруженное въ ханжество правительство могли только ненавидѣть революцію. Но король признавалъ себя не столько Бурбономъ, сколько мужемъ королевы, а Марія-Луиза надѣвалась личину благочестія только для того, чтобы замаскировывать свои интриги. Подъ вліяніемъ страсти она желала войны для того, чтобы дать Годой случай про-

славиться, и затѣмъ — мира, чтобы доставить ему популярность. Развращенный, малодушный дворъ какъ бы заранѣе обреченъ былъ на всё внушенія страха и соблазны алчности. Всё, кому пришлось имѣть дѣло съ испанскимъ дворомъ, пользовались его слабостью, чтобы господствовать надъ нимъ. Мы видимъ его связаннымъ съ Англіей, затѣмъ — съ Франціей; онъ, то щадить революцію, то рѣзко порицаетъ, то слабо противодѣйствуетъ; онъ ищетъ союза съ Директоріей, затѣмъ предается въ руки Наполеона, который уничтожаетъ его.

Франція видѣла въ Мадридѣ полную покорность своимъ намѣреніямъ; иллюзіи, на этомъ построенныя, были болѣе пагубны для Франціи, чѣмъ неспособность и низость испанскихъ правителей для самой Испаніи. Въ силу привычки и традицій стараго порядка, французы относились къ испанцамъ какъ къ второстепенной націи, предназначенной къ роли помощницы. Парижскіе политики считали испанскій дворъ трусливымъ и продажнымъ и не принимали въ соображеніе испанскаго народа. Они полагали, что съ этимъ народомъ можно сдѣлать все, что угодно. Нельзя сказать однако же, чтобы они презирали его, или завѣдомо намѣревались поработить, но они находили, что послѣдніе короли австрійскаго дома истощили и ослабили испанцевъ, что Бурбоны спасли ихъ отъ окончательнаго упадка, но, въ свою очередь, вырождаются, что только другое иностранное, болѣе просвѣщенное, болѣе способное и болѣе энергическое, правительство можетъ возродить Испанію при помощи рѣшительныхъ и цѣлесообразныхъ средствъ. То, что было предпринято Людовикомъ XIV въ исключительныхъ интересахъ деспотизма, Франція, возрожденная революціей, имѣетъ право и возможность совершить во имя блага Испаніи и всего человѣчества. Подобныя соображенія, упускавшія изъ вида существенный элементъ, то есть характеръ испанскаго народа, ввели въ заблужденіе и ошибку сначала Конвентъ, позднѣе Директорію, а затѣмъ вовлекли Наполеона въ самое роковое изъ его предпріятій. Такимъ то путемъ онъ вернулся къ плану Людовика XIV и пришелъ къ мысли посадить на тронъ Филиппа V, одного изъ своихъ братьевъ. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ дѣлахъ своихъ, Наполеонъ только развилъ и до крайности расширилъ политическіе планы, унаслѣдованные революціей отъ стараго порядка.

«Вы смотрите, повидимому, на испанскаго короля какъ на вице-короля или провинціальнаго намѣстника», говорилъ въ 1778 г. Флорида Бланка посланнику Людовика XVI графу Монморену. До тѣхъ поръ, пока въ Испаніи царствовали государи, покорявшіеся такому подчиненному положенію, дѣла шли безпрепятственно, и пока Карлъ IV оставался на испанскомъ престолѣ, расчеты парижскихъ политиковъ оказывались вѣрными: они приказывали, а Испанія, болѣе или менѣе охотно, повиновалась. Но когда, не

довольствуясь таким повиновением, Наполеонъ нашелъ возможнымъ овладѣть тѣмъ самымъ трономъ, который Бурбоны занимали уже только по его милости, онъ увидѣлъ себя предъ лицомъ самого испанскаго народа, и всѣ расчеты были ниспровергнуты.

III.

Духъ вѣка лишь слегка коснулся Испаніи; народъ не дышалъ воздухомъ свободы. Въ этой странѣ, гдѣ инквизиція сдѣлалась государственнымъ учрежденіемъ въ то самое время, когда во Франціи устанавливался парламентъ ¹⁾, власть церкви усиливалась одновременно съ ослабленіемъ ея во всѣхъ остальныхъ государствахъ ²⁾. Реформы Карла III, введенныя имъ безъ всякой постепенности, оставались всегда чуждыми и даже враждебными испанскому народу. Онѣ не перешли въ жизнь, потому что не согласовались съ нравами страны. Вокругъ Карла III и его «просвѣщенныхъ» министровъ группировался весьма малочисленный кружокъ людей, правда, почтенныхъ и выдающихся, но не пользовавшихся никакимъ вліяніемъ за предѣлами совѣта министровъ и государственнаго совѣта. Народъ ускользалъ отъ ихъ вліянія и его сдерживала только правительственная власть. Упраздненіе іезуитскаго ордена было въ высшей степени непопулярно; лишенные этихъ руководителей, которые, въ концѣ концовъ, еще умѣряли ихъ, испанцы отдались въ руки монаховъ и сдѣлались фанатичнѣе прежняго. Серьезною оппозиціей въ Испаніи была только та, которая противилась реформамъ. Реакція, послѣдовавшая за воцареніемъ Карла IV, была привѣтствована какъ мѣра общественнаго спасенія. Когда кортесы собрались въ 1789, чтобы признать короля и измѣнить порядокъ престолонаслѣдія, они вполне покорились Карлу IV, который явился только для того, чтобы распустить ихъ. Сильно привязанные къ династіи, равнодушные къ политическимъ вольностямъ, противящіеся нововведеніямъ, испанцы страстно преданы были только своей вѣрѣ и вольностямъ провинціальнымъ. Подъ ихъ внѣшнюю покорность установленной власти скрывался закоренѣлый духъ независимости. Въ сущности, они «покорялись не столько правительству, сколько собственнымъ нравамъ и обычаямъ». До тѣхъ поръ, пока правительство ничего не измѣняло въ этомъ отношеніи, они предоставляли ему распоряжаться всѣмъ остальнымъ; но если оно касалось этихъ нравовъ и обычаевъ, оно поражало ихъ въ самое сердце и вызывало возмущеніе. «Невѣжественный, бѣдный, лѣнивый ³⁾»,—пишетъ объ

¹⁾ Guizot, *Civilisation en Europe*, leçon XI.

²⁾ Buckle, Gervinus, Malouet, *Mémoires*, Baumgarten.

³⁾ *Mémoires du général de Ségur*, t. III, p. 745.

испанцахъ одинъ современникъ,—но гордый, воздержный, серьезный, упорный и честный, способный къ мощному импульсу и великодушнымъ порывамъ и непоколебимой преданности, этотъ народъ, изолированный и по своему характеру, и по своему географическому положенію, остался чуждымъ и равнодушнымъ къ успѣхамъ европейской цивилизаціи. Этотъ народъ враждебно относился ко всякимъ внѣшнимъ сношеніямъ, былъ доволенъ своею отчужденностью, усиливася суевѣрною религіозностью и покорностью по отношенію къ своему духовенству».

Подъ вліяніемъ чужеземнаго вторженія и революціи, низлагавшей династію, грозившей религіи, нарушавшей и насилувавшей ихъ нравы и обычаи, эти испанцы, которыхъ ни во что не ставили въ Европѣ и которые служили лишь предметомъ размышленій для философовъ и живымъ примѣромъ національнаго упадка,—внезапно вышли изъ своего оцѣпенія и проявили такой фанатизмъ и такую страстную любовь къ родинѣ, которые привели въ смущеніе всѣхъ европейскихъ политиковъ. Ихъ героизмъ однако же проистекалъ изъ одного источника съ ихъ политическимъ упадкомъ. Испанія осталась неподвижною среди преобразовывавшейся Европы. «Не подлежитъ никакому сомнѣнію,—писалъ Ришелье,—что испанцы превосходятъ насъ твердостью и постоянствомъ, усердіемъ и вѣрностью своимъ королямъ и отечеству». Наполеонъ нашелъ ихъ такими, какими оставались они послѣ изгнанія мавровъ. Если, вопреки мнѣнію философовъ, испанскій народъ не утомился плохимъ государственнымъ управленіемъ со времени Карла V ⁴⁾, это произошло отъ того, что всѣ вынесенныя имъ правительства одинаково льстили и наклонности его къ героическому романтизму, и неисправимой умственной лѣни. Въ особенности же остерегались они нарушать укоренившіеся обычаи.

Испанцы возмущались противъ вторженія французовъ въ силу тѣхъ самыхъ причинъ, которыя побуждали ихъ терпѣть и покоряться власти собственныхъ королей. Недостатки, содѣйствовавшіе ослабленію и упадку, превратились въ доблести. Ранѣе мы видѣли ихъ «угрюмыми, суровыми, странными и негостепріимными»; теперь презрѣніе къ чужеземцамъ превратилось въ свирѣпую ненависть. Въ глубинѣ души у нихъ всегда таилась ненависть къ французамъ. «Отецъ мой вышелъ бы изъ гроба, если бы предвидѣлъ войну съ французами» ⁵⁾, говорилъ одинъ испанецъ-крестьянинъ еще до революціи. Привычка къ бѣдности помогла имъ безропотно переносить военные лишенія; религіозный фанатизмъ воспламенилъ ихъ противъ угнетателей. Благодаря страсти къ приключеніямъ и независимой жизни, Испанія кишѣла бродягами, контрабандистами и разбойниками: изъ

⁴⁾ Письма Екатерины къ Гримму, стр. 575.

⁵⁾ Ferguson, цитир. Janet въ его *Histoire de la science politique*, t. II, p. 549.

нихъ-то, при первомъ призывѣ, образовались шайки непобѣдимыхъ, потому что были неуловимы, *зверилысовъ*. Фанатичные и неистовые священники жили въ этой средѣ: увлекши свою паству въ битву, они стали во главѣ отрядовъ. Экзальтированные испанскіе крестьяне сражались на подобіе турокъ, разбѣгаясь по долинамъ предъ регулярными войсками и оказывая непріятелю упорѣйшее сопротивленіе въ горахъ, за зубчатыми стѣнами.

Инстинктъ крестовыхъ походовъ, уцѣлѣвшій со средневѣковыхъ временъ вмѣстѣ съ свирѣпыми нравами той эпохи, свирѣпость въ соединеніи съ утонченнымъ чувствомъ чести, жестокая мстительность и духъ самопожертвованія дѣлали изъ нихъ героическихъ и неумолимыхъ бойцовъ противъ вторгнувшагося чужеземца. Все, что въ восемнадцатомъ вѣкѣ препятствовало проникновенію къ нимъ современной цивилизаціи, все, что удерживало ихъ въ летаргическомъ состояніи и, такъ сказать, ставило внѣ круга цивилизованныхъ націй, сговорилось съ цѣлью сдѣлать ихъ неодолимыми въ родныхъ горахъ въ ту минуту, когда отдѣлявшая ихъ отъ остального міра гордость была поругана, когда подверглись нападенію ихъ предразсудки, когда опасность стала грозить ихъ единственному сокровищу — національной независимости.

Революція, даже въ самомъ мирномъ и благодѣтельномъ смыслѣ, могла только оскорблять ихъ. Но въ видѣ вооруженнаго вторженія и иностраннаго завоеванія она привела ихъ въ ярость. Но еще сильнѣе завоеванія и иностраннаго правительства ненавидѣли они примѣненіе «*Правъ чело-вѣка*». Вотъ почему, принявъ Филиппа V—француза, но католика, они выгнали Иосифа—короля въ силу революціи. Испанія, такимъ образомъ, сдѣлалась преградой, предъ которой остановилась пропаганда Конвента, а Наполеонъ, захотѣвшій силою заставить покориться Испанію, принужденъ былъ сложить оружіе. Наполеоновское завоеваніе натолкнулось на то же препятствіе, которое встрѣтилъ и революціонный прозелитизмъ: народныя страсти. Много времени потребовалось для того, чтобы успѣлъ проникнуть въ Испанію духъ революціи. Когда, наконецъ, онъ проникъ въ эту страну, онъ сдѣлался въ свою очередь національнымъ, а духъ свободы только усилилъ ненависть къ французамъ. Этотъ духъ торжествовалъ въ Испаніи лишь въ ущербъ Франціи. Условіемъ успѣха французской революціи въ этой странѣ было устраненіе господства въ ней французовъ.

ГЛАВА IV.

И т а л і я.

Все то, что отдаляло испанцевъ отъ французовъ, способствовало сближенію французовъ съ итальянцами, по крайней мѣрѣ итальянцами сѣверной и средней Италіи. Революція встрѣчала среди нихъ восторженное сочувствіе, самое завоеваніе совершилось безъ особыхъ затрудненій¹⁾. Причиною было то, что чужеземное господство было въ Италіи далеко не новостью, а социальныя условія были весьма сходны съ французскими. Итальянцы могли быть только въ выигрышѣ отъ торжества французовъ. Они составляли націю; у нихъ имѣлись традиціи; они культивировали память объ этихъ традиціяхъ и стремились возстановить порванную съ ними связь. Италія была раздроблена, но это были части одного цѣлаго, и самыя трещины этого цѣлаго свидѣтельствовали о древней связи и общности.

Конецъ восемнадцатаго вѣка въ Италіи имѣетъ отдаленное сходство съ временами, предшествовавшими Возрожденію, когда пробудилась въ итальянцахъ страсть къ литературѣ, искусству, наукамъ, самой политикѣ, когда они мечтали возсоздать себѣ отечество; когда они призывали Цезаря и когда Италія снова обратила на себя міровое вниманіе²⁾. Къ чести итальянцевъ слѣдуетъ сказать, что какъ бы ни были они порабощены, они никогда не забывали о своихъ правахъ. За неимѣніемъ официальныхъ уполномоченныхъ, они всегда находили поэтовъ для отстаиванія этихъ правъ. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ Италія не имѣетъ національной политики, но у нея есть общій языкъ, національные историки и поэты. «Настанетъ день»,—воскликаетъ Алфіери, «когда итальянцы возродятся и мужественно воспрянутъ на полѣ битвы». Онъ призываетъ ихъ къ такому возрожденію своими поэмами, своими проникнутыми древнимъ римскимъ патріотизмомъ драматическими произведеніями. Муратори и Денина напоминаютъ имъ о славномъ происхожденіи и стремятся путемъ

¹⁾ См. FRANCHETTI, *Storia d'Italia*, dopo il 1789. Milano, 1880. CANTU, *Histoire des Italiens*. Paris, 1859, trad. franç.—BOTTA, *Histoire d'Italie*, Paris, 1824. BIANCHI, *Storia della monarchia Piemontese*.

²⁾ См. FERRARI, *Histoire de la raison d'état*.—RENDU, *l'Italie et l'Empire d'Allemagne*, Paris 1859. MARC MONNIER, *Histoire générale de la littérature moderne: La Renaissance, de Dante à Luther*, Paris 1884.

исторических воспоминаний воспитать национальное самосознание. Открывая человечеству широкие горизонты, Вико созерцалъ въ этомъ славномъ будущемъ возрожденную Италію.

Петръ Верри издавалъ сборникъ, въ 1765 — 1766 г., по примѣру англійскаго «*Spectator'a*». Въ одной изъ статей этого сборника разсказывается, что однажды въ Миланѣ пришелъ человѣкъ въ незнакомое общество. — Вы иностранецъ? — спросили незнакомца. — Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ. — Вы, можетъ быть, миланецъ? — Нѣтъ. Спрашивавшій изумился, а когда онъ продолжалъ настаивать на своемъ вопросѣ, незнакомецъ отвѣчалъ, что онъ *итальянецъ*. Италиянецъ столь же мало чужеземецъ въ Италиі, пояснилъ онъ, сколько французъ во Франціи, англичанинъ въ Англіи, голландецъ въ Голландіи. Затѣмъ онъ развиваетъ свою мысль, доказывая, что раздробленіе Италиі убиваетъ въ ней всякую интеллектуальную жизнь. Общество находитъ, что онъ правъ, что онъ говоритъ какъ образованный человѣкъ, что рѣчи его здравомысленны и патріотичны. Всѣ начинаютъ сокрушаться о плохихъ временахъ, о томъ, что случайность, по которой одинъ родится на берегу моря, а другой — у подошвы Апеннинскихъ горъ, дѣлаетъ этихъ людей чуждыми другъ другу. Тогда незнакомецъ продолжаетъ свою рѣчь; онъ доказываетъ, что итальянцевъ связываетъ не одна общность происхожденія, но и одинаковый національный характеръ и тождественные гражданскіе законы; они обладали ими во времена славнаго Рима; они продолжали имѣть ихъ при Карлѣ Великомъ, а въ эпоху республикъ временъ Возрожденія показали, что память объ этомъ не утрачена ими. Онъ сравниваетъ Италію съ созвѣздіемъ: каждая планета живетъ самостоятельно жизнью, но вмѣстѣ съ тѣмъ она подчинена общему закону притяженія и содѣйствуетъ образованію всей планетной системы. «Будемъ сообразоваться съ этимъ примѣромъ въ нашей національной политикѣ», заключаетъ онъ свою рѣчь. «Хотя мы разсѣяны и подчинены различнымъ государямъ, образуемъ во имя успѣховъ знанія и искусства единую систему. Патріотизмъ, т. е. любовь къ общему благу нашего народа, будетъ солнцемъ, насъ освѣщающимъ! Станемъ вновь итальянцами, если не хотимъ перестать быть людьми!»

Они выражаютъ это стремленіе; Европа знаетъ о немъ. Ихъ литература и ихъ искусство, поддерживающія связь между ними вопреки земельной разрозненности хранятъ повсюду, гдѣ только есть любознательные умы и воображенія, способныя очаровываться прекраснымъ, воспоминаніе о великомъ прошломъ и предчувствіе лучшаго будущаго. Все, даже чудный климатъ и благодатная почва, способствуетъ распространенію традиціи объ общемъ отечествѣ, связанной съ лучезарнымъ именемъ

Италіи ³⁾. Ея права на высокорожденность — права самой европейской цивилизаціи. Это извѣстно всѣмъ. «Италія ждетъ и надѣется», писала Екатерина II въ 1780 году. Авторъ *Коринны* высказываетъ уже весьма распространенную въ концѣ XVIII столѣтія мысль, когда, говоря о «тайнѣ» Италиі, прибавляетъ: «Итальянцы несравненно болѣе замѣчательны своимъ прошлымъ и возможностью иного будущаго, чѣмъ тѣмъ, что представляютъ въ настоящее время».

Озабоченные судьбами отечества, итальянцы, за исключеніемъ подданныхъ Сардинскаго короля, съ полнымъ равнодушіемъ относились къ правительствамъ, между которыми распредѣлились. За исключеніемъ Пьемонта, мы видимъ въ Италиі или выборныхъ государей, какъ въ Римѣ или республикахъ, или же кочующія династіи, какъ въ Пармѣ, Неаполѣ и Тосканѣ. Эти государи являлись какъ бы коронованными арендаторами; именно въ такомъ смыслѣ и относилось къ нимъ населеніе, уважавшее ихъ сообразно съ ихъ административною заслугою. Такое отношеніе прекрасно подготовило итальянцевъ къ воспринятію революціи, только усилившей чувства, которыми они уже были проникнуты, и способствовало неспроверженію учрежденій и династій, которыми никто не дорожилъ. Французская революція провозглашала гражданскія реформы, бывшія предметомъ страстныхъ желаній огромнаго большинства народа; эта революція ставила принципомъ національную независимость, она клонилась къ тому, чтобы освободить и сгруппировать народы, объединяя ихъ путемъ новыхъ гражданскихъ законовъ и любви къ отечеству: итальянцы могли только горячо привѣтствовать такой переворотъ. Правительства же ихъ, за исключеніемъ единственнаго національнаго — пьемонтскаго, были лишены всякой возможности бороться противъ такой революціи.

II.

Королевство обѣихъ Сицилій было предоставлено въ силу вѣнскаго трактата 1738 года одной изъ младшихъ вѣтвей Бурбонскаго дома ¹⁾. Донъ Карлосъ, первый изъ королей этой династіи, былъ просвѣщеннымъ государемъ. Онъ попытался улучшить управленіе государствомъ, которое, съ

³⁾ «Belle encor, l'Italie attire l'univers». André CHÉNIER, *Elégies*, XXVIII.

¹⁾ Донъ Карлосъ, сынъ Филиппа V и Елизаветы Фарнезе, род. въ 1716. Онъ отвоевалъ у Австріи Неаполитанское королевство во время войны за польское престолонаслѣдіе. Онъ былъ признанъ королемъ обѣихъ Сицилій вѣнскимъ трактатомъ въ 1738 г. Царствовалъ подъ именемъ Карла IV до 1759 г. Въ этомъ году, по смерти брата своего Фердинанда VI, онъ вступилъ на испанскій престолъ подъ именемъ Карла III и занималъ этотъ престолъ до 1788 года.

незапамятныхъ временъ, «не умѣло ни управлять своими подданными, ни цивилизовать ихъ»²⁾. Но ему удалось лишь слегка измѣнить его съ внѣшней стороны, социальный же бытъ продолжалъ оставаться въ самомъ жалкомъ положеніи: внутри страны свирѣствовало разбойничество, а въ прибрежныхъ краяхъ, въ Калабріи, варварскіе пираты еще продолжали опустошать селенія. Народъ подчинился преобразованіямъ въ силу своей апатіи, но смыслъ и значеніе реформъ вполнѣ ускользали отъ его пониманія. Напротивъ того, насильственная революція была ему вполнѣ понятна. Этотъ вялый, апатичный народъ подъ впечатлѣніемъ перваго толчка становился свирѣпымъ и необузданнымъ. Въ сущности, въ этой странѣ имѣлись элементы только для анархіи или деспотизма: здѣсь французская революція лишь ускорила переходъ отъ крайней подавленности къ яростному бунту.

Въ 1759 г. смерть Фердинанда VI, старшаго брата Дона Карлоса, призвала этого государя на испанскій престолъ. Онъ передалъ королевство обѣихъ Сицилій сыну своему Фердинанду IV, которому было въ то время восемь лѣтъ. Министры Дона Карлоса образовали совѣтъ регентства, и правительство осталось просвѣщеннымъ и благодѣтельнымъ. Достигнувъ совершеннолѣтія въ 1767 г., Фердинандъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Маріи-Терезии и сестрою французской королевы, принцессою Маріей-Каролиною. Королемъ было въ эту пору семнадцать, а королевѣ—шестнадцать лѣтъ; имъ потребовалось нѣсколько лѣтъ для того, чтобы стряхнуть опеку регентовъ. Отставка Тануччи, бывшаго душою регентства, показала въ 1776 году, что юная королевская чета желаетъ управлять государствомъ самостоятельно. Это было самое жалкое изъ правительствъ.

Фердинандъ отличался невѣжествомъ, грубостью и лѣнью. Онъ никогда не писалъ. О немъ говорили, что чернильницы невозможно было найти у него нигдѣ, даже въ залѣ совѣта. Онъ любилъ грубыя удовольствія, тривіальные кутежи и шумныя народныя оваціи. Въ сущности, это былъ вулгарный деспотъ, способный подъ вліяніемъ гнѣва или страха становиться свирѣпымъ. Однако, несмотря на свою ограниченность, онъ обладалъ смутнымъ чувствомъ королевскаго достоинства и королевскаго долга. Энергическая и добродѣтельная женщина могла легко приобрести вліяніе надъ этимъ избалованнымъ, тщеславнымъ и податливымъ большимъ ребенкомъ. Она могла бы давать ему если не добрые совѣты, то добрыхъ совѣтниковъ. Марія-Каролина была страстной, надменной и метильной австріячкой³⁾. Она мечтала обратить на себя вниманіе цѣлой Европы:

²⁾ *Mémoires du général de Ségur*, t. II, p. 528.

³⁾ См. о молодости и воспитаніи Маріи-Каролины: ARNETH, *Maria-Theresia*, t. VII, ch. XI: о ея политической роли.—HELFERT, *Koenigin Carolina*, Wien, 1787: о домашней жизни ея.—HELFERT, *Maria-Carolina, u. Vertheidigung*.

слава Екатерины Великой постоянно занимала ее и возбуждала ее честолюбіе. Она обладала нѣкоторымъ образованіемъ, умомъ и въ особенности наклонностью къ интригѣ и кокетству. Она безъ труда приобрѣла большое вліяніе на мужа. «Моя жена все знаетъ», говорилъ онъ съ восхищеніемъ; онъ допустилъ ее завладѣть правительственною властью. Однако, несмотря на свою лѣность и небрежное отношеніе къ государственнымъ дѣламъ, несмотря на постоянную потребность въ развлеченіяхъ, Фердинандъ гордился своимъ авторитетомъ и желалъ сохранить внѣшній престижъ; королева могла вліять на него, лишь потакая его страсти къ удовольствіямъ⁴⁾. Такимъ образомъ онъ окончательно опустился; но, обезпечивъ за собою управленіе государствомъ, она не подняла престижа королевской власти. У нея не было никакого опредѣленнаго плана и никакой послѣдовательности: она обладала только властолюбіемъ; власть ея проявлялась прихотливо, переходя къ фаворитамъ. Прибавимъ, что она была фривольна, неблагодарна, безпечна относительно скандала. Въ эпоху революціи, близость ея съ первымъ министромъ Актономъ была извѣстна всѣмъ⁵⁾. Еще болѣе толковъ вызвало странное расположеніе ея къ англичанкѣ-авантюристкѣ, женщинѣ весьма красивой, плѣнительной и двусмысленной, сдѣлавшейся по волѣ случая женою британскаго посланника въ Неаполѣ лорда Гамильтона.

При своемъ самовластномъ нравѣ, Марія-Каролина не могла долго выносить опеку испанцевъ. Она устранила, одного за другимъ, совѣтниковъ Карла III. Отношенія между Фердинандомъ и его отцомъ въ послѣдніе годы жизни этого государя были чрезвычайно натянуты. Постоянно ссо-

Wien, 1884. Гельфертъ—апологистъ и защитникъ Маріи-Каролины—излагаетъ и до мельчайшихъ подробностей оспариваетъ всѣ обвиненія, возводимыя на эту королеву.

⁴⁾ Король хочетъ управлять по своему усмотрѣнію, писалъ 9 апрѣля 1789 г. французскій повѣренный въ дѣлахъ, Какольтъ. «Его величество спокоенъ только тогда, когда полагаетъ, что все обстоитъ благополучно въ его владѣніяхъ и что онъ исполнилъ свой королевскій долгъ; если бы онъ открылъ, что его обманываютъ хотя-бы въ мелочахъ, гнѣвъ его былъ бы ужасенъ. Итакъ, для поддержанія кредита приходится постоянно занимать короля самыми разнообразными способами и средствами. Слѣдовательно, главный трудъ заключается не въ занятіи дѣлами....»; надо слѣдить за королемъ, занимать его, окружать его.

⁵⁾ Тотъ же Какольтъ сообщаетъ Монморену 23 авг. 1788 г. слѣдующій фактъ, почерпнутый изъ столь достовѣрнаго источника, что «нельзя не дать знать о немъ, не нарушая долга службы». «Стены, происходящія между королемъ и королевой, становятся все болѣе и болѣе рѣзкими. Король подозреваетъ Актона. Въ припадкѣ бѣшенства, его величество сказалъ королевѣ: я иду случая застать васъ вмѣстѣ; я васъ убью обоихъ и велю выбросить ваши трупы за окно.—Королева въ страшнѣйшемъ безпокойствѣ.

рясь съ Испаніей, Неаполь находился въ весьма холодныхъ отношеніяхъ и съ Франціей. Въ началѣ 1789 года не оставалось ни малѣйшей надежды на привлеченіе его къ «Семейному договору». Испанія, говорили въ Неаполь, дала себя одурочить и не время теперь, когда Франція видимо слабѣетъ, слѣдовать ея внушеніямъ. Вліяніе ускользало отъ Бурбоновъ, но Австрія, отнявъ у нихъ это вліяніе, не успѣла сохранить его за собою. Въ этомъ отношеніи расчетъ, которымъ руководилась Марія-Терезія, выдавая замужъ свою дочь за Фердинанда, оказался ошибочнымъ. Въ послѣдніе годы стараго порядка, Неаполь находился во власти Англіи. Нетерпѣливое желаніе сбросить семейный гнетъ, держаться самостоятельной политики и въ особенности ослѣпленіе, въ которомъ держалъ Марію-Каролину ея фаворитъ—министръ, заставили ее предпочесть союзъ съ Англіей и подчиниться вполне вліянію этой державы.

Актонъ, хотя и ирландецъ по происхожденію, былъ совершеннымъ англичаниномъ по своимъ вкусамъ: онъ не любилъ Австріи и ненавидѣлъ Францію. Посредственный политикъ, преисполненный самоувѣренія, чопорный и пустой, скорѣе упрямый, чѣмъ энергичный, онъ обладалъ тѣмъ не менѣе нѣкоторыми способностями къ государственному управленію. Онъ успѣшно завѣдывалъ морскимъ и военнымъ министерствами. Благодаря его заботамъ, Неаполь могъ выставить двадцать пять тысячъ войска и пустить въ море сорокъ кораблей; но эти силы имѣли лишь чисто показное значеніе, что и было хорошо извѣстно правительству, не желавшему пускаться въ слишкомъ отважныя предпріятія. Впрочемъ Неаполь враждовалъ только со святымъ престоломъ; то была старая, традиціонная тяжба, возникновеніе которой относилось еще ко времени основанія неаполитанскаго государства. Неаполь былъ стариннымъ удѣломъ церкви, и Римъ, даровавъ инвеституру, требовалъ за это почетнаго вознагражденія. Это вознагражденіе заключалось въ ежегодной дани золотомъ, равнявшейся 40000 франковъ, и въ доставленіи каждые три года бѣлаго иноходца. Последнее было простымъ символомъ, но Римъ настолько же старался поддержать этотъ обычай, насколько Неаполь стремился его упразднить. Обладая фактически верховною властью, неаполитанскій дворъ желалъ пользоваться ею и по праву. Ему было желательно сверхъ того захватить герцогство Беневентское. Фердинандъ поддерживалъ изъ духа самовластиа церковный конфликтъ, возбужденный при Карлѣ III, вѣлѣдствіе тяготѣнія послѣдняго къ свободомыслію. Въ 1789 г. враждебность между Римомъ и Неаполемъ была въ полномъ разгарѣ: мы увидимъ впоследствии, какую пользу извлекли изъ нея правительства, вышедшія изъ французской революціи.

Римъ находился въ состояніи полного упадка. По духу своему это

былъ еще тотъ Римъ, о которомъ Сентъ-Симонъ сказалъ, что «тамъ принимаютъ все, что могутъ, и смѣются надъ тѣми, кто это терпятъ»⁶⁾; но предпринимать уже не приходилось, какъ не приходилось и смѣяться надъ простодушіемъ и довѣрчивостью. Римъ уже тѣснили со всѣхъ сторонъ. Клементъ XIV вынужденъ былъ смирить папство предъ католическими монархіями. Въ этомъ «департаментѣ вѣры», какъ выражался Фридрихъ Великій,—единственномъ еще оставленномъ церкви, Пій VI постоянно принужденъ былъ защищать свои предѣлы. Защищалъ онъ ихъ слабо. Дѣло въ томъ, что по самой силѣ вещей, папа становился болѣе государемъ, чѣмъ главою церкви; управленіе церковью перепутывалось съ управленіемъ наслѣдіемъ Св. Петра. Громадная духовная власть поглощалась, такъ сказать, хилымъ тѣломъ свѣтскаго государства; она заимствовала у него все его немощи, и параличное состояніе церковнаго государства охватывало управленіе церковью. «Римскій дворъ», писалъ Іосифъ II въ 1768 г., довелъ себя до того, что почти заслуживаетъ презрѣнія. Внутри государства народъ находится въ величайшей нуждѣ, въ полномъ упадкѣ, финансы дискредитированы и разрушены». «Внутреннія дѣла Папской Области находятся въ величайшемъ безпорядкѣ,—сообщалъ въ 1783 г. венеціанскій посланникъ Зулианъ;—правительство съ каждымъ днемъ утрачиваетъ силу и авторитетъ».

Пій VI отличался строгостью нравовъ, умственной ограниченностью и славолубіемъ. Величественный и красивый собою, онъ любилъ празднества, церемоніи, церковное великолѣпіе, роскошныя зданія, все, что бросается въ глаза. Онъ управлялъ и церковью и свѣтскими владѣніями единственно по внушенію своего произвола, заботясь главнымъ образомъ о процвѣтаніи своего семейства и руководясь преимущественно тщеславіемъ. Это управленіе было бездарно, — разорительно внутри и лишено всякаго значенія и вліянія во внѣшнихъ дѣлахъ.

Извлекая наиболѣе вѣрную часть своихъ доходовъ изъ католическихъ государствъ, онъ былъ вынужденъ падать ихъ даже по отношенію къ дѣламъ вѣры. Онъ зависѣлъ отъ Неаполя, по причинѣ Беневента, и отъ Франціи, по причинѣ Авиньона; велъ постоянную тяжбу съ Венеціанской республикой, по поводу легаций. Достаточно было этимъ тремъ государствамъ согласиться между собою, съ цѣлью поддержанія взаимныхъ притязаній, чтобы уничтожить большую часть папскихъ владѣній. Мы видѣли, что папа даже по церковнымъ дѣламъ враждовалъ почти со всеми католическими державами. Въ послѣдніе годы стараго режима, только одна Франція поддерживала съ папой дружественныя отношенія. Поэтому-то посланникъ христіанѣйшаго короля игралъ при папскомъ дворѣ весьма

⁶⁾ *Parallèle des trois premiers rois Bourbons.*

важную роль. «Я—всегда второе лицо въ Римѣ», писалъ Берни отъ 5 августа 1789 года. Французская революція совершенно измѣнила такое положеніе вещей: враждебность Франціи возвратила папскому престолу симпатіи Европы; несчастное положеніе церкви вернуло ей уваженіе правительствъ. Нападая непосредственно на религію, и въ то же время разоряя Церковную Область, революція возвращала папскому правительству утраченные имъ силу и вліяніе. Уничтожая свѣтскаго владыку, она подняла папу.

Тоскана обладала, быть можетъ, лучшимъ изъ европейскихъ правительствъ ⁷⁾. У нея не было виѣшней политики; она нуждалась въ нейтралитетѣ и умѣла его соблюдать. Леопольдъ, царствовавшій во Флоренціи, былъ слишкомъ кровнымъ австрійцемъ для того, чтобы сочувствовать Франціи, но ему приходилось ограждать торговые интересы Ливорно противъ англійскихъ предпріятій, и это обстоятельство создало между обоими государствами связь, прочность которой была ясно доказана событіями революціонной эпохи. Представители правительства были люди просвѣщенные, сочувствовавшіе французскимъ воззрѣніямъ; они готовили населеніе къ ихъ воспріятію. Династія же не имѣла времени пустить въ странѣ прочныя корни; къ тому же, несмотря на благодѣтельность власти Леопольда, эту власть находили порою безпокойной. Народъ съ полнымъ равнодушіемъ простился со своимъ государемъ, а когда война низложила лотарингскую династію, Тоскана требовала отъ своихъ новыхъ повелителей разумнаго и тихаго управленія ⁸⁾. Этою цѣною они могли пріобрѣсти расположеніе тосканцевъ, помимо своего происхожденія и принадлежности къ той или иной династіи.

Генуя опасалась Австріи, выказывавшей притязаніе на захватъ, и искала покровительства Франціи. Вся ея политика ограничивалась желаніемъ быть оставленною въ покоѣ сосѣдями. По словамъ Бильфельда, ни одно засѣданіе генуэзскаго сената не обходилось безъ слѣдующихъ вступительныхъ словъ дожа: «Не забывайте, сенаторы, что спасеніе республики зависитъ отъ ея нейтралитета». Революція поставила Геную между Англіей и Франціей: она слабо защищалась отъ этого двойного давленія. Англія намѣревалась подчинить, а Франція завоевала ее.

Венецію постигла такая же судьба. Эта республика погибла вслѣдствіе избытка виѣшняго благоденствія. Завоеванія истощили ея торговые при-

⁷⁾ Предоставленная въ 1738 г. лотарингскому дому, она управлялась супругомъ Маріи-Терезіи Францемъ, сдѣлавшимся затѣмъ германскимъ императоромъ. Второй сынъ его Леопольдъ наследовалъ ему въ 1765 г.

⁸⁾ Леопольдъ уѣхалъ изъ Флоренціи въ 1790 г. Ему наследовалъ сынъ его Фердинандъ. Тоскана образовала королевство Этрурское, отъ 1801—1807, съ испанскими государями. Въ 1807 г. она была присоединена къ Франціи.

были и для поддержанія искусственнаго могущества, которое она для себя конституировала, потребовались деспотическое правительство и стѣснительные законы; но это государство подорвало въ корнѣ національные ресурсы и истощило своею расточительностью ресурсы казны. Доходы республики умалились по мѣрѣ расширенія ея территорій. Въ восемнадцатомъ столѣтіи все сгладилось и смягчилось. Хотя въ Венеціи еще продолжали трепетать, но вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ веселились какъ нигдѣ въ остальной Европѣ. При этомъ деспотическомъ правленіи, умѣряемомъ карнаваломъ, власть государственныхъ инквизиторовъ была страшна только для сумасбродовъ, кутиль и любителей скандаловъ. Извѣсть эта власть не импонировала никому. Вся ея дѣятельность ограничивалась парализованіемъ внутренней жизни государства. Послѣ долгихъ войнъ съ турками, Венеція дошла до необходимости искать у нихъ защиты противъ Австріи. Ея судьба напоминаетъ судьбу Польши. «Плохо управляемое государство приглашаетъ чужеземцевъ заняться его устройствомъ», говорилъ въ 1780 году дожъ Ренье, бывшій посланникомъ въ Вѣнѣ въ эпоху раздѣла. «Если есть государство, нуждающееся въ мирѣ и согласіи, то это именно наше, лишенное войска, флота и союзниковъ, существующее по волѣ случая и въ силу репутаціи благоразумія и осторожности венеціанскаго правительства. Въ этомъ все наше могущество». Эта осторожность была только слабостью и давала въ результатъ неувѣренность и необезпеченность, то есть худшую изъ неосторожностей. Венеціанцы дрожали передъ Австріей ⁹⁾, ожидавшей только случая, чтобы завладѣть ими. Единственною надежною опорой для нихъ была Франція. Соперничество между обоими государствами давало Венеціи возможность существованія; война, послѣдовавшая между ними, принудила республику высказаться за ту или другую сторону. Но Венеція способна была на одни колебанія; она доставила поводы ко вмѣшательству обѣимъ сторонамъ, сражавшимся на ея границѣ, а когда онѣ утомились борьбой, то помирились на счетъ Венеціи.

⁹⁾ Въ 1796 г. Гёте посѣтилъ Верону. Ему захотѣлось срисовать старый замокъ; вокругъ него тотчасъ же собралась толпа; онъ навлекаетъ подозрѣніе, его арестуютъ и ведутъ къ начальству; онъ говоритъ по-нѣмецки: очевидно, что это австрійскій шпионъ! Гёте заявляетъ, что пріѣхалъ осмотрѣть развалины. «Если это только развалины», говоритъ начальство, «то что же можетъ быть въ нихъ замѣчательнаго?» Гёте пытается объяснить это. Его не понимаютъ. «Приставъ отвѣчаетъ, что все это прекрасно, но императоръ Іосифъ—государь безпокойный, что у него, по всей вѣроятности, дурныя замыслы противъ республики и что я, быть можетъ, одинъ изъ его подданныхъ и эмиссаръ, присланный для наблюденій на границѣ.—Я не только не подданный императора,—говоритъ Гёте,—но могу похвалиться, что подобно вамъ состою гражданиномъ республики: я изъ Франкфурта на Майнѣ. Его отпускаютъ.—*Путешествіе по Италіи.*

Я не стану говорить о Луккѣ, Пармѣ и Моденѣ: это были территории, а не государства. Именно такъ и посмотрѣла на нихъ революція; она продолжала обращаться съ ними, какъ обращались и при старомъ порядкѣ: она раздѣлила ихъ на доли и распорядилась ими по своему усмотрѣнію.

Въ цѣлой Италіи было только одно государство, имѣвшее самостоятельную политику и хвалившееся традиціями; то была Сардинія. Политика ея заключалась въ расширеніи предѣловъ, а традиція—въ поперебѣдномъ союзѣ то съ Франціей, то съ Австріей, причемъ союзъ съ первой служилъ видамъ на приращенія своей территоріи, а со второй—на сохраненіе приобрѣтеннаго. Казалось бы, что Пьемонтъ долженъ быть неминуемо задавленъ двумя крупными, надвигавшимися на него державами, но онъ, напротивъ, врѣзался въ нихъ клиномъ и расширился, отодвинувъ ихъ. «Государи Савойскаго дома», читаемъ въ инструкціяхъ, данныхъ одному сардинскому агенту въ 1794 г. «вступая въ союзъ то съ одною, то съ другою державою, смотря по требованію обстоятельствъ и высшимъ государственнымъ соображеніямъ, успѣли расширить предѣлы своего государства въ сторону Италіи, сдѣлавшейся предметомъ ихъ видовъ на приращеніе территоріи». Условія, въ которыхъ находилась Сардинія, дѣлали для нея, такимъ образомъ, правиломъ—непостоянство въ союзахъ. Рассказываютъ, что въ одной небольшой столицѣ, дипломаты, во время войны, имѣли обыкновеніе спрашивать у сардинскаго посланника: «На чьей сторонѣ сегодня вашъ повелитель?» Честолюбивыя стремленія Савойи имѣли прежде всего въ виду Миланъ: «Это—артишокъ,—говорилъ Карлъ-Эммануиль,—его надо съѣдать листокъ за листкомъ». Послѣ Милана савойцы всего болѣе жаждали приобрѣсти Геную. Въ 1777 г. Пьемонтъ предложилъ Австріи подѣлить эту республику. Австрія не соглашалась. Сардинія осталась не при чемъ и, потерпѣвъ неудачу въ Вѣнѣ, попыталась повліять на берлинскій дворъ.

Уже съ давнихъ поръ влекло ее къ Пруссіи, вслѣдствіе сходства въ судьбахъ этихъ двухъ государствъ. Они росли одновременно и почти одновременно получили королевскую корону въ награду за вѣроломство. Параллель между обѣими монархіями была классическою темой литературной аргументаціи. «Сардинскій король въ Италіи представляетъ для австрійскаго дома совершенно то же, чѣмъ является для него прусскій король по отношенію къ Германіи: онъ можетъ расширять свои предѣлы не иначе, какъ на счетъ Австріи», писалъ д'Аржансонъ во время войны за наслѣдство австрійскаго престола. «Половина миланскаго герцогства осталась за Карломъ-Эммануиломъ, какъ осталась за прусскимъ королемъ Силезія», писалъ Фавье послѣ этой войны; «такія вещи не прощаются». Австрія дѣйствительно не прощала, и это-то и сблизило ея враговъ. Союзъ съ

Пруссіей есть для Савойскаго дома союзъ будущаго, писалъ въ 1777 г. графъ Перронъ, бывшій въ ту пору министромъ иностранныхъ дѣлъ ¹⁰⁾.

Ко времени 1789 года отношенія между Франціей и Сардиніей были какъ нельзя болѣе дружественны. Бракъ обоихъ братьевъ Людовика XVI съ дочерьми Виктора-Амедея связалъ оба дома тѣсными семейными узами. Мудрая политика Верженна укрѣпила союзъ между обоими государствами. Когда Австрія и Россія стали грозить Оттоманской имперіи, сардинцы, съ рѣдко измѣнявшимъ имъ чутьемъ, почувствовали, что должны принять участіе въ этомъ восточномъ кризисѣ для возвышенія собственнаго значенія въ Европѣ и что интересы ихъ требуютъ союза съ Франціей и Англіей для сдержанія честолюбивыхъ притязаній императорскихъ дворовъ.

Революція, слѣдовательно, застала Сардинію въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ Франціей. Необходимость, скрѣпившая это соглашеніе, казалась независимой отъ формы правленія въ обоихъ государствахъ. Дипломаты революціи полагали, что достаточно заинтересовать Сардинію въ приобрѣтеніяхъ республики для того, чтобы обезпечить за собою ея покорность. Они слишкомъ сильно рассчитывали на алчность туринскаго двора и недостаточно приняли въ соображеніе его благоразуміе и осмотрительность. Революція, предлагавшая ему расширеніе предѣловъ, начинала съ того, что уничтожала самый принципъ его правительства. На это Пьемонтъ не могъ согласиться, не отрекаясь отъ себя. Географически онъ былъ слишкомъ близокъ къ Франціи, слишкомъ въ сферѣ ея вліянія, для того чтобы по примѣру Пруссіи присоединиться къ предпріятіямъ революціи, не боясь ея пропаганды. Итакъ, революція измѣняла все отношенія, существовавшія между Франціей и Сардиніей. Попытавшись слѣдовать въ этомъ дѣлѣ, и при столь различныхъ условіяхъ, королевской традиціи, революція только порвала эту традицію.

Главною цѣлью Савойскаго дома было сгруппированіе вокругъ себя всехъ итальянскихъ государствъ. Въ 1780 г. графъ Напюне предлагалъ Виктору-Амедею образовать *Итальянскую Конфедерацію*, которая «оживила бы духъ итальянскаго патріотизма и связала бы страны родственнаго происхожденія» ¹¹⁾. Планъ этотъ существовалъ уже ранѣе у французскихъ политиковъ. Излагая его въ своихъ мемуарахъ, д'Аржансонъ опредѣляетъ необходимыя для его проведенія условія. Цѣль этого плана, говоритъ онъ, «сконцентрировать итальянскія государства, прогнать чужеземцевъ и показать примѣръ отреченія отъ какого-либо господства надъ Италіей».

¹⁰⁾ D'ARJENSON, *Mémoires*, IV, p. 278.—Favier, éd. Boutaric, *Corresp. secrète*, t. II, p. 329.—BIANCHI, t. I, p. 564—570.

¹¹⁾ BIANCHI, t. I, ch. VIII, § 4.

Относительно подобной итальянской конфедерации можно было сказать то же, что и о германском союзе: Франция могла найти в ней орудие для своего влияния, но она не могла сделать из нея орудия для завоеваний, не вознаграждая сильных в ущерб слабым; она не могла сделать из нея орудия для господства, не вызывая отпора, то есть не уничтожая в принципе всей комбинации. Проекты устройства итальянской независимости были в большом ходу у публицистов и политических деятелей времени революции¹²⁾. Они, естественным образом, включали их в круг своей пропаганды и пришли к той мысли, что итальянский народ должен сам выполнить то, что во времена старого порядка предлагалось итальянским правительствам. Но при новых условиях становилось болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ припомнить и вникнуть въ слова д'Аржансона. Освобождая Италію, Франція не могла и не должна была сохранять на нее притязаній. Это было прямымъ слѣдствіемъ пропагандируемой тамъ Франціей революціи, и изъ этого получились въ результатѣ неожиданныя затрудненія для французской политики.

III.

Въ сѣверной и средней Италіи ненависть къ феодальному строю была почти такъ же сильна, какъ и во Франціи; въ этихъ краяхъ ненавидѣли и духовенство. Въ просвѣщенныхъ классахъ общества господствовалъ духъ свободомыслія. Но, какъ говоритъ одинъ итальянскій историкъ¹⁾, «если большинство желало реформъ, то мысль о революціи никому не приходила въ голову; индивидуальное честолюбіе молчало, всѣ ждали отъ времени и отъ мудрости государей необходимыхъ и желательныхъ преобразованій». Франція принесла имъ и навязала готовую и выработанную во всѣхъ частяхъ революцію, которой они не ожидали, а также и реформы, которыхъ желали. Они встрѣтили реформы съ радостью, потому что были подготовлены къ нимъ. Что касается революціи, то большинство привѣтство-

¹²⁾ Въ *Encyclopédie méthodique: Economie politique et diplomatique*, par Dèmeunier, 1784, въ статьѣ «Италія» читаемъ: «Если бы частные интересы могли уступить общему благу, ничего не было бы легче, какъ установить спокойствіе Италіи на прочномъ основаніи. Стоило бы только раздѣляющимъ господство надъ ней государямъ составить тѣсный союзъ и образовать оборонительную лигу, во главѣ которой стоялъ бы папа, причемъ каждый государь сохранилъ бы свою верховную власть, отвергая всякій союзъ съ иностранными державами; но этотъ столь простой планъ никогда не дождется осуществленія».

¹⁾ Вотта, liv. I.

вало ее со страстнымъ воодушевленіемъ; но привѣтствовали не господство Франціи, а освобожденіе Италіи.

Итальянцы именно такъ понимали революцію и въ такомъ смыслѣ толковали *провозглашеніе правъ человека* и водвореніе республики. Философскія ученія, служившія предисловіемъ революціи, встрѣтили горячее одобреніе въ Италіи только потому, что возбуждали мысль о національной независимости и давали форму стремленіямъ къ этой независимости. Выражая пожеланія въ пользу эманципации человѣчества, итальянцы думали преимущественно объ освобожденіи Италіи. Подобно французской, итальянская литература была вполне классической; но греческія и римскія изреченія о свободѣ, переведенныя на итальянскій языкъ, возбуждали въ умахъ пламенное желаніе итальянской свободы. Содержаніе и декораціи трагедій были такія же, какъ и во Франціи, но публика была иная, и въ этой самой литературѣ, которая такъ пріятно ласкала французскую гордость, потому что въ ней видѣли освященіе и признаніе величія родины, итальянцы искали лишь намековъ на былую славу и поощреній для своихъ надеждъ на лучшее будущее. Міровыя идеи, которыя въ Парижѣ казались предназначенными для установленія всемірнаго господства французской мысли, въ глазахъ итальянцевъ должны были вызвать, по крайней мѣрѣ въ Италіи, возрожденіе мысли итальянской. Альфіери былъ горячимъ и весьма исключительнымъ патриотомъ. «Мы рабы», говорилъ онъ, «но рабы, постоянно жаждущіе сбросить съ себя иго». По его собственнымъ словамъ, онъ «писалъ въ припадкѣ лихорадочной и фанатической свободы». У него всегда были предъ глазами: Италія и итальянцы. «Если слова: нація и отечество не лишены всякаго смысла», говорилъ въ 1791 г. пьемонтецъ, графъ Напіоне²⁾, «если каждое гражданское общество должно отличаться свойственнымъ ему характеромъ, которымъ долженъ быть проникнутъ каждый отдѣльный гражданинъ, то необходимо работать надъ этимъ стремленіемъ, изучать языкъ, обрабатывать и любить его; это важнѣйшій элементъ общественнаго блага, лучшій и прочнѣйшій цементъ для политическаго тѣла». Итакъ, мы видимъ, что у итальянцевъ не было никакихъ космополитическихъ тенденцій, и если французская революція такъ легко принялась въ Италіи, то именно потому, что получила тамъ характеръ національной революціи. Когда итальянцамъ говорили о родинѣ и республикѣ, они понимали, что имъ говорятъ объ Италіи и могли понимать только это.

Тогда-то начались недоразумѣнія. Они были неизбежны. Приглашая итальянцевъ къ освобожденію, Франція думала привязать ихъ къ себѣ,

²⁾ *Dell'uso e dei pregi della lingua italiana*. Torino, 1791.—BIANCHI, t. I, p. 452.

на самомъ же дѣлѣ они отвернулись отъ нея. Политики революціи вообразили, что общность принциповъ и тождественность политическихъ формъ укрѣпятъ между націями узы, образовавшіяся стараніями королей, что Франція, господствовавшая надъ итальянскими правительствами, оказывая имъ покровительство, еще удобнѣе можетъ властвовать надъ итальянскими народами послѣ того, какъ дастъ имъ свободу. Это было глубокое заблужденіе, и будущее должно было показать, насколько такая иллюзія была и опасной. Чувство, заставившее итальянцевъ допустить чужеземное вторженіе, которое несло имъ освобожденіе, весьма скоро привело ихъ къ ненависти по отношенію къ своимъ освободителямъ. Призывая ихъ къ независимости, освободители что бы ни дѣлали и ни говорили, вселяли въ итальянцахъ недовѣріе и ненависть ко всякому чужеземцу, который захотѣлъ бы управлять ими.

Франція возвратила итальянцамъ ихъ права, она вернула имъ родину, она сдѣлала ихъ гражданами. Но, сдѣлавшись гражданами, они стали исключительными; сознаніе правъ разбудило и сознаніе своихъ интересовъ; они нашли отечество лишь для того, чтобы видѣть его свободнымъ, славнымъ и могучимъ. Всѣ пробудившіяся въ нихъ страсти были чисто-итальянскія, и одной изъ самыхъ закоренѣлыхъ—была ненависть къ французамъ, которую, писалъ Бонапартъ въ 1797 г. «они сохранили вслѣдствіе предразсудка, вѣковой привычки и характера» ³⁾. Такимъ-то путемъ подготавлилась та странная эволюція идей, вслѣдствіе которой Франція, воскрешая итальянскій народъ, не только не упростила своей собственной политики, но создала для нея новыя усложненія. До тѣхъ поръ ей приходилось считаться въ Италіи лишь съ разьединенными государствами, нерѣдко слабыми государями и почти всегда нуждавшимися въ деньгахъ правительствами; отнынѣ она будетъ находить тамъ народъ, не перестающій стремиться къ независимости и поставлющій свою честь въ томъ, чтобы не терпѣть чужеземныхъ властителей.

Мы увидимъ далѣе, какое именно участіе принимали въ этомъ преобразованіи отношеній между Франціей Италіей различныя власти, ишедшія изъ французской революціи. Здѣсь же важно было установить точку отправленія дальнѣйшихъ событій и связать съ первичной причиной кризиса выводъ, сдѣланный въ 1814 году Массимо д'Азеліо, а съ нимъ и всѣми итальянскими патріотами. «Мнѣ не легко высказать это», передаетъ онъ въ своихъ *Мемуарахъ* ⁴⁾, «потому что никто сильнѣе меня не чувствуетъ той благодарности, которою мы обязаны Наполеонидамъ; никто не

³⁾ Бонапартъ Талейрану, 26 сентября 1797 г.

⁴⁾ *I mie Ricordi*, t. I, ch. IX. Firenze, 1866.

цѣнить болѣе меня каждой капли крови великодушнаго французскаго народа, пролившейся на итальянской землѣ и искупившей Италію; но,—да позволено будетъ мнѣ сказать это, потому что это сама святая истина—видѣть ухивившихъ французовъ было безграничнымъ, несказаннымъ блаженствомъ». Тѣ же причины породили въ Германіи еще болѣе необыкновенныя и несравненно болѣе пагубныя для Франціи послѣдствія.

ГЛАВА V.

Германия.

I.

Германия ¹⁾ доставила поводъ для той борьбы, которая загорѣлась въ 1792 г. между Франціей и Европой; она сдѣлалась главнымъ театромъ и войны и мира; ея территоріи служили поочередно и полями битвъ, и полемъ раздѣловъ; послѣ того какъ она была самымъ дѣятельнымъ орудіемъ французскаго могущества, она стала наиболее энергичнымъ агентомъ разрушенія и паденія этого могущества; однимъ словомъ, начиная съ Вальми и до самаго Ватерлоо, отъ столкновенія съ эльзасскими владѣтельными князьями и до парижскаго трактата 1815 года, она постоянно на сценѣ ей принадлежитъ и первый и послѣдній импульсъ. Среди великаго потрясенія въ европейскихъ дѣлахъ, ни одна страна не подверглась такому перевороту, какъ Германия. Но и въ теченіе всѣхъ этихъ изумительныхъ превратностей судьбы, она не переставала развивать свой собственный, историческій ходъ, слѣдовать своимъ традиціямъ и продолжать путемъ вѣнскихъ трактатовъ дѣло, начатое вестфальскими.

Въ 1789 г. трактаты 1648 года еще лежали въ основѣ германскаго публичнаго права ²⁾. Они устанавливали, вмѣстѣ со смысломъ существованія Священной Имперіи, всѣ причины грозившаго ей распадѣнія. Между тѣмъ какъ во Франціи и въ Англіи феодальная система исчезала, уступая монархической власти — ограниченной въ Англіи и абсолютной во Франціи, но и въ той и другой управляющей объединеннымъ государствомъ, — въ Германиі, вслѣдствіе отсутствія національныхъ и политическихъ традицій, составные элементы клонили къ образованію обособленныхъ государствъ. Во Франціи, королевская власть подчиняла и поглощала феодализмъ; въ Германиі — крупные феодалы вторгались и экспроприировали самую имперію. Въ одну и ту же эпоху, въ царствованіе Людовика XIV, во Франціи одер-

¹⁾ См. HAEUSSER, *Deutsche Geschichte*. — PERTHES, *Politische Zustände in Deutschland*. — TREITSCHKE, *Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert*. — SYBEL, *Geschichte der Revolutionszeit*. — RANKE, *Die deutschen Mächte und der Fürstenbund*.

²⁾ См. HIMLY, *Formation territoriale des États de l'Europe centrale*, liv. II, ch. IV — V. — BIELEFELD, *Institutions*, t. III, ch. VIII. *De l'Allemagne*.

жали верхъ притязанія королевской власти, а въ Германиі восторжествовали требованія представителей княжескихъ династій. Правило, гласящее, что не можетъ быть терпимо государство въ государствѣ, было принято во Франціи; въ Германиі же торжественно провозгласили принципъ почти безусловной верховной власти государствъ, входящихъ въ составъ имперіи. Иностранные союзы, начинавшіеся во Франціи государственной измѣной, становились для имперскихъ князей существеннѣйшею изъ ихъ прерогативъ.

Стремленіе, побуждавшее германскихъ князей добиваться независимости отъ имперіи, заставляло ихъ также стараться объ усиленіи своего могущества и расширеніи своихъ территорій. По мѣрѣ ослабленія политическихъ узъ, географическая карта Германиі упрощалась. Государи, работавшіе надъ своимъ освобожденіемъ отъ императорской супрематіи, заботились въ то же время о сосредоточеніи собственной власти. Они старались и развивать автономію собственного государства, и включать въ него менѣе значительныя территоріи, находившіяся или по сосѣдству, или въ чрезполосномъ владѣніи съ ними. Конфискація, или — какъ смягчали это слово на официальномъ языкѣ, секуляризація церковныхъ земель въ сѣверо-германскихъ государствахъ, — ввела въ политическіе обычаи Священной Имперіи новый и плодотворный прецедентъ округленій. Вестфальскіе договоры санкціонировали эти факты и обратили ихъ въ права. «Эти договоры», замѣчаетъ одна французская инструкція конца восемнадцатаго вѣка, «утвердили свободу отдѣльныхъ государствъ и придали несомнѣнную силу общему управленію германской имперіи, уравнивъ авторитетъ главы властью членовъ и противопоставляя постоянную преграду его честолюбію ³⁾. Договоры были дѣйствительно охранительнымъ средствомъ для сосѣдей Германиі, но, по правдѣ сказать, имѣли разрушительное дѣйствіе на самую Германию. Часто цитировали слѣдующія слова Вольтера: «Германскій союзъ зовется священной римской имперіей, на самомъ же дѣлѣ онъ не священный, не римскій и не можетъ быть названъ имперіей». Священнымъ онъ никогда не былъ и только имѣлъ претензію имъ быть; римскимъ онъ сталъ лишь для того, чтобы угнетать Римъ; имперіей же онъ бывалъ, по временамъ, въ средніе вѣка, но не былъ ею во время французской революціи. Если мы станемъ искать эту имперію, то не найдемъ ее нигдѣ. Германия не имѣла ни учреждений, ни даже самыхъ основъ государства.

Она простиралась въ теоріи на 660000 квадратныхъ километровъ и насчитывала отъ 28 до 30 милліоновъ жителей. Ея карта, въ особенности въ центрѣ и въ Швабіи, верхне-рейнскихъ земляхъ и Вестфалии,

³⁾ Инструкція французскаго уполномоченнаго при германскомъ имперскомъ сеймѣ 1774, 1775, 1786. Формула повторяется въ трехъ документахъ: она сдѣлалась ходячей.

являла собою настоящую мозаику: вокруг этих земель существовали болѣе или менѣе плотныя массы. Онѣ виднѣются тамъ и сямъ, подобно крупнымъ пятнамъ на мелкомъ рисункѣ матеріи. Границы вырѣзаны весьма причудливыми зубцами. Все представляется страннымъ и произвольнымъ въ этой пестротѣ государствъ. Феодалная іерархія присутствуетъ въ полномъ составѣ. Начиная отъ рыцаря и кончая императоромъ, въ ней находятся представители всѣхъ типовъ феодалной сеньоріи; рядомъ съ аббатствами имѣются и республики. Однако, несмотря на такую крайнюю раздробленность, Германія мало-по-малу сосредоточивается въ рукахъ нѣсколькихъ болѣе могущественныхъ властителей, стремящихся подчинить себѣ остальныхъ. Владѣнія болѣе крупныхъ государей занимаютъ около пяти седьмыхъ имперіи: города и церковныя княжества составляютъ, приблизительно, одну седьмую, остальное распредѣляется между мелкими владѣльцами. На первомъ мѣстѣ и много выше другихъ стоитъ австрійскій домъ: онъ имѣетъ въ имперіи десять съ половиною миллионъ подданныхъ, но прибавляетъ къ этому около четырнадцати миллионъ венгерцевъ, поляковъ и итальянцевъ. За нимъ слѣдуетъ Пруссія съ двумя съ половиною миллионами нѣмецкихъ подданныхъ и такимъ же количествомъ силезцевъ, поляковъ и пруссаковъ, находящихся внѣ предѣловъ имперіи. Далѣе идутъ: баварскій и саксонскій домъ, брауншвейгскій, виртембергскій, гессенскій, мекленбургскій, нассаусскій и баденскій: они насчитываютъ до двухсотъ тысячъ подданныхъ и примыкаютъ къ церковнымъ владѣніямъ. Изъ этихъ послѣднихъ наиболѣе крупныя: Майнцъ, съ 350000 подданныхъ, Триръ, Кельнъ, Вюрцбургъ, и Бамбергъ—населеніе которыхъ колеблется между 200 и 325 тысячами ⁴⁾).

На этой послѣдней ступени государства не обладаютъ ни силою, ни уваженіемъ: они имѣютъ значеніе, поскольку служатъ добавочною суммою при раздѣлахъ и политическихъ комбинаціяхъ.

Германія была имперіей безъ подданныхъ, безъ учреждений и безъ го-

⁴⁾ Въ имперіи насчитывалось всего 360 государствъ, включая сюда и медиатизированное дворянство, владѣвшее не болѣе 200 квадр. милями земли и 450.000 населеніемъ. Вольные города (ихъ 51) представляли только 700.000 жителей, а церковныя княжества—3.100.000. По населенности всѣ эти государства распредѣляются въ такомъ порядкѣ: Австрія 10.500.000 жителей (въ предѣлахъ имперіи); Пруссія, 2.500.000 (въ предѣлахъ имперіи); Палатинатъ—Баварія, 2.100.000; Саксонія, 2.100.000; Брауншвейгскій домъ, 1.100.000; Виртембергъ, 650.000; Гессенъ-Кассель, 460.000; Гессенъ-Дармштадтъ, 300.000; Датское королевство, 400.000; Мекленбургскій домъ, 350.000; Нассау, 200.000; Баденъ, 200.000; архіепископство Майнцское, 350.000; курфиршества: Трирское и Кельнское, каждое по 230.000; епископства: Вюрцбургское и Бамбергское—325.000 и 200.000. Нимлх, t. I, p. 286—297.

сударя. Учрежденія ея были лишь формами безъ содержанія. Для процессовъ по дѣламъ, рѣшеніе которыхъ предоставлялось императору, имѣлась имперская палата въ Вецларѣ и авлическій судъ въ Вѣнѣ. Они продолжаютъ засѣдать, но рѣдко постановляютъ рѣшенія. Въ 1772 году, когда Гёте причисленъ былъ къ Вецларской канцеляріи, тамъ было 20.000 неконченныхъ дѣлъ ⁵⁾. Существовали, въ видѣ рамокъ для мелкихъ территорій, десять округовъ съ сеймами, которымъ ввѣрялась общая ихъ защита, а равно и приведеніе въ исполненіе имперскихъ законовъ. Исключая мѣстностей, прилегавшихъ къ Франціи и гдѣ энергія возбуждалась страхомъ, всѣ эти собранія лишены были всякаго значенія, а округа имѣли смыслъ развѣ для географовъ. Для завѣдыванія общеимперскими дѣлами существовалъ имперскій сеймъ. Сеймъ, засѣдавшій въ 1789 г., былъ созванъ въ Ратисбоннѣ и продолжалъ засѣдать безпрерывно съ 1663 года. Этотъ сеймъ не дѣйствовалъ, а обсуждалъ или, вѣрнѣе, выслушивалъ доклады. Это былъ конгрессъ дипломатическихъ нотаріусовъ или повѣренныхъ, для которыхъ процедура важнѣе самой тяжбы. Императоръ ставилъ вопросъ, каждый изъ делегатовъ сообщалъ о немъ своему правительству, которое отвѣчало, когда ему заблагоразсудится, потою, передававшееся сейму делегатомъ. Сеймъ состоялъ изъ равноправныхъ коллегій, которыя подавали голоса, каждая отдѣльно ⁶⁾. Для рѣшенія или сопелушн^а требовалось большинство двухъ сеймовыхъ коллегій. Голосованіе было формальностью: въ сущности сеймъ только заносилъ въ списки рѣшенія, принятые въ отдѣльности каждымъ изъ приславшихъ делегатовъ государствъ. Прибавимъ къ этому, что три иностранныхъ государя имѣли при сеймѣ своихъ уполномоченныхъ: англійскій король—за Ганноверъ, шведскій—за Померанію, датскій—за приэльбекія герцогства. «Делегатъ, присылаемый государемъ на это собраніе, равносителенъ дворовому псу, лающему на луну», говорилъ Фридрихъ II. Поэтому сеймъ весьма мало посѣщался. Въ 1788 на сто занесенныхъ въ списки голосовъ въ коллегію имперскихъ князей, на лицо оказалось въ Ратисбоннѣ не болѣе четырнадцати. Изъ пятидесяти одного города прислали делегатовъ только восемь; общее же число представителей въ сеймѣ равнялось двадцати девяти.

Императоръ являлся лишь пышнымъ подобіемъ монарха. Онъ—главно-

⁵⁾ См. BOSSERT, *Goethe, ses précurseurs et ses contemporains*, p. 238, 2e éd Paris, 1882.

⁶⁾ 1) Избирательная коллегія: ей принадлежало право избранія императора; она состояла изъ восьми избирателей, трехъ духовнаго званія (Майнцъ, Триръ, Кельнъ) и пяти свѣтскихъ (Богемія, Палатинатъ Баварія, Саксонія, Бранденбургъ, Ганноверъ). 2) коллегія князей, имѣвшая двѣ палаты: одну для свѣтскихъ и другую для церковныхъ; 3) коллегія вольныхъ городовъ.—См. Нимлх, t. I, p. 275.

командующий войсками, которые собираются не иначе, какъ по приказу имперскаго сейма и могутъ выступать въ походъ только съ согласія окружныхъ сеймовъ. Финансы имѣются у императора только въ случаѣ ассигнованія ему имперіей чрезвычайныхъ кредитовъ. Нормальный же бюджетъ его не превышаетъ 13884 флориновъ. Правительство его состоитъ изъ вице-канцлера и нѣсколькихъ секретарей. Функции его заключаются въ представленіи дѣлъ на разсмотрѣніе сейма, въ ратификаціи и объявленіи сеймовыхъ рѣшеній. Въ сущности, онъ—президентъ конфедераціи почти самостоятельныхъ государствъ. Онъ былъ бы несравненно менѣе значущъ, чѣмъ президентъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ, если бы не совмѣщаль съ императорскимъ званіемъ титула короля Богемскаго и Венгерскаго, что дѣлало его монархомъ болѣе могущественнымъ, чѣмъ вся остальная Германія вмѣстѣ взятая, и позволяло господствовать надъ нею не по закону, а во имя силы.

Разсматривая тогдашнюю Германію, мы должны, слѣдовательно, принимать въ соображеніе не обветшавшую хилую имперію и ея устарѣлыя учрежденія, а государства, входившія въ ея составъ, и политическія группы, изъ нихъ образованныя. Германія ничтожна, если эти государства остаются разъединенными, но она можетъ представить грозную силу въ случаѣ тѣснаго союза между ними. Но объединить и связать ихъ можетъ лишь общая опасность, а для поддержанія союза требуется желѣзная рука. Возможность подобнаго союза составляетъ предметъ постоянныхъ опасеній сосѣдей Германіи, а вестфальскіе договоры имѣли главною цѣлью—сдѣлать его невозможнымъ. Они возводятъ въ имперскій законъ антагонизмъ, такой же старый какъ и сама имперія ⁷⁾.

Какъ бы далеко ни заглядывали мы въ исторію—сѣверъ и югъ Германіи всегда враждуютъ, всегда разъединены. Это несогласіе проявляется во всѣхъ видахъ. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, сѣверъ принимаетъ протестантизмъ, а югъ остается католическимъ; и съ 1648 года мы видимъ въ Германіи союзъ католиковъ ⁸⁾ и союзъ евангелическихъ ⁹⁾, которые официально дѣляютъ между собою имперію. Австрійскій домъ стремился въ видахъ под-

⁷⁾ «Во времена заключенія вестфальскихъ трактатовъ тѣ, кто принимали въ этомъ дѣлѣ главнѣйшее участіе, нашли, что существенный пунктъ для равновѣсія въ Европѣ составляютъ права и преимущества, доставленные имперскимъ государямъ и государствамъ для того, чтобы воспрепятствовать сліянію германскаго союза съ вѣнскимъ дворомъ, что представило бы несомнѣнно серьезную опасность для всѣхъ остальныхъ европейскихъ державъ». *Instructions du duc de Richelieu, 1725. Recueil, t. I. Autriche, p. 208.*

⁸⁾ Наслѣдственные владѣнія австрійскаго дома, Богемія, Баварія, часть Швабіи и Франконіи, епископства.—⁹⁾ Бранденбургъ-Пруссія, Саксонія, Ганноверъ, Брауншвейгъ, Гессенъ, Виртембергъ.

держанія своего господства къ единству религіи: въ 1530 году, протестанты образовали противъ него Шмалькальденскую лигу. Потерпѣвъ пораженіе на этой почвѣ, Австрія пытается управлять Германіей, сосредоточиваясь въ ней: въ 1785 г. тѣ же государства, въ видахъ оказанія ей противодѣйствія, образуютъ *конфедерацію князей*,—новая попытка созданія *сѣверо-германской конфедераціи*, которая сдѣлается господствующею задачею прусскихъ политиковъ и главнымъ рычагомъ Пруссіи въ ея широкомъ планѣ завладѣнія Германіей. Но въ тѣ времена, не будучи еще въ силахъ поглотить ее, Пруссія защищаетъ и отстаиваетъ ея вольности противъ Австріи: это—вѣрнѣйшее средство для ослабленія австрійскаго дома и устраненія его власти.

Второстепенныя государства не любятъ ни Пруссіи, ни ея воинственнаго правительства, ни ея властолюбивой политики, ни надменности ея духа, ни настойчивости притязаній; но она нужна имъ для отпора Австріи: они пользуются Пруссіей и поддерживаютъ ее въ ея стараніяхъ разъединить имперію. Ничего не опасаются они такъ сильно, какъ мира и согласія между Австріей и Пруссіей, соглашенія ихъ честолюбивыхъ замысловъ для полюбовнаго раздѣла Германіи. Мелкія государства держатся за имперскую конституцію, потому что она обезпечиваетъ имъ и существованіе и автономію, но, полагая, что отстаиваютъ эту автономію, они безсознательно и не менѣе успѣшно чѣмъ Австрія и Пруссія работаютъ надъ ея уничтоженіемъ. Двѣ страсти господствуютъ у германскихъ государей: духъ автономіи и алчность! И та и другая сводятся къ эгоизму, который и руководитъ ихъ образомъ дѣйствій. Каждый заботится исключительно о себѣ, и Германія ускользаетъ ото всѣхъ. Въ особенности же ускользаетъ она отъ обѣихъ крупныхъ державъ: Пруссіи и Австріи. Въ своихъ предпріятіяхъ, направленныхъ противъ славянъ, онѣ ищутъ лишь новыхъ силъ для захвата Германіи, а въ преобладаніи Германіи видятъ средство для господства въ цѣлой Европѣ. Мелкія государства подражаютъ имъ по мѣрѣ силъ. Гвельфъ сдѣлался англійскимъ королемъ; саксонецъ былъ королемъ польскимъ. Всѣ стремятся къ королевской коронѣ и изыскиваютъ за предѣлами имперіи средства управлять этой имперіей, и въ особенности раздроблять ее. Имъ кажется, что для сдерживанія Австріи и Пруссіи всего цѣлесообразнѣе подражать имъ, то есть увеличивать свое могущество и расширять предѣлы своихъ владѣній.

Такимъ образомъ они стремятся къ образованію нѣсколькихъ среднихъ государствъ, уравнивающихъ другъ друга и составляющихъ, вмѣстѣ взятые, противовѣсъ двумъ крупнѣйшимъ державамъ. Они не замѣчаютъ, что, упрощая Германію, облегчаютъ ея подчиненіе. Поглощеніе однихъ государствъ другими шло своимъ чередомъ и силою своего принципа раз-

рушало систему пресловутых вѣнскихъ трактатовъ. Честолюбиво-алчные поползновенія были всеобщими, и опасности, съ ними сопряженныя, не устрашали даже и самихъ духовныхъ владѣтелей. «Кельнскій епископъ, передаетъ Фридрихъ II, надѣлъ на свою голову столько митръ, сколько могъ себѣ присвоить». Свѣтскіе государи вели постоянныя рѣчи о секуляризаціяхъ. Въ 1778 г. въ рейнскихъ провинціяхъ разнесся слухъ о томъ, что Пруссія позволить Австріи овладѣть Баваріей, и что въ вознагражденіе за это Австрія предоставитъ ей епископства: мюнстерское, гильдесгеймское и падерборнское. Король прусскій желалъ овладѣть Саксоніей, а герцогъ брауншвейгскій—Ганноверомъ. Мирабо писалъ въ 1786 году: «Единственное, ясно выраженное мнѣ герцогомъ, желаніе заключалось въ отдѣленіи курфиршества ганноверскаго отъ англійской монархіи и въ секуляризаціи нѣкоторыхъ земель, которыя могли бы со временемъ служить эквивалентомъ для Саксоніи». Эти слухи дѣлались періодическими въ годы, предшествовавшіе революціи. Фридрихъ резюмировалъ положеніе Германіи въ слѣдующемъ краткомъ изреченіи: «Слабые были рабами, сильные—свободными». Германія стремилась, такъ сказать, пожрать сама себя.

Французская революція смутила и еще сильнѣе возбудила страсти германскихъ государей, но не измѣнила ихъ характера. Она грозила самому ихъ существованію: однако они усмотрѣли въ ней лишь случай привести въ исполненіе свои замыслы, относительно расширенія своихъ владѣній и своей независимости. Въ началѣ кризиса Австрія и Пруссія возымѣли претензію защищать Германію отъ общаго врага: они принялись за это дѣло такъ, что Германія стала бояться ихъ несравненно болѣе, чѣмъ самого врага. Впрочемъ онѣ не замедлили проявить соперничество и разладъ; преслѣдуя каждая лишь собственную выгоду, онѣ кончили тѣмъ, что предоставили Германію ея собственной судьбѣ, т. е. раздѣлу и завоеванію. Пруссія первая подала примѣръ отступничества: нарушивъ союзъ, она уничтожила то, что еще уцѣлѣло отъ священной имперіи, отдѣливъ линіей нейтралитета сѣверо-германскія государства отъ южныхъ, что было, въ сущности, новымъ планомъ *сѣверной конфедерации*; она санкціонировала начало распада Германіи, согласившись на уступку лѣваго берега Рейна, подъ условіемъ вознагражденія путемъ секуляризаціи церковныхъ земель, лежащихъ на правомъ берегу Рейна. Австрія противилась этому довольно долго, но въ концѣ концовъ уступила.

Что касается мелкихъ государствъ, то они не дожидались ратификаціи Австріи, чтобы послѣдовать примѣру Пруссіи ¹⁰⁾. Они послѣдовательно

¹⁰⁾ Договоры и конвенціи: 28 августа 1795 г. съ Гессенъ-Касселемъ, 25 сентября 1795 г. съ Виртембергомъ, 25 іюня 1796 г. съ Баденомъ, 27 іюля

вступали въ договоры съ республикой. По теоріи, сеймъ оставался единою компетентною инстанціей и, подписывая договоры о мирѣ или о перемиріяхъ, нѣмецкіе государи оговаривали согласіе имперіи. Но послѣ того, какъ главные члены имперіи приняли на себя отдѣльныя и независимыя обязательства, ратификація сейма сдѣлалась простою формальностью. Нѣмецкіе государи вели переговоры о мирѣ такъ же, какъ вели и военные операціи. Ихъ взаимное недовѣріе помѣшало имъ въ дѣлѣ самозащиты, алчность заставила ихъ грабить одинъ другого. Война повлекла за собою пораженіе имперіи, миръ привелъ къ ея распаденію.

Дѣло въ томъ, что каждый давно намѣтилъ свою долю: французамъ пришлось только распредѣлять эти доли. Подъ влияніемъ мощнаго импульса республики, и въ особенности Бонапарта, Германія испытала кризисъ, въ которомъ всѣ оппозиціонные элементы, въ ней содержавшіеся, пришли въ нѣкотораго рода броженіе. Имперія была потрясена отъ вершинны до основанія; но ни республика, ни Бонапартъ не создали причинъ этой революціи: они нашли ихъ готовыми въ Германіи и только ускорили ихъ дѣйствіе. Вотъ почему это необычайное дѣло было въ сущности весьма нетруднымъ: оно сводилось на торговую и статистическую операцію. Чтобы властвовать надъ нѣмецкими государами, Франціи стоило только предоставить ихъ ихъ собственнымъ алчнымъ поползновеніямъ. Уступка лѣваго берега Рейна, сдѣланная республикѣ герцогомъ Виртембергскимъ, доставила ему взаимнѣе званіе электора и цѣлый округъ вольныхъ городовъ и аббатствъ, вдвое обширнѣе того, что было имъ уступлено. Въ 1805 г. этотъ герцогъ, получивъ извѣстіе о прибытіи французовъ, съ негодованіемъ протестовалъ противъ вторженія въ свои владѣнія. «Я дамъ отпоръ этому разбою!» сказалъ онъ офицеру, присланному Наполеономъ для заключенія съ нимъ сдѣлки. Офицеръ просилъ его успокоиться; герцогъ успокоился весьма быстро и въ концѣ разговора шепнулъ французу, что «нѣкоторыя сосѣднія владѣнія стѣнительны для его государства, что если бы онъ приобрѣлъ ихъ въ собственность и если бы его герцогство возведено было на степень королевства, то все могло бы устроиться. И дѣйствительно все устроилось. Этотъ герцогъ, котораго революція застала съ 650.000 подданныхъ, увидѣлъ себя при Наполеонѣ королемъ 1.350.000. Правда, что тѣмъ временемъ исчезла священная имперія. Когда въ 1806 г. Наполеонъ рѣшилъ ея разрушеніе, достаточно было объявить объ этомъ: фактически она давно перестала существовать.

1796 съ Швабскимъ округомъ, 7 августа 1796 съ Франконскимъ округомъ, 22 августа 1796 съ Баденомъ, 7 сентября 1796—съ Баваріей.

II.

Въ конституированной такимъ образомъ имперіи, государства были всёми, а сама германская нація не имѣла ни малѣйшаго значенія. Отечества не было, партій не существовало; ихъ замѣняли соперничающія династїи. Во время войнъ семнадцатаго вѣка, кто не австріецъ и не испанецъ, тотъ шведъ, французъ, даже англичанинъ. И тѣмъ не менѣе среди этой разладицы, въ умахъ присутствуетъ смутное чувство единства. Оно проявляется въ воспоминаніяхъ о темномъ, далекомъ прошломъ и порываніяхъ къ иному неопредѣленному еще будущему; однимъ словомъ, національный инстинктъ тѣлѣтъ подъ пепломъ и ищетъ исхода. Сосѣди Германіи сознавали присутствіе этой еще не организовавшейся силы и эта сила уже и тогда внушала имъ опасенія. «Кому неизвѣстно», писалъ одинъ современникъ Ришелье ¹⁾, «что если разъединенная испанцами Германія захочетъ объединиться и нѣмцы устанутъ помогать врагу и проливать за него кровь ради порабоженія собственной родины, то всѣ трофеи, воздвигнутые этимъ врагомъ, разлетятся въ клочья, а десятилѣтнее процвѣтаніе сведется къ нулю». Людовикъ XIV сдѣлалъ такой опытъ въ ущербъ Франціи, и восемнадцатый вѣкъ начался подъ впечатлѣніемъ грозныхъ войнъ, въ которыхъ, по выраженію Флешье ²⁾, «Германія, это обширное и громадное государственное тѣло, составленное изъ столькихъ народовъ и націй, развернула всѣ свои знамена и двинулась на наши границы, чтобы подавить насъ своей силой, послѣ того какъ утратила насъ своей многочисленностью».

Несмотря на то, что нѣмцы были распределены между столькими соперничающими династїями, они сохранили и развивали свой народный духъ. «Это обширное государство», писалъ Вольтеръ, не имѣетъ внѣшняго могущества, но оно одарено внутреннею силой, потому что народъ въ немъ всегда былъ трудолюбивъ и воинствененъ». Нѣмцы славились своею дисциплиной, которая дѣлала ихъ въ высшей степени пригодными для военной службы. «Господствующая черта у нѣмецкой націи—страсть къ войнѣ», писалъ нѣмецъ Вильфельдъ; они готовы ради нея пожертвовать всёми, даже своею свободой». Множество нѣмцевъ принималось въ военную службу; нѣкоторые же государи продавали своихъ подданныхъ цѣлыми полками. Они сражались подъ всѣми знаменами и на всѣхъ поляхъ сраженія; но тѣмъ не менѣе они не забыли, что въ былые времена нѣмцы проливали кровь ради самой Германіи, покрывали себя славой, дѣлали обширныя за-

¹⁾ BALZAC, *Le Prince*, ch. XXXI.

²⁾ *Oraison funèbre de Turenne*.

воеванія, приносили домой богатую добычу, устрашали сосѣдей и наполняли міръ громомъ своего могущества. Малая доля престижа, сохраненнаго имперіей, и остатки прежней славы, связанные съ именемъ германцевъ, представляли собою лишь отблескъ прежняго величія. Сеймъ былъ смутнымъ символомъ этого прошлаго. Во Франкфуртѣ сохранилось нѣчто въ родѣ историческаго музея старой Германіи и его отъ времени до времени выставляли напоказъ народу во время празднествъ, по случаю коронованія императоровъ: эти празднества поддерживали традицію. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ Германія замѣтно пробуждается. Слова *отечество*, *патріотъ* появляются въ дипломатическихъ документахъ и манифестахъ. Патриотическое чувство очевидно существуетъ, если на него ссылаются. Даже тѣ, кто спѣшилъ подблѣть Германію, прикидываются ея защитниками и кичатся ролью покровителей ея независимости. Въ 1740 г., когда австрійскій престолъ остался свободнымъ, это служило аргументомъ врагамъ Маріи-Терезіи. «Слышится бурный ропотъ,—пишетъ одинъ венеціанскій посланникъ,—говорятъ, что нація не должна быть управляема женщиной и что общій интересъ требуетъ избрать нѣмецкаго государя». Фридрихъ, въ письмѣ къ баварцу Карлу VII, хвалится, что онъ «добрый и вѣрный нѣмецкій патріотъ».

Патріотизмъ этотъ выражается преимущественно въ соперничествѣ, недобвѣріи и ненависти къ французамъ. «Будьте осторожны»,—говоритъ Фридрихъ посланнику Людовика XV, Валори, «единственное, что можетъ повредить вашему другу, курфирсту баварскому, это его сношенія съ вами». Когда Фридрихъ завладѣлъ Силезіей и желалъ оправдать этотъ поступокъ въ глазахъ своихъ товарищей, нѣмецкихъ государей, онъ обращался къ ихъ патріотическому чувству. «Въ Ганноверѣ, въ Майнцѣ и Ратисбоннѣ слѣдуетъ говорить, что этого требуетъ патріотизмъ и что я желаю поддерживать имперію», пишетъ онъ своему посланнику. Марія-Терезія отвѣчаетъ тѣмъ же оружіемъ, и когда въ 1742 г. она пытается возбудить нѣмцевъ противъ французовъ, находившихся въ Богеміи, она восклицаетъ: «Доколѣ будутъ допускать чужеземца попираť землю дорогого германскаго отечества? Не теперь ли настала минута освободить родину отъ вѣковаго гнета?» Призывъ былъ услышанъ: чѣмъ ревностнѣе возбуждаетъ Марія-Терезія противъ Франціи, тѣмъ благожелательнѣе относится къ ней нѣмцы. Фридрихъ находилъ нужнымъ защищать имперію, заключая союзъ съ Франціей, ради завоеванія Силезіи; но для того, чтобы получить ратификацію своего завоеванія со стороны нѣмцевъ, онъ внезапно покидаетъ французъ и объясняетъ свою измѣну тѣмъ же мотивомъ: интересомъ Германіи.

Такова классическая игра союзниковъ Франціи въ Германіи. «Моихъ подданныхъ истощаютъ поборами, которыхъ не имѣютъ никакого права съ

меня требовать», пишет герцог вюртембергский в 1745... Г. маркиз д'Аржансон сказал вам, что Швабия до такой степени ненавидит французов, что если бы могла перерезать их всех, то не замедлила бы это сделать». В то же время Фридрих говорил маркизу Валоари: «Вы боитесь связываться с Германией, любезные друзья,... будьте уверены, что на другой же день по переходу ваших войск через Рейн, большая часть Германии будет против вас».

С течением времени эти тенденции мало-по-малу выясняются; немцы-государи эксплуатируют их в свою пользу, но никому не удавалось это в такой мере, как Фридриху II. В 1769 году, после Семилетней войны, в которой Франция так безразсудно жертвовала своей славой и своими интересами ради нелюбимой идеи возвращения Силезии Марии-Терезии, австриец и пруссак, желая унижить Францию и не довольствуясь тем, что обманули ее, примиряются и приходят к соглашению в ущерб Франции, и средством к тому служит «система германского патриотизма». Они соперничают друг с другом в деле утонченного патриотизма, и это потому, что слово это имело магическое действие: употребляя его во-время и кстати, можно рассчитывать быть выслушанным всею Германией.

Как странно и необычайно история прусского дома! Германское национальное чувство и стремление к независимости пробуждены были в наибольшей значительной степени главою наименее немецкого государства Германии, государем, наиболее чуждым германской цивилизации и германским традициям, как по своим склонностям и характеру, так и по своему воспитанию. У Пруссии было не мало врагов; Росбах навербовал ей повсюду сторонников. Забыто было, что большинство беглецов во время этого пресловутого погрома были немцы; достаточно было того, что другие немцы обратили их в бегство, чтобы гордиться славным днем, как одним из капитальных событий истории. К тому же европейский престиж окружал короля-философа: ему усердно льстили самые выдающиеся умы того века, и политические деятели признавали превосходство его правления. Он поднимал значение Германии и в глазах Европы и в ее собственном мнении. Гёте рассказывает, что строгая критика «единственного в своем роде человека, человека, очевидно превышавшего всех своих современников», впервые внушила ему мысль о несправедливости общественного мнения. «Я стоял за Пруссию, — говорит он, — или, вернее, за Фридриха. Какое нам дело до Пруссии? Нам восхищала личность ее государя. Я вместе с отцом радовался нашим побдам». Несколько лет спустя после Семилетней войны, он возвращается к этой мысли и с гордостью указывает на Фридриха, «опираю-

щегося на собственную силу и продолжающего являться третейским судьей Европы и всего мира». Популярность эта распространялась и за океаном; один французский агент писал в 1766 г. по поводу немцев, служивших в Америке: «они боготворят прусского короля³⁾». В этом-то и заключалась истинная основа прусского величия: вопреки многим и глубоким несогласиям, разъединявшим их во внутренних делах империи, немцы ссылались на его победы перед иностранцами и привыкли связывать мысль о его могуществе с чувством своей возросшей национальной гордости.

«Патриотическая система» и прусская партия становились почти синонимами на языке дипломатических канцелярий⁴⁾. Конфедерация государей давала осознательную форму этим тенденциям. Обсуждались проекты федеральной реформы, искали способов возвратить империи утраченную силу, посредством изменений в ее конституции. Немцы старой Германии, и во главе их Гарденберг и Штейн, служили Пруссии и страстно увлекались планами будущего, лучшего устройства⁵⁾. Фридрих-Вильгельм II искал в этой политике возможности выдержать тяжелую роль, выпавшую на его долю⁶⁾. «Король, — писал Мирабо, — возмечтал мысль и надежду сделаться великим человеком, превратившись в кровного немца и дразня таким образом французское превосходство». Апологеты короля прославляли его по этому поводу. Один из них писал в 1789 г.: «Несколько презирали Германию, когда она была разъединена, когда политика ее соседей была в ней раздоры и беспорядки, — настолько сделалась она могущественна, благодаря прусскому покровительству и настолько сделался желательным союз с нею⁷⁾».

И противники и сторонники Пруссии, все объявляют себя патриотами, указывают на опасность, грозящую от раздробления Германии, и требуют реформ. Ко времени 1789 года это является главной темой политических брошюр, которыми начинают кишеть оба берега Рейна⁸⁾.

³⁾ C. de Witt, *Jefferson*, p. 410.

⁴⁾ В одной инструкции, данной французскому уполномоченному при сейме в 1772 г., читаем: «Необходимо отличать тех, кого принято называть министрами-наушниками Австрии от тех, кто держится патриотической системы. Вы скоро научитесь отличать клиентов австрийского дома от клиентов Берлина».

⁵⁾ Ranke, *Die deutschen Mächte und das Fürstenbünd; Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg*, Leipzig, 1877. Pertz, *Leben des Ministers Freiherrn von Stein*.

⁶⁾ Фридрих II умер 17 августа 1786. Его племянник наследовал ему под именем Фридриха-Вильгельма II.

⁷⁾ Trencck, *Examen de l'histoire secrète de la cour de Berlin*.

⁸⁾ «Немного патриотизма в германской империи», Немец, 1788. Автор —

Даже самъ Иосифъ II лелѣетъ мечту о возстановленіи великой имперіи. Австрія и Пруссія должны совершить это дѣло соединенными усилиями. «Развѣ онѣ не принадлежать къ одной и той же національности? Развѣ у нихъ не общій языкъ»? Изъ всего этого онѣ заключаютъ, что онѣ должны раздѣлить между собою господство и надъ Германіей и надъ цѣлымъ міромъ.

Противорѣчіемъ такому настроенію общественнаго мнѣнія являлись отношенія между Германіей и Франціей. Авторъ *Политическихъ учрежденій* Бильфельдъ, становясь на французскую точку зрѣнія, объявлялъ, что планъ завоеванія рейнской границы внушенъ Франціи «самой мудростью», но, принимая во вниманіе интересы Германіи, находитъ, что «важнѣйшимъ дѣломъ имперской политики» должно быть противодѣйствіе этому плану. «Если справедливо», замѣчаетъ онъ, «что Франція ищетъ расширенія своего господства до береговъ Рейна, то германскій союзъ долженъ употребить всѣ свои усилія къ тому, чтобы воспрепятствовать Франціи расширять свои предѣлы въ эту сторону и стараться сохранить вещи, по крайней мѣрѣ, въ ихъ настоящемъ положеніи». Впрочемъ, прибавляетъ этотъ писатель, Франція нѣкоторымъ образомъ обезпечиваетъ нѣмецкія вольности; безъ ея вліянія эти вольности давно сдѣлались бы «отвлеченнымъ понятіемъ». Изъ этого онъ заключаетъ, что нѣмцы должны «весьма бережно» относиться къ Франціи, избѣгать вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла, но, съ другой стороны, и «не терпѣть вмѣшательства версальскаго двора во внутреннія дѣла Германіи и похищенія имъ какой бы то ни было частицы ея территоріи». Въ такомъ именно смыслѣ объявлялся съ Мирабо въ 1786 г. герцогъ Брауншвейгскій: «онъ неоднократно повторялъ мнѣ, что вся протестантская Германія и значительная часть остальной будутъ за Францію, если она успокоитъ германскій союзъ относительно своихъ нагѣреній».

Однако германскій союзъ не ограничивается требованіемъ гарантій и обезпеченій, онъ заявляетъ и притязанія. Въ сущности эти притязанія не новы, но они возникаютъ вновь съ развитіемъ германскаго патріотизма и распространяются среди нѣмцевъ одновременно съ воспоминаніемъ о быломъ могуществѣ Германіи. Нѣмецкіе законники и ученые преслѣдовали ту же цѣль, какъ и легисты французскихъ королей; ихъ архивы, не менѣе парижскихъ, богаты документами, касающимися правъ и интересовъ Германіи. Это, въ иномъ видѣ, вѣковая тяжба о наслѣдін Карла Вели-

противникъ Пруссіи и конфедераціи государей.—*Соображенія по поводу сейма*, 1789.—*Соображенія по поводу свободы и благоденствія Германской имперіи и средствъ возстановленія ея значенія*, Патріота, 1789. *Свободныя замѣтки по поводу германскаго законодательства*, 1790. См. HAEUSSER, liv. II, ch. II.

каго, вѣчное требованіе возстановленія пресловутой Австразіи. «Нѣмецкіе публицисты», писалъ Фавье ⁹⁾, «не менѣе французскихъ юрисконсультъ» ничего не хотятъ знать объ отреченіи. Въ Германіи притязанія эти вѣчны и несокрушимы». Нѣмцы дѣйствительно никогда не переставали требовать возвращенія того, что у нихъ взяли, и даже того, что добровольно уступали сами, въ награду за оказанныя имъ услуги.

Тѣ самые государи, которые поспѣшили уступить Франціи Эльзасъ и всѣ три епископства, для обезпеченія независимости своей отъ австрійскаго дома, выказали наибольшее усердіе въ поддержаніи стремленій этого дома ограничить и, если возможно, уничтожить права французскаго короля на эти территоріи. Въ 1709 г., когда побѣжденный европейскою коалиціей Людовикъ XIV, казалось, готовъ былъ на капитуляцію, а Франція, занятая чужеземцами, находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи, они явились наиболѣе алчными на добычу, которую считали почти вѣрною ¹⁰⁾. «Нѣкоторые ученые, замѣчательные скорѣе своей эрудиціей, чѣмъ здравымъ смысломъ и проницательностью»,—писалъ Бильфельдъ,—увѣрили, что Турція и Франція—наслѣдственные враги германцевъ. Они внушили это воззрѣніе юношеству, а такъ какъ школьные предразсудки весьма трудно искоренимы, то это воззрѣніе перешло въ поговорку; австрійскій же домъ нашелъ для себя выгоднымъ поддерживать этотъ предразсудокъ ¹¹⁾.

Франціи извѣстно было о такомъ настроеніи, и она не упускала его

⁹⁾ *Doutes et questions sur le traité de 1756*. Онъ прибавляетъ: «За исключеніемъ вѣнскихъ договоровъ». Такое исключеніе могло показаться простою пронойей. Легисты австрійскаго дома были не менѣе своихъ иностранныхъ коллегъ свѣдущи по части старинныхъ правъ, не менѣе изобрѣтательны и остроумны. Раздѣлъ Польши и дѣло о баварскомъ престолонаслѣдствіи болѣе чѣмъ достаточно доказали это. См. *Question d'Orient au dix-huitième siècle*, Hmlx, t. II, p. 168.

¹⁰⁾ Сеймъ требовалъ Лотарингію, Эльзасъ, три епископства, Франшъ Конте и полосу земли вокругъ Франціи: «въ такихъ, приблизительно, словахъ выражалось собраніе грубыхъ, невѣжественныхъ народовъ, поощренное неожиданными благами, доставленными имъ союзниками, безъ сколько-нибудь значительнаго участія Имперіи». *Journal inédit de Torcy*, publié p. Masson, p. 73. Это—предвѣстники дѣлежа добычи въ 1815 г. См. *Traité du 20 novembre 1815*, Paris 1872.

¹¹⁾ *Institutions politiques*, t. III, ch. VIII. Въ *Запискахъ Алберони* читаемъ: «Епископства, Эльзасъ и Страсбургъ, притязанія сестры короля на Палатинатъ и притязанія Палатъ возсоединенія—вотъ предметы постоянныхъ неудовольствій противъ Франціи».—«Система завоеваній Людовика XIV испугала нѣмецкихъ государей и внушила имъ недовѣріе къ поручительницѣ до такой степени, что Францію стали причислять къ категоріи наслѣдственныхъ враговъ Германіи». Инструкція французскаго уполномоченнаго при германскомъ сеймѣ 1772.

изъ вида въ своей политикѣ. Необходимо было принимать въ соображеніе этого рода патриотизмъ нѣмецкихъ государей, и тѣмъ болѣе серьезно, что онъ не только не умѣрялъ ихъ традиціонной алчности, но постоянно доставлялъ къ ней новые поводы. Слѣдовало ожидать, что если придется съ ними торговаться, они если и не окажутся неприступными, то, во всякомъ случаѣ, будутъ болѣе требовательны по вопросу о вознагражденіяхъ. Отнынѣ, для согласія ихъ на новую территориальную уступку, потребуется не одно матеріальное, но и нравственное вознагражденіе: придется не только заплатить за уступаемая земли, но и за то дискредитированіе, которое повлекъ бы за собою для нихъ договоръ съ наслѣдственнымъ врагомъ имперіи. Вознагражденіе должно быть соразмѣрно жертвѣ. Притязанія ихъ неминуемо будутъ возрастать съ развитіемъ патриотизма, и для того, чтобы получить отъ нихъ нѣсколько полосокъ земли на германской окраинѣ, пришлось бы предоставить имъ расширять предѣлы свои въ самомъ сердцѣ имперіи. То были для проницательныхъ дипломатовъ соображенія большой важности. Совѣтники Людовика XVI были проникнуты ими и видѣли въ нихъ серьезные мотивы настаивать на принятой ими системѣ умѣренности.

Къ 1789 году эта система принесла уже свои, дѣйствительно благіе, плоды; можно сказать, что никогда еще отношенія между Франціей и Германіей не были такъ прочно установлены, такъ благопріятны и для общаго мира, и для интересовъ самой Франціи, какъ именно въ это время. Прирейнскія государства искали ея покровительства, находились подъ ея вліяніемъ и вообще расположены были слѣдовать ея совѣтамъ¹²⁾. Враждебнымъ оставался одинъ кельнскій курфирстъ; это былъ австрійскій эрцгерцогъ, братъ королевы. Король не только находилъ союзниковъ и кліентовъ въ этой области, но даже вербовалъ тамъ войска. Младшіе сыновья лучшихъ домовъ, а нерѣдко и наслѣдники престоловъ считали за честь служить Франціи. Тѣмъ не менѣе не слѣдовало слишкомъ сильно полагаться на ихъ сердечное расположеніе. Нѣмецкій патриотизмъ, позволявшій имъ все принимать, повелѣвалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и все забывать. Такъ полагалъ, напримѣръ, Людовикъ Баварскій, родившійся въ Страсбургѣ¹³⁾.

¹²⁾ «Майнцскій курфирстъ прекрасно держитъ себя по отношенію къ Франціи. Трирскій—желалъ бы быть французомъ. Кельнскій ненавидитъ Францію и французамъ. Цвейбрюкенскій привязанъ къ Франціи искренно: изъ благодарности и расчета. Ландграфъ Гессенъ-Кассельскій терпѣть не можетъ Франціи. Лютихскій князь-епископъ привязанъ къ Франціи». *Résumé de l'état actuel etc.* par GÉRARD DE RAYNEVAL, 1787. (Архивъ франц. министерства иностранныхъ дѣлъ).

¹³⁾ Максимилианъ-Иосифъ, род. въ 1756 г. Людовикъ XVI, какъ говорили, уплатилъ его долги, доходившіе до 945000 ливровъ. Онъ эмигрировалъ во

гдѣ отецъ его командовалъ французскимъ полкомъ. Людовикъ XVI былъ его воспитанникомъ, Франція спасла въ 1779 г., на тешенскомъ конгрессѣ, его наслѣдіе, а позднѣе, по милости Наполеона, оно превратилось въ королевство. Въ 1806 г. онъ пріѣхалъ въ Эльзасъ и униженно привѣтствовалъ императрицу Жозефину: сестра его выходила замужъ за ея брата, принца Евгенія Богарне. Но если онъ, какъ царедворецъ, усердно гнулъ спину, то патриотъ тайно протестовалъ въ немъ, и между двумя посѣщеніями своихъ покровителей, нѣмецкій принцъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Для меня было бы наилучшимъ праздникомъ, если бы этотъ родной городъ мой снова сталъ когда-нибудь нѣмецкимъ городомъ!»

Франція нашла *конфедерацию государей* благопріятной для своей политики комбинаціей; такъ оно и должно было быть до тѣхъ поръ, пока она держалась своей роли державы-поручительницы за вестфальскіе трактаты. Но если Франція захочетъ дѣлать завоеванія въ Германіи, эта конфедерация, образовавшаяся почти подъ ея покровительствомъ, превратится въ грозный союзъ противъ французамъ. Въ этомъ заключается одинъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ плана федеральной реформы, волновавшаго Германію въ 1787 и 1788 годахъ. Въ письмѣ къ прусскому королю Фридриху-Вильгельму II, герцогъ Саксенъ-Веймарскій, по поводу того же плана, извѣщалъ его о надеждѣ на присоединеніе къ ихъ лигѣ швабскаго округа: «Это доставило бы намъ немаловажныя силы (Швабія могла доставить до 30000 солдатъ), которыя присоединились бы къ верхне и нижне-рейнскимъ войскамъ. Все это, вмѣстѣ взятое, подкрѣпленное англійской, ганноверской и гессенской кавалеріей и артиллеріей, составило бы грозный корпусъ для защиты прирейнскихъ земель противъ Франціи. Маркграфъ Баденскій, весьма сочувствующій этому проекту, не дастъ утратить себя могущественному сосѣду; онъ работаетъ надъ планомъ защиты, основанномъ на выше указанныхъ началахъ».

Таковы были заботы нѣмецкихъ государей въ то время, когда Франція всего менѣе беспокоила ихъ и когда они выказывали наибольшую готовность къ союзу съ нею. Не зная этихъ государей, невозможно было бы объяснить ни странныхъ эволюцій ихъ политики, ни неудачъ, которымъ подверглась французская политика, рассчитывая на ихъ благодарность, послѣ того, какъ спекулировала на ихъ алчность. «Наша политика,—съ ядовитой ироніей писалъ Форстеръ въ 1791 г.,—заключается въ томъ, чтобы всѣхъ обманывать, вести со всѣми переговоры и никогда не держать

время революціи. По смерти брата сдѣлался герцогомъ Цвейбрюкенскимъ, въ 1795 г., а по смерти двоюроднаго брата—курфирстомъ баварскимъ, въ 1799. Королемъ сдѣлался въ 1806. Сынъ его Людовикъ родился въ Страсбургѣ, въ 1786, наслѣдовалъ ему въ 1825.

своего слова. Такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока будутъ придавать намъ какое-нибудь значеніе». Такимъ-то образомъ создала Пруссія восемнадцатаго столѣтія прецедентъ измѣнъ девятнадцатаго. Такимъ-то образомъ, послѣ того, какъ гнули спину передъ Франціей, съ цѣлью полученія доли въ великомъ дѣлѣ германскихъ территорій, эти государи повернули противъ нея тѣ самыя силы, которыя она имъ доставила, какъ только убѣдились въ шаткости ея положенія. Тогда они потребовали у патріотизма санкціи для своего вѣроломства. Но патріотизмъ, къ которому зывали они въ 1813 г., былъ уже не тѣмъ своекорыстнымъ и двусмысленнымъ патріотизмомъ, которымъ они нѣкогда чванились и который высоко цѣнили лишь для того, чтобы выгодно имъ эксплуатировать; это было уже искреннее, пламенное, какъ всѣ первобытныя страсти, патріотическое чувство. Громкое слово, которое при старомъ порядкѣ находило себѣ мѣсто только въ сомнительномъ словарѣ европейскихъ канцлерствъ, отнынѣ распространялось въ народныхъ массахъ, входило въ народный языкъ. Очищенное у самаго своего источника, оно получало свой первоначальный смыслъ, становилось естественнымъ выраженіемъ сознанія великой націи. Теперь выступалъ въ поле самъ нѣмецкій народъ, грозная сила, существованія которой почти не подозрѣвали въ прежнее время и вмѣшательство которой должно было измѣнить всѣ условія для французской политики въ Европѣ. А между тѣмъ именно Франція, по странному слѣдствію собственной революціи, нѣкоторымъ образомъ возбудила эту силу во вредъ себѣ самой.

III.

При поверхностномъ взглядѣ, Германія 1789 года представляетъ зрѣлище, довольно сходное съ тѣмъ, которое видимъ во Франціи. И въ Германіи замѣчается та же смутная тревога умовъ, тотъ же оптимистическій энтузіазмъ, отвращеніе отъ настоящаго и вѣра въ лучшее будущее; та же склонность къ универсализму въ идеяхъ, тѣ же гуманитарные порывы и тѣ же стремленія къ радикальному и рациональному преобразованію общественнаго строя; то же отсутствіе узаконенной свободы и та же фактическая свобода въ преніяхъ, книгахъ и брошюрахъ¹⁾; наконецъ, такая же оппозиція установленнымъ правительствамъ, выражающаяся въ декламатор-

¹⁾ Мирабо въ своей *Прусской монархіи* писалъ: «Легальной свободы мысли здѣсь нѣтъ нигдѣ; но почти вездѣ можно обсуждать, по крайней мѣрѣ теоретически, всякій теологическій, философскій, экономическій и политическій вопросъ. Поворъ ожидалъ того, кто желалъ бы подавить силою или карать свободу мысли. Государи и писатели сдерживаютъ другъ друга».

ской формѣ²⁾. Но если заглянуть глубже въ строй нѣмецкаго мышленія, если проанализировать національные инстинкты, они окажутся весьма отличающимися отъ французскихъ: одни и тѣ же слова имѣютъ не одинаковый смыслъ и однѣ и тѣ же идеи производить на умы противоположное впечатлѣніе. И это потому, что характеръ народа и условія германской соціальной жизни не имѣли ни малѣйшаго сходства съ французскими. Во Франціи, гдѣ населеніе отличалось однородностью, а правленіе было весьма централизовано, народная мысль абстрактна только по формѣ; въ сущности, она вполне конкретна: французъ мыслить понятіями и движимъ былъ инстинктами, накопленными имъ въ теченіе восьми вѣковъ національной жизни и монархическаго воспитанія. Когда ему сказали: «верховная власть принадлежитъ народу», первымъ движеніемъ его было заключить, что «народъ—это я самъ!» И онъ представляетъ себя на тронѣ Людовика XIV. Нѣмецъ видѣлъ въ своей странѣ лишь отдѣльныхъ индивидуумовъ, раздѣленныхъ до безконечности переплетающимися перегородками; онъ перечисляетъ королей, герцоговъ, графовъ, бароновъ, рыцарей, аббатовъ, гражданъ, подданныхъ, даже крѣпостныхъ, но не находитъ ни народа, ни единого монарха. Онъ не могъ ни олицетворять ихъ, ни составлять о нихъ точнаго общаго представленія: образъ ихъ смутно рисовался въ его воображеніи, а не жилъ въ немъ. Понятіе о нихъ оставалось, въ сущности, отвлеченнымъ.

Идеи француза были, прежде всего, страстны и національны; у нѣмца самыя страсти оставались въ области умозрѣній и національное чувство было еще только теоретическимъ и литературнымъ. Духа общественности, формирующаго характеры, не существовало, политическіе нравы и традиции, могущіе его поддерживать, отсутствовали. Мышленіе у выдающихся умовъ было свободно и мощно, но въ общемъ личность оставалась поработенною и подавленою. «Въ Германіи», по замѣчанію г-жи Сталь, «слишкомъ много новыхъ идей и слишкомъ мало идей популярныхъ». А между тѣмъ, эти-то популярныя идеи и служатъ объединяющею, группирующею связью между людьми. Онѣ-то и образуютъ обширныя, національныя группы. Въ Германіи той эпохи существовали лишь философскія и литературныя школы, и онѣ ставятъ себѣ въ заслугу свою оригинальность, иначе говоря, свою изолированность. Къ этому ведетъ и крайняя раздробленность территорій.

²⁾ «Какой исходъ найти этой воинственной доблести?» писалъ Гёте по поводу возраставшаго патріотическаго энтузіазма. «Внѣшнихъ враговъ не было, и вотъ придумали тирановъ: государи и ихъ слуги олицетворяли ихъ сперва вообще, а затѣмъ, мало по малу, и въ частности... Замѣчательно, что въ стихотвореніяхъ того времени проявляется тенденція уничтоженія всякаго превосходства, монархическаго и аристократическаго». (*Мемуары Гёте*, часть II, кн. IX и часть III, кн. XII).

Нѣтъ центра, къ которому притекали бы впечатлѣнія и изъ котораго свѣтили бы обобщенныя стремленія. Все остается смутнымъ и разбросаннымъ: идеи универсальны, интересы остаются частными; страсти суживаютъ мысль; всѣ традиции говорятъ противъ національнаго единства. Построенія философской мысли грандіозны, мысли жалки и ничтожны.

Нѣмецъ держится за свои обычаи и гордится своимъ уваженіемъ къ нимъ. «Человѣка образуетъ обычай, обычай—его кормилецъ»³⁾, говоритъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ революціи величайшій изъ энтузіастовъ и поэтовъ Германіи, наиболѣе проникнутый ученіемъ Руссо, наиболѣе пламенно стоявшій за великодушныя повѣшества и благородныя иллюзіи,—Шиллеръ. «Горю тому, кто смущаетъ человѣка въ его преданности старинѣ, драгоценномъ наслѣдіи предковъ! Время налагаетъ на вещи своего рода санкцію; то, что было почтенно въ глазахъ стариковъ, становится священнымъ для дѣтей!» Нововведенія должны согласоваться съ обычаями, въ противномъ случаѣ народъ не приметъ ихъ. Такое воззрѣніе есть прямая противоположность революціоннаго духа. Слѣдуя этому воззрѣнію, нѣмцы останавливаются на полдорогѣ, разсѣваются, такъ сказать, по сосѣднимъ полямъ, между тѣмъ, какъ французы, исходя отъ одной съ ними точки отправленія и слѣдуя вначалѣ по одному съ ними пути, доходятъ до конечныхъ предѣловъ, до краевъ пропасти.

Нѣмцы сохранили религіозныя традиции. Сами невѣрующіе относятся къ религіи съ нѣкоторымъ уваженіемъ: она составляетъ для нихъ предметъ изученія, поэзіи и всегда служитъ поводомъ для нравственнаго назиданія. Волтеріанскій скептицизмъ захватываетъ лишь верхушки общества, онъ не проникаетъ въ народную массу и въ глазахъ большинства германцевъ бросается тѣнь на славу Великаго Фридриха. Антирелигіозность во Франціи предшествуетъ революціи, подготавливаетъ ее и придаетъ ей противохристіанскій характеръ; въ Германіи раціонализмъ становится благочестивымъ. Нѣмцы пытаются согласовать новыя идеи со своими старыми вѣрованіями. Протестантизмъ обладаетъ для этого необыкновенною гибкостью; сѣверо-германцы изучили именно въ этой великой школѣ науку благодѣтельныхъ компромиссовъ. «Исповѣданіе епископа савойскаго викарія», которое повлекло за собою парадоксъ гражданской конституціи духовенства, въ Германіи подало поводъ къ своего рода религіозному возрожденію. Сравните «Верховное Существо» Робеспьера съ Богомъ Шлейермахера⁴⁾, реторику одного съ энтузіазмомъ другого, зловѣщее и комическое мертворожденіе Преріальскаго культа съ широкою эволюціей германскаго протестантизма, и вы измѣрите

³⁾ Валленштейнъ, актъ I, сцена IV, 1799.

⁴⁾ Шлейермахеръ род. въ 1768 г., напечаталъ въ 1799 г. свои *Речи о религіи, обращенныя къ образованнымъ людямъ, ею пренебрегающимъ*.

все разстояніе, отдѣлявшее обѣ націи въ концѣ восемнадцатаго вѣка, и постоянно растущее уклоненіе угла, открывающееся между ними, по мѣрѣ того, какъ онѣ отдаляются отъ общей исходной точки. Такое настроеніе ума такъ свойственно нѣмцамъ, что мы встрѣчаемъ его и у нѣмцевъ-католиковъ; Іосифъ II остается на лонѣ церкви; онъ протестуетъ противъ всякаго заподозрѣванія его въ атеизмъ или даже наклонности къ философіи. Война его противъ Рима не доставляетъ ему популярности. Нигдѣ не находимъ мы въ Германіи элементовъ государственнаго атеизма. Точно также не имѣлось въ ней и элементовъ для демократіи. Вся исторія французовъ подготавливаетъ и ведетъ ихъ къ демократіи; демократія у нихъ въ нравахъ, подобно тому, какъ національное единство у нихъ въ характерѣ. Въ 1789 г. достаточно было одного декрета для того, чтобы эти начала перешли въ законы: и это потому, что, предлагая эти законы, констатировали весьма старинные факты, которые только получали такимъ путемъ окончательное утвержденіе. Въ Германіи общество такъ же разрознено, какъ и государство; въ основѣ общественнаго порядка не заложена ни аристократія, ни демократія: существуетъ одна служебная іерархія.

Общественный духъ пропитанъ провинціализмомъ, и притомъ самымъ мелкимъ и узкимъ. Когда нѣмецъ пытался составить себѣ понятіе о Германіи, она являлась въ его воображеніи безконечно раздвинутымъ маленькимъ провинціальнымъ отечествомъ. Партикуляризмъ кажется ему основою конституціи. Во Франціи, при національномъ единствѣ, существуютъ политическія партіи, рекрутирующія своихъ приверженцевъ среди всей совокупности націи; въ Германіи, при національной раздробленности, вовсе не имѣется развѣтвляющихся по всей странѣ политическихъ партій. Въ ней есть только государства, съ различными интересами и разнородною политикою. Для нѣмца политическая партія резюмируется въ государствѣ, поданнымъ котораго онъ состоитъ; политическая свобода означаетъ для него независимость этого государства. Поэтому онъ гордится всѣмъ, что расширяетъ значеніе правящей имъ династіи. Само собою разумѣется, что многимъ желательно получить болѣе совершенное управленіе; но весьма немногіе имѣютъ представленіе о такомъ правительствѣ, гдѣ они управляли бы самостоятельно. Къ тому же имъ хорошо извѣстно, что это невозможно: они слишкомъ разбросаны, слишкомъ лишены средствъ для того, чтобы взять приступомъ и овладѣть государственною властью. Государство отдѣлено отъ нихъ слишкомъ глубокими рвами и высокими стѣнами: оно ускользаетъ отъ ихъ вліянія. Впрочемъ, они не только не могутъ, но и не желаютъ такого захвата. Просвѣщеніе, преобразованія—все получено ими отъ государей. У нихъ существовали потребности, ихъ должно удовлетворять государство; они выражаютъ пожеланія, государю предоставля-

ляется осуществление этих пожеланий. Они продолжают возлагать все свои надежды на просвещенный деспотизм, а если у деспотизма не хватает просвещения, то, не имея возможности пополнить такой пробел, они мудро решаются ждать и терпеть. Немцы если и не любят, то уважают своих государей. Если сердца их отвращаются от государя, то лишь для того, чтобы обратиться к его престолонаследнику, и самое недовольство становится подтверждением верховной власти.

Сами философы, создающие новые учения, толкуют их практическое применение именно в этом смысле. Они с большим уважением относятся к установленной власти, и это не из-за одной благоразумной осторожности, но и по убеждению. Они полагают, что, преобразовывая, следует утверждать, а не расшатывать власть. Общественная нивелировка им противна, анархия—внушает ужас и отвращение. Они не успокоиваются до тех пор, пока не удастся примирить обычай с естественным правом. Взгляните на самого революционного из немецких мыслителей—Канта⁵⁾: он ведет своих учеников на головокружительные высоты, где царит его критика, лишь для того, чтобы еще более заставить восхищаться искусно возведенными загородками, парапетами, которыми озаботился оградить их от пропасти. Чистый разум повелевает сомневаться во всем, но практический разум велит все уважать. Несравненный диалектик, измѣряющий безконечное, оспаривающий у самого Бога смысл его существования и опровергающий существование вселенной,—в действительной жизни является самым сговорчивым из людей, самым покорным и смиренным поданным, самым умѣренным политиком. Он заключает в пользу всеобщей сделки и всеобщего примирения. Наиболее радикальные предложения разрешаются правилами житейской мудрости. Он приводит к соглашению закон и свободу, нравственность и политику⁶⁾. Он не смешивает право ни с добродетелью, которую каждый себе приписывает, ни с силой, которую все могут проявлять. Он

⁵⁾ «Более страшный, чем сам Робеспьер», говорит Гейне,—«потому что убил Бога действую». «Дѣлают слишком много чести Максимилиану Робеспьеру,—прибавляет Гейне,—сравнивая его с Эммануилом Кантом. Великий разрыв улицы Сент-Оноре, конечно, впадал порою в припадок разрушения, когда дѣло шло о королевской власти, и довольно страшно корчился в своей царубийственной эпилепсии; но как только заходила рѣчь о Высшем Существо, он отирал пѣну с своих губ, полоскал рот, вымывал окровавленные руки, вынимал из коммоды воскресный голубой фрак с ясными цуговцами и затыкал пѣлый сноп цвѣтов за свой широкий жилет». *Германия*, 3 ч. *Отъ Канта до Гегеля*.

⁶⁾ «Право состоит в возможности согласования общаго и взаимнаго принуждения с свободой каждого отдѣльнаго лица». JANET, *Science politique*, liv. IV, ch. II. GIERKE, *Althusius*.

сторонник разграничения властей, он восхищается издали представительным образом правления. Но каков бы ни был поставленный идеал, он идет к нему размысленными шагами, такъ-сказать, в тактъ, без скачков и толчков. Он не признает за народом права на возмущение. Повиноваться властям есть для него категорический императив. Он не находит удобным поручать власть даже самим философам: «Практика власти извращает свободное суждение разума», говорит он. Одним словом, германским философам можно предоставить предаваться умозрениям сколько угодно; это не опасно. «По самым основным свойствам своим, эти люди неспособны образовывать скопища и клубы, а следовательно их нельзя подозревать в пропагандѣ».

Таков дух Германіи в ту эпоху. «Не выливайте мутной воды», замѣчает Лессингъ, «ранѣе, чѣм можете замѣнить ее чистою водою; не разрушайте храма, но стройте рядомъ иной храмъ». Гете будетъ учить, что каждый долженъ воздѣлывать свое поле, а что касается реформъ, то, по его мнѣнію, должно сообразоваться не столько съ пожеланіями, сколько съ потребностями, потому что желанія безконечны, а потребности ограничены. Не революціи слѣдуетъ желать, а мирнаго развитія естественныхъ стремлений: все искусство правительствъ заключается въ этомъ развитіи. Именно такъ смотрѣлъ на вещи тотъ Юстусъ Мозеръ, котораго Гете провозглашалъ «несравненнымъ» и который уже съ самаго начала революціи выступаетъ однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ ея противниковъ. Общество, основанное на семьѣ, государство, основанное на общинѣ, духъ традиціи и духъ преобразования, взаимно пополняющіе и исправляющіе другъ друга—таковы будутъ начала, на которыя станутъ опираться величайшіе дѣятели Германіи: Штейны, Гарденберги и Гумбольдты; въ этой-то формѣ проникнутъ на германскую почву и оплодотворятъ ее идеи восемнадцатаго вѣка и революціи. Во Франціи, гдѣ почва уже подверглась нивелировкѣ, потокъ разливается и затопляетъ страну. Въ Германіи его задерживаютъ запруды: онъ образуетъ озера и выходитъ изъ нихъ успокоеннымъ.

Это обусловлено было національнымъ характеромъ и правами. Когда приходится выражать въ дѣлахъ политическія учения, характеръ и права имѣютъ первенствующее значеніе. Въ немцахъ нѣтъ элементовъ ни для созданія революціонеровъ, ни для порожденія гражданъ-героевъ. «Они», замѣчаетъ нѣсколько лѣтъ спустя г-жа де-Сталь, «добродѣтельны, неподкупны въ частной жизни, какъ отцы семействъ и администраторы; но прискорбно видѣть ихъ раболопство и снисходительность по отношенію къ власти. Они льстятъ съ энергіей и подчиняются съ изумительнымъ усердіемъ... Они рѣзки въ выраженіяхъ и мягки въ чувствахъ; философическими разсужденіями пользуются они для объясненія того, что имѣетъ

наименѣе связи съ философiей: уваженiя къ силѣ и умиленiя трусости, превращающей это уваженiе въ восхищенiе». Тѣмъ не менѣе, духъ вѣка волнуеъ ихъ, и даже глубоко. «Вижу», пишетъ Мирабо прiятелю своему Мовильону, «что есть броженiе въ головахъ въ вашей Германiи и знаю, что если искра заронится въ горючiй матеріалъ, то дастъ пламя каменнаго угля, а не соломы, какъ у насъ... Взрывъ произойдетъ много позднѣе чѣмъ у народа, у котораго все драматично и у котораго одна и та же четверть часа можетъ представить и героизмъ свободы, и обоготворенiе рабства». Но это волненiе умовъ, интенсивность котораго предчувствуетъ Мирабо, не различая его свойства, клонится не къ сближенiю нѣмцевъ съ французами, а скорѣе къ ихъ отдаленiю другъ отъ друга.

Великiй импульсъ восемнадцатаго вѣка возбуждалъ освободительныя стремленiя. Французы, обладая болѣе выработанною исторiей и достигнiе, такъ сказать, зрѣлаго возраста въ своей социальной жизни, представляли тѣсно сплоченную націю; у нихъ общiй языкъ и литература, они владѣютъ всѣми кадрами государства; освобожденiе означало для нихъ свободу мысли, свободу совѣсти, личную и имущественную свободу, наконецъ, свободу политическую, то есть революцію въ гражданскихъ законахъ и въ конституціи государства. Въ Германiи ростъ націи былъ задержанъ и прерванъ; народы ея разбросаны, изолированы одинъ отъ другого; единственною связью между ними служатъ смутныя воспоминанiя; для германцевъ освобожденiе означало пробужденiе національнаго сознанiя. Прежде чѣмъ спросить себя: будемъ ли свободны и чѣмъ обезпечимъ свою свободу, надо еще существовать, сознавать, что существуешь, собраться, обмѣниваться словомъ, прiйти къ соглашенiю. Первою необходимостью является мыслить самостоятельно и говорить на своемъ языкѣ, однимъ словомъ, выдѣлить первоначальные органы народной жизни. Прежде всего предстоитъ сбросить иго не законовъ, а иго учителей. Изъ этого слѣдуетъ, что самымъ рѣшающимъ результатомъ пропаганды французскихъ идей въ Германiи было желанiе освободиться отъ французскаго влiянiя въ литературѣ, философiи и искусствѣ. Вся исторiя германскаго общества въ концѣ восемнадцатаго столѣтiя сводится къ слѣдующему, лишь, повидимому, парадоксальному тезису: чѣмъ болѣе Германiя испытываетъ влiянiе французской мысли, тѣмъ глубже становится разрывъ между нею и Франціей.

Такъ какъ революція означаетъ для нѣмцевъ стремленiе къ національному объединенiю, то есть къ самостоятельному существованiю, то всѣ страсти, направленныя французами къ разрушенiю стараго социальнаго зданiя, обращаются въ Германiи прежде всего противъ классической культуры, т. е. именно противъ культуры французской. Этого-то рода иностранное вторженiе надлежитъ отразить прежде всего. Нѣмцы страстно и стремительно бросились

на приступъ позиціи, которыя столь долгое время были заняты французами: начали писать и говорить по-нѣмецки. Французскiй языкъ остался языкомъ аристократовъ; пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и на немъ будутъ говорить только въ салонахъ, реакціонеры и люди стараго порядка. Все, что молодо и полно энтузіазма, все, что горитъ любовью къ родинѣ и пламенѣетъ великими общечеловѣческими идеями свободы и доблести, однимъ словомъ, все, что соотвѣтствуетъ революціонной партіи во Франціи, утоляетъ жажду у того же потока и вдохновляется тѣмъ же духомъ, все это отнынѣ будетъ говорить по-нѣмецки, а слѣдовательно—ускользнетъ отъ Франціи. А между тѣмъ кто же, какъ не Франція, отворила имъ двери и указала путь, побуждая разбить старыя формы, отбросить условность, вдохновляться природой, какъ началомъ всякой красоты, всякой добродѣтели и справедливости. Но природа для нѣмца—это вѣдь тотъ край, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ; это языкъ, на которомъ онъ лепеталъ въ дѣтствѣ; это раса, которой онъ обязанъ своимъ происхожденiемъ; это онъ самъ и то, что есть въ немъ самаго непосредственнаго въ впечатлѣнiяхъ, чувствахъ, страстяхъ. Онъ начинаетъ любоваться небомъ своей родины; самая грубость едва успѣвавшего выработаться языка плѣняетъ его ухо; гений его изсыхалъ въ безплодныхъ пошлостяхъ подражанiя классическимъ образцамъ; онъ освѣжаетъ его у вѣчнаго источника поэзіи: личной эмоціи и народной пѣсни. Всѣ эти влiянiя, вмѣстѣ взятыя, содѣйствуютъ развитiю у нѣмцевъ характера, рѣзко отличающагося отъ французскаго. Нѣмцы сознаютъ это и гордятся этимъ; всѣ работаютъ въ этомъ направленiи: и ненавистникъ французовъ Гердеръ, и восторженный поклонникъ французской свободы Шиллеръ, и наиболѣе свободный отъ предразсудковъ и мощный умомъ Гёте. Лессингъ, считающiй себя космополитомъ и находящiй, что патріотизмъ суживаетъ душу, болѣе чѣмъ кто-либо содѣйствуетъ пробужденiю у своихъ согражданъ понятiя объ отечествѣ тѣмъ, что горячо преслѣдуетъ чужеземное господство въ литературѣ и искусствѣ.

«Нѣмецкой поэзіи недоставало основы, и основы національной», говоритъ Гёте. Нѣмецкой же націи недоставало общей основы для мышленiя и поэзіи. Литература и нація родились одновременно. Какъ ни принижено и двусмысленно было политическое положенiе Германiи около 1789 года, она могла приложить къ себѣ пресловутое изреченiе Декарта и, нѣсколько измѣнивъ его, сказать озадаченной ея появленiемъ на сценѣ Европѣ: «Я говорю, значитъ существую!» Тѣ бурные годы были годами самаго пышнаго расцвѣта нѣмецкаго гениа 7). Тотъ, кто не признаетъ мощи этого им-

7) Гёте написалъ *Гёца* въ 1773, *Вертера* и *Клавио* въ 1774, *Тасса*, *Эмонта*, *Ифигенiю*—отъ 1786 до 1788.—Шиллеръ далъ *Фіаско* въ 1785, *Ко-*

пульса и не замѣтитъ, до какой степени миновало здѣсь царство Вольтера и псевдо-классической трагедіи, тотъ ничего не пойметъ изъ послѣдующихъ событій и не въ состояніи будетъ объяснить себѣ отношенія нѣмцевъ къ французской революціи.

При существовавшемъ уже броженіи, первый взрывъ революціи не могъ не встрѣтить глубокаго отклика въ Германіи. Когда тамъ услышали великодушный призывъ, обращенный Франціей ко всѣмъ народамъ, нѣмцевъ охватило волненіе. Великій примѣръ, поданный людямъ въ ту самую минуту, какъ провозглашали права человѣка, восторгъ народа, провозглашаемаго властелиномъ, любовь къ родинѣ, прославляемая какъ величайшая изъ добродѣтелей,—все это слишкомъ отвѣчало ихъ собственнымъ стремленіямъ и не могло не вызвать у нихъ глубокое, страстное волненіе. Но чувство, охватившее ихъ, было чисто-германское, и они перевели на свой возрожденный языкъ великія слова, которыя французы бросали во всѣ концы Европы. Любовь къ родинѣ, любовь къ Германіи—вотъ что казалось имъ первою и главнѣйшею изъ обязанностей; быть нѣмцами—вотъ первое изъ правъ. Но эту родину приходилось искать, она затеряла свои документы, забыла и затемнила свое происхожденіе. Пришлось брести ощупью и искать призрака этой Германіи во мракѣ среднихъ вѣковъ. Съ правами человѣка и патриотизмомъ произошло то же самое, что и съ свободою мысли и возвращеніемъ къ природѣ. Пропаганда французскихъ идей внушила нѣмцамъ любовь къ своему языку, народной поэзіи, родинѣ, культъ отечественной исторіи, самоуваженіе, однимъ словомъ, она вернула ихъ во всѣхъ смыслахъ къ германскимъ традиціямъ. Революція, заключающаяся во Франціи въ разрушеніи связи съ прошлымъ и возведеніи въ принципъ презрѣнія къ этому прошлому,—въ Германіи побудила возстановить порванную въ теченіе вѣковъ связь и культъ предковъ.

Французы разрушали свои бастіи и жгли свои хартии; нѣмцы подновили свои замки и привели въ порядокъ архивы. Революція была классической во Франціи и съ первыхъ шаговъ сдѣлалась романтической въ Германіи. И это потому, что французы продолжали лишь въ новой формѣ наиболѣе блестящую изъ своихъ традицій: интеллектуальное завоеваніе міра. Никогда не проявляли они болѣе широко своего національнаго характера, какъ въ тотъ день, когда предприняли этотъ изумительный крестовый походъ и приступили къ новому богатырскому эпосу. Нѣмцы же, напротивъ, какъ бы лишенные родины въ теченіе вѣковъ, принуждены были вернуться къ прошлому для того, чтобы, такъ сказать, найти самихъ себя. Совершая національную революцію, они не шли на призывъ

варство и любовь въ 1785, Донъ-Карлоса въ 1787. — Лессингъ издаетъ свою Драматургію отъ 1767 до 1768, Эмилию Галотти въ 1772, Натана въ 1779.

къ уничтоженію обломковъ средневѣковья, а прежде всего и первѣе всего къ разрыву съ офранцузеннымъ семнадцатымъ и восемнадцатымъ столѣтіемъ.

Начала французской революціи не только не основали въ Германіи космополитическаго общества, подчиняющагося французскому вліянію, но призвали къ жизни сперва недоувѣрчивую и подозрительную, а затѣмъ враждебную и мятежную,—когда она почувствовала себя достаточно свободною и увѣренною въ своихъ силахъ—націю. Примѣненные такимъ образомъ прекрасныя французскія отвлеченности съузились и исказились⁸⁾. Тѣмъ не менѣе онѣ не могли распространяться въ Германіи, не оставляя въ ней плодотворныхъ сѣмянъ. Онѣ нѣкоторымъ образомъ акклиматизировались и дали въ послѣдствіи обильные всходы. Но когда французы, нѣсколько лѣтъ спустя, явились для собиранія плодовъ и снятія жатвы, они встрѣтили тернія и непроходимыя чащи: поле, которое было ими вспахано, не приняло ихъ, и сами они не узнали деревьевъ, которыя посадили.

IV.

Эти своеобразныя послѣдствія французской революціи въ Германіи проявлялись не одинаково въ различныхъ ея районахъ. Имперія обнимала собою весьма разнородное населеніе, какъ по племенному составу, такъ и по традиціямъ. Еще болѣе усиливалось это различіе разнообразіемъ правительствъ. Установивъ общія данныя, необходимо глубже проникнуть въ страну, чтобы уяснить себѣ, какимъ образомъ и почему одна и та же причина породила, смотря по мѣстности, противоположные результаты.

Прежде всего встрѣчаемъ изолированный отъ остальныхъ областей имперіи районъ, имѣвшій въ революціонную эпоху свою особенную судьбу: это край, лежащій по лѣвому берегу Рейна и распредѣлявшійся между крайне разнообразными владѣтелями. Кромѣ мелкихъ владѣній, мы находимъ здѣсь владѣнія палатинской вѣтви баварскаго и вѣтви цвейбрюккенскаго домовъ; прусскія земли: Юлихъ и Клевъ; наконецъ, церковныя государства: архіепископства шпейерское, вормское, майнцское, трирское, кельнское, люттихское, съ врѣзывающимися въ нихъ имперскими городами:

⁸⁾ «Патриотизмъ француза заключается въ томъ, что сердце его сгребается, расширяется и растягивается, въ томъ, что это сердце включаетъ въ себя не только близкихъ, но и цѣлую Францію, весь цивилизованный міръ; напротивъ того, нѣмецкій патриотизмъ состоитъ въ томъ, что сердце нѣмца суживается, какъ кожа на морозѣ; нѣмецъ перестаетъ быть гражданиномъ свѣта, европейцемъ и дѣлается только узкимъ нѣмцемъ». Гейне, *О Германіи*, ч. 4.

Рейномъ, Ахеномъ, Вормсомъ и Шпейеромъ. Населеніе, распредѣляющееся между этими княжествами, представляетъ значительныя различія. Въ нижне-рейнскомъ краѣ, около Бонна, Кельна, Юлиха, Клева, гдѣ земля представляетъ плоскую равнину, крестьянинъ занимался исключительно земледѣліемъ; онъ трудолюбивъ, бережливъ, покоренъ и равнодушенъ къ политическимъ дѣламъ. Въ верхне-рейнскомъ краѣ зрѣлище совершенно мѣняется. Мѣстность здѣсь живописна, воздѣлываютъ виноградъ, населеніе отличается живостью, подвижностью, бойкостью и безпечностью; оно обладаетъ болѣе гибкимъ умомъ и воспримчиво къ политическимъ страстямъ и увлеченіямъ. Первые покоряются революціи, вторые горячо привѣтствуютъ ее. Эти края съ давнихъ поръ открыты были французскому воздѣйствію. Ихъ правительства искали во Франціи поддержки и покровительства, дворяне—карьереры, люди мыслящіе—интеллектуальнаго руководства. Въ Майнцѣ же образовалась группа людей, жаждавшихъ свободы, увлекавшихся новыми идеями, подобно Форстеру и корифеямъ рейнской республики. Въ составъ этой группы входили профессора, юристы, журналисты, книгопродавцы; короче говоря, это былъ зародышъ третьяго сословія, на подобіе французскаго *tiers-état*, а слѣдовательно и почва для образованія французской партіи.

Населеніе этого края почти не имѣетъ сношеній съ остальною Германіей; революція, которую оно встрѣтило съ энтузіазмомъ, окончательно порвала всякія связи съ послѣдней. Въ прирейнскихъ областяхъ мечтали объ основаніи мелкихъ автономныхъ республикъ, по образцу швейцарскихъ кантоновъ; но если пришлось бы избрать властелина, они предпочли бы французское господство, стоящее за ихъ излюбленнымъ началомъ, нѣмецкому государю, который сталъ бы ихъ дунить. Сельское населеніе, само собою разумѣется, мало смыслило въ дѣлѣ принциповъ, но вполне подготовлено было къ оцѣнкѣ результатовъ. Участъ крестьянина здѣсь имѣла много общаго съ положеніемъ французскаго земледѣльца. Онъ—собственникъ и пользуется достаточною гражданскою свободою для того, чтобы желать ея дальнѣйшаго расширенія. Феодалная власть уже настолько ослаблена, что даетъ возможность помышлять о полной эмансипаціи. Въ виду всего этого, здѣсь поймутъ и будутъ привѣтствовать французскую революцію не менѣе, чѣмъ въ самой Франціи. Идеи и интересы заставятъ тяготѣть это населеніе въ сторону Франціи, и оно тѣмъ легче дастъ присоединить себя, что связи съ Германіей уже крайне слабы и ничтожны.

Большая часть этого населенія не имѣетъ никакихъ историческихъ традицій, а въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ и динстій, замѣнявшихъ бы ему отечество. Единственный древній царствующій домъ это—домъ палатиновъ; но именно въ его-то владѣніяхъ и дастъ себя особенно сильно

чувствовать французское вліяніе и тяготѣніе къ Франціи. Къ тому же правительство палатината болѣе чѣмъ посредственно. Цвейбрюккенское же въ высшей степени негодно и пользуется заслуженною ненавистью. Жители Клева почти не знаютъ и по имени своего прусскаго властителя: они такъ часто мѣняли своихъ государей, что весьма равнодушно относятся къ дальнѣйшимъ перемѣнамъ этого рода. Таково же въ сущности настроеніе и большинства населенія лѣваго берега Рейна, именно населенія, управляемаго духовными князьями. Эти князья были избираемы, и политическія комбинаціи приводили ихъ сюда со всѣхъ концовъ Германіи. Вслѣдствіе такого порядка, не существовало ни малѣйшей связи между ними и ихъ подданными, готовыми принять и другихъ князей совершенно такимъ же образомъ, какъ принимали прежнихъ. Архіепископы, комиссары, администраторы, префекты—ко всѣмъ относились они безразлично: все это—пришлецы, чужеземцы; ихъ привыкли и встрѣчать и провожать. Къ подчиненію они привыкли и будутъ продолжать покоряться. Къ тому же ожидается секуляризація, то есть присоединеніе къ какому-либо свѣтскому государству. Кто будетъ новый государь—неизвѣстно: можетъ быть, прусскій король, котораго они не знаютъ, или императоръ, котораго никогда не видали, или англійскій король, о самомъ существованіи котораго они, быть можетъ, и не подозреваютъ. Французскій властитель не будетъ имъ ни болѣе чуждъ, ни болѣе близокъ, чѣмъ, напримѣръ, пруссакъ, саксонецъ, австріецъ или гвельфъ. Они будутъ судить о своемъ правительствѣ по его дѣламъ: расположеніемъ ихъ будетъ пользоваться то, которое улучшитъ ихъ участь.

Архіепископы правятъ вяло. Фактическій нейтралитетъ, которымъ они пользуются въ политикѣ, освобождаетъ ихъ отъ наиболѣе настоятельныхъ государственныхъ заботъ, т. е. отъ военной защиты своихъ предѣловъ, а слѣдовательно и отъ попеченія о хорошемъ управленіи своими финансами и прочими ресурсами. Они думаютъ лишь о безпечальномъ и веселомъ существованіи при помощи своихъ роскошныхъ королевскихъ доходовъ. «Избавленные отъ всякаго рода обязанностей и почти отъ всѣхъ атрибутовъ королевскаго могущества, они пребываютъ какъ бы въ вѣчномъ дѣтствѣ»¹⁾. Тотъ же изъ нихъ, кто по примѣру архіепископа майнцаго, Фридриха-Карла-Иосифа Эртальскаго, пытается вводить реформы, призываетъ способныхъ людей въ составъ своего правительства, тѣмъ самымъ поощряетъ стремленіе къ новшествамъ и подготавливаетъ пути для революціи.

¹⁾ Le duc de BROGLIE, *Marie-Thérèse*, t. I, ch. III. Эта книга содержитъ весьма яркое и весьма точное изображеніе духовныхъ княжествъ около 1740 г. Въ 1789 г. въ нихъ ничто не измѣнилось. См. также GEFROY, *Gustave III*, t. II, ch. IX.—RAMBAUD, *Les français sur le Rhin*, ch. III.

Что касается до имперскихъ городовъ, то въ нихъ все ветхо и дряхло; власть ничтожна, олигархія дискредитирована, чернь бурлива, буржуазія безоружна, по причинѣ своихъ раздоровъ. Здѣсь не замѣчается элементовъ ни для самостоятельнаго существованія, ни для отпора иностранному вторженію. Все созрѣло для присоединенія, а малая группа разбросанной тамъ демократіи можетъ только съ радостію встрѣтить французское господство. Слѣдовательно Франціи не трудно будетъ овладѣть и утвердиться на лѣвомъ берегу Рейна: не здѣсь пробудятся національныя чувства, и не здѣсь будутъ отражены удары французской революціи. Для того, чтобы увидѣть это изумительное пробужденіе, намъ придется перейти въ настоящую Германію, т. е. на правый берегъ Рейна.

Нѣкоторыя изъ государствъ лѣваго берега тянутся и по другому берегу Рейна; таковы: баварскій палатинатъ, трирское курфиршество и въ особенности майнцское; здѣсь встрѣчаемъ и другія духовныя княжества, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, и цѣлый рой графствъ, баронствъ и рыцарствъ въ Вестфалии, Франконіи и Швабіи. При первомъ взглядѣ кажется, что политическія условія здѣсь ничѣмъ не отличаются отъ условій другого берега. Раздробленность земель здѣсь еще значительнѣе. Но если духовныя правительства здѣшнія сходны съ лѣво-бережными, то населеніе имѣетъ совершенно иной характеръ. Здѣсь не видимъ ни агитаціоннаго центра, подобнаго тому, который образовался вокругъ майнцскихъ профессоровъ, ни революціонныхъ элементовъ, представляемыхъ подвижнымъ верхне-рейнскимъ населеніемъ. Населеніе здѣшнее не напоминаетъ даже и апатіи нижне-рейнскихъ крестьянъ; «здѣсь мы встрѣчаемъ грубо-животное спокойствіе, непробудный сонъ», о которыхъ говоритъ Гейнрихъ Гейне въ своей Германіи. Они болѣе нѣмцы, болѣе далеки и чужды Франціи, менѣе доступны ея вліянію и несравненно менѣе испытали воздѣйствіе цивилизаціи. Крѣпостное состояніе, уже исчезнувшее съ лѣваго берега, здѣсь продолжаетъ существовать. Феодализмъ гнететъ еще со всею своею желѣзною силою: крестьянинъ не представляетъ себѣ даже возможности отъ него избавиться. Весьма слабо привязанные, или вполнѣ равнодушные къ своимъ князьямъ, и эти нѣмцы, подобно соотечественникамъ лѣваго берега, легко согласятся перемѣнить властителей, но, подчиняясь завоеванію, они возмутятся противъ ассимиляціи: французъ, даже принося имъ освобожденіе, останется для нихъ врагомъ и чужеземцемъ. При помощи времени, мира, хорошаго управленія, Франція можетъ превратить во французскихъ гражданъ обитателей лѣваго рейнскаго берега, но на правомъ берегу ей удастся создать лишь нѣмцевъ, враждебность которыхъ можетъ только расти по мѣрѣ того, какъ они будутъ чувствовать себя болѣе свободными. Принесенная имъ идея реформы

внушить имъ желаніе ввести эту реформу для Германіи и посредствомъ Германіи.

Здѣсь-то, въ Нассаускомъ краѣ, родился знаменитый германскій преобразователь, баронъ Фридрихъ-Карлъ фонъ-Штейнъ, величайшій изъ государственныхъ людей своего отечества и одинъ изъ благороднѣйшихъ и проныцательнѣйшихъ умовъ, когда-либо руководившихъ своими согражданами²⁾. Онъ вышелъ изъ одного изъ тѣхъ рѣдкихъ семействъ имперскихъ бароновъ, которые оправдывали свою феодальную власть, узаконяя ее, подобно средневѣковымъ предкамъ своимъ, тѣмъ, что постепенно освобождали и вызвышали до человѣческаго достоинства подданныхъ, которыхъ дѣды ихъ нѣкогда защищали отъ нужды, бѣдствій и разбойничества³⁾. Въ самыхъ семейныхъ традиціяхъ своихъ Штейнъ почерпнулъ чутье общегерманской традиціи, что дало ему возможность руководить Германіей во времена рѣшающаго кризиса. Онъ былъ главнымъ агентомъ великой метаморфозы, благодаря которой изъ космополитической революціи и необычайнѣйшихъ раздѣловъ, когда-либо испытанныхъ имперіей, возродилась нація, страстно жаждущая единства. Вслѣдствіе этого онъ сдѣлался самымъ опаснымъ противникомъ Франціи на континентѣ, обращая противъ нея ею же скованное орудіе и разоряя ее, такъ сказать, самими послѣдствіями ея собственныхъ благодѣяній. Имъ-то внушенъ былъ нѣмецкимъ государямъ простой и въ то же время мудрый планъ: совершить самостоятельно и въ пользу своихъ династій то, что революція совершала въ ущербъ имъ и въ пользу Франціи, а именно—упраздненіе феодальнаго строя. Этотъ планъ давалъ возможность предупредить революцію дарованіемъ реформъ, приспособленныхъ къ нравамъ страны, и возбудить патриотическое чувство, являясь корифеями того самаго патриотизма, который Франція возбудила своей пропагандой лишь для того, чтобы оскорбить его затѣмъ завоеваніемъ.

Въ районахъ, гдѣ, по примѣру Франціи, были уже разрушены средневѣ-

²⁾ Штейнъ родился 26 октября 1757 г. См. PERTZ, *Leben des Ministers Freiherrn, v. Stein*, и SEELEY, *Life and times of Stein*. London, 1879.

³⁾ Порталису пришлось встрѣтить нѣсколько такихъ просвѣщенныхъ феодаловъ, во время изгнанія, приведшаго его въ Голштейнъ въ 1798 г. «Нравы здѣсь мягки,—пишетъ онъ;—среди высшаго сословія не мало образованныхъ людей и еще встрѣчается искренняя религіозность; помѣщики постепенно освобождаютъ своихъ крѣпостныхъ; они дѣлаютъ ихъ собственниками, улучшаютъ ихъ бытъ, безъ потрясеній, и стараются внушить имъ не страхъ къ перемѣнамъ, а любовь къ земледѣльческому труду и промышленности. Довольно необычайное зрѣлище представляетъ такое возрожденіе человѣческаго достоинства среди хаоса феодальнаго порабоженія». SAINTE-BEUVE, *Causeries du lundi*, t. V, *Portalis*.

ковыя традиции, революція сдѣлалась радикальной: такъ было на лѣвомъ берегу Рейна. Въ тѣхъ же странахъ, гдѣ еще продолжали держаться старинныя традиции и гдѣ онѣ могли приспособиться къ новымъ вѣяніямъ, тамъ были введены реформы и не послѣдовало революціи. Впрочемъ, духъ преобразованій замѣчается у многихъ правительствъ. Они поняли, какъ много можетъ выиграть государство, усвоивая то, что было дѣйствительно практическаго во французскихъ принципахъ. Населеніе, требовавшее вначалѣ отъ своихъ государей защиты отъ завоеваній, потребовало затѣмъ и тѣхъ благъ, которыя приносило это завоеваніе, и наконецъ пожелало избавиться отъ завоевателя и прогнать чужеземныхъ пришельцевъ. Германія привыкла всего ждать и все получать отъ своихъ государей; она ждала отъ нихъ и своего освобожденія, а потому революція привела къ тому странному результату, что германскій народъ укрѣпился въ привязанности къ своимъ династіямъ. Это произошло въ Баваріи, Виртембергѣ, Саксоніи, Брауншвейгѣ и Гессенъ-Дармштадтѣ. Въ другихъ государствахъ праваго берега Рейна, гдѣ завоеваніе произведено было непосредственно, гдѣ Франція накроила себѣ департаментовъ или вассальныхъ княжествъ, какъ напримѣръ въ Вестфаліи, населеніе приведено было самыми дѣйствіями французскаго управленія къ желанію освобожденія отъ французскаго господства. Оно познало его преимущества лишь для того, чтобы пожелать ими пользоваться подъ управленіемъ соплеменныхъ государей.

Этой революціи содѣйствовало и корыстолюбіе государей, и патриотизмъ населенія; ее ускорилъ также расчетъ французскихъ политиковъ столько же, сколько и революціонная пропаганда. Упрощая карту Германіи, какъ то было сдѣлано въ 1795 и 1803 годахъ, Франція устранила тѣ препятствія, которыя не допускали соединенія германскихъ народовъ. Путемъ секуляризаций и медиатизаций, она отняла у духовныхъ правительствъ и владѣтельныхъ князей населеніе, которое обособлялось ими и отрывалось отъ остальной Германіи: присоединенное къ свѣтскимъ государствамъ, оно немедленно слилось съ ними. Франція сосредоточивала и сгущивала народы, открывая пути для національнаго духа, который возбуждала своею пропагандой. Въ 1806 г. Священная Имперія была сведена къ нулю, но Германія начала возрождаться. Связь, которую порывали въ то время, была давно истерта: взаимныя создана была другая, неразрывная связь между народами. Упраздня имперію, представлявшую лишь призракъ государства, собирали въ единую націю нѣмцевъ, которые стали сильнѣйшимъ изъ народовъ Европы. Разъединенность германскаго населенія дала возможность Франціи такъ легко упразднить имперію; объединяя нѣмцевъ, она подготовила возстановленіе послѣдней.

ГЛАВА VI.

А в с т р і я.

I.

Если слова «австрійскій домъ» возбуждаютъ въ умахъ людей 1789 г. представленіе о государствѣ, въ которомъ никогда не заходитъ солнце, то это лишь по старой памяти и въ силу исторической фантазмагоріи. Австрійскому дому, конечно, присвоено императорское достоинство, но это достоинство блещетъ лишь собственнымъ блескомъ. На картѣ австрійское государство является разорваннымъ, хотя и колоссальнымъ тѣломъ, увѣчнымъ, раздробленнымъ и члены котораго разбросаны по европейской поверхности. Это—безформенныя части существа, лишеннаго остова, мозга и внутренностей. Оно не имѣетъ даже и имени. Обычай установилъ въ обществѣ, а мало-по-малу и въ канцлерствахъ, привычку именовать эту совокупность владѣній по имени царствующаго дома: Австріей. Въ сферѣ публичнаго права и теоріи, это государство остается безъ названія: это, говорятъ, наслѣдственные владѣнія австрійскаго дома. Глава его титулуется королемъ Венгріи и Богеміи; если его изберетъ коллегія, онъ становится императоромъ; но съ его смертію умираетъ и титулъ и преемнику требуется новое избраніе для того, чтобы имѣть право носить его.

Наслѣдственные владѣнія австрійскаго дома не что иное, какъ агломератъ различныхъ территорій. Къ юго-востоку—Венгрія, съ зависящими отъ нея областями: Кроаціей, Трансильваніей, Славоніей и Буковиной; къ сѣверу—Галиція, только что отдѣленная отъ Польши, и Богемія съ частью оставшейся за Австріей Силезіи; далѣе, связывая венгерскую группу земель съ богемскою,—австрійское эрцгерцогство Моравія. На югѣ—Штирія, Карніолія, Каринтія и Тироль. Миланская область отдѣлялась отъ этихъ территорій Вальтелиной, съ одной стороны, и венеціанскими владѣніями—съ другой. Къ этому слѣдуетъ прибавить отдѣльные города и земли въ Швабіи и, наконецъ, отрѣзанные отъ всего остального Нидерланды или Бельгія и герцогство Люксембургское, между которыми врѣзывалось еще архіепископство Люттихское. Все это составляло 140000 квадратныхъ километровъ, приблизительно съ 24 миллионами жителей. Размѣры эти приближались къ размѣрамъ Франціи; но во Франціи все однородно, въ смыслѣ населенія,

все сплочено—въ смыслѣ государства; въ Австріи все сложно и разбросано. Окраины ея видимъ вездѣ, но центра не усматривается нигдѣ. Для охраненія этой громадной пограничной линіи, для удержанія въ повиновеніи этой толпы разноплеменныхъ народовъ необходима значительная армія, поглощающая большую часть государственныхъ доходовъ въ мирное время и не могущая быть сконцентрированной во время войны. Если направить ее къ Германіи, турки станутъ грозить венгерской границѣ, а безпокойное и полуварварское населеніе окраинъ, почувствовавъ ослабленіе узды, немедленно предастся свойственному ему духу мятежа и непокорства. Въ 1778 году грозила неминуемая война съ Фридрихомъ, по поводу Баваріи, которую хотѣли завладѣть австрійцы. Приходилось воевать съ одною Пруссіей: австрійцы напрягаютъ всѣ свои силы, и вслѣдствіе этого имперія подвергается сильнѣйшей опасности ¹⁾. «Всѣ наши силы, за исключеніемъ нидерландскихъ войскъ, будутъ собраны и поставлены, такъ сказать, на одну карту», пишетъ Іосифъ II. Едва удалось собрать 170000 человекъ, да и то не болѣе половины выступили въ походъ. «Вы говорите, что необходимо воевать во что бы то ни стало,—говорила Марія-Терезія;—но я не вижу никакой возможности: у насъ будетъ на 30 или 40000 солдатъ менѣе, чѣмъ у непріятеля». «Что же случилось бы съ имперіей, если бы пришлось имѣть дѣло съ какой-либо коалиціей и если бы турки присоединились къ ней? Наши границы остались бы беззащитными!» ²⁾.

Сверхъ того, чувствуется недостатокъ и въ денежныхъ средствахъ. Во время великихъ европейскихъ кризисовъ, Австрія поставляла солдатъ, союзники же ея доставляли денежные фонды. Во время Семилѣтней войны она извлекла изъ Франціи болѣе 75 милліоновъ ливровъ ³⁾. Во время революціонныхъ

¹⁾ Марія-Терезія пишетъ Іосифу II 5 іюня 1778 г.: «Я опасаясь большихъ безпорядковъ въ странѣ; въ Штиріи уже отказываются и работать, и платить. Какъ ихъ принудить? Нѣтъ ни одного человека. Въ Венгріи то же самое, и вотъ причина, почему рекруты не идутъ въ Трансильванію. Еще не собрано и половины и вся молодежь въ лѣсу; некому будетъ убирать жатву, и эти люди предаются страшнымъ дѣламъ. Въ Польнѣ удалось собрать нѣсколько тысячъ, но при переходѣ убѣжало нѣсколько сотъ человекъ послѣ того, какъ они взбунтовались и офицеръ принужденъ былъ стрѣлять по нимъ... Въ Банатѣ грабители становятся все болѣе и болѣе дерзкими: они перебили нѣсколько семействъ. Въ рудникахъ, подававшихъ такіа прекрасныя надежды, не хочетъ оставаться ни одинъ управитель, ни одного человека для ихъ огражденія, это печально»... Арнетт, *Correspondenz v. Maria-Theresia und Joseph II.*

²⁾ Арнетт, апрѣль—іюль 1778. Въ Галиціи остается только 200 лошадей и 7 батальоновъ инвалидовъ.

³⁾ Boucarric, *Correspondance secrète*, t. II, p. 107. — Bernis, *Mémoires*. — Арнетт: «Благодаря французской субсидіи, мы только и могли вести последнюю войну».

войнъ платила Англія. Изъ этого вытекаетъ то, что Австрія не можетъ вести войны по своему усмотрѣнію, если не встрѣтитъ государя, настолько ослабленнаго, какъ напримѣръ подчинявшійся ей Людовикъ XV. Если же она предприметъ войну, опираясь на свои собственные ресурсы, то не будетъ въ состояніи вести ее долгое время. Сосредоточить силы государства и избавить себя отъ необходимости заключать союзы, такова постоянно озабочивавшая австрійцевъ задача ⁴⁾. Іосифъ мучился рѣшеніемъ этой задачи всю жизнь и едва не потерялъ своей имперіи.

Австрійскому государству недоставало существеннѣйшаго элемента, наиболѣе жизненнаго органа государственнаго существованія. Зданіе грѣшило своимъ своимъ фундаментомъ и построено было на зыбкой почвѣ, не допускавшей иной, болѣе глубоко заложеной основы. Австрійской націи не существуетъ и нѣтъ способа создать ее. Габсбурги не могутъ взять себя за образецъ ни Капетинговъ, ни прусскихъ Гогенцоллерновъ. Нація и государство должны или образовываться совокупно, какъ то было во Франціи, или же государство должно создать націю, какъ то видимъ въ Пруссіи. Къ Австріи непримѣнимъ ни тотъ ни другой способъ. Габсбургскій домъ, вмѣстѣ съ цѣлыми народами, какъ напримѣръ венгерскій, чешскій и бельгійскій, имѣющими особыя традиции и интересы, включилъ въ свое наслѣдіе и отдѣльные фрагменты народовъ, каковы галиційскіе поляки, почитающіе за честь оставаться вѣрными своему происхожденію. Одинаково невозможно и слить въ однородное цѣлое эти различныя народности, и дать имъ тождественное управленіе. Если пытаются подчинить ихъ одинаковымъ законамъ и централизаціи, онѣ немедленно даютъ отпоръ и возмущаются. Если же, напротивъ, даютъ имъ нѣкоторую автономію и группируютъ на федеративномъ началѣ—слишкомъ недавняя независимость, которою онѣ пользовались, побуждаетъ ихъ желать ея восстановленія, и относительная свобода, которую имъ даруютъ, отрываетъ ихъ отъ короны. Какія бы ни прилагали старанія, но лишь только коснутся одной изъ составныхъ частей этого страннаго агломерата, всегда можно опасаться, что, по выраженію Монтескье, всѣ части монархіи посыплются одна на другую.

Къ этому сложному и запутанному правительству прибавьте еще Германскую имперію, съ неисходнымъ лабиринтомъ ея пружинъ и колесъ, и вы уясните себѣ конституціональныя помѣхи, постоянно являющіяся на

⁴⁾ «Дай Богъ, чтобы монархія могла когда-нибудь сосредоточить свои силы, не имѣя необходимости охранять отдаленныя, оторванныя провинціи, могла бы держаться собственною силою, сдѣлать себя неуязвимой, заставить себя уважать и бояться, не имѣя надобности заискивать у своихъ естественныхъ враговъ, переряженныхъ союзниками и которые болѣе вредятъ, чѣмъ открытые враги!» Леопольдъ Іосифу, въ декабрѣ 1784. Арнетт, *Joseph II u. Leopold v. Toscana*. Слова, обозначенныя курсивомъ, намекаютъ на Францію.

пути этой, повидимому, столь могущественной державы. Она—все, кроме того, чтобы быть самой собою; она повсюду, кроме собственного дома; космополитическая, по самой своей сущности, она является в своих собственных владениях как бы иностранной державой, и внутренняя дѣла ей приходится вести на подобие иностранных дѣлъ в централизованной империи. Это не государство, в собственном смысле слова, потому что оно не имѣетъ учреждений; это даже не правительство, это, такъ сказать, административная дипломатія. Австрія управляетъ своими областями, лишь имѣя въ виду Европу; она сноится съ Европой, лишь въ виду этихъ областей. Она обладаетъ лишь однимъ способомъ удержанія ихъ, а именно тѣмъ, которымъ держится и Европа: уравнивающимъ противоположныхъ силъ. Къ этой империи какъ нельзя болѣе приложимо опредѣленіе, данное Мишле Германіи: «маленькая Европа среди большой Европы». Существуетъ австрійское равновѣсіе, подобно тому, какъ существуетъ равновѣсіе европейское; но такъ какъ въ австрійскихъ государствахъ имѣется единый монархъ, располагающій военной силой, то равновѣсіе въ нихъ становится дѣйствительностью и заступаетъ мѣсто конституціи. Равновѣсіе это влечетъ за собою тѣ же послѣдствія, какія видимъ въ «европейской республикѣ». Австрійская монархія вынуждена примѣнять къ себѣ самой ту тактику, которой слѣдуютъ европейскія державы въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, при постоянномъ антагонизмѣ интересовъ и непрестанномъ соперничествѣ. Иначе говоря, ея публичное право составлено изъ противорѣчій. По своему происхожденію она должна бы быть державою консервативною по преимуществу во всемъ, что касается установленнаго права, обычая и другихъ политическихъ правовъ. Она основана исключительно на контрактахъ и духовныхъ завѣщаніяхъ. Во Франціи публичное право можетъ быть потрясено въ самой своей основѣ, верховная власть народа можетъ замѣнить таковую же власть короля, и все-таки государство не будетъ поколеблено; изъ австрійской же монархіи, въ подобномъ случаѣ, не осталось бы ровно ничего ⁵⁾. Въ сферы архивныхъ документовъ, владѣнія ея не имѣютъ никакого смысла своего существованія, такъ какъ они не поддерживаются народомъ. Всякое нарушеніе права, на которомъ покоится власть, компрометируетъ самое государство. Обращаться къ входящимъ въ ея составъ народамъ, значитъ объявлять объ ихъ не-

⁵⁾ Сравните искусственныя приращенія Австріи съ ассимилирующими расширеніями Франціи; присоединеніе Ломбардіи съ присоединеніемъ Эльзаса; присоединеніе Франшъ-Конте съ аннексаціей Нидерландовъ; присоединеніе Лотарингіи съ захватомъ Галиціи; приобрѣтеніе Бретани съ приобрѣтеніемъ Богеміи; отношенія къ Венгріи и конфискація или завоеванія территорій нормандцевъ и Плантагенетовъ.

совмѣстимости. Во Франціи народная революція отнесется къ федерализму, какъ къ преступленію противъ націи; въ Австріи всякая революція, чтобы быть народной и національной, необходимо должна быть федералистической. Сверхъ того Австрія—самая династическая изъ европейскихъ державъ: она остается *домомъ*, и законы о престолонаслѣдіи, въ концѣ концовъ, являются основными законами государства; слѣдовательно, ни одинъ дворъ не могъ бы болѣе крѣпко держаться династическаго права. Но странная формація Австріи требуетъ, чтобы эта держава, стремясь къ возвышенію своего могущества, неизбѣжно колебалась самую свою основу. Для того, чтобы связать разбросанныя части монархіи, защищать ее и исправлять урѣзанные границы, необходимо приобрѣтать новыя владѣнія; для того, чтобы находить престолы для младшихъ сыновей, приходится, опять-таки, приобрѣтать; наконецъ, надо приобрѣтать и для того, чтобы сдерживать наплывъ алчныхъ сосѣдей. Если они захватываютъ, Австрія также должна захватывать, иначе она утратила бы свое относительное верховенство и, что еще опаснѣе, навлекла бы на себя вторженіе. Эти причины побуждаютъ ее если не всегда къ прямой узурпаціи, то, по крайней мѣрѣ, къ снисходительному отношенію къ чужимъ узурпаціямъ, въ виду участія въ выгодахъ захвата. Однимъ словомъ, заставляютъ ее вольно и невольно слѣдовать системѣ раздѣловъ и присоединяться къ нимъ и тогда, когда они не ею вызваны.

Таково было участіе ея въ раздѣлѣ Польши; такъ обсуждала она одновременно раздѣлъ Турціи; такъ захватила она у своихъ союзниковъ турокъ Буковину, въ 1775 г., послѣ того, какъ отняла у друзей своихъ поляковъ Галицію, въ 1772; такъ, въ 1778 г., замышляя овладѣть Баваріей, она предложила, въ видѣ приманки, Фридриху принадлежавшую саксонскому курфирсту Лузацію. Марія-Терезія тиготилась этимъ постояннымъ противорѣчіемъ между австрійскими интересами и нравственными принципами. Въ ея совѣсти шла борьба между ними, но въ концѣ концовъ принципы оставались всегда побѣжденными, и она съ горестью видѣла, какъ царствованіе, начавшееся защитой права, завершалось самою вопіющею изъ несправедливостей ⁶⁾. Никто болѣе этой государыни не цѣ-

⁶⁾ «Сознаюсь», писала Марія-Терезія въ запискѣ, продиктованной секретарю Пихлеру въ февралѣ 1772 года, въ моментъ рѣшенія относительно раздѣла Польши, «сознаюсь, что никогда въ жизни не испытывала я такой печали. Когда опасность грозила всемъ моимъ владѣніямъ, я опиралась на свое право и на Божью помощь. Но теперь, когда не только право не на моей сторонѣ, но когда обязательства, справедливость и здравый смыслъ, все противъ меня, я лишилась всякаго спокойствія. Мнѣ остается только тревога совѣсти, не привыкшей ни затуманивать себя, ни выдавать двоедушіе за искренность. Увѣренность въ себѣ и вѣра навсегда утрачены, а съ ними

ниль добросовѣстности и не страшился грѣха. Однако она грѣшила и сознательно, хотя затѣмъ слѣдовали жестокия угрызенія совѣсти, въ которыхъ она видѣла искупленіе. Отъ сдѣлки къ сдѣлкѣ, она незамѣтно приходила къ сомнительнымъ и прямо несправедливымъ поступкамъ ⁷⁾ и къ тому заключенію, что обиліе выгодъ покроетъ порочность операций. Изобрѣтательная діалектика императрицы приводила ее къ мнѣнію, что самый предметъ согрѣшенія долженъ искупить его и, извращая текстъ священнаго писанія, она полагала, что много будетъ отпущено тому, кто много узурпировалъ ⁸⁾. Казуистика ея усложнилась еще и изумительнымъ комедіанствомъ ⁹⁾. Но это никого не вводило въ заблужденіе, и вѣнскій дворъ постоянно обвинялся въ двоедушіи, ухищреніяхъ и ненасытной алчности. Императрица жаловалась на это, скорбѣла и признавалась, что въ сущности общественное мнѣніе не ошибается. Она била себя въ грудь, изливалась въ іереміадахъ и продолжала идти тѣмъ же путемъ. «Хотѣли», писала она однажды въ минуту искренняго покаянія, «хотѣли подражать Пруссіи и въ то же время желали сохранить подобіе честности!» ¹⁰⁾.

и самыя чистыя сокровища и истинная сила государя предъ лицомъ остальныхъ». ARNETH, t. VIII, p. 365.

⁷⁾ Она писала Кауницу, по поводу Польши (31 окт. 1770): «Я имѣю весьма неслестное понятіе о нашихъ правахъ». ARNETH: *Maria-Theresia*. И по поводу Баваріи—Юсифу II (2 янв. 1778): «Права, плохо констатированныя и устарѣлыя, по мнѣнію самихъ министровъ, и это вамъ извѣстно такъ же хорошо, какъ и мнѣ».

⁸⁾ «Надо умѣть себя поставить и ради ничтожной выгоды не портить своей доброй славы въ глазахъ людей, и не терять прямодушія предъ лицомъ Всевышняго». Марія-Терезія Кауницу, 13 января 1772. ARNETH, t. VIII, p. 596.—Въ 1808 г., при сходныхъ обстоятельствахъ, Меттернихъ писалъ въ своихъ мемуарахъ (т. II, стр. 149): «Мы должны бы многимъ пожертвовать для сохраненія Порты; но наше существованіе и политическое значеніе, главные элементы жизни крупнаго государства, должны поставить предѣлы нашимъ пожеланіямъ. Мы не можемъ спасти Турціи; слѣдовательно надо содѣйствовать ея раздѣлу и постараться получить возможно большую долю».

⁹⁾ Дюранъ писалъ изъ Вѣны въ 1772 г.: «Отъ природы живая и чувствительная, она горячо отзывается на событія, но впечатлѣнія ея не глубоки и стираются съ такою же быстротою, какъ и воспринимаются. Воображеніе, которое оказало ей не мало услугъ, есть источникъ тѣхъ, кажущихся сердечными, выраженій, которыя дѣйствуютъ на самыхъ неподатливыхъ. Однажды, выходя изъ театра, гдѣ пѣла Тези, она воскликнула: «Нѣтъ, никогда не было болѣе великой актрисы!»—«Послѣ васъ», замѣтилъ покойный императоръ.

¹⁰⁾ «Сознаюсь, хотя это мнѣ и трудно, что ничто не было мнѣ столь тяжело, какъ потеря нашей доброй славы. Къ несчастію, я должна сказать между нами, что мы это заслужили... Марія-Терезія Юсифу, 23 янв. 1772. ARNETH.

Въ этомъ выражается вся политическая нравственность Австріи, и ни одинъ изъ ея государей не олицетворялъ духа своего дома полнѣ этой императрицы. Тотъ же характеръ, за вычетомъ высокихъ государственныхъ дарованій, встрѣтимъ мы у внука Маріи-Терезіи, Франца. У Юсифа II, царствовавшего въ самомъ началѣ революціи, присоединялся къ нему отѣнокъ цинизма во вкусѣ Фридриха ¹¹⁾; но при меньшемъ лицемѣріи въ выраженіяхъ и болѣе рѣзкости въ поступкахъ, онъ только продолжалъ, доводя до крайности, дѣло своихъ предшественниковъ. Большинство его предприятий было начато еще при Маріи-Терезіи и приведено въ исполненіе министромъ, который гордился точнымъ соблюденіемъ преданій классическаго царствованія—Кауницемъ.

II.

Всѣ эти предприятия, такъ же, какъ и дальнѣйшія, были лишь приведеніемъ въ исполненіе плановъ, давно задуманныхъ вѣнскимъ дворомъ. Мы находимъ ихъ выработанными и рѣшенными съ замѣчательною предусмотрительностью въ весьма любопытномъ документѣ конца семнадцатаго вѣка: *Завѣщаніи герцога Карла Лотарингскаго* ¹⁾. Прежде всего предполагалось овладѣть Германіей и установить имперію. Для этого необходимо, путемъ возбужденія духа завоеваній и исканія славы, истощить всѣхъ нѣмецкихъ государей, низвести ихъ до роли простыхъ областныхъ намѣстниковъ, подобно тому, какъ весьма политично сдѣлано во Франціи Бурбонскимъ домомъ. Истощивъ такимъ образомъ Германію, австрійскій домъ воспользуется швейцарцами, итальянцами и венгерцами, ненавидящими нѣмцевъ, чтобы разрушить имперію и посредствомъ завоеванія превратить ее въ монархію, что всегда менѣе трудно и болѣе прочно, чѣмъ дипломатическіе пути ²⁾. Справившись съ Германіей, слѣдуетъ «отказаться отъ

¹¹⁾ «Съ волками жить, по волчьи выть; лишь бы была польза, все равно, какимъ путемъ она достигнута». Кауницу, 9 янв. 1781. ARNETH, *Joseph II und Catharina*, стр. 35.

¹⁾ Политическое завѣщаніе герцога Барскаго и Лотарингскаго Карла, врученное Леопольду въ Пресбургѣ, 29 ноября, 1687 г., для короля Венгріи и его преемниковъ, будущихъ императоровъ. Напечатано въ Лейпцигѣ въ 1696 г. См. по исторіи, анализу и многочисленнымъ выдержкамъ изъ этого документа: *Histoire de la réunion de la Lorraine à la France* par le comte d'Haussonville, t. III, p. 372. Paris, № LV, манускриптъ, находящійся въ архивѣ.

²⁾ Сравн. въ *Correspondance diplomatique de M. de Bismark* (переводъ съ нѣмецкаго изд.). Paris. 1883, t. II, p. 423, планы, приписываемые Бисмаркомъ Шварценбергу, и которые позднѣе были частію выполнены имъ самимъ. Это все та же федеративная болѣзнь, поддающаяся только леченію желтомъ и огнемъ.

права, дарованнаго завоеваніемъ, подъ условіемъ, что германскій союзъ долженъ предоставить наследственную власть царствующему дому, съ полнымъ ему подчиненіемъ и съ упраздненіемъ ратисбонскихъ штатовъ». Вѣна сдѣлается главою имперіи «и изъ нея будутъ исходить лишь деспотическіе и абсолютные законы». Тогда наступитъ время направить на вѣнныя врага грозную силу соединенной Германіи и приступить къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Прежде всего надлежитъ укрѣпиться въ Сициліи, Неаполѣ и Ломбардіи³⁾. Затѣмъ стать твердою ногою въ Венеціи⁴⁾, завладѣть которой необходимо для связи этихъ завоеваній съ центромъ имперіи. Далѣе, когда итальянскіе государи низведены будутъ на степень простыхъ губернаторовъ, предпринято будетъ ограниченіе владѣній папы однимъ Римомъ, что также будетъ совершенно вооруженною рукою⁵⁾. «Папа, безъ сомнѣнія, будетъ протестовать, то есть пустить въ ходъ громы церкви, но слѣдуетъ озаботиться присланиемъ ученыхъ людей, которые дѣйствовали бы на народъ живымъ и печатнымъ словомъ, разъясняя бесполезность и неэффективность церковныхъ отлученій въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о земныхъ благахъ, никогда не предназначавшихся церкви Иисусомъ Христомъ».

Какъ ни былъ дальновиденъ авторъ *Завѣщанія*, виды его не простирались однако же на Турцію. Въ тѣ времена турки были еще слишкомъ грозны для того, чтобы можно было распоряжаться ихъ наследствомъ. Но начиная съ Карловицкаго договора, въ 1699 г., австрійскій домъ, вытѣснивъ ихъ изъ своихъ предѣловъ, намѣревался вторгнуться въ занимаемыя ими территоріи. Именно въ этомъ смыслѣ давалъ совѣты Карлу VI Евгений Савойскій⁶⁾. Всѣ вышеупомянутые планы, разъ принятые австрійцами, уже не покидались ими.

Если сравнить эти политическія традиціи австрійскаго дома съ тѣми, которыя завѣщаны были Бурбонскому дому Гейнрихомъ IV и Ришелье, то приходится констатировать, что намѣренія обоихъ государствъ находились почти въ безусловномъ противорѣчій между собою. Довести

³⁾ Сравните политическіе планы Меттерниха, относительно Италіи, во время пражскаго конгресса 1813 г., планы, осуществленные имъ въ значительной мѣрѣ послѣ 1815 г. См. ONKEN, *Oesterreich u. Preussen im Befreiungskriege*, Berlin. t. II. p. 462.

⁴⁾ Ее взяли отчасти въ 1797 и овладѣли ею вполне въ 1815.

⁵⁾ См. VIANINI, t. I. Въ Парижѣ, въ 1814 г. Меттернихъ вручилъ записку Кастльри, съ цѣлью отклонить его отъ мысли полного восстановленія свѣтской власти папы, причемъ онъ ссылаясь на права имперіи на легатіи.—См. также договоръ между Австріей и Мюратомъ 11 янв. 1814 г. по поводу раздробленія папскихъ владѣній.

⁶⁾ *Instruction du comte de Luc*, 1715. *Recueil des Instructions, Autriche*, t. I, p. 168.

Францію до подчиненія ея замысловъ австрійскимъ, заставить ее пожертвовать своими вѣковыми интересами ради видовъ соперницы, это было для вѣнскихъ дипломатовъ совершенно неожиданной удачей. И однако эта удача выпала на долю Маріи-Терезіи. Понятно, что ея канцлеръ Кауницъ видѣлъ верхъ искусства своей политики въ той самой «австрійской системѣ», которую находили бѣдствіемъ государства всѣ просвѣщенные французы. Антагонизмъ проявился съ полною силой немедленно послѣ того, какъ Франція, подъ руководствомъ Людовика XVI и Верженна, возвратила себѣ независимость въ этомъ отношеніи, снова стала отстаивать свои особые интересы и пожелала занять въ Европѣ подобающее ей мѣсто. Съ той поры Австрія испытываетъ постоянныя неудачи, и въ каждой изъ нихъ даетъ себя чувствовать рука Франціи. Иосифъ II не хотѣлъ съ этимъ мириться. Какъ только явилась возможность⁷⁾, онъ обратился къ Россіи. Его планы совпадали съ намѣреніями Екатерины: они вступили въ соглашеніе въ 1781 г.⁸⁾ Виды, которыхъ держалась Австрія въ этомъ союзѣ, руководили всею ея политикою въ эпоху революціи.

Господствующею идеею постоянно является мысль о германской имперіи; слѣдствіемъ этого было то, что Пруссія осталась непримиримо-враждебною соперницею Австріи. Пруссія постоянно преграждаетъ ей путь къ распространенію ея владѣній въ Германіи, Турціи и Польшѣ. Въ послѣднемъ случаѣ она требуетъ раздѣла. Уничтоженіе, или, по крайней мѣрѣ, расчлененіе Пруссіи составляетъ необходимое условіе успѣха австрійскихъ замысловъ: это—постоянная задняя мысль и точка отправленія Австріи въ ея политикѣ. Дружба между этими державами могла быть не иначе, какъ лицемерною, тревожною и эфемерною. Въ сущности, какъ то ясно выражалъ Кауницъ, не можетъ существовать «искреннихъ отношеній» и искренняго соглашенія по вопросу объ интересахъ, которые всегда были и останутся противоположными до тѣхъ поръ, пока одной изъ этихъ державъ не удастся подчинить себѣ другую. Пока пруссаки будутъ въ силѣ,—говорилъ Кауницъ,—у Австріи никогда не будутъ развязаны руки на Востокъ.

⁷⁾ Марія-Терезія умерла 29 ноября 1780 г. Иосифъ былъ императоромъ германскимъ и королемъ австрійской монархіи съ 1765 г.

⁸⁾ Союзъ заключенъ былъ путемъ обмѣна писемъ: письмо Иосифа помѣчено 18 или 21 мая 1781 г., письмо Екатерины—24 мая. См. ARNETI, *Joseph II u. Catharina v. Russland*. Относительно прецедентовъ этого союза: MARTENS, *Traité de l'Autriche et de la Russie*, t. I et II.—RANKE, *Die deutschen Mächte*.—METTERNICH, *Mémoires*. Въ *Question d'Orient au dix-huitième siècle* находится отчетъ о переговорахъ, происходившихъ въ царствованіе Маріи-Терезіи и имѣвшихъ цѣлью раздѣлъ Турціи; эти переговоры послужили предисловіемъ къ союзу, заключенному въ 1781 г. Другіе переговоры вѣдены были въ 1775 г.

Въ ожиданіи возвращенія отъ Пруссіи Силезіи, Іосифъ округлялъ свои границы въ Германіи; онъ постоянно возвращался къ своей излюбленной идеѣ захвата Баваріи. Отказавшись же отъ ея завоеванія, онъ пытался обмѣнять ее на Нидерланды. Этотъ обмѣнъ избавилъ бы Австрію отъ отдаленныхъ владѣній, трудно-защищаемыхъ и всегда открытыхъ для французскихъ нападений; вмѣсто нея онъ приобрѣлъ бы вполнѣ германскую страну, которая придвинула бы монархію къ самому центру имперіи и связала бы ея германскія владѣнія съ итальянскими. Потерпѣвъ неудачу въ 1785 г. вслѣдствіе отпора Пруссіи и недоброжелательства Франціи, Австрія, тѣмъ не менѣе, не отказалась отъ своего намѣренія; она продолжала преслѣдовать свою цѣль при всѣхъ своихъ политическихъ комбинаціяхъ въ эпоху революціи, и тревога, которую это обстоятельство внушило нѣмцамъ, оказала значительное вліяніе на ихъ отношенія къ Франціи.

«Я полагаю,—писалъ въ 1778 году французскій посланникъ въ Вѣнѣ,—что если императоръ пожелаетъ поправить свои честолюбивыя стремленія на Италію, то прежде всего обратитъ свои виды на венеціанскія владѣнія. Все, что онъ найдетъ удобоисполнимымъ, будетъ найдено имъ и справедливымъ». Италія казалась ему достаточно подготовленной для его господства: одинъ эрцгерцогъ уже царствовалъ во Флоренціи, другой ожидалъ престола въ Моденѣ; пармскій Бурбонъ, женатый на эрцгерцогинѣ, слытъ весьма покорнымъ супругомъ; неаполитанскій же находился вполнѣ подъ вліяніемъ жены. Расчлененіе венеціанской республики довершило бы дѣло. Это была одна изъ долей, которую предназначалъ себѣ Іосифъ въ планѣ раздѣла, составленнаго имъ съ Екатериной II: «Владѣнія континентальныя, а равно венеціанскія: Истрія и Далмація доставили бы мнѣ единственное средство дать цѣну произведеніямъ моего государства». Къ тому же эти венеціанскія владѣнія послужили бы связью съ тѣми, которыя Іосифъ намѣревался приобрести въ Турціи. Онъ предполагалъ потребовать отъ Турціи исправленія границъ, въ видахъ защиты и огражденія Галиціи и Буковины, затѣмъ уступки Валахіи до Алуты, Виддина, Оршовы, Бѣлграда, съ трехмильнымъ райономъ на лѣвомъ берегу Дуная; изъ Бѣлграда «протянули бы наиболѣе прямую и краткую линію, сообразуясь съ территоріей, тянущеюся къ Адриатическому морю, и включая Дринскій заливъ», что обезпечило бы за Австріей вмѣстѣ съ частью Сербіи—Боснію, Герцеговину и Черногорію.

Что касается до Польши, австрійцы, повидимому, были сильно заинтересованы въ томъ, чтобы сохранить ее въ видѣ препятствія между собою и Россіей; все побуждало ихъ защищать ее отъ посягательствъ Пруссіи. Къ несчастію, вѣнскій дворъ опасался, чтобы польская республика, преобразовавшись, не сдѣлалась бы опасной для Австріи, и потому онъ нахо-

дилъ нужнымъ сохранить Польшу, на всякій случай, открытой для раздѣловъ. Поэтому этотъ дворъ почиталъ наиболѣе цѣлесообразнымъ поддерживать въ Польшѣ анархію и имѣть въ виду средства накромить себѣ въ ней провинцій.

Все эти замыслы отдаляли Австрію отъ Франціи; но для ихъ выполненія Австрія нуждалась во французскомъ нейтралитетѣ. Она въ особенности нуждалась въ сохраненіи вліянія на Россію и знала по опыту, что потеряетъ его, какъ только Россія почувствуетъ, что она необходима. «Если бы она нашла возможность заставить меня порвать съ Франціей,—писалъ Іосифъ II,—то увидѣла бы, что мнѣ пришлось бы быть у нея въ полномъ подчиненіи, что было бы весьма удобно для нея, но весьма мало пригодно для меня; поэтому ничего такого не будетъ». Такимъ образомъ онъ поддерживалъ союзъ 1756 г., но, покоряясь этой необходимости, съ ненавистью относился къ этому союзу. Онъ, въ сущности, ненавидѣлъ Францію и завидовалъ ей. Если въ Версалѣ можно было встрѣтить ярыхъ противниковъ «австрійской системы», то въ Вѣнѣ имѣлись непреклонные враги «системы французской».

Вѣковая вражда была весьма слабо смягчена слѣпою снисходительностью Франціи во время Семилѣтней войны. Австрія продолжала находить, что была принесена въ жертву. Политика Верженна еще болѣе раздражала ее. Марія-Терезія заявила о томъ, что дорожитъ союзомъ съ Франціей. Она любила Францію, какъ любила Польшу, вѣроятно потому, что много злоупотребляла и тою и другою: подъ этимъ расположеніемъ скрывалось презрѣніе. Іосифъ и братъ его Леопольдъ раздѣляли это презрѣніе. Ихъ письма полны жалобъ на Францію, на ея «фальшивость и желаніе вредить», на ея «ужасный, непоследовательный, оскорбительный, достойный ея самой образъ дѣйствій». Франція «пользовалась правами союзницы, правами родства и дружбы лишь для того, чтобы обманывать изъ-подъ руки и оскорблять безнаказанно». Австрія, напротивъ, поступала всегда «съ полнѣйшею искренностью, дружелюбіемъ, довѣрчивостью и сердечностью», а Франція постоянно злоупотребляла этимъ для нанесенія всевозможнаго зла. Австрія питала тайное намѣреніе отомстить союзницѣ, имѣвшей слабость пожертвовать ради нея своими интересами, а теперь совершавшей, по ея мнѣнію, преступленіе, позволяя себѣ защищать эти интересы. «Если бы только намъ удалось *прогнать* Нидерланды, тогда мы вышли бы изъ ея когтей и можетъ быть удалось бы заставить ее когда-нибудь и раскаяться, въ случаѣ войны съ англичанами». «Но теперь не время выказывать неудовольствіе. Не слѣдуетъ забывать ее, надо помнить о ея поступкахъ и сообразно съ этимъ дѣйствовать; но пока мы

въ ней нуждаемся, слѣдуетъ сносить ея дурное расположеніе духа и не выказывать своихъ истинныхъ чувствъ».

Проникнутая такими чувствами по отношенію къ Франціи и замышляя противъ турокъ предпріятіе, противъ котораго Франція могла создать непреодолимые препятствія, Австрія зорко слѣдила за признаками ослабленія, проявившимися во Франціи, и съ нескрываемымъ удовольствіемъ видѣла усиленіе внутреннихъ французскихъ смутъ. «Высокомѣріе Франціи,—писалъ Іосифъ,—можетъ быть укрощено только отсутствіемъ средствъ къ приведенію въ исполненіе ея честолюбивыхъ замысловъ. Французы могутъ повредить себѣ только сами, и они въ этомъ отношеніи на хорошей дорогѣ... Если у Франціи будетъ много хлопотъ и она будетъ ощущать недостатокъ въ деньгахъ и средствахъ, то король прусскій, оставшись одинъ, не посмѣетъ ничего предпринять, и его могутъ сдержать два императорскіе двора. Тогда можно будетъ дѣйствовать свободно, и турки погибнутъ». Вотъ объясненіе всей австрійской политики по отношенію къ Франціи въ первое время французской революціи.

Въ 1788 г. Іосифъ II нашелъ, что кризисъ въ Версагѣ достаточно созрѣлъ для того, чтобы можно было «дѣлать на Востокъ, что хочешь», и онъ предпринять вмѣстѣ съ Екатериной II завоеваніе оттоманской имперіи. Съ этой минуты, въ его интересъ было, чтобы Франція, сохраняя подобіе государства, не возвратила бы себѣ прежняго могущества, жизненности и энергіи. Революція показала ему въ высшей степени своевременнымъ событіемъ. Его политика, также какъ политика его брата Леопольда, наслѣдовавшаго ему въ 1790 г. и царствовавшего до марта 1792 г., покажется сложной и запутанной по формѣ; въ сущности же она была вполне послѣдовательной: Австрія была вѣрна своей традиціи. До тѣхъ поръ, пока французская революція парализовала монархію, не уничтожая ея, и не грозила Европѣ вооруженной пропагандой, Австрія смотрѣла на нее снисходительно; когда же революція перешла въ анархію, когда она вторглась въ сосѣднія государства и показала опасной для континента, Австрія ополчилась на нее; но заднія мысли, замедлившія вмѣшательство, стѣснили ея дѣятельность. Австрія не желала содѣйствовать возстановленію во Франціи сильнаго правительства; она находила для себя полезнымъ, чтобы монархія, которую возстановятъ въ ней, оставалась бы ограниченной, слабой и нуждающейся въ чужой помощи. Стараясь поднять французскій тронъ, она помышляла о раздѣлѣ самаго французскаго государства. Въ то самое время, какъ она становилась на сторону короля, она озабочена была возвращеніемъ себѣ тѣхъ двухъ провинцій, которыя принуждена была уступить Франціи и отъ которыхъ она никогда не думала навсегда отказаться: Эльзасъ и Лотарингія были двой-

нымъ наслѣдіемъ ея династіи. Вѣрная своимъ вѣковымъ традиціямъ, она увидѣла въ великомъ кризисѣ лишь случай привести въ исполненіе замыслы относительно расширенія своихъ предѣловъ.

Эти традиціи объясняютъ намъ, почему, обманувшись въ своихъ расчетахъ вслѣдствіе побѣдъ французовъ, Австрія весьма скоро отказалась отъ консервативной политики и вернулась къ системѣ раздѣловъ. Мы увидимъ, какъ она вознаградила себя за убытки на счетъ Польши, которая и не думала нападать на нее; на счетъ Венеціи, которая недвижно лежала у ея ногъ, и на счетъ пѣмекскихъ духовныхъ князей, которыхъ обязана была защищать; какъ, теряя репутацію честности, которую безосновательно себѣ присвоила, но которую такъ выгодно было бы заслужить, она дѣлалась сообщницей коварныхъ и насильственныхъ предпріятій, перевернувшихъ въ Европѣ всю систему владѣній стараго порядка; какъ, желая обмануть всѣхъ, она была обойдена всѣми и кончила тѣмъ, что запуталась въ непомѣрно обширныхъ замыслахъ, которые преслѣдовала одновременно повсюду; какъ, не успѣвъ погубить Францію, она сдѣлалась ея союзницею для того, чтобы съ большою безопасностью ждать удобной минуты для измѣны; какъ, для усиленія и умиротворенія побѣдителя, она рѣшилась отдать въ руки вѣнценоснаго представителя революціи одну изъ своихъ эрцгерцогинь; какъ, потерпѣвъ поражение во всѣхъ кампаніяхъ, отъ 1792 до 1809 г., отъ Жеммапа до Лоди, Арколя, Маренго, Гогенлиндена, Аустерлица и Ваграма, она успѣла, тѣмъ не менѣе, при помощи терпѣнія и гибкости, настойчивости и коварства, доставить себѣ мѣсто среди третейскаго суда, рѣшившаго одинъ изъ величайшихъ кризисовъ современной Европы; какъ, наконецъ, она вышла изъ него болѣе вліятельной, болѣе богатой, болѣе могущественной, чѣмъ когда-либо была, обманувъ въ началѣ девятнадцатаго вѣка, такъ же, какъ и въ восемнадцатомъ—расчеты своихъ враговъ. Говорили, что она всегда запаздываетъ и въ мышленіи и въ движеніи войска; но у нея всегда была идея и всегда было войско; такова ея главная традиція, и эта-то традиція дозволила ей поддержать всѣ остальные.

III.

Въ 1740 г. можно было ожидать, что, за неимѣніемъ главы, австрійская монархія придетъ къ полному разложенію. Въ 1789 г. самъ императоръ подвергъ ее опасности такого разложенія. Въ своихъ попыткахъ преобразовать государство, Іосифъ II встрѣтилъ отпоръ и со стороны различныхъ народностей, входящихъ въ составъ этого государства, и со стороны агентовъ самого правительства. Въ нѣсколькихъ провинціяхъ произошли возстанія; повсемѣстно замѣчалось тревожное настроеніе. Обманувшись во

всѣхъ своихъ надеждахъ, Иосифъ впалъ въ уныніе и признавалъ себя почти побѣжденнымъ. «У меня нѣтъ людей», писалъ онъ брату, «людей, способныхъ понимать, такихъ, которые желали бы что-нибудь дѣлать и наконецъ, почти никого близъ меня не одушевляетъ стремленіе ко благу отечества». Такого рода сѣтованія начались еще въ царствованіе Маріи Терезіи и продолжались до великихъ катастрофъ въ монархіи во время войны съ Франціей. Дѣло въ томъ, что если императрица удалось найти для веденія внутренняго управленія нѣсколькихъ способныхъ министровъ, то общій составъ ихъ подчиненныхъ былъ ниже своей задачи ¹⁾.

По вѣннской политикѣ, крупныя дѣла обсуждаются императоромъ и государственнымъ канцлеромъ, княземъ Кауницемъ. Въ 1789 г. Кауницъ было уже семьдесятъ восемь лѣтъ: онъ устарѣлъ вмѣстѣ съ вѣкомъ, и никто лучше него не олицетворялъ упадка стараго режима. Преисполненный самоувѣренія, убѣжденный въ своей гениальности и превосходствѣ своихъ принциповъ, онъ кичился широкими замыслами и возвышенными соображеніями; онъ былъ большой мастеръ на пустыя формулы, тонкіе софизмы и не лишенъ былъ нѣкотораго кокетства по отношенію къ чистому разуму. Въ немъ соединялась дерзость царедворца съ смѣсью педанта; развращенный человекъ, большой скептикъ во всемъ, что не касалось его собственныхъ достоинствъ, искусившійся во всевозможныхъ политическихъ ухищреніяхъ, но слишкомъ самодовольный, слишкомъ узкій умомъ, слишкомъ пустой и изношенный, онъ не былъ способенъ понять духа новаго времени и правильно судить о немъ. Онъ умѣлъ мыслить не иначе, какъ силлогизмами, и говорить диссертациями. Съ годами онъ превратился въ стараго болтуна. Революція озадачила его пустой эмпиризмъ. Онъ зналъ Францію только такою, какою она была во времена Людовика XV; онъ вообразилъ, что имѣетъ передъ собою вторую Польшу, и поступалъ сообразно съ такимъ взглядомъ. Подобное чудовищное заблужденіе повлекло за собою бѣдственные результаты. Преемники же Кауница неспособны были помочь бѣдѣ. За исключеніемъ Мерси, который былъ смущенъ событіями, обезкураженъ, обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ и умеръ въ 1794 г., вѣнскій дворъ не располагалъ ни единымъ человекомъ, способнымъ руководить имъ во время революціоннаго кризиса, обладающимъ хотя бы яснымъ взглядомъ, твердою волей

¹⁾ См. по этому вопросу: VAN SWIETEN, RIEGGER, MARTINI, SONNENFELS, ARNETI. Иосифъ II писалъ Кауницъ 1-го августа 1786 г. (ВЕР): «Всѣдствие національнаго характера или воспитанія, у большинства должностныхъ лицъ не замѣчается ни энергіи, ни преданности чему бы то ни было; они работаютъ ровно настолько, чтобы не быть уволенными отъ службы; они проявляютъ усердіе только въ дѣлѣ созданія затрудненій или замедленія и нарушенія въ исполненіи предписаній... Это до такой степени общее явленіе, что не знаешь, гдѣ взять болѣе удовлетворительныхъ агентовъ».

и послѣдовательностью въ своихъ намѣреніяхъ. Лишенный совѣтниковъ, австрійскій дворъ могъ возлагать надежды исключительно на своихъ государей. Неосмотрительныя предпріятія Іосифа могли погубить государство. Братъ его Леопольдъ, умный, твердый, даже глубокий, способенъ былъ исправить дѣла монархіи. Но Леопольдъ исчезъ со сцены въ ту минуту, когда былъ всего необходимѣе, и оставилъ престолъ молодому, неопытному сыну. Францу II потребовались годы испытаній для того, чтобы выработать ту настойчивость и постоянство, которыя были его единственною государственною добродѣлью.

Если это постоянство оказалось достаточнымъ для поддержанія австрійской монархіи среди опаснѣйшаго кризиса и позволило ей ожидать болѣе счастливыхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ искусство Меттерниха со временемъ извлекло столь значительныя преимущества, то нельзя не предположить, что сама эта монархія обладала болѣею долею жизненности и прочности, чѣмъ это привыкли ей обыкновенно приписывать. Именно то, что подвергало ее опасности при старомъ порядкѣ, спасло ее въ эпоху революціоннаго кризиса. Умственная культура въ ней находилась на весьма низкой ступени; въ ней мало цѣнилось просвѣщеніе: оно почиталось даже прямо опаснымъ. До 1764 г. иезуиты были главными руководителями умовъ. Они наполняли школы, коллежи и университеты. Они же регулировали цензуру. Преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ было небрежно, сухо, формально. Потребовался специальный указъ императрицы для того, чтобы допущенъ былъ изъ-за-границы «Духъ Законовъ» Монтескьё. Научное образованіе отсутствовало; философія была запрещена, а литература стѣснена. Духъ эмансипаціи, независимости, пылкія стремленія къ лучшему, одушевлявшія Германію, скандализировали императрицу. Впрочемъ почва была слишкомъ старательно очищена иезуитами, и зловредныя сѣмена не могли и принятися на ней. Въ 1774 г. въ Вѣнѣ попытались основать академію и пропагандировать въ ней нѣмецкую литературу; призвали даже Лессинга, но это не оказало никакого воздѣйствія на общественное мнѣніе. Австрія, въ моментъ всеобщаго увлеченія идеями, порождала однихъ музыкантовъ и стремилась лишь къ наслажденію. Послѣднее стремленіе было особенно ярко, и пресловутая «Комиссія Цѣломудрія», учрежденная императрицей, также какъ и суровость, которую проявляла Марія-Терезія, кара за безнравственность своихъ приближенныхъ, не оказали никакого сдерживающаго вліянія на распространеніе въ Вѣнѣ крайней разнузданности нравовъ. Эта столица могла назвать себя истинной обѣтованной землею веселыхъ интригъ и безпутства ²⁾.

²⁾ См. письма Маріи Терезіи къ де-Мерси въ 1772 г., по поводу кардинала де-Рогана: «Наши женщины ужасны, онѣ забыли всякую благопристойность».

Къ этому чувственному разврату не имѣлось добавленія въ видѣ интеллектуальныхъ вольностей, которыя сопровождали нравственную распущенность во Франціи, Англіи и Германіи. Вѣнцы не заботились объ утонченности своихъ удовольствій; они не имѣли ни малѣйшей претензіи возродить челоѣчество, отдаваясь волѣ своихъ прихотей. Это были веселые повѣсы, безсознательно предававшіеся разврату грубому и матеріальному. Ихъ умственная пустота и легкомысліе предохраняли ихъ отъ заразы философскихъ ученій болѣе дѣйствительно, чѣмъ какая бы то ни было суровая цензура. Іосифъ II мѣшалъ имъ веселиться своими реформами; они покорялись ему неохотно и съ нѣкотораго рода страхомъ. Французская революція привела ихъ въ ужасъ; они весьма одобряли борьбу противъ нея собственнаго правительства. Большинство, впрочемъ, ничего не понимало въ этой революціи, что однако не мѣшало ему ненавидѣть ее. Мирабо, наблюдавшій вѣнцевъ мимоходомъ въ 1786 г., писалъ по поводу Іосифа II: «Онъ идетъ противъ силы вещей; поэтому ему ничто не удастся». Тотъ же отпоръ, который встрѣтилъ Іосифъ въ дѣлахъ внутреннихъ реформъ, создалъ и непреодолимые препятствія для вліянія французской революціи. Противъ нея въ австрійскихъ владѣніяхъ было именно то, что доставляло ей успѣхъ въ другихъ странахъ—т. е. общественный импульсъ.

Национальнаго духа не было въ этой нескладной монархіи; зато не приходилось опасаться и національной революціи. Революционная пропаганда будила въ пестромъ населеніи Австріи лишь воспоминанія о былой независимости, то есть такіа традиціи, которыя ставили эти различные народы во враждебное отношеніе другъ къ другу. Идея свободы не только не объединяла ихъ, а сѣяла между ними раздоръ. Эта идея смѣнивалась ими съ идеей объ автономіи; а такъ какъ ни одинъ изъ подвластныхъ Австріи народовъ не былъ достаточно силенъ для того, чтобы добиться ея безъ посторонней помощи, такъ какъ они слишкомъ рѣзко различались по своему происхожденію и традиціямъ и не могли поэтому соединиться во имя общаго освобожденія, такъ какъ не могли въ отѣльности ограждать себя отъ иностранцевъ и все нуждались въ защитѣ, то самое столкновеніе ихъ интересовъ привязывало ихъ къ царствующему дому. Достаточно было государю явиться къ каждому изъ этихъ народовъ въ качествѣ ихъ національнаго властителя, чтобы расположить къ себѣ все сердца; такимъ образомъ онъ пользовался для поддержанія цѣлаго тѣми самыми тенденціями, которыя влекли отдѣльныя части къ отпаденію ³⁾).

И далѣе: «И это не подонки народа, а наше дворянство, которое такъ же развращено... и все это у меня передъ глазами». Аргетт, Geyffroy.

³⁾ Маблі давалъ именно такой совѣтъ Іосифу II, вскорѣ послѣ смерти Маріи-Терезіи: «Я бы приложилъ стараніе къ тому, чтобы сдѣлать своихъ

Проницательный государь, а именно такого паша Австрія въ Леопольдъ II, долженъ былъ воспользоваться распространявшимся среди народностей его имперіи свободолюбивымъ духомъ для укрѣпленія своей власти.

Эти народы понимали свободу лишь въ освѣщенныхъ ихъ исторіей формахъ: они требовали своихъ собраний, вольностей, хартій. Возвращая имъ все это, пришлось бы возстановить у нихъ вполнѣ аристократическія учрежденія, воскресить старыя традиціи, и результатомъ получилось бы не упраздненіе стараго порядка, а возобновленіе его въ первобытномъ видѣ. Въ этихъ краяхъ духъ національной независимости и политической свободы естественнымъ образомъ становился враждебнымъ ученіямъ французской революціи и благопріятствовалъ партіи, заинтересованной въ борьбѣ противъ нихъ. Вотъ почему въ народѣ, и въ особенности у крестьянъ, идея такой свободы не вызвала энтузіазма и пользовалась весьма слабымъ кредитомъ. Система, усиливаящая аристократію и предоставляющая ей правительственную власть, не могла быть популярна въ этой средѣ; они предпочитали непосредственное правленіе государя. Единственной, интересовавшей ихъ, реформы—смягченія феодальнаго строя—они ждали только отъ государства. Они находились въ томъ странномъ положеніи, что возвращеніе ихъ странъ политической свободы казалось отдаленіемъ отъ гражданской свободы. Такимъ образомъ, гражданскія реформы, совершенныя правительствомъ, обратились на пользу государства и династіи.

Династическій духъ заступалъ мѣсто національнаго, въ которомъ ощущался недостатокъ. «Все австрійскія провинціи кишатъ жителями», писалъ Бильфельдъ. «Это—неистощимый разсадникъ рекрутовъ». Народы эти воинственны и вмѣстѣ съ тѣмъ легко поддаются дисциплинѣ. Для многихъ изъ нихъ война не приноситъ даже большаго измѣненія въ привычкахъ. Торговля незначительна, промышленность слабо развита, такъ что война не причиняетъ въ Австріи тѣхъ глубокихъ пертурбацій, которыя являются ея слѣдствіемъ въ Англіи и Франціи. Казна бѣдна, дворянство богато; въ случаяхъ серьезной опасности, дворяне приходятъ на помощь государству, сознавая, что его гибель будетъ и для нихъ разореніемъ. Австрія есть скопленіе наслѣдствъ, но ея разнородная конституція позволяетъ выносить раздѣлы съ меньшимъ ущербомъ, чѣмъ другія государства, и совершать присоединенія съ большою легкостью. Все элементы пригодны для ея состава.

подданныхъ счастливыми... управляя различными народами, соперничающими другъ съ другомъ и которые не могутъ смотрѣть на Австрію, какъ на отечество, за неимѣніемъ объединяющаго интереса; я бы желалъ чтобы любовь ихъ ко мнѣ объединяла ихъ и замѣняла имъ любовь къ родинѣ, связывающую во едино волю отдѣльныхъ гражданъ» (*De la mort de l'Impératrice reine 1780. Mably*).

Единственною связью является династія, и если она порвалась въ одномъ мѣстѣ, ее можно снова связать въ другомъ; династія мѣняетъ мѣсто, но продолжаетъ существовать. Австрія жила на подобіе тѣхъ простѣйшихъ животныхъ организмовъ, которые можно рѣзать безнаказанно и которые возстаиваются изъ собственныхъ частей, потому что у нихъ нѣтъ центра, нѣтъ главнаго органа и въ сущности ихъ тѣло и не затронуто. Для этой монархіи было безразлично, какія наименованія носили фрагменты націй, входившихъ въ ее составъ, лишь бы общая сумма и общая масса оставались неизмѣнными. Это была единственная держава, основывавшаяся на чистой статистикѣ.

Наконецъ, вынужденная самыми условіями своего существованія вести только внѣшнюю политику, не имѣя внутренней политики въ собственномъ смыслѣ этого слова, Австрія хотя и лишена была той пружины, которую національная конституція давала Франціи и Англіи, за то ей не приходилось и опасаться тѣхъ кризисовъ, которые, отъ времени до времени, парализовали государственныя силы этихъ двухъ странъ. Ни одно правительство не могло сравниться съ австрійскимъ въ умѣнѣ пользоваться чужими ошибками, выжидать событій и извлекать выгоды изъ сдѣленія обстоятельствъ. Австрія жила для Европы, Европою и на счетъ Европы; неискусный политикъ могъ погубить ее, но достаточно было ловкой руки, чтобы и поднять ее. Невзгоды, постигшія ее во время правительствъ Тугута и Кобенцеля, настолько же согласуются съ логикою ея исторіи, какъ и удачі, послѣдовавшія при Меттернихъ. Изъ одной и той же причины вытекали ея затменія, заблужденія, паденія, возвышенія та неизсякаемая живучесть, которую можно назвать тайной ея исторіи.

ГЛАВА VII.

П р у с с і я.

I.

«Въ настоящее время», писалъ Мирабо въ 1786 г. ¹⁾. «Пруссія есть тотъ стержень, на которомъ держатся и война и миръ». Въ послѣдніе годы стараго порядка она занимаетъ все умы во Франціи; политика Пруссіи служитъ предметомъ страстныхъ споровъ, и все, кто стремится къ славы и завоеваніямъ, стоятъ за союзъ съ нею. Любители историческихъ параллелей сравниваютъ ее съ Македоніей ²⁾. Публицисты, проповѣдующіе необходимость реформъ, прославляютъ и ставятъ въ примѣръ эту монархію—«великій и прекрасный механизмъ, надъ которымъ въ теченіе вѣковъ трудились люди необычайныхъ дарованій». Мирабо заключилъ свой трактатъ о *Прусской монархіи* слѣдующимъ афоризмомъ: «Если Пруссія погибнетъ, искусство управленія государствами вернется къ младенческому состоянію ³⁾. А между тѣмъ эта гибель, по его мнѣнію, близка; онъ разъясняетъ ея причины и предсказываетъ: «Ни одну монархію не ожидаетъ такое быстрое паденіе. Прусская монархія конституирована такимъ образомъ, что не будетъ въ состояніи вынести никакого бѣдствія, ни даже—неизбѣжнаго съ теченіемъ времени—плохого правительства». Такое противорѣчіе встрѣчается во взглядахъ всехъ современниковъ. И прославленіе

¹⁾ *Histoire secrète*, juillet 1786.

²⁾ Mably, *Notre gloire et nos rêves*, 1778: «Смуты грековъ возвысили Македонію; наши смуты (т. е. анархія въ Европѣ) дали случай новому Филиппу выдвинуть новую могущественную державу». «Восемнадцать лѣтъ спустя, Шатобрианъ развиваетъ тотъ же тезисъ въ своемъ *Essai sur les Révolutions*, LV: «Около Фракіи находилось небольшое королевство, Македонія, судьба котораго представляетъ замѣчательное сходство съ судьбою Пруссіи... Невозможно предвидѣть, до какой степени могущества можетъ дойти Пруссія, слѣдуя своей нынѣшней системѣ. Одинъ и тотъ же духъ воодушевляетъ государей обоихъ королевствъ. Война и политика были ихъ главнымъ занятіемъ. Исторія описываетъ намъ, какъ македонскіе короли мѣняли союзниковъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, усыпляя сосѣдей договорами и тотчасъ по ихъ заключенію вторгаясь въ предѣлы этихъ государствъ».

³⁾ MIRABEAU, *Monarchie prussienne*, liv. VIII, 1788.

и критика были одинаково справедливы. Исторія эпохи французской революціи попеременно подтверждала оба воззрѣнія.

Это государство, являвшееся въ глазахъ философовъ идеаломъ «просвѣщеннаго правительства», становится яростнымъ противникомъ революціи, совершенной однако же учениками философовъ и имѣвшей цѣлью распространеніе просвѣщенія по всей Европѣ. Враждебно встрѣтивъ революцію при ея возникновеніи, оно сдѣлается пособникомъ и сообщникомъ революціи торжествующей; наиболѣе щедро надѣленное и обласканное изъ всѣхъ союзниковъ республики, оно внезапно возстанетъ противъ имперіи и будетъ ея знаменитѣйшею жертвою. Казалось, оно возвысилось съ такою быстротою лишь для того, чтобы упасть съ большимъ грохотомъ; но оно возвысится снова и еще съ большимъ блескомъ, и тѣ, кого такъ долго величали въ Парижѣ именемъ естественныхъ и необходимыхъ союзниковъ, будутъ отнынѣ считаться самыми непримиримыми врагами новой Франціи. Эти превратности прусскихъ судебъ тѣсно связаны съ судьбами французской революціи. Разъясненіе этого факта мы найдемъ въ прошломъ Пруссіи. Слѣдя за ея странными эволюціями, мы увидимъ, что это государство тѣмъ не менѣе послѣдовательно развивало въ нихъ своеобразный характеръ политики, высказывающійся съ самаго возникновенія Пруссіи.

Трудно было бы представить себѣ государственный укладъ, менѣе сходный съ тѣмъ, который мы только что изучали въ Австріи. Антагонизмъ между этими двумя государствами можно назвать прирожденнымъ. Между тѣмъ какъ въ Австріи все содѣйствуетъ образованію космополитической монархіи, главною пружиною которой является дипломатія, которая живетъ реакціями и движется воздѣйствіемъ внѣшней политики на внутреннюю, въ Пруссіи всѣ социальные и политическіе факторы клоняты къ сосредоточенію весьма компактной націи въ тѣсно сплоченное государство, которое не только не зависитъ отъ внѣшнихъ толчковъ, но напротивъ само даетъ импульсъ окружающимъ его странамъ. Домъ Гогенцоллерновъ, подобно дому Габсбурговъ, отличается честолюбіемъ, алчностью и подвижностью; но болѣе твердый въ своихъ замыслахъ и менѣе разбрасывающійся въ своихъ стремленіяхъ, онъ съ большою методичностью и настойчивостью преслѣдуетъ свои точнѣе опредѣленные цѣли. Онъ сосредоточивается по мѣрѣ того, какъ Австрія разбрасывается. И это потому, что онъ нашелъ съ самаго начала своего поприща то, въ чемъ всего болѣе нуждалась Австрія: элементъ для образованія единой націи и единого государства.

Прусская монархія образовалась въ шестнадцатомъ вѣкѣ посредствомъ сліянія маркграфства Бранденбургскаго съ Пруссіей. Между этими двумя странами находится прусская Польша; но несмотря на то, что ихъ раз-

дѣляетъ эта территорія, онѣ безъ труда сливаются подъ властью одного главы, такъ какъ ихъ связываетъ и общность происхожденія, и одинаковая историческая судьба. Это, такъ сказать, двѣ нѣмецкія колоніи среди славянскихъ земель. Въ бранденбургской маркѣ завоевываетъ и кладетъ начало государству династія Асканіевъ; въ Пруссіи это совершено было рыцарскимъ орденомъ, а именно Тевтонскимъ; но одна и та же политическая необходимость заставляетъ и эту династію и этотъ орденъ держаться одинаковыхъ способовъ дѣйствія. И тѣмъ и другимъ приходится подчинять славянъ и эксплуатировать земли, имѣющія одинаковыя свойства. Орденъ предается занятію земледѣліемъ и торговлею; династія организуетъ свое войско по образцу воинскаго ордена: съ той и другой стороны обрисовывается одинъ и тотъ же воинственный и колонизаторскій, практический и вмѣстѣ съ тѣмъ мистическій характеръ.

Они дѣйствуютъ на невоздѣланной еще почвѣ. Покоренные ими народы находятся на ступени почти варварской, не имѣютъ ни исторіи, ни традицій. Тѣ, которые не подверглись истребленію, подчиняются; они сливаются съ нѣмецкими поселенцами, навязывающими имъ свою религію и обычаи. Но и сами нѣмцы испытываютъ вліяніе окружающей ихъ среды, и изъ этой помѣси возникаетъ особая раса, значительно отличающаяся и отъ славянъ и отъ германцевъ: эта раса болѣе трудолюбива, болѣе серьезна, болѣе упорна, чѣмъ первые; она опредѣленнѣе, предпримчивѣе и гибче вторыхъ; какъ политическій элементъ, она превосходитъ и тѣхъ и другихъ, потому что инстинкты ея менѣе сложны, а интеллектъ болѣе ясенъ и способенъ къ подчиненію. Надъ этимъ плотнымъ и въ то же время податливымъ населеніемъ возвышается аристократія, цѣликомъ ведущая свое происхожденіе отъ завоевателей. Товарищи по оружію этихъ завоевателей селятся въ краѣ и становятся господами надъ остальными поселенцами. Въ Пруссіи, Тевтонскій орденъ представляетъ собою совершенную армію и заключаетъ въ себѣ всѣ кадры военнаго дворянства. Въ Бранденбургѣ дворянство исходитъ изъ войска и остается его естественнымъ главою. Крупныхъ помѣстій, леновъ, здѣсь не было: ни грессмейстеры, ни маркграфы не заботились объ ихъ созданіи. Труболюбивое, бережливое, воинственное по склонности и необходимости, это небогатое дворянство разбросано по неблагоприятной территоріи; оно не объединено, не имѣетъ традицій независимости, а потому нуждается въ поддержкѣ и защитѣ государя; оно предано и покорно служить ему и не помышляетъ объ оспариваніи у него власти, благодѣтельность которой испытываетъ больше всѣхъ. Государь можетъ полагаться на это дворянство и ему не приходится считаться съ нимъ, какъ то видимъ въ другихъ странахъ Европы. Такимъ-то образомъ и въ Пруссіи и въ Бранденбургѣ все было цѣликомъ

создано государством, и оно сдѣлалось все́мъ: въ немъ смыслъ и главная причина существованія. Церковь, сливающаяся съ государствомъ въ Пруссіи, въ Бранденбургѣ покоряется государству, потому что нуждается въ немъ. Покорность эта доведена до такой степени и смѣшеніе религіозныхъ и мірскихъ интересовъ такъ полно, что когда маркграфъ обращается въ реформатство, а грессмейстеръ, дѣлается свѣтскимъ государемъ, то ихъ примѣру слѣдуетъ духовенство, а затѣмъ и все населеніе. Оно становится лютеранскимъ, какъ ранѣе стало изъ языческаго христіанскимъ. Этимъ довершено было завоеваніе и ассимиляція. Выходя изъ католическаго міра, эти двѣ колоніи еще рѣзче подчеркиваютъ и опредѣляютъ свой особый характеръ. Когда, въ силу событій, секуляризованный грессмейстеръ, сдѣлавшись герцогомъ прусскимъ, становится одновременно и маркграфомъ бранденбургскимъ, сліяніе происходитъ само собою и между населеніемъ и между правительствами обоихъ государствъ. Все элементы прусскаго народа были уже на-лицо и все элементы прусскаго государства были готовы. Оставалось только провозгласить ихъ единство; это было совершено Гогенцоллернами. Слѣдующія традиціи маркграфовъ и Тевтонскаго ордена, монархи—помазанники Божіи, поставленные во главѣ мірскаго государства, мистическіе вожди вполне воинскаго дворянства и привыкшаго къ военной дисциплинѣ народа,—явились искусными и добросовѣтными правителями страны, наиболѣе подчиненной государственной власти и наиболѣе податливой такому подчиненію.

Исторія ихъ продолжается такъ же, какъ началась. У нихъ нѣтъ границъ: все, что лежитъ по сосѣдству, можетъ быть взято, но дѣло въ томъ, что все, что взято, трудно сохранить. Отсюда проистекаетъ вынужденное преобладаніе военнаго элемента. Но самая опасность обращается имъ на пользу, потому что они алчны и мощны: обширныя равнины, на которыхъ они поселились, открыты для вторженій, но онѣ представляютъ открытый путь и для ихъ собственныхъ завоеваній. Польша разрѣзываетъ ихъ на два куска: они не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не экспроприруютъ Польшу. Начавши съ завоеванія по необходимости, они остаются завоевателями по склонности и темпераменту. «Война», говоритъ Мирабо, «есть національная промышленность Пруссіи». «Физическій складъ этой монархіи дѣлаетъ для нея честолюбіе необходимостью», писалъ позднѣе одинъ французскій дипломатъ ⁴⁾. «Всякій предлогъ для нея пригоденъ. Ее не останавливаетъ никакой укоръ совѣсти. Ея право—выгода». Предлоги же она всегда умѣла выбирать наиболѣе широкіе, многообъясняющіе, а также и блестящіе. Ни одна династія не умѣла такъ ловко пользоваться духомъ

⁴⁾ Instruction de Talleyrand, pour le congrès de Vienne, 1814, въ сборникѣ Ангеберга: *Le Congrès de Vienne*, t. I, Paris, 1864.

вѣка. Пруссіе монархи порождены были крестовыми походами и выросли благодаря реформаци. Послѣ того, какъ они дѣлали завоеванія на пользу церкви, они стали секуляризовать эти страны въ пользу государства. Ловко пользуясь предлогами, они не менѣе быстро пользуются и удобнымъ случаемъ. Ихъ репутація въ этомъ отношеніи составлена уже въ весьма раннюю пору. «Все пойдетъ хорошо», писалъ одинъ изъ агентовъ Франциска I, «если мы будемъ въ состояніи насытить маркграфа бранденбургскаго; онъ и его братъ, майнцскій курфиретъ, съ каждымъ днемъ становятся болѣе и болѣе алчными». Съ тѣхъ поръ торгъ былъ открытъ и уже болѣе не закрывался.

Пруссіе государи, слѣдовавшіе одинъ за другимъ въ семнадцатомъ вѣкѣ, взаимно пополняли другъ друга. Фридрихъ соединилъ въ себѣ все ихъ свойства и превзошелъ ихъ: онъ завершаетъ дѣло своихъ предшественниковъ и открываетъ преемникамъ все пути къ будущему. По мнѣнію философовъ, этого государя можно назвать прусскимъ по преимуществу. Онъ получилъ отъ предковъ элементы небольшого государства и оставилъ послѣ себя кадры великой державы. Онъ взялъ у Австріи Силезію, у Польши—польскую Пруссію; онъ увеличилъ число своихъ подданныхъ съ 2 милліоновъ до 5 съ половиною. Онъ расширилъ и сосредоточилъ свою монархію. Сверхъ территорій, накопленныхъ въ восточной Европѣ, онъ владѣлъ еще и нѣкоторыми въ Остѣ-Фризѣ и Вестфаліи, на лѣвомъ берегу Рейна; онъ ожидалъ получить въ наслѣдство Ансбахъ и Байрейтъ въ центральной Германіи. То были фундаменты для новыхъ зданій, аванпосты, въ виду будущихъ пріобрѣтеній. Но Фридрихъ предоставилъ честь и случайности этихъ завоеваній своимъ преемникамъ. «Вы раздѣлите имперію съ императоромъ, по примѣру Октавія и Антонія», сказалъ ему однажды его братъ, принцъ Гейнрихъ. Безъ сомнѣнія, Фридрихъ находилъ, что императорская корона не будетъ неумѣстной на челѣ Гогенцоллерна; что Саксонія хорошо уложилась бы на картѣ его владѣній; что весьма удобно было бы присоединить къ Бранденбургу вестфальскія, т. е. прирейнскія территоріи, подобно тому, какъ присоединили Бранденбургъ къ старой Пруссіи; но онъ отвѣчалъ не безъ ироніи: «Не мнѣ придется довести до полной зрѣлости соглашеніе съ австрійскимъ домомъ!» И онъ продолжалъ борьбу съ этимъ домомъ; не будучи въ силахъ раздѣлить съ нимъ имперію, онъ сталъ защищать противъ него права этой имперіи. Такъ былъ составленъ имъ въ видѣ политическаго завѣщанія планъ *Конфедераціи государей*, замыселъ, которой былъ возобновленъ въ слѣдующемъ вѣкѣ однимъ изъ его племянниковъ и привелъ Пруссію къ вершинѣ такого успѣха, на который, какъ на слишкомъ отдаленный и недоступный, не рассчитывалъ и самъ Фридрихъ.

Онъ намѣтилъ цѣль, поставилъ вѣхи, указалъ путь и назначилъ станціи. Всѣ дальнѣйшія судьбы Пруссіи были предусмотрѣны имъ. Если онъ указывалъ на наслѣдственного врага, съ которымъ необходимо бороться и котораго слѣдуетъ экспроприировать, то указывалъ и на полезнаго союзника, традиціоннаго пособника. Успѣхи Россіи сильно озабочивали его. «Это—страшная сила», писалъ онъ брату Гейнриху, 8 марта 1769 г. «Происходя отъ гуновъ и гепидовъ, которые разрушили восточную имперію, они пожалуй примутся въ скоромъ времени и за западную... Не вижу иного средства, кромѣ образованія, со временемъ, лиги изъ самыхъ крупныхъ монарховъ для противодѣйствія этому опасному потоку». Но этой лиги, также какъ раздѣлу имперіи между Октавіемъ и Антоніемъ, не суждено было осуществиться: время для нея еще не наступило. Эта задача предстояла правнукамъ. Взоры Фридриха не проникали далѣе столѣтія; онъ находилъ это для себя достаточнымъ, и не очень многіе политическіе дѣятели сумѣли выказать такую проницательность. «Русскій потокъ», собственно говоря, казался ему опаснымъ лишь въ тѣхъ отдаленныхъ раіонахъ, гдѣ терялся среди тумановъ; но насколько глазъ могъ обнять его теченіе, Фридрихъ находилъ, что выгоднѣе канализировать его воды и эксплуатировать ихъ силу въ пользу прусской монархіи, чѣмъ разоряться на ихъ задержаніе. «Было два исхода», читаемъ въ его «Мемуарахъ»: «или остановить Россію на пути къ ея обширнымъ завоеваніямъ, или, что всего разумнѣе, попытаться извлечь изъ нея пользу». Это послѣднее и было выполнено имъ съ изумительною ловкостью во время перваго раздѣла Польши, и это было примѣромъ, оставленнымъ преемникамъ для подражанія.

Не питая ни малѣйшей симпатіи другъ къ другу и даже смутно сознавая, что ихъ судьбы приведутъ въ отдаленномъ будущемъ къ возобновленію легендарныхъ битвъ между Западомъ и Востокомъ, пруссаки и русскіе понимали, что въ настоящемъ ихъ соединяетъ общій интересъ. И тѣ и другіе желали овладѣть Польшей, а пока она еще существовала, было удобнѣе заключить союзъ для ея раздѣла, чѣмъ воевать изъ-за исключительнаго въ ней господства. Далѣе—русскіе стремились только на востокъ, а пруссаки—на западъ; первые двигались только въ сторону Турціи, а вторые—въ сторону Германіи; слѣдовательно они не препятствовали другъ другу и ихъ замыслы не находились въ противорѣчій. Наконецъ, у нихъ былъ общій соперникъ и врагъ—Австрія. Слѣпая неприязнь и невѣрный расчетъ могли конечно породить между ними временное столкновение; но сила вещей «неминуемо должна была заставить ихъ соединиться въ виду общихъ противниковъ».

Если бы опытъ Фридриха нуждался въ подтвержденіи, то онъ нашелъ

бы его въ превратностяхъ судьбы Пруссіи, пережитыхъ ею въ теченіе войнъ эпохи французской революціи. Фридрихъ умеръ 17 августа 1786 г., то есть въ тотъ моментъ, когда уже начинался во Франціи великій кризисъ, имѣвшій для его дома столь необычайныя послѣдствія.

II.

Фридриху удалось преодолѣть обѣ трудности, предстоящія завоевателю: онъ сохранилъ завоеванное и умѣлъ слить со своими наслѣдственными владѣніями присоединенныя провинціи ¹⁾. Онъ вѣрилъ въ прочность своего дѣла и хотя соглашался съ тѣмъ, что его смерть будетъ кризисомъ для прусскаго государства, «но» прибавлялъ онъ, «монархію не такъ-то легко уничтожить, а моя монархія хорошо устроена. Если даже захотятъ, такъ не сумѣютъ испортить». Въ этомъ случаѣ онъ ошибался. Онъ сознавалъ собственную цѣну и не преувеличивалъ ея; но онъ заблуждался относительно превосходства своего правительства. Онъ олицетворялъ собою Пруссію, и ни одинъ монархъ не могъ съ такою справедливостью сказать: «государство—это я». Въ этомъ сила, но въ этомъ и недостатокъ прусской монархіи. Государство—это государь; государь—великій государственннй человѣкъ. Недостатки произведенія происходятъ изъ самихъ достоинствъ создавшаго его художника. Неумолимая дѣятельность Фридриха, его самовластіе, его военныя привычки побуждали его направлять, приказывать и дѣлать все по своему усмотрѣнію. Онъ пригналъ ко всему мѣрку собственныхъ умственныхъ дарованій, а они превосходили средній уровень дарованій. Онъ управлялъ государствомъ, какъ помѣщикъ управляетъ имѣніемъ. Вся его правительственная система сводится къ слѣдующей элементарной задачѣ: эксплуатация обширнаго помѣстья умнымъ хозяиномъ.

«Фридрихъ Великій», говоритъ человѣкъ ²⁾, занимавшій второстепенную должность въ его кабинетѣ, «одинъ управлялъ всѣми колесами государственнаго механизма. Министры письменно спрашивали его приказаній, и онъ однимъ почеркомъ пера рѣшалъ какъ самыя важныя дѣла, такъ и мельчайшія подробности... Презрѣніе къ людямъ, отъ котораго онъ не могъ воздержаться... сдѣлало его совершенно равнодушнымъ къ чужимъ сужденіямъ, и никогда въ своихъ двустручныхъ приказахъ онъ не приводилъ мотивовъ. Двухъ-трехъ секретарей, посредственныхъ и работавшихъ какъ машины, было ему достаточно для такого труда». Онъ не хотѣлъ совѣто-

¹⁾ PHILIPPSON, *Geschichte des Preussischen Staatswesens*, Leipzig, 1880—1882.—TREITSCHKE, *Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert*.

²⁾ LOMBARD, *Matériaux pour servir à l'histoire des années 1805, 1806 et 1807*. Leizig, 1808.

ваться съ кѣмъ-либо, ни довѣрять кому-бы то ни было своихъ государственныхъ тайнъ. Онъ не потерпѣлъ-бы около себя даже такихъ приближенныхъ совѣтниковъ, какихъ допускалъ Людовикъ XIV. Поэтому-то онъ не образовалъ учениковъ. Среди людей, привыкшихъ молча покоряться его вліянію и переводить на общедоступный языкъ его непогрѣшимые приказы, были однако образованные, выдающіеся люди того вѣка, «просвѣщенные министры», каковы напримѣръ: Герцберги, Зедлицы, Кармеры, Струэнзе, Шуленбурги, Финкенштейны. Но обрекая ихъ на подчиненную роль, Фридрихъ лишалъ ихъ увѣренности въ своихъ силахъ и довѣрія публики. Въ тяжеломъ механизмѣ канцелярій воля уничтожалась, характеры унижались. Отъ старшаго чиновника до послѣдняго писца, всѣ способны были только къ пассивному повиновенію. Бюрократія, обволакивавшая всѣ отрасли государственнаго управленія своею запутанною сѣтью, была орудіемъ, а не учрежденіемъ. Въ энергическихъ и искусныхъ рукахъ она несла жизнь отъ центра къ окружности, но сама по себѣ она была ничто и не имѣла никакой цѣны. Она была готова съ одинаковою покорностью передавать противорѣчивыя приказанія и беспорядочные импульсы. Отсюда происходили послѣдовательность и единство въ управленіи, пока управлялъ Фридрихъ; путаница и беспорядокъ—въ случаѣ воцаренія слабаго уму и неспособнаго на обдуманныя рѣшенія короля. Фридрихъ оставилъ послѣ себя дисциплинированныхъ агентовъ, но не оставилъ ни совѣтниковъ, ни администраторовъ. Въ этой странѣ, еще не имѣвшей правительственной традиціи, послѣ него оставалась одна рутинна.

У Фридриха не было бюджета: онъ самъ былъ министромъ финансовъ и контрольной палатой. Извѣстно, до какой степени былъ онъ скупъ на расходы и какъ платилъ тѣмъ, кто работалъ для его славы. Но предположите на его мѣстѣ расточительнаго государя, окруженнаго корыстолюбивыми фаворитами, и вся система обратится въ хищеніе и разореніе. Существуютъ, дѣйствительно, сбереженія, но нѣтъ ни кредита, ни источниковъ дохода. Затраченные деньги ничѣмъ не пополняются. Фридриху пришлось дѣлать чудеса бережливости для покрытія двухъ продолжительныхъ войнъ: въ этой бѣднѣйшей изъ всѣхъ странъ въ Европѣ, въ такое время, когда задолженность тяготѣла на всѣхъ государствахъ, онъ сумѣлъ, при доходѣ, равнявшемся только 17 милліонамъ, скопить фондъ въ 60 милліоновъ и содержать армию въ 160.000 человекъ.

Эта армія была наиболѣе искусно устроеннымъ и прилаженнымъ колесомъ всего механизма; но все-таки это было лишь колесо. Вся двигательная сила заключалась въ душѣ самого короля. Онъ требовалъ слѣпонаго и механическаго повиновенія. Инициатива въ офицерѣ казалась ему почти столь же преступною, какъ отсутствіе дисциплины у солдата. Онъ требо-

валъ раболѣпнаго послушанія и ни во что не ставилъ воинскую доблесть. Цѣлая треть его арміи состояла изъ иностранцевъ, наемныхъ или наварбованныхъ солдатъ. Остальные солдаты изъ пруссаковъ были отрѣзаннымъ ломтемъ отъ своихъ единоплеменниковъ. Фридрихъ находилъ это удобнымъ, потому что война, веденная внѣ страны, не нарушала теченія государственной жизни; но если бы война оказалась неудачной, государство не въ силахъ было бы себя защищать. «Въ Пруссіи одна армія», писалъ Мирабо, «и одинъ фондъ... Уничтоженная армія ея такъ же неспособна возродиться, какъ и этотъ фондъ». Лишенная оживлявшей ее души, въ которой заключалась вся ея сила, умъ и жизнь, эта армія должна была распасться. Всѣ выучились въ ней повиноваться, никто не выучился командовать. Когда исчезъ Фридрихъ, никто уже не командовалъ, и многіе перестали повиноваться. Солдаты были слѣпыми орудіями: у нихъ не было отечества. Офицеры были космополитами. Предоставленные самимъ себѣ, они стали разсуждать о философіи и политикѣ. Они были людьми своего вѣка, и самъ король не запрещалъ имъ спорить и насмѣхаться. Когда у нихъ исчезъ глава или когда глава оказался неспособнымъ къ твердому руководству, среди нихъ обнаружилось болѣе непривычныхъ дипломатовъ, чѣмъ командировъ. Они храбро дрались, но въ то же время были преисполнены самомнѣнія, нерѣшительности и педантизма. Это нерѣдко мѣшало имъ одерживать побѣды, а въ 1806 г. было главною причиною пораженія.

Тѣмъ не менѣе въ ихъ средѣ сохранились военные нравы и привычки; армія отличалась удивительною выправкою въ мирное время и еще не разъ отличалась на поляхъ сраженій. Но у дипломатовъ не было ни идейной выдержки, ни политической нравственности. Ученики Фридриха подражали только его недостаткамъ: они были каррикатурою великаго человека. Гений Фридриха набрасывалъ покрывало на его политическія средства; исчезъ гений и остались одни эти обнаженные, то есть гнусныя средства. Чувство мѣры Фридриха, политическій здравый смыслъ, которымъ онъ обладалъ въ столь высокой степени, искупали недостатки его правилъ въ глазахъ людей, нерѣдко извиняющихъ преступленіе, но не прощающихъ ошибокъ. Тѣмъ не менѣе, и по его собственному сознанию, онъ достигалъ своихъ цѣлей исключительно путемъ «происковъ и интригъ». Интрига осталась послѣ его смерти единственной основой прусской политики. Корыстолюбіе, которое онъ удовлетворялъ въ мѣру, послѣ него разлилось во всѣ стороны и распространилось на все. Пруссіей овладѣла алчность. Она полагала, что можетъ позволить себѣ все не колеблясь, забывая, что если Фридрихъ имѣлъ успѣхъ, то только потому, что желалъ возможнаго; за неимѣніемъ совѣтливости, онъ обладалъ осторожностью. Тѣ, кто замѣнили его, опя-

ненные его удачей и кичась своим могуществом, стали удовлетворять свое необузданное честолюбие при помощи безсовѣстной дипломатіи. Даже въ лучших дѣлахъ Фридриха гнѣздилась скрытая порча и ферментъ разложения. Религіозная терпимость прусскихъ королей пользовалась большою славой: о ней можно сказать, и еще съ большимъ правомъ, то, что говорилъ Мирабо о войнѣ, когда называлъ ее прусскою національною промышленностью. Ошибка, сдѣланная Людовикомъ XIV отъѣною нантскаго эдикта, ущербъ, послѣдовавшій затѣмъ для Франціи, выгоды, извлеченныя изъ этого Пруссіей, все это служило предметомъ поученія въ Берлинѣ и ставилось государственнымъ правиломъ. Іезуиты воспользовались этимъ обстоятельствомъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ такъ же, какъ воспользовались имъ протестанты въ семнадцатомъ. Изгнанные Людовикомъ XIV протестанты дали Пруссіи инженеровъ, офицеровъ, ученыхъ и артистовъ; іезуиты, высланные Людовикомъ XV, доставили ей педагоговъ, механическій способъ преподаванія которыхъ весьма быстро приспособился къ прусской дисциплинѣ; они оказали весьма существенную помощь Фридриху въ дѣлѣ ассимиляціи присоединеннаго католическаго населенія въ Польшѣ и Силезіи.

Свобода совѣсти, которою пользовались подданные прусскаго короля и которой еще нигдѣ не существовало въ остальной Европѣ, была неоцѣнимымъ для нихъ благодѣяніемъ; но для короля это было простое орудіе, средство привлеченія поселенцевъ и слиянія воедино разноплеменнаго состава его государства. Вѣротерпимость Фридриха проистекала не изъ уваженія къ свободѣ совѣсти, не изъ любви къ свободѣ вообще, «а изъ скептицизма и нравственнаго индифферентизма. Противники ортодоксализма, писалъ одинъ французскій дипломатъ ³⁾, «полагаютъ, что каждый долженъ быть свободенъ въ своихъ вѣрованіяхъ и что добрыя дѣла и помимо вѣры ведутъ къ спасенію. Фридрихъ II покровительствовалъ имъ и никогда не позволялъ, чтобы ихъ беспокоили. Правиломъ его было, что въ дѣлѣ выбора пастыря должно сообразоваться исключительно съ желаніями паствы. Неоднократно смѣщаемы были по его приказу неортодоксальные священники, вслѣдствіе желанія прихожанъ имѣть пастырей, придерживающихся господствующей церкви. Что касается самихъ вѣроученій, то онъ былъ вполне равнодушенъ къ ихъ распространенію, лишь бы была довольна паства... Шульцъ, священникъ въ Гильдесдорфѣ, близъ Берлина, весьма любимый прихожанами, въ теченіе десяти лѣтъ проповѣдывалъ матеріализмъ». Высшее лютеранское духовенство открыто придерживалось рационализма. Въ большихъ городахъ проповѣдь сводилась къ нравственности, гуманности, чувству. Одинъ изъ высшихъ чиновниковъ консисторіи, Шпальдингъ, находилъ, что изъ религіознаго обученія долженъ быть устранивъ мистическій и

³⁾ Кюстинъ-сынъ, 1 апрѣля 1792 г.

сверхъестественный элементъ. Сущность ихъ вѣрованій сводилась къ англійскому деизму, по толкованію и въ передачѣ *Dictionnaire philosophique*: «Это—Вольтеры въ пасторскомъ платьѣ», писалъ Форстеръ о прусскихъ священникахъ. Нѣкоторые до конца подражали королю и разнообразили свои проповѣди балагурствомъ. Фридрихъ не запрещалъ этого, лишь бы только они прославляли короля и учили его подданныхъ повиновенію. Съ его стороны это была политика, но онъ присоединялъ къ ней цинизмъ безвѣрія и браваду распущенности.

Подобный низшій сортъ вѣротерпимости имѣлъ разлагающее дѣйствіе. Не вытекая изъ уваженія къ вѣрованіямъ, онъ породилъ презрѣніе къ нимъ, а такъ какъ въ этомъ новомъ еще обществѣ не существовало кромѣ религіозной узды никакой традиціи соціальной нравственности, то развращеніе сдѣлалось всеобщимъ. Скептицизмъ короля перешелъ къ подданнымъ, и они перевели его въ жизнь. Это былъ высшій тонъ, всѣ усвоивали его себѣ въ Берлинѣ и сообразовали съ нимъ свое поведеніе. Ферментъ нравственной распущенности и чувственности, которымъ пропитана была литература вѣка, безпрепятственно забродилъ въ мало-культурныхъ душахъ. Скороплодная цивилизація встревожила воображенія и чувственность, не смягчивъ грубости первобытныхъ инстинктовъ. Въ Пруссіи отсутствовали изысканность вкуса, изящныя привычки, легкое остроуміе, скрадывавшіе во Франціи развращенность той эпохи. Здѣсь эта развращенность приняла форму грубаго разврата. Чиновники, дворяне, женщины, начитавшіеся Гольбаха и Ла-Меттри, понимали ихъ ученіе въ буквальномъ смыслѣ и примѣняли его къ жизни. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ новой столицѣ искусственно созданное общество, импровизованная амальгама разнородныхъ элементовъ, было особенно склонно къ нравственной порчѣ. Берлинъ кишѣлъ безсемейными военными, у которыхъ парады отнимали конечно не цѣлый день, литераторами, авантюристами всякаго рода, привлеченными славой Фридриха, жившими происками и сдѣлками; тутъ было и небогатое дворянство, но гордое и исключительное, тяготившееся королевскою дисциплиной и скучавшее, и образованная, разбогатѣвшая, но устранившая отъ политическихъ дѣлъ, буржуазія; промежуточное пространство между этими обособленными между собою этикетомъ и предразсудками группами образовало своего рода полусвѣтъ,—гдѣ люди этихъ группъ встрѣчались, бесѣдовали и непринужденно веселились, гдѣ былъ очагъ «французскихъ идей», центръ дѣловыхъ свиданій и интригъ,—еврейское общество, самое богатое и единственно элегантное общество въ Берлинѣ. Съ изумительною, свойственною расѣ, гибкостью оно усвоило себѣ новую цивилизацію и мстило за устраниenie отъ политики, собирая въ своихъ салонахъ весь контингентъ берлинскихъ умныхъ головъ, любезныхъ женщинъ, людей, жаждавшихъ сво-

боды и лишенных предразсудков. Таковъ былъ Берлинъ во времена Фридриха. «Это одинъ изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ Европѣ», писалъ Форстеръ въ 1779 г., «но берлинцы! Общительность и любовь къ удовольствіямъ вырождаются у нихъ въ глубокую чувственность, въ свирѣпый, если можно такъ выразиться, развратъ; свобода мысли и любовь къ просвѣщенію переходятъ въ безстыдную вольность и бѣшеную распущенность ума. Женщины почти все—погибшія созданія». Это впечатлѣніе раздѣлялъ и англійскій дипломатъ Джонъ Гаррисъ, а позднѣе лордъ Мальмсбери: «Берлинъ—городъ, гдѣ, если перевести слово *fortis*—честный, нѣтъ *vir fortis nec femina casta*, то есть «ни честныхъ мужчинъ, ни цѣломудренныхъ женщинъ». Если принять во вниманіе, что у многихъ, исключая евреевъ, мало денегъ, а соблазны тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе средствъ къ ихъ удовлетворенію, то становится понятнымъ, какимъ образомъ у этихъ многихъ вслѣдствіе беспорядочности въ идеяхъ и нравственной испорченности развилась опаснѣйшая и, безъ сомнѣнія, наиболѣе отталкивающая язва—продажность. Въ своей *Histoire secrète*, Мирабо заклеилъ неизгладимыми штрихами пороки «благороднаго притона», то есть Берлина. Въ этомъ отношеніи пресловутый памфлетъ его рѣзокъ до крайности, но правдивъ. Цинизмъ обусловленъ въ немъ мѣтнымъ колоритомъ: «Порча ранѣе зрѣлости; боюсь, чтобы это не сдѣлалось девизомъ прусскаго могущества... Чего не могутъ деньги въ такомъ бѣдномъ домѣ!»

Нужна была желѣзная рука Фридриха для того, чтобы приводить въ дѣйствіе эти сложныя пружины, регулировать ходъ тяжеловѣсной машины, сдерживать искусственно собранные и готовые распасться элементы. Но рука его была тяжела и жестка. Въ высшихъ классахъ общества, которыми только и занимались въ то время и которые одни были только извѣстны,—замѣчался глухой протестъ противъ неумолимой дисциплины. Впрочемъ пруссаки питали странныя иллюзіи относительно будущаго. Фридрихъ обманулъ своихъ подданныхъ, такъ же какъ обманывалъ себя, возлагая надежду на прочность своего дѣла. Они не понимали до какой степени ихъ могущество зависѣло отъ личности короля. Гордясь до высочайшей роли, которую онъ заставилъ ихъ сыграть, они воображали, что сыграли ее самостоятельно и что геній Фридриха будетъ жить въ нихъ и послѣ его смерти. Они ждали отъ новаго царствованія той же славы извнѣ, той же безопасности внутри, того же относительнаго благоденствія, при менѣе суровомъ гнетѣ, менѣе строгой дисциплинѣ, не понимая, что эта суровость и строгость были необходимыми условіями прочности самаго дѣла, Меркантильная и покровительственная система, создавшая промышленность, акцизная система, заставлявшая деньги притекать въ государственную казну, бережливость, удерживавшая ихъ тамъ, все это мѣшало и раздражало всѣхъ,

кто желалъ торговать и трудиться, всѣхъ, кто разсуждалъ о естественныхъ условіяхъ торговли и промышленности; но эти-то условія и дозволили бѣднѣйшему изъ европейскихъ правительствъ быть вооруженнымъ лучше самыхъ богатыхъ и давать имъ отпоръ. Короче говоря, желали, чтобы ослабла пружина, но не отдавали себѣ отчета въ томъ, что ослабить пружину—значило уничтожить самое государство. Для того, чтобы преобразовать монархію Фридриха, потребовался бы не меньшій геній чѣмъ тотъ, которымъ она была создана. А между тѣмъ такое преобразование было необходимо, такъ какъ никто кромѣ самого Фридриха не въ силахъ былъ бы поддержать сложное зданіе, имъ воздвигнутое. Отсюда вытекала неизбежность грозной катастрофы. «Все будетъ идти по прежнему и почти само собою до той поры, пока внѣшняя политика останется спокойной и однообразной», писалъ Мирабо послѣ смерти короля. «Но при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ или при первомъ бурномъ событіи всѣ эти посредственности растеряются. Какъ умалются всѣ эти второстепенные министры! Какъ всѣ, отъ тюремщика до командора, въ испугѣ станутъ звать кормчаго! Но кто будетъ этимъ кормчимъ?»

III.

Призванный наследовать Фридриху, племянникъ не былъ созданъ для такой великой роли. Онъ представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ полный контрастъ съ государемъ, отъ котораго долженъ былъ принять не легкое наследство. Фридрихъ отличался не крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и воздержностью; все обаяніе его внѣшности заключалось во взглядѣ его большихъ глазъ, которые, по словамъ Мирабо, «внушали по произволу его героической души—очарованіе или ужасъ». Фридрихъ-Вильгельмъ былъ хорошъ собою, крѣпко сложенъ, сангвиникъ и съ большою охотою предавался грубымъ удовольствіямъ и физическимъ упражненіямъ, требовавшимъ мускульной силы. «У него ростъ и сила швейцарскаго солдата», писалъ о прусскомъ королѣ не особенно одобравшій Фридриха-Вильгельма французскій посланникъ д'Эстерно. «Это—громящая машина мяса», говорилъ о немъ одинъ австрійскій дипломатъ, имѣвшій случай видѣть его въ Пильницѣ въ 1791 г. «Истинный типъ короля,—по мнѣнію Меттерниха, который былъ представленъ ему въ Кобленцѣ въ 1792 г., при самомъ началѣ крестоваго похода нѣмцевъ противъ Франціи и революціи,—ростъ его можно было назвать гигантскимъ, тучность соотвѣтствовала росту. Во всѣхъ собраніяхъ онъ цѣлою головою былъ выше окружающихъ. Манеры его были благородны и привѣтливы». Онъ выражался съ нѣкоторымъ затрудненіемъ и говорилъ всегда короткими, точно рубленными фразами. Ничто не напо-

минало въ немъ великой и безопадной ироніи Фридриха II. «Взглядъ его не свидѣтельствуешь о гениальности, но на челѣ его сіяетъ нѣмецкое чистосердечіе», говоритъ одинъ изъ апологетовъ Фридриха-Вильгельма. Чистосердечіе въ этомъ случаѣ слѣдуетъ понимать не въ прямомъ смыслѣ, а какъ сочетаніе наивности съ нецѣломудріемъ, добродѣтели съ развращеннымъ воображеніемъ и сердцемъ, то есть именно такъ, какъ переводили на свои нравы Руссо нѣмцы того времени. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ восторженъ и сладострастенъ, набоженъ и распущенъ; страсти волновали его, совѣсть мучила угрызеніями. Онъ былъ суевѣренъ и развратенъ, вѣрилъ въ духовъ, имѣлъ склонность къ кабалистикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ добродѣтели и религіозности. Онъ говорилъ о религій съ уваженіемъ, со страхомъ и съ умиленіемъ. Это происходило отчасти по природной склонности, отчасти служило наслѣднику престола средствомъ отличить себя отъ царствующаго монарха и этимъ противорѣчіемъ вызвать къ себѣ симпатію. Хотя безбожіе Фридриха нашло себѣ не мало подражателей среди офранцузившихся пруссаковъ, но оно сильно скандализировало тѣхъ изъ пруссаковъ, которые остались нѣмцами и которые, несмотря на общую склонность къ развращенности, не довольствовались рѣзкимъ и жесткимъ вольномысліемъ. Для нихъ требовалось нѣчто болѣе меланхолическое, пища для мечтательности, иллюзія чувства, сладострастіе раскаянія, разгулъ, омоченный слезами. Свѣтлое, играющее вино Вольтера не удовлетворяло ихъ; ихъ тянуло къ разжиженному перебродившему меду Руссо. Въ самыхъ развлеченіяхъ они искали какого-то нѣмецкаго реванша противъ французскаго вліянія, деспотически царившаго при Фридрихѣ. Новый король испытывалъ вліяніе этихъ тенденцій и вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался ими. Онъ щеголялъ тѣмъ, что говорилъ только по-нѣмецки, ненавидѣлъ Францію, французовъ, ихъ легкомысліе, принципы, литературу, старался противодействовать ихъ вліянію и осуждалъ ихъ нравы.

Можетъ быть и онъ самъ, и окружающіе вѣрили искренности пресловутаго «нѣмецкаго чистосердечія». Но Фридрихъ II не питалъ такой иллюзіи. Вотъ какъ описываетъ онъ племянника въ 1765 г., когда послѣдній двадцати-одного года только что вступилъ въ бракъ съ Елизаветой Брауншвейгской: «Юный и безнравственный супругъ, преданный грязному разврату, ежедневно измѣнялъ женѣ. Принцесса, бывшая тогда во всемъ цвѣтѣ своей красоты, оскорблялась малымъ вниманіемъ, которое оказывалось ея прелестямъ. Весьма скоро и она предалась изниществу, ни въ чемъ не уступавшимъ распутству мужа». Они развелись въ 1769 году. Фридрихъ-Вильгельмъ женился на дармштадтской принцессѣ. Второй бракъ былъ не счастливѣе перваго. Принцъ продолжалъ вести разгульную жизнь, къ которой привыкъ. Кромѣ безчисленныхъ мимолетныхъ связей, у него

была и постоянная, такъ сказать, титулованная фаворитка. Эта особа, сумѣвшая сохранить до конца если не любовь, то милости Фридриха-Вильгельма, была дочерью мало извѣстнаго музыканта. Она вышла замужъ за камердинера короля, превратившись въ г-жу Рицъ, а затѣмъ получила титулъ графини Лихтенау. Отъ перваго брака у него была дочь, принцесса Фредерика. Посѣщая дочь, король влюбился въ одну изъ ея фрейлинь. То была дѣвица Фоссъ, изъ хорошаго дома, двоюродная сестра одного изъ министровъ, Финкенштейна; одинъ изъ ея братьевъ былъ президентомъ палаты. «Эта красавица, которая по моему мнѣнію очень дурна собою, — писалъ Мирабо, — представляетъ смѣсь жеманства и цинизма, аффектаціи и наивности... она не лишена своего рода природнаго ума, до нѣкоторой степени образована, скорѣе капризна, чѣмъ обладаетъ твердою волей, и старается маскировать свою неуклюжесть аллюрами простодушія... Единственная прелесть ея заключается въ національно-нѣмецкомъ цвѣтѣ лица, который я нахожу однако скорѣе блѣднымъ, чѣмъ бѣлымъ, и въ роскошномъ бюстѣ. Смѣсь вольнаго обращенія и выставленной напоказъ наивности и строгости весталки, какъ говорятъ, и очаровала короля».

Фридрихъ-Вильгельмъ принадлежалъ къ числу тѣхъ развратныхъ натуръ, которыя находятъ въ искусномъ сопротивленіи и особую прелесть, и облегченіе для укоровъ совѣсти. Игра дѣвицы Фоссъ тянулась два года. Перипетіи этого страннаго романа были извѣстны всему двору; онъ еще не пришелъ къ развязкѣ, когда смерть Фридриха Великаго прервала на нѣсколько недѣль его развитіе. Сдѣлавшись королемъ съ 17-го августа 1786 г., Фридрихъ-Вильгельмъ, казалось, погрузился исключительно въ государственныя дѣла. Но уже 8 сентября Мирабо констатируетъ, «что рвеніе неофита, повидимому, охлаждается». Дѣвица Фоссъ, прибавляетъ онъ, готова уступить. Чтобы имѣть возможность видаться съ нею безъ помѣхъ, король устроилъ для дочери отдѣльный домъ; хозяйкою тамъ была Фоссъ. Однако прошелъ еще годъ, и весталка не покидала своей суровости. Она любила короля, но выше всего ставила честь семьи. Къ тому же она ставила условія: морганатическій бракъ, согласіе королевы и удаленіе титулованной фаворитки, г-жи Рицъ. Король уступилъ по двумъ первымъ пунктамъ, но относительно третьяго остался непоколебимымъ. Королева дала согласіе подъ тѣмъ условіемъ, что не будетъ гласнаго развода: она желала сохранить титулъ королевы и званіе законной супруги. Ко всему остальному она была повидимому равнодушна. Оставалось только заключить бракъ, но это было дѣломъ щекотливымъ и рискованнымъ при данныхъ условіяхъ. Затрудненія разрѣшены были, однако, берлинскими казуистами и лютеранскими пѣтистами, которые оказались не менѣе изобрѣтательными и находчивыми чѣмъ берлинскіе судьи. Консисторія обсудила, поры-

лась въ архивахъ, собрала прецеденты; одинъ изъ этихъ послѣднихъ найденъ былъ рѣшающимъ.

Въ 1539 г. Филиппъ Гессенскій, не поладивъ съ женой, влюбился въ дѣвицу де-Сааль. Дѣвица требовала законнаго брака. Филиппъ, читавшій библію въ общедоступномъ переводѣ, не понималъ, почему нѣмецкій государь не могъ бы позволить себѣ то, что позволяли себѣ ветхозавѣтные патріархи. Сама церковь выказывала первоначально снисходительность въ этомъ отношеніи, и императоръ Валентиніанъ II испыталъ благодѣтельность ея терпимости. Намѣреніе лютеранскаго государя поставило протестантовъ въ большое затрудненіе. Лютеръ и Меланхтонъ, у которыхъ онъ спросилъ объ ихъ мнѣніи, сначала совѣтовали ему обуздать свои страсти, но въ концѣ концовъ рѣшили, что въ Новомъ Завѣтѣ не находится никакихъ запрещеній тому, что дозволялось въ Ветхомъ. Филиппъ женился на дѣвицѣ де-Сааль и сдѣлался двоеженцемъ, что произвело большой скандалъ какъ въ предѣлахъ реформированной церкви, такъ и за ея предѣлами, Меланхтонъ едва не умеръ отъ угрызений совѣсти; Лютеръ взялъ назадъ свое мнѣніе.

Прусская консисторія обратила вниманіе только на фактъ. Она сослалась на букву, игнорируя духъ, разрѣшила бракъ и не только не взяла назадъ своего мнѣнія, но, какъ увидимъ вскорѣ, вслѣдъ за тѣмъ впала и въ рецидивъ. Свадьба была отпразднована въ іюлѣ 1787 г. въ Шарлоттенбургской часовнѣ; дѣвица Фоссъ получила титулъ графини Ингенгеймъ. Счастье ея было непродолжительно: она умерла въ мартѣ 1789 г. «Смерть ея была оплакана всѣмъ Берлиномъ,—писалъ д'Эстерно.—Графиню Ингенгеймъ оплакиваетъ народъ, королевская семья и даже сама королева, и всѣ оплакиваютъ не столько за ея личныя заслуги, сколько изъ опасенія, что ея смерть усилитъ кредитъ бывшей фаворитки Рицъ извѣстной своею алчностью и интригами». Литература того времени умилялась по поводу королевской печали, прославляла «добродѣтель» «чувствительнаго» монарха и противопоставляла сухому скептицизму Вольтера и преступному легкомыслію французовъ нѣжныя увлеченія Фридриха-Вильгельма. «Враги женскаго пола», писалъ баронъ Тренкъ, «были всегда бичами человѣчества. У короля прусскаго великая и нѣжная душа; въ любви онъ способенъ на нѣжную привязанность: онъ умѣетъ уважать любовницу. Если предположить, что онъ дастъ ей миллионъ, это богатство распределится между членами ея семейства, которые—наши сограждане. Онъ не отниметъ у честнаго человѣка жены, составляющей его счастье, онъ не пожертвуетъ Римомъ Клеопатрѣ. Онъ желаетъ нравиться въ силу своихъ личныхъ достоинствъ». Онъ почти два года ухаживалъ за дѣвицею Фоссъ, вступилъ съ нею въ бракъ, былъ

ей вѣренъ и «плакалъ на ея могилѣ». Каждый понимающій человѣческія слабости гражданинъ долженъ желать, чтобы, въ случаѣ новаго выбора, этотъ выборъ палъ на столь же достойный его сердца предметъ. «Предоставимъ же ему пользоваться счастьемъ, которое равно доступно и простому земледѣльцу и королю!» Подобная лицемѣрная галиматья и развращенная казуистика были въ большомъ ходу въ Германіи и считались въ высшей степени бонтонными.

Развлеченіе, котораго Тренкъ желалъ опечаленной душѣ короля, не заставило себя долго ждать. Въ 1790 г., въ годовщину смерти графини Ингенгеймъ, была представлена ко двору дѣвица Денгофъ. При дворѣ весьма заботились о доставленіи утѣшенія Фридриху-Вильгельму. Выставляли даже «кандидаткой» нѣкую дѣвицу Фирекъ, подругу дѣвицы Фоссъ, замѣнившую ее въ должности фрейлины принцессы Фредерики. Къ несчастью для друзей этой дѣвицы, она была брюнетка и нисколько не напоминала покойницу. Напротивъ того, дѣвица Денгофъ—совершенная блондинка, писалъ французскій посланникъ, «такъ что, будучи хороша собой при вечернемъ освѣщеніи, она желта какъ лимонъ при дневномъ свѣтѣ». Отличаясь тѣми же прелестями, какъ и Фоссъ, она была одарена тою же склонностью къ пѣтизму и добродѣтели. Ей также необходимо было предложить законный бракъ. Король впрочемъ не видѣлъ къ тому препятствій. «Я разлученъ съ королевой, я овдовѣлъ послѣ смерти госпожи Ингенгеймъ, я предлагаю вамъ руку и сердце», писалъ онъ дѣвицѣ Денгофъ. Онъ громко заявлялъ, что у него имѣются причины отвергать королеву, но что онъ не высказываетъ ихъ, щадя достоинство престола. Консисторія на этотъ разъ не предостояло большихъ хлопотъ; прецеденты были уже установлены, оставалось имъ слѣдовать. Бракосочетаніе происходило 10 апрѣля 1790 г. Брачное благословеніе давалъ придворный проповѣдникъ Цельнеръ, вѣнчавшій и дѣвицу Фоссъ. Королева подарила невѣстѣ алмазныя серьги. Разведенная королева приняла ее, и весь дворъ привѣтствовалъ Денгофъ какъ законную супругу. Тѣмъ не менѣе и ей не удалось добиться отставки г-жи Рицъ. Эта фаворитка, получивъ 70000 экю отступного, осталась при дворѣ, взяла въ любовники офицера и даже исходатайствовала у короля повышение этому офицеру.

Такимъ образомъ, въ 1790 году, овдовѣвъ по смерти Фоссъ, у прусскаго короля оказалось три жены: принцесса Брауншвейгская, съ которой онъ развелся, принцесса дармштадтская, сохранявшая титулъ королевы, и мorganатическая супруга, дѣвица Денгофъ. Эта третья жена не будетъ послѣднею, сообщалъ одинъ дипломатъ, «потому что всѣ, кого онъ выберетъ, пожелаютъ законнаго брака». Впрочемъ король былъ не прочь жениться. Полигамія была въ его глазахъ прерогативою верховной власти.

Вслѣдствіе придворной интриги онъ разстался съ Денгофъ въ 1792 году, завершая этимъ разводомъ съ лѣвой стороны странную серію своихъ супружескихъ эволюцій. Послѣ того онъ предложилъ руку и сердце дѣвицѣ Бэтманъ, дочери банкира, съ которой онъ какъ-то познакомился во Франкфуртѣ и которая пришлась ему по вкусу. По увѣренію лорда Мальмебери, эта молодая дѣвушка—«вся огонь и чувство»; но у нея были принципы и правила: ее взяло сомнѣніе относительно доброкачественности брака и постоянства будущаго супруга. Она отказала ему, избавляя берлинскихъ казуистовъ отъ затрудненій новаго и еще болѣе скандальнаго рѣшенія. Неизвѣстно, насколько серьезно относились къ этой серіи браковъ сговорчивые богословы, воспитанные въ школѣ Вольтера и Фридриха; за предѣлами же Пруссіи они возбуждали не мало насмѣшекъ. «Толстякъ Гю», писала Екатерина, обозначавшая этимъ именемъ Фридриха-Вильгельма въ своихъ письмахъ къ Гримму, «только что женился въ третій разъ; этому гулякѣ все мало законныхъ женъ; можно про него сказать, что онъ гуляка добросовѣстный».

Фридрихъ-Вильгельмъ, несмотря однако на свое женолобіе, не подчинялся вліянію женщинъ. Но если онъ ускользалъ отъ вліянія фаворитокъ, то подпадалъ вліянію фаворитовъ, и народъ ничего не выигрывалъ вслѣдствіе этого обстоятельства. Плохо воспитанный, устранимый отъ дѣлъ дядей, не довѣряя другимъ, потому что не довѣрялъ и самому себѣ, онъ былъ совершеннымъ невѣждой въ дѣлѣ государственнаго управленія и лѣлѣялъ какіе-то неопредѣленные планы реформъ. Министры, оставленные Фридрихомъ II, стѣсняли его: онъ боялся, что станутъ говорить о преобладаніи этихъ людей и о томъ, что они руководятъ имъ; къ тому же эти министры были представителями идей и системы, по отношенію къ которымъ онъ выказывалъ неодобреніе. «Королемъ будутъ руководить именно потому, что онъ этого-то и боится», писалъ Мирабо. Страхъ предъ такимъ руководствомъ министровъ отдалъ его въ руки лицъ второстепенныхъ. Эти послѣдніе быстро приобрѣли надъ нимъ вліяніе, унижаясь передъ нимъ, успокаивая его недовѣріе и гордость, потакая его страстямъ и въ особенности эксплуатируя слабыя стороны его ума. Фридрихъ-Вильгельмъ желалъ блага государству, у него было смутное, но довольно живое чувство необходимости реагировать противъ излишествъ правленія Фридриха II; но намѣренія его путались, и стремленіе къ реформамъ, болѣе мистическимъ, чѣмъ политическимъ, имѣли источникомъ не столько понятіе о государственныхъ интересахъ, сколько вліяніе тайнаго ученія, которымъ онъ былъ проникнутъ. Онъ былъ адептомъ мистическихъ ученій и взялъ себѣ въ министры шарлатановъ. Ловкіе фокусники замѣнили въ Потсдамѣ «про-

свѣщенныхъ министровъ» Фридриха. Это одна изъ самыхъ любопытныхъ чертъ той смутной эпохи.

Мистикъ-авантюристъ Вельнеръ, вліяніе котораго было особенно пагубно для Пруссіи, былъ чистѣйшимъ интриганомъ. Сынъ деревенскаго пастора изъ Бранденбурга, онъ втерся въ семью генерала Иценплитца; обольстивъ мать, онъ женился затѣмъ на дочери. Фридрихъ II, строго относившійся къ неравнымъ бракамъ, заключилъ его въ берлинскую тюрьму. Съ этого ведетъ свое начало ненависть Вельнера къ королю-философу. Въ то время онъ былъ еще рационалистомъ и послѣдователемъ Вольфа; затѣмъ онъ сдѣлался масономъ. Но въ нѣмецкомъ большомъ свѣтѣ уже начали отворачиваться отъ чистаго деизма. Вельнеръ, бывшій всегда скептикомъ, измѣнилъ свои убѣжденія. Онъ рѣшилъ, что не хуже другихъ можетъ войти въ сношенія съ духами и заняться промышленностью таинственныхъ явленій, служа «честнымъ маклеромъ» между сильными этого міра и сильными другого, горняго, міра. Онъ присоединился къ розенкрейцерамъ и вскорѣ сдѣлался одною изъ надеждъ ордена. Такимъ-то путемъ познакомился онъ съ человекомъ, съ которымъ пришлось ему впоследствии дѣлать власть и вліяніе въ Берлинѣ. Саксонецъ Бишофвердеръ былъ также незнатнаго происхожденія. Отецъ его былъ мелкимъ дворяниномъ. Бишофвердеръ, подобно многимъ, пріѣхалъ искать службы въ Пруссію, къ наслѣдному принцу, и очаровалъ его. Онъ отличался отъ своего сотоварища Вельнера тѣмъ, что былъ искренно-суетвѣренъ, вѣрилъ въ свои панацеи и, какъ увѣряютъ, былъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, обманутъ его фантазмагоріями. Въ то время, какъ алчный, корыстолюбивый Вельнеръ искалъ только карьеры, Бишофвердеръ помогалъ не показнаго, а дѣйствительнаго вліянія на государственныхъ дѣла. Наконецъ онъ былъ искренно преданъ Фридриху-Вильгельму. У Вельнера было лицо сторожа или сыщика; Бишофвердеръ былъ придворнымъ и свѣтскимъ человекомъ, со скромными, изящными манерами, съ глубокимъ взглядомъ, таинственною улыбкой; онъ умѣлъ согласовать внѣшнее достоинство съ раболобіемъ и скрывать подъ маской скромности ненасытное честолюбіе.

Бишофвердеръ представилъ Вельнера наслѣдному принцу и при ихъ содѣйствіи Фридрихъ-Вильгельмъ былъ принятъ въ 1781 г. въ среду розенкрейцеровъ. Съ той поры афиляція къ этому ордену сдѣлалась вѣрнѣйшимъ средствомъ снискать благорасположеніе короля. Игравшій такую вліятельную роль Гаугвицъ началъ именно съ этого. Розенкрейцеры поддерживали и выдвигали другъ друга, давали совѣты, а порою и прямые приказы Фридриху-Вильгельму, выдавая ихъ за внушенія, полученные отъ являвшихся имъ и бесѣдовавшихъ съ ними духовъ. Несмотря на таин-

ственность, которою они себя окружали, тайна ихъ была извѣстна всему Берлину. Графъ д'Эстерно говорилъ въ 1790 г. о Бишофвердерѣ, какъ о вызывателѣ привидѣній, что возбуждало много толковъ. Другой саксонецъ Линденау и Вельнеръ, по его словамъ, заправляютъ департаментомъ привидѣній. По разсказамъ Бирона, они по мѣрѣ надобности пускали въ ходъ голосъ Св. Духа или Фридриха Великаго. Одинъ чревоушатель игралъ роль покойнаго короля и получалъ за это пятьсотъ червонцевъ. Бишофвердеръ дослужился до полковничьяго чина и былъ наканунѣ производства въ генералы, когда сдѣлался признаннымъ фаворитомъ. «Въ сердцѣ монарха,—писалъ Кюстинъ въ 1792 г.,—онъ занимаетъ болѣе обширное мѣсто, чѣмъ фаворитка. Онъ всегда беретъ верхъ надъ министрами. Онъ посредникъ между ними и королемъ. Вы можете быть думаете, что онъ одинъ работаетъ съ ними; нѣтъ, очень часто король самъ работаетъ съ министрами и затѣмъ докладываетъ Бишофвердеру и вмѣстѣ съ нимъ постановляетъ окончательное рѣшеніе»... Впрочемъ всѣ эти лица, близкіе къ королю, фаворитки и фавориты, розенкрейцеры и слуги, теософы и веселыя женщины, жили въ добромъ согласіи и вполне понимали другъ друга. Отъ лабораторій розенкрейцеровъ до будуара г-жи Ригъ былъ только одинъ шагъ, и всѣ эти таинственныя личности заключили тѣсный союзъ съ камердинеромъ и его женой, которая съумѣла, вопреки всѣмъ матримоніальнымъ увлеченіямъ короля, поддержать свой кредитъ тѣми способами, которые такъ долго поддерживали въ Версалѣ вліяніе госпожи Помпадуръ.

Вокругъ этого мірка толпились второстепенные интриганы, «клики», какъ называли ихъ въ Берлинѣ, готовые на всякія закулисныя дѣла при дворѣ, въ войскѣ, въ области политики, дипломатіи и въ особенности финансовъ. Нуждающіеся и корыстолюбивые, они пользовались въ Европѣ установившеюся репутацией продажности. «Несомнѣнно», писалъ д'Эстерно, «что существуетъ большое различіе между министерствомъ и близкими людьми короля прусскаго. Министры понимаютъ дѣло и имѣютъ опытность, остальные ниже всего, что только можно себя представить. Они руководятся одною страстью къ наживѣ». «Я увѣренъ», писалъ Мирабо, «что за тысячу лудировъ можно при случаѣ узнать всѣ тайны берлинскаго кабинета... Императоръ ведетъ дневникъ всѣмъ поступкамъ короля и всегда будетъ знать, что онъ замышляетъ». Это было, впрочемъ, обычное средство дипломатовъ того времени; по свидѣтельству Кюстина, въ 1792 г., въ Берлинѣ всѣ иностранные резиденты пользовались имъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо». И когда въ томъ же году захотѣли дискредитировать посланника Людовика XVI, графа Сегюра, въ глазахъ прусскаго короля, то достаточно было публично обвинить его въ намѣреніи подку-

пить фаворитку и фаворитовъ; всѣ повѣрили этому въ Берлинѣ и во всей Европѣ; король, министры, и въ особенности фавориты и фаворитки.

Такова была странная шайка, бравшая приступомъ монархію и казну Фридриха Великаго. Ей удалось овладѣть причудливымъ, суетливымъ и женолюбивымъ королемъ. Она пользовалась политическимъ вліяніемъ, потому что съумѣла подчинить себѣ болѣе благородныя склонности короля, потворствуя его низменнымъ страстямъ. Хотя Фридрихъ-Вильгельмъ и является посредственностью среди Гогенцоллерновъ, однако же ему нельзя отказать въ нѣкоторыхъ положительныхъ королевскихъ достоинствахъ. Онъ былъ храбръ, добръ или, вѣрнѣе, «чувствителенъ»; онъ желалъ общаго блага; онъ такъ же, какъ и народъ прусскій, страдалъ отъ безпощаднаго режима Фридриха II и вмѣстѣ съ этимъ народомъ желалъ преобразовать государство, смягчивъ гнетъ этого режима. Онъ вѣрилъ въ то, что призванъ свыше для возстановленія доброй нравственности и вѣры, которая, какъ ему говорили и какъ онъ убѣжденъ былъ самъ, погибала вслѣдствіе скептическаго направленія умовъ и упадка нравовъ. Но какимъ же образомъ согласовалъ онъ свои идеи со своими склонностями, свои стремленія со своими страстями, свои вѣрованія съ собственною распущенною жизнью? Именно въ этомъ познается слабый и мистическій умъ Фридриха-Вильгельма; вслѣдствіе этой-то слабости онъ примыкалъ къ таинственнымъ сектамъ вмѣсто того, чтобы подчиняться церкви; вѣрилъ видѣніямъ болѣе, чѣмъ евангелію, слушалъ чревоушателя, поддѣлывавшагося подъ голосъ Фридриха Великаго, вмѣсто того, чтобы выслушивать министровъ, учениковъ этого великаго государя; не довѣрялъ, наконецъ, разумнымъ, разсудительнымъ людямъ и довѣрялся шарлатанамъ, фаворитамъ и слугамъ.

IV.

Результаты не заставили себя ждать, и они были, поистинѣ, бѣдственны. Во внутреннихъ дѣлахъ государства, Вельнеръ, сдѣлавшійся министромъ и весьма быстро добившійся преобладающаго вліянія, предпринялъ полнѣйшую реакцію противъ системы Фридриха, притомъ съ ожесточеніемъ чисто личной мести. Эта реакція прежде всего выразилась въ свирѣпомъ преслѣдованіи свободы мысли. Въ 1788 г. издано было два указа противъ свободы совѣсти и свободы печати. Деистамъ и философамъ запрещено было отстаивать публично и излагать свои мнѣнія. Сектанство стали преслѣдовать наравнѣ съ безбожіемъ. Суровая цензура наблюдала за книгами и рѣчами. «Установлена настоящая инквизиція, доходящая до мельчайшихъ подробностей,—передавалъ Кюстинъ;—главное орудіе этого министра-богослова—полиція». Философскія сочиненія подвергнуты

были просмотру ортодоксальных священников; медицинскія сочиненія—врачей, состоящихъ на правительственной службѣ. О политическихъ вопросахъ перестали писать. Наука была задумана. Репрессія распространилась и на университеты. А для того, чтобы замаскировать ея настоящій характеръ, чтобы не вызвать слишкомъ сильнаго недовольства, этой репрессіи приданъ былъ характеръ національной нѣмецкой реакціи противъ французскаго вліянія. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ остальномъ, дѣйствовали наперекоръ политикѣ Фридриха Великаго.

Люди, очутившіеся у власти по вступленіи на престолъ Фридриха-Вильгельма, были противниками Франціи не только въ политическомъ отношеніи, но и противниками ея духу и воззрѣніямъ. Они съ гнѣвомъ и досадою выносили преобладаніе французовъ при дворѣ Фридриха II. Этотъ государь не допускалъ, чтобы благовоспитанные люди говорили не по-французски. Французы пріѣзжали въ Берлинъ учиться военному искусству и дѣлу государственнаго управленія. Публицисты, политики, военныя, желавшіе сдѣлать болѣе или менѣе блестящую карьеру, находили необходимымъ пробыть нѣкоторое время въ Берлинѣ. Въ особенности же замѣчался приливъ офицеровъ. Лозенъ, будущій генералъ Биронъ, жилъ въ Берлинѣ, оба Кюстина встрѣтились тамъ съ Мирабо въ 1786 г. Французскій посланникъ даже жаловался на излишнюю многочисленность своихъ соотечественниковъ въ прусской столицѣ. Когда ему объявили о прибытіи втораго Мирабо, Мирабо-Тонно (впослѣдствіи эмигранта), путешествовавшего въ то время по Германіи, онъ написалъ: «Довольно и перваго. Позвольте вамъ замѣтить, что большая часть пріѣзжающихъ сюда французовъ оказываютъ плохую услугу своей націи. Одни, охваченные смѣшнымъ восторгомъ, восхваляютъ Пруссію превыше небесъ и хвалятъ во всѣхъ отношеніяхъ правительство и военное устройство Франціи. Другіе держатся противоположнаго образа мыслей и притомъ съ такою горячностью, что говорятъ пруссакамъ такіа дерзости, которыя не могли бы перенести и болѣе флегматическіе характеры». Тѣмъ не менѣе эти дерзости переносились, потому что такъ приказывалъ Фридрихъ; послѣ его смерти захотѣли отомстить за нихъ, но Пруссія отъ этого не выиграла. Отъ французовъ ли исходило зло, или оно имѣло другія причины, во всякомъ случаѣ инквизиція Вельнера способствовала лишь къ его усилению. Основанная на индифферентизмѣ терпимость Фридриха, породила скептицизмъ и презрѣніе къ вѣрѣ; лицемерная нетерпимость, грубый мистицизмъ и извращавшее религію ханжество Фридриха-Вильгельма внушили къ вѣрѣ положительное отвращеніе. Нѣтъ закона, который могъ бы восторжествовать надъ правами, нѣтъ цензуры, которая могла бы перевѣсить вліяніе примѣра. Цинизмъ великаго короля умалялъ значеніе его терпимости, распушенность

его преемника парализовала самую его инквизицію. Нравы не сдѣлались чище, но развратъ надѣлъ маску. Набожность, казавшаяся только смѣшною при Фридрихѣ, показала ненавистною, когда пожелали ее навязывать. Прикидываясь набожнымъ, берлинское общество еще болѣе развратилось. Прибавимъ также, что оно перестало мыслить. Философія Фридриха могла суживать умы, но она держала ихъ по крайней мѣрѣ открытыми для точныхъ идей и ясныхъ сужденій. Суетѣрная религіозность, вошедшая въ моду при его преемникѣ, затуманила умы. Авторитетъ ослабѣлъ, престижъ королевской власти упалъ, официальное фарисейство унизило духъ.

Министры Фридриха играли при немъ второстепенную роль, но то были образованные, вѣрные и преданные люди; ихъ замѣнили креатурами фаворитовъ. Эти могли только разрушать, они были неспособны къ созиданію. Бюрократія пришла въ упадокъ; она утратила единственные хорошія качества, которыми отличалась: слѣпое уваженіе власти и дисциплину, не пріобрѣты взаимнаго духа истинной независимости. Сохранили всѣ неудобства предшествовавшаго царствованія и потеряли его преимущества: механическій порядокъ и пассивную точность исполненія. Плохо управляемые государственные доходы были расхищены. Дезорганизация, подтачивавшая государство, проникла даже въ войска. «Если когда-нибудь перестанутъ обращать заботливое вниманіе на армію, государство погибнетъ», говорилъ Фридрихъ. Теперь армію предоставили самой себѣ. Она сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ республики, гдѣ каждый тянулъ въ свою сторону, интриговалъ и фрондировалъ. Во времена великаго короля, военные разсуждали о политикѣ, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ они стали принимать активное участіе въ ней. Единство исчезло, правительство разложилось. Королемъ руководила шайка темныхъ личностей; противъ нихъ составлялись заговоры. Фавориты интриговали противъ министровъ, недовольные стали подкапываться подъ фаворитовъ.

Оппозицію составляли представители традиціи Фридриха Великаго. Такъ какъ реакція противъ его царствованія выразилась въ особенности во враждебности къ французамъ, то при новомъ королѣ оппозиція старалась показать, что стоитъ за Францію, ищетъ союза съ нею и распространяетъ французскія идеи. Это было ядро французской партіи, которая имѣла весьма мало вліянія въ первые годы царствованія Фридриха-Вильгельма, но усилилась съ 1792 г. и оказывала въ слѣдующіе годы значительное воздѣйствіе на прусскую политику.

Въ первомъ ряду этой партіи стоялъ дядя короля, братъ Фридриха II, принцъ Генрихъ, одинъ изъ героев и любимцевъ восемнадцатаго вѣка. «Доблестный воинъ, даровитый генералъ, глубокой политической умъ,

другъ справедливости, наукъ, искусствъ, покровитель слабыхъ, избавитель несчастныхъ», какъ говорить о немъ Сегюръ, принцъ Генрихъ былъ своего рода меценатомъ для французовъ въ Берлинѣ. Но въ то время онъ приносилъ имъ болѣе вреда чѣмъ пользы, такъ какъ его самого подозрѣвали во фрондерствѣ и заговорѣ. «Его галломанія оказала намъ плохую услугу», писалъ Мирабо. Знаменитый трибунъ даетъ не особенно лестный портретъ этого принца: «Онъ двоедушенъ и не умѣетъ хорошо притворяться; преисполненный идеями, умомъ, талантами, у него нѣтъ ни въ чемъ собственнаго мнѣнія. Его способы дѣйствія и средства мелки; страсти, замыслы—все мелко въ душѣ этого человѣка несмотря на обширный его умъ». Екатерина II отзывалась о принцѣ слѣдующимъ образомъ: «Это—кумушка хлопотунья и больше ничего». Онъ никогда не могъ утѣшиться, что первая роль миновала его. Чтобы хоть въ чемъ-нибудь быть первымъ, этотъ философъ не гнушался хвалиться тѣмъ, что имъ была соткана коварная основа перваго раздѣла Польши. Въ 1795 г. онъ былъ однимъ изъ главныхъ агентовъ заключенія мира между Франціей и Пруссіей и всегда оставался вѣрнымъ идеѣ союза между обоими государствами. Въ знакъ своей симпатіи онъ подарилъ въ V году Институту рукопись *Jacques le fataliste*. Въ благодарность за этотъ даръ, Директорія прислала ему почетное оружіе и переплетенные экземпляры сочиненій Дидеро. Другимъ «французомъ», стоявшимъ на виду въ Берлинѣ и пользовавшимся большою популярностью въ Парижѣ, былъ герцогъ Брауншвейгскій, котораго Мирабо называетъ Алкивиадомъ.

Въ числѣ людей, раздѣлявшихъ идеи принца Генриха и герцога Брауншвейгскаго, считался Струэнне, который, по словамъ Кюстина, «настолько сторонникъ революціи, насколько можетъ имъ быть прусскій министръ»; затѣмъ Мелендорфъ, одинъ изъ блестящихъ офицеровъ Фридриха. Всѣ эти люди, извѣстные и популярныя въ генеральныхъ штабахъ, университетахъ и въ особенности въ средѣ берлинской буржуазіи, наканунѣ революціи не имѣли никакого вліянія при прусскомъ дворѣ. Герцогъ Брауншвейгскій поднялъ свой кредитъ при этомъ дворѣ только цѣною отреченія отъ своихъ принциповъ. Остальныхъ стали выслушивать только тогда, когда несчастныя, бѣдственныя событія оправдали ихъ опасенія и критику.

V.

Какъ то предвидѣлъ Мирабо, разложеніе началось съ дипломатіи. Удививъ Европу своей смѣлостью, Фридрихъ удивилъ ее затѣмъ и умѣренностью. Въ старости онъ сдѣлался отшельникомъ и консерваторомъ. Живя въ дружбѣ съ Англіей, кокетничая съ Франціей, покровительствуя мелкимъ

германскимъ государствамъ, онъ остался союзникомъ Россіи. Австрія же боялась его. Фридрихъ-Вильгельмъ могъ мирно пользоваться своими досугами по милости своего предшественника. Но онъ жаждалъ славы, у него была армія въ сто шестьдесятъ тысячъ человѣкъ и полная казна денегъ. Онъ считалъ армію непобѣдимой, а казну—неистощимой и хотѣлъ заставить говорить о себѣ. Его министръ иностранныхъ дѣлъ, Герцбергъ, побуждалъ его къ великимъ дѣяніямъ. Когда совѣтники говорили съ нимъ въ такомъ духѣ, онъ ихъ выслушивалъ. Первымъ дебютомъ было подавленіе возмущенія въ Голландіи въ 1787 г. Франція поддерживала партію голландскихъ патриотовъ; англичане стояли за штатгальтера. Фридрихъ-Вильгельмъ увидѣлъ въ голландскихъ дѣлахъ случай унижить Францію и воспользовался имъ. Онъ послалъ въ Голландію армію, которая почти безъ сраженія обратила въ бѣгство голландскихъ патриотовъ, причемъ Франція не посмѣла этому противиться. Предпріятіе удалось противъ всякаго ожиданія. «То, чего не могли сдѣлать въ Голландіи ни Людовикъ XIV, ни Тюреннъ, Конде, Люксембургъ, Лувау и 200.000 французовъ, того не сдѣлаетъ и Пруссія подъ зоркимъ наблюденіемъ императора и при поддержкѣ Голландіи со стороны Франціи», писалъ Мирабо до экспедиціи. Голландцы покорились: пруссаки почли себя непобѣдимыми. Ихъ природное самоувѣреніе удвоилось. Не принимая въ соображеніе ни мотивовъ, заставлявшихъ Францію воздерживаться отъ вмѣшательства, ни причинъ, побуждавшихъ большинство голландскаго народа отказаться отъ сопротивленія, пруссаки приписали успѣхъ своей военной прогулки ужасу, внушаемому славою ихъ оружія. Они сочли Францію пораженною на смерть, перестали считаться съ нею и повѣрили, что ничего не можетъ быть проще и легче, какъ возстановить въ ней тронъ и подавить революцію. Страшная неудача ихъ кампаніи въ 1792 г. имѣетъ источникомъ успѣхъ экспедиціи 1787 года.

Трактаты тройнаго союза, заключенные Пруссіей съ Англіей и Голландіей, усилили ея самонадѣянность. Она выдвинулась въ первый рядъ. Герцбергу казалось, что онъ держитъ въ рукахъ всю Европу. Мы увидимъ, въ какія запутанныя приключенія онъ вовлекъ Пруссію въ ту минуту, когда, вслѣдствіе французской революціи, вспыхнула въ 1792 г. война между Франціей и Австріей. Сложныя комбинаціи Герцберга принесли Пруссіи одни разочарованія: приступая къ войнѣ противъ французской революціи, она мечтала о блестящемъ реваншѣ и крупныхъ выгодахъ. Фридрихъ-Вильгельмъ присоединился къ крестовому походу королей, онъ даже командовалъ передовымъ отрядомъ; но неожиданно измѣнивъ свою политику, онъ не могъ измѣнить своего характера и внесъ въ новое предпріятіе свою нерѣшительность, свои попятныя, играть великую роль и свои скрытыя мысли о барышахъ. Безусловное безкорыстіе могло быть единствен-

нымъ основаніемъ войны, на которую онъ рѣшался, и условіемъ ея успѣха. Война обманула всѣ его надежды, разочаровала во всѣхъ ожиданіяхъ. Ни онъ, ни его совѣтники не оказались на высотѣ положенія тѣхъ грозныхъ событій, съ которыми они стали лицомъ къ лицу. Грозный отпоръ, данный Франціей, безучастіе Россіи, отсутствіе сплоченности въ старой Европѣ вызвали въ нихъ полное смущеніе. Они напрасно искали руководства и поддержки въ самихъ себѣ; они нашли у себя одну страсть къ наживѣ и привычку къ интригамъ. Гнилое въ корнѣ предпріятіе потеряло неудачу. Колебанія дипломатіи препятствовали движенію арміи. Сложность ожидаемыхъ пріобрѣтеній вызвала противорѣчія въ мѣропріятіяхъ. Ища исключительно выгоды, они упустили ихъ повсюду. Отсюда вытекала двусмысленность обязательствъ, двоядшіе въ поступкахъ, неудача плохо задуманныхъ плановъ и отступленія, которыя справедливо сочтены были измѣной.

Такъ, обѣщавъ защищать Польшу, они кончили тѣмъ, что участвовали въ ея раздѣлѣ; они конспировали противъ Австріи и внезапно покинули ее послѣ того, какъ сами искали союза съ нею и побудили ее къ войнѣ; они первые подали сигналъ къ капитуляціи, послѣ того, какъ начали проповѣдь крестоваго похода королей; они присоединились къ расчлененію Германіи, взявшись вначалѣ за оружіе для ея защиты и сдѣлались первыми пособниками революціи послѣ того, какъ были ея первыми врагами. Они сочетали въ себѣ прусское коварство, за вычетомъ гениальности Фридриха Великаго, съ австрійскимъ лицемеріемъ, безъ доблестей Маріи-Терезіи. Вызвавъ всеобщее недовѣріе, Фридрихъ-Вильгельмъ подготовилъ изолированность Пруссіи въ Европѣ; своей внутренней политикой онъ ускорилъ упадокъ прусскаго государства.

Десять лѣтъ мира, послѣдовавшіе за заключеніемъ трактата 1795 г., только задержали на время катастрофу; но причины, дѣлавшія ее неизбежной, не переставали дѣйствовать, и онъ вполне выяснились еще въ 1792 г. «Въ военномъ мірѣ», говоритъ нѣмецкій историкъ Филиппсонъ, замѣчается произволъ, самоиѣніе, эгоизмъ, отсутствіе духа самопожертвованія и никакой преданности ни родинѣ, ни королю; въ администраціи—происки, небрежность, рутина, соперничество, неумѣлость и отсутствіе усердія; въ высшихъ классахъ общества—стремленіе къ наслажденію и отвращеніе отъ труда; духъ догматизма, рубившій съ плеча и критиковавшій все на свѣтѣ, при отсутствіи всякой мощи въ дѣлѣ мысли и воли; вотъ какова была Пруссія въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Строгая дисциплина, поставившая ее такъ высоко, исчезла и въ правительствѣ и въ народѣ. Безъ сомнѣнія, въ націи оставалось еще много силъ и великіе источники энергіи, но они оставались безплодными при существованіи правительства, составленнаго изъ

шайки безсовѣстныхъ пройдохъ, жалкихъ посредственностей и тщеславныхъ распутниковъ». Такимъ-то образомъ предъ лицомъ торжествующей Франціи очутилась Пруссія съ распатаннымъ правительствомъ, съ неурядицей внутри и съ потерявшей движеніе дипломатіей. Отъ зданія, возведеннаго Фридрихомъ II, осталась одна армія: ее уничтожилъ Наполеонъ.

VI.

Казалось, что прусское государство должно неминуемо рухнуть среди этой катастрофы и самое имя Пруссіи исчезнуть съ карты Европы. Паденіе рѣшено было уже давно; это былъ умирающій, которому всѣ политическіе доктора того вѣка вынесли безусловно смертный приговоръ и которому Наполеонъ нанесъ послѣдній ударъ. И однако Пруссія все-таки поднялась и даже возродилась послѣ страшнаго испытанія. Люди, совершившіе великое дѣло этого возрожденія, элементы, при содѣйствіи которыхъ оно могло совершиться, существовали и въ то время, когда подготавливалось паденіе, но они оставались незамѣченными. «У Пруссіи есть только одна лицевая сторона, обращенная къ Европѣ,—говорилъ аббатъ де-Прадтъ.—Этотъ фасадъ, наскоро выведенный изъ разнороднаго матеріала, покрытъ былъ трещинами еще во времена Фридриха; не трудно было предвидѣть его разрушеніе. Не замѣтили только того, что подъ этимъ непрочнымъ зданіемъ глубоко въ землѣ покоился крѣпкій фундаментъ, на которомъ, по расчету мусора искусные строители могли выстроить новое зданіе, болѣе прочное, чѣмъ первое, и матеріалы котораго были собраны вокругъ терпѣливую рукою прежнихъ государей.

Прусская нація была такъ же искусственна, какъ и прусское государство. По мѣткому выраженію одного историка, это была ловко сложенная мозаика; но мозаика была плотна и прочна, она составляла нѣчто цѣльное. Учрежденія слили воедино всѣ эти разнороднаго происхожденія населенія. Государство этой страны было и рационально и національно. Подъ бюрократическою сѣтью, подъ волнующею поверхностью и пѣною болшихъ городовъ оставалось въ провинціи множество людей, воодушевленныхъ одинаковыми стремленіями, привыкшихъ жить бокъ-о-бокъ, любить родину и обладавшихъ общественнымъ духомъ, которому еще во времена Мирабо, какъ говорили, могли бы позавидовать сами англичане. Въ Германіи этотъ духъ называли «прусской жилкой». Испорченность высшихъ классовъ была дѣйствительно велика, но она ограничивалась столицей. Мелкаго дворянства, составлявшаго самый нервъ государства, не коснулась порча. Оно было бѣдно и трудолюбиво. На него-то намекалъ Фридрихъ, когда писалъ герцогу Брауншвейгскому въ 1782 г.: «Вамъ, въ ва-

шей Нижней Саксоніи, и мнѣ, въ моей песочницѣ, намъ нечего бояться, что роскошь развратитъ чувства нашихъ согражданъ»... Дворянство это жило среди крестьянъ, принимало участіе въ мѣстномъ управленіи, его уважалъ народъ, надъ которымъ оно не только начальствовало, но которому и оказывало услуги. Населеніе отличалось первобытностью и нѣкоторою грубостью; образованіе у него стояло на довольно низкой ступени; но инвалиды унтеръ-офицеры, которыхъ Фридрихъ охотно назначалъ школьными учителями, если и не сильны были въ наукахъ, зато учили практическому патриотизму. Пруссаки привыкли уважать короля, отождествляли отечество съ королевской фамиліей и дисциплину—съ долгомъ.

Нація не распалась вслѣдствіе того, что разбилась форма, въ которую ее отлили. Навербованная изъ чужеземцевъ, армія была уничтожена, но оставался народъ, котораго можно было призвать къ оружію; сельское дворянство было вполне подготовлено къ образованію кадровъ новой арміи. Военная связь подкрѣплялась въ ней и связью феодальной и національнымъ духомъ. Бюрократія была безсильна и немошна, но въ провинціи можно было найти болѣе живую, бодрую и лучше приспособленную къ народнымъ нуждамъ администрацію. Государство разлагалось, но въ народѣ жила сила, способная создавать государства. Полагали, что Пруссія должна погибнуть вслѣдствіе искусственности и новизны своего зданія: именно это и спасло ее. Въ составъ ея вошли разнокалиберные элементы, народы разнаго происхожденія. Государство пощадило если не ихъ автономію, то, по крайней мѣрѣ, обычаи. Притягивая и поглощая, оно не уничтожило или, точнѣе говоря, не успѣло уничтожить вполне старинный обычай мѣстнаго управленія, провинціального и, въ особенности, общиннаго. Память о прошломъ, привычка, традиція сохранились. Однимъ словомъ, административная централизація не пошла далѣе поверхности, она не проникла въ глубь. Когда государство было поколеблено, не потребовалось усиливать централизація для его укрѣпленія и доводить до крайности, подъ предлогомъ преобразованія, систему, которая и вызвала необходимость реформы. Стоило только вернуться къ прошлому и, отказавшись отъ искусственной организаціи,—которая, къ тому же и рушилась,—искать средства возрожденія государства въ естественномъ развитіи національныхъ элементовъ монархіи. Вотъ причина, почему такъ различны между собою революція, совершенная во Франціи въ 1789 г., и реформа, произведенная въ Пруссіи послѣ 1807 г. Въ Пруссіи оказалось возможнымъ то, что не было осуществимо во Франціи, а именно: согласованіе съ уваженіемъ къ прошлому и сохраненіемъ устарѣлыхъ учрежденій съ столь глубокими преобразованіями, которыя были проведены Штейномъ и его сотрудниками:—постепенное упраздненіе феодальнаго строя, уравниеніе налоговъ, обязательность для всѣхъ

военной повинности, доступъ къ общественнымъ должностямъ для людей всѣхъ классовъ. Тѣ же причины объясняютъ, почему, несмотря на глубокія потрясенія, которымъ подверглась Пруссія, она не выказала никакой восприимчивости къ духу французской революціи. Эта революція исходила изъ принципа централизаціи и приводила къ системѣ государственной централизаціи, то есть именно къ тому, противъ чего протестовала страдавшая отъ такой системы Пруссія и отъ чего стремились изъавить ее реформаторы.

Прусская нація не была подготовлена къ возстаніямъ и возмущеніямъ; иностранное завоеваніе не только не вызвало революціи, но, напротивъ, породило усиленіе и пробужденіе монархическаго чувства. Въ минуту бѣдствія, нація, государство и король слились воедино; пораженіе, оживившее національный духъ, въ то же время оживило преданность къ государству и привязанность къ династіи. Пруссаковъ побѣдила французская революція вооруженная и олицетворяемая завоевателемъ; ихъ реформа имѣла цѣлью и побужденіемъ возстаніе противъ военнаго господства Франціи; она была реакціей противъ интеллектуальнаго и политическаго преобладанія французовъ. А между тѣмъ то, что было наиболѣе возвышенно и благородно въ замыслахъ прусскихъ реформаторовъ и что имъ удалось примѣнить къ своей родинѣ, составляетъ самую суть идей восемнадцатаго вѣка, очагомъ которыхъ была Франція. Штейнъ и его ученики усвоили эти идеи и примѣнили ихъ къ возрожденію прусскаго государства, подобно тому, какъ поступили ихъ предшественники шестнадцатаго вѣка съ протестантизмомъ. Оригинальность тѣхъ и другихъ заключается именно въ томъ искусствѣ, съ которымъ они умѣли примирить уваженіе къ монархическимъ традиціямъ съ великими политическими и религіозными нововведеніями. Принявъ лютеранство, гротмейстеръ Тевтонскаго ордена думалъ не столько о спасеніи душъ своихъ подданныхъ, сколько объ основаніи великой династіи; религіозная реформа доставляла къ тому случай, и онъ принялъ ее. Примѣняя къ нуждамъ Пруссіи нѣкоторыя практическія воззрѣнія французской революціи, прусскіе министры 1807 года вовсе не мечтали о созданіи идеальнаго государства или о работѣ на благо человѣчеству: они думали только о преобразованіи прусскаго государства; социальная и политическая реформа давала имъ средства къ тому, и они стали реформаторами.

Эти люди родились въ царствованіе Фридриха II; въ молодости они были свидѣтелями упадка монархіи. Катастрофа уяснила имъ причины зла ранѣе, чѣмъ они сами извѣдали его послѣдствія. Они принадлежали къ поколѣнію, которое, не испытавъ растлѣвающаго вліянія нравовъ XVIII вѣка, было однако же проникнуто его духомъ. Они достигли высокой интеллектуальной и политической культуры; бѣдствіе, постигшее ихъ родину, принудило ихъ къ здра-

ности сужденія, чувству мѣры и практическому такту. Испытаніе закалило характеры. Такимъ-то образомъ въ теченіе какихъ-нибудь двадцати лѣтъ, отъ 1786 до 1806 г. развились причины, доведшія Пруссію и до глубокаго паденія, и до блестящаго возвышенія. Ея изумительный упадокъ порожденъ былъ эпохой ея величія, а еще болѣе изумительное возрожденіе выросло изъ упадка.

Когда умеръ Фридрихъ, его племяннику и наслѣднику было сорокъ-два года, а внучатному племяннику, который долженъ былъ въ свою очередь наслѣдовать—шестнадцать лѣтъ. Фридрихъ-Вильгельмъ II довелъ Пруссію почти до полной гибели, Фридрихъ-Вильгельмъ III укрѣпилъ и преобразовалъ ее. Первый соединялъ въ своей личности всѣ причины разоренія, второй носилъ въ себѣ элементы возстановленія. Мирабо, обладавшій революціоннымъ чутьемъ и гениальною проницательностью въ государственныхъ вещахъ, основательнѣе чѣмъ кто-либо сумѣлъ различить то, что было прочнаго и что было слабаго въ созданіи Фридриха. Онъ предрекъ крушеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предчувствовалъ и возрожденіе Пруссіи. «Быть можетъ,—писалъ онъ послѣ встрѣчи съ наслѣднымъ принцемъ, которому предстояло царствовать подъ именемъ Фридриха-Вильгельма III ¹⁾»,—быть можетъ, этому юношѣ предстоитъ великая будущность, и если со временемъ онъ сдѣлается центромъ какого-нибудь достопамятнаго переворота, это не удивитъ людей дальновидныхъ.

¹⁾ *Histoire secrète*, 30 décembre, 1786.

ГЛАВА VIII.

Россія, Швеція, Польша и восточныя дѣла.

I.

Турція, Польша и Швеція занимали значительное мѣсто въ системѣ Франціи стараго порядка. Онѣ были своего рода противовѣсомъ на европейской окраинѣ и доставляли возможность облегчать центръ. Онѣ же служили орудіями и театромъ крупныхъ диверсій. Ту же роль продолжали онѣ играть и во время революціонныхъ французскихъ войнъ и диверсій, ими навлеченныя, оказали рѣшающее вліяніе на судьбы Франціи. Именно на сѣверѣ и на востокѣ Европы начался кризисъ, который отъ 1789 до 1795 года возстановлялъ другъ противъ друга великія европейскія державы, обнаружилъ антагонизмъ ихъ притязаній, вызвалъ проявленіе ихъ соперничества, обличилъ несостоятельность ихъ публичнаго права, отвлекалъ до самаго конца 1791 г. ихъ вниманіе отъ французскихъ дѣлъ, долгое время задерживалъ ихъ коалицію, парализовалъ ее немедленно послѣ ея образованія и кончилъ тѣмъ, что разрушилъ ее.

Въ то самое время, какъ на западѣ совершалась политическая и социальная революція, территоріальный переворотъ готовился на востокѣ. Эти двѣ революціи не имѣютъ другъ къ другу никакого отношенія: онѣ исходятъ изъ совершенно различныхъ причинъ и ведутъ къ самымъ разнообразнымъ результатамъ; но онѣ возникли одновременно и развивались параллельно. Однѣ и тѣ же державы заинтересованы и въ той и въ другой, а поэтому одна изъ этихъ революцій реагировала на другую. Въ ту минуту, когда Франція находилась въ самомъ критическомъ положеніи и когда Европа готова была задушить ее, внезапно отливаютъ военныя силы по направленію къ польскимъ равнинамъ, и облегченная Франція получаетъ возможность вздохнуть свободнѣе. Это было нѣкоторымъ образомъ механическое дѣйствіе, но Франція извлекла изъ этого отвлеченія соковъ громадныхъ для себя преимуществъ. Въ этой, такъ сказать, европейской контръ-революціи Швеція играла лишь эпизодическую роль, Турція доставляла одни поводы, такъ же какъ и Польша, которая, тѣмъ не менѣе, изнемогла въ этой борьбѣ. Россія руководила всѣмъ, и потому-то эта держава, войска которой приняли участіе въ войнѣ противъ Франціи не раньше какъ въ 1799 г., тѣсно связана со всею исторіей французской рево-

люции. Ея хотя и косвенное вмѣшательство является господствующимъ при нѣкоторыхъ изъ наиболѣе важныхъ событій. Заканчивая нашъ эпизодъ о Европѣ до 1789 г., мы должны, для окончательнаго уясненія европейскихъ дѣлъ, осмотрѣть это обширное сѣверное и восточное поле сраженія, указать, по крайней мѣрѣ, на главныя позиціи и свойства мѣстностей.

Начало политической роли Россіи и ея поступательнаго движенія къ центру Европы совпадаютъ по времени съ упадкомъ Турціи и ея отступленіемъ въ сторону Азіи. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, если судить по вѣшности, эти оба государства представляютъ нѣкоторую аналогію. Вольтеръ находилъ, что русскіе стрѣльцы «напоминаютъ янычаръ, такъ какъ, подобно этимъ послѣднимъ, совершаютъ иногда дворцовые перевороты и потрясаютъ государство почти всегда въ той же мѣрѣ, какъ и поддерживаютъ его» ¹⁾. Но въ Турціи безпрестанные дворцовые перевороты, шаткость власти, распущенность политическихъ и частныхъ нравовъ при тиранической и въ то же время слабой власти, все это составляетъ какъ бы норму, и дальнѣйшаго развитія не предвидится; между тѣмъ какъ въ Россіи тѣ же явленія указываютъ лишь на смутное броженіе среди великой націи, которая конституируется и пытается пробить себѣ болѣе широкій путь.

Турецкой націи собственно и не существуетъ, а есть только завоеватели, стоящіе лагеремъ среди враждебнаго населенія; турки составляютъ не государство, а армію, пригодную лишь для завоеваній и склонную къ распаденію, какъ только она вынуждена остановиться. Европейская цивилизація имъ недоступна, потому что они не могутъ вводить у себя реформъ, не порывая съ своими традиціями, то есть не уничтожая главной пружины своего могущества. Религія роетъ между ними и покоренными народами непреходимую пропасть: они умѣютъ царить только силою, а сила идетъ на убыль. Напротивъ того, въ Россіи населеніе связано наиболѣе сильными изъ первобытныхъ узъ: узами одинаковыхъ религіозныхъ вѣрованій ²⁾. Эти вѣрованія сближаютъ Россію съ староевропейскимъ міромъ и открываютъ доступъ къ его цивилизаціи. Русскіе такъ же склонны воспринимать эту цивилизацію, какъ турки неспособны иначе относиться къ ней, какъ враждебно и отрицательно. Турки утвердились на развалинахъ, и почва вокругъ нихъ остается бесплодною; русскіе разселяются на обширныхъ еще дѣвственныхъ равнинахъ, ожидающихъ воздѣлыванія. Время, все иссушающее въ Турціи, работаетъ надъ оживленіемъ всего въ

¹⁾ *Histoire de la Russie*, ch. II.

²⁾ См. А. LEROY-BEAULIEU, *L'Empire des tsars et les russes*, t. I, liv. II, III, IV.

Россіи. Между этими двумя странами все содѣйствуетъ развитію антагонизма и ненависти. Русскіе получили свою вѣру изъ Византіи, это ихъ метрополія, а турки оскверняютъ ее своимъ присутствіемъ. Турки угнетаютъ ихъ единовѣрцевъ, и каждый русскій считаетъ дѣломъ вѣры и благочестія избавленіе братьевъ по вѣрѣ. Въ этомъ случаѣ народныя чувства вполне совпадаютъ съ внушеніями политическаго расчета: русскіе государи тяготеютъ вообще къ Черному морю, Дунаю и Константинополю: освободить и завоевать становятся для нихъ синонимомъ.

Существенныя черты русской политики особенно ярко проявлялись по отношенію къ Турціи, но мы ихъ встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ и узнаемъ во всѣхъ направленіяхъ, по которымъ двигалась Россія. Вообще, русская политика отличалась обширностью и вмѣстѣ съ тѣмъ несложностью своихъ задачъ. Россія не могла расти и развиваться, не открывая себѣ путей для торговли и доступа къ цивилизаціи. Путь для торговли это значило—Балтійское море, а его запирали шведы; путь къ цивилизаціи, это была старая Европа, а Польша стояла поперекъ дороги. Отсюда вытекалъ коренной антагонизмъ между русскими, поляками и шведами, такъ же какъ между русскими и турками.

Швеція обращала на себя не малое вниманіе Европы въ семнадцатомъ вѣкѣ и въ первые годы восемнадцатаго, но затѣмъ роль ея стала только эпизодическою. Первый изъ ея воиновъ, Густавъ-Адольфъ оставался лишь знаменитымъ пособникомъ; второй—Карлъ XII—королемъ-авантюристомъ. Онъ потерялъ Балтійскія провинціи, отдалъ сѣверную монархію въ руки Россіи и оставилъ Швецію истощенною, утратившею мужество и внутренне-разъединенною. Роль ея была сыграна. Шведы много терпѣли отъ прихотей своихъ государей: они стали искать оплота въ своихъ старыхъ вольностяхъ; но отъ этихъ вольностей оставались однѣ формы. Онѣ принадлежали средневѣковой и соответствовали суровымъ и простымъ нравамъ. Шведы внесли въ нихъ мятежный духъ восемнадцатаго вѣка и всѣ интриганскія привычки, проникшія подъ покровомъ деспотизма. Этотъ мнимый возвратъ къ свободѣ былъ только впаденіемъ въ анархію. Партіи лишены были почвы въ странѣ; онѣ искали вѣшней поддержки. Продажность испортила учрежденія, и нація казалась открытою для чужеземнаго вмѣшательства. Однако, не будучи повидимому способными къ самостоятельному управленію, шведы сохранили способность къ дисциплинѣ. Раздоры хотя и отличались яростью, но они не могли заглушить патріотическое чувство. Шведы сознавали опасность, которую могло навлечь на нихъ разъединеніе. Наконецъ они не утратили склонности къ войнѣ: блестящіе военныя экспедиціи могли отвлечь ихъ отъ внутреннихъ распрій. Это-то и объясняетъ успѣшность государственнаго переворота, совершеннаго Густавомъ III

въ 1772 г., который и спасъ независимость Швеціи. Философы рукоплескали: Густавъ былъ изъ ученикомъ; онъ любилъ «просвѣщеніе», онъ «ниспровергалъ алтари фанатизма»; онъ пользовался присвоенною себѣ верховною властью для искорененія злоупотребленій³⁾. Но эти мирные успѣхи не удовлетворяли Густава: ему было двадцать шесть лѣтъ, онъ былъ безстрашенъ, любилъ славу и горѣлъ нетерпѣніемъ удивить міръ и заставить прогремѣть свое имя въ пресловутыхъ парижскихъ салонахъ, которые посѣщалъ и которые и вблизи и издалека оказывали на него чарующее вліяніе. Къ тому же его одолевала скука; характеръ у него былъ беспокойный и среди внушеній пустого тщеславія являлись проблески рыцарскаго воображенія⁴⁾. Это рыцарство и исканіе крестоваго похода уживалось въ немъ съ политикой, философіей и рабочимъ предъ общественнымъ мнѣніемъ. Образъ Густава-Адольфа по временамъ какъ бы овладѣвалъ его воображеніемъ. Но ему недоставало и ресурсовъ и интересовъ. Единственнымъ интересомъ Швеціи была самозащита, а ресурсы приходилось занимать, и она не могла вооружаться, не прибѣгая къ субвенціямъ. Вынужденная сражаться ради чужихъ дѣлъ, она играла въ крупныхъ предпріятіяхъ роль помощницы. Ея экспедиціи, даже наиболѣе народныя, должны были быстро оканчиваться и имѣть счастливый исходъ. Король, отправляясь воевать, всегда могъ опасаться проскоковъ партій, и непріятель слишкомъ легко могъ найти союзниковъ въ средѣ его подданныхъ. Тѣмъ не менѣе Швеція существовала, она казалась даже поднимающейся; для нея было много уже и того, что она была слаба только для наступательнаго образа дѣйствій и что чувствовала себя связанной только по отношенію къ безразсуднымъ предпріятіямъ. Къ несчастію этого нельзя было сказать о Польшѣ.

Польша была, такъ сказать, разсыяна по обширнымъ равнинамъ; она являла собою большое государственное тѣло, занимавшее громадное пространство, но не имѣвшее точно-опредѣленныхъ границъ. Государство ея было непрочно, народъ разъединенъ, территоріи—открыты для враговъ. Уцѣлѣвшія учрежденія способствовали только ослабленію государства, а національныя традиціи—разъединенію націи. Устройство Польши совмѣ-

³⁾ Geffroy, *Gustave III*, t. I, ch. III; *le Coup d'Etat, Gustave et la société française*.

⁴⁾ «Ему недоставало сердца,—говорилъ одинъ изъ его приближенныхъ, Ферзенъ, отецъ Аксея Ферзена, такъ тѣсно связаннаго съ французскимъ дворомъ во время революціи.—Это было беспокойное и скучающее существо, подвижное и непостоянное; онъ только и мечталъ, что о переменахъ; вообще его ничто не интересовало кромѣ того, что можетъ польстить его тщеславію и поднять престижъ его короны». LÉONZON-LEDUC, *Correspondance du baron de Staël*, Paris 1881.

щало въ себѣ недостатки самаго противоположнаго свойства. Польская аристократія существовала и заправляла дѣлами, но, по выраженію Монтескье, «это была наименѣ совершенная изъ всѣхъ аристократій», такъ какъ народъ оставался въ рабствѣ у дворянства. По своему складу, Польша была республикой, но самой анархической и въ то же время наименѣ свободной: законы ея клонили къ независимости отдѣльных лицъ и къ утѣсненію всѣхъ⁵⁾. Сто тысячъ дворянъ управляли Польшею по своему произволу: они уже забыли о тѣхъ временахъ, когда начали царствовать въ ней ихъ предки⁶⁾. Нѣсколько болѣе вліятельныхъ и болѣе богатыхъ семействъ подчинили себѣ остальные. Крестьянское населеніе находилось въ крѣпостномъ состояніи; промежуточнаго класса, буржуазіи, собственно не было въ Польшѣ, такъ какъ этимъ именемъ нельзя было назвать ненавидимыхъ и устранимыхъ отъ всякаго вліянія нѣмецкихъ поселенцевъ и евреевъ, безправное положеніе которыхъ сходствовало съ ихъ положеніемъ во Франціи времени Филиппа Красиваго. Иноплеменные скучивались въ городахъ, но не были объединены и оставались изолированными въ этой дворянской республикѣ, на подобіе «капель масла на поверхности пруда»⁷⁾.

Такимъ образомъ нація сводилась къ арміи дворянъ, жившихъ какъ въ завоеванной странѣ и безнаказанно дававшихъ волю всѣмъ своимъ страстямъ. Эти дворяне любили праздновать и наслаждаться: для покрытия расходовъ они разоряли крестьянина и собственныя имѣнія. Государство принадлежало имъ, и они дѣлили между собою доходы. Король существовалъ только по имени: дворяне избирали его, и еще до выборовъ налагали на него обязательство (*Pacta conventa*), равнявшееся заблаговременному отреченію отъ власти, внѣшніе признаки которой онъ имѣлъ получить. Когда король былъ избранъ, дворянство держало его въ зависимости, при помощи сейма, помимо котораго онъ ничего не могъ предпринимать и на которомъ значеніе его было ничтожно. Представители сейма соперничали между собою и относились другъ къ другу съ такою же враждебностью, какую проявляли по отношенію къ королю. Власть принадлежала всѣмъ; каждый имѣлъ возможность парализовать ея дѣйствіе. Такъ какъ для рѣшѣній требовалось единогласіе, то *liberum veto* отдавало судьбу республики на произволъ каприза всякаго сумасброда или злодѣя. Анархія, вслѣдствіе такой конституціи государства, была его нормой, и

⁵⁾ *Esprit des lois*, liv. II, ch. III.

⁶⁾ RULHIÈRE, *Histoire de l'anarchie de Pologne*, t. I, Paris, 1807.—FERRAND, *Histoire des trois démembrements de la Pologne*, t. I, Paris, 1820. Introduction. HERRMANN, *Geschichte des russischen Staates*, t. VI, ch. III.

⁷⁾ ANATOLE LEROY BEAULIEU, *L'Empire des tsars et les russes*, t. I, p. 289.

единственнымъ средствомъ избавленія отъ нея была гражданская война, то есть леченіе, бывшее еще опаснѣе самой болѣзни. Составлять государство въ государствахъ, приостанавливать дѣйствіе законовъ, навязывать силою произволъ партіи, однимъ словомъ, дѣлать то, что въ другихъ странахъ называлось мятежомъ, считалось въ Польшѣ лишь пользованіемъ публичнымъ правомъ. Это называлось составлять *конфедерацию*, и это было единственнымъ способомъ ограниченія анархіи. Инсurreкція была необходимымъ дополненіемъ основныхъ постановленій этого государства. Что же касается до темной народной массы, то она была раздавлена гнетомъ и заглублена въ невѣжество и нужду. «Ваши крестьяне,—писалъ Мабли полякамъ,—обречены на самое жестокое рабство. Господа заботятся о нихъ менѣе, чѣмъ о своихъ лошадяхъ»^{*)}. Пренебреженіе къ нимъ со стороны господъ вызвало и съ ихъ стороны полное равнодушіе къ судьбѣ этихъ господъ. Правительство было имъ чуждо. Они не признавали себя гражданами; ихъ отвергали и ставили внѣ націи. Къ переменамъ въ правительствѣ они относились безразлично, если власть сохраняла прежній характеръ; они радовались переменѣ, если она смягчала ихъ участь. Они пробуждались изъ своего оцѣпененія лишь для того, чтобы предаваться самому слѣпому фанатизму, и первый взрывъ ихъ бѣшенства обращался на господъ. Вооружая ихъ для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, подвергались всегда внутреннимъ бунтамъ.

Въ Европѣ восемнадцатаго вѣка Польша была анахронизмомъ. Въ то время, какъ она, въ силу самаго устройства и положенія своего, открыта была кознямъ и вторженіямъ своихъ сосѣдей, сосѣди эти сосредоточивались въ своей власти. Они предпринимали осаду этого средневѣковаго государства, вооруженные всѣми ресурсами знанія и мощной организациіи государствъ новѣйшаго времени. Артиллеріи и инженерному искусству непріятеля Польша могла противопоставить только устарѣлый способъ обороны: полуразрушенныя укрѣпленія, толпу героическихъ, но не дисциплинированныхъ паладиновъ, а за ними, въ городахъ, переполненныхъ заговорами и мятежными партіями,—испуганныхъ горожанъ и полудикое, голодное и жаждущее рѣзни и грабежа населеніе.

Пруссія, Австрія и Россія раздѣлили Польшу въ 1772 г. Швеція приняла къ свѣдѣнію этотъ примѣръ; въ свою очередь и Польша была, по видимому, поражена примѣромъ шведскихъ преобразованій. Всѣ истинно преданные родинѣ поляки поняли, что спасти Польшу можно только путемъ великихъ преобразованій. Необходимо было упразднить это разъединяющее націю *liberum veto*, эти капитуляціи, эти *pacta conventa*, свя-

^{*)} *Du gouvernement et des lois de le Pologne*, 1781.—SÉGUR *Mémoires*, t. II, p. 233. RAMBAUD, *Histoire de Russie*, p. 478.—PHILIPPSON.—SYBEL.

зававшія власть, и эти *конфедерации*, раздиравшія государство. Надо было регулировать налоги, пополнять казну, вмѣсто того чтобы расхищать ее, замѣнить нестройныя полчища регулярными войсками и артиллеріей, предъ которыми польское войско играло такую же роль, какъ англійскіе стрѣлки предъ лицомъ французскихъ рыцарей при Креси и Азенкурфъ. Наконецъ необходимо было пробудить къ гражданской жизни и заинтересовать въ судьбѣ родины эту исключенную изъ гражданскихъ правъ массу населенія, дать ей права, если хотѣли призывать ее на защиту государства. Таковы были планы, волновавшіе польскихъ патриотовъ въ то время, когда собрался въ Варшавѣ знаменитый сеймъ 1788 г., который казался призваннымъ къ возрожденію республики, и который вмѣсто того довершилъ ея порабощеніе.

Поляки глубоко чувствовали подтачивавшее ихъ зло, горячо любили родину, вѣрили въ ея будущее, обладали традиціей энтузіазма и самоотверженія, безкорыстія и приверженности къ благороднымъ предпріятіямъ. Вотъ почему исторія не можетъ не сочувствовать ихъ бѣдствіямъ. Къ сожалѣнію и къ несчастью Польши, каждый изъ ея сыновъ служилъ исключительно своей партіи. Каждая партія считала себя всемъ; ни одна изъ нихъ не стѣснялась призывать на помощь иностранцевъ, и всѣ смотрѣли на соперническія партіи, какъ на враговъ. Иностранныя державы пользовались внутренними распрями поляковъ. Можно сказать, что въ Польшѣ у всѣхъ была партія, за исключеніемъ самой республики, не имѣвшей никакой опоры, и что поляки надѣялись на всѣхъ, кромѣ себя самихъ. У государства этого не было, такъ сказать, души. Король Станиславъ Понятовскій не обладалъ ни твердостью воли, ни истинною преданностью интересамъ своей страны. Къ тому же, при анархическомъ состояніи Польши, попытки преобразованій давали поводъ къ новымъ раздорамъ. Опасность только усиливала разъединеніе: каждый сваливалъ отвѣтственность за нее на противниковъ, и самый патриотизмъ становился партійнымъ дѣломъ. Мы увидимъ, какъ вопреки великодушнымъ рѣшеніямъ, внутреннимъ полякамъ принципами и примѣромъ Франціи, революція французская лишь усилила свою пропагандою раздоры польскихъ партій; въ той мѣрѣ, въ какой она проникла въ народъ, пропаганда усилила его ненависть къ господамъ. Все въ Польшѣ содѣйствовало распространенію анархіи и все способствовало паденію республики, и въ то же время все клонило къ укрѣпленію и возвышенію Россіи.

II.

Революціонная пропаганда не могла коснуться Россіи и подвергнуть ее серьезной опасности. Не одно разстояніе спасало ее, но и самый характеръ

цивилизации этой империи. В ней не было почвы ни для политической, ни для гражданской свободы. В России отсутствовали все три наиболее существенные элементы французской революции: привилегированное и безсильное дворянство, честолюбивая и влиятельная буржуазия, крестьяне-собственники ¹⁾. Революция 1789 года была, прежде всего, переворотом в организации собственности; она имела точкой отправления начало личной собственности. Русские крестьяне не имели даже понятия о собственности, а следовательно от них ускользал весь смысл революции. Собственником в России был только дворянин, но русский дворянин не имел ничего общего с западным. Ничего феодального мы не замечаем у русского дворянства; это была просто иерархия, созданная исключительно царями и открытая для всех повышающихся в чин должностных лиц государства. Это дворянство было создано с целью поглощения и уничтожения того, что оставалось в стране от древней аристократии. Новое дворянство не давало никаких политических прав. Оно не составляло корпорации. Города, несравненно более редкие и менее населенные, чем во Франции, заключали купцов, ремесленников и в особенности чиновников; но они не имели никакого элемента буржуазии в европейском смысле этого слова. То были люди, вполне подчиненные государству, весьма мало доступные западным идеям и скорее склонные давать им отпор.

Правда, позднее, около 1789 г. образовалась группа «патриотов», мечтавших о «просвещенном правительстве», обсуждавших и прославлявших гуманитарные преобразования; но эти люди не выражали своих воззрений в поступках, не имели влияния на правительственные дела и добились такого влияния только в царствование Александра I. Весьма мало демократичные и весьма исключительные в своем национализме, они стали восхищаться французской революцией только после 18-го брюмера, в *Code Civil* и в деспотической форме консульства Наполеона. Тогда они вдохновлялись ею лишь в видах укрепления власти посредством преобразования государства.

Большинство русских современников французской революции видело во французских событиях от 1789 до 1799 г. лишь ряд сатурналий, нелепых или гнусных. За исключением побед, кажущихся им необъяснимыми, Франция являлась в их глазах второю Польшею, то есть самым жалким государством на свете. Такого взгляда держалось просвещенное русское дворянство, читавшее однако произведений французских философов. На первый взгляд это возбуждает удивление. Но сле-

¹⁾ ANATOLE LEROY BEAULIEU, *l'Empire des tsars et les russes*, t. I, l. V: *la Hiérarchie sociale*, liv. VI: *la Noblesse et le Tchine*.

дует принять во внимание, что образование этих русских дворян было крайне поверхностно. Они скорее повторяли заученные французские фразы, чем говорили по-французски. В сущности, они оставались весьма близкими к варварскому состоянию, неустойчивыми и глубоко-презиравшими все иностранное, касавшееся их лишь издали и косвенным образом. «Вы постоянны только в вашем непостоянстве», говорил им Жозеф де-Местр. Мода на философов прошла, и ее легко и непосредственно заменила мода на эмигрантов. В до-революционной Франции правилось им преимущественно старо-французское общество, с его вольномыслием, утонченной цивилизацией, рыцарством чувств и стремлений; в 1793 г. им показалось, что герцог Ришелье—более достойный представитель Франции, чем Робеспьер. Собственно говоря, поворота в мнениях не было. Говорили по-французски и щеголяли философией лишь для того, чтобы отличить себя от других, из кастового чувства, из стремления к изысканности; как только философия стала революционной, демократической, а Франция стала означать французский народ, русские аристократы с одинаковою ненавистью и высокомерием осудили философию, революцию и Францию. Масса же русского народа осталась при своем полном равнодушии. Русские государи нередко встречали затруднения, когда желали привить своему народу западную цивилизацию; но в деле отпора революционной пропаганды русское правительство не встретило никаких препятствий. Самую крепкую связь в России той эпохи были религиозные вброды; самую страстную идею—расширение пределов империи, а следовательно и распространение этих вбродов. Русские развивают параллельно с Францией весьма различное, но не менее грозное могущество. Несмотря на новейшее вооружение, русское войско имело еще весьма примитивное устройство. Со своим обширным обозом, множеством отстающих солдат, опустошениями, его сопровождающими, оно двигалось на подобие древних азиатских полчищ. Но натура солдата была превосходна; изумительная выносливость, покорность судьбе восполняли недостаток в образованных офицерах. Генерал, умевший затронуть чувства таких людей, причудливый и фанатический Суворов, например, мог повести их на край света. Русские войска выступили на сцену только в 1799 г. и уже с первого столкновения французы могли убедиться, как опасна была эта сила.

Русские государи стремились лишь к полезным завоеваниям; они предпринимали только популярные войны; они составляли, в интересах государства, только такие планы, которые могли быть поддержаны национальным чувством. Их политика, внушаемая природою вещей, проста и ясна: именно это и объясняет ее неизменность, вопреки переменам царствований и вопреки резким различиям в индивидуальности госуда-

рей, наслѣдовавшихъ престолъ послѣ Петра Великаго. Традиція этой политики не поколебалась среди самыхъ критическихъ для страны обстоятельствъ. Движимые однимъ и тѣмъ же чувствомъ, русскіе государи стремились къ Черному и Балтійскому морямъ, а затѣмъ—къ центру Европы. Всѣ имѣли намѣреніе расширить предѣлы свои въ сторону Турціи, Швеціи и Польши. Когда Екатерина II вступила на престолъ, пути были уже намѣчены. Екатерина приводила въ исполненіе традиціонные планы русской политики съ изумительной энергіей. Судьба, готовившая для Россіи великую будущность, дала ей государыню, наиболѣе способную воспользоваться благоприятствовавшими случайностями.

Въ 1789 г. Екатеринѣ было шестьдесятъ лѣтъ. Она поражала величавостью своей наружности и энергіей, которою дышали черты ея лица. Философы восхищались ея умомъ. Еще болѣе изумительна была ея твердость. Въ 1789 г. она была еще вполне бодра духомъ. Никогда, быть можетъ, не было въ Россіи государя до такой степени ярко представлявшаго традиціи русской политики. Между тѣмъ какъ Петръ Великій положилъ столько усилій для того, чтобы сдѣлаться европейцемъ, Екатерина употребила всю гибкость своего ума и всю рѣшимость своего характера, чтобы сдѣлаться русской. Она проводила только возможные реформы, и потому онѣ ей и удавались²⁾. Въ своей перепискѣ съ парижскими мыслителями она выказываетъ болѣе ума, чѣмъ ея знаменитые корреспонденты, напримѣръ Гриммъ и Вольтеръ; но если судить о Екатеринѣ только по этимъ письмамъ, то можно составить о ней лишь весьма поверхностное понятіе и не отдать должной справедливости ея геніальности. Въ особенности же лишася возможности уясненія ея политики въ эпоху французской революціи. Дѣйствительно, трудно объяснить себѣ, какъ эта «Семирамида» восемнадцатаго вѣка, съ самыхъ первыхъ шаговъ революціи явилась ея ожесточеннымъ врагомъ, несмотря на то, что эта революція была осуществленіемъ идей тѣхъ самыхъ людей, о которыхъ императрица открыто говорила, какъ о своихъ друзьяхъ и наставникахъ. Еще болѣе изумительнымъ и непонятнымъ является то, что она поддерживала въ Польшѣ

²⁾ Мельхиоръ де Вогюэ: «Не внѣшнія завоеванія и не похвалы иностранцевъ обеспечивали императрицѣ ея лучшую популярность: главная заслуга ея заключалась во внутреннихъ преобразованіяхъ. Намѣченныя въ общихъ чертахъ Петромъ Великимъ, эти преобразованія были выполнены при Екатеринѣ... Въ ея царствованіе пародія Запада стала искуснымъ подражаніемъ... Въ провинціи колеса администраціи вертятся довольно свободно, бюджетъ общественныхъ учрежденій обезпеченъ, правосудіе дѣлается доступнѣе, торговля пользуется покровительствомъ и поощреніемъ... И на этотъ разъ реформа совершается безъ потрясеній и насилій, гуманными средствами и при всеобщемъ содѣйствіи».

то, противъ чего возставала во Франціи, и съ одинаковымъ усердіемъ поддерживала анархію въ Варшавѣ и чистую монархію—въ Парижѣ. Если вывести изъ такого образа дѣйствій, что Екатерина не руководствовалась принципами, то съ этимъ нельзя не согласиться, но если полагать, что она была непостѣдовательна въ своихъ планахъ и намѣреніяхъ, то это будетъ большою ошибкой.

Принципіальнаго, дѣйствительно, ничего не было въ этихъ дѣлахъ, но Екатерина относилась къ принципамъ весьма равнодушно. Французская революція разстраивала ея планы и соображенія, и она отнеслась къ ней враждебно; польская же анархія совпадала съ ея проектами, и она поддерживала ее. Она строго порицала мятежныхъ французовъ, но она предоставляла имъ бороться противъ нихъ дѣйствіемъ. Ни одного солдата не направила она противъ Франціи, не желая отвлекаться отъ своихъ русскихъ задачъ. Настроеніе русскаго населенія и географическое положеніе Россіи ограждали отъ вліянія пропаганды. Екатеринѣ нечего было опасаться, и въ великомъ европейскомъ кризисѣ она видѣла рядъ случайностей, которыя могли служить ея политическимъ видамъ. Она всегда вѣрно опредѣляла положеніе вещей и дѣйствовала съ изумительною твердостью и рѣшимостью. Екатерина въ высочайшей степени обладала главными качествами великихъ политиковъ: яснымъ умомъ и постоянствомъ характера. Отличаясь отъ Фридриха складомъ ума и отъ Маріи-Терезіи—отсутствіемъ сентиментальности, Екатерина сходствуетъ съ ними въ дѣлѣ яснаго, здраваго пониманія вещей, стремленія къ вѣрному и презрѣнія къ невозможному. Среди хаотическаго состоянія Россіи, она, безъ труда и усилія, выдѣляетъ дѣйствительныя нужды, жизненные силы и приурочиваетъ все къ размѣрамъ своего уравновѣшеннаго и въ высшей степени послѣдовательнаго ума. Такъ какъ она постоянно вѣрна своей мысли, а мысль эта всегда отличается точностью и твердостью, то противорѣчія въ ея рѣчахъ и поступкахъ, указываемыя иностранцами, нисколько не затрудняютъ ее. Она ищетъ послѣдовательности исключительно въ проведеніи своихъ плановъ. Ея сила и искусство заключаются именно въ томъ, что она направляетъ самые противоположные элементы къ осуществленію одного и того же плана. Она говоритъ языкомъ своего времени, но сохраняетъ простоту воззрѣнія, гибкость ума и интенсивность примитивныхъ натуръ. Идеи вѣка проходятъ по поверхности ея души какъ лучъ, сверкающій на поверхности воды, не согрѣвая ихъ глубины³⁾...

³⁾ Весьма ошибались тѣ, кто изображаетъ ее какою-то парижанкой того времени. Вотъ что писала она, напримѣръ, одной изъ своихъ пріятельницъ, г-жѣ де Бильке, по поводу Густава III: «Онъ французъ до конца ногтей, во всемъ подражаетъ онъ французамъ; я же, за малыми развѣ исключеніями,

«Вы великій политикъ», писала она однажды Гримму, «вы на двухъ страницахъ уложили всю Европу; но такъ какъ всѣмъ этимъ вы сказали только то, что я должна поступать согласно съ моими интересами, то я очень вамъ обязана и увѣрю васъ, что не премину послѣдовать совѣту».

III.

Екатерина, дѣйствительно, никогда не теряла изъ вида интересовъ русской политики, и въ то самое время, когда готова была вспыхнуть французская революція, она задумывала обширную комбинацію, извѣстную подъ именемъ *греческаго плана*, который остался и въ будущемъ политическою задачею Россіи. Она не удовольствовалась приобрѣтеніемъ Бѣлоруссіи отъ поляковъ и Крыма отъ турокъ, ей казалось недостаточнымъ то, что русскія войска поили лошадей своихъ въ волнахъ Дуная, а русскіе корабли побѣдоносно прошли Средиземное море, Адриатическое и Архипелагъ, что она призвала грековъ къ священной войнѣ и явилась защитницею пораженныхъ султаномъ христіанъ: Екатерина хотѣла довести до конца традиціонный замыселъ русскихъ царей, осуществить мечту русскаго народа, выгнать невѣрныхъ изъ Европы и возвративъ православію его очищенную метрополию. Возстановить въ Константинополѣ греческое владычество въ пользу внука своего Константина, котораго предназначала къ тому съ самаго его рожденія, образовать между этимъ простиравшемся бы до Дуная государствомъ и Россіей, ограниченной Днѣстромъ, промежуточное государство подъ именемъ Дакии ¹⁾; таковъ былъ планъ императрицы еще въ 1782 г. ²⁾. Она надѣялась привести его въ исполненіе при помощи своего союза съ Австріей ³⁾. Иосифъ II былъ готовъ оказать содѣйствіе, рассчитывая на громадныя выгоды, и оба союзника, дружба которыхъ становилась тѣснѣе съ каждымъ годомъ, ожидали лишь благоприятствующихъ обстоятельствъ, чтобы предпринять завоеваніе этого новаго золотого руна.

Они ждали до осени 1787 г. Грозное до этого времени небо начало тогда, повидимому, проясняться для нихъ. Серьезныхъ препятствій можно представляю нѣчто совершенно противоположное: никогда въ своей жизни не терпѣла я подражательности и могу сказать о себѣ, что я такой же оригиналь, какъ самый завзятый англичанинъ». *Письма къ госпожѣ де Вильке. Труды русскаго историческаго общества.*

¹⁾ Русской границей служилъ Бугъ. Россія такимъ образомъ приобрѣла бы край между Бугомъ и Днѣстромъ съ городомъ Очаковымъ. См. Стрельвицкій, *Турецкія владѣнія на европейскомъ материкѣ отъ 1700 до 1879 г.* Петербургъ, 1879.

²⁾ ARNETT, *Joseph II und Catharina*, Письмо Екатерины къ Иосифу II, 10 сентября 1782 г.

³⁾ МАРТЕНСЪ, Австро-русскіе договоры, т. II, стр. 96 и слѣд.

было опасаться лишь со стороны Франціи, а Франція, такъ высоко подымавшая нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, вступала на путь внутренняго кризиса, который долженъ былъ надолго отстранить ее отъ дипломатической сцены. Верженнъ умеръ въ февралѣ 1787 г., а въ октябрѣ Франція вынуждена была ступать въ Голландію передъ Пруссіей и Англіей. Этотъ инцидентъ указывалъ Европѣ на затрудненія, важности которыхъ никто и не подозрѣвалъ до той поры. Враги Франціи радовались тому и охотно преувеличивали его послѣдствія. Имъ показалось, что Франція впала въ дряхлость и что Европѣ отнынѣ уже не придется считаться съ нею.

Подобное сужденіе, повлекшее за собою весьма гибельныя послѣдствія для старыхъ европейскихъ монархій, стало высказываться въ концѣ 1787 г. Все, что происходило во Франціи отъ этого времени до конца 1793 г. только подтверждало это сужденіе тѣмъ, кто его себѣ составилъ. «Франція», писалъ пруссакъ Герцбергъ, «потеряла союзъ съ Голландіей и остатокъ престижа, которымъ пользовалась въ Европѣ». Иосифу II приписывали слѣдующія слова: «Франція упала; сомнѣваюсь, чтобы она когда-нибудь могла подняться». «По этому можно судить», писалъ онъ брату своему Леопольду, «въ какое короткое время даже государство, обладающее такими большими ресурсами и счастливымъ положеніемъ, можетъ потерять кредитъ, вліяніе и могущество, вслѣдствіе недостатка въ способномъ государѣ и отсутствія порядка». Екатерина писала Гримму въ ноябрѣ 1787 г.: «Нельзя сказать, чтобы польстили Людовику XVI. Сдѣлали все возможное, чтобы убѣдить его, что онъ ничего не смыслитъ, и заставить согласиться на опеку. И однако онъ трудолюбивъ, добръ, здравомыслящъ, желаетъ добра... Если отступили лишь для того, чтобы лучше прыгнуть, то это еще хороши; но если отступили и вовсе не прыгнуть, а дадутъ путать и портить всѣмъ этимъ *Ге* и *Гю* ⁴⁾, по ихъ усмотрѣнію, о, тогда прощай уваженіе, которымъ пользовались цѣлыя двѣсти лѣтъ, и кто же станетъ довѣрять людямъ безъ воли, безъ энергіи и нерва?»

Ослабленіе вліянія Франціи могло быть только выгоднымъ для союзниковъ. Удобная минута наступила и представлялся давно ожидаемый благоприятный случай. Этотъ случай даже превосходилъ, если не ихъ ожиданія, то, по крайней мѣрѣ, ихъ подготовленность. Турки, предвидя опасность, потребовали объясненій. 13 августа 1787 г. русскій посланникъ въ Константинополѣ, Булгаковъ, былъ приглашенъ на совѣщаніе. Турки потребовали возвращенія Крыма, а на отказъ съ его стороны заперли его въ Семибашенный замокъ—торжественный способъ объявленія войны по турецкому публичному праву. Русскіе не были готовы къ войнѣ. Иосифъ считалъ себя готовымъ, и хотя турки не совершили никакого враждебнаго

⁴⁾ Ге—Георгъ III, Гю—Фридрихъ-Вильгельмъ II.

дѣйствія противъ Австріи, но онъ нашелъ удобнымъ рѣшительнымъ ударомъ заявить свои намѣренія по отношенію къ Турціи. Этимъ ударомъ было внезапное нападеніе на Бѣлградъ, въ которомъ у него были связи и которыми онъ надѣялся овладѣть въ нѣсколько часовъ. Попытка была сдѣлана 3 декабря 1787 г. и оказалась неудачной. Пришлось начать правильную войну. Иосифъ объявилъ ее 9 февраля 1788 г.; но такъ какъ время года не позволяло приступить къ военнымъ дѣйствіямъ, то дипломаты воспользовались свободнымъ временемъ, чтобъ искать союзниковъ и интриговать.

Несмотря на затруднительность своего положенія, Франція не переставала озабочивать политиковъ Россіи и Австріи. Фактическій нейтралитетъ ее не казался имъ достаточнымъ; они хотѣли скомпрометировать ее и имѣть, такъ сказать, въ своемъ распоряженіи. Въ то время посланникомъ въ Петербургъ былъ графъ Сегюръ, весьма умный и симпатичный человѣкъ и хорошій патриотъ. Русскій дворъ всячески старался расположить его въ пользу четверного союза между Австріей, Россіей, Франціей и Испаніей, который можно было бы противопоставить коалиціи Англіи, Пруссіи и Голландіи. Проектъ договора въ этомъ смыслѣ былъ составленъ въ концѣ 1787 г. Французское министерство выслушивало предложенія, но ничего не отвѣчало, а когда Сегюръ потребовалъ отвѣта, то оно продолжало уклоняться.

Графъ Монморенъ, завѣдывавшій иностранными дѣлами по смерти Верженна, выказывалъ при этомъ осторожность, переходившую въ робость. Онъ находилъ, что Франціи безусловно необходимъ миръ для возстановленія порядка въ финансахъ и совершенія государственныхъ преобразованій. Заключить союзъ съ Австріей и Россіей, значило одобрить ихъ намѣренія, облегчить осуществленіе послѣднихъ и ускорить, а не отсрочить наступленіе военныхъ дѣйствій. Сверхъ того, такой союзъ поставилъ бы Францію во враждебныя отношенія къ Англіи и Пруссіи, которыя не угрожали ей въ ту минуту. Наконецъ, Франціи пришлось бы предоставить въ распоряженіе Россіи и Австріи — Турцію, Польшу и Швецію, то есть своихъ старыхъ союзницъ; она примкнула бы къ системѣ раздѣловъ, противъ которой нѣкогда такъ энергично возставала. Монморенъ стоялъ за нейтралитетъ. Но роль примирительницы, которую Франція выполняла съ такимъ достоинствомъ при Верженнѣ, требовала въ 1788 г. преодоленія большихъ трудностей. Нейтралитетъ, силою вещей, становился безсиліемъ; вскорѣ Франціи пришлось ограничиться предложеніями миролюбивыхъ совѣтовъ всѣмъ европейскимъ дворамъ, но этихъ совѣтовъ никто не просилъ и не расположенъ былъ выслушивать.

Экспедиціи сѣверныхъ государей во всѣ времена охватывали пламенемъ

всю Европу. Не въ одной Вѣнѣ и Петербургѣ настроены были воинственно. Союзники полагали, что имѣютъ возможность пренебрегать Пруссіей; но Пруссія находила, что слѣдуетъ считаться съ нею и, рассчитывая на поддержку со стороны Англіи и Голландіи, имѣла претензію ни болѣе ни менѣе, какъ на руководящую роль при предстоявшихъ раздѣлахъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ считалъ себя призваннымъ управлять Европой. Графъ Герцбергъ безъ труда увлекъ его перспективой блестящей и выгодной роли третейскаго судьи. Этотъ неловкій, непоследовательный и полный самонѣнія ученикъ Фридриха II, повидимому, сдѣлалъ основою своей политики ироническія выходки учителя по поводу *его священнаго величества случая*. «Прусская система,» говорилъ онъ, «заключается въ томъ, чтобы не имѣть никакой системы, а дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ». Фридрихъ ждалъ отъ случая только поводовъ къ дѣйствію, а такъ какъ онъ всегда былъ готовъ ими пользоваться, то случай и служилъ ему на пользу. Герцбергъ старался измышлять запутанныя комбинаціи, вычисляя при этомъ до мелочей долю непредвидѣннаго; но такъ какъ непредвидѣнное, по самому свойству своему, не укладывается ни въ какія формулы, то счастье, такъ благоволившее къ Фридриху, оказывалось весьма капризнымъ по отношенію къ Герцбергу и сѣяло безчисленныя засады на его пути. Русскій посланникъ С. Румянцевъ, впрочемъ весьма отрицательно и враждебно смотрѣвшій на Герцберга, сравнивалъ его съ Донъ-Кихотомъ, питающимъ свои пустыя бредни газетными политическими романами.

Герцбергъ задумалъ обширный и туманный планъ во вкусѣ Альберони: зажечь и раздуть огонь по всей Европѣ, а затѣмъ требовать хорошаго вознагражденія за услуги, оказанныя при потушеніи пожара. Горючихъ матеріаловъ было въ Европѣ болѣе, чѣмъ достаточно. Иосифъ II привелъ своихъ подданныхъ въ состояніе значительнаго раздраженія, путемъ своихъ реформъ; поляки также готовы были возстать противъ Россіи; Густавъ III ждалъ только свалки, чтобы броситься въ нее. И шведовъ и поляковъ увлечь было нетрудно. Турокъ можно было поощрить субсидіями и нѣкоторыми ловкими внушеніями. При нападеніи съ трехъ сторонъ, Екатеринѣ трудно было бы защищаться съ успѣхомъ. Что касается Австріи, то, возбудивъ двойной мятежъ—въ Бельгіи и Венгріи,—можно было бы заставить ее отозвать войска. Разъединенные и отвлекаемые столькими диверсіями союзники принуждены были бы капитулировать предъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ Пруссіи, поддерживаемой Голландіей и Англіей. Пруссія продиктуетъ тогда условія мира къ своему собственному и всеобщему удовольствію, за исключеніемъ шведовъ, на долю которыхъ достанется одна честь, и турокъ, которымъ придется нести расходы по этой сдѣлкѣ. Россія приобрѣла бы побережье Чернаго моря до Дуная, то есть

Очаковъ и Бессарабію. Австрія возьметъ Молдавію и Валахію; взаѣмъ она отдастъ Галицію полякамъ, которые въ видѣ вознагражденія могутъ уступить Пруссіи Торнъ и Данцигъ; это пріобрѣтеніе дополнитъ то, что получено было въ 1772 г., доставивъ прусской торговлѣ доступъ къ низовьямъ Вислы. Францію Герцбергъ считалъ неспособною къ вмѣшательству. Однако, для того чтобы вѣрнѣе заручиться ея бездѣйствіемъ, онъ далъ секретную инструкцію прусскому посланнику въ Парижѣ, графу Гольцу, и уполномочилъ его войти въ сношенія съ оппозиціей, обнадеживать возможностью союза съ Пруссіей, возбуждать противъ Австріи, однимъ словомъ, тайно подрывать конституцію государства и изолировать Францію въ Европѣ.

Замыселъ былъ тщательно обработанъ, но великія усилія привели къ ничтожнымъ результатамъ. Начало войны, казалось, оправдывало расчеты Герцберга. Кампанія 1788 г. началась самымъ несчастнымъ образомъ. Русская армія не была достаточно организована; болѣзни опустошали ея ряды еще до открытія военныхъ дѣйствій. Потемкинъ уже заговорилъ объ очищеніи Крыма; буря застигла севастопольскій флотъ и принудила остаться въ портѣ для исправленія аварій. Вся тяжесть войны пала на Австрію. Одержимый желаніемъ подражать Фридриху Великому, Іосифъ захотѣлъ самъ командовать войсками, а такъ какъ онъ неспособенъ былъ къ такому командованію, то армія оставалась безъ главнокомандующаго. Всѣ бѣдствія, которымъ подвергается Австрія во время революціонныхъ войнъ, уже даютъ себя чувствовать въ этой кампаніи. Мы видимъ въ ней всѣхъ генераловъ, которые потомъ сражались противъ Франціи: Ласія, Кобурга, Клерфе, Вартенслебена и самого Макка, дебютирующаго на театрѣ войны, задумывающаго свои первые планы и вынесшаго изъ турецкой войны репутацію гениальности, оказавшуюся столь пагубной для Австріи. Всѣ эти генералы показали себя на берегахъ Дуная такими же нерѣшительными, вѣчно разсуждающими, вмѣсто того чтобы дѣйствовать, и интригующими, какими мы увидимъ ихъ позднѣе и на берегахъ Рейна. «Я не нахожу у нашихъ генераловъ», писалъ Іосифъ II Леопольду, «ни твердой воли, ни рвенія, ни энергіи. Всѣ въ отчаяніи, что имъ приходится воевать; они хотѣли бы спокойно сидѣть дома и двигаются только, когда ихъ толкаешь. Одинъ сваливаетъ отвѣтственность на другого; никакого единенія...»

Іосифъ II успѣлъ поставить на ноги около 180000 солдатъ. Никогда еще австрійскій домъ не дѣлалъ такого усилія. Но эта армія была разбросана на громадной пограничной линіи. Эпидеміи свирѣпствовали въ войскахъ; въ іюнѣ насчитывали до 12000 больныхъ; въ іюлѣ ихъ было уже 20000. Едва успѣла Австрія начать войну, какъ уже увидѣла себя въ опасности. «Если сверхъ того», писалъ Іосифъ, «вмѣшаются Пруссія и

Англія и принудятъ насъ воевать съ ними одновременно, монархія погибла, потому что пришлось бы уменьшить количество войскъ, выставленныхъ противъ Порты, хотя бы только для того, чтобы помѣшать прусскому королю занять Богемію и Моравію и идти на Вѣну».

Путемъ перехватыванія депешъ и дешифрированія ихъ въ черномъ кабинетѣ, Іосифъ узнавалъ о всѣхъ маневрахъ Герцберга. Онъ чувствовалъ себя не въ силахъ давать одновременный отпоръ двумъ непріятелямъ. Чтобы сдерживать Пруссію, приходилось стягивать войска къ Германіи. 28 августа и 14 сентября австрійцы потерпѣли пораженія, изъ которыхъ второе было настоящей катастрофой. «Мы вынуждены отступить», писалъ императоръ, «предоставить непріятелю весь Банатъ; мы не имѣемъ даже возможности прикрыть Трансильванію, которая также будетъ опустошена,—и все это не давъ ни одного крупнаго сраженія; эти господа побросали приготовленные, выгодныя позиціи...» Завоевательная экспедиція начиналась отступленіемъ; Австрія предприняла ее съ цѣлью раздѣлить Турцію; вмѣсто того ей грозило вторженіе турокъ въ ея собственные предѣлы.

Положеніе Россіи, быть можетъ, было еще хуже, потому что Іосифъ только боялся войны съ Пруссіей, а Екатерина уже приходилось выдерживать войну съ шведами. Густавъ III объявилъ войну 1-го іюля; онъ потребовалъ возвращенія Финляндіи и Кареліи Швеціи, а Крыма—Турціи; онъ заключилъ договоръ съ турками 12-го іюля и двинулъ шведскія войска къ Петербургу, черезъ Финляндію. Подобно учителю своему Фридриху, Екатерина пришлось пережить годину испытаній, напоминающую трудныя минуты Семилѣтней войны. Она, какъ и Фридрихъ, показала въ эту эпоху все величіе своего характера. Тѣснямая на югѣ турками, на сѣверѣ—шведами, а на западѣ—польскимъ мятежемъ, она дала отпоръ всѣмъ своимъ врагамъ. Всѣ главныя силы русской арміи были на югѣ: 37000 командовалъ Румянцевъ, которому предстояло дѣйствовать въ Молдавіи; 80000 находились подъ начальствомъ Потемкина, который долженъ былъ взять Очаковъ. Они колебались; Екатерина поддержала ихъ мужество и дала примѣръ твердости духа. Съ великимъ трудомъ удалось ей собрать 16000 солдатъ для прикрытія Петербурга; всѣ средства защиты противъ шведовъ заключались въ семнадцать кораблей и семи фрегатахъ. Въ русской столицѣ уже слышна была канонада шведскихъ орудій. Для императрицы приготовлены были 500 лошадей, на случай необходимости отъѣзда въ Москву: 17 іюля дано было морское сраженіе при Готландѣ; исходъ его остался неопредѣленнымъ.

Опасность была велика, но ее устранила политика. У Екатерины были преданные люди въ Швеціи: тамъ разразился заговоръ, и часть финляндскихъ войскъ измѣнила шведскому королю. Въ то же время датчане,

которых успѣла расположить къ себѣ Россія, перешли норвежскую границу и грозили Готенбургу. Густавъ вынужденъ былъ вернуться въ Швецію; съ этой стороны кампанія 1788 г. была закончена ⁵⁾. Тѣмъ временемъ Потемкинъ рѣшился приступить къ осадѣ Очакова. Операции, принятія еще въ концѣ іюля, тянулись до декабря. Турки держались крѣпко, русскіе начинали утомляться. Войска ихъ терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и топливѣ: только отчаянное дѣйствіе могло поправить ихъ дѣло. Потемкинъ приказалъ идти на приступъ; крѣпость была взята 17-го декабря, послѣ кровавой борьбы, за которой послѣдовала страшная рѣзня.

Этотъ успѣхъ ободрилъ Іосифа II; но онъ уже измѣнилъ свои намѣренія; онъ думалъ теперь исключительно о Пруссіи. Въ этомъ отношеніи предстояло рѣшить одинъ предварительный вопросъ. «До тѣхъ поръ, пока не будетъ ослаблено могущество Пруссіи», писалъ Кауницъ, «она будетъ всегда препятствовать и разрушать всѣ планы, замыслы и предпріятія обоихъ дворовъ». Екатерина не сомнѣвалась въ этомъ, и 21-го декабря она дала знать императору, что ничего не имѣетъ противъ заключенія имъ мира съ турками, для того, чтобы онъ имѣлъ возможность немедленно напасть на пруссаковъ. Что касается посредничества, то она не хотѣла и слышать о немъ. Англичане дѣлали ей довольно странныя предложенія, она горделиво отвергала ихъ. «Надо признаться», писала она Гримму, «что братецъ Ге—великій политикъ; мнѣ очень нравится его предложеніе—согласить два пункта, а именно: чтобы одна сторона осталась владычицею Индіи, а другая—Леванта и его торговли, и это послѣ подписанія великолѣпной деклараціи о разоруженіи».

Объ этомъ планѣ дѣлежа восточнаго міра не разъ шла рѣчь между Лондономъ и Петербургомъ; это служило англичанамъ предлогомъ затягивать переговоры. Между тѣмъ они искали болѣе серьезныхъ выгодъ и актомъ 13 августа 1788 г. обязались дѣйствовать совмѣстно съ Пруссіей во всѣхъ восточныхъ и сѣверныхъ дѣлахъ. Пруссакі озаботились ободрить турокъ, избавить Густава III отъ датской диверсіи и возбудить Бельгію. Герцбергъ надѣялся, что мятежъ въ Нидерландахъ заставитъ Іосифа II соблюдать болѣе осторожности, по отношенію къ Пруссіи. Что касается Россіи, то съ этой стороны можно было предоставить дѣйствіе полякамъ.

Сеймъ, отъ котораго польскіе патриоты ожидали возрожденія Рѣчи Посполитой, собрался въ Варшавѣ 6 октября 1788 г. Онъ носилъ имя образованной *конфедераціи*, то есть революціонное собраніе съ цѣлью замѣнить единогласныя рѣшенія рѣшеніями большинства, такъ какъ первыя дѣлали

⁵⁾ Въ августѣ. Норвегія принадлежала въ то время Даніи.—См. GEFFROY, *Gustave III*, t. II, p. 69. HEERMANN, t. VI. ALLEN, *Histoire de Danemark* t. II, p. 217.

невозможною какую бы то ни было реформу. Пруссійскій агентъ въ Варшавѣ убѣждалъ «всѣхъ добрыхъ и просвѣщенныхъ польскихъ гражданъ» опираться на прусскаго короля для разрушенія коварныхъ расчетовъ Россіи. «Они могутъ», писалъ онъ имъ, «быть твердо увѣренными, что его величество окажетъ необходимую поддержку для сохраненія независимости, свободы и безопасности Польши». Движенія войскъ и ловко розданные 100000 дукатовъ подтверждали эти завѣренія. Польскіе патриоты были преисполнены ненависти къ Россіи и достаточно было польстить ихъ чувству для того, чтобы они довѣрились искренности Пруссіи. Пруссакі были весьма искусны въ такой игрѣ и давно практиковали ее въ Парижѣ противъ Австріи. Это была классическая уловка; и русскіе уже начинали весьма тонко обращаться ее противъ самихъ пруссаковъ. Полякамъ показалось, что они не компрометируютъ себя, выслушивая прусскаго короля: онъ считался «добродѣтельнымъ», общалъ все и не требовалъ взамѣнъ ничего. Они повѣрили обѣщаніямъ и, опираясь на внушенное имъ королевъ довѣріе, рѣшили вооружить 100000 человекъ.

Екатерина не могла не понять ихъ намѣреній; она заявила имъ о своихъ собственныхъ: она считала «нарушеніемъ договоровъ малѣйшія измѣненія въ конституціи 1775 г. ⁶⁾». Это равнялось невозможности предпринимать желательныя для польскихъ патриотовъ реформы. Сеймъ отвѣтилъ требованіемъ очищенія польской территоріи отъ еще занимавшихъ ее русскихъ войскъ. Въ то время прусскимъ агентомъ въ Варшавѣ былъ одинъ изъ самыхъ хитрыхъ агентовъ канцеляріи Фридриха II, итальянецъ Луккезини. Онъ объявилъ сейму, путемъ ноты 19 декабря, что его государь готовъ все сдѣлать «для обезпеченія независимости республики, не желая однако же вмѣшиваться въ ея внутреннія дѣла, ни вообще стѣснять ея свободы, которую будетъ стараться оградить всѣми силами». 8-го декабря, сеймъ рѣшилъ начать переговоры съ прусскимъ королевемъ, относительно заключенія союза, и послать уполномоченныхъ ко всѣмъ дворамъ, съ цѣлью разъясненія предпринимаемыхъ въ странѣ преобразованій. Сеймъ объявилъ, что будетъ засѣдать непрерывно до окончанія этихъ реформъ. Онъ искренно надѣялся выработать ихъ не позднѣе 1789 года. Поляки рассчитывали на дружбу Австріи; Пруссія предлагала имъ свое покровительство, а Россія не казалась имъ особенно опасной, такъ какъ у нея было не мало другихъ заботъ. Дѣло въ томъ, что въ послѣднія недѣли 1788 года русскія войска дѣйствительно начали выступать изъ Польши. Это была чисто военная мѣра: Екатеринѣ необходимы были войска, и она ихъ отзывала. Она не намѣревалась дѣлать какія бы то ни было уступки полякамъ. Но поляки надѣялись, что послѣ того, какъ Пруссія содѣйствовала удаленію русскихъ

⁶⁾ Русская нота 5 ноября 1788 г.

войскъ, она съумѣетъ и помѣшать ихъ возвращенію. Польша была благодарна пруссакамъ и ослаблена ихъ обѣщаніями. «Въ Варшавѣ съ такимъ фанатизмомъ предаются дружбѣ съ Пруссіей,—писалъ французскій агентъ,—что многіе поляки нашли бы не слишкомъ убыточнымъ заплатить за эту дружбу цѣною Торна и Данцига».

IV.

Поляки созрѣли для осуществленія замысловъ Герцберга. Онъ сталъ дѣятельно трудиться надъ подогрѣваніемъ венгерцевъ. Пруссійскій посланникъ въ Вѣнѣ, Якоби, находился въ сношеніяхъ съ оппозиціей и подстрекалъ ее къ мятежу; мадьяры уже требовали возвращенія венгерскихъ полковъ, посланныхъ Іосифомъ II въ Богемію съ цѣлью защиты отъ Пруссіи. Въ Галиціи прусскіе эмиссары возбуждали національную агитацію; обѣщая тамошнимъ полякамъ скорое возсоединеніе съ родною Польшей. Другіе агенты сулили бельгійцамъ поддержку въ случаѣ возстанія противъ Австріи, а лютихцамъ—противъ ихъ архіепископа. Впрочемъ, это былъ обычный способъ дѣйствія правительствъ стараго порядка по отношенію другъ къ другу, и никто не слѣдовалъ этой макіавелистической традиціи съ такимъ усердіемъ, какъ графъ Герцбергъ въ началѣ 1789 г. «Онъ хочетъ, чтобы имъ занималась Европа», писалъ французскій дипломатическій агентъ, графъ д'Эстерно: «а если удастся, то и его государемъ». Главныя затрудненія исходили именно отъ этого государя. Фридрихъ-Вильгельмъ любилъ славу, но еще болѣе дорожилъ своими удовольствіями. Герцбергъ дѣйствовалъ на его честолюбіе, а фавориты—на его суевѣрность. «Всѣ эти люди», писалъ д'Эстерно, не желаютъ выпустить изъ рукъ прусскаго короля, что неизбѣжно случилось бы, если бы этотъ монархъ сталъ во главѣ своей арміи. Поэтому и они и фаворитка, безъ сомнѣнія, стоятъ за миръ, а еще болѣе желаетъ его Англія.

Питтъ дѣйствительно не поддавался на маневры Герцберга, но по совершенно инымъ причинамъ, чѣмъ прусскій король. Въ Англіи предпринятъ былъ цѣлый рядъ реформъ, и миръ былъ необходимъ для ихъ довершенія. Никогда процвѣтаніе Англіи не казалось болѣе совершеннымъ. Премьеръ былъ всесилецъ. «Его популярностъ такъ велика,—писалъ французскій посланникъ,—что въ настоящую минуту онъ можетъ предпринять все, чего пожелаетъ». Именно для того, чтобы не утратить этой популярности, Питтъ и не рѣшался начать войну. Его успокаивалъ внутренній кризисъ Франціи, и онъ не только не стремился къ борьбѣ съ нею, но, напротивъ, искалъ сближенія. Въ Петербургѣ его агенты старались противодействовать четвертому союзу; онъ предложилъ даже непосредственно французскому посланнику соглашеніе для возстановленія спокойствія на

востокѣ и сѣверѣ. Франція и Англія, сказалъ онъ де-ла-Люперну, придерживаются одного и того же принципа воздержанія отъ расширенія своихъ предѣловъ и одинаково заинтересованы въ поддержкѣ Турціи и Швеціи противъ Россіи. Питтъ желалъ дѣйствовать въ полномъ согласіи «съ французскимъ правительствомъ и въ видѣ подтвержденія своихъ намѣреній», воспрепятствовать Даніи продолжать враждебныя дѣйствія противъ Швеціи.

Между тѣмъ какъ Англія приглашала Францію высказаться противъ Россіи и Австріи, Россія побуждала ее высказаться противъ Пруссіи и Англіи. Планъ четвертого союза снова подвергся обсужденію: это было нѣчто въ родѣ союза 1756 г., и Испанія должна была подписать договоръ одновременно съ Франціей. Чтобы ускорить рѣшеніе Испаніи, Екатерина послала въ Мадридъ агента своего князя Нассау-Зигенскаго: предложомъ къ этой побѣдѣ послужило вступленіе на престолъ Карла IV. Императрица ждала отъ Франціи и Испаніи, что онѣ покинутъ Швецію и Турцію и дадутъ отпоръ прусскому королю. Вице-канцлеръ Остерманъ торопилъ Сегюра. «Мы желали бы, чтобы вы были съ нами, сказалъ онъ ему,—но если вы ничего не можете для насъ сдѣлать, мы будемъ вынуждены прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ». Подъ этими мѣрами подразумѣвалось непосредственное соглашеніе съ Англіей. Сегюръ писалъ Монморену: «Если нашъ союзъ будетъ замедленъ, мы быстро утратимъ здѣсь нашъ кредитъ и наше вліяніе. Намъ предстоитъ единственный случай заручиться лишнимъ союзникомъ противъ Англіи». Этотъ доводъ долженъ былъ всего сильнѣе подѣйствовать на Монморена. Онъ слишкомъ хорошо знакомъ былъ съ Европой и съ нравами того вѣка, чтобы не подозрѣвать англичанъ въ содѣйствіи всѣми возможными мѣрами ослабленію французскаго могущества. Эта боязнь, преслѣдовавшая до галлюцинацій французскихъ революціонеровъ 1793 г., была традиціонною и инстинктивною во французскомъ министерствѣ. Какъ только разражался какой-нибудь кризисъ во Франціи, тотчасъ же усматривали въ немъ проеки Англіи и англійское золото. Лондонская корреспонденція 1789 г. переполнена этого рода подозрѣніями. «Этотъ дворъ завидуетъ намъ и ненавидитъ насъ», писалъ Монморенъ ла Люперну 8 февраля 1789 г.; «если мы сблизимся съ нимъ, онъ захочетъ господствовать надъ нами; если мы не поддадимся ему, онъ безъ зазрѣнія совѣсти предастъ насъ». Французскій министръ избѣгалъ подавать Англіи малѣйшій поводъ къ подозрѣніямъ. Узнавъ о волненіяхъ въ Ирландіи, онъ немедленно далъ слѣдующую инструкцію французскому посланнику: «Главное, мы не можемъ и не должны принимать въ этомъ участія какимъ бы то ни было образомъ. Мы слишкомъ обращаемъ на себя вниманіе нашими собственными смутами для того, чтобы желать возбуждать ихъ у другихъ». Точно также не сомнѣвался онъ и въ существованіи тайныхъ происковъ Прус-

си; но, не дѣлая себѣ ни малѣйшихъ иллюзій относительно дружбы этой державы, онъ находилъ ее необходимою для поддержанія равновѣсія и не хотѣлъ содѣйствовать ея разрушенію.

Впрочемъ Франція и не имѣла возможности дѣйствія. Приближалось время открытія генеральныхъ штатовъ, и обстоятельства мало способствовали вмѣшательству, плоды котораго могла собрать одна Россія. Монморенъ предложилъ только свое посредничество по отношенію къ Турціи; что касается союза, то онъ отложилъ его заключеніе, въ чемъ согласно было съ нимъ и испанское правительство. Франція ничего не имѣла противъ сущности договора, но не допускала его примѣненія къ настоящимъ войнамъ, въ которыхъ ни въ какомъ случаѣ не желала принять участія; однако, такъ какъ союзъ ея съ Швеціей истекалъ въ 1790 г., она обѣщала не возобновлять его. Людовику XVI тяжело было отказаться отъ старинной союзницы. Но Россія требовала еще болѣе тяжелой уступки: признанія раздѣла Польши. Одно время Монморенъ пытался добиться въ Вѣнѣ и Петербургѣ отмѣны акта, почитавшагося во Франціи несправедливымъ. Союзники отвѣчали Людовику XVI требованіемъ рѣшительнаго признанія этого акта. «Не скрою отъ васъ,—писалъ Монморенъ Сегюру,—что его величество лишь съ крайнимъ отвращеніемъ согласился гарантировать предѣлы этого королевства (Польши) и что его величество уклонился отъ разъясненныхъ мною въ началѣ переговоровъ оснований, лишь для того, чтобы удостовѣрить оба императорскіе двора въ искренности своихъ чувствъ и показать, какую высокую цѣну придаетъ союзу съ ними». Была ли взаимною эта искренность? Монморенъ полагалъ, что оговорка, сдѣланная Франціей по поводу настоящей войны, будетъ «пробнымъ камнемъ, по которому обнаружатся истинныя намѣренія Россіи» и выяснится, насколько дѣло идетъ о прочномъ, искреннемъ союзѣ, или же только о договорѣ, «который долженъ наложить на Францію одни обязательства». «Если намѣренія петербургскаго двора искренни, а не зависятъ исключительно отъ нынѣшнихъ обстоятельствъ,—писалъ онъ,—то этотъ дворъ приметъ нашъ способъ дѣйствія безъ малѣйшихъ затрудненій; если же, напротивъ, онъ не одобритъ его, то будетъ очевидна эфемерность его желанія сближенія съ нами, и въ такомъ случаѣ мы можемъ только поздравить себя, и въ настоящемъ и въ будущемъ, по поводу разъясненія его истинныхъ намѣреній».

Екатерина II была весьма недовольна такимъ оборотомъ дѣла. «Этотъ дворъ»,—писала она Гримму,—теряетъ всякое уваженіе къ себѣ, вслѣдствіе своего бездѣйствія». Сегюру императрица выразила свое полное неудовольствіе, когда онъ заговорилъ о томъ, что желательно было бы отложить до окончанія войны практическія послѣдствія союза; равно непріятны были ей и соображенія Людовика XVI относительно Польши. По-

темкинъ, весьма враждебно относившійся къ Франціи, не переставалъ ее дискредитировать. Сегюрь, за которымъ такъ ухаживали въ былое время, былъ поставленъ въ самое непріятное положеніе. «Я слишкомъ хорошо понимаю,—писалъ онъ де-Ноалю,—до какой степени мое положеніе щекотливо, тревожно и тягостно. Сближеніемъ нашимъ съ Россіей мы раздражили противъ себя лигу (т. е. Англію, Пруссію и Голландію), а также и Польшу, Швецію и Турцію. Теперь, не подписывая договора, мы вызываемъ неудовольствіе обоихъ императорскихъ дворовъ. Такимъ образомъ, намъ достаются одни шипы, а не плоды союза. Вотъ послѣдствія нашихъ смутъ. Если Англія и Пруссія будутъ дѣйствовать съ достаточною ловкостью, онѣ могутъ доставить Россіи выгодный миръ, сблизиться съ нею и окончательно разрушить здѣсь вліяніе, осколки котораго я отстаиваю насколько могу».

Таковы были отношенія между Франціей и Европой въ моментъ созванія генеральныхъ штатовъ. Если охватить эти отношенія въ ихъ цѣломъ, мы увидимъ Францію временно парализованную, но возбуждающую въ другихъ державахъ зависть своими ресурсами, опасенія, внушаемая интенсивностью ея національнаго духа и заставляющую тревожно слѣдить за ея внутренними смутами. Далѣе увидимъ Англію, переходящую отъ пассивнаго равнодушія къ страстному участію въ континентальныхъ дѣлахъ, изумляющую своею слабостью тѣхъ, кто преувеличиваетъ ея силы, и своими внезапными пробужденіями—тѣхъ, кто не достаточно сознаетъ могущество этой державы; тревожную, безпокойную и алчную Пруссію, обладающую самымъ плотнымъ ядромъ арміи въ Европѣ и самою притязательною дипломатіей; Россію, озабоченную только восточными дѣлами и Польшей и ищущую въ европейскихъ кризисахъ случая для расширенія своихъ предѣловъ; Австрію, всегда соблазняемую крупными предпріятіями и постоянно колеблющуюся, когда дѣло идетъ объ ихъ осуществленіи, подавляемую нестройною массой подвластныхъ ей народовъ, на каждомъ шагѣ встрѣчающую препятствія въ соперничествѣ и мятехахъ этихъ народовъ, съ трудомъ ею управляемыхъ; Польшу, близкую къ своему концу; Турцію, расшатанную и открытую для нападений. Всѣ эти факты и отношенія были уже далеко не новы въ концѣ восемнадцатаго вѣка, и однако они не разъ повторяются и въ девятнадцатомъ. Одного этого указанія уже достаточно для того, чтобы вполне выяснитъ, до какой степени было могуче и упорно дѣйствіе тѣхъ историческихъ традицій, опредѣлить которыя я взялъ на себя въ настоящей книгѣ.

Заключеніе.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію событій, начинающихся въ маѣ 1789 года, резюмируемъ только что собранные нами факты и отмѣтимъ въ общихъ чертахъ ихъ взаимныя отношенія и вытекающія изъ нихъ послѣдствія. Это—остовъ всей разсматриваемой нами исторической эпохи.

Революція, грозившая почти всѣмъ европейскимъ государствамъ, разразилась во Франціи по нижеслѣдующимъ причинамъ: старый порядокъ въ этой странѣ болѣе обветшалъ и менѣе терпѣливо переносился, возбуждалъ болѣшую ненависть и былъ легче устранимъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; образъ правленія дѣлалъ необходимыми преобразованія, которыя не въ силахъ было выполнить правительство; власть, лишенная способности руководить общественнымъ мнѣніемъ, въ то же время неспособна была и дать ему отпоръ; банкротство правительственной власти сопровождалось банкротствомъ финансовымъ; перемѣны казались неизбѣжными, и всѣ пути были открыты для новаторовъ; наконецъ, философскія ученія, болѣе популярныя, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, глубже проникли въ народныя массы и болѣе отвѣчали ихъ духу. Духъ этотъ, придающій французской революціи такой особенный отпечатокъ, былъ въ своихъ наиболѣе характерныхъ чертахъ духомъ всей исторіи Франціи. Духъ классицизма, направляющій революцію, и абсолютизмъ, вызвавшій ее, сгруппировавшій элементы и опредѣлившій ея форму, развивались во Франціи параллельно: они явились результатомъ извѣстнаго возрѣнія на личность, общество, государство, философію и искусство. Люди, стоявшіе во главѣ французской революціи, были естественнымъ образомъ проникнуты этимъ духомъ. Они стремились къ распространенію за предѣлами отечества и своихъ принциповъ и своей правительственной системы. На этотъ путь увлекалъ ихъ не столько универсальный характеръ ихъ возрѣній, сколько свойства ихъ собственного характера. Тѣ же идеи имѣли распространеніе въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ: если бы въ этихъ центрахъ созвано было національное Собраніе, оно, быть можетъ, по примѣру американцевъ поставило бы во главѣ своихъ законовъ провозглашеніе правъ человѣка, но никогда и не подумало бы сдѣлать изъ него евангеліе для всего человѣчества, а еще менѣе предпринять крестовый походъ во имя обращенія и освобожденія другихъ народовъ. Предлагая, а затѣмъ и предписывая Европѣ національ-

ный типъ демократическаго общества, французы восемнадцатаго вѣка слѣдовали тому же импульсу, въ силу котораго ихъ предки сдѣлались, по преимуществу, носителями новѣйшей цивилизаціи. Они возобновляли, сообразно съ духомъ своего времени, то дѣло, которое совершили ради блага человѣчества ихъ мыслители, легисты и художники въ средніе вѣка, въ эпоху Возрожденія и въ семнадцатомъ вѣкѣ. Они совершали для народа то, что отцы ихъ сдѣлали для государства, и продолжали оказывать на Европу то воздѣйствіе, къ которому, повидимому, предназначены были своей исторической судьбой. Но именно потому, что они оказались столь послѣдовательными и вѣрными своимъ традиціямъ, идеи ихъ сохранили исключительно національный и страстный характеръ: усвоивъ новыя ученія, они глубоко измѣняли ихъ смыслъ и значеніе. Формулы были отвлеченны: мысль осталась конкретной и чисто-французской. Национальный характеръ весьма быстро измѣнилъ всемірный характеръ принциповъ. Пока дѣло шло о разсужденіяхъ, оставались при неопредѣленности и метафизическихъ выводахъ; когда же пришлось дѣйствовать, вернулись къ дѣйствительности, то есть къ исторіи Франціи. Это проявилось съ особенною яркостью уже съ самаго начала, а именно по поводу существеннаго понятія въ ученіи и практикѣ революціи,—понятія объ отечествѣ.

При старомъ порядкѣ, король отождествлялся съ государствомъ; онъ олицетворялъ собою Францію, и любовь къ отечеству сливалась съ преданностью королю. Когда верховная власть перенесена была на народъ, нація заступила мѣсто короля и любовь къ родинѣ слилась съ уваженіемъ къ законамъ. Но такъ какъ законъ долженъ былъ основываться на справедливости, а справедливость—на разумѣ, революція же должна была установить его господство и совершалась не ради одного народа, а ради блага всего человѣчества, то понятіе объ отечествѣ обобщалось такъ же, какъ и понятіе о законности. Явилась общечеловѣческая родина; ее стали видѣть вездѣ, гдѣ царилъ разумъ: патріотизмъ смѣнялся съ приверженностью къ «правамъ человѣка». Патріотъ сдѣлался гражданиномъ всего міра. Великое понятіе объ отечествѣ, вижденное предшествовавшими вѣками въ каждаго француза, затерялось въ тонкостяхъ абстракцій и, казалось, утратило и реальность и смыслъ своего существованія.

Между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ французовъ, отвергая все прошлое своей расы, создали себѣ понятіе объ отечествѣ, лишенномъ границъ, историческихъ воспоминаній и національности, другіе, исходя изъ противоположной крайности, но движимые тѣмъ же импульсомъ, замѣняли это универсальное и неосознаемое отечество своего рода личнымъ и, такъ сказать, кочующимъ отечествомъ, которое каждый уносилъ съ собою повсюду. Введенные въ заблужденіе тѣмъ же духомъ отвлеченія и логики, который за-

ставляли революціонеровъ смѣшивать идею объ отечествѣ съ идеей революціи, эмигранты смѣшали ее съ идеей королевской власти. Они, въ свою очередь, создали въ своемъ воображеніи королевскую власть безъ королевства, короля безъ государства, государство безъ народа и народъ безъ территоріи; они создали химерическую Францію, «истинную Францію», сопровождавшую ихъ повсюду и которую они противопоставляли Франціи реальной и исторической, которую они вынуждены были покинуть.

Достаточно было пушечнаго выстрѣла для того, чтобы разсѣять эти пагубныя бредни. Громадное большинство французовъ ничего не понимало въ нихъ и ему не было до этого никакого дѣла. Въ революціи оно видѣло нѣчто весьма реальное и практическое, а именно: уничтоженіе феодальнаго строя, что и было ея существенною стороною; въ эмиграціи это большинство увидѣло попытку, клонящуюся къ насильственному возстановленію того же ненавистнаго строя, и въ этомъ оно также не ошибалось. Революція совершалась для того, чтобы обезпечить французамъ свободное пользованіе французскою землею; иностранное нашествіе предпринималось для того, чтобы подавить революцію, расчленивъ Францію и поработить французовъ: естественнымъ образомъ въ умахъ ихъ отождествилась любовь къ Франціи съ любовью къ революціи совершенно такъ же, какъ въ былыя времена сливалась она съ любовью къ королю. Старое патріотическое чувство пробудилось въ сердцахъ съ тою же силою и непосредственностью, какъ и во времена войнъ съ Англіей и великихъ бѣдствій конца царствованія Людовика XIV. Къ этому чувству не примѣшивалась ни малѣйшая доля чего-либо абстрактнаго: это былъ инстинктъ, страсть, присущіе каждому французу, живущіе въ его крови и вибрирующіе, такъ сказать, въ каждомъ біеніи его сердца. Родина осталась для нихъ тѣмъ, чѣмъ была для ихъ отцовъ: страной, гдѣ они родились и гдѣ хотѣли умереть, центромъ всѣхъ привязанностей, воспоминаній, надеждъ, однимъ словомъ, Франціей, независимость которой они желали сохранить ¹⁾).

Въ этихъ стремленіяхъ заключалась вся сила революціи. Они же породили ея излишества, заблужденія и погубили. Ненависть и отвращеніе къ эмигрантамъ и иностранцамъ отдали Францію въ руки террористовъ.

¹⁾ Въ августѣ 1792 г., сынъ одного крестьянина, служившій садовникомъ у монаховъ, выучившихъ его читать и писать, завербовался въ волонтеры: «Сколько разъ,—говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ,—я узнавалъ изъ газетъ извѣстія о томъ, что нашу армію разбиваютъ повсюду... Я часто говорилъ себѣ: «Возможно-ли, что я буду слышать лишь однѣ худшія вѣсти?» Мнѣ казалось, что если бы я былъ тамъ, бѣдствіе не было бы такъ велико. Я не считалъ себя болѣе хорошимъ солдатомъ, чѣмъ мои соотечественники, но я чувствовалъ въ себѣ храбрость и думалъ, что храбрость можетъ все преодолѣть!» Вотъ патріотизмъ въ его чистой и примитивной формѣ и глав-

Они узурпировали республику, подъ предлогомъ ея защиты, и благороднѣйшее дѣло прикрыло ненавистнѣйшую изъ тиранній. Они не ограничились профанированіемъ свободы, они внушили къ ней ужасъ, связавъ съ нею воспоминаніе о преступленіяхъ. Изъ всего великаго дѣла 1789 г. народъ удержалъ однѣ гражданскія реформы; какъ только успѣхъ этихъ реформъ показался ему обезпеченнымъ, онъ отнесся къ анархіи съ такою же ненавистью, какую ранѣе проявилъ по отношенію къ вторженію чужеземцевъ, и страхъ предъ террористами предалъ его въ руки военачальниковъ. Онъ также легко допустилъ изгнаніе революціонеровъ, какъ допустилъ и ихъ господство. Якобинцы сами открыли всѣ пути военному деспотизму; онъ установился тѣмъ удобнѣе, что революція, отвлекая національныя страсти отъ политической свободы, направила ихъ къ военной славѣ и завоеваніямъ. Иностранное вторженіе вернуло идею отечества къ ея первоначальной и естественной формѣ; побѣда пробудила въ душахъ дремавшіе старые инстинкты: стремленіе къ крестовымъ походамъ, страсть къ приключеніямъ, жажду несбыточнаго, духъ романтическаго рыцарства и богатырскаго эноса, которые таятся на днѣ души каждаго француза и которые каждое столѣтіе подновляются новой легендой.

Французскіе республиканцы считали себя космополитами, но они были ими только въ рѣчахъ; они чувствуютъ, мыслятъ, дѣйствуютъ, истолковываютъ свои универсальныя идеи и отвлеченныя принципы при помощи традицій воинственной монархіи, въ теченіе восьми вѣковъ создавшей Францію по своему образцу. Они отождествляютъ человѣчество съ собственною родиною, а свое національное дѣло—съ дѣломъ всѣхъ народовъ. Поэтому они, естественнымъ образомъ, смѣшиваютъ распространеніе новыхъ ученій съ расширеніемъ французскаго могущества, освобожденіе человѣчества—съ величіемъ республики, царство разума—съ владычествомъ Франціи, эманципацию народовъ—съ завоеваніемъ государствъ, европейскую революцію—съ господствомъ французской революціи въ Европѣ. Они слѣдуютъ импульсамъ всей французской исторіи, и это до такой степени вѣрно, что страны, которыя они стремятся сперва освободить, а затѣмъ покорить, присоединить, и дѣйствительно такъ легко сливающіяся съ Франціей, оказываются тѣми самыми, на которыя въ теченіе вѣковъ заявляли притязанія французскіе короли, методически подготовлявшіе ихъ аннексію. За предѣлами

ный секретъ торжества революціи. Въ бумагахъ этого самаго человѣка нашли «молитву солдата-республиканца». Въ ней прочли слѣдующее: «Боже Предвѣчный и Высшій Судія, Владыка судьбы всѣхъ людей... прими подъ святой покровъ Свой великодушный народъ, идущій на борьбу только во имя равенства...» LORÉDAN LARCHEY, *Mémoires patriotiques. Journal de marche du sergent Fricasse.*

Франціи они основываютъ подчиненныя имъ второстепенныя республики и держатъ ихъ подъ опекой, примѣняя къ нимъ, вмѣстѣ съ обычаями феодальныхъ сюзереновъ, то правило древнихъ республикъ, что только свободные граждане созданы для управленія окружающими народами.

Революція выродилась въ вооруженную пропаганду, а затѣмъ и въ завоеваніе; военная диктатура беретъ верхъ надъ гражданской; республика вынуждена опираться на внѣшнее могущество и жить военной силой. Въ концѣ концовъ эта сила вторгается и овладѣваетъ самою республикою. Эти заблужденія издавна были знакомы французскому народу. Углубляясь въ его исторію, начинаешь менѣе изумляться при видѣ того, какъ на разстояніи немногихъ лѣтъ этотъ народъ съ одинаковою страстностью бросался на столь противоположныя пути, проявлялъ такое постоянство въ самозащитѣ и такую неосмотрительность въ завоеваніяхъ, разрушая ихъ излишествомъ великіе результаты этой защиты. Если вспомнить о прославляемыхъ великихъ войнахъ пятнадцатаго вѣка, если обратить вниманіе на то, что французскіе короли, на другой день послѣ Столѣтней войны предприняли итальянскіе походы, то становится понятнымъ, какъ Бонапартъ, — привѣтствуемый народомъ потому, что побѣдилъ чужеземцевъ, заключилъ миръ, возстановилъ порядокъ, закрѣпилъ гражданскую революцію и обезпечилъ независимость республики прекрасными границами, — привязывается къ себѣ Францію, отнимая у нея ея свободу, и увлекаетъ ее въглубь Россіи, въ погоню за безразсуднымъ идеаломъ величія и блеска.

II.

Французская революція застала Европу врасплохъ. Европа безсильна противодѣйствовать ей, потому что неспособна понять ее. Не новизна факта и не внезапность событія смутили государственныхъ людей стараго порядка; французская революція перевертываетъ ихъ политическія понятія и разрушаетъ расчеты именно потому, что не удивляетъ ихъ. Они видятъ въ ней кризисъ, подобный многимъ другимъ, знакомымъ имъ по опыту или традиціи. Они судятъ о ней на основаніи ложныхъ аналогій и основываютъ свое отношеніе къ ней на превратныхъ заключеніяхъ. Въ Европѣ было не мало революцій, въ особенности въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкѣ; но ни одна изъ нихъ не принимала такого универсальнаго характера, какъ французская революція. Именно эта особенность и ускользнула отъ сознанія Европы въ началѣ революціи; но Европа продолжаетъ обманывать себя и тогда, когда событія должны были разсѣять всѣ ея иллюзіи. Это первоначальное заблужденіе и дальнѣйшая слѣпота объясня-

ются укоренившимися понятіями и сужденіями, составленными по старымъ примѣрамъ.

Европа смотритъ прежде всего на французскую революцію, какъ на чисто-внутренній кризисъ, парализующій французское государство. Она ищетъ средствъ, чтобы воспользоваться имъ, и поступаетъ, соображаясь съ прецедентами Ринелье, Мазарена и Людовика XIV, по отношенію къ Англіи, и съ прецедентами современныхъ правительствъ, относительно Польши. Между тѣмъ, во Франціи возникаетъ грозное общество, которое путемъ безчисленныхъ развѣтвленій распространяетъ по всей Европѣ подрывающее всякій авторитетъ ученіе. Европа видитъ въ якобинцахъ тѣхъ же іезуитовъ и дѣйствуетъ согласно съ такимъ сужденіемъ. Она ведетъ переговоры и основываетъ лигу, долженствующую задуть это общество въ его очагъ и изгнать отовсюду его эмиссаровъ и участниковъ. Но съ Франціей нельзя такъ легко справиться, какъ со Святымъ Престоломъ. Чтобы уничтожить якобинство, она принуждена вести борьбу съ могущественной, воинственной и издавна привыкшей къ военной дисциплинѣ націей. Духъ независимости и революціонный фанатизмъ удесятеряютъ силы Франціи: приходится вести противъ нея регулярную войну и организовать коалицію. Съ этой минуты каждый вноситъ въ эту коалицію свои притязанія, заднія мысли, интересы и взаимное недоверіе.

Разъединенная Европа успѣваетъ собрать лишь нестройныя арміи. Она пытается подѣйствовать на умы и прибѣгаетъ къ принципамъ. Но тѣ, на которые она ссылается, извѣстны исключительно по нарушеніямъ, которыми подвергались. Она противопоставляетъ праву народа право государей; но истолковываетъ это право по традиціи нѣсколькихъ вѣковъ зависти, посягательства на чужое достоинство, конфликтовъ, безпорядковъ и узурпацій. Европа говоритъ о правѣ, но дѣйствуетъ кознями и насиліемъ. Еще ни разу не сразившись съ врагомъ, союзники уже спорятъ о добычѣ. Побѣда ускользаетъ отъ нихъ; они стремятся лишь къ покрытію убытковъ, и предпріятіе является чисто барышническимъ, то есть сообразнымъ съ худшими обычаями стараго порядка.

Тогда Европа предлагаетъ Франціи миръ или покоряется необходимости получить этотъ миръ изъ ея рукъ. Франція хочетъ положить конецъ революціи, преобразовать государство, скрѣпить результаты своихъ побѣдъ; но какъ она ни могущественна, она не въ силахъ одна предписывать законы цѣлой Европѣ. Она восторжествовала надъ коалиціей только вслѣдствіе разъединенности послѣдней, и съ врагами, хотя и пришедшими въ уныніе, тѣмъ не менѣе приходится еще считаться. Не имѣя возможности уничтожить всѣ монархіи, она должна идти на компромиссы съ монархами. Она побѣдила своихъ враговъ, она преслѣдовала ихъ на ихъ собственной тер-

ритории, она сдѣлала блестящіе завоеванія; но для того, чтобы мирно пользоваться ими, надо договориться, а для этого необходимо вести переговоры и вернуться, такимъ образомъ, къ старымъ обычаямъ. Старый порядокъ и революція идутъ на сдѣлку, не относительно своихъ принциповъ, которые непримиримы между собою, а относительно матеріальныхъ границъ, которыя подвержены измѣненіямъ. Существуетъ лишь одно понятіе, по поводу котораго республиканская Франція и старая Европа еще могутъ придти къ соглашенію, это государственная польза. Она-то и регулируетъ ихъ соглашенія. Такъ какъ территории остались на прежнихъ мѣстахъ и притязанія государствъ не измѣнились, то всѣ традиции старой политики сами собою всплываютъ вмѣстѣ съ переговорами. Эти традиции слишкомъ хорошо согласовались съ замыслами революціонеровъ. Старо-европейскіе обычаи даютъ просторъ ихъ страстямъ. Имъ извѣстно, что въ этой побѣжденной ими и разединенной соперничествомъ Европѣ тотъ, на чьей сторонѣ сила, можетъ дѣлать все, что ему угодно и приказывать другимъ. Прецеденты указываютъ лишь на хрупкіе трактаты, неопредѣленные обязательства, постоянно возобновляющіяся войны, раздѣлы, кочующія династіи и внутреннія распри. Подобно всѣмъ политикамъ, съ которыми они имѣютъ дѣло, они воспитались въ школѣ Фридриха и Екатерины; поэтому они пользуются средствами и способами стараго порядка, въ пользу побѣжденной революціи. Они не разрушаютъ традицій этого порядка, а присваиваютъ ихъ себѣ. Они не вводятъ ничего новаго, а продолжаютъ старое. Европа охотно ведетъ съ ними переговоры, и среди этихъ сдѣлокъ не старое, а новое право подвергается опасности.

Россія и Пруссія обсуждали второй раздѣлъ Польши ранѣе, чѣмъ Франція объявила войну Австріи. Этотъ раздѣлъ совпадаетъ, по времени, съ первою коалиціей противъ Франціи; можно даже сказать, что онъ ея необходимое условіе... Раздѣлъ этотъ не могъ считаться средствомъ возстановленія, въ пользу сѣверныхъ державъ, равновѣсія, нарушеннаго завоеваніями Франціи. Этихъ завоеваній еще не существовало весною 1792 г., когда русскія войска вступили въ Польшу, а пруссаки рѣшили взять себѣ долю изъ ея владѣній¹⁾. Договоръ, заключенный союзниками, не только не имѣлъ цѣлью компенсацию за чрезмѣрное расширеніе Франціи, но снабженъ былъ тайнымъ дополненіемъ, въ которомъ заключался планъ раздѣла Франціи

¹⁾ Объявленіе войны съ Австріей послѣдовало 20-го апрѣля 1792 г. Первые свѣдѣнія о намѣреніяхъ Екатерины II относительно второго раздѣла Польши и переговоровъ съ Пруссіей встрѣчаются въ отчетахъ прусскаго посланника при петербургскомъ дворѣ отъ 3 и 29 февраля того же года. Рѣшеніе короля прусскаго, по поводу начатія переговоровъ, относится къ 12 марта. 30 апрѣля Екатерина отдала приказъ о вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу. HERRMANN *Diplomatische Correspondenzen*, Gotha 1867.

въ пользу союзниковъ²⁾. Напротивъ, именно Франція, во время переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію мира въ 1795 г. увидѣла передъ собою громадное перемѣщеніе власти, какъ слѣдствіе раздѣла 1793 г. и того, который довершилъ его въ 1795 г.³⁾ Именно Франція, согласно съ обычаемъ стараго порядка и основываясь на ученіи о равновѣсіи, имѣла право требовать расширенія, могущаго обезпечить за нею степень вліянія, которымъ она пользовалась въ Европѣ въ прежнее время. Она это и сдѣлала, а такъ какъ у нея были въ рукахъ территории, которыя она намѣревалась оставить за собою, то дѣло и не представило затрудненій. Но такъ какъ эти территории оказались весьма обширными, то прочія державы, въ свою очередь, потребовали эквивалента, и Франція изъявила на то согласіе.

Договоры республики и имперіи трактуютъ не объ однихъ завоеваніяхъ; въ нихъ идетъ рѣчь о раздѣлахъ и компенсацияхъ. Въ этомъ отношеніи они ни въ чемъ не противорѣчатъ обычаю европейскихъ монархій; противорѣчатъ они только духу французской революціи. Поддаваясь на этотъ торгъ, являвшійся единственнымъ средствомъ сохранить завоеванное, Франція нарушала свой основной принципъ—верховную власть народа. Населенія, предоставленныя ею другимъ государямъ, остаются подчиненными старому режиму: ихъ не спрашиваютъ, желаютъ ли они перемѣнить властителей. И однако таково могущество идеи, таково одряхлѣніе старо-европейскаго права и такова сила распространенія новаго, что принципы революціи овладѣваютъ, нѣкоторымъ образомъ, Европою этимъ окольнымъ путемъ и одерживаютъ верхъ путемъ тѣхъ самыхъ сдѣлокъ, которымъ, казалось, они приносились въ жертву. Такой переворотъ въ Европѣ, совершившійся согласно съ обычаемъ стараго режима, долженъ былъ неминуемо поддерживать этотъ режимъ.

Въ странахъ, присоединенныхъ Франціей къ своей территоріи или конституированныхъ ею по своему образцу, она провозглашала свои принципы, упраздняла феодальную систему и вводила свои законы. Послѣ неизбежныхъ во время войны безпорядковъ и излишествъ завоеванія, эта ре-

²⁾ Эти планы раздѣла совпадаютъ во времени съ первыми попытками коалиціи. Уже 28 іюля 1791 г. прусскій король писалъ своему представителю въ Вѣнѣ о томъ, что слѣдуетъ обсудить съ Австріей вопросъ о возможномъ покореніи Эльзаса и Лотарингіи. HERRMANN, SYBEL. См. у VIVENOT, въ *Quellen zur deutschen Politik Oesterreichs*, Wien, 1874, протоколъ министерской конференціи 17 іюля 1792 г., въ которомъ идетъ рѣчь о присоединеніи къ Австріи Геннегау или Фландріи, или же Страсбурга и Эльзаса.

³⁾ Трактатъ о второмъ раздѣлѣ Польши между Россіей и Пруссіей 23 января 1793 г.; трактатъ о третьемъ раздѣлѣ между Россіей и Австріей 3 января 1795 г. Базельскій трактатъ, заключенный между Франціей и Пруссіей 5 апрѣля 1795 г.

волюція была благодѣніемъ для покоренныхъ народовъ. Вотъ почему завоеванія республики не слѣдуетъ смѣшивать съ завоеваніями стараго порядка. Они отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что несмотря на злоупотребленіе принципами и на уклоненія отъ провозглашенныхъ революціей идей, Франція все-таки имѣла въ виду благо народовъ. Народы были, помимо своего вѣдома, главною живою силой, главнымъ содержаніемъ исторіи: французская революція призвала ихъ къ самосознанію и подготовила ихъ сознательное существованіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Франція не совершала этого своими руками, она вызывала этотъ результатъ косвеннымъ образомъ.

Уничтожая мелкія государства, объединяя подъ властью одного правительства народы, связанные общностью происхожденія и нравовъ, Франція уменьшала въ Европѣ число раздроблявшихъ народы границъ и въ то же время пропагандировала идеи, всего болѣе способныя произвести подобное объединеніе. Когда исчезла анархія и организовалась умиротворенная республика, Франція собственнымъ примѣромъ указала Европѣ, что наиболѣе драгоцѣнныя для народовъ реформы прямо выгодны и для государствъ; что главнѣйшее дѣло революціи, то, которое сдѣлало ее столь популярной и могущественной—отмѣна феодальнаго строя—не только не потрясло власти, а благоприятствовало ея сосредоточенію и твердости; что слѣдовательно ничего нѣтъ легче для государей, какъ явиться самимъ освободителями своихъ народовъ и устранить такимъ образомъ причины революціи; что управлять народами возможно будетъ не иначе, какъ въ качествѣ ихъ представителей; наконецъ, что будущее принадлежитъ тѣмъ, кто, умѣя различать великія историческія теченія, сумѣетъ воспользоваться ихъ силою. Такимъ-то путемъ французская революція привела къ замѣчательному упрощенію карты Европы, и вмѣсто распространенія всеобщей анархіи и общаго возстанія народовъ противъ монарховъ она содѣйствовала, напротивъ, увеличенію могущества государствъ и преданности націй государямъ.

Новыя перспективы открывались передъ Европой: она была къ нимъ подготовлена. Ученія восемнадцатаго вѣка, возбуждшія во Франціи революцію, въ Европѣ привели къ просвѣщеннымъ монархическимъ правительствамъ. Ко времени 1789 г. Европа тяготѣла къ просвѣщенному абсолютизму; Франція вернулась къ нему при консульствѣ Бонапарта. Въ этой-то формѣ утверждалась, повидимому, революція; въ этой-то формѣ и Европа поняла ее и стала ей подражать. Государя, усвоившіе французскія реформы, и народы, съ благодарностью принимавшіе эти реформы изъ ихъ рукъ, слѣдовали импульсу, данному всѣмъ восемнадцатымъ вѣкомъ.

Франція не только побѣдила Европу, она сдѣлала лучше: она ее преобразила. Французская цивилизація, подготовившая побѣды французскихъ армій, пережила военные успѣхи. Она пробила пути, по которымъ наши

войска проникли въ Европу; отступая, эти войска открыли для французской революціи еще болѣе широкій и глубокій доступъ. Побѣдоносные, въ самомъ своемъ пораженіи, французы привили свои идеи даже тѣмъ народамъ, которые возставали противъ ихъ господства. Они потрясли своею политикою старыя границы лишь для того, чтобы преобразовать своими идеями устарѣлые законы. Наиболѣе враждебные революціи государи, наиболѣе энергично стремившіеся локализовать ее во Франціи для того, чтобы поразить однимъ ударомъ, увидѣли, по возвращеніи изъ своего крестового похода, что эта революція пустила ростки на землѣ ихъ собственныхъ государствъ, которую такъ долго вспахивали французскія арміи, орошая свою кровью. Французская революція не переставала быть поводомъ къ борьбѣ между Франціей и Европой,—борьбѣ, послужившей лишь къ тому, чтобы зародить на европейскомъ континентѣ ту политическую и социальную революцію, которая менѣе чѣмъ въ полвѣка измѣнила весь строй европейскихъ государствъ.

III.

Но и самые успѣхи революціи и французскаго могущества имѣли свои предѣлы. Вся мощь революціи во Франціи происходила отъ ея національнаго характера; тотъ же характеръ національности и ту же силу вызвала революція и у другихъ европейскихъ народовъ. То самое чувство, которое доставило побѣду французамъ повсюду, гдѣ они только распространяли свои принципы, возбуждало въ народахъ страсть къ независимости, а слѣдовательно и стремленіе свергнуть чужеземное иго, хотя бы то было иго освободителей. Эти народы такъ же ревниво оберегали свои прерогативы, такъ же нетерпѣливо жаждали славы, такъ же тревожились за свои интересы, стояли за свою честь и престижъ, какъ и французы.

Ни одинъ изъ этихъ народовъ, слушая рѣчи о «Правахъ человѣка» и верховной власти народа, не думалъ объ отвлеченномъ человѣкѣ, лишенномъ тѣла и души, объ идеальной націи безъ территоріи и обитателей; ни одинъ изъ нихъ не бросался въ погоню за призракомъ, метафизической свободы среди неосязимаго человѣчества. По примѣру французовъ каждый народъ принялъ великія идеи, брошенныя ими въ міръ, на основѣ уже накопленныхъ понятій и облекалъ ихъ въ образы, собранные и унаслѣдованные отъ предыдущихъ поколѣній; онъ питалъ ихъ, такъ сказать, своею кровью и давалъ имъ жизнь лишь для того, чтобы одушевить ихъ всѣми страстями, свойственными его расѣ.

Вслѣдствіе столкновенія притязаній и историческихъ интересовъ, самихъ требованій жизни и особенностей характеровъ, эти страсти боролись въ теченіе вѣковъ; борьба, которую глухо вели между собою народы подъ

покровомъ соперничества своихъ государей, продолжалась между ними непосредственно, а потому еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ. Такимъ-то образомъ революція, опиравшаяся на общечеловѣческія начала и приглашавшая въ свое идеальное государство гражданъ всего міра, замѣнила сравнительно космополитическую Европу восемнадцатаго вѣка пламенно-національною, но и такъ глубоко разъединенною Европою девятнадцатаго столѣтія. Франція пострадала отъ этого и въ своихъ интересахъ, и въ своей славѣ. Вокругъ нея возникли державы-соперницы, которыя, послѣ того какъ оспаривали у нея преобладаніе, составили для нея грозную конкуренцію. Такъ какъ языкъ есть одно изъ главныхъ проявленій національности, то, вслѣдствіе самаго распространенія французскихъ идей, вліяніе и престижъ французской рѣчи ослабѣли въ Европѣ, а столкновения между народами выразились въ конфликтахъ изъ-за преобладанія языка.

Но эта европейская революція была изнанкой французской. Ей недоставало именно того, что составляло оригинальную сторону Франціи въ этомъ грандіозномъ эпизодѣ, того, что осталось причиною ея величія и въ то же время извиненіемъ ея заблужденій: недоставало энтузіазма, великодушнаго порыва и вѣры въ то, что работаешь для блага всѣхъ. Подражатели думали только о себѣ самихъ: какъ ни было законно ихъ стремленіе къ независимости, какъ ни была велика преданность отдѣльныхъ лицъ, служившихъ національному дѣлу, это дѣло носило отгѣнокъ чего-то завистливаго и жесткаго, какой-то осадокъ злопамятства и ферментъ алчности, которые затемняютъ и унижаютъ его: недоставало свѣтлаго луча безкорыстія. Правда, этотъ лучъ свѣтилъ во Франціи только на зарѣ бурнаго и мрачнаго дня, но какъ ни было преходяще и недолговременно его сіяніе, отъ него остался отблескъ, освѣщающій всю эту эпоху и дѣлающій ее однимъ изъ самыхъ обаятельныхъ моментовъ въ исторіи всего человѣчества. Утѣшеніемъ и честью Франціи служить то, что даже въ ту минуту, когда на нее бросались какъ на дикаго звѣря, ненавидѣли и отрегались отъ нея, европейскіе народы тѣмъ не менѣе, помимо своей воли, испытывали ея вліяніе и, такъ сказать, вырывали у нея самой оружіе, которымъ боролись съ нею. Въ ту самую минуту, когда они обращали противъ нея ея же посѣянные идеи свободы и національной независимости, они слѣдовали однако великодушному импульсу ея духа.

Къ тому же эти горькія неудачи, эти жестокія ошибки и обратное движеніе революціи противъ Франціи не имѣли въ себѣ ничего неизбежнаго. Ничто въ широкомъ теченіи, которое несло французскую мысль, не вызывало этого безпорядочнаго отлива водъ. Въ великихъ положеніяхъ 1789 г. не было ничего несовмѣстимаго со всеобщимъ миромъ, ничто не мѣшало существованію могущественной, благоденствующей и сво-

бодной Франціи среди Европы, мирно приглашаемой послѣдовать ея примѣру. Франція до 1789 года была самымъ населеннымъ, богатымъ и счастливымъ по своему составу государствомъ; она обѣщала сдѣлаться и самымъ свободнымъ, поддерживая оказываемое ею вліяніе на Европу добрымъ примѣромъ благотѣльныхъ реформъ. Ея престижъ могъ только усиливаться съ теченіемъ времени. Именно этого и ожидалъ Мирабо, когда писалъ въ 1790 г. строки, въ которыхъ резюмируются лучшія надежды современниковъ: «Рано или поздно, непреодолимое вліяніе 24-хъ миллионнаго народа, говорящаго на одномъ языкѣ и сводящаго социальное устройство къ простымъ понятіямъ свободы и справедливости, обладающимъ неотразимымъ обаяніемъ для человѣческаго сердца и находящимъ миссіонеровъ и прозелитовъ во всѣхъ краяхъ міра,—вліяніе такого народа, безъ сомнѣнія, завоеуетъ всю Европу въ пользу истины, умѣренности и справедливости, но, конечно, не всю одновременно, не въ одинъ часъ и не въ одно мгновеніе».

Идеи сами по себѣ и однимъ своимъ воздѣйствіемъ должны были покорить весь міръ. Такой замыселъ исключалъ всякую мысль о войнѣ. Въ этомъ существенномъ пунктѣ принципы революціи согласовались съ опытомъ наиболѣе проницательныхъ и разумныхъ политиковъ. Это и было понято людьми 1789 года, когда они поставили основнымъ закономъ государства, что Франція не нападетъ ни на одинъ народъ, если не нападутъ на нее самоѣ, и что она отказывается отнынѣ отъ какихъ-либо войнъ, имѣющихъ цѣлью завоеваніе. Революцію 1789 года можно было весьма легко примирить съ политикою какого-нибудь Генриха IV и Ришелье, но ее нельзя было согласовать съ тенденціями Людовика XIV и Лувуа. Странная судьба французской революціи сдѣлала то, что эта революція обратилась во вредъ Франціи, какъ только сами французы нарушили одинъ изъ ея принциповъ и превратили ее въ орудіе господства и завоеванія.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	50, строка	6 людовика	вмѣсто Людовика
"	69	5 быѣ	" былѣ
"	81	22 указываетъ	" указываютъ
"	82	27 свой	" своей
"	96	27 сдѣлать болѣе	" сдѣлать людей болѣе
"	97	13 намѣреніяхъ	" намѣреніямъ
"	111	39 желалъ	" желала
"	179	17 HANOUDX	" HANOUDX
"	190	42 RENE	" RENE
"	202	22 Фланція	" Франція
"	238	4 личше	" лучше
"	290	11 немократовъ	" демократовъ
"	—	22 довый	" новый
"	348	10 правительства	" правительства
"	—	26 поторыя	" которыя
"	399	8 становится	" становится
"	400	2 изъ	" ихъ

КАТАЛОГЪ ИЗДАНИЙ Д. Ф. ПАНТЕЛѢВА. 1877—1892 гг.

АНТРОПОЛОГІЯ

ТОПИНАРА. Переводъ подъ редакціею профессора И. И. Мечникова. Съ 52 рис. въ текстѣ. 435 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 30 к.

ИСТОРІЯ МАТЕРІАЛИЗМА

И КРИТИКА ЕГО ЗНАЧЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Фр. Альб. ЛАНГЕ. Перев. съ 3-го нѣм. изд. Н. Н. Страхова.

Томъ I-й: Исторія матеріализма до Канта. 398 стр.

Томъ II-й: Исторія матеріализма послѣ Канта. 495 стр.

Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

Сочиненія **ДАВИДА РИКАРДО.** Пер. Н. Зиберъ, съ приложен. переводчика. 685 стр. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ИСТОРІЯ ТЕОРИИ СТАТИСТИКИ.

Въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Этингена и Швабе. Пер. съ нѣм. подъ редакціею и съ дополненіями проф. Янсона, съ 3-мя таблицами чертежей, 270 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

В. А. ЗАЙЦЕВЪ.

РУКОВОДСТВО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРІИ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ВОСТОКА.

Съ 4 картами, 2 таблицами іероглифическихъ и клинообразныхъ письменъ, 287 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ЗАПАДА.

Злиинская эпоха, съ 2 картами. 646 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

ОСНОВЫ НАУКИ.

ТРАКТАТЪ О ЛОГИКѢ И НАУЧНОМЪ МЕТОДѢ.

СТЕННИ ДЖЕВОНСА.

Пер. съ англ. М. А. Антоновича. 735 стр. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Ст. Джевонсъ. **ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕВНИКЪ ЛОГИКИ** дедуктивной и индуктивной, съ вопросами и примѣрами. Пер. съ англ. М. А. Антоновича. 336 стр. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

ЗВУКЪ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія звука, для всѣхъ возрастовъ. Альфреда Маршалла Майера. Съ 60 рисунками. Перев. съ англ. М. А. Антоновича. 165 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

СВѢТЪ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія свѣта, для всѣхъ возрастовъ. А. Майера и Барнара. Съ 29 рис. Пер. съ англ. М. А. Антоновича. 84 стр. Ц. 50 к. съ пересланою 65 к.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ КОСМОСЪ.

Лекція Роско: Изъ чего составлена земля. — Лонаеръ: Почему таковъ составъ земли, каковъ онъ есть. — Уильямсонъ: Послѣдовательность жизни на землѣ. Съ 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

О НОВѢЙШИХЪ УСПѢХАХЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.
Лекціи проф. Эдинб. унив. П. Г. Тэта. Пер. под редакц. И. М. Стенова.
Съ 24 рис. въ текстѣ. 339 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

СЕРІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ УЧЕБНИКОВЪ.

Переводъ съ англійскаго М. А. Антоновича.
Введеніе. Проф. Генсли. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—**Химія.** Проф. Роско.
Съ 36 рис. въ текстѣ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.—**Физика.** Проф. Бальф.
Стьюарта. Съ 48 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.—**Физическая**
географія. Проф. Гейки. Съ 20 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к.
Геологія. Проф. Гейки. Съ 46 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.
Физиологія. Д-ра Фостера. Съ 18 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.
Астрономія. Нормана Лонаера. Съ 48 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

ПРАКТИЧЕСКІЯ РАБОТЫ ПО БОТАНИКѢ И ЗООЛОГІИ.

ГЕНСЛИ И МАРТИНА. Пер. съ англ. А. Я. Гердъ.
Ц. 1 руб. 25 коп., съ пер. 1 руб. 50 коп.

КРАТКІЙ КУРСЪ ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЯ.

Составилъ А. Я. Гердъ.
Удостоенъ преміи Императора Петра Великаго и въ первомъ
изданіи одобренъ какъ руководство для гимназій. Въ 3 част. съ 207
рисунк. въ текстѣ. Изд. 4-е. 257 стр. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

ОПЫТНАЯ МЕХАНИКА. С. С. ВОЛЬ

Курсъ лекцій, чит. въ Корол. Ирл. Кол. Наукъ. Пер. съ англ. подъ ред.
Н. Н. Любавина. Съ 100 рис. въ текстѣ. 358 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

УЧЕБНИКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

Проф. А. Гейки. Пер. съ англ. А. Я. Гердъ. Съ 78 рис. въ текстѣ и
10 картин. въ прилож. 370 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ГИМНАСТИКА ГОЛОСА, ОСКАРА ГУТМАНА.

ОСНОВАННАЯ НА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАКОНАХЪ.
Руководство къ упражненію и правильному употребленію органовъ рѣчи и пѣнія.
128 стр. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

О ПСИХОМОТОРНЫХЪ ЦЕНТРАХЪ

И РАЗВИТІИ ИХЪ У ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.
Проф. И. Р. Тарханова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ЛЕКЦІИ ОБЩЕЙ ТЕРАПІИ. Проф. В. МАНАССЕЙНА.

Часть 1-я. 268 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

ДОМАШНІЙ УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ.

Д-ра Курвуазье. Съ предисл. проф. Манассейна. Съ рис. въ текстѣ.
Пер. съ 3-го нѣмецк. изд. М. Ловцовой. Ц. 75 к., съ перес. 85 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕЙ ФИЗИОЛОГІИ.

Кратко и общедоступно изложенные В. Прейеромъ, ординарн. проф. фи-
зиологіи. Пер. И. Р. Тарханова. 265 стр. Ц. 1 р. 25 к., съ перес.
1 р. 50 к.

БЕСѢДЫ О ЗЕМЛѢ И ТВАРЯХЪ НА НЕЙ ЖИВУЩИХЪ.

Проф. А. Н. Бекетова. Изд. 5-е, съ 18 рис. въ текстѣ. Ц. 80 к., съ
перес. 1 руб.

НАРОДЫ ТУРЦІИ.

Двадцать лѣтъ пребыванія среди болгаръ, грековъ, албанцевъ, турокъ и
армянъ. Пер. съ англ. 300 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

И. П. МИНАЕВЪ. ОЧЕРКИ ЦЕЙЛОНА И ИНДІИ.
ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО.

2 части. 522 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

О ПОГЛОЩЕНІИ УГОЛЬНОЙ КИСЛОТЫ СОЛЯНЫМИ РАСТВОРАМИ И КРОВЬЮ
И. М. Стенова. 164 стр. больш. форм. Ц. 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

СКОВОДОДСТВО.

Заттегаста. Перев. подъ редакціею Д-ра О. А. Гримма. 2 тома.
съ 200 рис. въ текстѣ. Ц. 7 руб. съ пересылкою.

Е. СМАЙЛЬСЪ.

ИСТОРІЯ ШОТЛАНДСКАГО НАТУРАЛИСТА

Томаса Эдварда.

Перев. С. И. Смирновой. 163 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ЕГО НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ.

А. Н. Бекетовъ. Ц. 50 коп., съ пересылкою 60 к.

ЛИНГВИСТИКА.

Абея Овелана. Переводъ съ франц. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ЭМБРИОЛОГІИ.

Фостера и Бальфура. Съ 70 рисунк. Пер. съ англ. подъ ред. О. А. Грима
350 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

ШЕСТИ ЛЕКЦІЙ, ЧИТАННЫХЪ ВЪ КОРОЛЕВСКОМЪ ИНСТИТУТѢ ВЪ 1873 г., и
единство исторіи.

Лекціи, читанныя въ Кембриджскомъ университетѣ, Эд. Фримана. Перев. съ
англ. Н. Коркунова. 376 стр. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою 2 р. 80 к.

М. ФОСТЕРЪ. НАЧАЛЬНЫЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗИОЛОГІИ.

Пер. съ англ. С. В. Пантелѣевой. 233 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

О НЕНОРМАЛЬНОСТИ МОЗГОВОЙ ЖИЗНИ

современнаго культурнаго человѣка. М. М. Манассейной. Ц. 1 р. 25 к.

Клауіусъ. О запасахъ энергіи въ природѣ. пер. Флуигъ; ц. 30 к.

БЛЕРКЪ-МАЕСУЭЛЛЬ.

МАТЕРІЯ И ДВИЖЕНІЕ.

Пер. съ англійск. М. А. Антоновича. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

РУДОЛЬФЪ АРЕНДЪ. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ХИМІИ

Съ 178 рис. въ текстѣ, пер. съ нѣм. подъ ред. проф. Тавилдарова. Ц. 1 р. 50 к.
съ пер. 1 р. 70 к.

В. Карпентеръ.

ЭНЕРГІЯ ВЪ ПРИРОДѢ.

Пер. съ англійск., съ 81 рисунк. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.
Грантъ Алленъ. Ч. Дарвинъ. Пер. съ англ. подъ ред. А. Н. Энгельгардта
Ц. 1 р. 50 к.

О. А. ШТОФФЪ. (Женщина-врачъ.)
УХОДЪ ЗА РЕБЕНКОМЪ ВЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЕГО ЖИЗНИ.
Практическіе совѣты матерямъ. Ц. 50 к.

Г. Д. ВАХТЕЛЬ. РУКОВОДСТВО КЪ ТЕХНИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ.
Цѣна 5 р.

РЭМСЕНЪ. ВВЕДЕНІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ СОЕДИНЕНІЙ УГЛЕРОДА.
(Органическая химія.) Пер. Н. С. Дрентельна. Ц. 2 р.

П. ТЭТЪ. СВОЙСТВА МАТЕРІИ.
Перев. съ англ. И. М. Стѣнова. Ц. 2 р. 50 к.

Баллингъ, К. Новѣйшіе способы изслѣдованія продуктовъ горнозаводскаго
промысла. Пер. К. Флугъ. Ц. 2 р.

Вахтель Г. Д. Руководство къ техническому анализу. Подъ ред. проф.
Спб. Технолог. Инст. Н. И. Тавилдарова. Цѣна 5 ру.

Вейсбахъ, А. Таблицы для опредѣленія минераловъ по внѣшнимъ при-
знакамъ, пер. С. И. Серебренникова. Ц. 1 р. 50 к.

Гердъ, А. Я. Учебникъ географіи. Ч. I. Общій обзоръ земного шара. Ц. 50 к.
Ч. II. Азія. Ц. 50 коп. Ч. III. Австралія, Полинезія, Африка
и Америка. Ц. 75 к. Ч. IV. Европа. Ц. 75 к.

" " " Краткій курсъ всеобщей географіи. Ц. 25 к.

" " " Міръ Вожій. Книжка I. Земля, воздухъ и вода. Для
учащихся въ начальной школѣ. 2-е изд. Съ 42 рисунками. Ц. 40 коп.

Гуржеевъ, С. М. Учебникъ механики. Ц. 1 р. 50 к.—Прикладная меха-
ника. Ц. 2 р. 50 к.

Дамскій, А. В. Равенства химическихъ превращеній. Повторительный
курсъ по неорганической химіи. Ц. 1 р.

Лоджъ, О. Современные взгляды на электричество. Ц. 1 р. 50 к.

Лёббокъ. Цвѣты, плоды и листья. Съ предисловіемъ профессора А.
Бекетова. Переводъ съ англійскаго А. Гердъ. Цѣна 1 р. 25 к.

Стѣновъ, И. М. Физиологія нервныхъ центровъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Тавилдаровъ, Н. И., проф. Спб. Технол. Инстит. Химическая технология
сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Томъ I съ 40 таблицами полиטיפа-
жей, томъ II съ 36 табл. полиטיפажей. Цѣна за два тома 8 р.

Уффельманъ, Юлій. Руководство частной и общественной гігіены ре-
бенка. Пер. съ нѣм. подъ ред. приватъ-доцента В. Ф. Якубовича. Ц. 2 р.
50 к.

Эммингаусъ. Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Пере-
водъ съ нѣмецкаго В. Ф. Якубовича. Цѣна 2 р.

Якубовичъ, В. Ф. Руководство къ діагностикѣ дѣтскихъ болѣзней и
способамъ изслѣдованія дѣтей. Цѣна 2 р.

(См. продолженіе на обложкѣ).

Складъ изданій Л. Ф. Пантелѣева въ книжной торговлѣ Н. П.
Карбасникова. С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 46

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 11 января 1892 г.

Гипографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая № 27.

